

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2017

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Р. Ю. Данилевский. Вильгельм Гауф в русской литературе (к 215-летию со дня рождения писателя)	5
В. А. Котельников. «Немецкий текст» в жизни и творчестве А. К. Толстого (к 200-летию со дня рождения поэта)	22
ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	
С. А. Кибальник. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения	40
Н. А. Тарасова. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864—1865 годов)	51
В. Н. Захаров. Полемиические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове	61
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА	
Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1929—1932) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского)	70
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ	
Н. А. Хохлова. Об А. Д. Алексееве (к 95-летию со дня рождения)	113
О. С. Муравьева. В. Э. Вацуро: концептуальные аспекты творчества.	120
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
А. Г. Бобров, А. М. Введенский. Летопись Авраамки: проблемы изучения	126
Николетта Марчалис (Италия). Александр, Ганнибал и Сципион: Разговор XII Лукиана Самосатского между Никола Перро д'Абланкур и М. В. Ломоносовым	143

А. И. Шеля (<i>Латвия</i>). Салон С. Д. Пономаревой и истоки «русской песни» 1820-х годов	149
А. Ю. Балакин , И. А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича (новые материалы)	162
М. М. Павлова . К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2	166
Г. В. Обатнин . К характеристике творческого пути В. В. Бородаевского (по архивам Ф. К. Сологуба и сестер Чеботаревских)	194
В. Б. Зусева-Озкан . Образ девы-воительницы в творчестве М. И. Цветаевой	212
Е. Р. Пономарев . От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям». Эмигрантское творчество И. А. Бунина в свете последних текстологических изысканий	228

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Д. М. Буланин . Лицевые апокалипсисы в Библиотеке Российской Академии наук	239
С. В. Березкина . Жанр «летописания» в науке о Пушкине	245
А. В. Крусанов . «Муза» Маяковского как объект научного изучения	248
О. Е. Осовский . «У меня еще остались родственники и однофамильцы в России, потому я настаиваю на псевдониме»: вымышленные имена русской эмиграции «первой волны»	250

ХРОНИКА

Т. Н. Галашева . Пятые Лихачевские чтения	252
С. В. Денисенко . Четвертая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все секреты мира: тайны в литературе и искусстве»	260
Ф. В. Панченко . Международная научная конференция «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания»	264
Памяти Сергея Георгиевича Бочарова	272
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2017 году	274

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс: (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

- © Российская академия наук, 2017
- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2017
- © Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2017
- © Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2017

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2017

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
R. Yu. Danilevsky. Wilhelm Hauff in the Russian Literature (Commemorating the 215 th Anniversary of the Writer's Birth)	5
V. A. Kotelnikov. «The German Text» in A. K. Tolstoy's Life and Literary Career (Commemorating the 200 th Anniversary of the Poet's Birth)	22
FROM F. M. DOSTOYEVSKY'S NOTEBOOKS	
S. A. Kibalnik. Notebooks as a Source for Annotating and Interpreting a Work of Literature	40
N. A. Tarasova. Critique of a Text and the Problem of «Difficult Readings» (Case Study of the Draft Notes of 1864—1865)	51
V. N. Zakharov. F. M. Dostoyevsky's Polemical Notes on N. N. Strakhov.	61
150 th ANNIVERSARY OF K. D. BALMONT'S BIRTH	
K. D. Balmont's Letters to I. S. Shaykovich (1929—1932) (Foreword, Editing and Comments by K. M. Azadovsky)	70
HISTORY OF THE RUSSIAN SCHOLARSHIP	
N. A. Khokhlova. About A. D. Alexeyev (Commemorating the 95 th Anniversary of Birth)	113
O. S. Muravyova. V. E. Vatsuro: Conceptual Aspects of His Creative Career	120
RELEASES AND REPORTS	
A. G. Bobrov, A. M. Vvedensky. Avraamka's Chronicle: Research Issues	126
Nicoletta Marcialis (<i>Italy</i>). Alexander, Hannibal and Scipio: Lucian of Samosata's Dialog 12 Between Nicolas Perrot D'Ablancourt and M. V. Lomonosov	143

A. I. Shelia (<i>Latvia</i>). S. D. Ponomaryova's Salon and the Sources of the «Russian Song» of the 1820s.	149
A. Yu. Balakin . I. A. Goncharov as the Tutor of Grand Duke Konstantin Konstantinovich (New Data)	162
M. M. Pavlova . A Case Study of the Merezhkovskys' Neo-Christian Community (Through the «Diaries» of T. N. Gippius). Article 2	166
G. V. Obatnin . Milestones of the Creative Career of V. V. Borodayevsky (Archives of F. K. Sologub and the Chebotarevsky Sisters)	194
V. B. Zuseva-Ozkan . The Persona of a Woman Warrior in the Works by M. I. Tsvetayeva	212
E. R. Ponomaryov . From <i>The Life Of Arsenyev to Dark Avenues</i> . Emigree Works by I. A. Bunin in the Light of the Recent Textual Studies	228

REVIEWS

D. M. Bulanin . Illustrated Apocalypses in the Library of the Russian Academy of Sciences	239
S. V. Beryozkina . The Genre of the «Chronicle» in Pushkin Studies.	245
A. V. Krusanov . Mayakovsky's «Muse» as the Object of Academic Research	248
O. Ye. Osovsky . «I Still Have Relatives and Namesakes in Russia, That's Why I Insist on the Pseudonym»: Pennames of the Russian «First Wave» Emigrees	250

NEWSREEL

T. N. Galasheva . 5 th Likhachev Conference	252
S. V. Denisenko . <i>All the Secrets of the World: Mysteries in Literature and Art</i> Fourth April International Interdisciplinary Conference	260
F. V. Panchenko . <i>The Slavic Bible in the Early Printing Period</i> International Conference	264
In Memoriam Sergey Georgiyevich Bocharov	272
Index of Contributions to <i>Russkaja Literatura</i> , 2017	274

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO,
Vyach. Vs. IVANOV, *J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT,*
V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN,
WENFEI LIU, A. A. ZALIZNIAK

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), *A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,*
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV,
M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV,
T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034
Phone/fax: (812) 328-16-01; e-mail: ruslitter@mail.ru

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(К 215-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)*

«Молодой человек с талантом» — эти слова В. Г. Белинского были первыми словами, сказанными в печати на русском языке (в 1836 году) по поводу человека, о котором пойдет речь. Произведения Вильгельма Гауфа (1802—1827), немецкого писателя двадцатых годов позапрошлого столетия, читали в России в переводах и, разумеется, в подлиннике. Не все его произведения приобрели у нас широкую известность, однако свою долю славы Гауф в России получил. Обычный российский читатель знает о нем не очень много, зато знает, кажется, с детства. Сказки «Халиф-аист», «Карлик Нос», «Маленький Мук», новеллы «Молодой англичанин» и «Холодное сердце» — вот всё, что более или менее начитанные люди в России начиная со второй половины XIX века и до нынешнего времени связывали и связывают с именем Гауфа, иногда даже забывая это имя, но помня сами сказки.

Быстро промелькнули и эта жизнь, уложившаяся в двадцать пять лет, и творчество, на которое было отведено Гауфу и того меньше — всего каких-нибудь три с небольшим года. Обычно такие судьбы сравнивают с кометами, падающими звездами; арсенал метафор богат.¹ Это звучит трогательно, но несколько пренебрежительно по отношению к молодой душе, невероятным напряжением внутренних творческих сил стремящейся выразить свое отношение к миру, который суждено ей вскоре покинуть. Старый и довольно бессмысленный спор о том, умер ли поэт, так сказать, вовремя или же до срока, можно разрешить очень просто, сказав лишь: «аще написахъ — написахъ», как выразился древнерусский книжник.

Вильгельм Гауф сделал, что мог, но всё или не всё — вопрос праздный. Мы знаем о его неосуществленных замыслах, но были бы эти произведения — например, задуманный им роман о тиро́льском народном герое Андреасе Хофере — лучше того, что Гауф успел написать, — остается неизвестным. Будем довольствоваться тем, что оставил нам молодой талант, а оставил он немало, при его фанатической работоспособности, и среди этого наследия имеется несколько произведений, которые вошли в сокровищницу мировой литературы.

Жизнь Гауфа промелькнула на фоне такого колоссального явления, как творчество И. В. Гете. Он родился более чем на полстолетия позже Гете и умер на пять лет раньше него. Проза Гауфа, как вся вообще немецкая проза XIX и даже XX века, не избежала влияния Гете, но для Гауфа был не менее значим опыт немецкого романтизма и более ранних крупных явлений «чувствительной эпохи» — иронической прозы К. М. Виланда и Жан-Поля (Рихтера).²

Ростислав Юрьевич Данилевский — главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00093).

¹ Ср.: *Келер Вл.* Прекрасная весна, у которой не было осени // Гауф В. Сказки. Л., 1979. С. 5—13.

² В предисловии В. Гауфа к сборнику его новелл (1827) перечисляются его предшественники в этом жанре — Лопе де Вега, Дж. Боккаччо, И. В. Гете, П. Кальдерон, Л. Тик, В. Скотт,

Принято приписывать Гауфа к так называемой швабской школе поэтов (Г. Шваб, Ю. Кернер, Л. Уланд и др.), для которой был характерен интерес к прошлому малой родины, проникновенный задушевный лиризм и своеобразная бюргерская народность. Впрочем, определенная узость мировоззрения швабской школы вызывала справедливые насмешки современников, прежде всего — великого Г. Гейне («Швабское зеркало», 1838).

Гауф в общем не прославился как поэт, однако несколько его стихотворений стали народными песнями, и одно это говорит о многом — о том, что Гауф-стихотворец также внес свой посильный вклад в немецкую национальную культуру.

Гауф и поэты швабской школы представляли своим творчеством эпоху бидермейера, которая приходится на годы Реставрации и сходит «на нет» к середине столетия, перед революцией 1848 года. Бидермейер — это стиль, в котором соединились черты позднего романтизма, традиция «чувствительности» и признаки созревающего немецкого реализма. Для бидермейера характерны внимание к деталям реального мира и своего рода интимность — любование бытом, обыденной жизнью, сосредоточенность на переживаниях личной судьбы, на местном колорите и пейзаже. Литература стала отражением социальной «усталости», разочарования в итогах антинаполеоновских войн, и вместе с тем она обратилась к индивидуальной человеческой истории. Историю личности сделали остро актуальной судьбы безродных талантливых авантюристов вроде Бонапарта (наполеоновский миф), и всех тех героев, которые выдвинулись в эту эпоху завоевательных и освободительных войн. Этот стиль привнес в немецкую поэзию и прозу особую проникновенную задушевность. Достоинства бидермейера — любовь к человеку и к природе, недостаток — несложность переживаний при некотором избытке чувствительности. Но прежде всего важна его внимательность к отдельной человеческой судьбе.

На этом фоне Гауф выделяется умением построить занимательный сюжет и интересный характер — с точки зрения своеобразия личности или своеобразия судьбы. В своем исследовании эволюции немецкой новеллы М. И. Бент поместил Гауфа на перевале от романтизма к реализму, показав тяготение писателя от романтической к реалистической поэтике.³

Даже в фантастике Гауфа находят привязанность к реальности: «Гауф умел приблизить волшебство к миру реальных, повседневных вещей, сделать его частью современной жизни, которая представлялась писателю не менее фантастичной, чем любой вымысел».⁴

Но в творчестве Гауфа имеется область, которая выводит писателя за пределы и романтизма, и бидермейера, и реализма. Это та область, с которой мы начали наш разговор об этом писателе, — область сказки. Да, в сказках Гауфа есть легкие черты социальной сатиры, да — в них есть любование экзотикой, своего рода литературный маскарад — нарядность в стиле «Тысяча и одной ночи», да — в них немало условностей (в трагической сказке-новелле «Стинфольская пещера» шотландские рыбаки носят немецкие фамилии, участники опасных приключений в лесах Шпессарта в самые острые моменты рассказывают друг другу занимательные истории, дрессировщику удается научить обезьяну беседовать о политике и т. п.). Тем не ме-

М. Сервантес, а также некто не названный по имени — по-видимому, Э. Т. А. Гофман (см.: *Hauß W. Sämtliche Werke / Mit Biographie und Einleitungen von W. Bölsche. Leipzig, [1888]. Bd 3. S. 3).*

³ См.: *Бент М. И. Немецкая романтическая новелла: генезис, эволюция, типология. Иркутск, 1987. С. 94—109.*

⁴ *Янышев С. Вильгельм Гауф (1802—1827) // Антология детской литературы. М., 2003. Т. 1. С. 508.*

нее в фантастике Гауфа заложен глубокий художественный смысл. Эта фантастика похожа на причудливые вымыслы Гофмана, в парадоксальном виде вскрывающие суть событий и характеров. Несомненно, Гауф принимает во внимание гофмановское творчество, но в его фантастике нет такой глубины и сатиры, в ней больше игры с читателем, больше откровенной «радости сочинительства», как выразился однажды Гете, или, по словам В. А. Каверина, главное у Гауфа — «атмосфера чуда».

«В жизни Гауфа, — писал Каверин в предисловии к изданию его сказок, — так же, как и в его сказках, обычное и необычное, простое и сложное соединяются в неожиданно остром скрещении. В ней не было никаких исключительных событий, но стремительность его существования и его полнота сами по себе были событием».⁵ Полное доверие к читателю, ненавязчивая проповедь обычных житейских добродетелей — честности, верности, бескорыстия, любви — располагают к себе, как располагает к себе доброжелательность неожиданно встретившегося попутчика. Но главной остается все-таки атмосфера — увлекающий за собой талант рассказчика, с помощью ли сказочных чудес или необычайного стечения обстоятельств ведущего читателя по своему миру, в котором всегда есть надежда если не на счастливый исход событий, то, во всяком случае, на душевное просветление читателя. По словам Каверина, Гауф «никогда не опускается до упрощений, последовательно ведет читателя вперед и выше, как бы заставляя его стремиться туда, где он — читатель — еще не был».⁶ Но даже когда история заканчивается трагически, остается и эстетическое, и нравственное удовлетворение от того, что читателю открыто понимание справедливости.

Романы и новеллы Гауфа едва ли смогут вернуть свою прежнюю популярность. А она была одно время велика, особенно популярность романа «Лихтенштейн» (1826), сюжет которого на протяжении XIX века породил до десятка театральных пьес. Его новеллы, иногда перерастающие в большие повести, — такие, например, как «Нищенка с моста Пондзар» (1826) — могут заинтересовать не столько характерами, сколько изобретательными хитросплетениями сюжета.

Но зато сказки Гауфа остаются живым и совершенно особенным жанром. Во время оно о них строго судила ранняя советская «Литературная энциклопедия», определившая их как исключительно детское чтение, на которое они якобы были обречены из-за их «примитивности» («несложность идейного содержания, отсутствие иронии и эротизма, простота композиции при занимательности сюжета и богатстве фантастического и экзотического реквизита»)⁷.

Простота сказок Гауфа — это не слабость их, а признак жанра, восходящий к фольклору. Это — простота совершенства. Занимательность сюжета отличает их от притчи и анекдота, но мудрый смысл сближает их с этими жанрами. Дети читают о забавных приключениях деятельного Маленького Мука или карлика Носа и впитывают мысль об уважении к человеку, обделенному судьбой. «Олений гульден» символизирует тщету богатства и нищету души. Предприимчивый и вероломный портняжка Лабакан все-таки не может заглушить в себе голос совести и обретает душевное равновесие, лишь вернувшись к честной жизни («Сказка о мнимом принце»). Юный Альмансор, заброшенный судьбой в наполеоновскую Францию, объединяет в своей душе родной арабский мир северной Африки с героической историей

⁵ Каверин В. Сказки Гауфа // Гауф В. Сказки / Пер с нем. М., 1991. С. 8.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ R. S. [Шор Р. О.] Гауфф Вильгельм // Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 2. Стб. 412.

императора Наполеона («История Альмансора»). Иногда метафора становится материальной — колдовским способом сердце углежого Петера Мунка подменяется камнем, это буквально — холодное, злое «каменное сердце», изготовленное из мрамора («Холодное сердце»). Нравственное поучение незаметно и естественно усваивается вместе с причудливой авантюрной тканью сказки.

Но в некоторых случаях дидактическая тенденция совсем исчезает — это происходит там, где вступает в свои права свойство романтизма иронически выворачивать мир наизнанку, поражать читателя неожиданно парадоксальной точкой зрения и карнавальным антуражем. Такого рода романтическим произведением является новелла Гауфа «Фантасмагории в бременском ратушном погребке». Рассказчик, сидя ночью в одиночестве в винном погребке, расположенном в подвале ратуши в Бремене, за стаканом доброго вина общается с ожившими духами рейнских вин и с привидениями старых пьяниц. К ним присоединяется каменная статуя рыцаря Роланда, возмущенная моральным измелчением европейцев, которые отказываются помогать восставшим грекам. Повторяя стилистику ночных фантазий Гофмана «в манере Калло», герой Гауфа иронизирует над современностью и над собственной судьбой. Сквозь изящную фантастику Гауфа просвечивает его собственное лицо — личные симпатии и антипатии, суждения о современности (например, сочувствие национальному восстанию греков).

* * *

Вильгельм Гауф родился 29 ноября 1802 года в Штутгарте — столице герцогства, а с 1805 года королевства Вюртемберг, в семье крупного чиновника — секретаря кабинета министров. Окончив латинскую школу и теологический семинар, Гауф изучает в Тюбингенском университете философию и богословие (1820—1825), но не собирается становиться пастором. Он выходит из университета с ученой степенью доктора теологии, но, если судить по «Фантасмагориям в бременском ратушном погребке», относится к этому точно так же иронически-отчужденно, как к пасторскому месту: «Ну, и что тут особенного? Доктор? Да ведь им может стать любой, у кого хватит ума накропать диссертацию».

Студенческие годы оставили нам несколько песен, сочиненных Гауфом для его однокашников. Не склонный к бурным увеселениям «буршей», но захваченный общими настроениями патриотизма, юношеской воинственности и чаянием свободы, он «пел» о радостях вольного студенческого житья, о солдатской службе, о воинской доблести, о тоске по дому и по любимой. Военная тема связывалась у молодого стихотворца с темой гибели на чужбине — след трудной судьбы Вюртембергского королевства, одно время подчинившегося наполеоновской Франции, но затем принявшего участие в военных действиях против нее.

Трагедия войны отразилась в безрадостном стихотворении, позже включенном Гауфом в его роман «Лихтенштейн»:

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ РЕЙТАРА

Вот восход —
Он не смерть ли мне несет?
Запоют к атаке трубы,
Глядь, и мы с тобою трупы —
Я и ты, товарищ мой!

И моргнуть
 Не успеешь — пуля в грудь.
 Как вчера мы гарцевали,
 Как сегодня в нас стреляли,
 Как положат завтра в гроб!

Суета —
 Наша стать и красота!
 Что гордишься ты румянцем —
 Щек твоих здоровым глянцем?
 Ах! Увянет розы цвет!

Примиришь,
 Я молюсь и ты молись.
 Саблю я не опускаю,
 Если смерть я повстречаю,
 Пусть погибну, но в седле!⁸

Военная тема соединялась с темой освобождения от чужестранных захватчиков. Так, к десятилетнему юбилею победы над Наполеоном (1823) Гауф создает песню «В отдаленье, на чужбине...»:

В отдаленье, на чужбине
 При мечях, в немой долине
 Вам покровом смертный сон.
 Для покоя,
 После боя
 Отдых вам определен.
 Что орлы французов пали —
 Вы уже об этом знали
 В миг, когда вас враг сразил.
 Слава воину,
 Спи спокойно —
 Час свободы наступил!
 Ваши судьбы мне на зависть,
 Вы в земле, но вам досталось
 Да — свободы видеть свет,
 Взлет свободы
 К небосводу,
 А ее паденье — нет.
 Мы вдали от поля битвы
 Шлем за вас свои молитвы,
 За победу гордо пьем.
 Наши чаши,
 Слезы наши
 На алтарь ваш мы прольем.

В случаях, когда стихи Гауфа лишаются патетической интонации, они способны выражать простые чувства, элементарно человеческие, понятные каждому. Песня, написанная от лица солдата, стоящего на часах вдали от военного лагеря, стала народной. В ней исподволь сказалась особенность таланта этого молодого человека — выявлять простые движения души.

⁸ Здесь и далее перевод мой. — Р. Д.

СОЛДАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Я на посту во тьме ночной
 Один — далекий часовой.
 Мечтой лечу в свои края:
 Верна ли мне любовь моя?

Когда я шел под знаменá,
 Мы целовались, и она
 Мне лентой шапку обвила
 И с плачем нежно обняла.

Она верна мне — знаю я,
 И вся поет душа моя.
 Холодной ночью мне теплей,
 Когда я думаю о ней.

Подняв повыше огонек,
 Приходишь ты в свой уголок
 И шлешь молитвы в тишине
 О милом в дальней стороне.

Вообразив меня в бою,
 Головку клонишь ты свою.
 Не плачь, Господь меня хранит!
 Он честному солдату щит.

Бьет колокол. Идет наряд.
 Я скорой смене очень рад.
 Спи, милая, и в сладком сне
 Ты крепко помни обо мне.

Стихам Гауфа недостает образности, глубины и внутренней энергии, свойственной стихам большого поэта, но они подкупают чистотой чувства, молодой искренностью — свойственной вообще всему, что он написал.

Молодому человеку пришлось столкнуться не с военным, а с иным полем боя — ареной, на которой сражались между собой литераторские самолюбия. В стихотворении «Писатель» виден уже новый опыт начинающего участника литературной жизни. Опыт окрашен своеобразным юмором Гауфа, близким к иронии, но не переступающим границ, за которыми начинается язвительность. Это отличает Гауфа от его великого современника — Генриха Гейне, умевшего сочетать сатиру и лирику едва ли не в одном и том же мощном слове. Гауф-поэт не сравнится с Гейне, но у него — свой собственный голос, негромкий и не злой. Несомненно, в эпиграмме Гауфа (так можно определить жанр этого стихотворения) имеется в виду конкретное лицо, но это — только намек на «личность». Форма книттельферса — стиха, близкого к русскому раешнику, — придает стихотворению вид шутовского балагурства, впрочем, на довольно горькую тему мелочности литераторских самолюбий.

ПИСАТЕЛЬ

Автора такого в целом мире не найдешь,
 Который не считал бы, что без него ты пропадешь.
 И пусть он всего-навсего жалкий писака,
 Он, не задравши нос, не сделает и шага,
 Так что шляпа на нем, подумать можно,

Не к пустой голове прилажена надежно,
И ни один автор не вступится за другого,
Даже за друга самого дорогого,
И если одного из них прославляют,
Другого обязательно в грязи изваляют.
И на следующий же день в общем мнении
Один за счет другого выходит в гении.

Проза Гауфа — в романах и новеллах — отличается легкостью и простотой. В ней не найти особенной психологической и философской глубины, да автор и не претендует на это. Его герои смеются и плачут там, где это требуется по сюжету, влюбляются и шутят, гnevаются и возмущаются там, где читатель ожидает проявления именно таких эмоций. Иногда глубина переживаний подменяется юмором, словно автор знает, какова сила чувств, но — в соответствии со стилистикой бидермейера — не хочет касаться болезненных слоев психики, оставляя читателю возможность догадываться о них.

Новеллы создавались в дополнение к главной писательской работе — романам и сказкам. Гауф записывал их в некоторой спешке, вероятно, с намерением поместить в очередной «Дамский альманах». Не всегда он успевал отделать слог, но всегда уделял первостепенное внимание фабуле. Немецкий биограф писателя отмечает, что «Гауф как новеллист-импровизатор — своеобразная и значительная фигура в нашей словесности».⁹

Но дело не только в своеобразной импровизации — быстром создании новелл. Этот жанр оказался для Гауфа индикатором его писательского мастерства. Как уже было сказано, последовательный структурный анализ поэтики и стилистики новелл Гауфа показал эволюцию его индивидуального стиля — совершенствование мастерства молодого автора. В лучшей и последней новелле — «Портрет императора» (1827), опубликованной в год смерти Гауфа, — образы характерны, пейзажи обретают самостоятельную значимость, разговоры наполняются современным общественным содержанием. Действующие лица спорят о политике, почти как в «Отцах и детях» И. С. Тургенева. Частая для новелл Гауфа любовная история (молодой человек из Пруссии, влюбившийся в свою швабскую кузину, терпит фиаско, подобно Райскому в романе И. А. Гончарова «Обрыв»), которая обычно составляет как бы каркас фабулы, блекнет и отступает на второй план перед основным мотивом новеллы — проблемой отношения к мифу о Наполеоне. Наполеоновский миф, вобравший в себя вопросы истории общества и роли личности в ней, как мы знаем, составлял существенную черту духовной жизни Европы и России, в частности, в 1820—1830-х годах. Перед нами — новелла о современности с той долей историзма (обращение к эпохе антинаполеоновских войн и прикосновение к истории рыцарских родов Швабии), которая виделась Гауфу в любом сюжете.

Сильной стороной Гауфа — романиста, новеллиста, сказочника — оставалось умение строить крепкий, динамичный, захватывающий сюжет, все нити которого расходятся в начале действия и стройно сходятся в конце, не теряясь по дороге. Примером может служить новелла «Певница» (опубликована в конце 1826 года) — запутанная детективная история, сложная, остроумная фабула которой тщательно продумана. Впрочем, наряду с неоконченным романом Ф. Шиллера «Духовидец» (1789), это произведение во многом предваряет современный детективный жанр.

⁹ Bölsche W. Einleitung zu den Novellen // Hauff W. Sämtliche Werke. Bd 4. S. I.

Мизансцены и диалоги Гауфа достигают театральной выразительности. Местами сверкает деталь, сразу характеризующая атмосферу событий, — вроде собачек, вышитых на подушках прежними владелицами пришедшего в упадок феодального замка; собачек этих — с грустной иронией замечает автор — давно уже нет на свете, впрочем, так же как и их хозяек (новелла «Портрет императора»).

* * *

Еще в университетские годы, в 1824 году, Гауф занял должность домашнего учителя в семье генерала Э. Э. фон Хюгеля, бывшего адъютанта Наполеона. Для двоих малолетних сыновей генерала Гауф начал сочинять сказки. Сюжеты их, как правило, оригинальны, хотя к этому времени литературная сказка имела за собой общеевропейскую и, в частности, немецкую традицию, в которой большую роль сыграли Виланд и Гете, романтики Гофман и Тик, если называть только самые известные имена.

Литературная сказка генетически восходит, несомненно, к устной народной сказке, но развивалась она параллельно фольклору еще с античных времен, принимая различные формы. Сюжеты народных сказок обрабатывались и переосмыслились (Ш. Перро, М.-К. д'Онуа, И. К. А. Музеус). Немецкие романтики создали свой тип литературной сказки как философской притчи («Белокурый Экберт» Тика) и сатиры («Крошка Цахес» Гофмана). Даже В. и Я. Гриммы, одни из первых ученых-фольклористов, издавая немецкие народные сказки, подправляли литературным пером изначально устные тексты.

Сказки Гауфа составили особую главу в истории жанра литературной сказки. Подобно Новалису или Тику, писатель не стремился выдавать свои сказки за подслушанные у народа. И вместе с тем в поэтике сказок Гауфа проявляется некая завершенность, отчетливость образа, свойственная фольклору. Сказочный герой Гауфа не всегда определенно «положителен» или «отрицателен» в нравственном отношении (хотя есть и такие), но он представляет собой характер, четко очерченный несколькими скупыми чертами (например, Маленький Мук) и тем удобный для показа его в действии, в динамике, составляющей основное, событийное содержание сказки. Динамичность и образная отчетливость сближают сказки Гауфа с народной сказкой. Не забудем, что изначально эти сказки предназначались для устного повествования детям, и эта задача наложила определенный отпечаток на их поэтику. Вместе с тем авторская фантазия и замысел — нравственно-поучительный и нередко иронический — выдают их принадлежность к литературной сказке эпохи романтизма.

Возможно, под влиянием «Джиннистана» (1786—1789) Виланда, «Бесед немецких изгнанников» Гете, сборника сказок Тика «Фантазус» (1812—1816), а также по примеру, как мы привыкли говорить, «братьев Grimm», издавших в 1812—1815 годах «Детские и семейные сказки», Гауф объединяет свои сказки в сборники, которые называет альманахами, предполагая их более или менее регулярное появление.

В ноябре 1825 года издается первый из них — «Альманах сказок на 1826 год». Его общее название — «Караван», так как писатель придумал для него опоясывающую, рамочную конструкцию — путешествие каравана по Аравийской пустыне; в часы отдыха, на привалах, купцы по очереди рассказывают друг другу сказки или истории, похожие на сказки. Трудно ошибиться в образце, которому следует автор. Это — «Тысяча и одна ночь» (по-арабски «Алф-лайла-ва-лайла»), знаменитый сборник арабско-египет-

ских сказок, приписанный красавице Шахерезаде и оформившийся к XV веку. В Европе сборник стал широко известен с начала XVIII века благодаря французскому переводу А. Галлана.¹⁰ Циклическое строение сборника, заключенное в рамочный сюжет (так называемая «ящичная» конструкция, когда одна сказка вставлена в другую), повлияло, например, в 1790-х годах на структуру «Бесед немецких изгнанников» Гете.

В 1824 году появился первый немецкий перевод сказок Шахерезады — книга, которая, по всей вероятности, сразу же стала настольной для Гауфа. Косвенно это подтверждается, например, упоминанием в романе «Лихтенштейн» (в пятой главе части первой) одного из героев арабских сказок — Аладдина с его волшебной лампой.¹¹

Среди сказок первого выпуска (всего их семь) наиболее знаменитыми стали «История о халифе-аисте» и «История о Маленьком Муке». Примечательно обозначение жанра — не «сказка», а «история», хотя у этих произведений имеются все атрибуты волшебной сказки: колдовство, превращения, испытания, говорящие животные-помощники, злые и добрые персонажи, прямолинейность сюжета, определенная назидательность (по словам Пушкина, «сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок»). Гауф позаимствовал для этих историй малую толику романтической иронии, оставив от нее мягкую насмешку. Комичны халиф и его визирь, выступающие в образах аистов, забавен отставной капудан-паша в сказке «Спасение Фатьмы», смешон глупый король в истории Маленького Мука, да и сам этот маленький человечек изображен не без юмора. Впрочем, это, повторяем, добрый юмор, и — в том, что касается судьбы Мука, — юмор не без грусти. Меланхолия, кажется, не свойственна Гауфу (в отличие от его современников Гофмана и Гейне, в отличие от столь близкого ему по манере Х. К. Андерсена), но иногда она появляется в его произведениях как издержка мудрого взгляда на жизнь этого совсем еще молодого автора.

Истории у Гауфа — это не просто сказки, это — *истории* людей, человеческие судьбы. И характеры многих персонажей отнюдь не так просты, как это бывает в народной сказке, это зачастую не однолинейные типажи героев и злодеев, а живые и изменяющиеся человеческие души. В жутковатой «Истории об отсеченной руке», сбоку от главного действия, по касательной к фабуле повествования, проходит судьба человека в красном плаще, преступника, в котором не умолкла совесть и который «все-таки не утратил благородного образа мыслей». О тщеславном обманщике Лабакане, притворившемся принцем («Сказка о мнимом принце»), уже говорилось выше. В конце концов и у него пробуждается совесть. Жестокий разбойник Орбасан также оказывается благородным человеком, уважающим справедливость, — это своего рода арабский Робин Гуд.

Сказки накапливаются стремительно — к концу следующего, 1826 года собран второй альманах сказок. На этот раз их четыре, но собственно настоящая волшебная сказка среди них только одна, это «Карлик Нос». Остальные — трагикомическая притча о наблюдательном марокканском еврее Абнере, детективные способности которого постоянно приносят ему неприятности, сатирическая новелла «Молодой англичанин», отдаленно напоминающая сюжет гоголевской комедии «Ревизор», и приключенческая по-

¹⁰ Первый русский перевод «Тысяча и одной ночи» — с перевода А. Галлана — появился в 1763—1774 годах (в 12 т., пер. А. Филатьев).

¹¹ «Восточная» стилизация некоторых сказок «Альманаха» привела к забавному казусу: сказка В. Гауфа «Судьба Саида» была включена в одно из немецких изданий избранных сказок «Тысячи и одной ночи», предназначенных для детского чтения (Märchen aus 1001 Nacht. Stuttgart; Leipzig, [1897]. S. 20—43).

весть из времен Великой французской революции «История Альмансора». Все эти истории объединяет рассказ о справедливом Али Бану, шейхе Александрии Египетской, который отпускает своих невольников на свободу, заставляя их перед этим рассказывать ему и его гостям занимательные истории.

Оговоримся, что концепция литературного героя накладывается у Гауфа на более или менее стабильный и часто весьма древний комплекс мотивов народной сказки, в которой активность персонажа встроена в набор «бродячих» положений, т. е. и активность его, и подверженность судьбе довольно условны, с современной точки зрения. Насколько самостоятелен, например, Иванушка-дурачок со своей четко зафиксированной фольклорной функцией потенциального счастливица (младшего сына)? Пушкинский Балда из «Сказки о попе» предельно активен и победителен, но и он сохраняет свое сказочное амплу счастливого простака.

Во времени литературных выступлений Гауфа изучение народной сказки находилось еще в самом начале пути (разыскания Гриммов), но постоянство сказочных сюжетов и мотивов, их определенная художественная несвобода, были Гауфу известны. Они помогли писателю, как мы полагаем, увидеть две принципиальные линии поведения личности в литературном произведении. В народной сказке герой всегда находится в остро-напряженных отношениях с судьбой.

Мысль Гауфа о взаимоотношениях мира и человека в литературе оригинальна в той мере, в какой она выявляет в эстетике бидермейера интерес к изображению действительности. Но она включается во многовековую историю эстетической трактовки человека, в которую внесли свой вклад те, чье мнение формировало взгляды Гауфа, — Лессинг, Гете, Жан-Поль, Гофман. «Самый благородный предмет занятий человека есть человек», как выразился однажды Лессинг.¹² Энергичный характер, даже в несчастьях не теряющий избранного им направления жизни, — таков любимый герой Гауфа, независимо от того, колдуют ли против него волшебники или треплют его корабль естественные морские бури (как в сказке «Корабль призраков»). Даже в сказочной ситуации человек у Гауфа стремится освободиться от сковывающих условностей фольклора, лишней раз подтверждая тем самым свое активное отношение к миру и судьбе.

Все эти соображения позволяют думать, что даже самые волшебные сказки Гауфа заслуживают названия «историй». Не случайно пять из пятнадцати произведений, включенных в «Альманахи сказок» Гауфа, именуется историями, а остальные, даже легенды вроде «Сказания об оленем гульдене», носят черты повестей, рассказов и новелл.

Последний, третий «Альманах сказок» вышел из печати в месяц смерти писателя — в ноябре 1827 года. В нем всего четыре произведения. Во всех них присутствует сказочный элемент — добрая колдунья-знахарка в «Сказании об оленем гульдене», лесные духи — в большой повести-притче «Холодное сердце», добрая фея, словно переселившаяся из сказок Перро, а не из «Тысячи и одной ночи», — в приключенческой истории «Судьба Саида» и жутковатые призраки — в легенде о Стинфольской пещере. Однако во всех этих, условно говоря, сказках очень сильна и заметна чисто новеллистическая тенденция — рассказ о чем-то «новом и примечательном», что относится прежде всего, если не исключительно, не к чудесам, а к реальному человеку, который «поступает согласно своему характеру». Несомненно, в этом

¹² В одной из газетных рецензий 1753 года (см.: *Lessing G. E. Sämtliche Schriften. Stuttgart, 1890. Bd 5. S. 143*).

альманахе присутствует назидательный, воспитательный элемент. Порицаются скупость и алчность, жестокосердие и коварство, прославляются любовь и верность, трудолюбие и милосердие. Но главное внимание уделяется, повторяем, поведению человека в самых неожиданных обстоятельствах, когда необходимо принимать решение, которое определит дальнейшую судьбу героя и его окружения, а то и просто от которого зависит жизнь. Как и прежде, Гауф остается мастером авантюрной интриги, но характеры его героев становятся глубже, сложнее, изменчивее, а значит — ближе к характерам реальных людей. Это — и атаман разбойников в рамочной новелле «Трактир в Шпессарте», и борющийся с собственными слабостями шварцвальдский углежог Петер Мунк, и сражающийся с причудливой судьбой Саид — последний «восточный» герой Гауфа, дальний литературный потомок Синдбада-морехода.

Параллельно всем другим произведениям в это же самое время создается Гауфом, как уже упоминалось, большой исторический роман «Лихтенштейн». Историзм Гауфа еще несколько архаичен, если судить о романе с современной точки зрения. В стилистике этого произведения ощущается воздействие романтического восприятия истории как борьбы людских страстей и присутствуют краски эпохи чувствительности. Дадим слово исследовательнице: «Романтическая история любви бедного, но доблестного рыцаря Георга фон Штурмфедера к родовитой Марии фон Лихтенштейн выходит на первый план, заслоня содержание разворачивающейся исторической драмы (борьбы в XVI веке герцога Ульриха Вюртембергского против Швабского союза за сохранение герцогства. — *Р. Д.*). Новым в романе было воспроизведение исторического колорита. После Вальтера Скотта это было вполне в духе времени. <...> Можно отметить пластичность отдельных жанровых сцен, поэтичность вюртембергских пейзажей, введение швабского диалекта в речь народных персонажей. Все это сообщало произведению историческое дыхание». ¹³ Стоило бы добавить, что это был, по-видимому, тот начальный, «вальтерскоттовский» этап исторического романа, когда в этом жанре значительное место еще занимала историческая декоративность, свойственная и Гауфу. ¹⁴ Исторический колорит, выходящий за пределы умильного любования стариной, сильная реставрация в повествовании духовной атмосферы описываемой эпохи, анализ ее представлений о человеке и обществе формировался медленно и постепенно, и Гауф находился еще только в начале этого процесса. Однако главное открытие В. Скотта — индивидуальный взгляд на историю с точки зрения одного из участников событий — Гауф использовал если и не в полной мере, то все-таки довольно искусно, и его «Лихтенштейн» явился отправной точкой немецкого исторического романа.

* * *

Окончив курс Тюбингенского университета и решив посвятить себя полностью литературе, Гауф в конце апреля 1826 года оставляет должность домашнего учителя. Подобно средневековым подмастерьям, он отправляется в большое образовательное путешествие по Европе.

Молодой писатель — на пике своего творчества. Можно представить себе, что он пишет лихорадочно, не спит ночами, словно чувствуя, что времени отведено ему немного. Трудно найти рациональное объяснение такому

¹³ Ботникова А. Б. Вильгельм Гауф // Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М., 2005. С. 317.

¹⁴ На той же ранней стадии развития жанра находился и первый русский исторический роман — «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) М. Н. Загоскина.

взрыву деятельности — у человека появляется своего рода короткое дыхание, какого не бывает у писателей-долгожителей, чья жизнь разворачивается словно широкое полотно, бескрайнее просторное поле (Гете, Л. Толстой). По-иному, должно быть, воспринимали мир Моцарт, Пушкин, Лермонтов, которым был отмерен короткий век. И Вильгельм Гауф!

Последний год своей жизни — 1827-й, Гауф работает как одержимый. Диагноз, поставленный Гауфу придворным медиком, формулировался как «жидкостная и нервическая лихорадка». Это было, по-видимому, заболевание мозга. Нетрудно предположить, что болезни мог способствовать образ жизни молодого писателя, работавшего «на износ». Как бы то ни было, вскоре Гауф слег и уже больше не вставал.

Первое собрание сочинений Гауфа, под редакцией и с предисловием Густава Шваба, появилось в Штутгарте в 1830 году и состояло из тридцати шести томиков небольшого формата. Ничего этого Гауф уже не увидел.

Не сказочником, а автором увлекательного исторического и приключенческого романа о замке Лихтенштейн запомнился Гауф читателям своего времени и ближайших поколений. На месте этого давно исчезнувшего строения, располагавшегося под Штутгартом, был в 40—50-х годах XIX века возведен на скале романтический замок, в котором воплотились фантазии покойного автора романа.¹⁵ Там же был установлен и памятник Гауфу. Теперь это туристический объект земли Баден-Вюртемберг.

Лишь постепенно внимание публики — и не в одной только Германии — было завоевано сказками Гауфа. Увлекательность сюжета при стройности композиции, живость характеров и их психологическая отчетливость, прозрачность, напоминающая отчетливые мотивации народной сказки, но приближенная к современному пониманию человека, а также, разумеется, мощный гуманизм сделали сказки Гауфа, подобно произведениям Перро и особенно — Андерсена, литературой на все времена.

Примечательно, что, отсылаясь о Гауфе, крупные деятели немецкой культуры сперва просто ценили его талант, его фантазию, как это сделал, например, Готфрид Келлер в 1848 году. «Гауф, — писал он в «Размышлениях», — кажется мне истинным гением, настоящим поэтом. Он обладает тем простым, наивным и, однако, таким глубоким и завораживающим стилем, который увлекает, по крайней мере, меня, в Гете. Никакой искусственности, ничего вымученного, выражения и картины словно взяты из твоей же души, ничего другого и не придумаешь. И ко всему этому — милая, играющая все новыми красками фантазия!»¹⁶ А через сто с лишним лет, в середине 1960-х годов, философ и публицист Эрнст Блох отметил фантазию Гауфа именно в его сказках: «...фантазия, которая смогла создать „Корабль призраков“, „Холодное сердце“ или даже одного только „Халифа-аиста“ из собственных своих или из немногих литературных источников, в этой области не имеет себе равных. Она не беднее поварского искусства карлика Носа, однако что-то не видно феи Разнотравки, которая учила бы Гауфа».¹⁷

* * *

В том же 1830 году, — вероятно, по выходе в свет в Германии собрания сочинений Гауфа — на его творчество обратили внимание в России. В московском журнале «Галатей» появился первый русский перевод из Гауфа —

¹⁵ См.: *Иванова Э. И.* От переводчика // Гауф В. Сказки. Лихтенштейн. М., 2005. С. 71—74.

¹⁶ Цит. по: *Hinz O.* Wilhelm Hauff in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1989. S. 149.

¹⁷ *Ibid.* S. 150.

новелла «Отелло».¹⁸ Шекспировская тема, в это время волновавшая русскую литературную и театральную мысль,¹⁹ способствовала тому, что внимание переводчиков обратилось сначала именно к этому произведению Гауфа, который включил историю театральной постановки трагедии в ткань своего сюжета.

На страницах «Галатей» печатается также и новелла «Еврей Зюсс».²⁰ Краткую повесть о столкновении жителей Вюртемберга со всесильным министром герцога Карла Александра, фактическим правителем герцогства в 1737 году, еврейским финансистом Иосифом Зюскиндом-Оппенгеймером рассматривали, очевидно, просто как историческую картинку, показанную через восприятие молодого чиновника и его патриархального семейства — в манере Вальтера Скотта. Проблема взаимоотношений евреев и христиан, обострившаяся в немецких землях с середины XVIII века — с началом Гаскалы, еврейского Просвещения, не была тогда в России актуальной.

Через несколько лет появился еще один русский перевод из Гауфа — и снова это была все та же новелла о роковой роли трагедии Шекспира.²¹ На этот второй перевод новеллы «Отелло» откликнулся В. Г. Белинский в газете «Молва». Оценив перевод как «довольно плохой», критик задержал внимание на самом произведении и отозвался о нем так же сурово. Угадав в сюжете намек на роковую роль судьбы, Белинский присоединил Гауфа к тем авторам, которые увлеклись трагизмом рока. Белинский писал о «школе фатальной», к которой он отнес драму З. Вернера «24 февраля», «Прародительницу» Ф. Грильпарцера, «многие повести Тика и других», отделив от этой «школы» творчество Гофмана, поскольку «фатальное и фантастическое — не одно и то же».²² Человек у Гофмана, как заметил Белинский, — это, в отличие от человека у Гауфа, не «мученик <...> какой-то судьбы, пред которою трепетал древний мир и над которою смеется новый».²³ Соответственно, «Гауф, молодой человек с талантом, принадлежал к школе фаталистов, но он ушел очень недалеко», т. е. печальную судьбу Гауфа и разнообразие его наследия критик готов принять во внимание, и, тем не менее, «его Отелло несколько не страшен, даже не смешон, а просто скучен, что всего хуже».²⁴ Гауфа-сказочника Белинский не знает, да, по-видимому, и переводчик «Отелло» сослужил немецкому писателю в России дурную службу. Стоит, однако, обратить внимание на то, что сквозь слабый перевод Белинский все-таки увидел в авторе «молодого человека с талантом», как уже было сказано в начале этой статьи.

Тогда же откликнулась на этот перевод и «Библиотека для чтения». Отклик более краток, но выдержан в таком же тоне. Иронически пересказав содержание, рецензент замечает: «Эту историю мы читали лет десять назад, в одном из покойных московских журналов. — У Гауфа есть и занимательные и живо написанные повести; но „Отелло“ к ним не принадлежит».²⁵ Как видим, в 1830-х годах немецкий писатель уже не был в России совершен-

¹⁸ Галатей. 1830. Ч. 16. № 27—29.

¹⁹ См.: Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965 (особенно главы III и IV).

²⁰ Гауф В. Еврей Зюсс // Галатей. 1830. Ч. 17. № 30, 31, 33—35.

²¹ Гауф В. Отелло. Фантастическая повесть / Пер. с нем., изд. Д. Паглиновским. СПб., 1835.

²² См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1953. Т. 2. С. 103 (первоначально: Молва. 1836. Ч. 11. № 4. С. 132—133, без подписи).

²³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 103.

²⁴ Там же. С. 103—104.

²⁵ Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. VI: Литературная летопись. С. 36 (отд. паг.). В отсчете лет со времени появления первого перевода «Отелло» В. Гауфа (прошло 5 лет), рецензент ошибся ровно наполовину.

ным незнакомцем, но публику он еще не завоевал. Та же «Библиотека для чтения» поместила на своих страницах, правда, много позже — в 1855 году (т. 134) — неплохой перевод другой новеллы Гауфа — «Певица» (под заглавием «Тайна Бианетти»). Это произведение наверняка должно было читаться с интересом — благодаря своему детективно-криминальному сюжету.

Переводы сказок Гауфа стали появляться в России с 1840-х годов. Началом было положено «Сказкой в виде альманаха на Светлое Воскресение» (Москва, 1844) детской писательницы и переводчицы Анны Петровны Зонтаг (1786—1864), племянницы В. А. Жуковского. В 1846 году в столице был издан первый русский перевод «Халифа-аиста» под заглавием «Чародейская понюшка».²⁶ Но тогда не пришло еще понимание сказок Гауфа как литературного открытия. В них видели забаву, в лучшем случае — назидательное чтение для детей. Рецензент «Современника» (возможно, это был издатель журнала П. А. Плетнев) писал о «Халифе-аисте» в том же снисходительно-ироническом тоне, в каком писали о Гауфе и раньше: «Ежели калиф, как удостоверяет эта сказка, понюхав какого-то порошку, обратился в аиста (удивительная игра фантазии!), то читатель столь чудной сказки действительно может с ее помощью обратиться в ненавистника всякого чтения».²⁷ В журнале для детей «Подснежник» на 1852 год (номера с 12-го по 15-й) печатается первый русский перевод сказочной повести «Каменное сердце». Наконец, в 1875 году в столице издается под редакцией В. Зотова выполненный Чубинским²⁸ перевод собрания сказок Гауфа (2-е изд. 1891).

Но к концу XIX века русские переводы из Гауфа, так сказать, набирают темп. Одно из петербургских изданий его сказок 1889 года (в издательстве Кольберга) вышло в 1903 году уже *седьмым* переизданием. Киевское издание 1898 года было повторено в 1903 году, а сказки, изданные там же в 1900 году в виде перевода-подстрочника для изучающих немецкий язык, были переизданы в 1910 году в *десятый* раз. В одном только 1904 году в Петербурге увидели свет *три* различных издания сказок Гауфа — в переводах Павла (?) Чубинского (возможно, эти переводы были сделаны еще в 1870-х годах), М. и Е. Соломиных и О. Коржинской. Из примечательных изданий упомянем сказки Гауфа в переводе Б. Пироговской, изданные Ф. Ф. Павленковым в 1894 году в серии «Иллюстрированная библиотека сказок» и переизданные в советское время, в 1923 году. Следует также упомянуть о полном издании сказок всех трех альманахов Гауфа в Петрограде в 1914 году (примем во внимание, что это был год начала Первой мировой, или «германской» войны и год усиления антинемецких настроений в российском обществе!). Сказки вышли в серии «Общедоступная библиотека» в издательстве «Деятель», в переводе Карноухова.

Сказки Гауфа печатались в России и в подлиннике. Так, «Избранные сказки», вышедшие по-немецки в 1892 году в Царском Селе, выдержали в 1916 году в Петрограде *пятнадцатое* издание. С 1893 по 1910 год несколько раз переиздавался сборник сказок Гауфа в двух частях, подготовленный Ф. Андерсоном,²⁹ и т. д. До настоящего времени русских изданий и переизданий сказок Гауфа в журналах, сборниках и отдельными книгами

²⁶ Гауф В. Чародейская понюшка, или Сказка о калифе-аисте. В пяти главах / Пер. с нем. Н. Кривоногова. СПб., 1846.

²⁷ Современник. 1846. Т. 43. С. 127—128 (рубрика «Новые переводы»).

²⁸ К сожалению, пока не удалось найти сведений о большинстве русских переводчиков В. Гауфа. Переводчиком Чубинским мог быть известный украинско-русский этнограф и фольклорист, поэт и общественный деятель Павел Платонович Чубинский (1839—1884).

²⁹ Переводчиком был, по всей вероятности, преподаватель немецкого языка Федор Карлович Андерсон, упоминающийся в переписке акад. Александра Н. Веселовского (см.: *Веселовский А. Избр. труды и письма*. СПб., 1999. С. 218, 220).

насчитывается великое множество — не менее, если не более *пяти*сот изданий.³⁰

Объяснить рост внимания к писателю на рубеже XIX и XX веков, через много лет после его кончины, можно, пожалуй, усилением общего интереса к сказочному, фантастическому в искусстве в эпоху русского модерна, которому были не чужды неоромантические тенденции. В этот же тематический круг входит и тяготение к исторической и географической экзотике. Кроме того, новую роль в культуре стала играть детская литература. Предъявляемые к книгам для детей прежние требования нравственной и религиозной поучительности дополнились теперь вниманием к особенностям детской психики, изучение которой началось именно с конца XIX столетия. После «Детского мира» К. Д. Ушинского, после «Черной курицы» В. Ф. Одоевского и книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», после «Сна Обломова» И. А. Гончарова и «Детства» Л. Н. Толстого роль фантазии, сказки в становлении детской души если не стала общепризнанной, то, во всяком случае, постепенно утвердила свои права в передовой педагогике и среди мыслящей части общества.

Приключения, старина, дальние страны, мир В. Скотта, Майн-Рида, Ж. Верна и А. Дюма также отвечали потребностям детства и подросткового возраста. Это было то самое превращение сказки в «историю», о котором рассуждал когда-то один из героев Гауфа. Этим условиям полностью удовлетворяли не только сказки Гауфа, но и роман «Лихтенштейн» с его авантурным сюжетом и живописной романтизацией швабской старины.

Именно роман о благородном молодом рыцаре оказался тем кирпичиком, который был заложен в основание литературных симпатий будущего поэта Марины Цветаевой. «Последовательность любимых книг, — вспоминала она в 1920-х годах, — (каждая дает эпоху): *Ундина* (раннее детство), *Гауф-Лихтенштейн* (отрочество), *Aiglon* («Орленок». — Р. Д.) *Ростана* (ранняя юность). Позже и поныне: *Гейне — Гете — Гёльдерлин*. Русские прозаики — говорю от своего нынешнего лица — *Лесков* и *Аксаков*. Из современников — *Пастернак*. Русские поэты — *Державин* и *Некрасов*. (...) Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: „Нибелунги“, „Илиада“, „Слово о полку Игореве“. — Любимые страны — древняя Греция и Германия».³¹ Гауф у Цветаевой оказался, таким образом, в окружении выдающихся русских и западных авторов и произведений. Тогда же, в детстве, зародилась ее любовь к Германии — к народу, культуре и природе страны.

Цветаева рано откликнулась на исторический роман Гауфа стихотворением, в котором автор «Лихтенштейна» предстает неотъемлемой частью ее детского мира, наряду с деревьями, травой, плодами, горами Шварцвальда, матерью.

КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»

Тишь и зной, везде сияют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,

³⁰ По данным каталогов Российской Национальной библиотеки, сборники сказок Гауфа в русском переводе издавались с 1844 по 1936 год 22 раза, а за сто с лишним лет — с 1870-х по 1990-е годы — 110 раз; отдельными изданиями выходили «Халиф-аист» — 14 раз, «Карлик Нос» — 19 раз, «Маленький Мук» — 26 раз, «Холодное сердце», включая драматические переработки этой повести-сказки, — 17 раз. Встречались также стихотворные переладки отдельных сказок (например: *Скрипичина В. Корабль-призрак // Друг женщин. 1884. № 7*).

³¹ *Цветаева М. Ответ на анкету (1926) // Цветаева М. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 7.*

Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье.
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятье
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих — мой герой, а Георг — Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно смел!

Словно песня, милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямые,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.³²

В стихах молодой Цветаевой, в которых отозвалась эта поездка в Германию 1904 года, фигурирует и «темный Шварцвальд», который «сказками богат»,³³ так что Гауф присутствовал в ее сознании также и как сказочник, автор «Холодного сердца», события которого разыгрываются в еловых чащах Шварцвальда.

Разумеется, мать Марины и Анастасии Мария Александровна, урожденная Мейн, читала дочерям роман «Лихтенштейн» в подлиннике, но тогда стали уже появляться и его русские переводы. В 1887 году первый перевод романа был издан в Риге; через год еще один перевод вышел в Киеве и к 1910 году выдержал второе и третье издание, тираж которых превысил три тысячи экземпляров. В 10-х годах XX века делались и другие переводы романа — в Москве, Житомире, Одессе.³⁴

Не помешали читателям Гауфа и годы революции. Конечно, не роман о рыцарях, не новеллы, но сказки успешно пробивали себе дорогу к юному читателю Советской России. Вскоре после смены власти в России издательство «Всемирная литература» выпустило в свет иллюстрированный сборник сказок Гауфа, снабдив их соответствующим дидактическим оформлением.³⁵ Ненавязчивая назидательность и определенный социальный пафос сказок (ирония по отношению к сильным мира сего и сочувствие слабым) в некоторой мере спасали их, как думается, от придинок советской идеологической

³² Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 1. С. 42.

³³ Там же. С. 41 (стихотворение «Сказочный Шварцвальд»).

³⁴ Новейший известный нам перевод — Э. И. Ивановой — увидел свет в 2005 году в Москве и в 2009 году в Петербурге. Примем также во внимание российские издания «Лихтенштейна» в подлиннике (Киев, 1907; 3-е изд. М., 1908; Юрьев, 1913 и т. д.), а также переиздания в России новелл Гауфа (В 3 т. СПб., 1902; 2-е изд. 1903 — тиражом в 4600 экз.) и сборников сказок (В 2 вып. под ред. С. Чекало (М., 1891—1899) и еще несколько изданий: В 3 вып. Киев, 1911; «Портрет императора» с параллельным русским переводом, с примечаниями и словарем (СПб., 1902; 2-е изд. 1903); «Халиф-аист» (СПб., 1905; Ревель, 1914) и т. д.) для изучающих немецкий язык (материал заимствован из картотеки Н. Н. Бахтина, ИРЛИ РАН). См. также: Гауф В. Две сказки / Комм. и словарь Е. Гишман и А. Вильям. М., 1947; 2-е изд. 1949 («Молодой англичанин» и «История о халифе-аисте»).

³⁵ Гауф В. Сказки для детей среднего возраста / Рис. Ю. Ю. Черкесова; пер. Б. Д. Прозоровской под ред. А. Н. Тихонова. М.; Пг.: Всемирная литература, 1923.

цензуры. Сказки Гауфа публиковались в Советском Союзе практически без перерыва, если не считать годы Великой Отечественной войны.³⁶

Но полная свобода для публикации, изучения и обсуждения наследия Гауфа наступила уже в новой, постсоветской России, в конце XX столетия. О его произведениях пишется довольно много статей.³⁷ Часто, едва ли не ежегодно, появляются новые издания его книг, и прежде всего, конечно же, — сказок.³⁸

Человеку свойственно искать смысл в событиях окружающего мира. Искусство, литература передают этот смысл в зримых и словесных образах, многозначное «мерцание» которых заставляет зрителя или читателя думать, включать по мере сил собственное воображение, сопереживать изображаемым героям. *Сопереживание* — это, возможно, самое главное в процессе воспитания чувств, если вспомнить о стихотворении Цветаевой. Через сопереживание человек — только еще формирующийся духовно или уже взрослый — вступает в диалог с текстом и приближается к его смыслу. В произведениях великих или просто хороших авторов этот смысл, как бы мы ни формулировали его, состоит по сути дела в человечности, в гуманности, в любви и доброте. Это в полной мере относится к литературному наследию Вильгельма Гауфа.

³⁶ См., например: *Гауф В.* 1) Сказки / Под ред. А. Тихонова. М.: Детгиз, 1936; 2) Сказки / Вступ. статья Е. Пуритц; с илл. М.: Гослитиздат, 1938; 3) Молодой англичанин / Пер. И. Татариновой // Пионер. 1938. № 3. С. 87—97, и т. д.

³⁷ См., в частности: *Анищук Т. В.* Гауф и Э. Т. А. Гофман // В мире Э. Т. А. Гофмана: Сб. Калининград, 1994. С. 197—201; *Волощук Е. М.* Язык сказки В. Гауфа «Холодное сердце» // Архетипы в фольклоре и литературе. Кемерово, 1994. С. 55—57; *Лурье С.* Фокус Гауфа: Проза // Лурье С. Нечто и взгляд. СПб., 2004. С. 63—66; *Ботникова А. Б.* Вильгельм Гауф. С. 308—331, и т. д.

³⁸ *Гауф В.* 1) Фантасмагории в бременском винном погребе // Избр. проза немецких романтиков / Сост. А. Дмитриева; комм. М. Рудницкого. М., 1979. Т. 2. С. 299—345; 2) Сказки. Л., 1979; 3) Избранное. М., 1986; 4) Сказки. М., 1991; 5) Волшебные сказки. Иркутск, 1992 (тираж 100 тысяч экз.); 6) Сказки. Александрийский шейх и его невольники. М., 1992 (тираж 300 375 экз.); 7) Волшебные сказки. Запорожье; Калининград; Минск, 1993; 8) Корабль привидений. М., 1997; 9) Карлик Нос (сказки). М., 1998; 10) Сказки. Лихтенштейн. М., 2005; 11) Сказки. СПб., 2009, и т. д.

«НЕМЕЦКИЙ ТЕКСТ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. К. ТОЛСТОГО

(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)

По родственным, общественным связям, по местопребываниям Алексей Константинович Толстой укоренен в русско-малороссийском этнокультурном мире.¹ Но вместе с тем уже в детские годы благодаря влиянию его дяди А. А. Перовского² установились и западные ориентиры Толстого. В эстетическом плане здесь главенствовало оставшееся неизменным влечение к Италии.³ В культурно-историческом и литературном первенствовала, несомненно, Германия.

Познание ее началось еще в детстве через посредство именно А. А. Перовского, для которого немецкий романтизм, прежде всего Э. Т. А. Гофман,⁴

Владимир Алексеевич Котельников — главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹ По линии матери Анны Алексеевны Толстой (рожденной Перовской, 1796 или 1799—1857) прадедом А. К. Толстого был Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), последний гетман Украины (в 1750—1764 годах). В октябре 1817 года А. А. Толстая с полуторамесячным сыном уехала в наследственное имение Блистова, находившееся в Кролевецком уезде Черниговской губернии (ныне Брянская область), затем жила с ним в имениях Почеп, Погорельцы (Новозыбковского уезда) — преимущественно здесь и провел детские годы Алеши; позже он подолгу жил и в имении Красный Рог (Мглинского уезда той же губернии). В этих местах сложилась, так сказать, «натуральная» личность Толстого. Под сильным влиянием природы того края, русской и украинской народной культуры развились эмоционально окрашенные связи с этой средой, постепенно расширявшейся в сознании Толстого географически (до Крыма и Москвы) и исторически (до Киевской Руси). Все творчество его дает многочисленные и многообразные тому свидетельства.

² Алексей Алексеевич Перовский (1787—1836), человек широко образованный и талантливый, в светских и литературных кругах известный как «проказник милый» и как писатель (под псевдонимом Антоний Погорельский), участник Отечественной войны, член Петербургской Академии наук. Его обширные знания, художественный вкус, разнообразные дарования, непосредственное участие в культурной жизни избранного круга, наконец, собственное творчество — все это с ранних пор чутко воспринималось Алексеем и формировало его личность в направлении высоких духовных целей. Собранная К. Г. Разумовским одна из богатейших в России частных библиотек была унаследована через отца Перовским, постоянно ее пополнявшим, и стала для Алеши неисчерпаемым хранилищем книжных знаний, сокровищ мысли и словесности, как прежних эпох, так и современности. См. о нем: *Турьян М. А. Личность А. А. Перовского и литературное наследие Антония Погорельского // Погорельский А. Соч. Письма. СПб., 2010. С. 565—654 (сер. «Литературные памятники»).*

³ С марта по май 1831 года Толстой вместе с дядей и матерью путешествовал по Италии. О маршруте, виденных ими памятниках истории и искусства, о впечатлениях тринадцатилетнего Алеши некоторое представление дает дошедшая до нас часть его дневника (с 23 марта по 31 мая; впервые опубликовано: *Вестник Европы. 1905. № 1. С. 143—171*). В основном это памятная книжка, куда заносились краткие описания мест и обстоятельств поездки, наиболее знаменитых зданий, скульптур, картин, но иногда в записях проступают собственные оценки Толстого, пока еще основанные преимущественно на непосредственном чувстве, но уже намечающие эстетические предпочтения будущего поэта. Толстой никогда не расставался с открывшимся ему в Италии миром прекрасного, здесь он нашел те образчики искусства, из впечатлений от которых сложилось его представление о совершенной красоте, установился эстетический канон, легший в основание его творчества.

⁴ См.: *Игнатов С. С. А. Погорельский и Э. Гофман // Русский филологический вестник. СПб., 1914. Т. 72. С. 249—278; Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая*

был важным источником литературного творчества. Самым существенным же обстоятельством стало то, что в Германии Толстой оказался в такой среде, где ее высшая политика, культура, история, тесно связанные между собой, выступали перед ним в живых лицах и событиях.⁵ Начало тому было положено поездкой, совершенной весной 1827 года вместе с Перовским и матерью. В Веймаре мальчик был представлен будущему Великому герцогу Карлу-Александру Саксен-Веймарскому и Эйзенахскому (Karl Alexander August Johann von Sachsen-Weimar-Eisenach, 1818—1901), проводил с ним время в дворцовом парке, совершенствовался в немецком языке со своим гувернером Науверком (Nauwerk), которого вскоре сменил также немец Шад (Schad). Тогда же он побывал с Перовским у Гете, о чем позже вспоминал в письме к К. К. Павловой: «В эпоху детства разве то замечательно, впрочем, для меня одного, а не для публики, что я в 1826 году сидел на коленях у Göthe».⁶ В подарок от него, по семейному преданию, Алеша получил кусок мамонтового бивня, на котором Гете вырезал изображение корабля. Через сорок два года Толстой снова побывал в его доме, встретился с Оттилией, женой сына Гете, которая хотела с ним познакомиться. Свои впечатления Толстой изложил в письме к жене от 4 (16) сентября 1869 года: «Она живет в доме Гете, где ничего не переменялось и так дышит временем за 50 лет тому назад: та же мебель и на том же месте, и она сама принадлежит тому времени, и много говорит про Гете. Как-то все пахнет пылью, молью, кофе и старушкой — и грустно, и хорошо. Этот дом считался когда-то роскошным, а он не в пример беднее нашего Красногорского. И гипсовые статуи под бронзу там стоят, и ими, верно, Гете гордился».⁷

Впоследствии с Великим герцогом Толстой поддерживал дружественные отношения, а наследие Гете стало для него предметом глубокой эстетической рефлексии и материалом для творческой работы — в драматической поэме «Дон Жуан» и в переводах.

После недолгой службы на незначительных должностях высокопоставленные родственники добились причисления Толстого к русской миссии во Франкфурте-на-Майне, и он был «назначен (...) сверх штата» 13 января 1837 года,⁸ а через три дня новоявленный дипломат получил отпуск на три месяца «в разные российские губернии».⁹ Впрочем, в августе—сентябре этого года он был во Франкфурте, где завел знакомства в дипломатических и светских кругах.

Тем временем Толстой вступил на поприще литературы, которую решительно избрал для себя как главное дело жизни. В мае 1841 года вышла отдельным изданием его повесть «Упырь». Ею открывается ряд произведений, созданных Толстым в традиции демонологической фантастики, источниками которой для него были русский и европейский фольклор, творчество Гоголя и таких писателей, как Дж. У. Полидори (опубликовавший повесть «Вампир» под именем Байрона), Ш. Нодье, П. Мериме, Т. Готье. Но преобладали, конечно, немецкие авторы: Л. Тик, А. Мюльнер, З. Вернер, Ф. Грильпарцер и другие. Однако наиболее значительным было все-таки влияние Гофмана, исходившее как непосредственно из его произведений, так и из от-

половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. С. 56—68.

⁵ Главными местопребываниями Толстого там были преимущественно Великое герцогство Саксен-Веймарское и Эйзенахское, Саксония, отчасти Пруссия.

⁶ ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 343. Л. 2. Датируется по содержанию (автор письма сообщает, что ему «чуть ли не 44») периодом до августа 1861 года. 1826 год указан Толстым ошибочно.

⁷ Толстой А. К. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1908. Т. 4. С. 146.

⁸ См.: Формулярный список 1851 года // РГИА. Ф. 1261. Оп. 5. № 165. Л. 2 об. — 3.

⁹ Там же.

ражений их у Перовского, очень высоко Гофмана ценившего и вовлекшего в его мир племянника. Не случаен тот факт, что на заказанном в Германии экземпляре «Упыря» под дарственной надписью графине Л. К. Виельгорской (жене М. Ю. Виельгорского) Толстой приводит по-немецки отрывок из «Серрапионовых братьев» Гофмана,¹⁰ а эпиграфом к драматической поэме «Дон Жуан» взят отрывок из одноименной новеллы Гофмана.¹¹

Немецкий романтизм, несомненно, способствовал возникновению у Толстого интереса к современной философской проблематике, разрабатываемой немецкими мыслителями, — интереса, как выясняется, отнюдь не случайного и не поверхностного, но кажущегося тем более неожиданным, что Толстой часто декларировал свою безраздельную погруженность в иррациональные стихии поэзии, в чувственно переживаемый им мир природы. Однако стоит взглянуть в интеллектуальные линии, проступающие в стихах и письмах, как мы отчетливо различаем, наряду с историческими, этическими воззрениями, метафизические устремления его мысли.¹² В чем, бесспорно, сказывалось влияние немецкого идеализма в его романтических (Шиллер, иенцы и гейдельбержцы), натурфилософских (Гете, Шеллинг) и — в меньшей степени — рационалистических (Гегель) версиях. В рукописных воспоминаниях Д. Н. Цертелев утверждал, что «ближе всего по воззрениям стоял он к Шопенгауэру. Он любил и перечитывал этого остроумного философа, часто ссылаясь на него. Он был недалек от буддийских верований».¹³

Толстому действительно были наиболее вняты идеи и понятийно-логический язык А. Шопенгауэра, что, в частности, явствует из чтения им сочинения «*Parerga und Paralipomena*» (1841, 1851). Об этом он писал из Берлина жене 12 (24) января 1868 года: «Я дорогой все читал „*Parerga und Paralipomena*” и не только все понял, но даже все это знал прежде, чем прочел. Собственным умом дошел. Особенно то, где говорится über eine andere Art von Sein,¹⁴ т. е., что если и уничтожится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно, как если бы выздоровевший хромым тужил о костылях. Индивидуальность — это только ограниченная Art von Sein. Она даже и не пропадет в том смысле, как 1, 2 и 3 не пропадут, если их вставить в 10».¹⁵ Продолжая читать Шопенгауэра и позже, Толстой пронизательно отметил существенное противоречие в главном сочинении философа «Мир как воля и представление»: «У меня самое большое почтение к его уму, и многое совершенно ясно и правдоподобно, — писал он тому же адресату из Карлсбада 20 июля (1 августа) 1871 года, — а в самом Ausgangspunkt¹⁶ для меня

¹⁰ На этот инскрипт Толстого указано в издании: *Марков А. Ф.* Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 46—49.

¹¹ В обстоятельной по материалу и подробному анализу текстов монографии, посвященной связям Толстого с немецкой культурой (и прежде всего — с литературой), значение Гофмана, к сожалению, осталось вне специального рассмотрения, упомянута лишь его новелла «Дон Жуан» (см.: *Шешнева Т. Н.* А. К. Толстой и Германия: Из истории международных литературных связей. М., 2008. С. 17).

¹² Настолько серьезные, что, по мнению А. Ф. Лосева, метафизическая мысль Толстого, облеченная в поэтическую форму, воздействовала на философию Вл. С. Соловьева (см.: *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 49—56). В названной форме она выражалась в толстовских стихотворениях «Меня, во мраке и пыли...» (1851 или 1852), «В стране лучей, незримой нашим взорам...» (1856), «О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище...» (1858) и др.

¹³ *Цертелев Д. Н.* Записки о графе Алексее Константиновиче Толстом (Материалы для некролога) // ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1644. Л. 7.

¹⁴ о другом виде бытия (*нем.*). При цитировании текстов писем Толстого фрагменты на немецком языке переведены нами заново и приводятся в сносках.

¹⁵ *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 138.

¹⁶ отправной точке (*нем.*)

противоречие, и вообще вся система основана на человеке и на явлениях нашей планеты и тех, о которых можно догадываться, судя с нашей планеты. И эта *empirische Wahrnehmung*¹⁷ служит ему основанием *des transcendentischen Teils seiner Lehre*,¹⁸ выведенной с необыкновенной последовательностью не только в отношении к нашей жизни, но и к бытию вообще, что мне кажется несколько — *zuvorgreifend*».¹⁹ Не только в связи с Шопенгауэром, с другими немецкими философами, но и в ходе развития собственной мысли и в процессе творческой работы он приходил к большим философским темам. Но, не склонный к чисто умозрительной трактовке, он разрабатывал их в художественной форме. Так появлялись упомянутые выше (в примечании 12) стихотворения, в которых он устремлялся к «мирам иным», так возник интерес к вечным коллизиям бытия и личного духа, нашедший воплощение в драматической поэме «Дон Жуан», задуманной в конце 1857 года и завершённой в 1861 году. Суть происходящего в ней Толстой обозначил следующими словами в немецком эпиграфе, взятом из «Дон Жуана» Гофмана: «Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen...»²⁰ Такое столкновение переживают люди сильных страстей и духовных порывов, оно отразилось во многих образах европейской литературы, в том числе и у Толстого.

Притягивала Толстого сама культурная атмосфера Германии во всех ее проявлениях, в том числе и материальных, которые он воспринимал чувственно-поэтически. После очередного летнего курса лечения в Карлсбаде Толстой по приглашению Великого герцога Веймарского в сентябре 1867 года гостил в его замке, обсуждал с ним предстоящую постановку трагедии «Смерть Иоанна Грозного», ездил на охоту, и с настоящим историко-художественным наслаждением впитывал в Вартбургском замке герцога столь любимый им дух старой европейской культуры, о чем с восторгом сообщал жене в письме из Вартбурга от 7 (19) сентября: «Если бы ты знала, как здесь хорошо! Я приехал сюда с Мейендорфом,²¹ мы обедали у *Serenissim'уса*²² в комнате св<ятой> Елизаветы, где она жила, где находятся ее вещи и мебели в византийской комнате, но очень грубой и маленькой, с колонной посреди комнаты, а чай пили у *Schlosshauptmann von Arnswald*²³ в дубовой комнате с гербами и старинной посудой. <...> Но все дышит здесь рыцарством и Западом, и мне, право, свободнее дышится, и я с завистью смотрю на все эти фамильные портреты и фамильную посуду начиная с

¹⁷ эмпирическое восприятие (*нем.*)

¹⁸ трансцендентной части его учения (*нем.*)

¹⁹ Там же. С. 156. *Zuvorgreifend* — забегающим вперед (*нем.*).

²⁰ «Это столкновение божественных и демонических сил обуславливает понятие земной жизни...». Д. Н. Цертелев писал о поэме: «Если бы даже и не было эпиграфа из Гофмана и пролога к ней, то все же нельзя было бы не заметить глубокого метафизического смысла ее» (Цертелев Д. Н.]. Отношение графа Алексея Константиновича Толстого к Пушкину (Из неоконченной статьи князя Дмитрия Николаевича Цертелева) // Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 15 авг. № 182. С. 2).

²¹ Мейендорф Феликс Казимирович фон (*Meyendorff*, 1834—1871) — барон, представитель древнего дворянского рода остзейских немцев, дипломат на русской службе. В начале 1860-х годов по поручению канцлера А. М. Горчакова он выполнял важную миссию при Ватикане и даже получал аудиенции у Папы Пия IX; во время последней из них имел смелость дерзко отвечать Папе, после чего ему пришлось покинуть папский дворец. Позднее он был поверенным в делах при дворе Великого герцога. Толстой находился с ним в дружеских отношениях и написал обращенное к нему послание «Барон, тебе делившему...» (1867), а также один стихотворный набросок.

²² *Serenissimus* — Светлейший (*лат.*). Титул Великого герцога Саксен-Веймарского Карла-Александра.

²³ управляющего замком фон Арнсвальда (*нем.*)

XI столетия. *Serenissimus* хочет послать за Х*** в Веймар, чтобы читать „Федора”, и говорит, что много про него слышал...»²⁴

По поводу постановок названных пьес Толстой писал М. М. Стасюлевичу 7 октября 1869 года: «После Карлсбада я был в Веймаре и на Вартбурге, где происходило чтение „Федора” в великолепном переводе г(оспо)жи Павловой. Эффект превзошел мои надежды. „Федор” будет дан на веймарском театре и, кажется, на некоторых других. „Смерть Иоанна” будет дана в Вене, на *Burgtheater*. Об этом мне уже писали оттуда».²⁵

Однако с постановками пьес в Германии и Австрии все получилось не совсем так, как предполагал Толстой. Постановка «Царя Федора Иоанновича» не осуществилась. Главной причиной этого тогда было отношение к ней Генриха Лаубе (*Laube*, 1806—1884), немецкого писателя, драматурга, театрального деятеля, директора венского *Burgtheater* и с 1869 года — театра в Лейпциге. Будучи одним из вождей революционного литературного движения «Молодая Германия», он не сочувствовал творчеству Толстого и способствовать постановке его трагедии не хотел; возможно, его позицию разделяли и некоторые другие директора театров. Объяснения Лаубе Толстой изложил в обращении к Павловой стихотворении «*Nun bin ich hier angekommen...*» 5 (17) августа 1870 года:

Vor kurzem begegnet' ich Laube,
Den Fedor besah er bei Licht,
Und meinte, die Bühne erlaube
Ein solches Thema nicht.

Er meinte, die deutsche Bühne,
Sie wollte nur stammfeste Leut',
Dabei eine hübsche Sühne
Und Liebe, ihr zum Geleit.

Der Fedor sei eine Verneinung
Im Herrschen gar nicht gewandt...²⁶

Впервые с Лаубе поэт познакомился за два с лишним года до этого и даже, как сообщал жене, подружился. Ей же он описывал ту встречу в письме от 18 (30) июня 1868 года: «Потом мне сказали, что ко мне хочет прийти бывший директор венского театра — *Laube* (очень известный). Его никто не любит, и, говорят, у него скверный характер, но его высоко ставят как директора. Я взял да пошел к нему: он сидел в беседке; я говорю: — я такой-то. Он говорит: — Очень рад, давно хотел, и пр. Потом он начал говорить немного покровительственно: — где получили воспитание? и пр. Я пропустил, на все отвечал скромно, а потом стал его экзакменоват: где он воспитывался? где родился? сколько ему лет? давно ли управляет театром? и пр. Он умный и тотчас сделался скромным, и мы начали говорить про Шекспира...»²⁷

Трагедия «Смерть Иоанна Грозного» в Германии имела вполне благополучную сценическую судьбу. После читки пьесы в веймарском театре Тол-

²⁴ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 130—131. Речь идет о трагедии Толстого «Царь Федор Иоаннович».

²⁵ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1441. Л. 92—92 об.

²⁶ Недавно я встретил Лаубе, он внимательно рассмотрел Федора и сказал, что эта тема не годится для сцены. Он считал, что немецкой сцене требуются только люди с твердым стержнем, причем им должно сопутствовать красивое покаяние, сопровождаемое любовью. Федор же — это отрицание, он не способен к власти... (*нем.*) (ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 352. Л. 9—10). Здесь и далее перевод мой. — В. К.

²⁷ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 145.

стой сообщал жене 15 (27) января 1868 года: «Директор стоит за успех и говорит, что во всю его карьеру он в немецкой литературе ничего не читал „was Diesem gleich käme“.²⁸ Одним словом, я — лев!»²⁹ Наконец, после нескольких дней репетиций, 18 (30) января состоялась премьера, во время которой в ложу к Толстому заходили с поздравлениями директор, актеры, высокопоставленные лица из публики, а по окончании спектакля Великий герцог пригласил его в свою ложу и затем на ужин. На следующий день он писал С. А. Толстой: «...меня сравнивают с Шекспиром и с Гете — одним словом, фурор».³⁰ Но сам драматург был не очень доволен постановкой, и главной причиной стала игра Лефельда (Lehfeld), который оказался «гораздо слабее, чем на репетициях» и произвел впечатление «не умного актера».³¹ Хотя его лицо было «великолепно — настоящее лицо Ивана»,³² воплотить замысел он не сумел. Успех пьесы стал известен в Германии, и летом 1868 года тогдашний директор лейпцигского театра просил Толстого дать ему трагедию для постановки.

Толстой, глубоко чувствовавший музыку и разбиравшийся в ней (он сам уже в детстве неплохо играл на клавинофордах), хорошо знал произведения Моцарта, Бетховена,³³ предпочитая последнего Шуберту. Не ограничиваясь венской классикой, он находил достоинства и в этнографизме оперы Д. Мейербергера «Африканка», с ее «надлежащими диссонансами и африканскими дудочками и эффектами».³⁴ В Карлсбаде он сдружился с дрезденским музыкантом Хартманном и писал жене 9 (21) августа 1866 года: «...мы все говорим про музыку, про Листа, он его ученик и ужасно его любит, про Глюка и про Моцарта, и про Вагнера».³⁵

Музыка Рихарда Вагнера³⁶ оказалась не чужда Толстому; 31 июля (12 августа) 1867 года он писал жене из Дрездена о своих впечатлениях: «Я вчера пошел слушать „Лоэнгрин“ и нашел его *великолепным*; мне кажется, что Вагнер для меня открылся так же, как Бетховен... Мне стоило громадных усилий, чтобы не расплакаться в первом акте, когда Лоэнгрин появляется на лебеди. Но я не дошел до того, чтобы восхищаться всей оперой, и второй акт, наполненный речитативами, мне показался страшно скучным. Третий акт, напротив... разговор на диване и отъезд Лоэнгрин — меня опять привел в волнение».³⁷ Через два года музыкально-драматургический сюжет «Тангейзера», основанный на коллизии чувственного наслаждения в «гроте Венеры» и сурового долга, олицетворяемого пилигримами, подействовал на Толстого еще сильнее, и, видимо, под влиянием этого сюжета он услышал в опере мелодизм, который, в форме традиционных гармоний, на самом деле занимал там незначительное место и от которого реформаторство Вагнера уже в 1845 году начинало отходить в сторону свободно-текучей смены звуковых высказываний. «Я только что вернулся из „Тан-

²⁸ что было бы похоже на это (нем.)

²⁹ Там же. С. 138—139.

³⁰ Там же. С. 143.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 142.

³³ В июле 1870 года он писал жене из Дрездена: «Я жажду Бетховена, но на этот раз его нигде не играют...» (Там же. С. 148).

³⁴ В письме к С. А. Толстой от 10 (22) августа 1865 года (Там же. С. 119).

³⁵ Там же. С. 122.

³⁶ Вагнер Вильгельм Рихард (Wagner, 1813—1883) — немецкий композитор, автор многочисленных новаторских опер, в том числе упоминаемых здесь Толстым: «Лоэнгрин» («Lohengrin», 1850), «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» («Tannhäuser und der Sängerkrieg auf der Wartburg», 1845), «Нюрнбергские мейстерзингеры» («Die Meistersinger von Nürnberg», 1868), «Летучий голландец» («Der fliegende Holländer», 1843).

³⁷ Там же. С. 127.

гейзера”. Я не могу тебе сказать, какое глубокое впечатление он на меня производит. Я приехал до увертюры и уехал после последней ноты, не пропустив ни одной, и не почувствовал ни одной минуты усталости. Я не знаю, известно ли имя *Ниман*, но я его считаю великим певцом и великим драматическим актером, — именно *великим*. Какая великолепная опера, и как мелодична от начала до конца, и какой драматизм! Как великолепен последний акт — глубоко потрясающий! <...> И возможно ли, что Вагнер — каналья? Если Вагнер приобрел репутацию за то, что не признает мелодии, то, конечно, не через „Тангейзера”. Хорошо ли ты помнишь увертюру? Можно ли сказать, что в ней недостает мелодии?»³⁸ Меньшие восторги вызвала опера «Нюрнбергские мейстерзингеры» в 1871 году, о посещении которой он писал жене 14 (26) июля: «А вчера я был на „Meistersinger”, и ко мне присоседился Firks,³⁹ т. е. пошел со мной — и уж ругался, ругался и хотел тотчас уйти, но я его стыдил, и мне было очень интересно выслушать два акта, а последнего, третьего, я не высидел <...> В конце второго акта есть удивительная fuga, начинающаяся серенадой и кончающаяся дракой хора, все — та же fuga. А речитативы между двумя или тремя лицами очень, очень скучны и длинны».⁴⁰ Слушал он и «Летучего Голландца», о чем сообщил в письме к тому же адресату 9 (21) декабря 1871 года, отозвавшись попутно о популярной тогда опере: «Я сейчас был на „Fliegende Holländer”. Не скажу, чтоб он мне понравился, и весь первый акт я сладко проспал. Потом стало лучше. А в „Holländer” есть одна фраза из баллады „Рогнеды”. А Degele тем невыносим, что он всегда, когда в какой-нибудь фразе есть одна длинная нота, а потом короткая, не иначе переходит к короткой, как хроматически, и всегда так, что его хочется прибить. Как это ему позволяют?»⁴¹

Своими музыкальными впечатлениями Толстой делился и с Б. М. Маркевичем.⁴² 25 ноября (7 декабря) 1871 года он писал ему из Дрездена, куда приехал на два дня, оставив жену в Берлине: «Но я не хочу отдаляться от Эгери и <так он шутливо именовал С. А. Толстую. — В. К.> более, чем на 3½ часа. Я оставил ее под покровительством Фредро и уверен, что без меня они будут вагнеризировать в сговоре с госпожой Шлейниц, которая представляет собой госпожу Муханову в Берлине. То, что я говорю, не есть кощунство в отношении Вагнера; мои глаза наполняются слезами всегда, когда я слушаю первый финал „Лоэнгрин”, также и при его последнем рассказе; но я всякий раз ухожу из залы, когда злодей и злодейка начинают ругаться в темноте, и утверждаю, что это смертельно скучно. <...> Знаете,

³⁸ Письмо от 14 (26) сентября 1869 года (Там же. С. 146—147).

³⁹ Барон Федор Иванович Фиркс (1812—1872), который выступал в печати под псевдонимом Д. К. Шедо-Ферроти и получил громкую известность, когда в августе 1861 года в Берлине вышла его брошюра «Lettre à monsieur Herzen» («Письмо к господину Герцену»).

⁴⁰ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 155.

⁴¹ Там же. С. 158.

⁴² Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884) — прозаик, публицист, критик; в 1860—1870-е годы принадлежал к высшим кругам Петербурга, был вхож в ближайшее окружение Императрицы Марии Александровны. Пользуясь своей исключительной осведомленностью о светской жизни, о закулисных сторонах политики и литературы, обладая незаурядной наблюдательностью, Маркевич дал колоритные описания (выдержанные в охранительном направлении) поместного и столичного общества в романной трилогии «Четверть века назад» (1878—1885), романе «Марина из Алого Рога» (1873), в персонажах которых были узнаваемы известные личности. С Толстым его связывали общность взглядов, литературные интересы и взаимная личная симпатия. В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН хранятся письма Толстого к Маркевичу, к нему обращены несколько стихотворений поэта. См. также: Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе // Толстой А. К. Полн. собр. соч. и писем: В 5 т. М., 2017. Т. 1. С. 708—709; Correspondance en français entre Alexis Konstantinovich Tolstoï et Boleslav Markévich (1858—1875): Controverse littéraires et politiques / Correspondance inédite, présentée et annotée par M. Niqueux. Lyon, 2015.

что я сейчас слышал? Старую оперу Маршнера „Вампир“. Это недурно; есть красивые фразы и целые хоры из „Дон-Жуана“ Моцарта. В Дрездене то хорошо, что можно услышать музыку, какой нигде в другом месте не услышишь. Послезавтра дают „Альцесту“ Глюка и, конечно, я пойду». ⁴³

И еще две любопытные подробности музыкальной жизни Толстого: в 1860 году он сообщал Маркевичу в письме от 20 марта (1 апреля), что у него в Пустыньке (имение под Петербургом) будет «превосходной работы орган Кавалье Колля (современной знаменитости)». ⁴⁴ Но найти хорошего исполнителя он надеялся только в Германии: «einen tüchtigen Organisten. Der uns was hübsches aus den alten Bach vorspielen soll». ⁴⁵ Кроме того, он хотел привезти лейпцигского пианиста Дерфеля (Derfel — «его специальность — Beethoven»), что обещал жене в письме из Карлсбада от 10 (22) августа 1866 года: «Уж я как-нибудь привезу его к тебе в Пустыньку... Пусть он нам играет Бетховена». ⁴⁶

Ближайшим другом Толстого в Германии, поверенным в литературных делах и переводчиком его произведений стала Каролина Карловна Павлова (рожденная Яниш, 1807—1893; из семьи обрусевшего немца) — известная поэтесса, переводчица, прозаик. В 1830—1850-х годах занимавшая видное место в кругу современных литераторов (прежде всего московских), она, после нескольких лет, проведенных в Петербурге, в середине 1850-х уехала в Европу, а с конца 1858 года и до смерти жила в Пильнице, неподалеку от Дрездена, где с ней в конце 1860-го или в начале 1861-го познакомился Толстой. Тогда же, услышав в чтении Толстого завершаемого им «Дон Жуана», она взялась переводить его на немецкий язык. Благодаря ее прекрасным переводам в Германии вскоре стали известны стихотворения Толстого и трагедии «Смерть Иоанна Грозного» и «Царь Федор Иоаннович». В хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН письмах Толстого к Павловой находятся фрагменты его стихотворений на русском и немецком языках и немало заметок, отражающих работу над стихом, советы корреспондентке по переводу его произведений. ⁴⁷ Дружеские отношения с ней Толстой поддерживал до конца своей жизни; в сентябре 1863 года он ходатайствовал перед Великой княгиней Еленой Павловной о назначении Павловой пенсии, которую она и стала получать со следующего года.

Их совместную литературную деятельность Толстой описал в шутовском четверостишии, посланном Павловой в письме от 8 сентября 1867 года:

Средь чертога иль средь хаты
Жребий ваш есть жребий мой,
Переводами чреваты,
Мы идем рука с рукой. ⁴⁸

⁴³ ИРЛИ. Ф. 301 (Архив А. К. Толстого). № 9. Л. 193 об. — 194; подлинник по-французски. Фредро Александр (Fredro, 1793—1876) — польский поэт и драматург. Шлейниц Мария фон (von Schleinitz, 1842—1912) — жена Александра фон Шлейница, хозяйка артистического салона в Берлине, бывшего центром вагнерианства. Муханова Мария (1822—1874) — пианистка и меценатка, жена директора варшавских театров Сергея Сергеевича Муханова. Маршнер Генрих Август (Marschner, 1795—1861) — немецкий композитор и дирижер, автор нескольких опер, в том числе оперы «Вампир» («Der Vampir», 1828). Глюк Кристоф Виллибальд (Gluck, 1714—1787) — немецкий композитор, создатель оперы нового типа, автор 107 опер, в том числе «Альцесты» («Alceste», 1767).

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 301. № 9. Л. 16; подлинник по-французски.

⁴⁵ Хорошего органиста. Который сыграет нам что-нибудь красивое из старого Баха (нем.) (Там же).

⁴⁶ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 122.

⁴⁷ См.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 343, 344, 345, 348, 349, 350, 351, 352. Из 123 писем и телеграмм Толстого к Павловой опубликованы 17.

⁴⁸ Там же. № 344. Л. 25.

В упомянутом выше стихотворении «Nun bin ich hier angekommen...» Толстой (в связи с безупречным переводом Павловой его трагедии «Царь Федор Иоаннович») позволил себе продолжить тему более фривольно:

Ich habe die Überzeugung
(Die haben Sie auch fürwahr!),
Daß bei der bekannten Zeugung
Apollo zugegen war.

Das Ding, dem wir das Leben
Und den poetischen Hauch
Im keuschen Beiwohnen gegeben,
Wird nimmermehr ein Schlauch.⁴⁹

Склонный играть стилями, масками своего лирического персонажа, Толстой в стихах и перед Павловой являлся в разных обликах — от грубовато-шутливого (в немецком духе) рассказчика до галантного, хотя и не слишком утонченного поэта-кавалера. Последним он предстает в стихотворении, посланном ей в письме 1 (13) сентября 1869 года:

Hart wie Cäsar, hoch und hehr,
Unterjocht Ulrici,
Könntest sagen just wie der:
«Veni, vidi, vici!»

Denn dein Myrt ist ewig grün,
Wenn davon auch leiden
Der Herr Doktor Gustav Kühn'
Und Professor Schleiden.

Wer ist sonst in Pillnitz noch
Tauglich zum Verführen?
Spann' auch diesen in dein Joch,
Laß' dich zieh'n von vieren!

Peitschenknall und Schellenklang,
Und des Bürgers Grollen,
Wenn er hört die Elb' entlang
Die Quadriga rollen!⁵⁰

Павлова не осталась в долгу и отвечала Толстому стихотворным письмом от 5 (17) сентября того же года.

Два любопытных эпизода их литературных отношений связаны с переводческой работой.

⁴⁹ Я убежден (как, наверное, и Вы тоже), что Аполлон присутствовал при известном зачатии. Вещь, которой мы дали жизнь и поэтическое дыхание во время целомудренного зачатия, никогда не будет пустой (*нем.*) (Письмо к К. К. Павловой от 5 (17) августа 1870 года // Там же. № 352. Л. 9).

⁵⁰ Твердая, как Цезарь, важная и величественная, ты, покорившая Ульрици, могла бы сказать вслед за Цезарем: *Veni, vidi, vici*. Ибо твой миртовый венок вечно зелен, хотя от этого и страдают господин доктор Густав Кюне и профессор Шлейден. Кого еще стоило бы обольстить в Пильнице? Запряги и того тоже, и позволь им везти тебя вчетвером! Щелканье бича, звяканье бубенцов и недовольство обывателя, когда он слышит, как квадрига катится вдоль Эльбы (*нем.*) (Там же. Л. 2). Ульрици Герман (Ulrici, 1806—1884) — немецкий философ и эстетик, профессор в Галле; Толстой встречался с ним в Карлсбаде в 1869 году. Кюне Густав (Kühne, 1806—1888) — немецкий писатель и критик. Шлейден Матиас-Якоб (Schleiden, 1804—1881) — немецкий ботаник, профессор в Йене; Толстой познакомился с ним в Дрездене в 1862 году.

Набросок Толстого «То древний лес. Дуб мощный своенравно...» (1869) представляет собой начатый и не завершённый перевод монолога Фауста из второй части трагедии Гете (Акт III, описание Аркадии); Толстой взял десятую строфу:

Alt-Walder sind's! Die Eiche starret mächtig,
Und eigensinnig zackt sich Ast an Ast;
Der Ahorn mild, von süßem Saft trüchtig,
Steigt rein empor und spielt mit seiner Last.⁵¹

По поводу данного перевода возникла весьма интенсивная переписка между Толстым и Павловой. В письмах к ней от 9, 11, 12, 13 сентября 1869 года Толстой, упорно работавший над переводом, посылает семь его вариантов. Приведем два первых:

«Voici deux autres versions:

Вот мощный дуб раскинулся широко,
Из сука сук изгибами торчит;
Вот тихий клен, живого полон сока,
Взлетает, прям, и ношей шелестит.

Ou bien:

Вот мощный дуб; кривясь своенравно,
Над суком сук изгибисто торчит,
Вот сочный клен восходит к небу плавно
И тяжестью играя, шелестит».⁵²

В последующих вариантах Толстой вносил все новые изменения, но удачно найденный им образ «кудри ветвей» настойчиво повторял, несмотря на замечания корреспондентки. Однако и седьмой вариант:

Могучий дуб. Зубцами своенравно
От сука сук торчит в кудрях ветвей;
Клен, сока полн, восходит к небу плавно
И, чист, играет ношею своей, —⁵³

оказался не окончательным.

Отвечая Павловой в последнем по этому поводу письме от 14 сентября 1869 года на какое-то замечание об этих стихах (в не дошедшем до нас ее послании), он спрашивал: «А отчего, позвольте спросить, Вам претит:

В кудрях ветвей?

Разве у дуба ветви не кудрявы?»⁵⁴

В письме к Павловой от 14 (26) февраля 1875 года Толстой сообщал, что Ф. Лист несколько раз просил его прислать сделанный ею перевод баллады «Слепой», чтобы написать к ней музыку. Но полученный от Павловой перевод не нравился Толстому, и он отослал его ей обратно вместе с весьма критичными замечаниями. После чего он пишет: «Я приношу Вам свое покаяние... После того как мне попался другой перевод этой маленькой поэмы, я

⁵¹ Этот немецкий текст Толстой приводит в письме к Маркевичу от 15 декабря 1869 года, предваряя его словами: «Не угодно ли другой перевод из Гете? Вот он» (ИРЛИ. Ф. 301. № 9. Л. 143 об.; подлинник по-французски).

⁵² Письмо к К. К. Павловой от 9 сентября 1869 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 345. Л. 33).

⁵³ Письмо к К. К. Павловой от 13 сентября 1869 года (Там же. Л. 45).

⁵⁴ Там же. Оп. 22. № 352. Л. 4—4 об.

особенно оценил Ваш перевод». Но поскольку Листу хотелось поскорее получить немецкий текст для музыки, он дал его перевести некоему лицу, «имени которого, — говорит Толстой, — я не хочу называть, и когда мне переслали перевод, я чуть было не лишился чувств и воскликнул: veto!».⁵⁵ И в этом же письме он отправляет поэтическое послание, полагая, что именно в немецких стихах возможно соединить излюбленное в его обращениях к Павловой сочетание серьезного содержания с грубоватым юмором:

Ich war mit Ihnen grob
Und währte mich im Rechte.
Oh zürnen Sie darob
Nicht Ihrem treuen Knechte.

Ich suchte manchen Fleck
Zu finden in der Sonnen, —
Oh weh mir! Ich verreck!
Was hab' ich denn begonnen!

Oh weh! Oh harte Pein!
Oh jemine! Oh Zeter!
Ich selber mußte sein
Des ganzen Jammers Täter!

Nun ist das Gute weg —
Und vor mir liegt das Schlechte.
Es wär' wahrhaftig Dreck,
Das ich zu Markte brächte!

Как честный человек,
Ich will mich selbst bestrafen,
Ich stell' mich in die Eck',
Geh' weiden mit den Schafen.

Wenn Ihnen härt're Pein
Zu fordern nur geruh'te,
Ich geh' unter die Schwein',
Ich gebe mir die Rute!

Mein Herz verblutet vorn —
Befehlen Sie, o Gute,
Wenn sich nicht legt Ihr Zorn,
Daß ich von hinten blute.⁵⁶

Толстой, видимо, обсуждал с ней в начале 1860-х годов ее перевод «Фауста» (до нас не дошедший). В относящемся к тому времени стихотворном послании к Павловой («Прошу простить великодушно...») он предлагает свой перевод стиха из монолога Фауста («Und Fluch vor allen der Geduld!»), вызвавшего у нее затруднение:

⁵⁵ Там же. № 347. Л. 47; подлинник по-французски. Veto! — запрещаю! (*лат.*).

⁵⁶ Я был с Вами груб и ложно полагал, что я прав. О, не гневайтесь на Вашего верного слугу! Я пытался найти пятно на солнце — о горе мне! Я подыхаю, что же это я затеял! Увы! О тяжкое мучение! Боже мой! О спасите! Я сам оказался виновником всего, что произошло. Хорошее теперь удалилось, а передо мной лежит плохое, было бы настоящей дрянью, что я чуть было не пустил в оборот! Как честный человек, я хочу наказать себя. Я ставлю себя в угол, иду пасть с овцами. Если Вам угодно требовать более жестокую муку, я отправлюсь к свиньям, надаю себе розог! Мое сердце исходит кровью спереди — прикажите, о добрая, если гнев Ваш не уляжется, чтобы я исходил кровью и сзади! (*нем.*) (Там же. Л. 47—47 об.).

Но как Вам кажется, скажите,
 Нельзя ли тот строптивый стих
 (Храня при том с почтеньем эха
 Оригинала глубину)
 Перевести не без успеха:
 «Терпенье глупое клян»?⁵⁷

Сам Толстой неоднократно занимался переводами из Гете.⁵⁸ До нас дошли (кроме приведенного выше отрывка «То древний лес. Дуб мощный своенравно...») фрагмент «Как месяца неполный алый круг...» (перевод нескольких стихов Гете из первой части «Фауста», начало «Вальпургиевой ночи», слова Мефистофеля: «Wie traurig steigt die unvollkommene Scheibe...»), переводы двух песен Клерхен из драмы «Эгмонт» («Радость и горе, волнение дум...», «Трещат барабаны, и трубы гремят...» — «Freudvoll und leidvoll...», «Die Trommel gerühret...») и полные переводы двух больших стихотворений: «Бог и баядера» («Der Gott und die Bayadere»), «Коринфская невеста» («Die Braut von Korinth»).

Толстой был доволен своим первым большим переводом и 31 июля (12 августа) 1867 года сообщил жене: «А я перевел очень хорошо „Der Gott und die Bayadere“»⁵⁹ и 18 (30) сентября 1867 года писал ей: «Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чем m-me Павлова, с немецкого на русский. С русского на немецкий я уверен, что она лучше переводит. „Бог и баядера“ гораздо легче (чем «Коринфская невеста». — В. К.), так как там нет этих коротеньких стихов, и вышло по-русски очень гармонично и, мне кажется, переносит вполне читателя в желаемую сферу, тождественную с оригиналом».⁶⁰

О переводе данного стихотворения В. М. Жирмунский писал: «Черновые наброски перевода „Бога и баядеры“, сохранившиеся в записной книжке 1867 г., и сравнение первопечатной редакции (...) с окончательными собраниями стихотворений показывают, как долго и строго работал Толстой над окончательным текстом своих переводов».⁶¹

В это суждение необходимо внести поправку: в Записной книжке имеется только один набросок — стихов 12—19 этой баллады.⁶² Все остальные изменения (незначительные) первопечатного текста (журнальной редакции⁶³) были внесены Толстым в окончательный текст при подготовке его для последнего прижизненного издания,⁶⁴ и следов этой авторской работы в рукописных материалах нет. Баллада, видимо, действительно далась поэту без особенных усилий. Чего нельзя сказать о «Коринфской невесте». Этот немецкий текст потребовал от Толстого необычайно долгого, упорного труда — как ни одно из его оригинальных или переводных произведений. Черновые автографы фрагментов, наброски, варианты его занимают несколько десятков страниц Записной книжки, многие из стихов сопровождаются обильной многослойной правкой. Но такая работа с немецким текстом доставляла Толстому настоящее творческое удовольствие.

⁵⁷ Там же. № 352. Л. 43 об.

⁵⁸ Сопоставление переводов с оригиналами на основании опубликованных текстов дано в работе: Шешнева Т. Н. А. К. Толстой и Германия. С. 60—82.

⁵⁹ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 127.

⁶⁰ Там же. С. 129.

⁶¹ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 349.

⁶² ИРЛИ. Ф. 301. № 6. Записная книжка [1]. Л. 3.

⁶³ Русский вестник. 1867. № 9. С. 259—262.

⁶⁴ Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. СПб., 1876. Т. 2. С. 397—401. Хотя это издание вышло после смерти поэта, он успел подготовить к печати почти все вошедшие в него произведения.

Он писал жене из Дрездена 31 июля (12 августа) 1867 года: «...теперь перевожу „Die Braut von Korinth“; не знаю, удастся ли оно, но я скажу, как *Glück à Marie Antoinette*: „C'est magnifique!“⁶⁵ — то есть, некоторые строфы, которые я взял наудачу и с конца, и с середины. Только это я здесь и могу писать, потому что можно взять в карман маленькую книжку и карандаш и гулять по горам».⁶⁶ Продолжая работу, он 18 (30) сентября в письме тому же адресату оценивал получившееся и изложил свой взгляд на задачи перевода: «Я уже перевел 16 строф из „Коринфской невесты“, и мне кажется, что между ними есть некоторые отличные. Насколько русский язык красивее немецкого! Гораздо музыкальнее вышло по-русски „und es kommt so grauenhafte schön heran“⁶⁷ и, по-моему, некоторые строфы вышли лучше по-русски, чем по-немецки. Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, где *верность* или *точность не вредит художественному впечатлению*, и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь от подстрочности, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки. Я думаю, что не следует переводить *слова*, и даже иногда *смысл*, а главное, надо передавать *впечатление*. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы *в ту же сферу*, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на *те же нервы*. И этого, кажется, мне удалось достичь. Что ужасно трудно — это маленькие, короткие два стиха перед концом каждой строфы. Наши слова все гораздо длиннее, чем немецкие, и против воли приходится иногда отказаться от перевода маленьких подробностей: в „Коринфской невесте“ довольно большое количество стихов, вставленных лишь как заклепки, и я эти стихи без церемонии отбрасываю, и русская строфа выигрывает и становится лучше немецкой».⁶⁸ Не ожидая вполне благожелательного отношения жены к его произведению, Толстой все-таки считал свою задачу решенной и писал 1 (13) октября 1867 года: «Я не знаю, что ты скажешь о моем переводе „Коринфской невесты“, но я уверен, что я передал *впечатление*, часто не обращая внимания на подстрочность...»⁶⁹

Толстой, вероятно, знал, что первую половину «Коринфской невесты» в 1838 году перевел К. С. Аксаков, его перевод остался незаконченным.⁷⁰ В письме к К. Сайн-Витгенштейн от 9 мая 1868 года Толстой сообщал, что эту «балладу Гете» некоторые «из наших поэтов начинали переводить, но никто не окончил. Говорят, что мой перевод удачен».⁷¹

Чего стоила Толстому эта удача, видно по материалам Записной книжки.

Вот как протекала работа всего над шестью стихами (44—49 основного текста⁷²). При публикации Записной книжки зачеркнутое поэтом заключено в квадратные скобки, надписанное выделяется курсивом, вставленное — полужирным шрифтом, а приписанное и подписанное — подчеркиванием. Наши комментарии даются в угловых скобках.

Далеко до утренней поры
[О постой!] *Дева, стой*, помедли здесь со мною,
[Вот Цереры Далеко] [*Погоди*] *Подожди* до утренней поры

⁶⁵ как Глюк Марии Антуанетте: «Это великолепно!» (фр.)

⁶⁶ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 127.

⁶⁷ и это оказалось так ужасно близко (нем.). Такого стиха нет в оригинале и подобной строки нет в переводе Толстого. — В. К.

⁶⁸ Там же. С. 128—129.

⁶⁹ Там же. С. 137.

⁷⁰ См.: Аксаков К. С. Соч. Пг., 1915. Т. 1. С. 146—148.

⁷¹ Толстой А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 252; подлинник по-французски.

⁷² См.: Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 402—410.

Вот **смотри** Церерою [данные] <1 нрзб.> [золотою] золотой,
 [Вот и данные дары] *Вакхом вот посланные дары*
 А с тобой [идет] придет
 Молодой Эрот. Вот уж нам Церерою златою,
 [О постой до утренней поры!] Вот и Вакхом посланы дары
[игры]
 [Юный бог веселья и игры!]
 Им же светлы игры и пиры.⁷³

Еще труднее давалась Толстому последняя строфа, с которой он начал записи перевода. Шесть заключительных стихов рождались из такого материала:

[Мать] *Ты ж*, услышь последнее моление:
 Мать, вели [Прикажи] костер воздвигнуть нам,
 Свободи меня из [завлеченья] заточенья,
 [Дай И новой дай любящимся сердцам] [*страдающим*] Нашим дай в огонь сойти
сердцам

[Там мы В огне святом] Мы тогда [вдв] вдвоем
 [Там Мы тогда вдвоем Мы огне святом] В полومه святом
 [Мы рука с рукой]
 К нашим [старым] *прежним* улетим богам.
 [Улетим к отверженным богам]
 Чтоб костер трещал Пусть костер горит
 Чтоб огонь пылал,
 Чтоб огонь унес к старым нас богам!

Там мы к нашим улетим богам.⁷⁴

Так, вычеркивая, заменяя слово за словом, приписывая и надписывая иные, Толстой все-таки не нашел удовлетворявшего его завершения баллады и перечеркнул все.

Через некоторое время он снова взялся за эту финальную строфу, которая в своем окончатальном виде должна была послужить тематическим апофеозом повествования и стилевым ориентиром поэтической речи.

Ты ж услышь последнее моление,
 Мать, вели костер воздвигнуть нам,
 Свободи меня из заточенья,
 [Нашим] *В пепел* дай разрушиться телам.
 [Чтоб костер трещал,
 Чтоб огонь пылал
 [И Чтоб унес ко старым] [*прежним*] нас богам
 Там [Мы] *в* огне святом,
 [Так в огне святом]⁷⁵

[Сквозь] Там в дыму [святом] *густом*

Сквозь огонь и гром
 Улетим ко старым мы богам

Мы сквозь [Там где] треск и гром
 К нашим древним *прежним* улетим богам
 Улетим к старинным мы богам.⁷⁶

⁷³ ИРЛИ. Ф. 301. № 6. Записная книжка [1]. Л. 14.

⁷⁴ Там же. Л. 3 об.

⁷⁵ Строка приписана справа вдоль поля.

⁷⁶ Там же. Л. 6.

- 7—8 То Ричард, Христовых то рыцарей цвет,
И сердце зовут его Львиным
- 9—12 <зачеркнуты двумя вертикальными чертами>
Здорово, король наш! [Так шепчут] *взывают* листв
[И плюща зеленые] *Взывают плющовые* стены,
- 11—12 <как в основном тексте>
- 13—16 <зачеркнуты четырьмя косыми чертами>
[Он дышит легко] [*И жадно он дышит*] *Привольно ему* и леса и холмы
Вдыхают в него возрожденье,
И помнит он запах австрийской тюрьмы
- 16 <как в основном тексте>

<Наброски>

Привольно дышать на [просторе] *свободе* ему
[Дышать на просторе привольно ему,]
Он чует свое возрожденье,
Австрийскую он вспоминает тюрьму
И шпорит коня в упоеньи. <Справа столбцом>
Здорово! *Взывают* к нему и листы [Привольно] *И любо* дышать на свободе ему
И плюща зеленые стены Блестят *возрож(д)енные* взоры
[Навстречу ему и дубы и листы] Австрийскую он вспоминает тюрьму
И в лошадь вонзает он шпоры
Вонзаются

В роскошном [красе заповедных] *просторе пустынных* лесов

Ездок [беззаботный] [*сломя шею*] *беззаботно* несется

Он весел душою, он телом [душою] здоров,

Он трубит, поет и смеется,

Он в крепкую броню стальную одет,

Но [крепок он м] *крепче он* духом единым,

То Ричард, Христовых то воинов цвет,

И Сердце зовут его Львиным

Что Сердцем был _____ Львиным

[Он в]

В кольчугу из кованой стали одет

В пустынной дубраве несется ездок

[*беспечно скачет ездок*]

В [глубоком] роскошном [несется] в лесистом ущельи,

*Он скачет*⁸⁵

Поет и смеется и трубит он в рог

В душе и во взоре веселье

Кипит в его _____ веселье

[Он в крепкую броню стальную одет,] *В броню он кольчатую плотно одет,*

Знаком его меч Сарацинам

То Ричард, Христовых то [рыцарей] *воинов* цвет,

И Сердце зовут его Львиным.

Здорово, король наш, [взывают] *лепечут* листы

И плюща зеленые стены,

[Мы рады] Здорово, король наш, мы рады, что ты

Ушел из австрийского плена.

⁸⁵ Строка приписана слева.

⟨Следующие пять строк зачеркнуты двумя вертикальными чертами⟩

Средь свежей, душистой _____ тьмы
 Легко королю молодому,
 Он запах своей вспоминает тюрьмы
 [И запах он помнит австрийской тюрьмы] [И помнит он запах]
 И шпоры дает вороному.
 [В душистой] Дышать на свободе привольно ему
 [Вернувшись ко краю родному,] Он чует свое возрожденье
 И [Про душную] Австрийскую он вспоминает тюрьму
 [И шпоры дает вороному]
 И шпорит коня в упоеньи.
 И так на свободе привольно ему
 Он чует свое возрожденье
 [И душную только лишь] Австрийскую он вспоминает тюрьму
 И [Он] шпорит коня в упоеньи.

⟨Справа столбцом⟩

Блещат возрождением взоры
 [И душную] он вспоминает тюрьму
 И _____ шпоры⁸⁶

Один из переводов Толстого оказался своеобразным вкладом в роман И. А. Гончарова «Обрыв». Это был перевод стихотворения Гейне «Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...», входящего в цикл «Возвращение на родину» («Die Heimkehr», 1826). Выполнил его Толстой, видимо, в конце ноября — начале декабря 1868 года и послал в письме к Б. М. Маркевичу от 9 декабря того же года,⁸⁷ поясняя обстоятельство создания перевода: «Это написано по заказу и не имело иной претензии, как только передать *мысль* оригинала».⁸⁸ Впервые он появился в журнальной публикации романа,⁸⁹ а в собрании стихотворений Толстого 1876 года издатель сделал к переводу следующее примечание: «Это стихотворение сообщено И. А. Гончаровым с просьбою поместить его, по принадлежности, в собрание сочинений графа А. К. Толстого, где, по верности перевода и изяществу стиха, оно должно занять не последнее место. Оно было переведено, по просьбе г. Гончарова, для 5-й части романа „Обрыв“, где и напечатано».⁹⁰ В журнальной публикации «Обрыва» переводу предшествовал немецкий текст, который, по сюжету, перевел герой романа Райский и поставил эпиграфом к собственному роману «Вера», отчасти отождествляя себя с описанным в стихотворении персонажем — актером, играющим умирающего гладиатора и чувствующим, что сам он смертельно ранен в сердце.

Толстой, конечно, не мог упустить возможность откликнуться и пародией на некоторые стороны поэзии Гейне, увлечение которой тогда получило широкое распространение, тем более что сам немецкий поэт давал к тому немало поводов. Одна из таких пародий — знаменитое восьмистишие, озаглавленное «Из Гейне»:

Вянет лист, проходит лето,
 Иней серебрится.
 Юнкер Шмидт из пистолета
 Хочет застрелиться.

⁸⁶ ИРЛИ. Ф. 301. № 5. Л. 19—20 об.

⁸⁷ Там же. № 9. Л. 44 об. — 45.

⁸⁸ Там же. Л. 44 об.; подлинник по-французски.

⁸⁹ Вестник Европы. 1869. № 5. С. 127.

⁹⁰ Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 395.

Погоди, безумный! снова
Зелень оживится...
Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится.

И. Г. Ямпольский справедливо усомнился в обоснованности указания П. Н. Беркова на стихотворения Е. П. Ростопчиной «Осенний вечер» и А. П. Глинки «Осеннее чувство» как на конкретные объекты пародии.⁹¹ Несомненно, здесь отразилась реакция Толстого на мотивику и поэтику лирики Гейне, как это происходило и в другой его пародии «Память прошлого (Как будто из Гейне)» («Помню я тебя ребенком...»), и в созданных при его участии «прутковских» пародиях «Подражание Гейне» («На взморье, у самой заставы...»), «Из Гейне» («Фриц Вагнер, студьозус из Йены...»). Примечательно, что в «Памяти прошлого» Толстой добрался до Гейне через пародирование стихотворения В. Г. Бенедиктова «Я помню» («Я помню: была ты ребенком...»).

Таков, в кратком очерке, круг жизненных и творческих сюжетов Толстого, связанных с Германией.

⁹¹ Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, ред. и прим. И. Г. Ямпольского. [Л.], 1937. С. 769 (Библиотека поэта. Большая сер.).

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

© С. А. КИБАЛЬНИК

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ*

Значение материала рабочих тетрадей Достоевского как источника для комментария к его произведениям давно известно и общепризнано. Приведем лишь один пример, до сих пор не отмеченный. В XIII главе романа «Игрок» Алексей Иванович говорит о Полине: «Я ей нужен и — неужели, *неужели только как шут Балакирев?*».¹ В общем верный реальный комментарий дан к этим словам как в первом (5, 403), так и во втором академическом издании. При этом в новом издании, в котором комментарий к «Игроку» подготовлен мной, отмечены и все другие упоминания «шута Балакирева» в творчестве Достоевского, в том числе и то, о котором пойдет речь ниже.²

Однако для полного понимания смысла фразы Алексея Ивановича необходимо обратиться к самому тексту записей, озаглавленных «Шутовство и Балакирев», в рабочей тетради Достоевского 1860—1862 годов.³ Предназначались они, судя по всему, для полемического выступления против Н. Г. Чернышевского (20, 156—158, 354—355). И из сопоставления с ними ясно, что Алексей Иванович имеет в виду отнюдь не свою полезность Полине для выполнения отдельных поручений, в том числе и для передачи писем мистеру Астлею (см.: 5, 270; а шут при дворе императрицы Анны Иоанновны И. А. Балакирев в правление Петра I передавал письма Екатерины I В. И. Монсу).⁴ Речь идет о другом — о дерзком шутовстве, при котором многое допускается, но только для того, чтобы над этим посмеяться. Немного ранее Алексей Иванович рассуждает так: «Но если ей противна моя любовь, зачем прямо не запретить мне говорить о ней? Мне не запрещают; даже сама она вызывала иной раз меня на разговор и... конечно, *делала это на смех*» (5, 286; курсив мой. — С. К.). Ср. обращение к Чернышевскому в рабочей тетради Достоевского: «Вы ударились в шутовство; это ловкий прием. Всякий скажет: что же *(,)* **ведь шут, свистун, что взяты с свистуна; пишет он зато забавно. Вы действительно пишете забавно**».⁵

Так, иногда только параллели с материалом рабочих тетрадей Достоевского позволяют верно понять смысл той или иной фразы из его художественных произведений.

Сергей Акимович Кибальник — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор СПбГУ.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 286. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы. Курсив мой. — С. К.

² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2016. Т. 5. С. 598.

³ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 6.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 598.

⁵ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 6. С. 96; 20, 157; здесь и далее полужирным выделены испорченные текст Полного собрания сочинений по автографу.

1

Что касается особого значения рабочих тетрадей Достоевского для интерпретации его произведений в целом, то оно также неоспоримо. Рассмотрим его применительно к роману «Идиот», относительно которого такое значение не раз отмечалось.

Поскольку Достоевский «задумал один — написал другой роман»,⁶ то такое значение по отношению к окончательному его тексту имеют, впрочем, лишь подготовительные материалы ко второй, третьей и четвертой частям окончательной редакции романа (так называемая ПМ2, март—ноябрь 1868 года) в рабочей тетради 1868—1869 годов.⁷

Между тем для понимания замысла и окончательного смысла романа не менее существенны материалы ранних рабочих тетрадей Достоевского. Это в последнее время все более и более осознается исследователями. Так, например, в работах И. Кирилловой и К. А. Степаняна, а затем И. Л. Альми, Донны Орвин, А. Б. Галкина и др. отдельные фразы из записной книжки Достоевского 1863—1864 годов⁸ приводились в параллель к общей проблематике романа «Идиот».⁹ При этом Кириллова, анализируя запись Достоевского «Маша лежит на столе...», выявила, насколько сильно проявилось в этой записи, а также отчасти и в романе «Идиот», «сцепление утопической мысли и евангельского подтекста».¹⁰ Степанян, отталкиваясь от той же фразы, утверждал, что Достоевский в романе «Идиот» пытался понять, «можно ли и как любить двух женщин сразу — „разными любовью“ (...), насколько это соответствует природе человека как существа *переходного*», а также, способен ли на земле человек любить любовью, которая не приводит к «совершенному обособлению пары от *всех*» (20, 172—175).¹¹

Однако разрозненные параллели, как правило, не обеспечивают существенного продвижения в общем понимании романа. Так, справедливо отметить центральное значение в «Идиоте» «проблемы любви к другим и себялюбия», Орвин заключает свой анализ довольно абстрактным выводом: «В художественной реальности Достоевского эта любовь (любовь к другим. — С. К.) действует как синонимический принцип, враждующий и смешивающийся с себялюбием. И насколько она смешивается с себялюбием и „законом личности“, возникающим из нашей способности рассуждать, — настолько она проявляется как сострадание. Однако в качестве чистого стремления любовь к другим есть неотъемлемая часть личности, первичная по

⁶ Захаров В. Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты: В 15 т. Петрозаводск, 2009. Т. 8. С. 634.

⁷ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 7; ср. в Полном собрании сочинений: 9, 216—287. Этим подготовительным материалам посвящены многочисленные исследования (см. хотя бы: 9, 359—385).

⁸ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 7.

⁹ Кириллова И. «Маша лежит на столе...» — утопические и христианские мотивы (к обозначению темы) // Достоевский и мировая культура. М., 1997. № 9. С. 22—27 (см. также: Кириллова И. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М., 2010. С. 37—47); Степанян К. А. Евангелие от Иоанна и роман «Идиот» // Степанян К. А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005. С. 133—148 (впервые: Достоевский и мировая культура. М., 2001. № 14. С. 96—111); Альми И. Л. О сюжетно-композиционном строе романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. Сб. работ / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001. С. 437; Орвин Д. «Идиот» и проблема любви к другим и себялюбия в творчестве Ф. М. Достоевского / Пер. Т. А. Касаткиной // Там же. С. 416, 419—420; Галкин А. Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Там же. С. 322.

¹⁰ Кириллова И. А. «Маша лежит на столе...» — утопические и христианские мотивы. С. 23.

¹¹ Степанян К. А. Евангелие от Иоанна и роман «Идиот». С. 126, 138.

отношению к разуму и, следовательно, бескорыстная в отношении наших отдельных личностей».¹² Более удачно использует параллель к роману из этой записной книжки для его интерпретации Галкин: «Самопожертвование князя отвечает главной идее Достоевского-философа: принести в жертву людям свое „Я“, тем самым стать личностью. Достоевский писал 16 апреля 1864 года (сразу после смерти жены) по поводу заповеди Христа возлюбить ближнего своего как самого себя: „высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, — это как бы уничтожить это Я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно”».¹³

Действительно, если внимательно и подряд читать записи Достоевского в его рабочей тетради 1863—1864 годов, то становится ясно, что знаменитая запись, сделанная 16 апреля 1863 года, — сразу после смерти его жены М. Д. Исаевой: «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» — представляет собой ключ не к создававшимся тогда «Запискам из подполья», как иногда полагают, а именно к замыслу романа «Идиот». «Между тем после появления Христа, как *идеала человека во плоти*, — писал Достоевский, — стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития,〈〉) в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма, и в слитии, оба, и я и все (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтожая〈сь〉 (в ПСС «уничтож〈енн〉ые». — С. К.) друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо». Из этого Достоевский делал вывод о том, что «человек есть на земле существо только развивающееся, след〈ственно〉 (в ПСС «след〈овательно〉»). — С. К.) не оконченное, а переходное» и что «следственно, есть будущая, райская жизнь».¹⁴

Пытаясь далее определить, «какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, т. е. (в ПСС «то есть». — С. К.) в лоне всеобщего синтеза, т. е. (в ПСС «то есть». — С. К.) Бога (в ПСС «бога». — С. К.)», Достоевский пишет: «мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, который¹⁵ вряд ли будет и называться человеком (след〈ственно〉 (в ПСС «след〈овательно〉»). — С. К.), и

¹² Орвин Д. «Идиот» и проблема любви к другим и себялюбия... С. 420.

¹³ Галкин А. Б. Образ Христа и концепция человека... С. 322.

¹⁴ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 7. С. 40—42; ср.: 20, 172. В трансформированном виде этот текст вошел в «Зимние заметки о летних впечатлениях»: «Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» (5, 79). Отмечено в комментариях к новому академическому изданию Полного собрания сочинений Достоевского с не совсем точной формулировкой: «Близкая характеристика Христа содержится в записи Достоевского от 16 апреля 1864 г. по поводу смерти его первой жены Марии Дмитриевны и в черновом наброске неосуществленного замысла статьи „Социализм и христианство“ (1864). 〈...〉» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 89—90, 432).

¹⁵ Описка. Следует читать: «которое» (как предложено в ПСС).

понятия мы не имеем ⟨,⟩ какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом, — великим и конечным идеалом развития всего человечества, — представшим нам, по закону нашей истории, во плоти; эта черта:

„Не женятся и ⟨не⟩ посягают, а живут, как ангелы **Божии** (в *ПСС* — «**божии**». — *С. К.*)”. —

Черта глубоко знаменательная.

1) Не *женятся* и не *посягают*, — ибо не для чего; развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо и

2) Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех*; (мало остается для *всех*). Семейство, т. е. (в *ПСС* «то есть» — *С. К.*) закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека». ¹⁶

Князь Мышкин как раз, кажется, и наделен этой чертой (неспособностью к физической любви и браку); по крайней мере, сам он вначале заявляет: «Я не могу жениться ни на ком, я нездоров...» (8, 32) — а затем, хотя и становится женихом вначале Аглаи, а затем Настасьи Филипповны, но, по всей видимости, далек от мысли о половой любви к ним. И он действительно стремится не к «семейству», а к тому, чтобы заронить ростки добра в души *всех*, с кем ему приходится общаться.

Заканчивается это рассуждение так, что вопрос о том, в какой мере князь Мышкин осуществляет на земле идеал Христа, неизбежно всплывает в сознании читателя этих строк: «**Итак** (в автографе «и так». — *С. К.*), человек стремится на земле к идеалу, *противуположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил *любовью* в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. **Итак** (в автографе «и так». — *С. К.*), человек непрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе земля была бы бессмысленна». ¹⁷

Из этого ясно, что у истоков замысла романа «Идиот» лежит душевная травма, перенесенная Достоевским в 1863 году в результате смерти его жены. «...Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — писал он об этой травме А. Е. Врангелю в письме от 31 марта 1865 года, — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. ⟨...⟩ никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землей» (28-2, 116).

В сущности, именно дальнейшее развитие этого христианского идеала самопожертвования себя ради других одухотворяет заметку Достоевского «Социализм и христианство» из его четвертой рабочей тетради (1864—1865 годов): ¹⁸ «— Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели — мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. **Указан** ¹⁹ Христос. (**NB** Ни один атеист, оспаривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что **Он** (в *ПСС* «ОН». — *С. К.*) — идеал человечества. Последнее слово — Ренан. [I]) Это очень замечательно.)

¹⁶ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 7. С. 44—46; ср.: 20, 173.

¹⁷ РГБ. Ф. 93. Оп. I. Карт. 2. № 7. С. 53; ср.: 20, 175.

¹⁸ В квадратных скобках приводится вычеркнутое Достоевским, в фигурных — вписанное им.

¹⁹ Написание слова нечеткое. Возможно прочтение: «Указал».

В чем закон этого идеала? Возвращение в непосредственность, в массу, но свободное и даже, не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно-сильному, непобедимому ощущению — что *Это* (в ПСС «это». — С. К.) ужасно хорошо (в ПСС «хорошо». — С. К.).

И странное дело: [Массе] Человек возвращает(ся) в массу, в непосредственную жизнь, след(ственно) (в ПСС «след(овательно)». — С. К.), в естественное состояние, но как? Не авторитетно, а, напротив, в высшей степени самовольно и сознательно.

{Ясно, что} Это (в ПСС текст следует без выделения абзаца. — С. К.) высшее самоволие есть в то же время высшее отречение от своей воли. В том моя воля, чтоб не иметь воли, ибо идеал прекрасен.

В чем идеал?

Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я — и отдать это *все самовольно для всех*.²⁰

К следующей фразе: «Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... Не верьте Апокалипс(ису)» (20, 194) — Н. А. Тарасовой сделано по автографу следующее уточнение: «Социализм назвался Христом и идеалом. Се здесь Христос или там... Не верьте(.) Апокалипс(ис)». ²¹ Запись Достоевского, по мнению исследовательницы, представляет собой контаминацию церковнославянского и русского вариантов евангельской цитаты: «Тогда аще кто речеть вамъ: се, здѣ Христось, или ондѣ: не имите вѣры» и «Тогда, если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там; не верьте» (Мф. 24: 23), — продолжающейся мотивами Апокалипсиса (Мф. 24: 27—35).²² Следовательно, это критическая ремарка в адрес социализма.

С учетом этого не совсем понятен следующий далее текст. Привожу его по автографу: «Социализм есть последнее, крайнее до идеала развитие личности, а не норма, т. е. сознательно развитые едини[ч]{цы} личностей, в высшей степени, соединенные {Христиан(ски)}²³ тоже в высшей степени во имя красоты идеала и дойдя до убеждения, сколько разумного, столько и *всем человеком* (т. е. самого непосредственного) — что самое [лучшее] {высшее} распоряжение собой — это пожертвовав даже собой». ²⁴ Ведь то, что Достоевский говорит здесь о социализме, по его логике скорее относится к христианству как «третьей и последней степени человека» (ср.: 20, 194).

Объяснить это можно тем, что, во-первых, в тексте Полного собрания сочинений осталась неучтенной карандашная помета Достоевского «Христиан(ски)», сделанная над словами «соединенные тоже в высшей степени...» (т. е. речь идет о христианском развитии личности или личности христианина). А во-вторых, возможно, здесь Достоевский имеет в виду «русский социализм» в смысле «братства» людей — идеал, который вслед за Ф.-Р. Де Ламенне он развивал, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» («1863») и кончая «Дневником писателя» (1881):²⁵ «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он

²⁰ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 4. С. 21—22; ср.: 20, 192.

²¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 4. С. 23. См. также: Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского. [В 2-х т.]. Исследования. Материалы к комментарию. М., 2010. Т. 2. С. 446.

²² См. в статье Н. А. Тарасовой из настоящей подборки.

²³ Помета карандашом.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 4. С. 23; ср.: 20, 193—194.

²⁵ См. об этом: Кибальник С. А. Гоголь, Достоевский и «социальное христианство» // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 150—158.

верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (27, 19).²⁶

Как верно отмечают комментаторы первого академического издания, «раздумья о смерти жены переросли у Достоевского в философские размышления о личном бессмертии, о противоборстве в душе человеческой эгоизма и самопожертвования, о возможности будущей мировой гармонии и о непрерывной связи человека с теми, кто жил до него и кто придет ему на смену» (20, 363). При этом, «рассуждая об извечном противоборстве в душе человеческой эгоизма и жертвенности, пронизывающем решительно все отношения между людьми, и в особенности отношения семейные, Достоевский исходит из откровенного бескомпромиссного анализа своей жизни».²⁷

В романе «Идиот» это свое собственное *credo*, сформулированное в рабочих тетрадах, Достоевский подвергает художественному исследованию. Разумеется, это он делает в первую очередь через образ князя Мышкина, в котором, как давно замечено, немало автобиографического (см., например: 9, 385). На эту связь с романом «Идиот» — только по отношению не к мысли рабочей тетради Достоевского 1862—1863 годов, а к идее «Зимних заметок...» о «совершенно сознательном и никем не принужденном самопожертвовании» (5, 79) — белло указал С. И. Фудель: «Жертвенность князя есть, по Достоевскому, и, конечно, по Евангелию, не только отказ от своей личности, но и, наоборот, ее высшее проявление. (...) Но в 1862—1863 годах, когда писались эти строки, Достоевский излагал как бы только теорию жертвенности, а теперь он открывает ее действительность, ее невероятную боль».²⁸

Результат этого художественного исследования парадоксален: герой, все время жертвующий для других всем, вплоть до собственной любви к Аглае, — ради спасения Настасьи Филипповны — никого не делает счастливым, не в силах предотвратить их и собственное несчастье и даже гибель. «...В каком-то смысле он сам оказывается поверженным Мессией, — пишет о Мышкине Галкин. — Перед читателем разворачивается трагедия распятия в современной жизни: в конечном итоге князь Мышкин жертвует собой ради тех, для кого он пришел в мир. (...) Брошенное князем Мышкиным нравственное зерно прорастает в душах сестер Епанчиных и особенно в светлой душе Коли Иволгина».²⁹ Трагический финал романа — по-видимому, отчасти результат осознания Достоевским утопичности своего плана составить «общую семью» (28-2, 294) с А. Г. Достоевской и С. А. Ивановой, которой посвящен роман.³⁰

В рабочей тетради Достоевского 1868—1869 годов, в которой смысл образов и сюжета романа «Идиот» прописан более четко, мы находим многие элементы этого сюжета, которые были намечены еще в тетради 1860—

²⁶ Курсив Достоевского (печатный текст «Дневника писателя» за 1881 год).

²⁷ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Лит. наследство. 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. С. 13.

²⁸ Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. Собр. соч.: В 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 64. Впрочем, по мнению Л. М. Розенблюм, записям Достоевского 1863—1864 годов также присуща определенная противоречивость: «С одной стороны, записи в тетрадях определяют социально-исторический и, следовательно, преходящий характер индивидуалистического самосознания цивилизованного человека (см. конспект статьи „Социализм и христианство“ (...)), с другой — писателя гнетет сомнение, не является ли индивидуализм неустраимой, вечной особенностью психологии человека вообще, в такой же мере как и стремление к идеалу альтруистическому, идеалу братской любви (запись после смерти М. Д. Исаевой (...))» (Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 312).

²⁹ Галкин А. Б. Образ Христа и концепция человека... С. 322.

³⁰ О серьезном увлечении Достоевского его племянницей С. А. Ивановой и преломлении его в романе «Идиот» см.: Степанян К. А. «Сознать и сказать». С. 123—125, 155.

1862 годов: личность — грех — сострадание — жертва как искупление греха — спасение. Здесь мы находим ясное подтверждение следующего понимания романа: князь Мышкин по-настоящему любит Аглаю («NB Чувство Князя к Аглае» — 9, 245; «У него все сильнее и сильнее нежное чувство к Аглае» — 9, 241), но одновременно питает «христианскую любовь» к Настасье Филипповне («Спасением же Н(астасьи) Ф(илипповны) и хождением за ней он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви» — 9, 220). Из сострадания к ней («Сострадание — все христианство» — 9, 270) он пытается принести свою любовь к Аглае в жертву. Результат: жизнь Аглаи оказывается разбитой, а Настасья Филипповна не приемлет его жертвы, предпочитая умереть от руки Рогожина.

Итак, в романе «Идиот» происходит испытание идеи Достоевского о необходимости для подлинной личности принести себя в жертву другим, высказанной им в рабочих тетрадах 1863—1864 и 1864—1865 годов. Намеченная им тогда схема легла в конце концов в основу сюжета романа, но результат этого художественного эксперимента оказался скорее отрицательным. Человеку, который становится на путь Христа, не удается справиться с такой задачей.³¹ Зато ему удается оставить после себя «неисследимую черту», «где только он ни прикоснулся» (9, 242).³²

2

Материал рабочих тетрадей Достоевского имеет также немалое значение для распутывания сложных эпизодов, связанных с личностью и литературной репутацией писателя. Так, например, для разгадки тайны известной литературной сплетни о нем, в распространении которой принял участие после смерти Достоевского Н. Н. Страхов и о которой идет речь в публикуемой ниже статье В. Н. Захарова, особое значение имеет отзыв о Страхове в рабочей тетради 1876—1877 годов. Причем для верной оценки этого отзыва существенно не только уточнение его текста и поиски литературных оснований для возникших разногласий, но и выяснение интертекстуальных связей.

Обращает на себя внимание некоторая переключка между черновой записью Достоевского о Страхове и отзывом о Достоевском самого Страхова в письме к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года.³³ «Несмотря на свой строго-нравственный вид, *втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать* всех и все, и гражданск(ий) долг, которого не ощущает, и *родину*, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...»,³⁴ — писал Достоевский о Страхове, скорее всего,

³¹ «...Достоевский, уже на довольно поздней стадии работы, — объяснял это Степанян, — делая для себя известные записи „Князь Христос“, имел в виду, думается, именно это: что будет, если князь Мышкин будет как Христос. И тогда эти записи тоже являются своего рода „юродской провокацией“. (...) если ограничиться пределами только человеческими, то чем совершеннее такой человек, тем больше зла посетит он вокруг и введет в мир, ибо тем больше породит несбыточных упований» (Степанян К. А. «Сознать и сказать». С. 167—168, 187).

³² Последнее слово в Полном собрании сочинений выделено курсивом, которого в действительности в автографе нет, см.: РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 7. С. 116.

³³ «Что кое-что в этой оценке напоминает слова Страхова о Достоевском в печальном-паметном письме его к Толстому», ощущала применительно к отзыву Достоевского о Страхове в рабочей тетради Розенблюм (Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 43). Теперь же, когда текст этого отзыва исправлен, сходство бросается в глаза.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 16. С. 266; курсив мой. — С. К. Текст этой записи приводится по Полному собранию сочинений (24, 240) с исправлением в нем неточностей по книге: Тарасо-

в 1876 году.³⁵ «При животном сладострастии» «его тянуло к пакостям и он хвалился ими», — писал Страхов о Достоевском в 1883 году в известном письме к Л. Н. Толстому.³⁶ В обоих случаях речь идет о каких-то сладострастных «пакостях». Страхов обвиняет Достоевского в том, в чем некогда последний сам обвинял Страхова. Эта перекличка укрепляет предположение Л. М. Розенблюм о том, что с его стороны это был своеобразный «ответ» Достоевскому. Однако был ли это ответ именно на черновую запись Достоевского о нем³⁷ или на что-то другое, только на нее или также и на что-то еще, мы увидим ниже.

Складывается впечатление, будто Достоевский предвидел способность Страхова к клевете: «...за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать всех». Эти слова даже наводят на предположение о том, что Страхов еще при жизни Достоевского участвовал в распространении клеветнических слухов о его якобы «ставрогинском грехе». И на другое предположение — о том, что Достоевский в какой-то момент узнал или догадался об этом (факты о таких вещах до потомков доходят нечасто). Ведь как показал Захаров, легенда о якобы «ставрогинском грехе» самого Достоевского восходит к его конфликту с редакцией «Русского вестника» из-за главы «У Тихона» в «Бесах».³⁸

Это тем более вероятно, что, например, о распространении Страховым лживых слухов о Тургеневе Достоевскому было более чем хорошо известно. Сообщая Достоевскому в письме от 4 мая 1871 года о нежелании Тургенева встречаться со Страховым после его резкого отзыва о Тургеневе в печати, критик сам тут же повторял досужие домыслы о писателе: «Какая позорная трусость! Какое отсутствие всякой веры! Я слышал потом, что он ужасно подличал перед молодыми людьми, заискивал у молодого поколения».³⁹ И точно так же как впоследствии Толстому он будет писать о «выходках» Достоевского, «которые он делал совершенно по-бабьи»,⁴⁰ в этом письме к самому Достоевскому он упоминает свой аналогичный отзыв о Тургеневе, отказавшемся после него, по словам Я. П. Полонского, встречаться со Страховым. «Я хотел Вас позвать, — писал об этом Страхову Полонский, — и говорил Тургеневу, сказал, что Вы о нем пишете. Но он — представьте — слышать не хотел, уверял, что никто еще не оскорблял его так, как Вы, что Вы называли его *злаязычной бабой* и пр., что Вы говорили не о его таланте, а о нем, как о человеке. Наотрез отказался Вас видеть».⁴¹

А теперь вспомним рассуждения Ракитина в «Братьях Карамазовых» о сладострастии Дмитрия и всего семейства Карамазовых: «— Пусть он и че-

ва Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 — 1877): критика текста. М., 2011. С. 50. В Полном собрании сочинений прочитано как «готов *продать* всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и *работу*, до которой ему все равно...» (24, 240; курсив мой. — С. К.).

³⁵ Запись расположена среди заметок к «Дневнику писателя» за 1876 год (между материалами, относящимися к июлю—августу и к сентябрю, — см.: 24, 234—239).

³⁶ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870—1894. СПб., 1914. С. 307—309; курсив мой. — С. К. Текст с восстановленной лакуной см., например: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1981. С. 395—396 (раздел «Ответ Страхову»).

³⁷ См.: *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. С. 44.

³⁸ *Захаров В. Н.* Проблемы творчества Достоевского. Учебное пособие. Петрозаводск, 1978. С. 104—105.

³⁹ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цеховнищера. М.; Л., 1940. С. 273.

⁴⁰ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870—1894. СПб., 1914. С. 308; курсив мой. — С. К.

⁴¹ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. С. 273; курсив мой. — С. К.

стный человек, Митенька-то (он глуп, но честен); но он — *сладострастник*. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец ему передал свое *подлое сладострастие*. Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в вашем семействе *сладострастие* до воспаления доведено. Ну вот *эти три сладострастника* друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Состукунулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый. <...> Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это *сладострастник* может понять), *то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество*; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток — зарежет, будучи верен — изменит. <...>

— Я это понимаю, — вдруг брякнул Алеша.

— Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаешь, коли так с первого слова брякнул, что понимаешь, — с злорадством проговорил Ракидин. — Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: *стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то*. Ах ты, девственник! Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и черт знает о чем ты уж не думал, черт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, — я тебя давно наблюдаю. *Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне* — стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. *По отцу сладострастник*, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? <...>

Если *уж и ты сладострастника в себе заключаешь*, то что же брат твой Иван, единоутробный? Ведь и он Карамазов. В этом *весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые!*» (14, 74—75; курсив мой. — С. К.).

Обратим внимание на то, что слова Ракидина: «Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это *сладострастник* может понять), то и отдаст за нее собственных детей, *продаст отца и мать, Россию и отечество*» — явная автореминисценция черновой записи Достоевского о Страхове: «за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость *готов предать всех и все, и гражданский долг*, которого не ощущает, и *родину*, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...». Так что, был ли Страхов знаком с черновой записью о себе в рабочих тетрадях Достоевского, оказывается не так уж и важно: в трансформированном виде⁴² эта запись была воспроизведена в «Братьях Карамазовых». Отзыв Страхова о Достоевском в письме к Толстому был, следовательно, ответом во всяком случае не только на черновую запись Достоевского о нем, но и на образ Ракидина в «Братьях Карамазовых» (если не исключительно только на него).

Кому-кому, а Страхову было, скорее всего, ясно, что в образе Ракидина выведен в первую очередь он сам: Достоевский вставил в текст «Братьев Карамазовых» деталь, которая представляет собой скрытое указание на это, которое было понятно только самому Страхову. Первое появление в «Братьях Карамазовых» Михаила Ракидина и его разговор с Алешей после

⁴² Характер трансформации приведенной фразы черновой записи, по всей видимости, предопределен тем, что в «Братьях Карамазовых» это уже не критический отзыв о хорошо знакомом писателю «критике» (24, 239), а разговорная инвектива Ракидина в адрес Дмитрия Карамазова. Очевидно, с этим связана замена глагола «предать» на синонимичный разговорный эквивалент его «продать», который входит в состав фразеологизма «продать отца и мать» и привносит значение корыстных побуждений. Она более чем естественна, учитывая памфлетный характер образа Ракидина, о котором речь пойдет ниже.

колени преклонения старца Зосимы перед Дмитрием начинается с такой реплики: «— Скажи ты мне, Алексей, одно: *что сей сон значит?* Я вот что хотел спросить.

— Какой сон?

— А вот земной-то поклон твоему братцу Дмитрию Федоровичу. Да еще как лбом-то стукнулся!

— Это ты про отца Зосиму?

— Да, про отца Зосиму. <...>

— Не знаю, Миша, что значит.

— Так я и знал, что он тебе это не объяснит. Мудреного тут, конечно, нет ничего, одни бы, кажись, всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот теперь и заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: „*Что, дескать, сей сон означает?*“ По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас.

— Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотелось что-то высказать.

— В вашей семейке она будет, эта уголовщина» (14, 72—73; курсив мой. — С. К.).

Когда Алеша далее будет оспаривать утверждение Ракитина о том, что Иван, возможно, хочет жениться на Катерине Ивановне из-за денег, высказывание насчет «сна» будет повторено Ракитиным еще раз: «— Иван выше смотрит. Иван и на тысячи не польстится. Иван не денег, не спокойствия ищет. Он мучения, может быть, ищет. — *Это еще что за сон?* Ах вы... дворяне!» (15, 75; курсив мой. — С. К.).

Обратим теперь внимание на то, что статье Н. Н. Страхова «Наблюдения» (Посвящ(ается) Ф. М. Д(остоевско)му), в которой речь идет о разногласиях между ним и Достоевским, обнаружившимся во время совместного пребывания во Флоренции в 1862 году, предпослан эпиграф: «*Можешь ли ты рассказать мне сон, который я видел, и сказать, что он значит?*»⁴³ Эпиграф этот получает развитие в самой статье, причем в разговоре на важнейшую тему, которая отразилась в «Записках из подполья». ⁴⁴ Это спор о том, сколько будет дважды два, и связан он со слишком рационалистичной манерой Страхова спорить с людьми, доводя их аргументы «до нелепости», вместо того, чтобы пытаться понять, что «как бы беспорядочны и ограничены ни были чьи-нибудь мысли, как бы дурно и фальшиво они ни были выражены, все-таки в них необходимо есть зерно истины... <...> следовательно, самое грубое заблуждение носит в себе элементы истины». ⁴⁵

Далее Страхов пишет о выгодности подобной позиции для своих собеседников: «Они, все эти люди, которые могут стать под защиту ваших аргументов, могут говорить всё, что им вздумается; от времени до времени они могут утверждать даже и то, что дважды два — не четыре. <...> Они имеют полное право мне противоречить, как бы точно и ясно я ни выразился, а я должен только соглашаться с ними, как бы темно и неопределенно они ни выражались». И, наконец, Страхов снова возвращается к образу, использованному в эпиграфе: «Одним словом, они, как некогда восточные цари, могут грезить все, что им угодно, а я, как их придворные волхвы, под страхом

⁴³ Страхов Н. Н. Наблюдения (Посвящается) Ф. М. Д(остоевско)му // Лит. наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 560. Курсив мой. — С. К.

⁴⁴ См. об этом: Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109—114.

⁴⁵ Страхов Н. Н. Наблюдения (Посвящается) Ф. М. Д(остоевско)му). С. 560—561.

казни, обязан понимать все, что им ни пригрезится, да, пожалуй, еще находить в их снах смысл высокий и пророческий. Остается разве только одно, — чтобы вы возложили на меня обязанность не только понимать, но и отгадывать их сны, как этого требовал от своих волхвов тот древний царь, который однажды забыл свой сон и помнил только, что ему было страшно».⁴⁶

Вопрос о значении «сна» в тексте романа Достоевского содержит, таким образом, скрытые отсылки к наброску посвященной ему статьи Страхова «Наблюдения». Правда, последнее верно только в том случае, если этот набросок был известен Достоевскому. Однако, поскольку он обращен к нему и речь в нем идет о старом споре с ним, вполне вероятно, что Страхов послал или показал его адресату. И само активное использование этой фразы героем «Братьев Карамазовых», который связан со Страховым во многих других отношениях,⁴⁷ является свидетельством этого.⁴⁸

Итак, отзыв Достоевского о Страхове в рабочей тетради 1876—1877 годов был почти буквально повторен в романе «Братья Карамазовы» применительно к Ракитину. Ракин же в романе всю семью Карамазовых, включая Алешу, объявляет неисправимыми «сладоэстрастниками».⁴⁹ Образ Ракина как мнимого друга Алеши, клеветавшего и готовившего падение его с Грушенькой в надежде «увидеть „позор праведного“ и вероятное „падение“ Алеши „из святых во грешники“» (14, 310), уже определенно наводит на мысль о том, что Достоевский, скорее всего, слышал об участии Страхова в распространении клеветнических слухов относительно своего якобы «ставрогинского греха». В свою очередь Страхову, чтобы понять это, не обязательно надо было ознакомиться с отзывом о нем Достоевского в рабочей тетради — достаточно было прочесть «Братьев Карамазовых». Возможен и другой вариант: вначале он «узнал себя» в Ракитине, а потом лишний раз удостоверился в этой своей догадке, получив от Анны Григорьевны доступ к рабочим тетрадям Достоевского.

⁴⁶ Там же. С. 561. Курсив мой. — С. К.

⁴⁷ Так, за исключением отдельных деталей, в основном «сбываются» в отношении Страхова пророчества судьбы Ракина Иваном и Дмитрием Карамазовыми (14, 77, 96); немало и других оснований для подобного умозаключения. Этому вопросу будет посвящена наша специальная работа.

⁴⁸ По мнению комментаторов Полного собрания сочинений (15, 538), фраза Ракина «... что сей сон значит?» восходит к стихотворению Пушкина «Жених» (1825):

«(...) „Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое...“»

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 412). Это представляется тем более вероятным, что в тексте ее далее находим также уже и вопросы «жениха» не только о том, что видела Наташа во сне, но и о смысле этого сна: «А чем же худ, скажи, твой сон? // Знать, жить тебе богато», «А чем же худ, скажи, твой сон? // Вещает он веселье» (Там же. С. 413). Любопытно, что именно с отсылки к этому пушкинскому произведению начинается и отзыв Достоевского о Страхове в рабочей тетради 1876—1877 годов: «Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе „Жених“, об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

Пирого жизни наш критик очень любил...» (24, 239). В свою очередь это еще одно свидетельство того, что статья Страхова «Наблюдения (Посв<ячается> Ф. М. Д<остоевско>му)», в которой вопрос о значении увиденного сна повторяется неоднократно, скорее всего, была известна Достоевскому.

⁴⁹ При этом в словах Ракина отозвалась позитивистская теория наследственности, проявившаяся во французском натуралистическом романе, с которой устами Дмитрия Карамазова полемизирует Достоевский. См. об этом: Реизов Б. Г. Борьба литературных традиций в «Братьях Карамазовых» // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 153—155.

В образе Ракитина, который представляет собой не образ, имеющий Страхова своим прототипом, а сатирический памфлет на него,⁵⁰ Достоевский, возможно, поквитался с ним за клевету и уж во всяком случае разобрался с психологией подобных людей, то есть исполнил намерение, о котором писал в рабочей тетради 1876—1877 годов: «Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно» (24, 240; курсив мой. — С. К.).⁵¹

⁵⁰ По всей видимости, именно по этой причине прежде всего исследователи если и ощущали эту связь, то писали о ней с осторожностью. Также способствовало этому то обстоятельство, что наряду с чертами Страхова Достоевский конечно же воплотил в Ракитине черты некоторых других литераторов-«семинаристов» (см.: 15, 539, 589, 597). Так, отмечая, что в этом образе сказались размышления Достоевского о типе «семинариста» в рабочей тетради 1876—1877 годов (24, 241), В. А. Туниманов воздержался, однако, от дальнейших сближений Ракитина со Страховым (Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (*Лабиринт сцеплений*) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи. СПб., 2013. С. 273).

⁵¹ Ср. давнишнее намерение Достоевского в передаче Страхова: «...вы объявили мне с величайшим жаром, что есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь» (Страхов Н. Н. Наблюдения (Посвящается) Ф. М. Достоевскому). С. 560; курсив мой. — С. К.).

© Н. А. ТАРАСОВА

КРИТИКА ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА «ТРУДНЫХ ЧТЕНИЙ»

(НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ 1864—1865 ГОДОВ)*

В последние десятилетия в текстологии определяются новые подходы к решению научных проблем; при изучении творчества многих авторов, в том числе и Достоевского, разрабатываются методики анализа и публикации текста.¹ Исследовательский интерес к проблемам чтения и публикации рукописей Достоевского проявился достаточно давно и был связан не столько с критикой текста,² сколько с задачами аналитического описания рукопис-

Наталья Александровна Тарасова — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

¹ См., например: Современная текстология: теория и практика. М., 1997; Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998; Проблемы текстологии и эдиционной практики. Опыт французских и российских исследователей / Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003; Шапир М. И. Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; изд. подг. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; под общ. ред. И. А. Пильщикова. М., 2009 (сер. «Классики отечественной филологии»); Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876—1877 годы. Критика текста. М., 2011; Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М., 2015. («Studia Philologica»), и др.

² Основные принципы критического изучения источников сформулированы в работах авторов, исследовавших древние рукописи в историческом и лингвотекстологическом аспектах. Д. С. Лихачев использовал по отношению к критике текста определение «метод», обосновывая в 1960-е годы самостоятельный статус текстологии как науки и говоря о том, что термин «текстология» введен Б. В. Томашевским «вместо термина „критика текста“ и «нет необходимости настаивать на сохранении двух терминов для одного и того же». Понятие «критика текста» может употребляться (...) для обозначения метода текстологии. (...) Есть химия и есть химический анализ. Есть текстология и есть „критика текста“» (Лихачев Д. С. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба // Русская литература. 1965. № 1. С. 84). По замечанию Г. О. Винокура, «принципиально критика направлена не на отыскание ошибок, как это обычно представляют, а на

ных материалов в 1920—1930-х годах и с изучением творческого процесса автора.³ Вопросы критики и установления текста Достоевского привлекли внимание исследователей намного позднее.⁴ С 1990-х годов примеры уточнения текста стали более многочисленными в связи с начавшейся подготовкой новых собраний сочинений Достоевского и критическим осмыслением научного наследия советского времени.⁵

Одно из главных условий критики текста — целостность восприятия материала.⁶ При изучении рукописного источника необходимо максимально полное владение информацией об особенностях почерка в авторских рукописях разных лет, языковых характеристиках текста на разных этапах творческой работы, закономерностях развития творческого процесса на материале разновременных произведений автора. Это условие — целостность понимания — в конечном счете определяет всю методологию работы, принципы чтения рукописи и ее публикации. Кроме того, имеют значение так называемая «малая критика» и контекстуальный анализ, когда информация о тексте извлекается из совокупности характеристик — это и особенности графики, и специфика заполнения рукописной страницы как проявление

оценку выражения с целью раскрытия его содержания: указание ошибки есть результат, а не задание критики» (*Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 25; см. также: *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М., 2006. С. 8, 12—13; *Громова-Опупльская Л. Д.* Основания «критики текста» // Современная текстология: теория и практика. С. 23).

³ См.: *Бельчиков Н. Ф.* 1) Как писал романы Достоевский (Неизданный вариант из «Неточки Незвановой») // Печать и революция. 1928. Кн. 2. Март. С. 88—93; 2) Один из замыслов Ф. М. Достоевского // Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 224—228; *Бродский Н. Л.* 1) План романа Житие великого грешника // Документы по истории литературы и общественности. Ф. М. Достоевский. М., 1922. С. 63—77; 2) [Рец. на:] Творчество Достоевского. 1821—1881—1921 г.: Сборник статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921 // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 435—438; 3) Угасший замысел // Документы по истории литературы и общественности. Ф. М. Достоевский. С. 47—59; 4) Ф. Достоевский. Из записной книги // Русский современник. 1924. Кн. 1. С. 192—194; *Гроссман Л. П.* Рукописи Достоевского // Творчество Достоевского. 1821—1881—1921. С. 3—28; *Долинин А. С.* 1) Кроткая (Вариант, хранящийся в Пушкин. доме при Р. Ак. Наук) // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долиннина. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 423—508; 2) К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долиннина. Л., 1935. С. 9—80; 3) Предисловие // Там же. С. 1—6; Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подг. к печати Е. Н. Коншиной; комм. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л., 1935; Из архива Ф. М. Достоевского. Преступление и наказание. Неизданные материалы / Подг. к печати И. И. Гливенко. М.; Л., 1931. С. 3—33; *Комарович В. Л.* 1) Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль. III. Л., 1925. С. 366—386; 2) Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917—1933 гг. 1934. С. 258—281 (Лит. наследство; т. 15); 3) Рукописные варианты романа «Подросток» // Начала. 1922. № 2. С. 217—230; От редакции // Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Под ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.; Л., 1931. С. 3—8; Рукописи Достоевского // Печать и революция. 1922. Кн. 1. Январь—март. С. 332; *Чулков Г. И.* Как работал Достоевский. М., 1939, и др.

⁴ Одной из первых работ, в которых затрагиваются названные вопросы, является статья В. Д. Рака «Уточнение одной записи в тетради 1875—1876 гг.», написанная в связи с исправлением исследовательской ошибки чтения черновых набросков к «Дневнику писателя» (см.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 267—271). Примеры критического анализа печатного текста Достоевского см.: *Дрыжакова Е. Н.* Статистические приемы при решении некоторых текстологических проблем (на материале текстологии романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные») // Филологические науки. 1976. № 4. С. 80—92. См. также: *Захаров В. Н.* Примечания // Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трех частях. Петрозаводск, 1990. С. 680—682.

⁵ См. продолжающиеся Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в дореволюционной орфографии и пунктуации под редакцией В. Н. Захарова (Петрозаводск, 1995—2016. Т. 1—9, 11) и Полное собрание сочинений и писем Ф. М. Достоевского, выпускаемое Пушкинским Домом (СПб., 2013—2016. Т. 1—6).

⁶ Ср.: «Главный методический принцип современной текстологии состоит в том, что история текста произведения изучается не в разрозненных „чтениях“ его отдельных мест, а как единое целое» (*Лихачев Д. С.* Текстология. С. 10).

ние авторской манеры письма, и стилистические детали. «Малая критика» важна не меньше, чем изучение творческой истории произведения в целом, потому что работа с микроконтекстами дает начало пониманию всего материала.

В данной статье речь пойдет о записных тетрадах Достоевского, которые содержат разнородные материалы, и прежде всего — художественные замыслы писателя. Так, в тетрадах с записями к роману «Преступление и наказание» представлены совершенно разные стадии творческого процесса — от набросков до связного черного текста, отражающего типичные черты авторской работы над замыслом, которые проявляются и в более позднее время при создании других романов. При этом в тетрадах позднейшего времени отражена в основном начальная стадия творческого процесса — наброски к разным произведениям, имеющие больший объем и более развернутый вид, чем записи первой половины 1860-х годов. Развернутость планов и набросков к позднейшим произведениям объясняется более высокой степенью сохранности материала, а также иными — лучшими — условиями работы автора (особенно если говорить об истории текста романа «Подросток» и «Дневника писателя», рукописи к которым — наброски, связанный черновой и белой тексты — сохранились в более полном составе, по сравнению с другими произведениями Достоевского).

Особое значение имеет сопоставительный анализ источников — рукописей и их публикаций, — который позволяет выявить наиболее сложные случаи авторских написаний. Приведем примеры из рабочей тетради Достоевского 1864—1865 годов.⁷ Тетрадь содержит черновые наброски к художественным замыслам Достоевского, записи публицистического характера, заметки, связанные с редакторской и издательской деятельностью автора, черновик одного из писем М. Н. Каткову, записи для памяти, расчеты, рисунки, каллиграфические прописи. Значительную часть тетради занимает отдельная редакция черного замысла романа «Преступление и наказание» в виде связного текста с позднейшей правкой автора.

Рукописи романа «Преступление и наказание» были напечатаны И. И. Гливленко,⁸ а позднее вышли в обновленной редакции Л. Д. Опульской и Г. Ф. Коган, сначала отдельным книжным изданием в серии «Литературные памятники»,⁹ затем в составе первого академического собрания сочинений писателя.¹⁰

Интерес представляют наиболее «проблемные» места рукописного текста, расшифрованные публикаторами с неточностями. Это те случаи, когда авторская работа характеризуется беглостью письма, нетипичностью или незавершенностью написаний, их непривычным обликом, вследствие чего возникают исследовательские ошибки чтения рукописи. Такие примеры встречаем на первой странице автографа, где расположены разрозненные наброски к роману.

⁷ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 4. Далее ссылки на этот документ приводятся в тексте сокращенно с указанием номера страницы.

⁸ Из архива Ф. М. Достоевского: Преступление и наказание. Неизданные материалы / Подг. к печати И. И. Гливленко. М.; Л., 1931. Далее — Гливленко; ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы. См. также: «Преступление и наказание»: (Из записных книжек Ф. М. Достоевского) / С предисловием И. И. Гливленко // Красный архив. 1924. № 7. С. 146—200.

⁹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Изд. подг. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М., 1970 (сер. «Литературные памятники»). Далее — ЛП; ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Далее — ПСС; ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

Вызывает вопросы запись, которая расшифровывается публикаторами так:

«NB Ну а Заметов более **меня** моего **знако (...)** искал <...>» (Гливенко, с. 78; здесь и далее в цитатах выделение полужирным мое. — Н. Т.).

«NB. Ну а Заметов более **меня** моего **знакомства** искал <...>» (ЛП, с. 490).

«NB. „Ну а Заметов более **меня** моего **знакомства** искал <...>”» (ПСС, 7, 81).

Предлагаемая в публикациях расшифровка (слово «меня») сомнительна, так как согласно логике публикаторов выходит, что говорящий искал знакомства сам с собой. Следует, кроме того, обратить внимание на графические характеристики написания: в интересующем нас слове отсутствуют необходимые признаки букв «м», «н», «я». В этом же автографе есть примеры написания местоимения «меня». Во всех случаях отчетливо прописана буква «м» с характерным широким начальным завитком и двумя основными вертикальными штрихами. Достаточно однотипно написание буквы «н» с основными штрихами почти одинаковой высоты. Буква «я» представлена в вариантах — с конечным штрихом, направленным вверх, и с таким же штрихом, чуть опущенным вниз и немного напоминающим написание «ъ» в почерке Достоевского. В целом графический рисунок слова «меня» не совпадает с тем, что мы видим в указанной записи. Предлагаемое чтение: «NB. Ну а Заметов более **сам** моего **знакомства** искал <...>».

Написание слова «сам» в данном случае имеет особенности — именно поэтому его прочтение вызвало трудности у публикаторов: запись прерывистая, перо оторвалось от бумаги в начале записывания слова, что повлияло на общий графический рисунок, сделав слово менее узнаваемым. Написания «сам» в автографе также варьируются. Есть случаи, когда начальное «с» записано с отрывом от последующих букв. Один из примеров написания содержится в анализируемой записи, ср. более широкий контекст: «NB. Ну а Заметов более **сам** моего знакомства искал, особенно когда узнал, что я за него стою, **сам** приходил, рылся в книгах <...>». Дополнительным аргументом в пользу предлагаемого чтения служит синтаксическое построение предложения с логическим акцентом на однородные сказуемые; их сочетание с лексическим повтором «сам» призвано усилить основную характеристику — стремление Заметова познакомиться с Раскольниковым: «сам моего знакомства искал <...> сам приходил, рылся в книгах».

Встречаются случаи неверного прочтения имен собственных. Например, в одной из сцен после совершенного главным героем убийства, когда Разумихин и Бакавин (впоследствии названный Зосимовым) обсуждают ход расследования, звучит фамилия, неточно прочитанная публикаторами:

«Порфир. их спрашивает. — А откуда их нашел? Одних **как** указал» (Гливенко, с. 92).

«Порфирий их спрашивает. — А откуда их нашел? — Одних **Котельников** указал» (ЛП, с. 480; ПСС, 7, 69).

В рукописи:

«Порфир<ий> их спрашивает.

— А откуда их нашел?

<—> Одних **Кох** указал» (С. 27).

Вариант Гливенко («как») объясняется чтением слова в рукописи по «общему рисунку»: в почерке Достоевского написания букв «а» и «о» (а также «к» и «х»), действительно, имеют сходство и могут ошибочно смешиваться. Фамилии Котельников ни в рукописном, ни в печатном тексте романа нет, но именно такой — неточный — вариант появляется в публикациях

рабочих тетрадей Достоевского: «[Ну] почему ты обвиняешь Порфирия, что он на Бергштольца подумал? Его и студента [Котельн] и нельзя было не потревожить» (Гливенко, с. 92). Ср.: «студента Котельникова» (ЛП, с. 480; ПСС, 7, 68). Из текста рукописи следует, что фамилия, прочитанная публикаторами как «Котельников», действительно относится к студенту — одному из закладчиков, который, как и Бергштолец, пришел на квартиру к процентщице в тот момент, когда Раскольников совершил убийство. При этом студент упоминается в автографе неоднократно, и в других случаях его фамилия расшифрована во всех публикациях иначе: «Копилин» (Гливенко, с. 91, 157; ЛП, с. 477, 480; ПСС, 7, 65, 68). Вероятнее, однако, другое чтение: «Котелин».¹¹ Наиболее отчетливо слово прописано именно в том случае, который в публикациях представлен указанной выше расшифровкой — «студента Котельникова» (т. е. в наброске на полях страницы 27 автографа): в начертании буквы «т» присутствуют характерные для почерка Достоевского верхний и нижний выносные штрихи, не позволяющие спутать ее с «п»; в остальных случаях сочетания «те» и «пи» в написании фамилии графически похожи, так как автор использовал другой вариант «т» — без выносных штрихов (когда буква не имеет линий, выходящих за пределы строки). Фамилии закладчиков варьируются в процессе разработки замысла: Бергштолец — Кох; Котелин — Пестряков. Варианты «Кох» и «Пестряков» вошли в окончательный текст.

Ошибка в фамилии возникает еще в одном месте, где из-за неточного чтения слова по первой букве смешиваются два разных персонажа. В публикациях:

«Я к тебе приводил два раза *⟨В сноске: Заметов⟩* Бакавина» (Гливенко, с. 137).

«Я к тебе приводил два раза Бакавина *⟨Между строк: Заметова⟩*» (ЛП, с. 462).

«Я к тебе приводил два раза Бакавина *⟨Вверху написано: Заметова⟩*» (ПСС, 7, 45).

В автографе: «Я к тебе приводил два раза Бакавина {Зосимова}» (С. 88). Графический рисунок слов «Заметова» и «Зосимова» не идентичен, однако при беглости чтения и ориентации на сходное в обоих случаях написание первой буквы, ошибочное смешение фамилий становится возможным. Вариант «Заметова» опровергается содержанием текста. Из продолжения записи ясно, что речь идет о докторе, которого Разумихин привел к лежавшему в бреду Раскольникову: «Он тебя смотрел и с самого начала сказал, что ничего, пустяки *⟨...⟩*» (Там же). В черновике роль врача отдана Бакавину, и в этой же рукописи появляется вариант именования героя, вошедший в окончательный текст романа, — Зосимов.

В ряде случаев важен сопоставительный анализ авторского словоупотребления и графических особенностей записи в контексте развития художественного замысла. В черновом автографе «Преступления и наказания» из рабочей тетради 1864—1865 годов Достоевский вносит правку поверх написанного, меняя форму повествования с первого на третье лицо. Здесь же следует отметить еще одну черту: это вариант романного замысла, с одной стороны, многими сценами и диалогами близкий к окончательному тексту, с

¹¹ В автографе: «{⟨Вписано на полях слева:⟩ ...Его и студента {Котелин(а)} и нельзя было не потревожить.} Тут {вдруг} Бергштолец и Котелин [сошлись и стали] {являются и начинают} стучать» (С. 27); «Сначала они заподозрили {двух} {этих, как бишь их, — ну} Бергштольца да Котелина студента»; «— Ну Бергштолец, — этот толстяк-то, да и Котелин, самые удовлетворительные объяснения дали» (С. 107). Здесь и далее в фигурных скобках приводится вписанный Достоевским текст; в квадратных скобках — вычеркнутый.

другой — безусловно черновой и содержащий не решенные автором вопросы. К ним принадлежит выбор имени главного героя. Как было отмечено, имена и фамилии персонажей в рукописи варьируются; имя Раскольников также находится на стадии определения.

Имя и фамилия героя дважды переданы посредством пометы *nota bene* («NB»): «— Что ты *Прочерк и помета*: NB.), вскричал [Разумихин] {он}, [увидав меня] {в изумлении смотря} на всего меня. — Неужели уж так плохо? [приб] Он рассматривал мой костюм» (С. 76).

Указанная помета отражена в изданиях (Гливенко, с. 128; ЛП, с. 454; ПСС, 7, 36).

Кроме того, персонаж обозначается в рукописи двойным «NB»: «Я читал в конторе его требование о взыскании: „Долгом, дескать, считаю присокупить, что NB. NB. намеревается столичный город С. Петербург оставить”» (С. 97).

Помета отражена в печати (Гливенко, с. 146; ЛП, с. 469; ПСС, 7, 54).¹²

Вместе с тем в рабочей тетради есть записи, в которых варианты имени Раскольникова не прочитаны публикаторами.

Из имен-обращений Достоевский использует следующие: Вася, Васюк, Василий, Петя (имя не указано в публикациях) и Родя.

Одно из обращений в автографе не дописано:

«— [Послушай,] {Э[то]{й!} В... [Д] Так чего ж(е) тебе надо, чёрт?} где ты живешь? закричал он мне вниз» (С. 78).

Под «В...» подразумевается один из вариантов имени главного героя «Василий». Начальная буква имени воспроизведена в первой публикации (см.: Гливенко, с. 130). Однако в последующих изданиях ошибочное прочтение — буква «В» прочитана как «NB»: «Эй NB...» (ЛП, с. 456; ПСС, 7, 38).

В другом примере появляется обозначение «NN»:¹³

«— В лавочке, друг мой, в лавочке. {Вариант:} Малину(,) друг мой(,) [в] она возъм(ет) в лавочке.} Видишь(,) [Петя] {NN}(,) тут целая история» (С. 92).

В первой публикации неверное прочтение: «Видишь **хотя** тут целая история» (Гливенко, с. 141). В «Литературных памятниках» отражен второй слой записи без первого: «Видишь NN, тут целая история» (ЛП, с. 466), а в Полном собрании сочинений неверная интерпретация текста: «Видишь, *Далее было: какая* тут целая история» (ПСС, 7, 49). Появлению ошибки способствовало отсутствие знаков препинания при обращении — довольно типичная черта этого и других черновых автографов Достоевского. В окончательном тексте «Преступления и наказания» данный эпизод отражен, и на месте чернового варианта «NN» стоит выбранное автором имя: «Видишь, Родя, тут без тебя целая история произошла» (ПСС, 6, 96). Этот вариант имени, а также фамилия Раскольников и местоимение «он», обозначающее главного героя (в первоначальном замысле использовано личное местоимение «я»), появляются в последнем слое рукописи — когда текст правится с изменением формы повествования на третье лицо.

¹² Использование сокращения «NB» для обозначения имени персонажа нетипично для Достоевского, хотя сама помета появляется в рукописях писателя неоднократно и в разные годы, но именно в качестве знака возле записей (отдельных слов), посредством которого автор подчеркивает ту или иную мысль, характеристику героя, сцены, описываемого события. В ряде случаев «NB» наделяется функцией корректурного знака, соединяющего связанные между собой записи (и тогда в автографе возникают варианты «NB₁», «NB₂» и т. д.).

¹³ Это сокращение в рукописи (от *лат.* *Nomen nescio* — имени не знаю, или *Nomen nominandum* — не названный по имени) также указывает на то, что имя романного героя еще не определено окончательно.

Эта особенность правки — изменение формы повествования — не всегда учитывается в публикациях. Так, в одном из эпизодов Раскольников спрашивает у Разумихина: «— Бредил я что-нибудь?» Продолжение в рукописи: «{<—> {Как ж(е).} Себе не принадле(жали).} <—> Об чем я бредил? спросил [я]{он}, слясь приподняться с постели» (С. 98).

В печати диалог героев воспроизводится по-другому.

«— Об чем я бредил? спросил он (я) [Как бы себе не принадлежа] слясь приподняться с постели» (Гливенко, с. 147).

«— Как же. Себе не принадлежали.

— Об чем я бредил? — спросил я <Было: он>, слясь приподняться с постели» (ЛП, с. 469; ПСС, 7, 55).

В первой публикации текста неточно воспроизводятся порядок записи и ее содержание, при этом отсутствует указание на последовательность слоев: в автографе «он» вписано поверх «я» и относится ко второму слою и позднейшей редакции текста. В последующих изданиях местоимение «он» отнесено к первому слою записи, чего не может быть, так как в первоначальном замысле романа используется форма исповеди — повествования от лица героя.

Не все записи Достоевского к замыслу «Преступления и наказания» опубликованы. Наиболее проблемным с этой точки зрения является связанный черновой текст из анализируемой тетради: автор наносит правку слоями, нередко — заполняя все свободное пространство на рукописном листе, делая одну запись поверх другой, соединяя фрагменты текста, расположенные на полях разных страниц, меняя направление записей, и т. д. В результате текст местами трудночитаем, и в публикациях возникают его пропуски. Укажем такие случаи.

В одной из сцен, следующих после преступления, когда Разумихин и Бакавин в комнате главного героя обсуждают новости о расследовании убийства, в автографе есть помета, касающаяся характера повествования (имеются в виду внутренние монологи Раскольникова) и не отраженная в печати:

«(Всех подозреваю. Я теперь пишу воспоминания)» (Гливенко, с. 95).

«Всех подозреваю. Я теперь пишу вспоминая» (ЛП, с. 482).

«Всех подозреваю. Я теперь пишу, вспоминая» (ПСС, 7, 72).

В рукописи:

«(Всех подозреваю.

Я теперь пишу

вспоминая

{хладнокровнее})» (С. 30).

В сцене визита героя к квартальному надзирателю появляется характеристика, которая неточно отражена в первой и пропущена в последующих публикациях рукописного текста:

«весь как (...) набросил поручи» (Гливенко, с. 113); пропуск (ЛП, с. 442; ПСС, 7, 20).

В рукописи (контекст):

«Ведь я тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя, растак-то и перетак-то тебя и т. д. {(Вариант:) [сукина дочь] шельма ты этакая, что [я]{не} спущу, а ты [в друг(ой) раз] {опять}} {(Вариант:) такая-то и растакая-то ты} {<слева от абзаца набросок:> весь как был набросил(ся) все(ми) перуна(ми)}» (С. 56).

В данном случае пробел восполняет печатный текст романа, где указанная характеристика отражена почти полностью: «Поручик, еще весь потра-

сенный непочтительностию, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицию, **набросился всеми перунами** на несчастную „пышную даму“, смотревшую на него, с тех самых пор как он вошел, с преглупейшею улыбкой» (ПСС, 6, 78).

Пропущены два наброска из описания портрета Разумихина:

«Разумихин был все тот же: Добрый, высокий, худой, небритый, черно-волосый и с черными, большими как ложки глазами. {⟨*Поверх текста помета:*⟩ и беско⟨рыстный⟩ простоват⟨ый⟩ добры⟨й⟩ челов⟨ек⟩} {⟨*Ниже дописано:*⟩ и всег⟨да⟩ вес⟨е⟩л ⟨;⟩¹⁴} Он был не глуп, иногда буянил и слыл за силача» (С. 76).

В издании Гливенко данные фрагменты отсутствуют, но дважды приведена помета «(...)», указывающая на пропуск текста (Гливенко, с. 128); в последующих публикациях выделенные отрывки не воспроизводятся (ЛП, с. 454; ПСС, 7, 36).

Также пропущена реплика из разговора Разумихина с главным героем:

«...хозяйюшка твоя выставляет, на свой кошт, в знак удовлетворения-с. {Я не треб⟨ую⟩ и [не от⟨казываюсь⟩] разумеет⟨ся⟩ не отказы⟨ваюсь⟩} А вот и Настасья с чаем» (С. 91).

В первой публикации есть указание на пропуск: «(... ..)» (Гливенко, с. 140). В более поздних изданиях пропущенный текст или информация о нем не отражены (ЛП, с. 464—465; ПСС, 7, 48).

В продолжении сцены еще два пропуска — в публикации не вошли заметки, сделанные возле реплики Настасьи:

«— Да где она тебе малины возьмет? спросила Настасья {управля⟨ясь⟩ с сво⟨им⟩ чае⟨м⟩ ⟨;⟩} {⟨*Вариант:*⟩ усевшись за стол и кус⟨ая⟩ сах⟨ар⟩ ⟨;⟩}» (С. 92).

Сведения об этих записях отсутствуют во всех публикациях автографа (Гливенко, с. 140—141; ЛП, с. 465—466; ПСС, 7, 49).¹⁵ Вариант печатного текста: «— А где она тебе малины возьмет? — спросила Настасья, держа на растопыренных пяти пальцах блюдечко и процеживая в себя чай „через сахар”» (ПСС, 6, 96).

Для понимания художественных идей романа имеет значение письмо Достоевского к М. Н. Каткову, где автор пытается разъяснить замысел «Преступления и наказания». Черновик этого письма, датируемый 10 (22)—15 (27) сентября 1865 года, находится в указанной рабочей тетради и опубликован с неточностями:

¹⁴ Знаком «⟨;⟩» отмечены слова, читаемые предположительно.

¹⁵ В указанных публикациях не воспроизводилась каллиграфия Достоевского, которая в настоящее время описана. На полях с. 52 автографа есть вычеркнутая Достоевским каллиграфическая запись. Информация о ней имеется в соответствующем томе Полного собрания сочинений Достоевского, выпущенном издательством «Воскресенье» и посвященном графике писателя (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2005. Т. 17: Рисунки / Каталог и примечания К. А. Баршта). Текст, записанный Достоевским: «Voldemar», — в указанном издании не прочитан; под фотокопией рукописного листа сделана помета «Каллиграфия: (нрзб, зач.). Пробы пера» (Там же. С. 65). Кто обозначен этим именем, на данный момент не ясно. В 1867 году Достоевские виделись в Дрездене с проф. Цайбигом (Zeibig Julius Woldemar), вице-председателем кружка стенографии по системе Ф. К. Габельсбергера (см.: Цайбиг Юлиус Вольдемар [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества». М., 2012—2017 (<http://www.fedordostoevsky.ru/around/Zeibig/>); дата обращения: 31.7.2017)). В 1871 году в журнале «Русский вестник» М. Н. Каткова, с которым Достоевского связывало многолетнее сотрудничество, печатался публицист Х. М. Вольдемар (Т. 95. Октябрь. С. 329—347; в этом же номере была опубликована и шестая глава второй части романа «Бесы»: Там же. С. 550—592). В обоих случаях имена не соответствуют варианту автографа и относятся к более позднему времени, чем записи из анализируемой тетради.

«Закон правды и человеческая природа взяли свое (**неразобрано**) убед... <Фраза: „закон.....убедл” — вписана над строкой.> Преступн... <Зачеркнуто: „он”. Под строкой написано: „преступн”.> сам **решает** принять муки, чтоб искупить свое дело <Между строк вписано: „даже без сопро...”>. Впрочем трудно мне разъяснить вполне мою мысль <Эта фраза вписана на поле страницы. Далее идет не поддающаяся разбору фраза: „я” (зачеркнуто: „в этой мысли я не могу.... предать теперь (?) худож. форму, в которой она сложила..... а форма в...”)>.¹⁶

«Закон правды и человеческая природа взяли свое, убедл(ение?) **внутреннее**(?) даже без сопр(отивления?). Преступн(ик) <Было: Он> сам **решает** принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль. **Я хочу придать** <Вместо: Я хочу придать — было: В этой мысли я не могу> теперь худож(ественную) форму, в которой она сложил(ась). **О форме** <не закончено>» (ПСС, 28-2, 137).

В рукописи:

«{Закон^ы правды и человеческ(ой) природы взяли свое, [уби] {дикие <и>} **убеждения рухнули** даже без сопро(тивления).} [Он] {Преступн(ик)} сам **решает**(ся) принять муки, чтоб искупить свое дело.

{Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль. [В этой мысли я не [могу] {хо}] {Я} **преда[ть]{л}** теперь {худож(ественную)} форму, в которой она сложила(сь), **а форма всё** <и>}» (С. 112).

Эта часть письма посвящена одной из главных проблем «Преступления и наказания» — вопросу о раскаянии убийцы, и уже здесь, в предварительном описании замысла, автор говорит о поиске художественной формы, который ведется именно в это время — осенью 1865 года, когда в черновиках к роману определяется характер повествования (см.: ПСС, 7, 400—401).

Помимо чернового текста «Преступления и наказания», в указанной рабочей тетради есть наброски публицистического содержания. Эти материалы были опубликованы в томе 83 серии «Литературное наследство» в 1971 году¹⁷ и впоследствии переизданы в Полном собрании сочинений. Одна из публицистических заметок Достоевского на тему католичества прочитана неточно:

«Папство как бы должно <Над строкой: могло> было восстановиться. Нарисовать идеал **папы: жизнь, Христов наместник, владыка**» (ЛН, с. 244).

«Папство как бы должно <Над словом: должно — вариант: могло> было восстановиться. Нарисовать идеал **папы: <нрзб.> Христов наместник, владыка**» (ПСС, 20, 190).

Ошибочные чтения первой публикации частично повторены в Полном собрании сочинений, при этом один из вариантов (слово «жизнь») не принят (заменен пометой «нрзб.»).

В рукописи:

«Папство как бы должно было <Вариант над строкой: могло> восстановиться(я): Нарисовать идеал — **Папы нищего, Христова наместника, владыки**» (С. 11).

В данном случае для установления точного текста имеет значение анализ графики записи и ее языковых характеристик. После слова «Папы» нет двоеточия, как в публикациях, а между словами «идеал» и «Папы» стоит тире, не отраженное в печати. Пунктуационные детали заставляют внимательнее рассмотреть синтаксические особенности контекста. После тире сле-

¹⁶ Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову. С предисловием И. Гливенко // Красный архив. 1923. Т. 4. № 4. С. 369, 373.

¹⁷ Лит. наследство. 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг.

дует уточняющая конструкция, состоящая из однородных дополнений: «Папы», «наместника», «владыки». При этом среднее звено перечисления — «Христова наместника» — в рукописи имеет особенности: словосочетание написано через дефис и окончания в нем едва видны (нечеткие концовки слов — черта беглого письма). Грамматическая однородность всей конструкции подчеркивается ясно прописанными окончаниями первого и последнего звеньев («Папы нищего», «владыки»). Прилагательное «нищего» прочитано на основании графических характеристик записи: в слове имеется подстрочный штрих, который мог появляться только под буквами «ш» и «щ». В этой же рабочей тетради есть подобные примеры написания слов «нищего» и «нищету». Новое прочтение проясняет общий смысл высказывания: в этом, как во многих других рассуждениях о католичестве,¹⁸ Достоевский стремится контрастно подчеркнуть несовпадение идеалов Христа и Римской церкви, приписывая последней подверженность «третьему дьяволу искушению» («царствами земными») в противоположность христианскому нестяжательству.

Сложные для прочтения места есть в черновике статьи «Социализм и христианство». Одна из записей в печати представлена так:

«Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... Не верьте Апокалипс<ису>» (ЛН, с. 250; ПСС, 20, 193).

В рукописи:

«Социализм назвался Христом и идеалом. Се здесь Христос или там... Не верьте. Апокалипс<ис>» (С. 23).

Сложен этот случай тем, что буква «С» в слове «Се» имеет несколько нетипичное начертание (типичное можно видеть в слове «Социализм» в начале предложения), а точка после «идеалом» напоминает запятую (так ее и воспроизвели в печати). Однако оснований для чтения «а» вместо «Се» нет: такое прочтение не подтверждают ни графика текста, ни его содержание. Рисунок буквы «а» в почерке Достоевского достаточно устойчив и не совпадает с графическими характеристиками букв в интересующем нас слове. Аргументом в пользу предлагаемого чтения становится и содержание написанного. Запись представляет собой контаминацию церковнославянского и русского вариантов евангельской цитаты: «Тогда аще кто речеть вамъ: се, здѣ Христосѣ, или ондѣ: не имите вѣры» и «Тогда ежели кто вам скажет: **вот здесь Христос, или там; не верьте**» (Мф. 24: 23), — продолжающейся мотивами Апокалипсиса (Мф. 24: 27—35). Суть размышлений Достоевского о социализме высвечивается через параллель с евангельским текстом: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и явят великие знаменія и чудеса, так чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24: 24).¹⁹ Следует обратить внимание на антитезу истинного и ложного в записи Достоевского, так как далее социализм и христианство сравниваются на основании кажущейся общности идей.²⁰ автор замечает, что «социализм есть последнее,

¹⁸ Ср., например, в «Бесах»: «...вы веровали, что римский католицизм уже не есть христианство; вы утверждали, что Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволову искушение, и что, возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир» (ПСС, 10, 197); см. также «Дневник писателя» за 1876 год (ПСС, 22, 88).

¹⁹ Евангелие Достоевского: В 2 т. М., 2010. Т. 1: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. С. 83.

²⁰ В этом же черновике Достоевский ясно обозначает и различие между ними: «А вся-то штука, вся-то бесконечность Христианства над социализмом в том и заключается, что Христианин (идеал), все отдавая, ничего себе сам не требует. Мало того: даже враждебен к идее о вознаграждении, о гонорарии {не понимает и как бессмыслицу} и примет вознаграждение только от любви к дающему, или потому только, что чувствует, что после этого еще сильнее будет любить дающего. (Новый Иерусалим, объятия, зеленые ветви.) Впрочем, социализм даже и до [этого]

крайнее до идеала развитие личности, а не норма» и что в христианстве, «третьей и последней степени человека»,²¹ когда «кончается развитие» и «достигает(ся) идеал», рождается идея жертвенности как «самого [лучшего] {высшего} распоряжения собой» (С. 23).

Представленные примеры позволяют высказать лишь некоторые отдельные суждения о критике текста на примере рукописей Достоевского. Однако эти и другие наблюдения, оставшиеся за пределами статьи, свидетельствуют о необходимости критического анализа рукописных и печатных источников, особенно актуального при подготовке произведений писателя к печати. Сопоставление рукописей и их публикаций открывает наиболее «проблемные» места автографа и «трудные чтения», оставшиеся нерасшифрованными. В процессе такой работы важно выявить и устранить исследовательские неточности, которые меняют смысл авторских высказываний и влияют на общее понимание текста.

{такого} объяснения Христианства рационально не доходил, а доходили только некоторые его представители, да и то поэты. Все же будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели — в [б] сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных обязанностях, и высшая его мораль при этом, высшее ободрение человечеству состоит в том [что] уверении и ободрении {⟨Вариант:⟩ увещании} прозелитов {⟨Вариант:⟩ прозелитам}, что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для *самим* {⟨Следует читать: *самих*⟩ себ[e]{я}, в собственном интересе, travail {дескать} attrayant» (С. 22—23). О влиянии утопического социализма на мировоззрение Достоевского и о «христианском социализме» см.: Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 273; Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века / Сост., вступ. статья, комм. Н. Ашимбаевой. СПб., 1997. С. 585; Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 227; Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 19—21; Григорьев Д., *прот.* Достоевский и Церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М., 2002. С. 13. См. также: Вагин Е. А. Достоевский: От христианского социализма к социальному христианству // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 261—277.

²¹ Первую «степень» Достоевский определил как «патриархальность», вторую — как «цивилизацию»: «Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация — среднее {переходное}, Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, [кончается] {достигает(ся)} идеал, след(ственно), уж по одной логике, по одному лишь тому, что в природе все математически верно, след(ственно), {и} тут не может быть иронии и намешки — есть *будущая жизнь*» (С. 23—24). Ср. с размышлениями о человеке «на земле» как «существо только развивающемся, след(ственно), не оконченном, а переходном» и о «будущей, райской жизни» (РГБ. Ф. 96. Оп. I. Карт. 2. № 7. С. 43—44, см. также: ПСС, 20, 172—173) из записки от 16 апреля 1864 года «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?», явившейся откликом на смерть М. Д. Исаевой.

© В. Н. ЗАХАРОВ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О Н. Н. СТРАХОВЕ*

В отношениях Достоевского и Страхова есть то, что не объяснить известными фактами и опубликованными текстами. Эта тайна углубляется, если принять во внимание обвинение, которое Достоевский высказал в адрес кри-

Владимир Николаевич Захаров — заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

тика в известной и часто цитируемой записи из подготовительных материалов к «Дневнику Писателя» за 1876 год (июль—август). К сожалению, запись неверно прочитана в предыдущих публикациях. Необходимо исправить ошибки исследователей.

В середине июля 1876 года по приезде на лечение в Эмс Достоевский взял в местной библиотеке роман Э. Золя «Чрево Парижа». Чтение его вызвало в Достоевском раздражение, о чем он писал жене 15 июля: «...едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zola как про знаменитость, светило реализма».¹ Эти же настроения отразились в критических отзывах о романе, записанных в рабочих тетрадях в это же время: «это не искусство», автор «не знает уж что сказать»; «Все это вздор, все это картины преувеличенные. (Вот дескать как я описываю капусту!) — Глупости!»; «...это любовь к своей собственной болтовне и уверенность в своих писательских совершенствах»² и т. п.

Сначала в набросках мелькает фраза: «Если не сияющий, то маслено-радостный взгляд (у Майковых)» (Там же). Потом появился еще один источник раздражения — полемика с беллетристом и критиком В. Г. Авсеенко: «Г. А. — самое тупейшее литературное существо, из всех населявших русскую литературу» (Там же). Помимо резко выраженного несогласия в идеях и мнениях, этот критик оскорбил Достоевского в отзыве о первых главах романа «Подросток»: он обвинил автора в «поразительной, небывалой неблагопристойности повествования» и объявил, что ранее редакция «Русского вестника» «делала в его романах значительные опущения».³ Намек критика, близкого к «Русскому вестнику», был понятен и неприятен Достоевскому: в 1866 году М. Н. Катков заставил его переделать главу с чтением Евангелия, в 1871 году отказался печатать главу «У Тихона» в «Бесах». Достоевский увидел в этих претензиях катковского клеветы мелкую месть за публикацию романа «Подросток» в некрасовских «Отечественных записках».

Далее следуют новые наброски, но вскоре автор возвращается к оставленной теме. Достоевский дает литературную характеристику товарищу и соратнику Николаю Страхову:

«Н. Н. С. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе „Жених“, об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком,

Пирог жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4х читателей, я думаю не больше, и жа(ж)ду славы» (Там же).

Достоевский не стал переносить записи на другую страницу. Слева на полях внизу, потом снизу вверх последовательно появляются маргиналии, в которых писатель формулирует личные претензии к критику, который любит столоваться у друзей и знакомых, обидчив, капризен, честолюбив: «Он сидит на мягком. Кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 100.

² РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 16. С. 266. Далее ссылки на цитаты из этой страницы приводятся в тексте статьи. См. этот отрывок: Лит. наследство. 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. С. 619—620.

³ А. О. [Авсеенко В. Г.] Очерки текущей литературы. Новогодняя книжка «Отечественных записок». Чем отличается роман г. Достоевского, написанный для этого журнала, от других его романов, писанных для «Русского вестника». Нечто о плевках, пощечинах и т. п. предметах // Русский мир. 1875. 29 янв.

В старости и достигнув 2^х мест эти литераторы, столь ничего не сделавши начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми и взыскательными. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще не много, они уже переделываются совсем в дураков. И так на всю жизнь. Главное в этом славолубии играют роль не столько литератора, сочинителя трех—4х скучненьких брошюр и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и 2 казенные места. Смешно, но истина». Достоевский видит в этих неприглядных чертах сословный признак и переходит к обвинениям гражданского и этического порядка: «Чистейшая семинарская черта. Происхождение(ние) никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости» (Там же).

Достоевский перевернул лист тетради и продолжил записи слева направо в верхнем поле страницы, который в перевернутом виде стал нижним полем:

«Не смотря на свой строго-нравственный вид втайне сладострастен и за какую нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать всех и всё и гражданск(ий) долг, которого не ощущает и родину, до которой ему все равно и идеал, которого у него не бывает, и не потому что он не верит и в идеал, а из за грубой коры жира из за которой не может ничего чувствовать.

Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших.

Их надо обличать и обнаруживать неустанно» (Там же).

По почерку, цвету чернил и композиции записи единовременны основному корпусу текста. Начав характеристику Страхова, Достоевский завершил ее, сконцентрировав записи на одной странице.

Л. М. Розенблюм, готовившая к публикации эти записи о Страхове, допустила труднообъяснимую ошибку в прочтении рукописного текста. Несмотря на четко прописанные буквы *e, p, o, d, u, n, y* и ясный разборчивый почерк, слово *предать* она прочитала как *продать, родину* — как *работу*. Получилась нелепость: «работа», которую автор готов «продать» (что в этом плохого?) и «до которой ему все равно» (что нехорошо): «...готов продать всех и всё и гражданск(ий) долг, которого не ощущает и работу, до которой ему все равно...».⁴ Насчет Страхова у Л. М. Розенблюм не было никаких иллюзий. Ее критический анализ личности Страхова взыскателен. Она метко назвала его «почвенником без почвы»,⁵ но не рискнула заподозрить критика в готовности предать родину⁶ — именно это тяжкое обвинение предъявил Достоевский Страхову.

Обвинение соратнику на первый взгляд выглядит излишне суровым и несправедливым. В. А. Туниманов заметил по поводу отзыва Достоевского: «Это памфлетный портрет, начертанный в резкой обличительной манере раздраженной рукой».⁷ Между тем у Достоевского были не столько личные, сколько литературные основания подобным обвинениям.

В отношениях Достоевского и Страхова были периоды сближения и отчуждения. В журнальном деле критик был одним из ведущих сотрудников «Времени», «Эпохи», «Гражданина». Достоевский ценил сведущего собеседника, бывшего в курсе новых книг, тенденций и идей европейской философии. Их расхождения имели прежде всего философский и этический характер.

⁴ Лит. наследство. Т. 83. С. 620.

⁵ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Там же. С. 19.

⁶ Ошибочное прочтение рукописного текста исправлено в кн.: Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876—1877): критика текста. М., 2011. С. 50, 55.

⁷ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3. С. 58.

Первый раз они поссорились накануне отъезда Достоевского из Флоренции около 12 (24) августа 1862 года, пропутешествовав вместе три недели по Швейцарии и Италии. Внешне ссора выглядела как спор по странному поводу — сколько будет дважды два.⁸ Страхов полагал, что дважды два четыре; для Достоевского такой ответ — «смешная наивность»; дважды два всегда тайна, особенно в отношениях людей. Со слов оппонента, Достоевский был непримирим: «...вы объявили мне с величайшим жаром, что *есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь*».⁹ В свою очередь, Страхов пытался оправдаться перед Достоевским. Он настаивал на праве на «некоторую холодность, привычку к строгой и правильной мысли, отсутствие большого жара проповедовать», признался: «...я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому, что я не верю в *человека*: За человека страшно мне!»¹⁰ Впрочем, откровение о человеке, выразить которое была готова русская литература, критик понимает очень плоско — как падение человека и прикровение Ноя. Страхов не верит в человека и обличает его: «Разве хорош человек? Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! (...) Все мы воспитаны на Библии, все мы христиане, вольно или невольно, сознательно или бессознательно. Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас: хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: „Нет, гнусен до последней степени!“».¹¹ Для Страхова человек гнусен, для Достоевского грешен и может, как Митя Карамазов, повторять стихи Шиллера, восстать «из низости душою». Для Страхова это приговор человеку, для Достоевского же сознание греха, «гнусности», «низости» и есть начало восстановления человека в человека.

Для Страхова «спорить — унизительно», для Достоевского в споре торжествует стихия жизни и выявляется истина. Их непримиримые противоречия проявлялись в скрытой литературной полемике, но мало кто из непосвященных читателей мог догадаться, с кем спорит Страхов, кто скрывается под фигурами речи Достоевского. На флорентийский спор 1862 года Достоевский откликнулся в фельетоне «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), в повести «Записки из подполья» (1864). В 1875—1876 годах их спор продолжил Страхов в цикле статей, опубликованных в еженедельнике «Гражданин»: его полемика с Достоевским вышла из «подполья» и приобрела открытый литературный характер, понятный, впрочем, только оппоненту. Ее не заметили исследователи.

Две корреспонденции «Из Рима» — запоздалый ответ Страхова на «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского. Автор признается, что он «только второй раз за границей, и на короткий срок, как и первый».¹²

⁸ О философской и этической подоплеке этого спора см.: Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109—114.

⁹ Лит. наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 560.

¹⁰ Там же. С. 562. Последние слова — цитата из русского перевода «Гамлета» Н. А. Полевого, их нет у Шекспира. Впервые они прозвучали в начале 1837 года из уст русского Гамлета (актера Петра Мочалова) и сразу стали «крылатой фразой» (см.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М., 1986. С. 230—231). О переводе Н. А. Полевого см.: Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: Тезаурусный анализ. М., 2008. С. 266.

¹¹ Лит. наследство. Т. 86. С. 562.

¹² Страхов Н. Н. Из Рима (Корреспонденция «Гражданина») // Гражданин. 1875. № 20. С. 479.

Это примечательное признание критика: его первая заграничная поездка была в 1862 году в компании с Достоевским.

Корреспонденция Страхова — его весенние заметки об итальянских впечатлениях. В них он признается в том, что скрывал, — в благоговении перед Западом: «Я, впрочем, увлекся; я хотел только сказать, что к Риму можно привыкнуть, как и ко всему на свете, и тогда придется только бранить его грязь, неудобство квартир и т. д. Сравнительно хоть бы с нашим пышным Петербургом, все здесь жалко и мизерно. Но от подобных сопоставлений меня избавляет то чувство *благоговения к Западу*, которое иногда шевелится во мне с необыкновенною силою».¹³ Вполне по-чаадаевски Страхов высказывает свои мнения о русской истории и роли России в мировой цивилизации: «Когда здесь, в Риме, вспомнить о России, кажется, как будто она вообще не имеет истории; все ее прошедшее представляется однообразною полоскою роста. Великие бедствия, которые она вынесла, создание крепкого государства; все это не история, все это только явления *самосохранения*; а истории как будто еще не было. (...) Мы усваиваем из цивилизации все внешнее, все то, что не касается самого духа, самой глубины развития, а только дает ему простор или охраняет. Говорят, наша артиллерия очень недурна; железные дороги тоже порядочные и их уже много; юридические формы нашего быта в настоящую минуту довольно широки и свободны, несмотря на некоторую путаницу; Петербург и Москва у нас и красивее, и во многом щеголоватее, барственнее Берлина и Вены. Но дух, — да, мы не усвоили духа».¹⁴ Для Страхова дух Запада («западный дух») превыше всего. Это его отречение от почвенничества, от русского духа, от России. Презрительно, свысока сказано о народе: «Мы не знаем, для чего они так берегут себя; для нас непонятно то таинственное будущее, из-за которого они так мало дорожат своими головами; но ведь это уж наша печаль, а не их».¹⁵ Именно эти туристические заметки дали Достоевскому повод заподозрить Страхова в готовности предать родину.

Страхов был убежден, что Достоевский не читал цикл его статей «Три письма о спиритизме», опубликованный в «Гражданине» 15, 22 и 29 ноября 1876 года (№ 41—42, 43, 44).¹⁶ Достоевский их прочитал, но уклонился от обсуждения статей. Несогласий было много, но третья статья была полемическим вызовом Достоевскому и продолжением их давнего «флорентийского» спора. Отвечать Страхову — для Достоевского значило разорвать личные отношения, что было бесполезным и ненужным делом. В статье Страхов задает читателю, но на самом деле обращает к Достоевскому риторические вопросы: «Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин? Я убежден в этом, и полагаю, что и вы убеждены; так что, как ни любопытно и важно разъяснение того, на чем основано это убеждение, можно покамест отложить это разъяснение».¹⁷

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Так, 4 мая 1881 года он писал Л. Толстому: «Как живо мне вспомнился при этом Достоевский! Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал и не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. / Сост. Л. Д. Громовой, Т. Г. Никифоровой; ред. А. А. Донсков. М.; Оттава, 2003. Т. 2. С. 603 (Tolstoy Series; т. 6, 7).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Три письма о спиритизме. Письмо третье. Границы возможного // *Гражданин*. 1876. № 44. С. 1056—1059.

Для Страхова числа правят миром. В доказательство этого убеждения критик и философ приводит примеры торжества арифметики и верности арифметических действий, которые он называет «математикой». В опровержение невозможного (дважды два пять) он приводит примеры относительных исключений из правил арифметики — фокусы и проделки, которым кто хочет, может верить, для него они неубедительны.

В это время Достоевский сам полемизировал со спиритами. На опус своего оппонента он откликнулся ироничной эпиграммой. Она не закончена, набросков много, есть и сложившиеся стихи, во всех вариантах *спиритизм* рифмуется со словом *ерундизм*, которому сопутствуют эпитеты «наш», «всеобщий». В многословной и неопределенной полемике Страхова со спиритами Достоевский не увидел иного интереса, как «отыскать в сем ерундизме» «два-три гривенника лишних». ¹⁸ Подозрение писателя вряд ли справедливо. Впрочем, некоторые особенности характера и стиля приятелей в быту и в критике раздражали каждого.

Страхов признавался, что во время написания воспоминаний к Достоевскому, человеку и писателю, «чувствовал приступы того отвращения», которое тот часто возмущал в нем «и при жизни и по смерти». ¹⁹ Его неприятие Достоевского ясно выражено в переписке с Толстым. В яснополянском кругу не сомневались, что Страхов не любил Достоевского. Это чувство особенно сильно проявилось в письме критика Толстому от 28 ноября 1883 года, в котором тот рассказал, как ему было противно писать воспоминания, признался, что он утаил правду о Достоевском, обвинил его в «ставрогинском грехе»: «Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герои *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Преступлении и Наказании* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (расстление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим». ²⁰

В своих записках Д. П. Маковицкий отметил несколько обсуждений этого письма в 1907 году в связи с работой С. А. Толстой по подготовке к изданию переписки Л. Толстого и Страхова. 31 января Софья Андреевна рассказала, «что Страхов писал про Достоевского, Фета. Он Достоевского не любил, хоть писал о нем. Л. Н. подтвердил». ²¹ 27 февраля: «Софья Андреевна рассказала, как работала в Историческом музее. Читала письмо Страхова к Л. Н. о Достоевском, биографию которого Страхов писал; пишет, что он был тщеславный, злой, развратный; как об этом писать? Решил умолчать, пусть зло погибнет». Лев Толстой одобрил: «Вполне, вполне, вполне! Это на него похоже — и прекрасно». ²² 31 августа состоялось чтение письма Страхова, который «перестал писать его биографию, потому что Достоевский был зол и развратен и об этом не может ни писать, ни скрывать этого. Федор Алексеевич ей советовал не печатать этого письма. Софья Андреевна настаивает, т. к. истина ей дорога». ²³

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 16. С. 278.

¹⁹ Лит. наследство. Т. 86. С. 564.

²⁰ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки. С. 652.

²¹ Лит. наследство. 1979. Т. 90: У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого: В 4 кн. Кн. 2: 1906—1907. С. 363.

²² Там же. С. 385.

²³ Там же. С. 495.

Еще раз эта тема возникла 2 июля 1908 года по инициативе Д. П. Маковицкого: «Я рассказал Софье Андреевне про фельетон в „Руси“ „Сплетня о Достоевском“, где опровергается, что Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н. Н. Страхова.

Л. Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском:

— Нехорошо было со стороны Страхова».²⁴

Лев Толстой забыл, что писал ему Страхов в ноябре 1883 года, забывал, что ранее обсуждалось в яснополянских беседах: он игнорировал сплетни и клевету.

В своей клевете Страхов ссылается на разговор с другим сплетником — профессором Дерптского университета П. А. Висковатовым. Его сплетня сохранилась в двух вариантах: в изложении Страхова и в записи самого Висковатова. О характере и уровне суждений Висковатова о Достоевском лучше и красноречивее всего свидетельствует не только текст, но и контекст дневниковой записи от 5 января 1904 года. Кроме Достоевского, Висковатов высказывает претензии к другим властителям дум. Свой пятистраничный вердикт русской литературе он начитает с «прозрения»: «Стало мне наконец ясно: Лев Толстой, Влад. Соловьев, Достоевский — это не пророки, а герои своего времени, у них мы должны не учиться как у пророка, а изучать стремления и движения нашего сложного временного процесса. — В них страшный разлад и дисгармония, а гармоничность и стройность сознания это настоящая мудрость и характер пророка. Искренность у этих людей разве только в искании».²⁵

Далее следует первая претензия: «Достоевский вечно колебался между чудными порывами и грязным развратом (растление девочки при участии гувернантки в бане) и при этом страшное раскаяние и готовность на высокий подвиг мученичества. Высокий альтруизм и мелкая зависть (к Тургеневу в Москве, где я жил с Достоевским в одном номере). Недаром он говорил: „Во мне сидят все три Карамазова“».²⁶ Упрек Висковатова Достоевскому в «мелкой зависти» к Тургеневу на Пушкинском празднике 1880 года такого же свойства, как и его «свидетельство» о том, что во время торжеств он проживал с Достоевским в одном номере (что было явным вымыслом мемуариста: проживали они в одной гостинице, но в разных номерах — Достоевский в 33-м).

Следующий фрагмент показывает, как в пересудах рождаются сплетни. Полторы страницы о Толстом сводятся к аргументации, что у него «слово с делом расходится», «проповедует одно, а делает другое». Висковатов приводит банальные доводы: хочет по Христовой заповеди раздать имение бедным, но «графиня не позволяет»; запрещает курить, «но позволяет время от времени выкуривать гаванскую сигару»; проповедует опрощение, но «допускает, чтобы за трапезой, за стулом его, стоял лакей во фраке»; дорого продает свои издания. Несостоятельность обвинителя обнаруживает его «богословская критика»: «Толстой учит и претендует на знание Евангелия. А понимает ли он в начале бе Слово-дело, а не слова (logos)».²⁷

Владимира Соловьева Висковатов упрекает в заигрывании с замужней дамой, у которой тот проживал в деревне, в увлечении буддизмом, в искании слушателей-обожателей. Источником его сплетни об интрижке философа стал репетитор-гимназист, «прикомандированный» Висковатовым к се-

²⁴ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 3: 1908—1909 (январь—июнь). С. 133.

²⁵ РНБ. Ф. 148. Оп. I. № 1. Л. 149 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 150—150 об.

мейству Дурново: «Мальчик имел не раз случай слышать двусмысленные речи и смех Влад. Серг. в беседах с Дурново. Они были недостаточно осторожны перед „юнцом”. Он в недоумении рассказывал мне, приехав, сценки». ²⁸ Так в пересудах родилась сплетня. Соперник влюбленного В. С. Соловьева, его однофамилец и специалист по бракоразводным делам М. П. Соловьев, «начавший хлопотать о разводе», когда Дурново хотела выйти за него замуж, рассказывал Висковатову, «что очевидно между ними не было связи, но был духовный анонизм (так в рукописи! — В. З.), его возмущавший». ²⁹

Так неприглядно выглядят пересуды сплетников.

Висковатов не знал, что Страхов написал о Достоевском Толстому. В свою очередь Страхов не мог прочитать дневниковую запись самого Висковатова, который привел «сцену в бане» как пример «грязного разврата» Достоевского (по свидетельству А. Г. Достоевской, один из вариантов главы «У Тихона», отвергнутой М. Н. Катковым). ³⁰

В свое время Л. М. Розенблум высказала предположение, что Страхов, по-видимому, читал эту запись Достоевского. Есть косвенные доказательства этой гипотезы. А. Г. Достоевская привлекла критика к подготовке первого посмертного полного собрания сочинений Достоевского: консультировалась с ним по составу издания, заказала биографический очерк, из которого получились воспоминания, поручила подготовить к публикации письма и выписки из записных тетрадей.

Закончив воспоминания 5 октября 1883 года, он с удвоенной энергией взялся за редактирование и корректуру биографического тома. Больше всего его волновала публикация записных тетрадей Достоевского. 9 октября 1883 года он писал Анне Григорьевне: «Теперь о *Записной книжке*. Я непременно буду во Вторник часа в 4. Анна Ивановна *больна* сильнейшей лихорадкой — нужно мне навестить ее. Но ведь в полчаса невозможно сделать выбора — нужен целый вечер. Там увидим». ³¹ В письме от 21 октября он тревожится по поводу того, что будет выбрано для публикации: «Еще: будете печатать *из Записной книжки*, то необходимо мне взглянуть, — только взглянуть. Я после Вам объясню». ³² Судя по всему, объяснений не потребовалось: Анна Григорьевна готовила к печати только последнюю записную тетрадь Достоевского.

1 ноября 1883 года уже успокоившийся Страхов высказывает вдове претензию, из которой можно заключить, что в работе над записными тетрадями участвовал также А. Н. Майков: «Виджу, многоуважаемая Анна Григорьевна, что наша работа с Ап. Николаевичем над *Записной Книжкой* передана у Вас. Против этого я ничего не могу иметь, также как и против всяких перемен, какие Вы захотите сделать. *Вы издаете книгу*, и следовательно Ваша полная воля. Но затем позвольте мне и не держать корректуры этих выдержек». В завершении письма дает совет: «Заглавия, по-моему, нужно бы печатать на полях — больше сходства с подлинником и не так режет глаза». ³³ Анна Григорьевна учла совет критика; тот же после выхода своих воспоминаний излил свою неприязнь к Достоевскому в письме Льву Толстому от 28 ноября 1883 года.

²⁸ Там же. Л. 150 об.

²⁹ Там же. Л. 151.

³⁰ О Висковатове и этой версии сплетни см.: Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 95—97, 99—100.

³¹ РГБ. Ф. 93. Оп. II. Карг. 9. № 21. Л. 33—33 об.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Л. 37.

В этой ситуации удивительно не то, что Достоевский угадал, а то, что сам Страхов подтвердил все подозрения писателя своими текстами и поступками. Спустя сорок два года, прочитав письмо Страхова Толстому, вдова Достоевского сказала, что, если бы клеветник был жив, она дала бы ему пощечину за эту низость.³⁴

Страхов предсказуем. Его характер и судьбу угадывал не только Достоевский. Сосед Страхова, беллетрист Д. И. Стахеев за шесть лет до его смерти шутливо описал, как будет умирать критик, как будет противиться исповеди, причастию и соборованию. Удивительно, но сцена смерти героя в повести Стахеева «Пустынножитель» имела почти аналогичное развитие в жизни прототипа. По свидетельству П. А. Матвеева, накануне онкологической операции Страхов отказался от приглашения священника: «...он был человек неверующий, хотя думал, что религия нужна для народа. Мягкий и кроткий, он сильно раздражился, когда я упомянул о священнике перед операцией, и скончался без церковного напутствия».³⁵

Кроме Висковатова и Страхова, в распространении клеветы преуспели Тургенев и Григорович, превратившие слухи по поводу отвергнутой главы «У Тихона» в «Бесах» в «литературный анекдот» о ненависти Достоевского к Тургеневу.³⁶ Сплетни и клевета давно опровергнуты, что не мешает сплетникам по-прежнему клеветать на Достоевского.

³⁴ Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 3. С. 84—95.

³⁵ Матвеев П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной Пустыни // Там же. С. 83. В недавно опубликованном письме редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому Д. И. Стахеев попытался оспорить свидетельство П. А. Матвеева, но сделал это неубедительно, по сути дела, подтвердив тот факт, что перед операцией Страхов отказался от принятия Святых тайн, умер без исповеди и соборования, призванный Стахеевым священник не успел к умирающему (Фатеев В. А. «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова) // *Христианское чтение*. 2016. № 1. С. 167—168).

³⁶ Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 75—109; Ясинский И. И. Исповедь / Вступ. статья, публикация, подг. текста и прим. М. Н. Золотоносова // *Занавешенные картинки: Антология русской эротики*. СПб., 2001. С. 231—248; Штрихи к портрету «странного Тургенева»: неопубликованный мемуарный очерк Н. М. Минского / Вступ. заметка, публ. и комм. С. Сапожкова // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 72. С. 7—19.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА

ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА К И. С. ШАЙКОВИЧУ (1929—1932)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© К. М. АЗАДОВСКОГО)

Второй эмигрантский период жизни Бальмонта (1920—1942), мало изученный до настоящего времени, охватывает огромный пласт его творческого наследия: множество стихов, статей, очерков и иных публикаций поэта до сих пор остаются либо затерянными на страницах русской зарубежной печати, либо похороненными в архивной пыли. Представление о Бальмонте как поэте «исписавшемся», не сумевшем создать в свой поздний период ничего значительного, все еще сохраняется в читательской и даже профессиональной среде. Медленно расширяется круг наших знаний о жизни поэта во Франции в 1920—1930-е годы, и даже недавние крупные публикации его эпистолярного наследия, содержащие ряд новых сведений,¹ не слишком поколебали этот устоявшийся образ.

Увлечение Бальмонта «славянством» во второй половине 1920-х годов — отдельный период его творческой биографии, до предела насыщенной, как известно, переводческим трудом. С особой увлеченностью Бальмонт тянулся к тем языкам и культурам, которые были, как ему казалось, особенно далеки от «европейской цивилизации». Однако уже в 1905 году, Бальмонт обратился к славянской «стихии» — сначала польской, затем — родной, русской. «...Когда я вернулся в Россию, смятенную бурей, из далекого путешествия по Мексике и Калифорнии, во мне загорелась неугасимым костром любовь ко всему русскому и всему польскому. Есмь славянин и пребуду им», — писал Бальмонт академику Д. Н. Анучину в 1912 году.² «Неугасимая любовь» обернулась в 1900-е годы изучением русской и польской народной поэзии, переводами классика польской литературы Юлиуша Словацкого, стилизациями русских сектантских песнопений, народных заговоров, загадок, заклинаний и т. п. А в очерке Бальмонта «Рубиновые крылья» (1907), где сопоставляется русский и польский фольклор, речь идет уже о славянстве в целом: о славянских «народных глубинах», славянской «миротворческой мечте», «славянской душе» и т. д.³

Более глубокое погружение Бальмонта в «славянский мир» происходит в период его второй эмиграции — в середине 1920-х годов. Увлечшись творчеством Ярослава Врхлицкого,⁴ Бальмонт изучает чешский язык и перево-

Константин Маркович Азадовский — действительный член Немецкой академии языка и литературы.

¹ См.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926—1936 / Изд. подг. К. М. Азадовский и Г. М. Бонгард-Левин. М., 2005; «Мы встретимся в солнечном луче». Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской 1920—1926 / Вступ. статья Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисловие С. Шейлз; публ., сост. текста, прим. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М., 2014.

² Русские ведомости. 1913. 1 марта. № 50. С. 2.

³ Бальмонт К. Морское свечение. СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1910. С. 56, 64, 81 и др.

⁴ Бальмонт посвятил Врхлицкому очерк: «Поэт славянского сердца Ярослав Врхлицкий» (Перезвоны. 1926. № 18. С. 535—536), а выполненные им переводы из Врхлицкого выпустил

дит, помимо Врхлицкого, еще целый ряд чешских поэтов конца XIX — начала XX века.⁵ От чехов Бальмонт переходит к болгарам и сербам.

Начало занятий Бальмонта сербским языком и сербской культурой относится к 1927 году; и уже довольно скоро поэт пробует свои силы в переводе сербских народных песен. В конце января 1928 года Бальмонт обращается к академику А. И. Беличу (1876—1960), возглавлявшему в тот период все крупнейшие русскоязычные начинания в Сербии.⁶ «Посылаю Вам два первые свои перевода дивных сербских⁷ песен „Святой Савва” и „Смерть царевича Уроша”, — пишет ему Бальмонт 28 января 1928 года. — Я нашел эти тексты в книжечке — „Српске Народне Песме”,⁸ Београд, 1924, — которую на время одолжила мне „Восточная Школа”⁹ в Париже. Мне очень хочется в совершенстве изучить сербский язык и сербскую Народную Поэзию».¹⁰

Понятие «славянин» Бальмонт понимал весьма широко: «славянами» были для него восточно- и южноевропейские славянские народы и народности; с миром славянства он соотносил даже... литовцев, чью историю, язык и культуру увлеченно изучал в конце 1920-х годов. «Говоря — славяне, — писал Бальмонт, пытаюсь обосновать «избранность» славянства, в очерке «Что дают миру славяне?» (1929), — я разумею всех славян, болгар и сербов, хорватов и поляков, словаков и чехов, а прежде всего — будучи русским — русских».¹¹ Отличительной чертой славян Бальмонт считал их «способность самоотдачи», христианское в своей основе умение положить свою душу «за други своя». От других «европейцев», по мнению поэта, их отличает также «столетьями носимое» иго: у русских — татаро-монгольское, у чехов — германское, у болгар и сербов — турецкое.¹²

Славянские устремления Бальмонта получают мощный импульс в конце 1928 года, когда в Париже начинается издание еженедельной газеты «России и славянство». Объявившая себя органом «национально-освободительной борьбы и славянской взаимности», газета отличалась в целом панславянской направленностью. Однако никакой политической доктрины в духе М. А. Бакунина и Н. Я. Данилевского (объединение славянства как особого мира, в центре которого должна встать Россия) этот печатный орган не придерживался. Газета представляла собой, скорее, «либеральное» и

отдельной книгой (*Врхлицкий Я. Избр. стихи / Пер. с чешского К. Д. Бальмонта. Прага: Издание Славянской Библиотеки Министерства Иностранных Дел, 1928*), предпослав ей вступительный очерк «Праздник сердца (Ярослав Врхлицкий)».

⁵ «Я перевожу Маху, Бржезину, Сову, Тэра, Томана, Волькера, — сообщал Бальмонт Е. А. Ляцкому 9 декабря 1926 года. — Хочу за зиму перевести сотню-другую наилучших вещей лучших чешских поэтов» (*Олонова Э. «Вы знаете, что во имя Врхлицкого я изучил чешский язык...»* (Письма К. Д. Бальмонта к Е. А. Ляцкому 1920—1929 гг.) // *Славяноведение. 1997. № 4. С. 97*).

⁶ См. о нем прим. 12 к п. 1; см. также: *Шешкен А. Г. Александр Белич и «русский Белград»* // *Славянский вестник (Москва). 2004. Вып. 2. С. 578—586*.

⁷ Названия языков и национальностей (русский, польский, сербский и т. д.), как и ряд иных значимых для него слов, Бальмонт, следуя традициям XIX века, всегда писал с заглавной буквы. Это написание соблюдают в основном и современные публикаторы бальмонтских текстов. Придерживаясь противоположного текстологического принципа, мы считаем правильным писать эти слова со строчной буквы. В прочих случаях (Песни, Предания и т. п.) сохраняется написание Бальмонта.

⁸ Сербские народные песни (*сербск.*).

⁹ Имеется в виду «Национальная школа живых восточных языков» в Париже (с 1971 года и по настоящее время — «Национальный институт восточных языков и культур»).

¹⁰ От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / Сост., подг. текста и комм. Ненада Благоевича, Анджелины Милич и Иваны Мрджя. Белград: Логос, 2016. С. 73.

¹¹ *Бальмонт К. Что дают миру славяне?* // *Сегодня. 1929. 26 янв. № 9. С. 3.*

¹² Там же.

«культурное» издание (не случайно ее идейным руководителем был «правый либерал» П. Б. Струве, переехавший в 1925 году из Праги в Париж, а в 1928 году — в Белград). Одним из основных авторов еженедельника становится именно Бальмонт, напечатавший в 1929—1933 годах на его страницах целый ряд своих стихов, переводов и очерков. При этом панславянская идеология, если и вдохновляла Бальмонта, то отнюдь не в политическом ракурсе; поэт говорил и писал главным образом о духовном «дружестве» славян, их нравственной общности, о «братстве» славянских народов и т. п.

Весь 1928 год проходит у Бальмонта под знаком его интенсивных занятий сербским языком и сербской литературой. Не воспользовавшись возможностью приехать в Белград осенью 1928 года на Съезд русских писателей, созданный по инициативе короля Александра I, Бальмонт в марте 1929 года приезжает единолично — по приглашению белградского Русского научного института, созданного в 1928 году и охотно привлекавшего к чтению лекций известных писателей и ученых.

Находясь в Белграде, Бальмонт не раз встречался с Александром Беличем (в письмо от 18 мая 1929 года поэт благодарит его за «наши дружеские встречи»). Тогда же, в марте—апреле 1928 года, Бальмонт посетил «Русскую издательскую комиссию» и договорился с ее председателем В. Д. Брянским об издании в серии «Русская библиотека» своей новой книги «В раздвинутой дали. Поэма о России». Книга вышла осенью 1929 года (на титульном листе значится 1929 год, на обложке — 1930-й).

Во время пребывания поэта в Белграде состоялось его очное знакомство с Иваном Шайковичем (приблизительно 24—25 апреля¹³). Это событие, весьма значительное для истории русско-сербских культурных сношений XX века, безусловно заслуживает комментария. Тем более что имя Шайковича принадлежит ныне к числу полузабытых.

Серб по национальности, поэт и переводчик Иван Степанович Шайкович (1876?—1948¹⁴) получил образование в белградском и пражском университетах, где изучал славянскую филологию. Будучи студентом, разделял прославянские настроения и был горячим сторонником освободительных идей Т. Г. Масарика, несколько статей которого Шайкович перевел на сербохорватский.¹⁵ В 1901 году защитил в Бреслау (ныне — Вроцлав) диссертацию (об особенностях ударения в сербском языке). Служил при сербской миссии в Петербурге. С 1925 года — консул Королевства сербов, хорватов и словенцев¹⁶ (впоследствии — генеральный консул) в Хельсинки; в 1939 году переехал в Стокгольм, где и умер.¹⁷

Живя в Петербурге, Шайкович превосходно овладел русским языком. С 1910 года он преподавал сербский язык в Практической Восточной академии при Обществе востоковедения. Издал учебник сербского языка (СПб., 1912). Одно время заведовал народной школой в Куоккала, где имел

¹³ Эта дата значится на автографе выполненного Бальмонтом перевода стихотворения Шайковича «Исповедь песенника» (см. прим. 4).

¹⁴ Сообщено Е. И. Шайкович.

¹⁵ Впоследствии Шайкович рассказал об этом периоде своей жизни в мемуарном очерке «Nekoliko momenata iz omladinskoga pokreta: od 1893 do 1903 godine» («Несколько эпизодов из истории молодежного движения от 1893 до 1903 года»), опубликованном в журнале «Књижевни север» (1929. № 5/7—9. С. 255—272).

¹⁶ Так называлось государство, возникшее на Балканах после распада Австро-Венгрии; с 1929 года — Югославия.

¹⁷ Ряд биографических сведений о И. С. Шайковиче (впрочем, требующих дополнительной проверки) см. на сайте Елабужского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: http://www.elabuga.com/shishk/drevo/drevo_11.html (дата обращения: 31.07.2017).

собственный дом (проданный лишь в 1931 году)¹⁸ и общался с другими именитыми обитателями этого поселка (М. Горьким, К. Чуковским,¹⁹ И. Репиным).

Иван Степанович был высокообразованным человеком; знал несколько иностранных языков (кроме русского, он свободно владел немецким и финским), увлекался литературой и философией. Его публицистические статьи появлялись в 1920—1930-е годы в сербской периодической печати, книги же он печатал в Финляндии (за собственный счет). Первая книга его сербскохорватских стихов «Iz večnoga izvoga» («Из вечного источника») появилась в 1925 году; вторая, озаглавленная «Novi prorok» («Новый пророк»), — в 1926-м; третья «У самовању» («В одиночестве») — в 1936-м; кроме того, в 1932 году Шайкович выпустил в Гельсингфорсе книгу своих сербских стихов в собственном переводе на русский, озаглавленную «Моя Мария» (см. прим. 1 и 2 к п. 25).

Поэзия Шайковича была известна и финским читателям: его стихи переводил, в частности, один из крупнейших финских поэтов XX века, переводчик с европейских языков Отто Маннинен (Manninen; 1872—1950).²⁰

Что касается переводческой деятельности Шайковича, то к числу его наиболее заметных трудов принадлежит, безусловно, «Слово о полку Игореве» (1930) — этот посвященный Бальмонту переводческий труд совпал по времени с переводом самого Бальмонта, в том же году переложившего «Слово» на современный русский язык. Позднее, в преддверии пушкинского юбилея Шайкович перевел «Полтаву», а также ряд стихов и драматических произведений Пушкина («Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь»), выпуская свои переводы в Гельсингфорсе отдельными изданиями. Нельзя, наконец, не отметить перевод «Калевалы»,²¹ который Шайкович снабдил подробным предисловием и издал в финской столице (1-ю часть — в 1935 году, 2-ю — в 1939-м).²²

«Я познакомился с Иваном Шайковичем, и мы сразу подружились, в Белграде, в мое пребывание там весной прошлого года, — вспоминал Бальмонт. — Он устроил мне поездку в автомобиле по живописнейшим местам Сербии. Мы были вместе в Дорколе, в Авале.²³ Мы посетили королевское имение, где мне посчастливилось увидеть прекраснейший православный храм, в котором русские художники в мозаике воспроизвели великолепную сербскую церковную живопись 14-го — 15-го столетий.²⁴ (...) Потом мы расстались и изредка перебрасывались письмами».²⁵

¹⁸ Любопытно, что в летние месяцы 1915—1917 годов у Шайковича снимала дачу семья Д. С. Лихачева (см.: *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 63).

¹⁹ Именно Шайковичу удалось сохранить книги и бумаги Чуковского, оставшиеся после 1917 года в Куоккала. О встречах с Шайковичем и его женой Лидией Ивановной (1869—1931), дочерью художника И. И. Шишкина, во время визита Чуковского в Куоккала и Гельсингфорс в 1925 году см.: *Чуковский К.* Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 320—322.

²⁰ См.: *Šajković I.* Tonavan tuolta puolen. Helsinki: WSOY, 1941 («По ту сторону Дуная». — финск.).

²¹ В начале XX века в России Шайкович встречался с Л. П. Бельским, первым переводчиком «Калевалы» на русский язык, и признался ему в своем желании переложить поэму на сербский язык. Бельский, как утверждал позднее Шайкович, поддержал его в этом намерении и пожелал успеха.

²² Отдельные сведения, приведенные выше, заимствованы из статьи: *Nuorluoto J. Dr. Ivan S. Šajković — ein Dichter und Diplomat // Studia Slavica Finlandensia.* 1985. № 2. P. 132—141.

²³ Доркол — квартал в старом Белграде; Авал — холм на окраине Белграда, один из символов города.

²⁴ Видимо, Бальмонт посетил храм-мавзолей Карагеоргиевичей на Опленце (80 км от Белграда). В оформлении этого храма (св. Георгия Победоносца) принимали участие русские художники-эмигранты (И. П. Дийкий, Н. Б. фон Мейендорф и др.) в качестве образцов использовались фрески и мозаики средневековых сербских монастырей.

²⁵ *Бальмонт К.* Песня русской славы // Россия и славянство. 1930. 30 авг. № 29. С. 4.

Встреча в Белграде оказалось единственной; встретиться друг с другом им больше не удалось. Однако состоявшееся знакомство и редкий поначалу обмен письмами обернутся в конце концов многолетней содержательной перепиской, охватывающей 1929—1938 годы. Воспринимая своего сербского собрата как «родственную душу», Бальмонт делился с ним творческими замыслами, посылал ему свои новые (в том числе и неопубликованные) стихи и очерки, поддерживал поэта-дипломата в его литературных начинаниях, переводил его стихи на русский язык и публиковал их в русской печати. Кроме того, Бальмонт заочно познакомил Шайковича с писателем И. С. Шмелевым, историком литературы Н. К. Кульманом, французским поэтом Ф. Лебегом, семьей американской поэтессы Лидии Нобль и др. Шайкович, со своей стороны, также оказывал Бальмонту всестороннюю поддержку: переводил его стихи на сербский, рассказывал о нем в сербской печати, посылал ему книги, пропагандировал его творчество в кругу своих знакомых,²⁶ пытался найти для него издателя в Сербии, помогал материально.

Отправившись в путешествие вместе с Е. К. Цветковской (1880—1944), своей гражданской женой и неизменной спутницей, Бальмонт по дороге посетил «очаровательную, солнечную, приветливую, улыбчивую»²⁷ Люблянскую столицу Словении, затем заехал на несколько дней в Загреб, столицу Хорватии,²⁸ и оттуда прибыл в Белград, где провел более месяца,²⁹ а в самом конце апреля отправился в Болгарию; здесь он задержался еще на три недели, выступая публично и знакомясь со страной.

Вскоре после возвращения Бальмонта из балканской поездки имя Шайковича, ранее почти неизвестное русским читателям, начинает появляться на страницах «России и славянства» (нетрудно предположить, что именно Бальмонт был инспиратором этих публикаций). Так, в № 27 от 1 июня помещены были стихи из книги Шайковича «Новый пророк» (в переводе Евгения Вадимова³⁰) и его портрет (с. 2). А спустя две недели «Россия и славянство» публикует пространное интервью Шайковича с белградским журналистом Н. З. Рыбинским (1888—1955). В этой беседе сербский поэт говорит о духовно-культурной роли славянства в современном мире, о необходимости объединения славянских народов, о ведущей роли России в славянском движении и о высокой миссии русских эмигрантов («беженцев») — сохранить «великие традиции Русского Духа» и «быть проводниками идей славянского объединения в братских славянских странах».³¹

Решающую роль в сближении Бальмонта и Шайковича сыграло совпавшее по времени событие: стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», которое оба осуществили, независимо друг от друга, в 1930 году. О высо-

²⁶ См., например, письмо Шайковича от 8 июля 1931 года, сохранившееся в его архиве, к О. фон Шульцу (1872—1947), преподавателю русской литературы в Гельсингфорском университете, по поводу статьи Бальмонта «Веселая Весна» (Сегодня. 1931. 5 июня. № 154. С. 2—3). Следует также отметить, что Шайкович заочно познакомил Бальмонта с русской поэтессой Верой Булич, которая жила в Гельсингфорсе (см. прим. 3 к п. 14).

²⁷ Из письма Бальмонта к жене, Е. А. Андреевой-Бальмонт, от 22 апреля 1929 года из Белграда (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 95).

²⁸ В день приезда Бальмонта в Загребе вышла в свет (в переводе на хорватский Николы Андрича) его книга «Visions solaires» (Paris, 1923). Русский оригинал, известный под названием «Океания», не издан до настоящего времени.

²⁹ Пребыванию Бальмонта в Белграде посвящена публикация: Ђурић Б. Гостовање К. Д. Бальмонта у Београду 1929 године (на материјалу дневне штампе) // Славистика. 2003. Књ. VII. С. 328—336.

³⁰ Настоящее имя и фамилия — Юрий Ипполитович Лисовский (1879—1944?). См. о нем: Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб., 1999. С. 49—50.

³¹ Рыбинский Н. Сербские мысли о России и Славянстве // Россия и славянство. 1929. 15 июня. № 29. С. 2.

кой, почти восторженной оценке, которую дал Бальмонт переводу Шайковича, рассказывают, в частности, публикуемые письма. Не менее выразителен и отзыв Шайковича о бальмонттовском переводе (в письме от 30 июня 1930 года, которое русский поэт цитировал в своих очерках того времени).

В течение 1930 года Бальмонт неоднократно писал о Шайковиче. В очерке «Песня русской славы» он подчеркнул, что Шайкович — «поэт тонкий, одаренный талантом музыкальным», а кроме того — переводчик Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева и других.³² Через несколько месяцев, получив от Шайковича цикл его стихов «Новая явь», Бальмонт отзывается подробной статьей, целиком посвященной сербскому поэту-переводчику.

«Шайкович — крепкого закала человек, — пишет Бальмонт. — Он любит и ценит не только свой стих, тонкий и сильный (...) но он жадно ищет расширения поля своего внутреннего зрения и сочувственно тяготеет к творчеству поэтов совершенно иных, нежели он. Живя то в Сербии, то в Финляндии, он перевел на сербский язык лучшую в Европе, наряду со скандинавской Эддой, народную поэму о Мироздании, „Калевалу“. Это труд уважительности значительной, работа исполнская. (...) Шайкович совсем этой работой не исчерпал себя. Он влюблен в русскую поэзию, — и вскоре мы увидим целую хрестоматию, целую антологию его сербских передач Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Баратынского и Алексея Толстого, еще и еще других. Наконец в этом году он совершил поэтический подвиг совсем удивительный, — он мастерски перевел „Слово о полку Игореве“...»³³ В текст своего очерка Бальмонт включил четыре стихотворения Шайковича из «Новой яви» в своем переводе: «Мысль», «Немая молитва», «Небесный бой» и «Чудо».

Идея «славянского единения» была, как видно, близка и Бальмонту, и Шайковичу. Впрочем, Бальмонт высоко ценил и Шайковича-переводчика. «Милый брат мой сербский, — писал он ему 1 июня 1935 года, — я восхищен Вашими проникновенными переводами Пушкина и Калевалы. Вейнемейнен Вам родной, я, ликуя, читал Ваши перепевы. Как дивно близко Вы переводите!» Более сложным было отношение Бальмонта к попыткам Шайковича писать не только по-сербски, но и по-русски. Горячо одобряя сербские стихи Шайковича, многие из которых он переложил на русский, Бальмонт скептически воспринимал его опыты в русском стихосложении, например, автопереводы его сербских стихов, собранные в книге «Моя Мария».

1928, 1929 и 1930 годы — апогей работы Бальмонта над переводом «славян». «Я весь в изучении славянства и Литвы, Литвы и славянства, и снова Литвы...», — сообщал поэт в одном из своих французских «писем», предназначенных для печати.³⁴ «...За этот последний год, за один год, но работая ежедневно и с утра до вечера, я овладел — до возможности читать авторов и наслаждаться поэзией — сербским языком, болгарским и, главное, труднейшим и богатейшим языком — литовским», — рассказывает он в другом очер-

³² Россия и славянство. 1930. 30 авг. № 29. С. 4.

³³ Бальмонт К. «Новая Явь» Ивана Шайковича // Россия и славянство. 1930. 27 дек. № 109. С. 2. Под текстом — помета: «Капбрегон, 1930, 29 окт(ября)». Отправляя свой очерк Шайковичу, Бальмонт сделал на полях приписку: «Написав о Вас свой очерк, тотчас отправил его в „Рос(сию) и Слав(янство)“, потом дважды читал Ел(ене) К(онстантиновне), читал Кульману, восхищенному моим очерком и плененному Вашим стихом...». Здесь и далее цитаты из писем Бальмонта и Шайковича, а также стихов и стихотворных переводов Бальмонта приводятся без отсылок.

³⁴ Бальмонт К. Прощальный взгляд. (Письмо из Франции) // Сегодня. 1929. 27 фев. № 58. С. 4.

ке.³⁵ Результатом этой напряженной работы оказался ряд журнально-газетных публикаций и несколько книг.³⁶

Однако сближение Бальмонта и Шайковича стимулировалось не только общим для обоих пафосом «славянского единения». Еще теснее связывало их друг с другом ощущение современной ситуации — и в мире, и в СССР. Оба сходились в том, что современная цивилизация переживает глубокий духовный кризис. «Кипит мировой котел. Подошли какие-то великие сроки. Волнением и трепетом охвачены все души, — восклицал Шайкович в письме к Бальмонту 14 февраля 1932 года. — (...) Мне, маленькому человеку, кажется, что весь этот кажущийся ужас оттого, что люди не взялись еще за настоящее дело: за оздоровление (так!) духовных и моральных отношений между-человеческих. *Кризис духа* — важнее экономическо-финансового, которому он главной причиной». Бальмонт вполне разделял этот взгляд Шайковича на ситуацию в мире. «Человечество позорно обжелось своей цивилизацией...», — писал он Шайковичу 9 декабря 1932 года. Впрочем, некоторые высказывания своего корреспондента он воспринимал, скорее, скептически. Так, Шайкович полагал, что изменить нынешнее состояние европейского мира способны только люди искусства. «Объединившись вокруг великой идеи спасения Жизни жрецы поэзии и всех отраслей искусства могли бы совершить чудо, — убеждал он Бальмонта в том же письме. — И я уверен, если они не совершат это чудо, то никто его не совершит». Особую роль в этом городском деле Шайкович отводил Бальмонту и «братьям-славянам».

«Начните великую работу, дорогой друг, — призывал Шайкович в письме к Бальмонту от 14 февраля 1932 года, — и Вы первый воскреснете. Между русскими собратьями найдется много достойных помощников. Присоединятся к Вам и другие славяне (поляки, болгары, чехи, сербо-хорваты и др.). Всегдашние рыцари французы не отстанут, великие и мудрые англичане пойдут рядом, немцы, потомки Шиллера, Гете, Гейне — пойдут, я уверен, в первые ряды, итальянцы — потоки великих жрецов искусства — все, все полетят в священную борьбу за духовное объединение людей. Магически Мир может живо перемениться до неузнаваемости.

Не фантаст я. Я знаю, что это так. Взяться только за дело. Друг дорогой, я глубоко верю, что Ваши очи способны видеть эту Правду. Зажгите огни. Создайте скорее мировую Лигу жрецов искусства для борьбы за духовность и братское объединение всех людей. (...) На первом месте должны Вас поддерживать русские поэты, художники, музыканты, артисты. Это их священный долг перед родиной и перед человечеством».

Бальмонт сочувственно воспринимал эти городские порывания Шайковича, однако сознавал всю их утопичность. Не углубляясь в обсуждение темы, затронутой в письме Шайковича, он ответил ему 18 февраля, скорее, уклончиво («Как мало нас перед черной плещущей бездной» и т. д.).

Зато русский и сербский поэт полностью сходились в своем понимании того, что происходило в Советской России, в своем отношении к большевизму. Подобно Бальмонту, Шайкович был — при всем своем русофильстве — непримиримым противником большевизма и не раз демонстрировал свою позицию. «Помните, как я в 1927 году статьями своими в „Политике“³⁷ пре-

³⁵ Бальмонт К. Англичанин о чехах и русских. Поль Сэльвер // Россия и славянство. 1929. 16 фев. № 12. С. 3.

³⁶ Каспрович Я. Книга смиренных / Пер. с польского и предисловие К. Бальмонта. Варшава, 1928; Бальмонт К. 1) Золотой сноп болгарской поэзии. София: Издание Министерства народного просвещения, 1930; 2) Соучастие душ. София: Държавна печатница, 1930; 3) Северное сияние. Стихи о Литве и Руси. Париж: Родник, 1931.

³⁷ Широко известная ежедневная газета на Балканах; выходит в Белграде (с 1904 года по настоящее время). В 1927 году Шайкович выступил на страницах этой газеты под псевдонимом

кратил агитацию в пользу признания большевиков, — пишет Шайкович Бальмонту 10 ноября 1933 года. — Теперь „хищники” снова закусили удила. Недавно я послал статью в ту же „Политику”, но *цензура* не пропустила!» Далее Шайкович сообщает Бальмонту свое видение происходящего в СССР:

«На днях я имел ужасный случай слышать из уст очевидца о неописуемых страданиях народа в России. Там в ужасных муках вымирает страна. А какие моральные страдания. И тут же свидетельство о таких разгулах большевицких баричей, какие не снились в прежнее время. В Петрограде от голода и холода масса сумасшедших — ходят как звери по переулкам. Бедные матери выносят своих умерших детей в каких-то ящиках для погребения в каких-то ямах. И в то же время неисчислимые деньги тратит коммунистическое правительство на всякую никому не нужную чертовщину».

Такого рода пассажей в письмах Шайковича к Бальмонту — немало. При всей своей односторонности они свидетельствуют о подлинных настроениях Шайковича,³⁸ безусловно родственных Бальмонту. Тем более что Шайкович в первой половине 1930-х годов не просто декларировал свою позицию, но и активно проводил ее в жизнь и как дипломат, и как публицист. Это, безусловно, импонировало Бальмонту.

«Вы, дорогой друг, скажете: „Шайкович с ума сошел”, — восклицает Иван Степанович в цитированном выше письме. — Пусть. Если непримиримость с подлостью человеческой значит сумасшествие, то пусть я сумасшедший. Закрывать глаза и молчать я не могу. Готов драться...»

Содружество русского и сербского поэтов с годами не угасало. Бальмонт продолжал переводить и публиковать стихи Шайковича, который в свою очередь также пытался пропагандировать творчество Бальмонта: написал короткое вступление к сборнику «Южнославянские народные песни»,³⁹ публиковал свои переводы Бальмонта (и очерк о нем) в белградском журнале «Летопис Матице српске» (1933—1934) и других изданиях. Несмотря на жизненные невзгоды, одолевавшие Бальмонта в середине и второй половине 1930-х годов (болезнь, нищета, отчаянное положение дочери Мирры), его дружеские чувства к Шайковичу оставались неизменными и время от времени изливались в пылких славословиях, обращенных к сербскому другу. Приведем лишь одно из них:

НЕУТОМИМЫЙ

Да, Шайкович — певец неутомимый.
Как соловей, в лесу уединившись,
В звонко-певучем он отъединеньи,

«Daljni» («Далекий»). — *сербск.*) со статьей «Ruskiy problem» («Русская проблема»). — *сербск.*), в которой обсуждался вопрос, следует ли правительству Королевства признавать СССР (см.: *Nuoruoto J. Ivan Šajković — ein Dichter und Diplomat. S. 134*).

³⁸ Вызывают недоумение воспоминания писательницы Зои Воскресенской (1907—1992), в прошлом — резидента НКВД в скандинавских странах, возглавлявшей во второй половине 1930-х годов под псевдонимом «мадам Ярцева» представительство «Интуриста». Шайкович, по ее словам, был одним из сочувствующих Советскому Союзу и использовался советской разведкой как «источник». «Шайкович ревностно служил делу прогресса, — сказано в ее мемуарах, — без колебаний перешел на сторону Октябрьской революции (...) Одним из первых он просигналил нам в 1941 году о концентрации немецко-фашистских войск в Финляндии. (...) Через родственников своих и жены он располагал данными о положении в оккупированной Югославии» и т. д. (Тайна Зои Воскресенской. З. Воскресенская. Теперь я могу сказать правду. Э. Шарапов. «Две жизни». М., 1998. С. 88—89). «Мадам Ярцева», нет сомнений, была лично знакома с Шайковичем и встречалась с ним (в Хельсинки и, видимо, в Стокгольме), однако ее утверждения о его «просоветских» настроениях и содействии советской разведке опровергаются другими свидетельствами, в частности, письмами Шайковича к Бальмонту.

³⁹ См. прим. 1 и 2 к п. 19 и прим. 1 к п. 20.

Свирельно вторит братьям-соловьям.
 В Суоми, где колдует Вейнэмейнэн,
 Где Батюшков любил, пел Баратынский,
 Где, грешный, я пел жаворонком взлетным,
 Поет он русско-сербским соловьем.

⟨...⟩

Певцом Руслана и Людмилы нежной,
 Петра неукротимого, как буря,
 В Онегина влюбленной нежной Тани
 Зачаровался сладкозвучный серб.
 «Полтаву» перепел и «Медный Всадник»,
 Он проиграл, он прожурчал воздушно
 «Моцарта и Сальери», грянул «Эхом»,
 И «Рыцарь» уж «Скупой» идет вослед.
 «Евгения Онегина», я знаю,
 Неукротимый серб сей пересербит,
 Посеребрит, позолотит Татьяну,
 То будет югославский-русский звон.
 О, живио,⁴⁰ мой Шайкович Иване,
 И живио твой светоч Валентина,⁴¹
 И живио малютка-сказка Лива,⁴²
 И живио хлеб-соль, ваш дом, ура!
 Живи еще, и до ста лет, и больше,
 И пой еще, как соловей стократный,
 Я голос русский сочетаю с сербским
 И к вольной песне кличу всех славян!

К. Бальмонт.⁴³

* * *

Оригиналы публикуемых ниже писем Бальмонта находятся в архиве И. С. Шайковича в Королевской библиотеке (Kungliga biblioteket) в Стокгольме; некоторые из них, скопированные в свое время адресатом, сохранились также в виде машинописных копий. Там же хранятся письма к Шайковичу, написанные рукой Е. К. Цветковской, черновики и машинописные копии ответных писем Шайковича, а кроме того, — машинописи стихов и очерков Бальмонта, которые поэт регулярно посылал своему сербскому другу, полный текст неизданной книги «Югославские народные песни. Сербия. Хорватия (Капбретон, 1928—1931)», объявления о парижских вечерах Бальмонта, газетные вырезки, материалы третьих лиц и др.

Учитывая, что парижский архив Бальмонта в целом не сохранился, нельзя не признать особую ценность этого обширного собрания. Значительная часть бальмонтовских текстов, отложившихся в архиве Шайковича, не была опубликована и до настоящего времени не известна. Однако именно эти «стокгольмские» материалы позволяют восстановить — с относительной полнотой — многие перипетии и обстоятельства личной и творческой жизни Бальмонта в 1929—1938 годах.

⁴⁰ Да живет (*сербск.*).

⁴¹ Валентина Петровна (урожд. Федорова, по первому мужу Блинова; 1883—1952), вторая жена Шайковича (см. о ней также прим. 7 к п. 13).

⁴² Оливера Шайкович, в замужестве — Шайкович-Моянт (Šajković-Moyant; род. 1931) — дочь Шайковича от второго брака, художница; живет в США.

⁴³ Стихотворное послание Бальмонта к Шайковичу (18 марта 1937 года).

В настоящей работе представлены послания поэта к Шайковичу — как письма, так и стихи — за первые четыре года их знакомства; все они печатаются по автографам. Выполненные Бальмонтом переводы стихов Шайковича на русский язык, а также оригинальные произведения русского поэта (стихи и очерки), которые он регулярно отправлял в Финляндию, в публикацию не включены (готовятся нами к печати).

Знаки препинания воспроизводятся (в большинстве случаев) в соответствии с оригиналом.

Приношу глубокую благодарность Евгению Белодубровскому (Санкт-Петербург) и Магнусу Юнггрену (Стокгольм), чей дружеской и деятельной поддержкой я пользовался на протяжении многих лет и, в частности, — при получении материалов Королевской библиотеки. Благодарю также Е. И. Шайкович, внучку И. С. Шайковича (Белград), Ирину Лукка, сотрудницу Славянского отдела Национальной библиотеки Финляндии, и Геннадия Обатнина, лектора Хельсинкского университета, за ценную информацию.

1

София. 1929. 17 мая.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Более двух недель я в сказке и потому до сегодня не смог написать Вам. Я извездил с Ел(еной) К(онстантиновной)¹ и несколькими друзьями, в автомобиле, тысячи верст, нам показали множество красивейших мест Болгарии. Я очарован приемом, который оказали мне положительно все болгары, без различия состояния или мнений.²

Читал три «Сказки»³ в театре «Рояль». На 3-й, в переполненной аудитории, между прочим, прочел Вашу «Исповедь Песенника»⁴ и «Вечерний час» Ив(ана) Вазова.⁵ Имя Ваше не однажды возникало в моих беседах с помнящим Вас С. С. Бобчевым,⁶ который вчера вручил мне диплом почетного члена Славянского Содружества⁷ в Свободном Университете.⁸

В воскресенье или понедельник мы уезжаем отсюда. Хотелось бы захватить в Белград дня на три, но мы так устали от множества впечатлений, что, кажется, прямо проедем домой⁹ (11, rue Lorta, Le Bouscat, Gironde, France¹⁰).

Поклонитесь, прошу Вас, Вашему сыну¹¹ и Александру Ивановичу¹² — ему я пишу сегодня же.¹³

Всегда буду помнить Вашу душевную ласку и дружескую нашу встречу.

Искренно Вам преданный

К. Бальмонт.

P. S. Елена Конст(антиновна) просит передать Вам и Ал(ександ)ру Ив(ановичу) ласковый привет. Конечно, и М-ме Белич¹⁴

¹ Цветковская Елена Константиновна — спутница жизни Бальмонта (формально поэт не был разведен со своей второй женой Е. А. Андреевой), сопровождавшая его, начиная с 1905 года, почти во всех путешествиях.

² О пребывании Бальмонта в Болгарии и его болгарских друзьях см.: *Пондимитров Е. С. Константин Бальмонт (Неизданная книга о русском поэте в Болгарии) / Публ. М. Каназирской // Диаспора IV. Новые материалы. Париж; СПб., 2002. С. 236—314.*

³ Увлёкшись «славянством», Бальмонт переводил предания и сказки разных стран — чешские, болгарские, литовские и др. «Изучая народное творчество славян и Литвы, — писал Баль-

монт, — я наткнулся на несколько образцов художественной красоты, основанной на недоговоренном, совершенно поразительных» (*Бальмонт К. Д. Недоговоренное // Сегодня. 1930. 9 мая. № 128. С. 2*; в тексте очерка — болгарская сказка «Оборыш и царская дочь» в переложении Бальмонта). См. также очерки Бальмонта: 1) Литовские народные сказки (Там же. 1929. 18 янв. № 18. С. 4); 2) Сказки (Там же. 26 янв. № 26. С. 4); 3) Сказки первобытные (Там же. 13 окт. № 284. С. 3), и др. Какие именно «сказки» читал Бальмонт на вечере в Софии, не установлено.

⁴ Имеется в виду стихотворение И. Шайковича «Исповедь песенника», переведенное Бальмонтом (по-видимому, его первый перевод из Шайковича). Выполнен в Белграде — под свежим впечатлением от знакомства с автором. В архиве Шайковича сохранился автограф этого перевода с надписью «Дорогому другу Ивану Степановичу Шайковичу» и пометы (под текстом): «Белград. 1929. 24—25 апреля. 1 ч(ас) 35 м(инут) ночи». Впервые опубликован в тексте очерка Бальмонта «Песня русской славы» (Россия и славянство. 1930. 30 авг. № 92. С. 4; то же: Там же. 1931. 4 фев. № 116. С. 3—4).

⁵ Стихотворение классика болгарской поэзии Ивана Вазова (1850—1921), переведенное Бальмонтом, вошло в кн.: *Бальмонт К. Соучастие душ. Очерки. София: Държавна печатница, 1930. С. 110*; — в составе цикла из трех стихотворений: «Россия» («Россия, как нас это имя...»), «Вечерний час» («Вот он, вечерний час...») и «Болгарский язык» («Язык священный прадедов моих...»). Первая публикация — в софийской газете «Луч» (Лъч. 1929. 6 мая. № 123. С. 3).

⁶ Бобчев Стефан Савов (1853—1940) — болгарский юрист, публицист и общественный деятель; член Болгарской Академии наук. В 1912—1913 годах — посол Болгарии в России. В 1920 году основал в Софии Свободный университет политических и экономических наук, оставаясь его ректором до 1937 года. Председатель Славянского дружества (см. след. прим.). Активным деятелем «Дружества» был также его брат Никола Савов Бобчев (1863—1938), литератор и общественный деятель.

⁷ «Славянское дружество (содружество)» — общественное объединение в Софии, основанное в 1899 году (прекратило существование в 1940 году). Одним из направлений деятельности была помощь русским беженцам. В январе 1920 года при «Дружестве» был создан Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет. Ср. в очерке Бальмонта «Славянское Дружество»: «В Софии, которую я всегда буду вспоминать как один из самых уютных, приветливых и очаровательных городов, какие когда-либо мне приходилось видеть на обоих полушариях Земли, есть старейшее и пока единственное общество всеславянского единения, если не считать „Содружество Молодых Славян в Болгарии“, — достоцитимое Славянское Дружество, возглавляемое в 1902-м и в 1903-м годах Иваном Вазовым, а с 1904 года и донныне возглавляемое С. С. Бобчевым» (Россия и славянство. 1929. 31 авг. № 40. С. 2).

⁸ В мае 1929 года Бальмонт был избран почетным членом Свободного университета. «Мне вспоминаются майские дни 1929-го года, — вспоминал Бальмонт в очерке «Славянское дружество». — Связанный со Славянским Дружеством Свободный Университет Софии доставил мне большую честь, в торжественном заседании принял меня в свое лоно почетным членом. Когда, вручая мне диплом и почетный значок, говорил С. С. Бобчев, всегда одушевленный мыслью о Всеславянском Единении, переполненная аудитория, состоявшая из представителей славянской науки и словесности, софийского духовенства и образованных людей, рукоплескала дружно, в ответ на высоко-человечные слова С. С. Бобчева. Она дружно рукоплескала и моим строкам „К Братскому Народу“. Эти строки чрез 2—3 дня, я снова прочел пред молодой и вовсе юной аудиторией в „Дружестве культурного единения молодых славян в Болгарии“, в числе членов коего, кроме болгар, есть и чехи, и поляки, и лужицкие сербы, и хорваты» (Там же. С. 3).

⁹ Заехать в Белград «дня на три» не удалось (ср. п. 2).

¹⁰ Улица Лорта 11, Буска́, Жиронда (*фр.*).

¹¹ У Ивана Шайковича было два сына — от первого брака с Л. И. Шишкиной: Игорь (1910—1983) и Владимир (1912—2002). В Белграде Бальмонт познакомился с Игорем, который, как вспоминает его дочь Елена, сопровождал поэта в прогулках по городу.

¹² Белич Александр Иванович (1876—1960) — сербский лингвист, академик, профессор Белградского университета, президент Сербской Академии наук (с 1937 года); общественный деятель; член Петербургской Академии наук. В 1920—1930-х годах возглавлял Государственную комиссию по оказанию помощи русским беженцам.

¹³ См. письмо Бальмонта к Беличу от 18 мая 1929 года (От чужих к своим. С. 76).

¹⁴ Ангелина Белич (урожд. Джорджевич).

2

София. 1929. 18 мая.

Дорогой друг,

В дополнение ко вчерашнему моему письму, сообщаю, что мы едем в Париж отсюда 20-го, в 7 ч(асов) 20 м(инут) вечера, и будем в Белграде во вторник 21-го утром, от 7 ч(асов) 5 м(инут) до 7 ч(асов) 50 м(инут).¹ Я был бы счастлив увидеть Вас хоть несколько минут.²

Сердечные приветы шлет Вам большой почитатель сербской поэзии, Вам памятный и Вас хорошо помнящий С. С. Бобчев.

И привет от меня и от Елены Константиновны.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ О своем возвращении «прямоком» в Париж Бальмонт писал в тот же день и А. А. Беличу (см.: От чужих к своим. С. 76).

² Встреча, по-видимому, не состоялась.

3

Бускá. 1929. 12 авг(уста).

Дорогой друг,

Спасибо за прекрасное письмо и за отличные переводы.¹ Я напишу Вам подробно из нового жилища. Мы уезжаем отсюда завтра, и мой новый адрес: — Villa «Malgré tout». Capbreton, Landes.²

Я думаю, Вам хорошо в Гельсингфорсе. Я люблю этот город и обожаю «Калевалу», и уношусь сейчас мыслью к юности — к 1892-му году, когда впервые был в Финляндии и Швеции.³

Шлю Вам мою «Нареченную».⁴ Напоминаю адрес ее матери: Евгения Александровна Осипова⁵ — Terijoki, Käkösenspää.⁶

Вспоминая о Вас, думаю, что Вы — лучший серб, какого я узнал.

До новых строк, друг.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеются в виду выполненные Шайковичем переводы стихов Бальмонта (см. в п. 4).

² Вилла «Вопреки всему». Капбретон, Ланды (*фр.*). В Капбретоне, рыбацком поселке на берегу Атлантического океана (департамент Ланды), Бальмонт и Е. К. Цветковская прожили с декабря 1926 по декабрь 1931 года. Капбретону посвящен ряд стихотворений и очерков Бальмонта 1927—1931 годов.

³ В 1892 году Бальмонт совершил путешествие в Швецию и Норвегию; это была его первая заграничная поездка. В июне 1893 года поэт вторично посетил Скандинавию. Скандинавские впечатления отразились в ряде стихотворений второй книги Бальмонта «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты» (СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1894).

⁴ «Нареченная» — стихотворение Бальмонта, посвященное Тане Осиповой (1905—1928), юной поэтессе (см. о ней подробно прим. 1 к п. 8), и опубликованное в газете «Последние новости» (1929. 28 июля. № 3049. С. 4).

⁵ Мать Тани (Татьяны Петровны) Осиповой. Бальмонт посвятил Е. А. Осиповой стихотворение «Звездная вестница» («Любимая никто как Вы и я...»), написанное 25 октября 1930 года в Капбретоне (см.: НИОР РГБ. Ф. 374. Карт. 17. Ед. хр. 9; публикация не выявлена). Через Бальмонта Шайкович вступил в переписку с семьей Тани Осиповой и дважды (в 1935 и 1937 годах) навещал ее близких в Териоки (с 1948 года — г. Зеленогорск Ленинградской обл.).

⁶ Териоки, Кукушья голова (*финск.*).

4

Капбретон. 1929. 3 сент⟨ября⟩.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Я перечел Ваши переводы моих стихов, они все хороши, лучше всего, мне кажется, Вам удались «Сенке» и «Ласте».¹ Но почему Вы захотели выбрать такую первоначальную полудетскую мою старину? Я считаю наилучшими моими книгами «Горящие здания», «Будем как Солнце», «Только Любовь», «Фейные сказки» и особенно «Сонеты Солнца, Меда и Луны»² и «Мое — Ей» (Прага, 1924, «Пламя»). Из Москвы можно выписать (я, увы, не могу) «Солнечная пряжа» (изд⟨ание⟩ М. и С. Сабашниковых, Никитский б⟨ульвар⟩).³ Это лучшая моя антология. Есть ли у Вас также «Светлый час»?⁴ Я могу Вам послать, если нет.

Как Вы живете, дорогой, и над чем работаете, неутомимый труженик? Я хотел бы пристальнее работать над воссозданием сербской поэзии, но у меня нет хорошего издания «Српске народне песме»⁵ и даже нет хорошего словаря сербского языка. Я повторно просил об этом Александра Ивановича, но Вы знаете его, он искренно обещает и искренно забывает.⁶ Не подхлестнете ли Вы его дружески? Вас, мне кажется, он скорей послушает. Просил я также книг по истории Сербии и о Марке Кральевиче.⁷ Ведь я бы очень мог прославить Сербию. А выходит так, что она в этом не нуждается, уже довольная собой.

Мы живем в чудесном уголке. Если будете странствовать, загляните к нам. Елена Конст⟨антиновна⟩ кланяется.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

¹ «Сенке» — «Тени»; «Ласте» — «Ласточки» (сербск.). Имеются в виду: одно из известнейших стихотворений Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени...» (1894), вошедшее в сб. «В безбрежности» (1895), и сонет «Ласточки» («Земля покрыта тьмой. Окончен день забот...») из сб. «Под северным небом» (1894). Оба перевода Шайковича опубликованы в белградском журнале «Мисао» (1929. Кн. 30. С. 74; Кн. 31. С. 104).

² Бальмонт К. 1) Горящие здания. Лирика современной души. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнарев и К^о, 1900; 2) Будем как Солнце. Книга Символов. М.: Скорпион, 1903; 3) Только Любовь. Семцветник. М.: Гриф, 1903; 4) Фейные сказки. Детские песенки. М.: Гриф, 1905; 5) Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня миров. М.: Издание В. В. Пашуканиса, 1917.

³ Бальмонт К. Солнечная пряжа. Изборник. 1890—1918. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1921.

⁴ Бальмонт К. Светлый час. Избранные стихи. Париж: Я. Поволоцкий, 1921.

⁵ «Сербские народные песни» (сербск.).

⁶ Эта просьба содержится в письме Бальмонта к А. Беличу от 28 января 1928 года. Поэт просит выслать ему «1. Хороший сербско-русский словарь (если такого нет, то сербско-польский или чешский, или англ⟨ийский⟩, или нем⟨ецкий⟩, и т. д.). 2. Собрание сербских Былин (по-сербски). 3. Собрание сербских Сказок, Песен, Преданий. (По-сербски). 4. Три-четыре книги изъяснительного характера. (На любом языке)». Белич, как явствует из писем Бальмонта, не откликнулся на эту просьбу, как и на его предложение в следующем письме (от 31 октября 1928 года) — помочь с изданием книги литературных очерков «Русский язык». «Я знаю, что Вы очень заняты, — с обидой пишет Бальмонт Беличу 16 декабря 1928 года. — Но неужели, воистину, так трудно и так невозможно написать несколько строк ответа на мои два письма?» (От чужих к своим. С. 73—75).

⁷ Марко Кральевич или Кральевич (1335—1395), последний правитель Прилепского королевства в Западной Македонии (1371—1395), историческая личность. Герой сербского эпоса, выступающий как народный борец против турецких поработителей. В 1929—1931 годах Бальмонт перевел несколько песен о Марко Кральевиче («Марков сокол», «Пахота Марка Кральевича», «Марко и отцовская сабля», «Смерть Марка Кральевича»), частично опубликованных в еженедельнике «Россия и славянство». См. также прим. 2 к п. 21.

5

Капбретон. 1929. 2 окт⟨ября⟩.
Malgré tout.

Дорогой Иван Степанович,

Благодарю Вас очень за присыл драгоценного для меня сербско-русского словаря, сербских Былин и двух Ваших интересных брошюр.¹ Ждал Вашего письма, но его нет и нет. Ни звука, конечно, не получил от Белича. Безнадежный он в этом человек. Не окажете ли Вы тут свое влияние? Очень мне необходимо собрание «Женских песен» Сербии,² и все книги, о коих писал Ал⟨ександру⟩ Ив⟨ановичу⟩,³ очень мне нужны для изучения Сербии. — Как Вы? У нас ясная золотая очень. Жму руку. Ел⟨ена⟩ К⟨онстантиновна⟩ кланяется.

Ваш К. Бальмонт.

¹ Видимо, оба сборника сербских стихов Шайковича: «Из вечного источника» (1925) и «Новый пророк» (1926). См. вступ. статью, с. 73.

² Сербские народные песни принято разделять на эпические, или «юнацкие» (героические, молодецкие) и лирические, или «женские» (обрядовые, бытовые и т. п.); при этом «женские» песни могут исполняться не только женщинами. Это разделение восходит к Вуку Караджичу (1787—1864), первому собирателю и издателю сербского фольклора.

³ См. прим. 10 к п. 4.

6

Capbreton, Landes
Malgré tout.
1930. 23 июля.

Дорогой друг, дорогой песенник, струна арфы,¹ милый моему сердцу Иван Степанович, — возвращаясь из путешествия в Литву домой, я получил в Париже чудесное письмо от Вас, восхитившее и меня, и всех моих друзей (И. С. Шмелева, проф. Н. К. Кульмана² и др.). Как благодарить мне Вас за радость и честь знать, что сербский поэт, заморожившийся «Словом о полку Игореве» в те же таинственные часы и дни, что я, захотел посвятить свой священный труд мне?³ Мы — братья, и брат брату протянул руку — через страны и века. Высокая это радость, дорогой, и я горю нетерпением (как и Кульман, живущий тоже в Капбретоне) поскорей-поскорей прочесть Вашу вдохновенную работу. — Шлю Вам вырезку из «Obzor'a», только что присланную мне из Загреба.⁴ Она, быть может, в каком-то смысле пригодится Вам. Мне больно знать, что у Вас какое-то горе.⁵ Но беда подстерегает нас везде и всегда. У нас, однако, есть, как у Вейнемейнена,⁶ верное оружие против этой остроглазой ведьмы — наше кантеле,⁷ наша многострунная душа. —

Всем сердцем желаю Вам счастья

Ваш К. Бальмонт.

Р. S. Могу ли я Ваше письмо напечатать в «Рос⟨сия⟩ и Слав⟨янство⟩» с некоторыми словами?⁸ Могу ли, если печатный текст Вашего перепева выйдет еще нескоро, получить хотя рукописный? — — Елена Конст⟨антиновна⟩ кланяется Вам.

¹ Намек на эпиграф к стихотворению Шайковича «Исповедь песенника»: «Да, я струна Арфы божественной» (см. выше прим. 4 к п. 1).

² Кульман Николай Карлович (1871—1940) — историк литературы, общественный деятель. Преподаватель русского языка и литературы в Императорском лицее, Военно-юридической академии и Женском педагогическом институте. С 1919 года — в эмиграции (Константинополь, затем — Париж). С 1922 года — декан Русского отделения историко-филологического

факультета Сорбонны. Сотрудник еженедельника «Россия и славянство» и газеты «Возрождение». Дружил с писателями (Бальмонтом, Куприным, Шмелевым и др.). Переводил на французский язык «Слово о полку Игореве» (см.: *Koultmann N., Behaghel M.-L. Le Dit de la campagne d'Igor. Poème médiéval russe (1187—1937) // Le Monde Slave. 1937. Т. 14. P. 174—209* (отд. изд.: Paris, 1937).

³ «...Если бы знали, дорогой Константин Дмитриевич, какое чудо свершилось! — писал Шайкович в этом письме. — Не сговорившись с Вами, я перевел и перевел „Слово“ на сербский язык почти в те же самые дни, когда Вы этим занимались, переводя на русский. И еще: я этот свой перевод с предисловием послал печатать в апреле месяце, посвятив свой труд Вам. И еще: как во многом совпадает мой перевод с Вашим! Настоящее чудо!»

⁴ Вырезка из загребской газеты «Обзор» от 27 июня 1930 года сохранилась в архиве Шайковича; в заметке (за подписью -dr-) сообщалось о бальмонтском переводе «Слова о полку Игореве» и высокой его оценке со стороны Н. К. Кульмана.

⁵ «...С тех пор как замолчал, — писал Шайкович Бальмонту 25 июня 1930 года, имея в виду перерыв в его переписке с Бальмонтом в первой половине года, — пережил такие тягости жизни, с какими, пожалуй, не встречался за всю свою прежнюю жизнь. И просвета все еще нет...». За этими словами скрывается, по-видимому, личная драма: разрыв с первой женой Лидией Ивановной (1869—1931) и отношения с Валентиной Блиновой, будущей супругой Шайковича.

⁶ Вейнемейнен (Вяйнямейнен) — главный герой карело-финской мифологии, мудрый старец и чародей, обитатель первичного мирового океана и творец мира.

⁷ Струнный музыкальный инструмент, созданный, по преданию, Вейнемейненом.

⁸ Письмо Шайковича от 25 июня 1930 года Бальмонт частично использовал в очерке «Радость (Письмо из Франции)» (Сегодня. 1930. 25 авг. № 234. С. 2; авторская датировка, указанная в конце публикации, — 12 августа 1930 года) и полностью привел в очерке «Песня русской славы» (Россия и славянство. 1930. 30 авг. № 92. С. 4; авторская датировка — 21 августа 1930 года). Машинописи обеих статей сохранились в архиве Шайковича (с авторской правкой Бальмонта). «Дорогой друг, — приписал Бальмонт на полях «Радости», — был я в хлопотах и потому не сразу откликаюсь. Шлю Вам копию очерка, отсылаемого в „Сегодня“. Завтра пишу очерк для „Рос(сия) и Слав(янство)“ исключительно о Вас и Вашем переводе. Копию пошлю и напишу Вам. Привет сердца. Ваш К. Бальмонт. Ив. С. Шайковичу. Капбретон. 1930. 13 авг(уста)».

7

Кап(бретон). 1930. 22 сент(ября).

Дорогой друг,
Иван Степанович,

Я все еще не пишу Вам подробно, последние дни были разные приезды и отъезды близких, волнения и все в этом роде. Трудом Вашим я восхищен.¹ За посвящение вечно буду признателен.² Предисловие Ваше — пригоршня метких стрел, и жаль, что тут Вы были сдержанны и скупы, а не высыпали на врагов целый колчан.³ То, что Вы говорите о засорении ясности и чистоты, весьма понравилось также и Кульману, он вполне с Вами согласен. А то, что Вы говорите о *нашей* интуиции, верно и точно изводящей нас, поэтов, из темных мест, — друг, да ведь это — слово в слово мои слова в письмах к тому же проф(ессору) Кульману, — многих «ученых» домыслов коего я не принял, настаивая, что *поэтический* домысл полноправней и вернее. И он же со мною не раз согласился. Как Вы близки мне и я — Вам!⁴ Воистину чудесен одновременный наш путь к великому «Слову» и тождество наших чувствований. Но хоть близок мой перепев к старо-русскому Старо-Русскому (так!) слову, а Ваш еще ближе.

Лебегу⁵ я тотчас отослал Ваш дар, а Шмелеву и Кульману передал, и они сами хотят писать Вам. Молю, пошлите личные экземпляры по прилагаемому списку, — будет отзвук,⁶ но приложите свой адрес. До скорых новых строк.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

Р. С. В задуманный мною очерк о Вашем дивном переводе «Слова» я введу по-русски, в моем перепеве, несколько таких Ваших стихов, как «Дано — добивено»,⁷ «Сознаье»,⁸ «Повет».⁹

¹ Письмо Бальмонта написано в связи с получением от Шайковича только что изданного перевода «Слова о полку Игореве» (см.: Песма о војевању Игорову. Руски еписки спев из XII века / Предео Иван С. Шајковић. Предговор и примедбе. Нови Сад, 1930; 2-е изд. — Хельсинки, 1939).

² Имеется в виду перевод «Слова о полку Игореве», посвященный Бальмонту.

³ Имеются в виду резкие выпады Шайковича против авторитетных исследователей «Слова», прежде всего — академика В. Н. Перетца. «Я перевел „Слово“ очень быстро, но предварительно тщательно провел всю черную работу, — сообщал Шайкович Бальмонту в письме от 25 июня 1930 года. — Простудировал литературу о „Слове“, перечитал переводы. Это была мучительная работа не потому, что сама по себе трудна, но что пришлось столкнуться с безграничным количеством человеческой глупости, пошлости и безобразия. Сколько так называемые „ученные“ (так!) нагромодили всякого хламу, как загрязнили чистый источник „Слова“, простого и ясного как высокогорное озеро! Я этим господам в своем предисловии дал по заслугам». Что касается В. Н. Перетца, то сербский автор упрекал его не только в ошибочности подхода и взглядов, но и в сервильности, «большевистском политиканстве» и даже называл «дьяволом от науки». На эту особенность предисловия обратил внимание один из рецензентов, Р. О. Якобсон, подвергший труд Шайковича беспощадной критике (см.: Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker. 1931. Jg. III. № 8. S. 617—618; подпись — R. J.).

⁴ В действительности, многие суждения Шайковича, изложенные в предисловии, либо опровергаются современной наукой, либо повторяют объяснения, почерпнутые автором в других источниках и ныне общепринятые. См.: *Бабович М.* Изучение «Слова о полку Игореве» в югославской русистике // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 355—358. Ср. также мнение современного исследователя: «В выводах и оценках Шайковича есть немало субъективного» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4: II — Слово. СПб., 1995. С. 58; автор статьи — Ю. К. Бегунов).

⁵ Лебег Филеас (Lebesgue; 1869—1958) — французский поэт и романист; полиглот. Бальмонт переводил и публиковал стихи Лебега и посвятил ему несколько очерков: «Поэт-крестьянин Филеас Лебег» (Последние новости. 1929. 7 нояб. № 3151. С. 3); «Поэт колоса и цветка. Филеас Лебег (Сегодня. 1930. 19 янв. № 19. С. 4) и «Деревенские поэмы Ф. Лебега» (Последние новости. 1934. 23 фев. № 4719. С. 2). «Крестьянин и в 60 лет не бросающий свой плуг и свое родное поле, — с восхищением рассказывал о нем Бальмонт в одном из своих очерков, — (...) Лебег запросто говорит о русской поэзии и переводит сербского поэта. В Португалии он иногда читает лекции по-португальски и воспеваает первых мореплавателей Европы. Он сравнивает литовский язык с санскритом и предпочитает более древний язык Литвы» (Бальмонт К. Литовско-славянский-французский-русский венок // Россия и славянство. 1931. 14 фев. № 116. С. 4). См. также: *Л(олл)ий Л(ьвов)ъ.* К славянскому вечеру Бальмонта. Филеас Лебэг — Бальмонт // Там же. 25 апр. № 126. С. 3. Благодаря Бальмонту Шайковичу вступил в переписку с Лебегом. В его архиве (Королевская библиотека, Стокгольм) сохранилось несколько писем Лебега.

⁶ Имеется в виду список лиц, которые, по мнению Бальмонта, могли бы откликнуться на перевод Шайковича. 2 февраля 1930 года, после выхода в Белграде его книги «В раздвинутой дали», Бальмонт писал В. Д. Брянскому: «Я прилагаю также список лиц, которым очень прошу Вас послать по экз(емпляру), я же им всем, по получению от Вас согласия на это, напишу и о личной просьбе о написании статей о книге. Это, думаю, очень поможет распространению ее» (ГА РФ. Ф. 6793. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 224). К письму был приложен список с 35 фамилиями (Там же. Л. 225). Не получив ответа от Брянского, Бальмонт 1 марта обратился с той же просьбой к А. А. Беличу и послал ему список, содержащий 38 фамилий (Там же. Л. 226—227).

⁷ «Дано — добыто» (сербск.); перевод Бальмонта.

⁸ «Сознаье» (сербск.).

⁹ Отдельной статьи, посвященной «Слову» в переводе Шайковича, Бальмонт не написал. Названные три стихотворения Шайковича были им, однако, переведены. Сохранилась машинопись стихотворного цикла, озаглавленного «В отъединении» и представляющего собой двенадцать коротких стихотворений Шайковича в переводе Бальмонта, среди них — 1. «Повет» («Незримые мучают меня цели...»); 7. «Дано — добыто» («Сколько от меж мой души — дыханья, света...»). Стихотворение под названием «Сознание» в этом цикле отсутствует. Публикация цикла «В отъединении» и отдельных стихотворений, его составляющих, в русской печати не выявлена.

8

Кап(бретон). 1931. 2 янв(аря). Вечер.

Милый-милый, я Вас очень люблю, дорогой Иван Степанович. Пишу Вам завтра подробно и напишу о многом,¹ о таинственной любви моей к Тане Осиповой,² которая полюбила меня и умерла, не увидев меня,³ и о Ваших новых стихах, и о том, как сегодня опять из края финнов сюда в южное царство Океана и январской молнии с громом, и декабрьской радуги над золотыми одуванчиками, — опять таинственно Вы вошли в мою комнату, в полдень, когда, еще измученный после шести адских недель, я радовался передышке и молился Даятелю жизни и Солнцу, еще в постели.⁴

И вот Вы живой — и дух высокий. Слезы счастья брызнули у меня из глаз. О, мы вдвоем еще создадим что-то прекрасное, что спянет Сербию и Русь.

Не печальтесь, что у Вас лишь два отзыва о Вашем труде «Песнь о походе Игоря» — два сербские, — у меня «ни одного русского», со смехом сказала Елена Конст(антиновна). Но ведь мы с Вами богачи. Серебряный рог у нас, золотая свирель.

В волнении, не желая нарушать движением покой, я не потянулся за своей памятной книжкой, а взял с ночного столика карандаш и на обороте Вашего конверта, — живой к живому, — на Ваш голос отвечаю: «Ау! Двенадцатистрочие!» Шлю Вам эту запись.⁵

...Двенадцать зовов Полночь сливает в зов один...⁶

Братски обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Это письмо не было написано или не сохранилось.

² Переписка поэта и Тани Осиповой, проживавшей в пос. Териоки, завязалась в 1926 году. Почувствовав в Тане «родственную душу», Бальмонт посвятил ей несколько стихотворений, среди них: «Далекой и близкой. Посв(ящается) Т. Осиповой, подруге травок» и «Не виденной, но узнанной...» (Перезвоны. 1927. № 37. С. 1180; в том же номере напечатано два стихотворения Т. Осиповой); см. также очерк Бальмонта «Прошла весна» (Там же. 1928. № 42. С. 1328—1334). «Русский голос дошел до меня из далекой сумрачной Финляндии, — вспоминал Бальмонт позднее в одном из очерков. — Мой голос ей ответил. И год говорили два голоса так, что хорошо было двум сердцам слушать» (Бальмонт К. Д. Прощание с Капбреоном. (Письмо из Франции) // Сегодня. 1926. 30 нояб. № 326. С. 2). Преждевременная кончина Тани (от чахотки) потрясла Бальмонта; он оплакивал ее смерть и не упускал случая упомянуть о рано ушедшей девушке в своих письмах, очерках и стихах («Имени Тани Осиповой», «Памяти Тани» и т. д.), частью вошедших в его сборник «В раздвинутой дали. Поэма о России» (Белград: Русская библиотека, 1930; фактически — 1929).

³ Невдали от Вас живет ее мать, — драгоценность моего сердца, — Евгения Ал(ександ)р(овна) Осипова, Käkösenträa, Terijoki (прим. К. Бальмонта. — К. А.).

⁴ Речь идет, очевидно, о новогоднем письме (поздравлении) от Шайковича.

⁵ Приводим полностью текст этого стихотворения, сохранившийся в архиве Шайковича (дата написания — 20 декабря 1930 — 1 января 1931 года):

ДВЕНАДЦАТИСТРОЧИЕ

Новогодний стих.

Ив. Шайковичу.

Грядущая Россия, Свободная Россия,
Славянская Россия, где будет дух един,
Блеснет зарей, чьим цветом цветут поля морские,
И поле ржи, и горы, и лес, и глубь долин,
Всераширеньем света — могучая, Россия
Задруга будет — ясных, лишь — лица, нет — личин,
В ней иноземец — гостем, все — гости дорогие,
Кто в дом с почтеньем входит, свой — свой, но и другие

Желанны там, где в каждом — свой сан, свой звук, свой чин,
 Двенадцать зовов Полночь сливает в зов один,
 И в Доме том Вселенском, что будут звать — Россия,
 Свириелью славу воли восславит Славянин!

К. <Бальмонт>

Capbreton, Landes.
 Malgré tout.
 1930—1931.
 XII.20 — I.2.
 6 См. пред. прим.

9

<Капбретон>,
 «Malgré tout»,
 <конец января — начало февраля 1931 года>.

Дорогой, я все еще в невероятных тисках работы — 3-х работ! — 5-и!
 Наконец на этой неделе напишу Вам по-человечески — и по-дружески.

И снова напишу о Вас для газет.

Сейчас подталкиваю мешкотного проф<ессора> Кульмана, чтоб он исполнил наконец свое обещание и написал о Вашем переводе «Слова».¹

Здесь уже —

Сегодня птицы прощebetали,
 Что завтра будет у нас весна...²

Мимоза начинает золотиться.

Ах, сердце не золотым цветом цветет — алым. И больно от этих цветов.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Н. К. Кульман исполнил свое обещание. См.: *Кульман Н.* Новый сербский перевод Слова о полку Игореве // Россия и славянство. 1931. 14 марта. № 120. С. 3. Экземпляр газетной статьи автор отправил Шайковичу с надписью: «Глубокоуважаемому Ивану Степановичу Шайковичу с чувством искреннего почтения. Н. Кульман. 26.III.<1>931».

² Начальные строки стихотворения Бальмонта «Час Преломленья» (Россия и Славянство. 1931. 7 фев. № 115. С. 3; опубликовано под псевдонимом «Мстислав»).

10

Капбретон.
 1931. 6 февр<аля>.

Дорогой Иван Степанович,

Каждому письму Вашему я рад, как голосу родного человека, ко мне пришедшему, а последнее Ваше письмо, кроме радости читать Ваши слова и Ваши стихи, сняло с души моей тяжесть, — вижу, что Вы истинный брат и мы не будем считаться письмами, а Вы и я, каждый будет писать, когда захочет и когда сможет.

Вот и сейчас это все еще не письмо о Ваших стихах, но думаю — обрадует Вас то, что я написал для «Рос<сии> и Сл<авянства>» о Вас и Тувиме.¹ Во мне и посмеивается мысль, что почувствует наш Ник<олай> Карл<ович>,² которого мне надоело дожидаться. Ведь ему хочется написать о Вас, я знаю. Но профессорское *кунктаторство*, — тоже знаю, — может длиться и годы. Теперь я его подхлестнул.

Дорогой, трудно нам живется. Голосу Вашему оба мы с Еленой радуемся очень.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Одновременно с этим письмом Бальмонт отправил Шайковичу свою статью «Польское и сербское отображение. Песни русской славы» (о переводах «Слова о полку Игореве» на польский и сербский языки, выполненных соответственно Юлианом Тувимом и Шайковичем). Публикация этого очерка, сколько известно, не состоялась, однако в архиве Шайковича сохранилась машинопись с датой «5 февраля 1931». См. также прим. 4 к п. 1 и прим. 8 к п. 6. Отметим, что еще ранее в статье «„Новая Явь“ Ивана Шайковича» Бальмонт сопоставил «превосходный» перевод «Слова», выполненный Ю. Тувимом, «самым даровитым из молодых польских поэтов», с сербским переводом, который, по словам Бальмонта, «навсегда останется образцом магистрального понимания старинного текста и вдохновенной его передачи» (Россия и славянство. 1930. 27 дек. № 109. С. 2). Номер с этой статьей был отправлен Шайковичу в январе 1930 года.

² Н. К. Кульман.

11

Капбретон. 1931. 27 февраля. Утро.

Дорогой Иван Степанович,

Вчера я наконец устал по-настоящему от своих не кончающихся работ и впал в какую-то хохочущую тоску. Даже пошел в кинема и видел там весьма мне знакомую Аризону.¹ Потом приступом говорливости не давал Елене спать до 4-х часов ночи. Наконец укротился и, засыпая, сказал себе: «Завтра ты наконец напишешь трем Ш. То есть, И. С. Шайковичу в Гельсингфорс, Альфонсу де Шатобриану в Бретань, Пириаку,² и Ф. И. Шуравину в Литву, Юрбаркас.³ И вот сегодня — сейчас — передо мной лежит письмо Ваше, я слышу Ваш живой голос, вижу Ваше умное и ласковое лицо и отвечаю Вам сейчас же.

Да, не случайно возникла наша дружба, и линии двух наших жизней скрестятся еще не однажды. Я пропел Ив⟨ану⟩ Серг⟨еевичу⟩ Шмелеву:

Давай еще любить друг друга,
Люблю тебя, мой милый брат!⁴

Вот эти слова я говорю и Вам, сербский мой брат, с душою, как мне кажется, прямо русской.⁵ Это вовсе не значит, что сербская душа в чем-либо ей уступает. Но ведь я ее меньше знаю и вижу, а русскую знаю и умом, и сердцем. Я рад, что любы Вам и «Отображение», и «Венок».⁶ Кульману я немедленно сообщу о том, что Вы мне пишете, к осведомлению. Слово Карамзина о Игоревой Песне я узнал лишь от Вас, и очень оно любопытно.⁷ Но насчет французского *Dit* Вы неправы, это старинное, очень хорошее слово, означающее Сказание, Сказ.⁸ В высшей степени интересно то, что Вам сказали русские о Вашем перепеве «Слова», независимо от перепева моего. Я посылаю Вам для них 2—3 экземпляра моего «Слова». Кстати, исправьте, пожалуйста, у меня, в конце, опечатку. В первом обращении, в клетке Кончака и Гзака, надо: «Говорит тут Гзак к Кончаку...»⁹

Перевод Ваш моих «Уходящих Теней»¹⁰ превосходный. Вы схватываете самую сущность подлинника и обладаете на редкость мастерством точности — качество у переводчиков первое, а встречающееся очень редко. Мне кажется, что я сам этим качеством возобладал вполне лишь за самые последние годы, и все же иногда невольно вольничая. Больше всего мне нра-

вится Ваш перевод 1-й строфы, последней и особенно предпоследней, она самая у Вас совершенная. Отличны и два перевода из Лидии Нобль¹¹ — я их как раз тоже перевел, в двух очерках о ней, которые Вам пошлю.¹² Непременно пошлите свои переводы Лидии Львовне, ее матери, она, бедняга, будет так тронута.

Вечер.

Вот, дорогой, сегодня я весь день с Вами и с сербским языком. Утром, записав Вам письмо, пошел с Еленой гулять. Вернувшись, заснул, потом пил чай, и последняя мертвая зыбь моего вчерашнего возбуждения развеялась, пока я читал и перечитывал вслух Ваши переводы и желанные мне отрывки из «Новой Яви».¹³ Знаете ли Вы, что в изъяснительной Вашей странице к «Новой Яви»¹⁴ Вы очень близки к апостолу Павлу. Когда-то, юношей, я очень увлекался его укрощенно-бурною личностью, по книге Ренана «*Saint Paul*» — единственно хороший том его плохой и совершенно кощунственной, совершенно слепой «Истории Христианства».¹⁵ А сейчас я увлечен посланиями Павла, перечитываю их по-литовски, по страсти моей к литовскому языку. Перечтите его послания, в особенности его поразительнейшие слова о любви и о нашем творении нового мира души нашей, чрез сослужение Всевышнему, приятием Распятого и Воскресшего Сына Его. Как только я освобожусь на днях от написания 3-х очередных очерков для «России и Славянства» и «Последних Новостей», я еще раз перечту всю Вашу «Новую Явь», — что у меня есть, — и что-то о ней напишу.¹⁶ Для меня это заманчивость наслаждения, а вовсе не работа. Вашу чудесную «Зиму» и великолепные «Неимари», по некоей красиво-дикой, — в смысле дикого камня — напевности, эта вещь Ваша напомнила и Елене Конст(антиновне), и мне маорийские песни, которых Вы не знаете. Горная сила тут.

Бойтесь, однако, чтоб вся книга «Новой Яви» не стала поучительной. Это ее испортило бы. Совершенно необходимо разбросать, среди чисто духовных страниц, ярко-образные, как Вы этого достигли в «Небесни Вои».¹⁷ Я знаю по самому себе, что наши песни Созерцания и Мышления легко становятся сухой схемой.¹⁸

Шлю Вам книгу литовских сказок.¹⁹ Буду счастлив, если напишете о ней — и мне, и для газет.²⁰ Шуравин сделал крупное дело, переведя их. Министерство Иностранных Дел в Каунасе приобрело у него 150 экз(емпляров) для рассылки по всем литовским представительствам. Необходимо ему помочь, чтоб сама Литва покупала эти сказки. В них новое обогащение нашего славянского творчества и наша новая победа.

До свиданья, дорогой Иван Степанович. Желаю Вам счастья и светло-ясных часов духовно-поэтического прозрения. Для них стоит и жить, и мучиться.

От Ел(ены) К(онстантиновны) привет.

Братски обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В 1905 году Бальмонт совершил путешествие в Мексику и пограничные штаты США (Калифорния, Аризона).

² Шатобриан Альфонс де (Chateaubriant; 1877—1951) — французский писатель-романист и журналист. Бальмонт познакомился и сдружился с ним в 1923 году.

³ Шуравин Федор Иванович (1889—1966) — литератор, переводчик. С 1907 года служил учителем в начальной школе в Юрбаркасе. Писал на литовском языке (стихи, сказки, рассказы и очерки для детей), переводил на литовский и с литовского; составлял учебники русского языка для литовских школ, а также хрестоматии по русской литературе. Умер в Каунасе. Познако-

мившись с Шуравиным во время своего выступления в Каунасе (1 июля 1928 года), Бальмонт редактировал затем его перевод литовских сказок и написал к ним вступительный очерк (см.: Литовские сказки. Рига: Школа жизни, 1931; в действительности книга вышла в конце 1930 года; см. также: Бальмонт К. Д. Письма Ф. И. Шуравину (1928—1937) / Публ., вступ. статья и комм. П. Лавринца // Балтийский архив. Вильнюс, 2003. № VII. С. 141—178.

⁴ Начальные строки стихотворения Бальмонта «Песня дня и ночи» (впервые: Россия и славянство. 1929. 24 авг. № 39. С. 3; см. также: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926—1936 / Изд. подг. К. М. Азадовский и Г. М. Бонгард-Левин. М., 2005. С. 135—136).

⁵ «Вы говорите, дорогой брат, что моя душа „русская“, — откликается Шайкович на эти слова Бальмонта (письмо от 16 марта 1931 года). — Не знаю, можно ли так сказать, но я знаю, что такие души, какую Вы находите во мне, я находил не только у русских, но и у немцев, и у англичан, и у шведов, и у сербов — и, наверное, они рассеяны по всему свету. В разных национальных видах они все же сродни друг другу. <...> Вот из-за „этих душ“, которым мы с Вами поклоняемся, Россия и велика — выше всех и всего! Россия велика именно из-за своей не специально русской, а из-за своей Всечеловеческой души. Вот почему верят в Россию и все те не-русские, которые собственной душой ощутили Всечеловечность русскую. Вот почему мы ожидаем от России спасения Мира».

⁶ Имеются в виду два очерка Бальмонта: «Польское и сербское отображение. Песни русской славы» (см. прим. 1 к п. 10) и «Литовско — славянский — французский — русский венок» (Россия и славянство. 1931. 14 фев. № 116. С. 3).

⁷ Какое именно высказывание Карамзина о «Слове» приводит Шайкович в своем письме к Бальмонту, не известно. Об интересе Карамзина к «Слову» и его роли в истории изучения памятника см.: Дмитриев Л. А. 1) Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 38—49; 2) Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3: К—О. С. 14—18.

⁸ «Вы не усваиваете мой протест против французского *Dit*, наверно, потому, что Вы лучше чувствуете настоящий смысл этого слова, чем я, и Вы, конечно, правы, — писал Шайкович Бальмонту 16 марта 1931 года. — Но я, как бы это слово ни было красиво, обозначая *сказ*, я бы желал „Слово о полку Игореве“ назвать „Песнь о воевании Игоря“. Именно „Песнь“. *Сказ* может быть и „поэзия в прозе“. „Слово“ — песнь, стих, ритмус, пение. Я „Слово“ мог перевести „повест“, „причае“, „казивае“, но это все не то. *Песнь!* Я редко бываю упрямым — здесь есм таковой!»

⁹ В печатном тексте: «Говорит Гончак ко Гзаку» (Россия и славянство. 1930. 14 июня. № 81. С. 4).

¹⁰ См. прим. 1 к п. 4.

¹¹ Нобль Лидия (Лилли) Эдмундовна (?—1930) — поэтесса, одна из двух дочерей английского журналиста Эдмунда Нобля (1853—1937), сотрудница бостонской газеты «Boston Herald», и писательницы-окультистки Лидии Львовны Пименовой-Нобль (1874—1934), русской по происхождению. Лидия Нобль переводила стихи Бальмонта на английский язык и посвятила ему статью (см.: Poems by Lydia Noble. With translations from Constantine Balmont. Boston, 1930). Бальмонт дружил и состоял в переписке с семейством Нобль; внимательно и нежно относился к обеим дочерям, особенно к Лилли. «Я потерял в Лилли ласковую, добрую сестру», — писал он Л. Л. Пименовой-Нобль 7 января 1930 года (см.: Американские письма К. Д. Бальмонта / Публ. Ж. Шерона // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. <Вып.> 13. С. 307). В 1931—1935 годах Бальмонт неоднократно переводил стихи Лилли Нобль и публиковал их газетах «Последние новости» и «Сегодня».

¹² Бальмонт имеет в виду свои очерки: «Звенящая струна. Лидия Нобль» (Последние новости. 1931. 12 фев. № 3613. С. 2); «Звезда утра. Лидия Нобль» (Сегодня. 1931. 25 фев. № 56. С. 3).

¹³ «Новая Явь» — цикл (впоследствии — книга) сербских стихов Шайковича. Переведа несколько присланных ему стихотворений на русский язык, Бальмонт написал отдельную статью, посвященную поэзии Шайковича в целом (см.: Бальмонт К. «Новая Явь» Ивана Шайковича // Россия и славянство. 1930. 27 дек. № 109. С. 2; дата, указанная в конце публикации, — 29 октября 1930 года). В тексте статьи — четыре стихотворения Шайковича в переводе Бальмонта («Мысль», «Немая молитва», «Небесный бой» и «Чудо»). Осенью 1931 года Шайкович пытался издать «Новую Явь» у себя на родине. «Недавно я послал в Белград издателю для печатания „Новую Явь“, — сообщил он Бальмонту 21 сентября 1931 года. — К сожалению, пришлось сократить на половину — вместо 180 стихотворений всего 90. Говорят: стихи не покупаются и книга не смеет быть большая и дорогая. Вот времена. После этого должны выйти мои перепевы русских поэтов. Не знаю, когда придет и придет ли очередь к остальному...» Издание «Новой Яви» не состоялось, как и книга переводов Шайковича из русских поэтов.

¹⁴ Видимо, вступление Шайковича к «Новой Яви».

¹⁵ «Святой Павел» (1869) — третий том «Истории христианства» французского филолога, историка религии и писателя Эрнеста Ренана (1823—1892).

¹⁶ Замысел не осуществился.

17 «Небесный бой» (сербск.).

18 Откликаясь на эти слова Бальмонта, Шайкович писал ему 16 марта 1931 года: «Очень благодарю Вас, дорогой друг, за Ваше напоминание сохранить „Новую Явь” от дидактического аромата. Я эту опасность не замечал, так как душа чиста: у меня не было никакого *преднамерения* писать что-то на известную тему и с определенной задачей. Я просто писал стихи, когда их Высшая Сила на душу клала. Сходство идей получилось по тому, что за весь этот период душа звучала сродными аккордами и возлетала по одному направлению. Когда я прочитал два-три десятка этих стихотворений и запросил себя, что это такое, мне и показалась „Новая Явь”. Тогда я стал мудрствовать, и тогда я понял, что „сие есть”. Так это в действительности. Конечно, Вы совершенно правы, друг мой, что нужно опасаться — но не себя и своего „дидактизма”, которого нет — но опасаться дурных читателей и „критиков”, существо кровожадных».

19 См. прим. 3 к наст. п.

20 «Благодарю также за интересную книгу литовских сказок, зачарованной (так!) и заколдованной (так!) Вашим замечательным предисловием, — писал Шайкович Бальмонту 16 марта 1931 года. — Постараюсь написать что-нибудь об этой симпатичной книжке для сербских читателей». Это намерение Шайковича, по всей видимости, не осуществилось.

12

Капбретон. 1931. IV. 11—12.

Христос Воскресе, дорогой друг!

Еще новый завершился круг, и в каких-то небесных записях еще новым золотым знаком отмечено, что еще раз люди праздновали праздник Святой Пасхи. Но, Боже мой, когда же будет внесена новая, не кровавая страница в людскую летопись? Когда придет наше воскресенье, воскресенье России?

Устало сердце ждать. И в эти трудные дни хочется мыслью, — хоть мыслью, — уйти к тем, кого любишь, в чьем сердце так же горит свеча, как в твоём, горящем и сжигаемом.

Светлых радостей Вам и новых стихов.

Ваш

К. Бальмонт.

13

Капбретон. 1931. 24 апреля.

Дорогой друг Иван Степанович,

Через два дня, с заездом к приятелю, польскому скрипачу Яну Кроллю,¹ в Бордо на сутки, мы едем на две недели в Париж. Оттуда напишу Вам и дам адрес, но мне письма отсюда будут пересылать. Прилагаю программу моего предстоящего Славянского вечера.² Из Вас буду читать «Мысль», «Данодобыто» и еще что-н(и)б(удь). Мне бы хотелось прочесть все мои переводы из Вас, это и будет при случае в другом месте.

Вы неправы, несправедливы к таким своим маленьким стихам, как «Радост»³ и «Край іезера».⁴ Они прелестны. Особенно второе, оно совсем фетовской чистоты и ясности.

Озеро и я,
И луна над нами,
В зеркале струя,
Мир над вышинами.

Или это храм?
В небе служба тоже?

Церковь вижу там,
Ты повсюду, Боже!⁵

Спасибо и за Пасхальные стихи. Радуюсь и вести, что есть хоть какие-н(и)б(удь) финские переводы моих стихов.⁶ Надо бы им переводить меня побольше, — думаю, что я Север очень чувствую и их «Калевалу» прославлял не раз.

Простите, что мало пишу. Совсем замучен трудностями жизни.

Супругу Вашу приветствую. Завидую ей, что она может читать в подлиннике «Книгу Иова», «Псалмы», «Песнь Песней», «Исайю» и «Книгу Руфь».⁷

Светлых дней Вам. Ел(ена) К(онстантиновна) кланяется.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Кролль (Кроль) Ян — польский скрипач, знакомый Бальмонта, не раз заезжавшего к нему в гости (о пребывании Бальмонта в Бордо в феврале 1928 года см.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926—1936. С. 108—110, 112). Бальмонт посвятил Кролю стихотворение «Виолончель и скрипка», вошедшее в сб. «В раздвинутой дали. Поэма о России» (С. 101—104).

² Программа «Славянского вечера» (см. прим. 1 к п. 14) на французском языке сохранилась в архиве Шайковича. На ее первом листе — четверостишие Бальмонта (автограф):

«СЛАВЯНСКОЕ СЛОВО

Славянское слово — дубрава
И храм в торжестве благолепий;
Славянские души — как степи,
Славяне, вам светлая слава!

К. Бальмонт.

Капбретон.
1931. 2 апреля».

³ Радость (сербск.).

⁴ «У озера» (сербск.). В переводе Бальмонта — «Край озера».

⁵ Бальмонт приводит свой перевод стихотворения «Kraai iezera». В 1936 году, составив цикл из двенадцати стихотворений Шайковича (в своем переводе), Бальмонт включил в него «Край озера» в переработанной редакции.

⁶ 16 марта 1930 года Шайкович сообщил Бальмонту: «На днях я зашел в здешний замечательный „Академический книжный магазин” и, сам не знаю почему, потянулся к книжке под названием „Kolme” («Трое»). Оказалась книжка стихов трех молодых поэтесс. Открыл наугад и перед глазами оказалось „Lokki” — „Чайка” Бальмонта. Приобрел книжку и дома нашел в ней еще Ваше стихотворение „Последние дни” («Vimeiseen Päivään»), Бунина — „На Альпах” и Лермонтова „Пророк”. Все это перевела одна из трех поэтесс Катри Суоранта. Заметку об этом можете пустить в „Россия и Славянство”. Речь идет о поэтической антологии, составленной тремя финскими поэтессами: Элина Ваара (Vaara; 1903—1980), Катри Вала (Vala; 1901—1944) и Катри Суоранта (Suoranta; 1899-?). Упоминаются: стихотворения Бальмонта «Чайка» (1894) и «В моем саду» (1900; в финском переводе название изменено), стихотворение И. А. Бунина «В Альпах: Сонет на льдине» (1901) и стихотворение Лермонтова «Пророк» (1841). Заметка о сборнике «Kolme» в газете «Россия и славянство» не появилась.

⁷ «Моя умница жена (о которой Вы еще ничего не знаете), — писал Шайкович Бальмонту 16 марта 1931 года, — читающая Библию по-еврейски и знакомая хорошо с восточной философией...» Это подтверждают и воспоминания З. Воскресенской: «Полиглот, она владела, помимо европейских языков, древнееврейским ивритом и современным идиш» (Тайна Зои Воскресенской... С. 88).

14

Капбретон. 1931. 21 мая.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам за стих — привет к моему выступлению в Париже¹ и за Ваши ласковые письма. Вечер, конечно, был настоящим Славянским праздником, сербы и болгары отнеслись очень хорошо. Но публика сейчас бедная, а богатые не отзывчивы, и в результате ни мой устроитель К. Г. Георгиев,² ни я сам, мы ни копейки не получили за свою работу, что для нуждающихся в хлебе насущном очень тяжело.

Недоволен я и прессой. Мало откликов.

Все же благое зерно брошено, — может, и всколосится.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность Вере Булич за ее прелестные поэтические сказки.³

Сложности моей жизни поездкой в Париж не только не распутались, а запутались еще больше. Естественно, чувствую себя угнетенно и потому сейчас краток.

От Елены Константиновны и от меня привет.

Жду, чтоб в душе запел ручей. Но и он замолчал. Древние мексиканцы считали, что в году есть 5 дней нэмонтэми, 5 дней заклятых, когда ничто не ладится. Увы, у меня более 5-и дней нэмонтэми.

Обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду литературно-музыкальный Славянский вечер в Париже 30 апреля 1930 года, прошедший в отеле «Мажестик» под председательством Эмиля Омана, профессора Сорбонны. В вечере приняли участие: Филеас Лебег, выступивший с речью «Что нам дала славянская душа»; Людмила Савицкая, читавшая стихи Бальмонта в своем переводе на французский; певица Маргарита Бабаян, исполнявшая романсы на стихи Бальмонта (положенные на музыку Ф. Гартманом и М. Черепниным) и др. Бальмонт читал свои переводы славянских поэтов (в том числе — Шайковича), а также — оригинальные стихи. Предстоящему «Славянскому вечеру» в Париже был посвящен в своей большей части литературный раздел «России и славянства» от 25 апреля 1931 года (№ 126. С. 3): *Кульман Н. К.* Бальмонт и славяне (рец. на изданные в 1930 году книги Бальмонта «Соучастие душ» и «Северное сияние»); *Л(олл)ий Л(ьвов)ъ.* К славянскому вечеру Бальмонта; выдержки из французской статьи Ф. Лебега; и др. См. также отклик на этот вечер: *Славянин.* Славянский вечер в Париже // Россия и славянство. 1931. 9 мая. № 128. С. 4. «В большой восторг пришли (т. е. мы с женой), узнав из „Россия и Славянство” о Славянском Празднике Бальмонта, на котором будет участвовать и Лебег. Как жаль, как жаль, что мы не ближе! Какое счастье было бы нам быть слушателями! От души желаем заслуженного успеха», — писал 16 марта Бальмонту Шайкович, пославший затем к этому вечеру посвященное Бальмонту стихотворение «Магу славянского слова» («Жизнь — полнота. Вскипает вечно смена...»), переведенное и опубликованное Бальмонтом в его статье «Отзвуки славянского вечера в Париже» (Россия и славянство. 1931. 20 июня. № 134. С. 4). Приводим полный текст этого стихотворения:

Жизнь — полнота. Вскипает вечно смена.
В мгновеньи каждом — длительность своя.
Источник бьет, и в нем не только пена.
Где действо, там создание бытия.
Где ты, художник? Кисти вот и краски.
Что бесповторно, властно задержи.
Все переливы, светогень завязки,
Цветком развязки будут вдоль межи.
Властитель звука, дай персты и струны,
Как ласточек, ты песни захвати.
Волненьем мира пусть мы будем юны,
Пусть благозвук нам льется на пути.

А слово? В чем словесной силы чара?
 Дай чувству ход — подскажет все оно.
 В душе есть россыпь, жатва солнцезара,
 Быть в звонных вспевах сердцу суждено.
 О, песенник, помазанник ты Бога,
 Живые чары носишь ты в крови.
 Тебе дано по первородству много,
 В певучем слове чудо нам яви!

Накануне Славянского вечера Шайкович послал Бальмонту в Париж еще одно посвященное ему стихотворение «Живот и Творба» («Жизнь и Творчество»). «Надеюсь, что мои скромные стишки застанут Вас в Париже, — писал Шайкович 28 апреля в сопроводительном письме. — Это лишь маленький знак глубокого моего волнения. Ваше великое дело, дорогой Константин Дмитриевич, только начинается. Давно я чувствую Вас как Будителя Славянского». Возможно, Бальмонт благодарит Шайковича именно за это стихотворение («привет к моему выступлению»).

² Георгиев Константин (Коста) Георгиевич — чиновник болгарского Министерства иностранных дел; литератор, сотрудник ряда болгарских газет и журналов, где публиковал, в частности, свои интервью с болгарскими, русскими и французскими знаменитостями. До 1914 года проживал в России; был женат на русской (М. Н. Некрасовой).

³ Булич Вера Сергеевна (1898—1954) — поэтесса, прозаик, литературный критик. Дочь историка литературы, музыковеда и языковеда С. К. Булича (1859—1921). С 1924 года — в Хельсинки. Начинала свой путь в литературе как автор детских сказок. В конце 1920-х годов работала секретарем Шайковича. В 1934—1954 годах опубликовала четыре стихотворных сборника. Писала также по-шведски и по-фински. Публиковалась в «Журнале Содружества» (см.: Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932—1936 годы с приложением Полной росписи содержания журнала. Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии / Изд. подг. А. Г. Тимофеев. СПб., 2010. С. 192—203 и др.). Бальмонт получил от Шайковича книгу: *Булич К.* Сказки. Кн. 1—2. Белград: Русская библиотека, 1931. В письме к Бальмонту от 28 апреля 1931 года Шайкович сообщал: «Ко мне на днях обратилась проживающая здесь молодая поэтесса Вера Булич с просьбой сказать ей: „Не обидится ли и не сочтет ли с моей стороны дерзостью Константин Дмитриевич Бальмонт, если я пошлю ему мои «Сказки» с посвящением?»

Я ее спросил:

— А Вы знаете и любите поэзию Бальмонта?

— Да, он любимый мой поэт!

— И что же, Вы из этой любимой поэзии заключили, что ее автор столь суровый, чтобы обидеться на Ваш добрый жест?

Девушка покраснела и вручила мне две книги своих очень красивых сказок, которые я Вам при сем присылаю.

Вера Булич — дочь знаменитого профессора С. Булича, бывшего ректора Высших Женских курсов в Петрограде. Буличи по происхождению сербы, как это свидетельствуют и фамилии их.

Сказки достойны и внимания, и похвалы, но, к сожалению, о них нигде почти ни звука. Перевод этих сказок на финский язык встретил прекрасный отзыв в здешней печати. Русские молчат. Булич послала свои книги и в „Россию и Славянство“, но не известно, кому они попали в руки. Моя просьба, дорогой Константин Дмитриевич, обратить внимание критиков при „Рос(сии) и Славянстве“ на книги Булич. Это будет доброе дело.

Однако в еженедельнике «Россия и Славянство» никакого отклика на «Сказки» Булич не последовало. Единственная (известная нам) рецензия, принадлежавшая перу филолога-скандинависта Б. П. Сильверсвана (близкого знакомого Булич), появилась в берлинской газете «Рух» (1931. 18 июня. № 3208. С. 5).

15

Капбретон,
 1931. VI. 30.

Дорогой Иван Степанович,

Давно я Вам не писал, но у меня все то же, и я не люблю ни говорить, ни писать о печальном. Чехия молчит о моей рукописи «Душа Чехии»,¹ Сербия молчит об «Океании» и «Шорохе жути».² Если Ваше слово может сколько-нибудь повлиять на Ал(ександра) Ив(ановича) Белича, буду Вам крайне признателен, ежели скажете ему, что надо же хоть несколько строк написать в ответ на несколько деловых писем.

Огорчила меня опять «Рос(сия) и Сл(авянство)» глупейшими опечатками: в Вашем прекрасном стихе,³ Вы заметили, вместо «полна» надо «полнота» и вм(есто) «бесповоротно» надо «бесповторно», — в стихе Лебега вм(есто) «мечтанья» надо «мечтания» и вм(есто) «над» надо «нам».⁴ Чудовищно!

Лидия Львовна Пименова-Нобль просит меня переслать «золотому сердцу Шайковичу» прилагаемый листок, два стиха ее дочери.⁵ А поэтесса Евгения Сем(еновна) Тарасова⁶ пишет мне из Брюсселя: «Спасибо, что прислали мне поправки к опечаткам. Искажать стихи — варварство. Ваши „Отзвуки“⁷ читала с величайшим увлечением. Очень понравился мне стих Ивана Шайковича „Магу Славянского Слова“.⁸ Он чудесен. Стихи Лебега мне тоже понравились, но не так. Лебег будто смотрит извне, а Шайкович изнутри». Ел(ена) Конст(антиновна) того же мнения.

Привет Вам, друг, и супруге Вашей. Верно, Финское море⁹ сейчас пленительно. Восхищался им впервые, поехав в Швецию ровно 40 лет тому назад.¹⁰

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Книга Бальмонта, озаглавленная «Душа Чехии в слове и в деле», обнаруженная много лет спустя в архиве Крамаржа, была напечатана лишь в 2001 году в Брно (Чехия) на русском и чешском языках; публикатор — Дана Кшицова.

² Имеются в виду книги Бальмонта «Океания. — Полинезия, Ява. Япония. Путевые очерки» и «Шорох жути. Рассказы», предложенные им в Министерство иностранных дел Чехословакии для публикации на русском языке (оба издания не состоялись).

³ Имеется в виду выполненный Бальмонтом перевод стихотворения Шайковича «Жизнь — полна. Вскипает вечно смена...», опубликованный в еженедельнике «Россия и славянство» (1930. 20 июня. № 134. С. 3—4). См. прим. 1 к п. 13.

⁴ В том же номере «России и славянства» (С. 4) был опубликован французский текст стихотворения Ф. Лебега «À Constantin Balmont, à propos de la fête slave du 30 avril 1931, fraternel hommage» («Константину Бальмонту по случаю славянского вечера 30 апреля 1931 года, братский привет». — *фр.*), а также — бальмонтовский перевод этого стихотворения на русский язык и стихотворное послание Бальмонта «Филеасу Лебегу. Братский ответ» («Поэту колоса и плуга...»).

⁵ Л. Л. Пименова-Нобль прислала Бальмонту два стихотворения ее покойной дочери: «Lines on the Opening of Tutankhamen's Tomb» и «The Lark», напечатанные в еженедельной бостонской газете «The Boston Transcript» от 6 мая 1931 года. Бальмонт отправил Шайковичу вырезку из газеты на другой день (см. след. п.).

⁶ Тарасова Евгения Семеновна (?—1932) — поэтесса. Жила в Брюсселе. Очевидно, по рекомендации Бальмонта еженедельник «Россия и славянство» опубликовал в 1931 году два стихотворения Тарасовой: «Явление пастухам. (Памяти о. П. Извольского)» (7 янв. № 110. С. 3) и «Весеннее» («Ветвей смолистое дыханье...»), посвященное Бальмонту (11 апр. № 124. С. 5; под стихотворением — помета: «Брюссель. 1930»). Упоминается протоиерей Петр Петрович Извольский (1863—1928), настоятель русской православной церкви в Брюсселе (умер под Парижем, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа).

⁷ Имеется в виду статья Бальмонта «Отзвуки Славянского вечера» (см. прим. 1 к п. 14).

⁸ См. прим. 1 к п. 14.

⁹ Имеется в виду Финский залив.

¹⁰ Ср. прим. 3 к п. 3.

16

Капбретон. 1931. 1 июля.

Дорогой Иван Степанович,

Когда я запечатывал вчерашнее мое письмо к Вам, я в рассеянности забыл вложить в конверт листок со стихами Лидии Нобль. Прилагаю его здесь.

Привет.

Ваш

К. Бальмонт.

17

Капбретон. 1931. 5 окт⟨ября⟩.

Дорогой Иван Степанович,

Как хорошо, что Вы так полно и красиво провели лето. И само по себе хорошо, и на зиму останется добрый запас впечатлений.

А у нас не то. Лета совсем не было. И перебивались мы кое-как. А осень пришла, — Сербия сократила вполтину свою помощь, и книги мои не издаются, сидим без грошей, и жутко думать о том, что будет впредь. Оставаться же здесь еще раз на зиму никак нельзя, замерзнем.

В Гельсингфорсе гостит уполномоченный по дипломатическим делам Чехии, мой хороший приятель Антонин Вячеславович Полячек (Poláček).¹ У него в Праге моя книга «Душа Чехии», над которой я работал несколько лет. Пока никто из чехов не дал денег, чтоб издать эту книгу. Я ее посвятил Крамаржу,² и, может быть, он-то поймет, что невозможно же чехам отбросить такую книгу. Если бы Вы, друг мой, нашли возможным увидеть Полячека и как следует поговорить с ним, я думаю, из этого что-н⟨и⟩б⟨удь⟩ вышло бы. Пять лет я работал над чешским языком и чешскими писателями. И эта безотзывность убийственна.³

Белич на несколько моих писем не ответил ни слова. Три мои книги в Белграде лежат без движения.⁴

В Загребе Н. И. Федоров⁵ устраивает в октябре «посвященный мне», т. е. отмеченный моим именем вечер «Россия и Славянство».⁶ Просил для начала его не напечатанное стихотворение. Я послал ему посвященное Вам «Двенадцатистроchie».

Вам, дорогой мой, и супруге Вашей от Ел⟨ены⟩ К⟨онстантиновны⟩ и меня сердечный привет.

Ваш

К. Бальмонт.

P. S. Вашей косе нужно посвятить звонкий стих.⁷

¹ Полячек Антонин Вацлав (1892—1966), сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии, познакомился с Бальмонтом в 1926 году в Париже. «...Я был у д-ра Полячека, — сообщил Бальмонт Е. А. Ляцкому 14 июня 1926 года. — Это очаровательный человек. Он меня обласкал» (Олонова Э. «Вы знаете, что во имя Врхлицкого я изучил чешский язык...» (Письма К. Д. Бальмонта Е. А. Ляцкому 1920—1929 гг.) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 94).

² Крамарж Карел (Kramář; 1860—1937) — общественный и политический деятель, первый премьер-министр независимой Чехословакии (1918—1919). В 1920-е годы активно поддерживал русскую эмиграцию в Западной Европе.

³ «Г-н Полачек временно здесь в качестве заместителя поверенного в делах Чехословакии, — отвечал Бальмонту Шайкович в письме от 13 октября 1931 года. — В Прагу не вернется раньше как, пожалуй, только через недель шесть, если не больше. До тех пор нельзя будет двинуть вопроса о печатании Вашей книги, ибо рукопись находится в Праге, закрыт⟨ая⟩ в шкафу г. Полачека в Министерстве. Кроме того, у г. Полачека очень мало надежды на скорую возможность печатания. Он думает, что если бы Крамарж похлопотал как следует, то, возможно, что нашелся бы способ напечатать Вашу книгу, но весь вопрос, как к этому приступить. По моему мнению, надо оставить мысль о посвящении Вашей работы Крамаржу. Крамарж слишком односторонняя величина, и Вы могли бы восстановить многих против себя. Этого не должно быть». Далее Шайкович излагает свои претензии — в основном политические — к Крамаржу, которого знал «очень хорошо больше 30 лет». «Я как Ваш близкий и искренний друг не желал бы, чтобы Вы связали свое светлое имя с именем Крамаржа, которое будет когда-нибудь разоблачено до конца».

⁴ Имеются в виду книги: «Былинки. Стихи для детей» (видоизмененное и дополненное издание «Фейных сказок», 1905); «Зеленый Капбретон. Южная Франция. Очерки»; «Шорох жути» (сборник рассказов). Ни одна из книг не была издана.

⁵ Федоров Николай Иванович (1892—1980) — публицист, переводчик; режиссер. Обосновавшись в Загребе, овладел хорватским языком, сотрудничал в югославской печати. Ставил в Загребе русские спектакли. Перевел на хорватский язык произведения Бунина, Бориса Зайцева, Тэффи и др. С 1948 года — в Аргентине, где и умер.

⁶ Вечер под названием «Россия и Славянство», устроенный Обществом русских юристов и посвященный Бальмонту, состоялся в Загребе 9 декабря 1931 года. В первом отделении выступили известный в Югославии философ Владимир Дворникович (на хорватском языке) и Н. И. Федоров, прочитавший (на русском языке) доклад «Бальмонт и славянство». Во втором отделении состоялось чтение произведений Бальмонта и Тютчева, а также произведений славянских поэтов в переводе Бальмонта, И. Голенищева-Кутузова и С. Кулаковского и — в заключение — оригинальных произведений современных югославских авторов (в том числе и Шайковича). См.: Россия и славянство. 1931. 26 дек. № 161. С. 4.

⁷ Сообщая в письме к Бальмонту от 21 сентября 1931 года о своем летнем отдыхе, проведенном в шхерах на финском острове «Björkbacka» («Березовая гора». — *шведск.*) в проливе Баросунд, Шайкович рассказывал: «Я ходил по соседям-крестьянам и помогал им косить и убирать сено. Сперва с большим недоверием, а потом с неменьшим удивлением смотрели крестьяне на меня. Удивлялись, как звенят коса и брусок в моих руках и как стройно ложится метровая трава под моим ударом. Консул, а как косит. Да, но этот „консул“ — сын Шумадии, правнук гайдука Станка Главаша... Теперь по шхерам пошли легенды...» Шумадия — историческая область в центральной Сербии; Главаш Станко (Glavaš; 1763—1815) — гайдук, сербский национальный герой, участник освободительной войны сербов против турецкого владычества в 1804—1813 годах.

18

Капбретон. 1931. XI. 9.

Дорогой Иван Степанович,

Вы думаете обо мне. Спасибо. Я тоже помню Вас, и мысль о Вас для меня радость. Если же молчу, значит, очень мне трудно, безвыходно трудно нам живется.

Знаю, что Вы ждете моих слов о Ваших русских стихах. Друг, мне безмерно более нравятся Ваши сербские стихи. Будучи сербом, — думаю, — невозможно писать русские стихи. Ведь слоговая ударность совсем разная в этих двух языках. Это влияет на Вас неустранимо, и оттого один стих русский звучит у Вас как стих, другой — как проза. Я думаю, что каждый поэт может писать стихи, полные безупречной чары, лишь на языке своей Матери.¹

Благодарю Вас, что воззвали к Беличу. Но он умеет быть, с комфортом для себя, глух. Бесстыдство безымянное, что его издательство выпустило уже шестую книгу такой посредственности, как Чириков,² а Бальмонта даже и второй книги не может собраться принять, оплатить и напечатать. На мой взгляд, это — необъяснимая низость.³

Я длю свою рабочую линию. На днях перевел (в нетопленной комнате) прекрасную сербскую былинку о Марке Кральевиче и отцовской сабле.⁴ Перевел с чешского «Легенду святой Зиты» Врхлицкого.⁵ Продолжаю переводить и болгарские народные песни, хотя из Софии мне написали, что Болгария разорена репарациями и сейчас ничего издавать не может.

Пишу немного и сам, и стихи, и прозу. Но печатать почти негде.

После Вашего письма о Крамарже я, приняв Ваши доводы и изменив посвящение к своей книге о Чехии,⁶ тотчас написал Полячку, Крамаржу и председателю Чешской Академии.⁷ Ни один из этих высокогородных джентльменов ничего мне не ответил. Уехал ли Полячек или еще в Гельсингфорсе?

От меня и Ел(ены) К(онстантиновны) сердечный привет Вам и доброй супруге Вашей. Всего лучшего Вам.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ «Большое спасибо за искреннее мнение о моих „русских стихах“, — отвечал Шайкович в письме от 16 ноября 1931 года. — В ближайшее время я напишу Вам подробнее „как“ и „почему“ и Вы посмотрите на мою невинную затею по другому. А то Вы могли подумать, что я на самом деле хочу заделаться русским поэтом». И далее в том же письме: «Со мною совершилось новое чудо. Ни с того, ни с сего я стал писать русские стихи, написал несколько десятков в течение нескольких дней. Точно я не я. В каком-то опьянении. Ничего бы другого и не делал. Какая-то

глубокая потребность. Родной язык недостаточен мне, и я чувствую, что по-русски гораздо мне легче выразить свое чувство и мысль. Никогда раньше этого не было. Я хотел часть написанного послать Вам, но не имея известий и не знаю наверно, где Вы, я послал пачку стихов проф. Кульману на усмотрение. Очень меня интересует Ваше мнение о них».

² Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — прозаик, публицист, драматург. С 1920 года — в эмиграции. Умер в Праге.

³ «Отношение Белича позорно, — соглашался с Бальмонтом Шайкович в том же письме от 16 ноября 1931 года. — Вы очень метко сказали: Бесстыдство безымянное. Не удивляйтесь, что он печатает Чирикова и ему подобных: Беличу дороги те, кто умеют, как собачки, вертеться у его ног, а Бальмонт этого не делал и не может делать. На письмо мое Белич еще не ответил — посмотрим еще несколько дней, потом напишу я ему и по другому...»

⁴ Опубликовано: Россия и славянство. 1931. 19 дек. № 160. С. 3.

⁵ Баллада Ярослава Врхлицкого. Зита (1212—1272) — святая римско-католической церкви, покровительница домашней прислуги. Погребена в г. Лукка (Италия). Канонизирована в 1696 году. Бальмонтовский перевод «Легенды» впервые опубликован в еженедельнике «Россия и славянство» (1931. 14 нояб. № 155. С. 3; под переводом указано: «Капбретон. 1931. 24 окт(ября)»).

⁶ Текст измененного Бальмонтом посвящения: «Посвящаю этот мой труд нескольких лет всем тем чехам, которые, строя новую Чехию, братски любят также истинный лик России. К. Бальмонт. Капбретон. 1931. Осень». Цит. по: *Бальмонт К.* Несобранное и забытое. Из творческого наследия. СПб., 2016. Т. 2. Черчу рассказ я: Проза. Душа Чехии в слове и деле / Сост., общ. ред., прим. и комм. А. Ю. Романова; статья, подг. текстов, прим. и комм. Д. Кшищовой. С. 487.

⁷ Имеется в виду Чехословацкая академия наук и искусств, иностранным членом которой Бальмонт состоял с мая 1930 года. Председателем Академии в 1931—1939 годах был композитор Йозеф Богуслав Фёрстер (1859—1951).

19

Капбретон. 1931. 22 ноября.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Сердечное спасибо Вам за подарок. Но зачем себя обделяете, когда и Вам плохо? Третьего дня, засыпая, я сказал Елене: «Завтра будет письмо от Шайковича. Собственно, еще рано для ответа. Но ведь есть воздушная почта». И Вы можете представить себе ее улыбающееся лицо, когда она вчера открыла дверь почтарю — и принесла мне Ваше письмо. Какие Вы оба чуткие и ласковые, Вы и Ваша супруга. Кстати, мы до сих пор не знаем ее имени и отчества, а нужно знать. Сообщите, прошу.

Ну, запалю в своем камине сербско-финско-французско-русский огонь. То-то жарко разгорится!

Спасибо Вам больше и за то, что ратуете за меня в Белграде. Но я боюсь, что ничего Вы от него не добьетесь. Существо он странное, в нем много хорошего и привлекательного и много душевной грубости самодура.

У меня накопилось небольшое, но содержательное собрание переводов: «Сербские и хорватские народные песни». Мне хочется их послать Вам.¹ Я был бы счастлив, если бы Вы написали к этой работе предисловие² и отослали ее в Белград.³

Посылаю Вам «Залетную» и «Призрак».⁴ Знаю, что такие чувства Вам столь же близки, как и мне.

Супруге Вашей и Вам — светлых дней.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В первоначальном виде книга называлась «Сербские народные песни» и была готова, по-видимому, уже в начале 1929 года. Находясь в Белграде, Бальмонт передал ее В. Д. Брянскому (1868—1944), возглавлявшему Издательскую комиссию при Русском культурном комитете в Белграде, но спустя несколько месяцев просил его доставить рукопись А. И. Беличу, с кото-

рым поэт вел по этому поводу «особый разговор» (см. письмо Бальмонта к Брянскому от 10 июня 1929 года (ГА РФ. Ф. 6793. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 243)). Озаглавленная «Югославские народные песни. Сербия. Хорватия», книга окончательно сложилась к концу 1930 года. «Кончаю книгу югославских народных песен (сербских и хорватских), но не знаю, захотите ли Вы ее издать», — обращался Бальмонт к А. И. Беличу 30 сентября 1930 года (От чужих к своим. С. 77). Издать книгу, однако, не удалось — состоялись лишь отдельные публикации в газетах «Последние новости» и «Россия и славянство». В архиве Шайковича, написавшего к ней небольшое вступление (см. след. прим.), сохранился экземпляр рукописи, состоящей из 57 переведенных (и частично опубликованных Бальмонтом в русской периодической печати) сербских и хорватских былин, песен, загадок, колядок и т. д.; книга завершается очерком Бальмонта «Песня-загадка», впервые напечатанным в еженедельнике «Россия и славянство» (1929. 15 июня. № 29. С. 3). В своем последнем прижизненном стихотворном сборнике «Светослужение. 1936 г. Август. — 1937 г. Январь» (Харбин: Заря, 1937; переизд.: Воронеж, 2005) Бальмонт в списке книг, готовых к печати, в частности указал: «Югославские народные песни и былины (Сербия, Хорватия, Словения)».

² «Большая честь для меня доверие Ваше: написать предисловие, но, к сожалению, я чувствую, что мне это непосильно, — отвечал Шайкович в конце декабря на просьбу Бальмонта. — (...) Я также не знаю, в каком духе и размере Вы бы желали предисловие. Вот я прилагаю несколько экспромтом написанных слов. Может ли Вас это удовлетворить? Или это совершенно слабо и мало?» (письмо не датировано; имеет помету: «Рождество Христово»). Бальмонт, однако, довольствовался этим кратким текстом, озаглавленным «Слово друга», и, сделав несколько стилистических поправок, использовал его в качестве предисловия (см. прим. 1 к наст. п. и прим. 1 к п. 21).

³ «Что Вы думаете о печатании сборничка? — отозвался Шайкович на эту вторую просьбу Бальмонта в том же письме. — На каких условиях хотели бы дать издателю? Разве не напечатает то издательство, которое напечатало литовские песни? Я бы мог предложить *Словенской книжаръ* в Белграде? Я еще подумаю, кому и как». Однако хлопоты Шайковича оказались безрезультатными.

⁴ Авторизованная машинопись обоих стихотворений, образующих цикл под названием «Вопреки всему», сохранилась в архиве Шайковича (рукою Бальмонта: «Капбретон. 1931.XI.11»). Публикация этих произведений не выявлена.

20

⟨Капбретон, 20 декабря 1931⟩.

ИВАНУ ШАЙКОВИЧУ

Связали судьбы нас, мой брат
 Взрастим опять содружный сад,
 Как было с «Игоревым Словом».
 Где серб поет и пел хорват,
 Там русский песенник так рад
 К славянским приникать основам.

Пойдем в луга, рука с рукой,
 Дойдем до синевы морской,
 Взойдем на срывчатые горы.
 Увидим образ дорогой,
 Он жизнью жил своей, другой,
 Но наши в ней соткал узоры.

Взял в Югославии я клад
 Тех чувств, что много лет назад
 Бродили песней по дубровам.
 Не только благовест — набат
 Есть возглас к небу, свой в нем лад.
 Сверкай же, пламя, вспевом новым!

Capbreton, Landes.
 Malgré tout.
 1931. 20 декабря.

21

5, Cité Falguière,
Paris, 15-e.
1931. 29 дек(абр).

Дорогой Иван Степанович,

Лишь два дня, как мы перебрались в Париж. Все наше помещение — одна порядочная комната да микроскопически-маленькая при ней газовая кухня. Но жить можно. И тепло. Будет тесно, конечно. Но мы живем дружно. Плохо было с освещением, высоко лампа, и тусклая она. Из малой наличности пришлось сегодня купить на стол хорошую электрическую лампу. Стоила она 55 франков — и не стоила мне ни сантима! Вы угадываете, кто мне сделал этот прекрасный святочный подарок? Зажигая ее, всегда буду вспоминать Вас. Именно сегодня я получил милое приветствие от Вас и дорогой Валентины Петровны, и в письме два доллара. Как раз стоимость лампы. В Капбретоне Вы затопили мой камин, в Париже засветили мою лампу. Слава Вам, добрый друг!

Но письмо Ваше усталое. Вы еще не поправились?

Дошли ли мои «Югославянские Песни»? Это не слишком смело, что я решил за Вас насчет предисловия?¹ Нам нужно быть вместе в такой работе. И кто иной лучше Вас мог бы выполнить эту задачу? Вам надлежит она.

Люба ли Вам моя передача «Марка и отцовской сабли»?² Шмелевы и Кульманы были в восторге от нее. К дивному Марку я вернусь позднее еще не однажды.

Поселились мы в тихом месте, хотя в двух шагах от Institut Pasteur.³ Ночью слушаю, как поют петухи.

Да будете светлы и счастливы и Вы, и верная спутница Вашей рабочей и творческой жизни Валентина Петровна, не только в ночь Нового Года, но и весь Новый Год.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Приводим полный текст предисловия (с учетом правки Бальмонта):

«СЛОВО ДРУГА

Народная поэзия сербов и хорватов, привлекавшая когда-то особенное внимание бессмертных Гете и Пушкина, очаровала еще одного поэта — великого поэта наших дней. Русский песенник, „маг славянского слова“ К. Д. Бальмонт, жаждающая и чуткая душа которого приникла уже к хрустальным источникам, кажется, всех народов и всех времен, — ныне с особенной любовью зачерпнул из богатых ключей братской югославянской поэзии. Опытный, искусный Бальмонт, владеющий как мало кто даром понимания народного творчества, снова очарован:

Где серб поет и пел хорват,
Там русский песенник так рад
К славянским приникать основам.

В выборе образов Бальмонт следовал своему поэтическому чутью. Почуввав *Великое* в братской югославской поэзии, он мимоходом, случайно-неслучайно (бывает ли, вообще, что-нибудь случайно?) срывал возвращенные на славянской *основе* цветы и сплетал из них, по своему вкусу, прекрасный венок. С единственным *бальмонтовским* чутьем и чародейством. Зажглись огни...

Сверкай же, пламя, светом новым!

Еще одна, немалая, заслуга великого, великого славянина, великого славянского Поэта-Будителя.

В день Рождества Христова.

1931 г.

Хельсингфорс

Иван С. Шайкович»

(цитируются четыре строки из стихотворения Бальмонта «Ивану Шайковичу» — см. п. 20).

² См. прим. 4 к п. 18. Под публикацией указано: «Калбретон. 1931. 23 окт(ября)».

³ Институт Пастера (*фр.*). Имеется в виду известный Пастеровский институт — научный центр, занимающийся исследованиями в области биологии, микроорганизмов и т. д.; носит имя Луи Пастера, основателя и первого директора Института.

22

Париж. 1932. 19 января.

Дорогой Иван Степанович,

Так мне тяжело и душно здесь, и так тесно, что даже написать письмо другу стало трудно. Ваше маленькое — очень маленькое — слишком маленькое «Слово друга» мне нравится, но оно так кратко, что это, скорее, заздравный тост. Нельзя ли расширить его — втрое или вчетверо?

Если из книг Вам может пригодиться то, что есть у меня здесь, не посылать ли Вам на время? 1) Др. Војуслав М. Јовановић. Српске Народне Песме. Београд, 1927; — 2) Hrvatske Narodne Pjesme. Sveska druga. Ženske Pjesme. Uredio Dr. Nicola Andrić. Zagreb, 1914. — 3) Junačke Narodne Pjesme. Priredio Dr. Milan Strošek. Zagreb, 1925. — 4) Izabrane Narodne Pjesme Ženske. Priredio Dr. N. Andrić. Zagreb, 1913.¹

Верьте мне, сам написать предисловие к своей работе я не могу никак. Моя душа застенчива, хоть и смела. Да и очень меня ранили славяне неполнотою незрячего ко мне своего отношения. Да и как бы то ни было, в этой работе я не в своем доме, хоть и братском, а тут, для освящения работы, для закрепления сделанного дела, нужно властное слово хозяина. Будьте же этим хозяином! А тогда, быть может, в моем сердце, больно сжавшемся, что-то разомкнется.

Привет от нас Валентине Петровне и Вам, дорогой. Какой у Вас, верно, волшебствующий обворожительный снег!

Ваш

К. Бальмонт.

¹ 1) Д-р Богуслав М. Йованович. Сербские народные песни. Белград, 1927; — 2) Хорватские народные песни. Том второй. Женские песни. Издал д-р Никола Андрич. Загреб, 1914. — 3) Юнацкие народные песни. Предисловие д-ра Милана Стрешка. Загреб, 1925. — 4) Избранные народные женские песни. Предисловие д-ра Н. Андрича. Загреб, 1913 (*сербск., хорватск.*).

23

Париж. 1932. 18 февраля. Вечер.

Дорогой друг Иван Степанович,

Как Вы меня радуете своими сердечными письмами, этою безоглядною верою в человеческое благое, в человеческую душу! И подарки Ваши, которые Вы скромно называете пустяками, далеко не пустяки. Сегодня, проснувшись, я чувствовал себя совсем брошенным и позабытым всеми («Я изношен и брошен», литовская поговорка). Получил Ваше письмо — и

весь день я чувствую себя обласканным, и мне не так страшно людское бездушие.

Но Вы, друг, действительно неисправимы. Откуда у Вас столько несокрушимой веры? Люди сейчас — в полосе беззвучного бездушия. Писатели, увы, не представляют исключения. Целые пять лет я уже делал с упорством то, о чем Вы мне пишете так горячо. Но мой голос, взывающий о Единении,¹ слышен лишь немногим избранным. Порою доносится братское «Ау!», как Ваш голос, как несколько голосов в Славии и в Литве. Но как мало нас перед черной плещущей бездной!

Я еще не ответил Вам на предыдущее письмо. Страницу предисловия к моим переводам сербохорватских песен я в какую-то минуту напишу. Но когда придет эта минута, еще не знаю.² Малые исправления, вроде «Урвиной» вместо «Урвином», Вам, верно, нетрудно сделать. Но очень меня смущает этот сербский «босилак», болгарский «босилек». Это «базилик», «иссоп», «синий зверобой», «душистый василек», «василек пахучий». Эти указания взяты мной из целого десятка словарей, ботаник и энциклопедий. Если душистый василек, базилик, садовое растение, непохож на полевой василек, так ведь и маленькая, чуть не в наперсток, белая розочка совсем непохожа на столепестковую алую розу. Но они — сестры.³

То, чего у Вас нет из моих переводов Ваших стихов, пошлю Вам в ближайшем письме. А сейчас хочется без задержки послать слова признательности за Вашу истинно братскую любовь и желание счастья Вам и Валентине Петровне от меня и Елены Константиновны.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду духовное единение во имя любви и братства, к чему призывал Шайкович в своих письмах к Бальмонту (см. вступ. статью).

² В своих письмах к Бальмонту от 3 и 29 января 1932 года Шайкович просил Бальмонта, чтобы тот, со своей стороны, написал короткое предисловие к сборнику своих переводов сербохорватской народной поэзии. «Мне казалось бы, что гораздо больше значения имело бы Ваше слово, хотя бы и беглое, о югославянской поэзии. К Вашей оценке с громадным вниманием и благодарностью отнеслись бы сербы и хорваты, да и для русских читателей было бы Ваше освещение необходимым. Кто лучше Вас мог бы сказать, какое место наша народная поэзия занимает в мировой поэзии. По-моему, об этом не надо слишком много слов, а яркими штрихами набросать картину. Нет смысла мне как сербу об этом писать» (3 января). И в следующем письме (29 января 1932 года): «Не могу я как серб говорить о достоинствах нашей поэзии и хвалить ее. Я могу говорить только о значении и ценности Вашего перевода. И повторяю то, что Вам сказал в прошлом письме: громадный интерес вызывало бы у южных славян — Ваше мнение, Ваше переживание, Ваша компетентная оценка. Вы должны сказать, чем Вы увлеклись. Вы меня поймете. Вот подайте мне руку: я напишу больше о Вашем переводе, а Вы напишите нечто цельное (не надо квантитативно много) о ценности югославской народной поэзии, как Вам она выявилась». Однако такого рода «предисловие» Бальмонтом, сколько известно, не было написано.

³ О том же идет речь и в письме Шайковича к Бальмонту от 29 января 1932 года: «Ваш перевод я прочитал с большим вниманием, радовался его красотам, но нашел и вещи, кот(орые) надо исправить. Напр(имер): Вы пишете „Урвином“. Гора эта называется в сербском *Урвина* — женского рода, и стало быть Урвиной. Вы переводили „босилак“ — то „базилик“, то „василек“. Нельзя „василек“, ибо он *Kornblume* (василек. — нем.), красивый цветок, украшающий хлебные поля, но ничего общего не имеющий с „босильком“, пахучим растением, священным стебельком, которым в православных церквях у нас священники *кропят*. Нет настоящего православного дома у нас, где бы за иконой домашнего патрона-святого не был пучок „босиока“ или „босилька“. Это абсолютно смешивать нельзя с „васильком“, хотя некоторые русские словари, мне кажется, ошибочно, этот босильак (базилик) называют „пахучий василек“».

24

Париж, 1932. 27 м<а>рт<а>.

Дорогие Иван Степанович и Варвара¹ Петровна,

Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Хоть *наша* Пасха еще и далека — и в прямом смысле, и в другом, внутреннем, более глубоком.

Спасибо сердечное за ласку и братский подарок.

Живем в тесноте и трудностях чрезвычайных. Может быть, в половине апреля будет, на малое время, немного легче. Но до этого срока — еще и еще дорога по осколкам, по битому стеклу.

Ласковый привет Вам и светлых дней.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Ошибка Бальмонта. Правильно: Валентина.

25

Париж. 1932. 14 апреля.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Я долго не писал Вам, ибо порадовать Вас было нечем, а огорчать Вас не хотел. Если Ваши русские стихи доставляют Вам и гельсингфоргским Вашим друзьям душевное удовлетворение, — что ж, значит, так и нужно. Но кто знает, как я, Ваши сербские стихи и любит их, что я показал явственно переводами некоторых из них, особо совпавших с моею душой, тот безошибочно знает, что как сербский поэт Вы достигаете гораздо более изящного и сильного, чем Ваши русские стихи. Мне совершенно четко видно, что «Моя Мария»¹ — книга добрых намерений, но досягнувений недосыгающих. Не говоря о технических несовершенствах, как частые ошибки в ударениях и отсутствие напевности, эти стихи сплошь рассудочны, а рассудочность это такой воздух, что цветок Поэзии увядает в нем мгновенно. Мысли же как мысли, если не облакаются они в образы и, опрокидываясь в певучую область чувства, не начинают играть переливами красок и звуков, должны прямоком выражаться не в стихах, а в логической прозе.² В этом отношении сегодняшнее Ваше письмо говорит выразительнее о том же, о чем стихи «Моей Марии» лишь пытаются говорить.

Ведь Вы же знаете сами эту тайну:

К нам приходят сны мгновенные
Сокровенной высоты,
Раскрывая легкоценные,
Мигом хмельные цветы.

Мы с ними станем ими,
В голубоватом дыме,
В звучании таком,
Что звук окутан сном.³

Отдайтесь снам и говорите языком снов. Они щедро наряжают нашу песню.

Привет Вам и Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Адр⟨ес⟩ Ив⟨ана⟩ Серг⟨еевича⟩ Шмелева: J. Chmelov, 9, rue des Ro-signols, Sèvres (S⟨eine⟩ e⟨t⟩ O⟨ise⟩).⁴

¹ Сборник оригинальных стихов Шайковича, переведенных им с сербского на русский (Шайкович И. Моя Мария / В собств⟨енном⟩ пер⟨еводе⟩ с сербского. Гельсингфорс: Кружок «Мать — Земля», 1932).

² Ср. с откликом на сборник «Моя Мария», появившимся в парижской газете «Возрождение»: «Все же мы должны заметить, что стихи Шайковича не звучат и действуют больше на ум, чем на воображение, лишний раз подтверждадая нам, сколь трудно сочетать мистические прозрения с поэтическим вдохновением» (1932. 17 марта. № 2480. С. 4; подпись: Андрей Засекин).

³ Начальные строфы первого из двух стихотворений Бальмонта, образующих цикл «Сны» (Последние новости. 1932. 8 дек. № 4278. С. 3).

⁴ И. Шмелев, ул. Росиньоль ⟨Соловьиная⟩, д. 9, Севр (С⟨ена⟩ и У⟨аза⟩) (фр.).

26

Париж. 1932. 10 мая.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Вы что-то видите, чего я, в аду, не вижу. Не думайте, что я небрежен к Вам, — и не покидайте меня.

Трудно мне. Но я просто хотел сказать, что я люблю Вас и верю в Ваш замечательный дар.

Ваш

К. Бальмонт.

27

Париж. 1932. 24 мая.

Дорогой и добрый друг мой

Иван Степанович,

Спасибо Вам за ласковое письмо и братскую заботу, она несказанно трогает меня в моих тяжелых днях, когда и Вам самому так трудно. От Ваших писем всегда веет бодростью, и чувствуется, что душа Ваша в полной дружбе, в полном единении с душою Вашей избранной Валентины Петровны, которую я не знаю и однако чувствую через Ваши строки. Большое счастье — вдвоем единство. Но редко оно, и легко возникает, в том или ином, рознь.

Вы верите, что готовится новая жизнь. Счастливец! Я завидую Вам. Конечно, где-то в далеком, в неузнаваемо измененном, возникнет много новой красоты и счастья. Но ближайшее будущее несет нам лишь новые пытки и беды, испытания такие, что не только отдельные души, но, по-видимости, многие миллионы их узнают гибель. Я устал, друг, от созерцания торжеств Сатаны. Вашему сердцу близки видения Исаяи, моему — бунт Иова. Тут уж ничего не поделаешь. Вся душа моя сейчас — убывающий Месяц. Поглощающая тьма. Хватит ли сил дожидаться зарождения в себе самом золотого серпа Новолуния? Не знаю.

Да пошлет Вам грядущий день, и Вам, и Валентине Петровне, счастья.

Ваш

К. Бальмонт.

28

Париж. 1932. 18 июня.

Дорогие друзья
Иван Степанович,
Валентина Петровна,

Вчера был день моего рождения, минуло мне неправдоподобное число лет, 65. И как раз вчера утром, когда на столе моем появились розы, ирисы, душистый горошек и васильки, пришло с добрым подарком дружеское письмо из Гельсингфорса. Как это мило и угадчиво! Мы ездили вчера в Clamart (там теперь с своей девочкой живет наша дочь Мирра¹). В домике с садом, где множество роз и где живет дружественная семья художественной молодежи, собралось несколько молодых поэтов, читали стихи, меня совсем забросали цветами, и мне на несколько часов показалось, что мир еще по-прежнему добрый и что жить еще стоит и можно.

Ах, недолго длятся такие часы.

Опять едем сейчас в окрестности Парижа искать на лето уголка. Но сомневаюсь, чтобы нашли что-нибудь.

Светлых дней Вам. Спасибо за то, что в Ваших сердцах Солнце живет.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Мирра Бальмонт жила в Кламаре, отдельно от родителей, с мая 1932 года вместе со своим первым ребенком — дочерью Оксаной, появившейся на свет в марте 1932 года.

29

Париж. 1932. 20 июля.

Дорогой друг Иван Степанович,

Сердечное спасибо Вам за письмо, полное бодрящего духа, и за братский подарок, за Вашу ласковую заботу. Из Ваших писем всегда веет свежим духом полей и лугов, хоть Вы пишете из города. Но Вы ведь серб и поэт, — и эти два свойства побеждают в Вас все то неблагоприятное для духа и сердца, что выдыхается из каменных домов и уличных прямоугольников.

Львов — не Лелий (это было бы слишком хорошо, ибо звучало бы почти как Лель!), а лишь Лоллий,¹ и он из духовного звания, но премилый человек, только, пожалуй, и легкомысленный также. С «Рос⟨сией⟩ и Слав⟨янством⟩» дело обстоит неблагоприятно. Они на ладан дышат, и литературный листок, который я довольно самоотверженно обслуживал целых два года или больше,² выпал за скудостью бюджета и, вынырнет ли опять, неизвестно.³

Ел⟨ена⟩ К⟨онстантиновна⟩ ликовала, когда я читал ей Ваши слова о Гете.⁴ Она уже давно нападала на меня с подобным суждением, осуждая мое пристрастие к Гете. Но ведь юношеское пристрастие крепко в сердце сидит. Я продолжаю в Гете любить лишь «Фауста» и лишь отдельные страницы 2-й части. А 1-я уж очень мещанская. И умственно плоскодонная. Вообще же Вы правы: Гете несносно преувеличен. И, конечно, англичане, Марло, Шекспир, Де Фо ⟨так!⟩, Свифт, Блэк, Шелли, Кольридж, Тэннисон, Свинбёрн, — и сколько еще! — мир неизмеримо более богатый, а главное — вольный, не kleinbürgerlich,⁵ а морской, — освободительный Ветер с Моря.⁶

Первая в моей юности страсть к немецкому стиху — прекрасный, глубокий и мелодический Ленау. Такие его стихи, как «Sonnenuntergang — Schwarze Wolken zieh'n...»⁷ прямо божественны.

Я послал Вам № «Посл(едних) Нов(остей)» с моими стихами.⁸ Я пободрее. Ищем и, кажется, найдем квартиру в Клямаре (так!), с возможностью лесных прогулок.

Дорогой Валентине Петровне приветы и Вам, верное сердце.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Львов Лоллий Иванович (1888—1967) — поэт, прозаик, историк литературы, критик, журналист. Эмигрировал в 1919 году; с 1924 года — в Париже. Член редакции газеты «Россия и славянство». Во время Второй мировой войны служил переводчиком в армии генерала Власова. Умер в Мюнхене.

² Имеется в виду отдел под заглавием «Литературная газета», в котором преимущественно и участвовал Бальмонт.

³ Испытывая немалые финансовые трудности, редакция еженедельника в марте 1933 года объявила о том, что с апреля «Россия и славянство» будет выходить дважды в месяц (см.: № 218. С. 1). На самом деле перерыв между отдельными выпусками составлял в 1933—1934 годах, как правило, один месяц. В начале 1934 года вышел сдвоенный номер (№ 228—229). Последний номер (№ 233) вышел в июне 1934 года.

⁴ Письмо Шайковича, о котором упоминает Бальмонт, не известно; в архиве Шайковича отсутствуют копии его писем к Бальмонту за март—август 1932 года.

⁵ мещанский (нем.).

⁶ «Я очень рад, — писал Шайкович в ответном письме (4 сентября 1932 года), — что мое мнение о Гете совпало с мнением Елены Дмитриевны (так!), тем более что и Вы теперь его в общем усваиваете. Странно мне только показалось, что Вы вспомнили предпочесть (так!) „великому Гете“ только английские имена, а не коснулись (не из скромности ли?) бессмертников русских: Пушкина-Златоустого, Лермонтова-Неистового, Тютчева-Заоблачного, Фета-Чародея. Да и немец, все еще недостаточно оцененный, небесный Ленау — выше, чем Гете. Вообще, я на Гете и не смотрю как на настоящего поэта. Гете был чрезвычайно даровитый человек, с очень разносторонним умом. Уверен, что он, если бы захотел, мог бы печь прекрасные пироги и шить сапоги для выставки. Вот ему захотелось, и он писал лирические стихи. (...) Еще интересная вещь. Гете не только что теперь устарел, но он, по-моему, устарелым и явился. Сравните его с его современниками или почти-современниками (Ленау, Уланд, Новалис, Гейне) — какая отсталость Гете! Попробуйте почитать „Вильгельма Мейстера“ — какого древнего века этот стиль?..»

⁷ Солнечный закат — Ползут черные тучи... (нем.). Бальмонт приводит первые две строчки стихотворения Ленау — четвертого из цикла «Schilflieder» («Камышовые песни», 1832); стихотворение неоднократно переводилось на русский язык, в том числе Брюсовым и Бальмонтом. См.: *Погосля И. К.* Цикл «Камышевые песни» в переводах В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван, 2001. С. 316—323.

⁸ Видимо, «Парижские строки» — цикл из четырех стихотворений (1. Н. В. Плевицкой; 2. Если б; 3. Вопреки; 4. Разлучность), опубликованный в газете «Последние новости» (1932. 23 июня. № 4110. С. 3). В архиве Шайковича хранится, однако, не газетный номер, а авторизованная машинопись этих четырех стихотворений с датой: «Париж. 1932. 10 июня».

30

176, Av(enu) Marg(uerite) Renaudin,
Clamart, Seine.
1932. 6 сентября.¹

Дорогой друг
Иван Степанович,

Куда Вы пропали? Давно от Вас нет вестей! Опять где-н(и)б(удь) на острове — и коса сверкает?² Завидую Вам, если так, и искренно за Вас радуюсь.

Мы зацепились за Клямар и, явно, будем здесь медлить, если только просто не помрем, как та знаменитая цыганская лошадь, что умерла как раз

в тот самый день, когда приучилась не есть. Клямар — убогое местечко, но можно дышать здесь, и тише, чем в Париже.

Привет Вам и Валентине Петровне. Всего лучшего.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Авеню Маргерит Реноден 176, Кламар, Сена (фр.).

² См. прим. 7 к п. 17.

31

176, Av(enu) Marg(uerite) Renaudin,
Clamart, Seine.
1932. 9 сентября.

Дорогой Иван Степанович,

Я соскучился о Вас и послал Вам, дня четыре тому назад, открытку.¹ А вчера получил от Вас такое живое письмо от 4-го сентября, точно Вы пришли к нам — и Вы с нами. Спасибо Вам за все Ваши бодрые, прямые слова и за Вашу братскую заботу, за подарок, выручающий нас в минуту трудную. Ох, сколько этих трудных минут! Кажется, что только из них и слагается тяжелая цепь уже долгих-долгих недель и месяцев. Мы в какой-то жуткой западне, и не видится из нее выхода.

Рад, что Вам и Валентине Петровне понравился мой очерк о переводах.² Я, правда, писал это в минуту душевного подъема. Но Ваша хвала мне здесь особенно дорога и ценна: Вы ведь высокий художник в передаче «Слова о полку Игореве» и знаете внутреннюю жизнь стиха и законы его художественных изменений. Наши враги могут видеть лишь внешнюю одежду явления и даже ее видят в искаженном осколке разбитого зеркала.

Рад я также, что Вы так любите Ленау, изумительного лирика. Его сила и тонкость, как и поразительная глубина изящнейшего Новалиса, давно уже стали мне дороже прохладных умствований Гете.³

Русских поэтов, говоря об английских, я не называл отнюдь не потому, чтоб я ценил их меньше. Они для меня совсем особое царство, драгоценное. Но я просто, в данном случае, оставался в европейском русле. Наше славянское превышает чары европейского способностью говорить разъятым сердцем.

О «Горных Вершинах» Лермонтова⁴ мы, кажется, говорили с Вами на высоком холме, во время такой красивой поездки к достраивавшемуся собору. Да?

Жаль, что Вы не отдохнули и не видели лета. У нас оно тоже прошло слишком скоро. Ночью уже холодно. Сербская песня:

Ночь темна, как чаша, тьмой налита,
В сердце грусть, через края в нем грусти...⁵

Привет Вам и дорогой Валентине Петровне от меня и Елены Конст(антиновны).

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. п. 30.

² Имеется в виду очерк Бальмонта «О переводах», представляющий собой полемику со статьей Е. А. Ляцкого («О переводах вообще и русском переводе стихов Я. Врхлицкого в частно»

сти»), напечатанной в пражском журнале «Slavia» (см.: Россия и славянство. 1932. 30 июля. № 192. С. 2—3). Переводы Бальмонта из Врхлицкого, а также некоторые из его переводов с болгарского Ляцкий подверг резкой критике. Ответ Бальмонта пересказан в заметке Е. Ф. Трущенко «Бальмонт К. Д. о переводах» (Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 1999. № 4. С. 193—195). «Прочитал, и с большим интересом, Вашу прекрасную статью о переводах стихов, — писал Шайкович Бальмонту в цитированном выше письме от 4 сентября 1932 года. — Видимо, Вы были в особенном ударе, и г-ну Ляцкому досталось по заслугам. Как неудачны его ссылки на Жуковского и Лермонтова. <...> А „Сосна“ Лермонтова — Боже ты мой. По моему мнению, дословно переводят стихи только плохие поэты. Гениальные поэты за этой дословностью и не гонятся. Они, пережив чужой мотив, поют своим голосом. <...> Прочитав Вашу статью, мы с Валентиной Петровной радовались и аплодировали Вам».

³ Ленау действительно принадлежал к числу немецких поэтов, с юности горячо любимых Бальмонтом. В первой прижизненной публикации Бальмонта (Живописное обозрение. 1885. 1 дек. № 48. С. 343) одно из трех стихотворений представляло собой перевод из Ленау («Прощальный взгляд»), а в свой первый «Сборник стихотворений» (Ярославль: Типолитография Г. В. Фальк, 1890) поэт включил четыре переведенных им произведения Ленау («Вечер», «Немая любовь», «Созвучье» и «Прощальный взгляд»). См. также прим. 6 и 7 к п. 29 и прим. 9 к п. 33.

⁴ «Горные вершины...» — известное стихотворение Лермонтова (1840), навеянное «Ночной песней странника» Гете. Бальмонт неоднократно вдохновлялся этим образом. Именно так («Горные вершины») озаглавлен сборник его статей (М.: Гриф, 1904). «Из всех стихов в мире я больше всего люблю „Горные Вершины“ (не Гете, Лермонтова)», — писал Бальмонт в своей автобиографии 1907 года (см.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия... / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М.: Издание т-ва М. О. Вольф, (1909). С. 35. Приводя эту фразу Бальмонта в своем письме к нему от 4 сентября 1932 года, Шайкович добавляет: «В этих словах я вижу правду, но не вижу оскорбления для Гете. Мала ли его заслуга, что своим стихом он возжег душу более великого поэта».

⁵ Бальмонт приводит первые две строки сербской народной песни «Ночь темна» в своем переводе. Первая публикация — в составе статьи «О народной песне» (Сегодня. 1928. 23 дек. № 349. С. 4), вошедшей в «Соучастие душ» и несостоявшуюся книгу «Югославские народные песни» (см. прим. 1 к п. 19).

32

60, rue Cécile Dinant.
Clamart, Seine.
1932.XI.9.

Дорогой Иван Степанович,

Благодарю Вас за верную память и за дружескую заботливость обо мне, о нас. Ваше письмо от 1-го ноября пришло как дуновение горного ветра. Вы правы, говоря о нашей обезумевшей Европе свои меткие слова. Елене Конст(антиновне) особенно понравилась Ваша формула: «Рим — лаборатория мировых недоразумений». Именно так. Но где они, «истинно великие наших дней», о которых Вы тоскуете? Их просто-напросто нет.¹ Никакого нет величия в наших днях, несмотря на весь их трагизм, как нет величия в переполненных поездках, хотя мы, ездившие в них, вполне знаем, как они трагичны. Человечество позорно обьяелось своей цивилизацией, сгромоздило сатанинские столицы, сгромоздило невероятные множества людей, оторванных от мудрой Природы и занятых производством ненужного и вредного, машинизировало всё, и слепые режущие зубья адских самодовлеющих орудий совсем изуродовали и плоть, и душу человека. Все это должно кончиться не воззваниями мудрецов и не сладкими звуками наших неумирающих песен, а рядом страшных взрывов, которые пересоздадут нашу Землю, вернув ей утренный целомудренный лик.²

Мы хранители лампад в темных маленьких часовнях. Наш свет, все же, и во тьме светит, и тьма не обьяла его.³

Так и пребудем.

Ласковый привет доброй Валентине Петровне.

Братски обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ «Люди потеряли голову, — писал Шайкович Бальмонту и Е. К. Цветковской 1 ноября 1932 года. — Германия — дом сумасшедших. Рим — лаборатория мировых недоразумений. В Англии социалисты проповедуют христианство и молитву как единственный выход из страшного тупика, а над ними смеются „христиане“ буржуи и аристократы. Жрецы искусства всего мира, с небольшим исключением, служат Дьяволу, прикрывающемуся масками национализма и всякими другими мастиками(?). И все, конечно, на руку Москве злополучной. С огнем живой любви в сердце к несчастному человечеству смотрим на дурацкий вихрь, уносящий в неизвестность все хорошие возможности. О, зачем молчат истинно великие наших дней. Почему они не встанут перед всевозможными политиканами и честолюбивцами? Где подвиги? Почему они исчезли именно теперь, когда только ими, подвигами, можно мир спасти».

² «Что это значит? — откликнулся Шайкович на эти слова Бальмонта 14 ноября 1932 года. — Сложить руки и ждать мировое революционное пожарище? Неужели тогда уцелеют наши лампы и наши темные часовни? Да если бы они и уцелели, кому были бы нужны? Неужели недостаточно примера России? Что там уцелело? Что там „рядом страшных взрывов“ *пересоздано*? Веруете ли, дорогой друг, что революция вернет России „утренний целомудренный лик“?!

Нет, дорогой друг. Революционный Молох всем силен, кроме духом (так!) Кроме Истиной (так!). Ложь сильна и страшна только тогда, когда носители Истины, имеющие Духа, — спят. Ленинскую лже-мудрость ничем не победить, если ее не победить Духом и Истиной. Но где их глашатаи? Попытались в катакомбы».

³ Ин. 1: 5.

33

60, rue Cécile Donnant (так!), Clamart, Seine.
Кламар. 1932. 1 декабря. Ночь.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Не сразу я отвечаю на Ваше большое, интересное письмо, — очень замучился скучными хлопотами. Ваше разъятое сердце я вижу. Чистым огнем оно горит. Но я не вижу путей и средств для той проповеди, для того священного похода, которых Вы так алчете. Русские писатели Зарубежья загнаны, замучены, еле-еле перебиваются, почти умирают с голоду, и каждый поглощенно занят лишь собой или маленькими цеховыми делами. Один И. С. Шмелев горит, пишет замечательную повесть «Няня»,¹ где устами русской няни бичует Европу и Америку. На многих страницах Вы узнаете свой гнев, так близко к Вашей сейчас душа Шмелева. Но что же? Немецкие издатели, печатая по-немецки его «На пеньках»,² пишут ему священно-взволнованные письма,³ видя тут предельный суд совести и гибель целой цивилизации. А немецкие писатели молчат, занятые своей карьерой. А русские журналы и газеты замалчивают Шмелева или клеветают на него. Так не с этими ли людьми идти ко Гробу Господню?

Два-три года тому назад и я, и Бунин, и Мережковский неоднократно взывали, письменно и печатно, к самым выдающимся европейским писателям, указывая на несказанные страдания русского народа и на всемирную опасность большевицкого сатанизма.⁴ Мережковский доходил даже до Папы Римского.⁵ Наши воззвания были встречены безучастным равнодушием и враждой. Пересмотрите внимательно лица наиболее выдающихся европейцев. Кто они? Эйнштейн — коммунист. Уэльс — друг Советов. Роллан — коммунист. Киплинг — враг всякой России. Гамсун — самый богатый в Норвегии свиновод по страсти. Мэтерлинк, Гауптман, Буржэ — самоупоенные себялюбцы. Д'Аннунцио — сноб, вор и разбойник. Из кого же хотите

Вы вербовать, о честный серб, о старинное сердце, свою священную дружину?

Лампады в часовенках и катакомбы меня, столь же любящего действие, как и Вы, столь же мало удовлетворяют, как и Вас. Но где же — где же действительная возможность действовать? Я ее не вижу.

Грядущих страшных взрывов, — человеческих, вроде нового переселения народов, и геологических, все учащающихся вот уже ¼ века, — я вовсе не хочу, но я их вижу, они идут, они уже пришли, а то, что еще придет, будет в 1 000, в 100.000 раз страшнее. Эпоха Мировой Кары.

Можем ли мы, отдельные немногие, поклоняющиеся Духу, сделать что-н(и)б(удь) для одоления Духом, всю Землю терзающих безумий и бесчинств Хаоса? Мало и много: быть самим — верными витязями Духа. Мне кажется, и Вы, и я, мы — верные. Что же еще?

Я думаю, Вы преувеличиваете смысл и значение Библейских Пророков.⁶ Выразительны они чрезвычайно, выковали они слова на века. И Микель Анджело, и Мильтон, и Пушкин явственно слышат шорох крыльев, овеявших эти пророчества. Но они говорят о надвигающихся ужасах, — опираясь на уже совершившееся. Они говорят о прошлом как о будущем. Ничего пророческого, в точном смысле, нет в этих наблюдениях и предвидениях количественного умножения зла, качественно уже проявившегося в свершившейся были. Пророки Библии возвели, высокой душой своей, беду Израиля и Иудеи до общечеловеческих образов, до неизбежной применимости этих, столь глубоко пережитых несчастий, к другим, тогда еще не бывшим, тогда еще возникавшим едва для грядущего, народам. В этом Исайя и Иезекииль пророки воистину. Но в этом каждый великий поэт и художник — пророки.

Отвечаю на Ваши вопросы. Белич не ответил мне на несколько писем. Больше писать я ему не стану. Дополнительных переводов сербских — хорватских песен у меня более нет. На каких бы условиях ни издали мою книгу Югославских Песен, я был бы счастлив. То, что Болгария издала мои переводы болгарских песен,⁷ а Сербия не издает мои переводы сербо-хорватских песен, тогда как Сербский Эпос гораздо сильнее, — и обидно по существу, и рисует меня (без моей в том вины) в неверном свете как поэта Славии.

Лидия Львовна Нобль пишет милые, родные письма. Это редкий человек.

Шмелеву и Кульману передам Ваши приветы, как увижу их.

Из Ваших переводов немецких поэтов,⁸ которых Вы отлично чувствуете, мне более всего нравятся «Нема лубав» Ленау,⁹ «Пролетња тишина» Улагда¹⁰ (великолепно перепел ее Тютчев, лучше, чем в подлиннике: «О не кладите меня — В землю сырую...»¹¹) и «Бор и палма» Гейне.¹²

Но я давно уже не вижу *Ваших* стихов, друг, а Вы знаете, я их люблю и рад пропеть по-русски.

Рад я и Вашим письмам всегда, Вашему свежему, мужественному голосу.

Валентине Петровне и Вам наш сердечный привет.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду повесть Шмелева «Няня из Москвы», опубликованная в «Современных записках» (1934. № 55. С. 5—69; № 56. С. 71—137; № 57. С. 5—80). Фрагменты печатались (под разными названиями) в 1933—1934 годах в еженедельнике «Россия и славянство» и газетах «Возрождение» и «Сегодня». Отд. изд.: Париж: Возрождение, 1936.

² Рассказ Шмелева «На пенях» был впервые опубликован в «Современных записках» (1925. № 26. С. 102—160).

³ Произведения Шмелева на немецкий язык переводила в основном швейцарская переводчица (родом из Риги) Ребекка (Ребекка Вернгардовна) Кандрей; она же перевела и статью Бальмонта «Горящее сердце», посвященную Шмелеву (*Neue Züricher Zeitung*. 1928. 26. Februar. № 349. S. 4). Однако рассказ «На пенях» был переведен Артуром Лютером, который и был, скорее всего, автором «священно-взволнованных» писем.

⁴ Имеется в виду отклик ряда русских писателей-эмигрантов (Бальмонта, Бунина, Мережковского, Шмелева и др.) на анонимное воззвание «Писателям мира», подписанное «Группа русских писателей. Россия, май 1927» и нелегально отправленное на Запад. Впервые опубликованный 13 июля 1927 года в варшавской газете «За Свободу!», этот документ был перепечатан в «Последних новостях», «Возрождении» и других русских и иностранных изданиях. Авторы воззвания так и остались неизвестными (в СССР его объявили фальшивкой). Среди западноевропейских «знаменитостей», к которым обращались (безрезультатно) Бальмонт и другие русские писатели, были Р. Роллан и К. Гамсун. В полемике принял участие и М. Горький, выступивший с нападками на писателей-эмигрантов (статья «К анонимам и псевдонимам», 1927). Подробнее об этом см.: Блюм А. Вокруг одного протеста. К истории публикации в эмигрантской печати анонимного обращения «Писателям мира» (1927 г.) // Новый журнал (Санкт-Петербург). 1998. № 4. С. 172—183.

⁵ «В 1922 году, — сообщает В. А. Злобин, — во время конференции в Рапалло, распространяется слух о переговорах Святого Престола с представителями советского правительства о заключении конкордата. Газеты печатают отчеты о рауте и фотографии, на которых папские кардиналы сняты пьющими с советским комиссаром по иностранным делам Чичериным за здоровье Ленина. Мережковский обращается к Пию XI с письмом, в котором не может скрыть своего возмущения» (*Злобин В. А. Д. С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Возрождение* (Париж). 1956. № 53. С. 112). Обращение Мережковского к папе было опубликовано в газете «Последние новости» (1922. 10 мая. № 633. С. 2).

⁶ «Великие еврейские пророки, — писал Шайкович Бальмонту 14 ноября 1932 года, — были витязи, герои. Витязем и героем был и Христос. Почему сегодня нет таких героев духа? Почему сегодня люди легко, очертя голову, бросаются в революционный огонь, под удары штыков и нагаек (и в Европе имеется таковая нагайка — гумовая (резиновая. — К. А.)), гибнут зря, как мухи, а бессильны бороться *духом*? Что за лень, что за бессилие, трусость, болезнь? Почему людям это никто не скажет сегодня в упор, в лицо?»

⁷ Имеется в виду книга: *Бальмонт К. Золотой сноп болгарской поэзии*. София: Издание Министерства народного просвещения, 1930.

⁸ Помимо упомянутых далее Бальмонтом Ленау, Уланда и Гейне, Шайкович переводил также Гете (см.: *Nuorluoto J. Dr. Ivan S. Sajaković — ein Dichter und Diplomat*. S. 136).

⁹ «Немая любовь» (*сербск.*). Имеется в виду стихотворение Ленау «Stumme Liebe» («Немая любовь», 1832). Бальмонт перевел это стихотворение, видимо, еще в 1889 году (см.: Пантеон литературы. 1890. № 1 (Январь). С. [85]) и включил его в свою первую книгу — «Сборник стихотворений» (С. 138); оно было, кроме того, перепечатано в журнале «Современный мир» (1908. № 9. С. 68) и книге «Из чужеземных поэтов» (СПб.: Издание Т-ва «Просвещение», [1908]. С. 90). Ср. прим. 8 к п. 29 и прим. 3 к п. 31.

¹⁰ «Весенний покой» (*сербск.*). Стихотворение Л. Уланда «Весенний покой» («Frühlingsruhe») написано в 1812 году.

¹¹ В переводе Тютчева это стихотворение озаглавлено «Весеннее успокоение»; впервые: *Телескоп*. 1832. Ч. X. № 15. С. 297—298.

¹² «Сосна и пальма» (*сербск.*). Знаменитое стихотворение Гейне, созданное в 1822—1823 годах, вошедшее в «Buch der Lieder» («Книга песен», 1827) и широко известное в России благодаря переводам Лермонтова, Тютчева и других поэтов и переводчиков.

34

Кламар. 1932. 8 дек(абря).

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам за добрый подарок, весьма нас обрадовавший и подкрепивший, и за письмо, которое не только меня растрогало, но даже и смутило. Помилуйте, в чем же извиняться? Я ведь не андерсеновская принцесса на горошине, которой нужно двадцать тюфяков и столько же перин. Ваше письмо, полное напора и устремления,¹ никак меня не смутило. Напротив, оно логически вызвало во мне такое же оживление, и в моем ответе, посланном дня 3—4 тому назад,² Вы можете видеть, что Вы всколыхнули мою

душу. Это и хорошо. И Вы всколыхнули ее настолько, что последние три мои стихотворения, которые здесь прилагаю,³ в значительной степени вызваны тем, что Вы сумели так горячо затронуть в моей душе. Из них более всего ценю «Косогор».⁴

То, что Вы пишете о П. Б. Струве,⁵ слово в слово совпадает с тем, что Ел(ена) К(онстантиновна) и я, мы оба чувствуем при виде его неуклюжих попыток заниматься изящной словесностью. Поистине, корова под седлом. Вальтер Скотт сияет и будет сиять неувыдаемо. Что до Пушкина и Гете, они совершенно равноценны, ибо каждый из них создал литературу своего народа во всем объеме (лирика, эпос, драма, сказка, повесть, записи мыслителя и пр(очее), и пр(очее)). Никакого действительного влияния Гете на Пушкина не было, их натуры слишком разны. «Сцена из Фауста», за которую Гете через Жуковского послал Пушкину золотое перо,⁶ написана совсем не в гетевской манере, более свободно, легко. Вольный ветер Пушкин, а Гете — Борей, но Борей театральный, дующий в заранее приготовленную раковину. И слишком легко забывают, что вовсе не Гете измыслил Фауста. Надо помнить Марло,⁷ и надо помнить немецкую народную Puppenspiel.⁸

Буду ждать от Вас скорого отклика и новых стихов (если есть). Дорогой Валентине Петровне наш ласковый привет. И Вам, дружке. Вы мое утешение и бодрость.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду письмо Шайковича от 14 ноября 1932 года (см. прим. 6 к п. 33).

² Имеется в виду п. 33.

³ К этому письму были приложены три стихотворения: «Туман» («Туман ползет. Я ничего не знаю...»); «Косогор» («Как пойду я на далекий косогор...») и «Соколий перелет» («В степи безгранной, островом пустынным...»). Первые два стихотворения представляют собой цикл под общим названием «В дымных днях» (дата: «1932. 6 декабря»); дата под стихотворением «Соколий перелет»: «1932. 7 декабря». Стихотворение «Косогор» опубликовано в газете «Последние новости» (1933. 5 янв. № 4306. С. 3); публикация двух других стихотворений не выявлена.

⁴ «Косогор» ценили и современники поэта. Так, Борис Зайцев завершил свою юбилейную статью о Бальмонте цитированием именно этого стихотворения (см.: *Зайцев Б. О Бальмонте (К пятидесятилетию литературной деятельности) // Современные записки. 1936. № 61. С. 189—190*).

⁵ Откликаясь на «Заметки писателя» П. Б. Струве в еженедельнике «Россия и Славянство» и, в частности, на его очерк «Гете и Пушкин» (Россия и Славянство. 1932. 29 окт. № 204. С. 3—4), Шайкович писал Бальмонту 29 ноября 1932 года: «Я очень уважаю Петра Бернгардовича Струве за его неутомимую русскую общественную борьбу, но не понимаю, почему он впустился (так!) в эти странные литературные экскурсии (так!) Зачем ему понадобилось воскрешать гениального барона Брамбеуса и его умозаключения о Вальтер-Скотте (так!) (...). Не менее (так!) умным кажется мне и лепет того же автора в статье „Гете и Пушкин“. Стоит знаменитому писателю где-нибудь чихнуть, чтобы роющийся по его следам бездарный исследователь нашел черт знает что. Мало ли какую фразу тут и там сказал Пушкин, мало ли что думал о Гете Веневитинов, но где *действительные доказательства* духовного сродства Пушкина и Гете и *действительного влияния* Гете на Пушкина?! Разве это влияние, если в крошечных масштабах и было, заслуживает, чтобы о нем так много говорилось? Удивительная потребность русских людей все свое видеть под *чужим* „солнцем“. Точно не будь Гете — Пушкин бы не вырос до своих вершин».

⁶ Бытующая поныне легенда о гусином (отнюдь не «золотом») перо, которое Гете якобы послал Пушкину через Жуковского в 1827 году, восходит к свидетельствам некоторых знакомых русского поэта и его биографов (П. В. Нащокин, П. В. Анненков и др.). См.: *Вейнберг А. Л. Перо Гете у Пушкина // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского. М.; Л., 1933. (Вып.) П. С. 67—71; Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 111.*

⁷ Английский писатель Кристофер Марло (Marlowe; 1564—1593) был автором драмы «Трагическая история доктора Фауста», переведенной Бальмонтом (см.: *Жизнь (СПб.). 1899. Т. VII. С. 178—216; Т. VIII. С. 11—42*). Отд. изд.: М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912.

⁸ Кукольный театр (*нем.*).

(Продолжение следует)

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

© Н. А. ХОХЛОВА

ОБ А. Д. АЛЕКСЕЕВЕ

(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Труд библиографа — часто подвижничество. Вспомним имена В. С. Сопикова, В. Г. Анастасевича, П. П. Пекарского, В. И. Межова, С. А. Венгерова, Н. М. Лисовского и многих других. Иногда — трагедия, связанная с невозможностью продолжения или завершения работы, с утратой своего детища — картотеки, библиотеки (здесь достаточно упомянуть имя Д. В. Ульянинского). И всегда — любовь, страстная преданность своему библиографическому замыслу. А. Д. Алексеев был едва ли не последним ярким представителем славной когорты русских библиографов-подвижников. Его научную биографию следует рассматривать на широком фоне истории русской библиографии, ибо она важное и закономерное ее звено.

Цель настоящей статьи — представить основные вехи творческого и жизненного пути А. Д. Алексеева, воссоздать его образ, сохранившийся в памяти многих пушкинодомцев.

* * *

Анатолий Дмитриевич Алексеев родился 7 ноября 1922 года в г. Малая Вишера в семье инженера-путейца. Профессия отца предполагала переезды, поэтому мальчику пришлось сменить несколько школ. Так, в старших классах, с 1937 по 1940 год, он учился на станции Спирово Тверской области в школе, находившейся в ведении Октябрьской железной дороги. Благодаря сохранившимся и ныне опубликованным 56 письмам Анатолия Дмитриевича к однокласснице Т. В. Жаровой, этот период его жизни, как и следующий за ним военный, известен достаточно подробно, причем не только в плане фактической стороны биографии.¹ Письма удивительным образом дополняют и обогащают его образ. Все, что было спрятано в Анатолии Дмитриевиче в зрелые годы, в письмах по-юношески трогательно и пронзительно. Однако первое впечатление — неожиданности — постепенно сменяется все большим и большим узнаванием.

А. Д. Алексеев окончил школу в Новгороде и был направлен в Ленинград в военное училище. В одном из первых писем к Т. В. Жаровой (от 20 июля 1943 года) он скупко сообщал о своей жизни после окончания школы, о событиях 1940—1942 годов: «До войны учился в Ленинграде. (...) Потом был в Выборге, объездил весь Карельский перешеек, защищал Ленинград, был в блокаде, где пришлось хлебнуть и голода, и холода».²

Дальнейшая хронология его военной биографии такова. С 1942 по 1944 годы служил в Заполярье, на Кольском полуострове в районе города

Наталья Александровна Хохлова — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹ Алексеев А. Д. Письма военных лет (Письма к Т. В. Жаровой) / Публ. Н. А. Хохловой, вступ. статья Т. В. Жаровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 695—768.

² Там же. С. 705—706.

Беломорск. После Свирско-Петрозаводской наступательной операции Карельского фронта (лето 1944), в ходе которой были освобождены Заполярье и Карелия, часть была передислоцирована под Ярославль. Здесь, в селе Пятковском, в течение трех месяцев ожидалось новое назначение, шла учеба. Летом 1945 года А. Д. Алексеев был направлен на Дальний Восток — в Маньчжурию, а затем в Корею. Участвовал в русско-японской войне. Находился в Порт-Артуре и Владивостоке. Демобилизовался (в звании лейтенанта) в самом конце 1946 года, прослужив в общей сложности семь лет.

По военной специальности Анатолий Дмитриевич был радистом и в течение всей войны занимался радиопеленгацией, т. е. обнаружением радиостанций противника. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

К выбору «мирной» профессии он пришел не сразу. В школьные годы обнаружилась несомненная склонность к литературе. Во время войны было написано несколько циклов стихотворений. В письмах к Т. В. Жаровой немало стихов, рассуждений о поэзии. Вообще, проявления литературной одаренности здесь многообразны, например, в лирически тонких пейзажных зарисовках тех мест, где ему пришлось служить. В одном из последних писем он признавался: «...скучна жизнь без поэзии, не правда ли? (...) Я люблю искусство всей душой, ради него готов преодолевать любые трудности, идти на любые лишения, жертвовать всем».³

По словам А. Т. Твардовского, которому начинающий поэт послал некоторые из своих опытов, ему следовало поступать в московский Литературный институт. Однако в силу ряда причин выбор был сделан в пользу Отделения русского языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена, который А. Д. Алексеев успешно окончил в 1951 году. Учеба в институте развела юношеские иллюзии относительно поэтического поприща и сформировала страстный интерес к научной работе в области литературоведения. Вот что он писал своей подруге после института: «Литература, как тебе известно, всегда была для меня священной областью, и прежде всего русская литература XIX в. Я даже и сам когда-то по дурости мечтал стать поэтом, но это до того глупо, что при воспоминании об этом я готов провалиться сквозь землю. Поэт из меня не получился, а потому и вспоминать об этом нечего. Есть поприще более интересное, увлекательное. Это — изучение литературы. Серьезное, научное изучение. Именно этому, а не школе, я и хотел бы посвятить свое будущее».⁴

Не поступив в аспирантуру (был выдвинут кафедрой в качестве кандидата), Алексеев после окончания института непродолжительное время работал библиотекарем в Публичной библиотеке, а затем экскурсоводом в Ленинградском городском экскурсионном бюро. Возможно, именно этот род деятельности сблизил его с Литературным музеем Пушкинского Дома, куда в сентябре 1952 года он был зачислен младшим научным сотрудником, хранителем живописи и скульптуры и вошел в коллектив, который в то время возглавлял легендарный музейщик В. В. Калаушин. Алексееву было поручено описать изобразительные материалы, относящиеся к жизни и творчеству И. А. Гончарова для 5-го выпуска серийного издания «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома».⁵ Так в его биографии появилась первая крупная научная тема, которой он посвятит почти

³ Там же. С. 760.

⁴ Там же. С. 767.

⁵ Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. В. И. А. Гончаров. Ф. М. Достоевский / Ред. Е. Н. Куприянова. М.; Л., 1959.

два десятилетия. Определился метод исследования — источниковедческий; он будет абсолютно преобладать во всей его дальнейшей работе.

Алексеев известен как крупный гончаровед. После выхода в свет упомянутого «Описания» он по собственной инициативе (некоторое время — под научным руководством чл.-корр. Н. К. Пиксанова⁶) продолжил работу и подготовил ряд фундаментальных справочников: *Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова*. М.; Л., 1960; *И. А. Гончаров в портретах, иллюстрациях, документах*. Л., 1960; *Библиография И. А. Гончарова*. Гончаров в печати. Печать о Гончарове (1832—1964). Л., 1968; *И. А. Гончаров в воспоминаниях современников*. Л., 1969.

По совокупности перечисленных трудов Алексеев хотел защитить кандидатскую диссертацию, о чем свидетельствует отложившееся в его личном деле заявление в ВАК (датировано 17 сентября 1971 года). Видимо, оно было отклонено. Более попыток получить ученую степень он не предпринимал. В научной среде нередки случаи, когда само имя ученого звучит гораздо более весомо, чем ранги высоких научных степеней и должностей. Таково имя Алексеева, старшего научного сотрудника без степени.

Работа в Музее навсегда определила его интерес к русской и западноевропейской живописи и вместе с тем — одно из направлений его библиофильского собирательства. Он обладал обширными познаниями в области искусствоведения, которые, в силу своего библиографического таланта, воплотил в создании двух картотек, к сожалению, малоизвестных. Одна из них представляет собой роспись иконографического материала, воспроизведенного в журналах начала XX века (1900—1917);⁷ другая — в разного рода каталогах: музейных собраний, выставок, а также в альбомах и специальных искусствоведческих изданиях (материал расписан до 1980-х годов).

Помимо преобладания источниковедческого метода творчеству Алексеева свойственна еще одна особенность — исследовательский максимализм, стремление исчерпать тему. В полной мере она проявилась в период его работы в Секторе библиографии (1958—1961). Здесь нам необходимо сделать небольшое отступление, касающееся истории этого Сектора.

Впервые он возник в Пушкинском Доме в 1937 году как подразделение, в задачи которого входило формирование источниковедческой базы для фундаментального коллективного труда Института — «Истории русской литературы».⁸ Основу этой базы должны были составить картотеки, поступившие в Пушкинский Дом в составе личных фондов (как, например, картотека Б. Л. Модзалевского), но главным образом — переданные единым колоссальным собранием из ликвидированного в 1932 году Института книговедения (картотеки С. А. Венгерова, Н. М. Лисовского, В. И. Саитова и др.). По словам известного библиографа А. Г. Фомина, возглавившего Сектор, «Институт стал центром, куда стеклись все крупные картотеки, составленные выдающимися библиографами дореволюционного времени».⁹ Необходимо было их разобрать, упорядочить, сделать максимально доступными для исследовательской работы. В целом Сектор справился с поставленными задачами.¹⁰ Были заложены традиции изучения и использования картотек как единого справочно-библиографического комплекса, обладающего

⁶ В 1962—1964 годах А. Д. Алексеев исполнял обязанности секретаря и помощника чл.-корр. Н. К. Пиксанова.

⁷ Она является «сопутствующей» к его основной картотеке, о которой будет сказано далее.

⁸ *История русской литературы*: В 10 т. М.; Л., 1941—1956.

⁹ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 189. Л. 10.

¹⁰ Подробнее см.: *Хохлова Н. А.* История Справочно-библиографического собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома // *Невский библиофил*. СПб., 2016. Вып. 21. С. 16—20.

огромным эвристическим потенциалом. Сектор просуществовал всего два года и был ликвидирован в связи со смертью его руководителя (А. Г. Фомин скончался 20 мая 1939 года).

Столь же непродолжительной, но не менее плодотворной была и история воссозданного в 1957 году Сектора библиографии и источниковедения под руководством К. Д. Муратовой. Как известно, в его задачи входило создание двух фундаментальных библиографических указателей по истории русской литературы XIX века и начала XX века.¹¹ В плане истории русской библиографии их следует рассматривать как «продолжение Мезьер»; в плане истории коллективных трудов Института — как завершение упоминавшейся выше «Истории русской литературы» в виде библиографических указателей к ней.¹²

В 1990-е годы Муратова вспоминала: «Работа была осуществлена в минимальный срок небольшим коллективом начинающих библиографов-энтузиастов. Огромным подспорьем в их поистине самоотверженном труде служили многочисленные картотеки, хранящиеся в Рукописном отделе Института, прежде всего библиографическая картотека Б. Л. Модзалевского, давшая обильный материал для раздела писем, и картотека С. А. Венгерова, содержащая перечень книг и роспись основных литературно-общественных журналов конца XIX — начала XX вв. (...) Вступающая на литературоведческий путь молодежь ознакомилась во время своей работы в Секторе с различными видами трудов своих предшественников и с весьма обширным кругом литературы, просмотренной *de visu*».¹³

В предисловиях к указателям Муратова привела имена «начинающих библиографов-энтузиастов», внесших наиболее значительный вклад в их создание. Это А. Д. Алексеев, В. Н. Баскаков, Н. Ф. Буданова, Г. Я. Галаган, Н. А. Грознова, Н. Л. Левкович, В. П. Степанов и др. В дальнейшем все они стали ведущими сотрудниками Пушкинского Дома, видными специалистами в разных областях литературы и источниковедения. Сектор библиографии был началом их пути, библиографической школой.¹⁴ Иначе сложилась научная судьба Алексеева. Обретя, по собственному выражению, «путеводную нить жизни» в Секторе библиографии, он остался верен избранному направлению до конца. Алексеев решил продолжить картотеку Венгерова. Чтобы понять суть его замысла, необходимо обратиться к истории, пожалуй, наиболее известной картотеки в отечественной библиографии.

Идея ее создания возникла у Венгерова из необходимости постоянных библиографических справок в ходе работы над задуманным им в начале 1880-х годов «Критико-библиографическим словарем русских писателей и ученых», первый выпуск которого вышел в 1886 году. До начала 1900-х годов картотека мыслилась как подготовительные, справочные материалы к словарю. После того как в 1900 году Венгеров осознал «неисполнимость (...)»

¹¹ История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962; История русской литературы конца XIX — начала XX веков: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963.

¹² Репертуар имен, включенных в указатели, по словам К. Д. Муратовой, «был предопределен „Историей русской литературы“ (...)», изданной (...) в 1941—1956 гг.» (История русской литературы XIX века: Библиографический указатель. С. 5). В одном из отчетов Алексеева о работе в Секторе прямо говорится о «составлении двух томов „Библиографического указателя“ к „Истории русской литературы“» (ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 2. № 339. Л. 34).

¹³ Муратова К. Д. А. Д. Алексеев — библиограф-энтузиаст // Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940. Материалы к библиографии. СПб., 1993. С. 3—4.

¹⁴ Здесь невольно возникает аналогия с неформальными объединениями научно-библиографического направления 1880—1910-х годов: с «майковско-сайтовской академией» и с кругом молодых помощников Венгерова в составлении картотеки и упорядочении архива (некоторые из них были также участниками его знаменитого Пушкинского семинария).

одолеть такое огромное задание»¹⁵ и прекратил издание словаря, его взгляд на картотеку постепенно изменился. К 1912 году он признал ее вполне самостоятельное значение. По сути дела, из всех фундаментальных справочных трудов ученого завершённой оказалась только картотека. И «Критико-биографический словарь», и «Русские книги», и «Источники словаря русских писателей», и «Предварительный список русских писателей и ученых» в силу разных причин были остановлены изданием.

Планомерная работа над картотекой была прервана в 1917 году, когда Венгеров стал директором вновь созданного, в большой степени по его инициативе, государственного научно-библиографического учреждения — Книжной палаты. Отныне и до конца жизни (1920) все свои силы он сосредоточил на административной работе. Поставленный в круг иных, более масштабных задач, он уже не мог в полной мере отдаваться своему детищу — картотекам. Тем более что основным направлением деятельности Книжной палаты, издававшей «Книжную летопись», была текущая, а не ретроспективная библиография.

Как свидетельствует А. Г. Фомин, с одной стороны, Венгеров был вполне удовлетворен такой постановкой задачи, ибо рассматривал деятельность Книжной палаты как прямое продолжение собственной библиографической работы, но «не мог примириться» с тем, что в его картотеках «получился пробел за 1913—1916 гг.»¹⁶ Ликвидация этого пробела была принципиально важна — ведь замысел ученого состоял в том, чтобы выстроить непрерывный хронологический ряд: биобиблиографию от начала XVIII века до 1916 года должна была вместить картотека; с 1917-го ее продолжила «Книжная летопись».

Вот что писал Фомин о последней попытке Венгерова ликвидировать досадную лакуну: «⟨он⟩ начинает хлопотать в конце 1918 г. об организации ⟨...⟩ Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественной в России, которое взяло бы на себя регистрацию литературы об этих деятелях с 1913 года и, таким образом, продолжило бы картотеку».¹⁷ Попытка не имела успеха: картотека так и остановилась на 1912 году.

После непродолжительного периода пребывания в Тургеневской группе (1965—1968), где Алексеев занимался справочно-библиографической и комментаторской работой в связи с подготовкой Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева (тома XII и XIII, письма), в 1969 году он перешел в Рукописный отдел. И это вполне закономерно: ведь именно здесь хранится весь комплекс картотек, находившийся некогда в ведении Сектора Фомина. В соответствии с принятой в Рукописном отделе системой хранения в 1958 году он получил особый статус — Разряда VI (Справочно-библиографическое собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома).

Судя по планам и отчетам 1970—1972 годов Алексеев был назначен ответственным за его хранение. Здесь нельзя употребить слово «хранитель», так как должность хранителя картотек была введена сравнительно недавно; поэтому мы воспользуемся формулировкой, встретившейся в его личном деле: «заведует хранящимися в Отделе справочными картотеками».¹⁸ Но более всего он памятен пушкинодомцам, да и всем посетителям Рукописного

¹⁵ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. I. Вып. 1. С. X.

¹⁶ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной палаты. Л., 1925. С. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 2. № 339. Л. 70.

отдела как бессменный заведующий читальным залом (с 1972 года до своей кончины в 1990 году).

Приход в Рукописный отдел Алексеева практически совпал с назначением Муратовой на должность заведующей этим отделом. Трудно переоценить значение данного совпадения (а возможно, и вполне преднамеренной «встречи») для осуществления замысла Алексеева. Свидетельница рождения, а быть может и соавтор идеи «продолжения Венгерова», во все время заведования Рукописным отделом (1970—1978) она была для Алексеева, которого считала одним из лучших своих учеников, отнюдь не только начальствующим лицом. «Обрыв картотеки С. А. Венгерова на 1910-м году, — писала Муратова, — зародил мысль о ее продолжении вплоть до 1917 года. Предстояла огромная работа. Алексеев решил осилить ее единолично. То вновь был труд энтузиаста. Библиография не вошла в личный план архивиста. Ей он отдавал свое неслужебное время».¹⁹

Алексеев пришел в Рукописный отдел не только со сложившимся представлением о картотеках, не только с четким пониманием того, в каком именно направлении следует вести работу, но и с определенным ее заделом: по всей видимости, составление собственной картотеки он начал в середине 1960-х годов. Первое упоминание о ней содержится в его служебном отчете за 1973 год: «Вне рабочего плана продолжал многолетнюю работу по картотеке росписи литературного материала, опубликованного в журналах Петербурга и Москвы за 1900—1918 гг.».²⁰ Она мыслилась как «продолжение Венгерова» довольно долго. Так, в одной из «Характеристик» (датирована 4 октября 1978 года) говорится: «Основной областью занятий А. Д. Алексеева в последние 10 лет является источниковедение русской литературы нач. XX в. Им составлена в форме картотеки аналитическая роспись литературных материалов из периодики 1900—1917 гг., непосредственно продолжающая росписи С. А. Венгерова».²¹

Лишь впоследствии, когда картотека Алексеева по точности и детальности библиографических описаний превзошла картотеку Венгерова, стало очевидно, что ее нельзя рассматривать только как «продолжение». (Строго говоря, это было не «продолжение», а столь чаемое Венгеровым завершение картотеки, доведение ее до 1917 года). «Продолжением Венгерова» можно именовать только первый этап, когда Алексеев расписал литературно-критический материал, содержащийся в литературно-общественных, внелитературных журналах, имеющих литературный отдел, а также иллюстрированных изданиях периода 1910—1917/1918 годов. Затем по выработанному плану он решил заново расписать периодику начала XX века: с 1900 по 1910 годы. Таким образом, получилась единая картотека, охватывающая материал с 1900 по 1917/1918 годы.

Следовательно, Справочно-библиографическое собрание Рукописного отдела располагает двумя росписями периодики Петербурга и Москвы за 1900—1910/1912 годы — «венгеровской» и «алексеевской». Выполненные в разные эпохи, в соответствии с правилами библиографического описания своего времени и в определенной степени — на материале разных источников, они не дублируют, а дополняют друг друга.²²

¹⁹ Муратова К. Д. А. Д. Алексеев — библиограф-энтузиаст. С. 3—4 (1910 год указан ошибочно; правильно — 1912).

²⁰ ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 2. № 339. Л. 57.

²¹ Там же. Л. 70.

²² Это сопоставление нуждается в комментарии. Источники библиографической картотеки Венгерова «XX век» не ограничены центральной периодикой; с другой стороны, он не ставил задачи извлечь только литературный материал (как это делал Алексеев). Отличительной чертой картотеки Венгерова является также наличие множества газетно-журнальных вырезок, в то время как в картотеке Алексеева они отсутствуют.

Алексеев не ограничился росписью дореволюционного материала. «Его волновал вопрос, — пишет Муратова, — какой характер приняло творчество писателей, оказавшихся после 1917 г. вне России. Началась роспись зарубежной периодики. (...) Алексеев был противником искусственного разделения литературы на два противоположных лагеря. Свои картотеки — и отечественную и зарубежную — он воспринимал как нечто единое. Писатели, начавшие свой путь в конце XIX века, имели общие культурно-национальные корни, и сами, где бы они не жили, обогащали духовную культуру России. Как историк литературы Алексеев был уверен, что к такому восприятию неизбежно придут и другие. Он готовил почву для будущих исследователей. Таким образом, труд библиографа-энтузиаста предварял труд литературоведов».²³ Следует добавить: в эпоху, когда тема эмигрантской литературы находилась под жестким запретом, это был подлинно гражданский поступок. Алексеев стал едва ли не крупнейшим ее знатоком, создав в 1970—1980-х годах две обширные картотеки: русской эмигрантской периодики (журналы и газеты) за 1917—1970 годы и русской эмигрантской книги (1918—1989).

Особой страницей в истории создания «эмигрантской» картотеки стали поездки Алексеева за рубеж. Они были вызваны тем, что очень многие издания, которые необходимо было расписать, отсутствовали в крупнейших библиотеках страны или находились в «спецхранах». В 1970-х годах Алексеев трижды побывал в Праге. И всякий раз возвращался с целым чемоданом... библиографических карточек. Успел ли он полюбоваться красотами чешской столицы — неизвестно.

Алексеев был не только крупнейшим знатоком, но и собирателем эмигрантских изданий. Вот как характеризовал его книжное собрание В. Н. Баскаков, заведующий Отделом библиографии ИРЛИ: «В библиотеке (...) большое количество редких русских книг, в том числе с автографами русских писателей, а также изданных русской эмиграцией. Многие из этих изданий отсутствуют в библиотеках страны».²⁴

Алексеев умер скоропостижно на своей даче под Выборгом 12 сентября 1990 года в возрасте 68 лет. Спустя три года усилиями Муратовой, Баскакова и ряда сотрудников Отдела библиографии была издана книжная часть его эмигрантской картотеки.²⁵ Это издание сразу приобрело репутацию важнейшего справочника по литературе русской эмиграции. С развитием компьютерных технологий появилась возможность создавать электронные версии картотек. В конце 1990-х — начале 2000-х годов были оцифрованы как представляющие первостепенное значение картотеки Б. Л. Модзалевского и А. Д. Алексеева. Электронный вариант последней доступен в локальной сети Пушкинского Дома.

Ныне комплекс картотек Алексеева — крупнейший и наиболее востребованный в составе Справочно-библиографического собрания Рукописного отдела. Он насчитывает 13 картотек, которые отражают все этапы его истинно подвижнической библиографической работы.

Что питало энтузиазм Анатолия Дмитриевича — любовь к библиографии или любовь к литературе? По-видимому, библиография, в силу специфики его исследовательского дарования, была той наиболее органичной формой, в которой он мог запечатлеть глубокое и тонкое знание столь любимой им литературы Серебряного века.

²³ Муратова К. Д. А. Д. Алексеев — библиограф-энтузиаст. С. 4—5.

²⁴ ИРЛИ. Дело фонда Разряда VI. Л. 188.

²⁵ Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940.

На исходе лет, в 1987 году, состоялась, быть может, самая важная встреча в жизни Анатолия Дмитриевича, исполнилось его сокровенное желание. И. В. Одоевцева, вернувшись на берега Невы, охотно принимала гостей в своей квартире на Невском, 13. Встреча с Алексеевым стала для нее, надо полагать, очень памятной. Он пришел с букетом цветов и с объемистой пачкой карточек из своих картотек (библиографией изданий Одоевцевой и рецензий на них как дореволюционного, так и эмигрантского периодов). Она была изумлена и растрогана до слез. Некоторые из своих ранних публикаций поэтесса забыла; ее восхитил и замысел работы, и тщательность ее исполнения. Анатолий Дмитриевич стал читать наизусть. Его память хранила тысячи строк; он мог декламировать часами. Они читали стихи друг другу, подсказывая, вспоминая, дополняя, — участница и свидетельница ушедшей эпохи и исследователь, посвятивший всю свою жизнь ее изучению. Это ли не «момент истины»?

© О. С. МУРАВЬЕВА

В. Э. ВАЦУРО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА

Научному творчеству В. Э. Вацуро присущ определенный парадокс. С одной стороны, особенности мышления и своеобразие литературной манеры ученого плохо совмещались с построением и декларацией теоретических концепций, да и сам склад личности Вацуро заставлял его избегать широких обобщений и фактически не подтвержденных гипотез. С другой стороны, совершенно очевидно, что содержание его работ неизмеримо глубже и значительнее самого безупречного эмпирического исследования. Этому ученому не было свойственно любование знанием ради знания, он стремился знать, чтобы понимать. Необычайно обширные знания, которыми обладал Вацуро, направленные к цели постижения смысла литературных и исторических явлений, позволяли исследователю открывать в изучаемом материале очень важные и очень тонкие аспекты. Однако результаты, выводы из проделанного филологического анализа в работах Вацуро не декларируются, подчас даже не формулируются. Они существуют лишь в имплицитном виде, что и вызывает желание исследователей как-то извлечь их из текстов и осмыслить. В. М. Маркович дал аналитический обзор нескольких таких работ.¹ О. А. Проскурин, У. М. Тодд, М. Л. Майофис² с разных позиций анализировали научное наследие Вацуро на предмет выявления его методологических принципов и историко-литературных концепций. Моя задача гораздо скромнее, мне хотелось бы обратить внимание на более частные положения в работах Вацуро, имеющие, однако, важное теоретическое значение.

Ольга Сергеевна Муравьева — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹ См.: Маркович В. М. В. Э. Вацуро: Материалы для исследования // В. Э. Вацуро. Материалы к биографии. М., 2005. С. 6—18.

² См.: Проскурин О. Две модели литературной эволюции: Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацуро // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 63—77; Тодд У. М. Сквозь умственные плотины // Там же. С. 58—62; Майофис М. «Открытая филология» В. Э. Вацуро // Там же. 2003. № 59. С. 287—306.

Начну с сюжета достаточно очевидного, но заслуживающего, на мой взгляд, отдельного упоминания. При анализе лирического стихотворения едва ли не самая сложная задача — определить, кто этот «я», от лица которого написан текст. Хотя в научно-популярной литературе до сих пор присутствуют простодушные утверждения, что в стихах воплощен образ самого поэта в его житейской ипостаси, филологи давно искали термин для обозначения этого «я». Обычно употребляются выражения «лирический герой» или «лирический субъект», последнее представляется наиболее точным, хотя иногда его трудно использовать по чисто стилистическим причинам. Лирический субъект — субъект почти неуловимый, ведь он живет в пространстве поэтического текста, пограничном пространстве, где сложно переплетены элементы реальности, вымысла и литературной традиции. Вацуро в статье «Лицейское творчество Пушкина» совершенно виртуозно разматывает этот клубок взаимодействий. Он учитывает литературные влияния, власть традиций, нормативные требования и собственные эстетические предпочтения юного поэта. Он показывает, как Пушкин, осваивая разные жанры, осваивает тем самым различные культурно-психологические типы, примеряя на себя образы отшельника-интеллектуала, унылого мечтателя, веселого гедониста, ироничного либертина. В то же время исследователь раскрывает связь этой литературной игры с внутренним миром взрослеющего юноши, с его интеллектуальными запросами и с особенностями его личности. В итоге Вацуро смог описать структуру лирического «я» в ранней поэзии Пушкина, воссоздать начальный этап его поэтической биографии в непосредственной связи с биографией жизненной.³ Совершенно очевидно, что этот метод, вроде бы не претендующий на обобщение, в равной мере плодотворен для всех видов литературоведческих работ: комментария, имманентного анализа, изучения биографии писателя, истории становления жанров и литературных направлений. Вацуро не дает теоретических обоснований своего метода — он его демонстрирует. Он не вооружает нас какими-то беспроектными приемами, инструментами анализа поэтического текста, а просто дает блестящий образец такого анализа, можно сказать, эталон. Подражать ему очень трудно. Для этого желательно обладать теми же знаниями, тем же абсолютным поэтическим слухом, тем же литературным блеском. Но существование таких эталонных работ в принципе поднимает уровень филологической науки и определяет вектор исследовательской мысли. Следуя ему, не обязательно, конечно, достигнешь тех же блестящих результатов, но хотя бы будешь двигаться в правильном направлении.

В книге «Лирика пушкинской поры» Вацуро, словно между делом, в ходе своих рассуждений решает сложную проблему соотношения авторских признаний в художественных текстах и в дневниках и письмах. Очевидным расхождениям и противоречиям между разными источниками, традиционно рождающими многочисленные споры и разногласия, дается лаконичное и очень точное объяснение: субъект лирической поэзии и субъект частного письма или дневника находятся в разных системах этических и эстетических запретов.⁴ Умение определить и сопоставить эти разные системы позволяет исследователю выделить понятие лирического биографизма, имеющее общее теоретическое значение.

Применительно к конкретным текстам этот подход дает возможность правильно расставить акценты в некоторых затянувшихся литературовед-

³ Вацуро В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 417—439.

⁴ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 21.

ческих спорах. Например, исследователей на протяжении многих лет беспокоила психологическая коллизия стихотворения «Под небом голубым страны своей родной». Неприятное равнодушие поэта к известию о смерти некогда любимой женщины заставляло пушкинистов искать ему оправдания. Из них самым убедительным считается то, которое выдвинул еще Щеголев: судя по пометам в рукописи, Пушкин узнал о смерти Ризнич почти одновременно с известием о казни декабристов, и последнее настолько его потрясло, что он не мог в такой момент скорбеть о бедной Амалии.⁵ В книге «Лирика пушкинской поры» Вацуро не останавливается подробно на пушкинской элегии, но ее интерпретация логично следует из его рассуждений. Исследователь указывает на близкую по типу психологическую коллизию, зафиксированную в дневниках и письмах Андрея Тургенева, который совершенно охладел к своему другу Жуковскому, и его самого это приводило в ужас. Вацуро пишет, что нечто подобное скажут Баратынский в «Признании» и Пушкин в элегии «Под небом голубым», но это станет возможным уже в другую эпоху, когда начнут размываться строгие жанровые границы. Тогда элегия, где традиционно допускался анализ лишь позитивного душевного опыта, соотносимого с идеалом добродетельного человека, сможет выразить и более сложные психологические состояния.⁶

Таким образом, проблема, как же мог Пушкин так отреагировать на известие о смерти Ризнич, представляется совершенно надуманной. Во-первых, для молодого влюбчивого поэта, в жизни которого одно увлечение быстро сменяется другим, равнодушие к прежней возлюбленной не удивительно и не предосудительно. Во-вторых, подобные чувства люди испытывали нередко, но не писали об этом в элегиях. Действительно же интересная проблема видится в том, что Пушкин решился сделать такой душевный опыт достоянием литературы, да еще в жанре, казавшемся для него совершенно не подходящим. Лирический субъект пушкинской элегии, как и положено ему, страдает, но причина его страданий, обозначенная с шокирующей откровенностью, совершенно неожиданна. В результате Пушкин дал не первое в русской поэзии (первым было «Признание» Баратынского), но, безусловно, самое известное и самое яркое выражение психологической коллизии, которая будет актуальна для всей последующей литературы. Состояние человека, сознающего, что он испытывает совсем не те чувства, какие должен испытывать (должен согласно традиции, общему мнению, согласно своим собственным представлениям о норме), является предметом анализа и в современной литературе и искусстве.

Так сказанные по конкретному случаю, иногда как будто случайно брошенные мысли и наблюдения Вацуро открывают новые перспективы в изучении конкретных текстов и историко-литературных явлений.

В статье «Роман Клары Риф в русском переводе» (позже вошедшей в монографию о готическом романе) исследователь выбирает, на первый взгляд, совершенно невыигрышную тему: не очень удачный перевод не самого знаменитого романа, выполненный забытым ныне автором. Такая тема, кажется, никак не предполагала значительных научных результатов. Однако Вацуро увидел в этом материале проявление очень интересных закономерностей литературного развития. Анализируя перевод в сопоставлении с подлинником, он демонстрирует, как К. Лукьянович снимает в своем переводе намеки, подтексты, вторые смыслы, существующие в оригинале. Персонажи романа лишаются внутренних противоречий, а атмосфера повество-

⁵ См.: Щеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии Пушкина. М., 1931. С. 267—269.

⁶ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 21—22.

вания — оттенка таинственности и недосказанности. Причина кроется, по мысли исследователя, в инерции просветительского романа, поэтика которого не вмещала все эти особенности произведения Клары Риф. Но парадокс состоит в том, что сам Лукьянович был вовсе не трезвым рационалистом, а мистиком, визионером и духовидцем. Изменения, которым подвергся готический роман в русской интерпретации, объясняются, таким образом, не мировоззрением переводчика, а характером литературной системы, в которой он работал. В монографии о готическом романе, обращаясь к подобному явлению, Вацуро так формулирует проблему: «Модальность повести, создаваемая сюжетом, вступает в сложные отношения с модальностью словесного выражения».⁷ Ученый здесь соединяет в целостном анализе явления, которые в литературоведении чаще всего рассматриваются по отдельности или же увязываются лишь формально: жанровые и стилистические особенности текста, личность автора и литературный контекст эпохи. Причем его анализ раскрывает в соотношении этих явлений не аналогии, которые ищутся чаще всего, а неожиданные, даже парадоксальные расхождения.

Изучая литературную рецепцию готического романа, Вацуро приходит к чрезвычайно существенным выводам относительно такого понятия, как литературный мотив. Он пишет: «Вопреки распространенному мнению, само по себе описание замка не является маркированным готическим мотивом. Чтобы быть таковым, замок должен быть метафорой и нести в себе суггестивное начало».⁸ Таким образом, следует различать маркированный мотив, сохраняющий свою функцию, и просто какой-то сюжетный элемент, используемый в тексте. Это очень серьезный тезис, ибо в литературоведческой практике такие вещи часто не разграничиваются, и мотив, а за ним и сам источник произведения ошибочно определяется по чисто внешним аналогиям и перекличкам. В этой связи Вацуро отмечает еще один парадокс. Когда в России схлынула волна увлечения готическими романами, недавно любимые всеми произведения сделались объектом постоянных насмешек. Но сколько бы ни иронизировали писатели по адресу Анны Радклиф и ее эпигонов, на какие бы пренебрежительные оценки ни скупились, сами они «с почти фатальной неизбежностью», как пишет Вацуро, черпали из осмеянных романов сюжетные коллизии и элементы повествовательной техники.⁹ Снова частное наблюдение исследователя указывает на важнейшую историко-литературную проблему: некоторые закономерности развития художественной литературы, странным образом, не зависят от идеологических и эстетических пристрастий самих писателей.

Вывод о самодовлеющей силе литературной системы, который следует из рассуждений Вацуро, имеет большое значение для изучения любых литературных произведений. Наиболее близкий по времени пример — русская фантастическая повесть 1820-х — начала 1830-х годов. Русские последователи и подражатели немецких романтических писателей, без сомнения, высоко ценили и любили их творчество, но в их собственных сочинениях, написанных под явным влиянием Гофмана или Людвига Тика, совершенно исчезает суть и прелесть оригинала: порыв к запредельному, романтическое томление на грани миров, таинственная, жутковатая, но притягательная атмосфера повествования. Под пером русских авторов, среди которых были и известные писатели, такие как А. Погорельский, М. Н. Загоскин, А. А. Бес-

⁷ Вацуро В. Э. Роман Клары Риф в русском переводе // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2000. С. 368.

⁸ Вацуро В. Э. А. Бестужев-Марлинский. Ливонские повести // Вацуро В. Э. Готический роман в России. С. 360.

⁹ См.: Там же. С. 368.

тужев-Марлинский, двойные мотивировки явлений — проявление двойственной природы мира — выглядят всего лишь разными предположениями, а непостижимая тайна превращается в загадку, имеющую простую отгадку. Только в более поздних произведениях, в «Саламандре» и «Космораме» В. Ф. Одоевского, в «Пиковой даме» А. С. Пушкина, «Штоссе» М. Ю. Лермонтова, а затем уже в повестях И. С. Тургенева и А. К. Толстого русская литература освоит своеобразную технику фантастического. Следуя за Вацуро, мы должны будем поставить вопрос о том, в какой степени это объясняется эстетической и мировоззренческой позицией авторов, а в какой инерцией и развитием собственно литературных, стилистических возможностей художественной прозы.

Вступительные статьи к изданиям отдельных классических произведений чаще всего не претендуют на новые подходы к их изучению. Впрочем, это зависит от автора. В своей вступительной статье к «Повестям Белкина» Вацуро предложил новый подход к решению едва ли не самой главной проблемы, встающей перед исследователями этих произведений. Уже первые читатели и критики обратили внимание на то, что сюжеты «Повестей Белкина» совершенно тривиальны: все они были уже не раз рассказаны и пересказаны в русской и западной беллетристике. Сегодня в научной литературе собран огромный репертуар произведений, с которыми прямо или косвенно соприкасаются пушкинские повести. Исследователи, разумеется, уже не упрекают писателя за отсутствие вымысла, как это делал Ф. В. Булгарин, но, однако, обычно избегают прямо говорить о том, в чем же, в таком случае, состоит новизна и значительность художественного содержания «Повестей Белкина». Цитата из «Романа в письмах» про новые узоры по старой канве, которую обычно приводят в этой связи, не может служить достаточным объяснением.¹⁰ Простая демонстрация новой литературной техники вряд ли могла быть основной целью для писателя такого масштаба. Аналогичные проблемы возникают в связи и с некоторыми другими произведениями Пушкина. Например, в «Капитанской дочке» так много Вальтера Скотта, а в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» так много Монтезя, что выявить то новое, что вносит в их концепции Пушкин, не так просто. Поэтому очень часто собственно пушкинский вклад устанавливается всего лишь по факту, негласно объявляясь тезисом, не нуждающимся в доказательствах. Вацуро вроде бы и не ставит такого вопроса, но дает на него внешне простой, но очень глубокий ответ. Комментируя отрывок из экспозиции повести «Метель» («Мария Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена» и т. д.), исследователь пишет: «Он весь пронизан тонкой иронией, очень сложной по своим функциям и оттенкам. Ни Белкин, ни его собеседница не могут быть носителями этой иронии: они не могут ясно осознавать, что типовой сентиментальный роман, где девица должна быть влюблена, и непременно в бедного офицера, уже создал в самой жизни свои стереотипы поведения и даже стереотипы чувств. Пушкин понимает не только это, но и вещи куда более тонкие: что самые эти стереотипы могут быть предметом иронии лишь до определенной степени, ибо они суть лишь исторически и социально обусловленные формы, в которых протекает подлинная человеческая жизнь».¹¹

¹⁰ «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р* (...) Пусть он по старой канве вышьет новые узоры...» (Пушкин А. С. «Роман в письмах» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 50).

¹¹ Вацуро В. Э. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А. С. Повести Белкина. 1830/1831. М., 1981. С. 34.

Вацуро просто проговаривает эту мысль, никак ее не акцентируя, между тем, она заключает в себе целую концепцию. Филологам хорошо известно, что сюжетов в мировой литературе, в сущности, не так уж много, во всяком случае, число их обозримо. Не удивительно, поскольку все основные сюжеты человеческих судеб, воспроизводимые из поколения в поколение на протяжении столетий, достаточно однообразны и банальны. Банальны и часто мелодраматичны.

Это свойство жизни и литературы (Вацуро тонко указывает, что здесь имеет место процесс взаимовлияния), так же как и в пушкинское время, активно эксплуатирует среднего качества беллетристика, а теперь еще и кино. Оно же дает широкий простор для откровенного пародирования или же для изощренной литературной игры. На этом пути появляются остроумные и талантливые произведения. Но великие художественные произведения рождаются тогда, когда в банальном, кажется, безнадежно опошленном сюжете раскрывается подлинная человеческая драма, переживаемая каждым с той острой болью и отчаянием, какое бывает лишь в первый и в последний раз. Это делает Пушкин в повести «Метель», и на это безошибочно указывает Вацуро.

Я не стремилась выявить наиболее значительные моменты в работах Вацуро, а написала просто о том, что интересно и близко мне самой. Другой человек, наверняка, обратит внимание на другие сюжеты и разовьет их по-своему. Возможно, здесь и кроется суть того парадокса, о котором шла речь в начале. В трудах Вацуро нет теоретически обоснованных и четко сформулированных концепций, но они содержат в себе огромный концептуальный потенциал.

Мне посчастливилось много лет постоянно общаться с Вадимом Эразмовичем. Помимо прочего, это был один из самых интересных собеседников, которые встретились мне в жизни. Не потому, что он много знал, а потому, что он удивительно вел диалог. Как только ты высказывал какую-то мысль, он тут же возвращал ее тебе, но уже углубленную, обогащенную новыми смыслами, вставленную в широкий, иногда неожиданный контекст. Часто он подталкивал собеседника к спору, но это были именно те редкие споры, в которых, в самом деле, рождается истина. Не удивительно, что к Вадиму Эразмовичу всегда стояла очередь из коллег, желающих обсудить с ним свои гипотезы и проекты, услышать его мнение о своих работах. К несчастью, к нашему огромному горю, мы уже давно лишены такой возможности. Но все же нам остались не только воспоминания, но и его работы, в них мы почти всегда можем найти либо уточнение и развитие своих мыслей, либо их опровержение. Так, в некотором смысле, продолжается наш разговор с ним.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© А. Г. Бобров, © А. М. Введенский

ЛЕТОПИСЬ АВРААМКИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ*

1. Рукопись, приобретенная «чародейством»

Полтора века назад в Софийском соборе Полоцка историком-архивистом А. В. Рачинским (1826—1877) был обнаружен рукописный сборник второй половины XV века, получивший в научной традиции название «Летопись Авраамки» (далее — ЛА).

Александр Викторович Рачинский начинал свой путь канцелярским служащим, был прапорщиком во время Крымской войны, вице-консулом в Варне, чиновником в Вильно, а 27 февраля 1865 года он занял место делопроизводителя Комиссии по устройству Виленского Музея древностей.¹ «Эта последняя должность была как нельзя более по душе ему», — утверждает автор статьи в Русском биографическом словаре, оценивающий Рачинского как личность с богатыми природными способностями, «далеко не дюжинную, со своеобразными взглядами и убеждениями».²

Прошло меньше года с начала работы А. В. Рачинского в Виленском Музее, и 16 февраля 1866 года он был командирован сопровождать И. П. Корнилова в поездке по Витебской и Могилевской губерниям для поиска археологических и археографических древностей. Старший коллега Рачинского, известный собиратель рукописных книг, ученый, писатель и государственный деятель Иван Петрович Корнилов (1811—1901) был в 1864—1868 годах попечителем Виленского учебного округа.³ Именно во время этой экспедиции 24 февраля 1866 года в Софийском соборе города Полоцка была обнаружена ЛА. Обстоятельства находки оказались достаточно подробно изложены в описи рукописных книг Виленского Музея древностей: «60. Летописец сборный смоленский Авраамика <sic!> 1495 года. Полотск. Св. Софийского собора протоиереем о. Андреем Юркевичем 24 февраля 1866 года передано в полное распоряжение А. В. Рачинского, командированного генера-

Александр Григорьевич Бобров — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ведущий научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Антон Михайлович Введенский — научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137.

¹ См.: [Б. п.]. Рачинский Александр Викторович // Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. XV [Притвиц — Рейс]. С. 517—518; *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 297—308; *Полехов С. В.* «Колокол Шедибора Волимонтовича» — экспонат Музея древностей при Виленской публичной библиотеке // *Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855—1915). Mokslo straipsnių rinkinys.* Vilnius, 2015. S. 425—427.

² [Б. п.]. Рачинский Александр Викторович. С. 518.

³ В 1867 году А. В. Рачинский вышел в отставку и поселился в Тверской Ниловой пустыни; скончался в 1877-м. Его экспедиционный руководитель И. П. Корнилов прожил долгую жизнь, опубликовал целый ряд научных работ, стал почетным опекуном и членом совета Министерства народного просвещения. Умер он в 1901 году в возрасте 90 лет (Э. В. Корнилов (Иван Петрович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1885. Т. 16: Конкорд — Коялович. С. 304—305; Корнилов (Иван Петрович) // Там же. СПб., 1905. Доп. Т. 1а: Гагаская конференция — Кочубей. С. 951).

лом-адъютантом К. П. Фон-Кауфманом совместно с попечителем Виленского учебного округа И. П. Корниловым для археологических и археографических поисков. О. Андрей получил ее от полковника Андрея Ивановича Крыжановского, ветерана 1792 и 1812 года, умершего в 1855 году, и который, терпя, говаривал, что как книгу эту, так и серебряную посуду с вензелем Наполеона I-го, он приобрел чародейством. Летопись И. П. Корниловым передана в Императорское Археографическое общество, которое предприняло уже издание ее, ассигновав на то пожертвованные 2 т. рубл. сер.»⁴

Из этого известия становится ясно, что И. П. Корнилов и А. В. Рачинский были командированы в экспедицию 1866 года Константином Петровичем фон-Кауфманом (1818—1882), который в 1865—1867 годах был генерал-губернатором Северо-Западного края.⁵ Хотя руководил экспедицией И. П. Корнилов, сам летописный сборник получил именно А. В. Рачинский от протоиерея Софийского собора Андрея Юркевича. О последнем известно, что в 1847—1851 годах он наряду со служением в Софийском соборе управлял также заштатным Полоцким Борисоглебским монастырем.⁶ В свою очередь Андрей Юркевич получил рукопись от полковника Андрея Ивановича Крыжановского (?—1855), ветерана войн 1792 и 1812 годов, позже — командира 25 Егерского полка (1815—1820) и кавалера ордена св. Георгия IV класса (1817).

Наибольший интерес в сведениях об истории рукописи представляет упоминание того факта, что Крыжановский получил ее при помощи некоего волшебства («...говаривал, что <...> книгу эту <...> он приобрел чародейством»). К сожалению, обстоятельства, время и место приобретения ЛА Крыжановским пока что остаются в тени. Можно лишь предположить, что он использовал магические средства воздействия на прежнего владельца (например, заговоры, обрядовые действия, зелья), побудив его против своей воли расстаться с рукописной книгой и серебряной посудой. Вероятно, Крыжановский испытывал в этой связи угрызения совести («терпя»⁷), что и побудило его передать рукопись в Полоцкий Софийский собор (не позже 1855 года).

Исключительное значение содержащихся в сборнике текстов было очевидным, и в том же 1866 году, когда рукопись была обнаружена А. В. Рачинским в Полоцке, она с согласия упомянутого выше попечителя Виленского учебного округа Корнилова была передана в Императорскую Археографическую комиссию для подготовки научного издания.

2. К истории издания и изучения Летописи Авраамки

Подготовка издания летописного сборника заняла без малого четверть века (1866—1889). ЛА⁸ впервые была опубликована в серии «Полное собрание русских летописей» А. Ф. Бычковым и К. Н. Бестужевым-Рюминым.⁹ Выявленный

⁴ Библиотека Вильнюсского университета. Ms F 46—25. Л. 16 об. — 17. Благодарим коллег В. Карпову-Челкене, Р. Цицениене и Г. Бернотаса (Вильнюс) за обнаружение и копирование этого документа.

⁵ В 1865 году при участии К. П. фон-Кауфмана был введен запрет на литовские книги, напечатанные латинским алфавитом, отмененный только в 1904 году.

⁶ См.: *Говорский К.* Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря // Полоцкий летописец. Историко-литературный журнал. 1992. № 1. С. 41; *Борун Е. Н.* Монашеские общины города Полоцка: История, организация управления, характеристика братств в середине XIX — начале XX века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. Исторические науки и археология. 2010. № 1. С. 61.

⁷ Ср.: «Терпя потерпех Господа» (Пс. 39: 2).

⁸ Современный шифр: БАН Литвы. F 22—49.

⁹ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки / [Ред. А. Ф. Бычков, К. Н. Бестужев-Рюмин; указ. сост. А. П. Барсуковым]. СПб., 1889 (Полн. собр. русских летописей, из-

позже отрывок текста «типа Летописи Авраамки» публиковался А. Н. Насоновым.¹⁰

В подробной рецензии И. А. Тихомиров назвал издание ЛА «давно ожидаемым». Предисловие, принадлежащее перу Бестужева-Рюмина, рецензент охарактеризовал как «прекрасное» и «написанное умелой рукою знатока не только летописей, но и вообще древней русской литературы». Особо Тихомиров отметил наличие в издании «обстоятельных указателей»: «новинка весьма полезная», но выразил сожаление, что издан «не весь сборник»: «...конец сборника (436—450 л., приблизительно около 10 печатных столбцов), заключающий в себе литовские летописи, как раз оставлен до того тома, в котором будут помещены все литовские летописи». Тихомиров охарактеризовал состав ЛА, указав, что в ней встречаются неизвестные по другим летописям известия, например, о приезде в Новгород Стефана Пермского (131 стб.) и о задержании в Москве митрополитом Киприаном новгородского архиепископа Иоанна (147 и 148 стб.). По оценке рецензента, «самая главная часть изданного сборника — это конец первого отдела с 1447 по 1469 г.», поскольку «за этот период Летопись Авраамки представляет собою интерес новизны». Автор этого раздела — лицо духовное, возможно, «из клира Св. Софии». В целом рецензент оценил ЛА как «драгоценный памятник русской письменности», «особенно драгоценный для церковной истории Новгорода».¹¹

Внимание исследователей в новонайденной рукописи привлек также фрагмент западнорусской летописи, находящийся в ее заключительной части.¹² Этот текст является древнейшим списком «Летописца великих князей литовских» («Виленский список»), первого по времени создания произведения белорусско-литовской историографии. Лингвистов этот текст сразу заинтересовал как источник по истории языка.¹³

Первые издатели датировали весь Виленский сборник по записи 1495 года смоленского книжника Авраамки, однако исследования последних десятилетий показали, что рукопись состоит из двух разновременных частей. Это было отмечено в 1995 году Н. А. Морозовой, сославшейся на наблюдения коллег: «Впервые на это указывал Б. Клосс; А. Турилов подтвердил его предположение при знакомстве с рукописью *de viso* в октябре 1995 г. и датировал „русскую“ часть последней четвертью XV в.»¹⁴ Она же показала, что вся древнейшая часть рукописи (л. 1—435 об.) датируется по филиграммам еще более ранним временем — концом

данных Археографического комиссияе. Т. 16). Репринтные воспроизведения: 1) Düsseldorf: Brücken-Verlag; Vaduz, 1973 (Slavica reprint; № 67/9); 2) Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки / [Предисл. Б. М. Клосса]. М., 2000 (Полн. собр. русских летописей / [Изд. А. Д. Кошелев]. Т. 16). Далее ссылки на Полное собрание русских летописей приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы или столбца. Рецензии на первое издание см.: Киевская старина. 1890. № 5. С. 391—394 (подпись — П. Г.); Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. № 7. С. 168—171 (автор рецензии — И. М. Тихомиров).

¹⁰ Псковские летописи / Приготовлены к печати А. Н. Насоновым; отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 143—146.

¹¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. № 7. С. 168—171.

¹² Издания: 1) Отрывок краткой литовской летописи, находящейся в летописном сборнике, именуемом Летописью Авраамки / [Текст подг. А. Ф. Бычковым]. СПб., 1893; 2) Западнорусские летописи / [Подг. к изд. под ред. С. Л. Пташицкого, совместно с А. А. Шахматовым]. СПб., 1907. С. 191—204 (Полн. собр. русских летописей, изданных Императорскою Археографическою комиссияе. Т. 17); переиздания: Западнорусские летописи: [репр. воспр. изд. 1907 г.] / [Предисловие Б. М. Клосса]. М., 2008. С. 191—204 (Полн. собр. русских летописей. Т. 17); 3) Летописи Белорусско-литовские / [Сост. и ред. Н. Н. Улащик]. М., 1980. С. 85—90 (Полн. собр. русских летописей. Т. 35).

¹³ Карский Е. Ф. 1) Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Авраамки // Варшавские университетские известия. 1899. № 3. С. 1—44 (отдельный оттиск: Варшава, 1899; перепечатано в книге: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 345—372); 2) Очерки словесности белорусского племени. Т. 3. [Вып. 2]. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921. С. 94—107.

¹⁴ Морозова Н. А. Виленский список «Летописца великих князей литовских» — языковые особенности и состав // Slavistica Vilnensis. Serija «Kalbotyra». 1995. № 45 (2). S. 26.

1460-х — началом 1470-х годов.¹⁵ Исследовательница отмечала: «Парадоксальным является тот факт, что уже более 100 лет кодекс носит имя человека, который в действительности никакого отношения к нему не имеет, поскольку Авраамка переписал не ту часть рукописи, которая традиционно называется „Летописью Авраамки“, а „литовскую“ часть рукописи (...), а также последний, видимо, поврежденный лист предыдущего летописного свода».¹⁶

В связи с установленной датировкой древнейшей части летописного сборника концом 1460-х — началом 1470-х годов было высказано предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 года, перед нами, возможно, не список, а оригинал летописи. Во всяком случае, столь ранняя датировка списка позволяет считать дошедшую до нас рукопись если не самим оригиналом, то его непосредственной копией, очень близкой к нему по времени создания.¹⁷

Суммируя наблюдения исследователей, изучавших летописный сборник, представим в табл. 1 соотношение его состава и сортов использованной бумаги (части 1—5 — новгородские, а часть 6 — смоленская, 1495 год).

Таблица 1

№	Содержание	Филигрань
1	Л. 1—267: ЛА от Адама до 1446 года	«Якорь» (первая половина 1460-х)
2	Л. 268—313: ЛА за 1447—1469 годы	«Голова быка» (1466, 1473)
3	Л. 314—364: Летописный отрывок за 945—988 годы типа Новгородской четвертой летописи	«Голова быка» (1466, 1473) + в конце «Корона» (1464)
4	Л. 365—434: Родословные списки — типа Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода	До л. 387 «Якорь» (первая половина 1460-х), его сменяет «Корона» (1464)
5	Л. 435: «Повесть о тверском епископе Арсени»	«Корона» (1464)
6	Л. 436—450: «Летописец великих князей литовских», 1495 год	«Голова быка» (1493—1503)

Историко-литературное значение ранней, новгородской части ЛА определяется двумя факторами: наличием уникального текста, отражающего новгородский взгляд на события русской истории середины XV века, и весьма редкой для русского летописания почти полной синхронностью создания текста и дошедшей до нас рукописи.

В данной статье основное внимание будет уделено древнейшей части летописного сборника, переписанной в конце 1460-х — начале 1470-х годов, судя по всему, в Новгороде.

3. Источники Летописи Авраамки (до 1309 года)

Источниками ЛА от заголовка «Начало Рустии земли» до конца статьи 1309 года («Того же лѣта поставленъ бысть в Володимерь архиепископъ Новугороду Давыдъ митрополитомъ Петромъ») традиционно признавались Новгородская четвертая летопись (далее — Н4) или текстуально связанный с ней Краткий новгородский летописец (далее — КНЛ), а также Сокращенный свод конца XV века (да-

¹⁵ Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. Кириллические рукописные книги XV—XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakówsko-Wileńskie Studia slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. 1997. Т. 2. С. 75—79.

¹⁶ Морозова Н. А. Виленский список «Летописца великих князей литовских». С. 26.

¹⁷ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 230 (прим. 38).

ле — СС). После 1309 года единственным источником ЛА вплоть до 1446 года становится Новгородская пятая летопись (далее — Н5).¹⁸

КНЛ в свою очередь, помимо ЛА, являлся источником Рогожского летописца (далее — Рог), Летописца епископа Павла (далее — ЛЕП), Новгородской Большаковской летописи и неопубликованного летописного текста из собрания Троице-Сергиевой лавры. Исследования последнего времени показали, что КНЛ не опирается на текст Н4, так как восходящий к нему ЛЕП содержит явно первичные чтения по сравнению с Н4. Одним из источников КНЛ являлся летописный свод, предшествующий созданию ЛЕП, возможно, Свод 1411 года = НК1.¹⁹

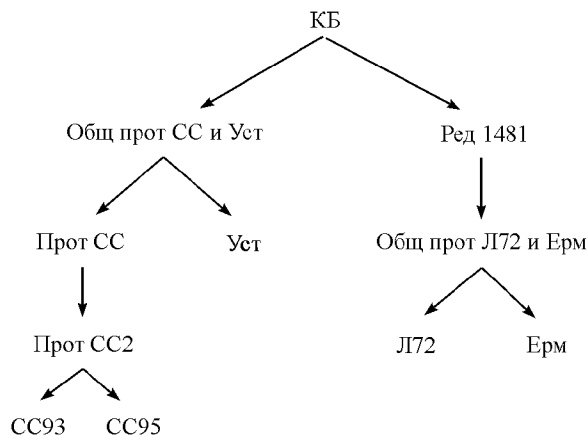
Так как КНЛ отразился в нескольких летописных памятниках, несложно определить, что именно в ЛА восходит к нему, и, отделив данные свидетельства, обратиться к дополнительному источнику ЛА — СС.

Сокращенный свод сохранился в нескольких редакциях, основными из них считаются Сокращенный свод 1493 и 1495 годов (далее — соответственно СС93 и СС95). Упомянув дополнительный источник, Я. С. Лурье, скорее всего, полагал, что составитель ЛА использовал общий протограф этих сводов — СС.

При беглом взгляде на свидетельства, восходящие в ЛА к его дополнительному источнику, создается впечатление, что так оно и было. К примеру сообщения, располагающиеся под 6622/1114, 6625/1117, 6627/1119, 6644/1136, 6646/1138, 6649/1141, 6654/1146, 6655/1147, 6661/1153, 6663/1155 и 6665/1157 (за исключением сообщения о поставлении Аркадия и основании им богородичного монастыря, которое было взято из КНЛ), практически идентичны с СС93 и/или СС95. Однако в некоторых случаях, когда ни в КНЛ, ни в СС нет записей, сохранившихся в ЛА, они обнаруживаются в других близких к СС летописях — Летописи Ермолинской (далее — Ерм) и летописи Устюжской (далее — Уст), а так же восходящему к общему протографу с Ерм — Летописцу о 72-х языках (далее — Л72).

Близость данных летописей постулировал Я. С. Лурье, возводя текст этих памятников к общему протографу — Кирилло-Белозерскому своду 1472 года (далее — КБ).²⁰ В своей монографии о русском летописании он предложил следующую схему взаимоотношений упомянутых летописей (табл. 2).²¹

Таблица 2

¹⁸ Лурье Я. С. Авраамка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 5—6.

¹⁹ Конявская Е. Л. 1) Начальные статьи Краткого новгородского летописца // Вестник славянских культур. 2009. № 4 (14). С. 59—70; 2) Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40—52.

²⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 56.

²¹ Там же. С. 186.

Рассмотрим примеры, которые показывают, как Уст в некоторых случаях сохраняет сходный с ЛА текст, а СС его не содержит. В таблице также укажем чтения Ерм (табл. 3).

Таблица 3

ЛА	СС93	СС95	Ерм	Уст
...у него же и Златая врата устроивъ, и митрополию устави, и церкви многи постави. При семь и Антоний Печерский бысть. В то же время пѣвци три приидоша изъ Царяграда (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 41).	...у него же суть Златая врата, и церковь заложи святыя Софея (ПСРЛ. Т. 27. С. 230).	...и церковь Софиа, и Златыя врата (ПСРЛ. Т. 27. С. 316).	...и святая Софиа и Златыя врата (ПСРЛ. Т. 23. С. 21).	...у него ж сотвори Злата врата, <...> и митрополию устави, и церкви многи постави, и принесен бысть Антоний Печерски. В то ж время приидоша ис Царяграда три краснопевца (ПСРЛ. Т. 37. С. 27).

Под 1037 годом в ЛА находятся данные о благоустройстве Киева князем Ярославом.

В Ерм, СС93 и СС95 дано краткое свидетельство о деятельности Ярослава. Уст и ЛА дают близкий друг к другу текст, с рядом уникальных известий. Правда, два последних сообщения — об Антонии и трех певцах — находятся в Ерм под 6560/1052 годом. В первом из них, более пространным чем в тексте ЛА и Уст, говорится, что в этом году «прииде изъ Святыя Горы Антонии и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополить» (ПСРЛ. Т. 23. С. 22), а далее идет также немного измененный текст о певцах: «пришли три пѣвци изъ Грекъ с роды своими» (ПСРЛ. Т. 23. С. 22).

Следует отметить, что в ЛА читается первичный по отношению к Уст текст. Фраза «При семь Антоний Печерский бысть» искажена в Уст на «принесен бысть». Составитель Уст, вероятно, думал, что речь идет о мощах Антония, который на самом деле в это время был жив.

Данный пример можно было бы посчитать утратой, которая появилась при составлении СС93 и СС95, а в Ерм предполагать независимое происхождение лакуны. Если бы все сводилось к общим чтениям Уст=ЛА, то такую ситуацию можно было бы представить, однако данные Ерм не дают сделать такой вывод. Определенное количество чтений Ерм, находящихся соответствия в ЛА, не имеют аналогов в тексте СС. К примеру, в ЛА под 6616/1108 годом сообщается о пострижении Николая Святоши (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 43). Это свидетельство обнаруживается в Ерм под 6613/1105 годом (ПСРЛ. Т. 23. С. 29). В СС и Уст об этом не упомянуто. Следовательно, надо говорить либо об утрате сообщения независимо в Уст и протографе СС, либо считать, что утрата произошла в общем протографе СС и Уст. На вторую версию наталкивают те чтения вида Ерм=ЛА, которые не находят аналогов в СС и Уст. Например, статья 6643/1135 года рассказывает о разделении земель между Юрием Долгоруким и Ярополком (табл. 4).

Таблица 4

ЛА	СС93=СС95	Ерм
В лѣто 6643. Юрьи Володимирич испроси у брата у Ярополка Переяславль, а Ярополку Суждаль и Ростовъ (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44).	В лѣто [6]643. Князь Юрьи Володимирич испроси у Ярополка Перѣяславль (ПСРЛ. Т. 27. С. 233).	В лѣто 6643. Юрьи Володимирич испроси у брата Ярополка Переяславль Русский, а ему дасть Суздаль и Ростовъ (ПСРЛ. Т. 23. С. 30).

В обоих списках СС опущены слова о Суздале и Ростове, а в Уст данного сообщения нет вовсе, что свидетельствует о том, что это чтение было сокращено еще на этапе общего для СС и Уст протографа, а не в протографе СС. В обратном случае, нам надо будет считать, что у нас была независимая утрата в Уст и протографе СС.

Приведем еще несколько примеров типа Ерм=ЛА при отличающихся чтениях в СС и Уст.

Под 6712/1204 годом в ЛА и Ерм сообщается о разрушении церкви в Ростове (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47; ПСРЛ. Т. 23. С. 60) — в СС и Уст сообщения нет. Такая же ситуация с сообщением о рождении князя Василия под 6739/1231 годом. Правда, в Ерм указан день — 24 июля, а в ЛА эта подробность отсутствует (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 50; ПСРЛ. Т. 23. С. 73).

Еще более убедительными в этом отношении становятся такие летописные сведения, когда в одной летописной статье мы обнаруживаем попеременно сходства между разными летописями и ЛА. Рассмотрим, к примеру, рассказ об убиении Андрея Боголюбского (табл. 5).

Таблица 5

ЛА	СС93	Ерм	Уст
В лѣто 6683. Убиень бысть князь великий Андрѣй Боголюбскый, въ Володимерѣ, сынъ Юрьевъ, а внукъ Володимеръ, Июня 29 , на память святыхъ апостоль Петра и Павла, а убиць баше 20: Петръ Кучковъ зять, Ясынъ ключникъ, Якимъ Кучковичъ, Анбалъ (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 46).	В лѣто 683. Убиень бысть великий князь Андреи Боголюбскыи от своих бояр от Кучковичев, на память святыхъ апостоль Петра и Павла (ПСРЛ. Т. 27. С. 233).	Того же лѣта убьень бысть князь Андрѣи Юревичъ, а убици его: Акимъ Кучковитинъ, и Петръ зять Кучковъ, Анбла Асинъ ключникъ, и Офрѣмъ Изовичъ, всѣхъ же бѣ убиць 20 (ПСРЛ. Т. 23. С. 49).	Лета 6683-го. Убиень бысть князь великий Андреи Юрьевичъ Боголюбский, в Володимере , от своих бояр Кучковичев месяца июня в 29 день , на память святыхъ апостол Петра и Павла (ПСРЛ. Т. 37. С. 28).

На то, что событие произошло «въ Володимерѣ» и «июня 29», указывают только в Уст и ЛА, в то время как перечисление убийц сохранилось только в Ерм и ЛА. Совершенно очевидно, что в протографе СС было опущено упоминание города и дня смерти князя. Скорее всего, имена убийц уже отсутствовали в общем для СС и Уст протографе. Следовательно, текст, близкий к ЛА, следует возводить к общему для всех этих летописей протографу, где были имена убийц, а также читались все другие утраты СС и Уст.

Подобная ситуация встречается и в статье 6477/969 года о возмужании Святослава Игоревича, которая как бы «составлена» из чтений трех летописей — СС, Ерм, Уст (табл. 6).

Таблица 6

ЛА	СС93=СС95	Ерм	Уст
А князю Святославу Игоревичю тогда възмужавшуся, нача вои съвокупляти многы и храбры, и легко скача яко пардусы. А возовъ по себѣ не вожаше, ни котловъ,	В лѣто 6472. Князю Святославу възрастшу, и нача и вои съвокупляти. Бе же лѣгок вельми и храбръ, воины многы творяше, воз же по сѣбе не вожаше, ни котла, ни	В лѣто 472. Князь велики Святославъ Игоревъчъ взмужа и нача вои совокупляти многи храбры. Бѣ же и самъ храбръ и легкъ велми, и творяше воины многи. Возъ	В лето 6472. Князю Святославу возмужавшу, начав вои совокуплятися многи храбры. Сам же легко скачаше, и воины сотворя, возов по себе не вожаше, ни мяса в котлех

Таблица 6 (продолжение)

ЛА	СС93=СС95	Ерм	Уст
ни мясь варяше, но потонку на углехъ пекуще ядыше, а пища не требоваше, ни постеля, но на войлуцъ спя, а сѣдло себѣ в головы полагаше (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 37).	мяса варяше, ни шатра имѣаше, ни постели, но на воилоце спаше, а под главою седло; аще ли коли ядыше, то по тонку мяс изрѣзавъ, на углех печаше (ПСРЛ. Т. 27. С. 188).	по себѣ не возяше, ни шатра, ни котла, мясь бо не варяше, но потонку изрѣзавъ, на углехъ исьпекъ, ядыше. Постели драгия не стлаше, на воилоцѣ спаше, а сѣдло в головы покладаше, съкакаше же яко пардусъ, со многию легостию (ПСРЛ. Т. 23. С. 7).	не воряше, и пици многи не требоваше, ни постеля мяхки, но на воилоце спаше, а седло в головы кладяше, а мяса на режне испяк ядыща такоко же и вои его (ПСРЛ. Т. 37. С. 20).

Как можно заметить, текст Ерм ближе к ЛА, нежели фрагмент СС. В Ерм и ЛА, в отличие от СС, читаются: отчество Святослава; *взмужа* вместо *възрастишу*; слова *многи храбры*; сравнение Святослава с пардусом, которое, правда, обнаруживается в Ерм в другом месте той же годовой статьи. В СС свидетельством о способе приготовления мяса Святославом располагается в конце фрагмента, а в Ерм и ЛА оно предшествует словам о том, как ночевал русский князь. Однако некоторые особенности текста СС — формулировка *ни мяса варяше*; неразвернутое сообщение о постели князя (в Ерм — *постели драгия не стлаше*) сближают СС с ЛА. Очевидно, что текст, который читается в ЛА, наиболее полно отражает общий протограф. Расположение сравнения Святослава с пардусом (после сообщения о сборе войска) первично, так как оно читается в этом месте как в Н1, так и во всех списках Повести временных лет, НК1, Н4 и Софийской первой летописи. В Ерм оно было переставлено, а в СС и Уст просто элиминировано, что еще раз говорит о его наличии в исходном месте в КБ. В общем протографе СС и Уст его уже, судя по всему, не было.

Можно было бы возразить, предположив, что составитель ЛА пользовался Н5, которая была одним из его источников. Однако этому мешает замена причастия *ходя*, читающаяся во всех новгородско-софийских летописях, в том числе и в Н5 (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. С. 41). Оно было заменено в общем протографе на *скоча* и поэтому отразилось, помимо ЛА, также в Ерм и Уст. Уникальные для ЛА и Уст слова *пици не требоваше* также свидетельствуют о наличии общего для них источника. Это чтение отразилось в общем протографе Уст и СС, а составитель протографа СС его убрал.

Сходная ситуация обнаруживается и в знаменитом рассказе о наложницах князя Владимира (табл. 7).

Рассказ о женах и сыновьях Владимира следует сразу за сообщением о присутствии Владимира в Киеве только в ЛА и СС95. Количество жен и сыновей князя отмечено только в ЛА и Ерм. Также только в этих летописях сразу после указания на численность жен и сыновей идет сообщение о количестве наложниц, в СС же оно расположено после упоминания имен всех жен. Сравнение Владимира с Соломоном есть в СС93 и Уст, что сближает их с текстом ЛА. Наличие в Уст, СС93 и ЛА этого сообщения о Соломоне свидетельствует о том, что оно находилось в общем протографе СС и Уст. Свидетельство о количестве жен и сыновей в Ерм и ЛА говорит о том, что оно находилось в КБ, но в общий протограф СС и Уст не попало.

Приведенные данные подтверждают, что, несмотря на то, что ЛА имеет множество сходных чтений с СС95 и СС93, это не следует объяснять влиянием какого-либо из сокращенных сводов или протографа СС на текст ЛА. Аналогичные трудности возникают и при постулировании влияния на ЛА общего протографа Уст и СС в связи с достаточным количеством общих чтений ЛА и Ерм. Сходство

Таблица 7

ЛА	СС93	СС95	Ерм	Уст
<p>...и посемь сѣде Владимерь Святославичь въ Киевѣ, влада всею землею Рускою.</p> <p>Бысть ему 5 женъ и сыновъ 12,</p> <p>а наложницъ у него 300 въ Вышегородѣ, а 300 в Бѣльгородѣ, а на Берестовѣ множество. Сий же Владимиръ, якоже и Соломонъ бысть; Соломонъ бо имѣа женъ 700, а наложницъ 300 у него, мудръ же бѣ, и накоонецъ погыбе, а святой же Владимиръ на конци благодать изобрѣте и вельми заблуждышая люди силою крестною просвѣти (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 37—38).</p>	<p>И бѣ Володимер побѣженъ похотию женскою.</p> <p>Бѣ же у него жена Рогнѣда, от нея же роди четыре сыны, Изяслава, Ярослав, Мьстислава, Всеволода, и двѣ дщери, а от грекыни Святополка, а от чяхини Вышеслава, а от другыя Святослава и Мьстислава, а от блъгарыни Бориса и Глѣба, а одинацаты Судиславъ, другоначатыи Позвиздъ. А опрѣчь тѣхъ женъ, наложницъ бѣ у него 300 въ Вышегороде, 300 в Бѣльгороде, а на Бѣрестовѣ 200. И бѣ несѣтъ блуда, приводя к себѣ жены мужескыя и дѣвица растляя, бѣ бо женолюбець яко же и Соломонъ: бѣ бо рече <у> Соломона 70 женъ, а наложницъ 300. Соломонъ же бѣ мудръ, а на конецъ погыбѣ, съи же бѣ невѣглас, и на конецъ обрѣте спасение (ПСРЛ. Т. 27. С. 195).</p>	<p>И сѣде Володимеръ въ Киевѣ, а Добрыню посади въ Новѣгородѣ. Володимер же бѣ побѣженъ похотию женскою.</p> <p>Бѣ же у него жена Рогнѣда, от нея же роди Изяслава, Ярослав, Мьстислава, Всеволода и двѣ дщери, а от грекыни Святополка, от чехыни Вышеслава, а от другыя Святослава, Станислава, а от болгарыни Бориса и Глѣба, а одинацатыи Судиславъ, другоначатыи Позвиздъ.</p> <p>А опрѣчь тѣхъ женъ, наложницъ бѣ у него 300 въ Вышегородѣ, 300 в Бѣльгородѣ, 200 на Берестовом в селци (ПСРЛ. Т. 27. С. 313).</p>	<p>Бѣяше же у Владимера отъ 4-хъ женъ 12 сыновъ,</p> <p>а наложницъ 300 на Бѣрестовомъ, 300 в Вышегородѣ, 300 в Бѣльградѣ; и еще не сѣтъ бѣ блудомъ приводя к себѣ мужеския жены, и дѣвици разтлѣвая. <далее перечисляются жены и сыновья. — А. Б., А. В.> (ПСРЛ. Т. 23. С. 13).</p>	<p>Владимер же побежен похотию женскою. И быша ему жены вводимыя: 1. Рогнедь, от нея же роди 4 сыны — Изяслава, Мстислава, Всеволода, Ярополка, дщерь Переславыю, а от грекыни от ростриги окаянаго Святополка, а от чехини Вышеслава, а от болгарянины Борис и Глеб,</p> <p>а от иныя 4 — Святослава, Стенислава, Судислава, Позвизда. А наложницъ бе у него 300, в Бѣльгороде 200. И бе не сѣтъ блудомъ, и привожаше к себе жены мужеския и девицы росли.</p> <p>Яко же у Саломана женяше семьсот, а наложницъ 300, мудр же бысть, наконецъ, погыбе, сеи же невѣглас, наконецъ, обрете спасение (ПСРЛ. Т. 37. С. 23—24).</p>

Таблица 8

ЛА	Н5	СС93	СС95	Ерм	Уст
<p>В лето 6580. Совокупишася три брата: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ Ярославичи</p> <p>и принесоша мощи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба в новую церковь, юже бѣ Изяславъ создалъ, и положени быша мѣсяца Маия въ 2 (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 42).</p>	<p>В лето 6580. <...> Совокупишася князи, три брата: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ с митрополитомъ Георгиемъ, и съ епископомъ Петромъ Переяславскимъ и с Михаиломъ Юрьевскимъ,</p> <p>принесоша святою мученику Бориса и Глѣба из Вышегорода в новую церковь, юже здѣла Изяславъ, мѣсяца Мая въ 2 день (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. С. 134).</p>	<p>В лето 580. Принесение бысть святых мученикъ Бориса и Глѣба, в новую церковь, при князи Изяславѣ и братии его, и при митрополите Георгии (ПСРЛ. Т. 27. С. 232).</p>	<p>В лето 580. Принесение бысть святых мученикъ Бориса и Глѣба в новую церковь, при князи Изяславѣ и братии его, и при митрополите Георгии (ПСРЛ. Т. 27. С. 318).</p>	<p>В лето 580. Принесоша мощи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба в новую церковь, при митрополите Георгии (ПСРЛ. Т. 23. С. 24).</p>	<p>В лето 6568. Принесоша мощи святых мученик Бориса и Глеба в Вышегород (ПСРЛ. Т. 37. С. 28).</p>

ЛА с другими летописями (Ерм, Уст, СС93, СС95) объясняется тем, что в некоторых случаях ЛА отражает лучше других близких к ней летописей один и тот же протограф. На данном этапе развития знаний о русском летописании можно предположительно говорить о КБ как об общем протографе ЛА, Ерм, Уст и СС. Правда, возможно, этот общий протограф следует датировать концом 1460-х годов, а не началом 70-х.

Использование созданной в середине XV века Н5, основного (для отрезка 1309—1446 годов) источника ЛА, прослеживается и в начальной части летописи. Приведем только один пример.

Так, например, под 6580/1072 годом в ЛА читается текст о перенесении мощей Бориса и Глеба. В КНЛ этот текст не фиксируется (наличие краткого текста об этом событии в Рог связано с дополнительным источником этой летописи). Приведем текст по интересующим нас спискам (табл. 8).

Из таблицы видно, что при составлении статьи 1072 года составитель ЛА использовал Н5.

Таким образом, можно говорить о следующих основных источниках текста ЛА в части до 1309 года: общий протограф целой группы летописей, предположительно определяемый как Кирилло-Белозерский свод 1472 года, Краткий новгородский летописец и эпизодично Новгородская пятая летопись.²²

4. Летописец Евфимия II (1447—1457)

Как отмечалось выше, с конца статьи 1309 года вплоть до известия 1446 года о дороговизне ржи в Новгороде ЛА близка Н5. В этой части текст ЛА может рассматриваться как один из списков Н5. Поскольку текст последней завершается известием о дороговизне ржи, А. А. Шахматов предположил, что далее создатель ЛА вновь «приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи» вплоть до известия 1447 года «о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине».²³

Весь дальнейший текст ЛА от известия о закладке церкви Богоявления (6955/1447) до пожара на Щеркове улице (6977/1469) не находит соответствия в других памятниках²⁴ и содержит единственную полную версию официального новгородского летописания почти за четверть века.²⁵ Эта последняя часть текста ЛА за 1447—1469 годы, безусловно, создавалась накануне падения новгородской независимости в кругах, близких двум новгородским архиепископам — Евфимию II Вяжищскому и Ионе Отенскому. Для нее характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание «только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка».²⁶

Сам летописный текст за 1447—1469 годы при ближайшем рассмотрении оказывается неоднородным, в нем обнаруживаются важные различия между двумя частями. Первая часть охватывает 1447—1457, а вторая — 1458—1469 годы. Для понимания особенностей владычной летописи, дошедшей до нас в составе ЛА, существенное значение имеет анализ использования в ее тексте точных дат.²⁷ Если за

²² У ЛА есть и четвертый источник — некая центрально-русская летопись (общий источник ЛА и Рог).

²³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 239.

²⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—224.

²⁵ В сокращенном виде этот текст был впоследствии использован при создании протографа Строевского и Синодального списков Новгородской четвертой летописи, доводящих повествование до 1476 года (см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 231—232).

²⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. С. 239.

²⁷ Всего в ЛА на протяжении 611 лет упомянуто 292 точных даты (в среднем — 0,48 точной даты за год), в том числе за 1447—1469 годы — 96 точных дат за 23 года (4,17 точной даты

период 1447—1457 годов мы имеем всего 20 точных дат (в среднем 1,8 точной даты за год), причем более половины из них обнаруживается в составе одного рассказа о походе Василия Темного на Новгородскую республику в январе—феврале 1456 года, то последние годы (1458—1469) наполнены точными календарными указаниями: встречается 76 таких дат за 12 лет (т. е. в среднем по 6,3 точной даты за год).

Особенно важно, что во второй части владычного летописца (на фоне его первой части за период 1447—1457 годов) заметно изменяется не только количество, но и характер употребления точных дат. В известиях за 1447—1457 годы почти всегда отмечались дни недели, в которые происходили описываемые события, а в тексте за 1458—1469 годы это делалось существенно реже, да и то, главным образом, отмечалась приуроченность событий к воскресному дню. Если в первой части преимущественно употреблялась датировка по подвижным праздникам и значительно реже — по неподвижным, то во второй, наоборот, редко упоминались подвижные праздники и значительно чаще — неподвижные, т. е. в ЛА за 1447—1457 годы использовалась преимущественно датировка по лунному календарю, а в части за 1458—1469 годы — по солнечному. Уточнение времени описываемых событий в первой части производилось исключительно описательно (*порану, по обеде, на ночь*) и никогда не упоминался «час», а во второй части наряду с традиционным способом (*ночь, полуночь, время литургии*) неоднократно используются достаточно редкие в летописании указания на точный час происходивших событий.

Граница между двумя вариантами количественных и качественных характеристик упоминания точных дат находит соответствие в смене новгородских архиепископов в 1458 году: 10 марта умер Евфимий II, а 19 марта был избран его преемник Иона. Это наблюдение приводит нас к выводу, что дошедший до нас уникальный фрагмент владычного летописания за 1447—1469 годы создавался по меньшей мере двумя авторами, один из которых работал при владычестве архиепископа Евфимия II (ему принадлежит текст до конца годовой статьи 6965/1457 года), а второй — с 6866/1458 года до конца текста — при архиепископе Ионе. Одно из них в дальнейшем мы будем называть «летописец Евфимия II»,²⁸ а другого — «летописец Ионы».²⁹

Первый (владычный летописец 1447—1457 годов) неоднократно подчеркивает роль в описываемых событиях архиепископа Евфимия II. Он упоминается на протяжении сравнительно небольшого текста семнадцать раз.³⁰ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что точные даты событий, связанных с владыкой, летописцем Евфимия II почти никогда не приводятся, а подавляющее большинство точных дат он дает при описании не церковных, а «мирских» политических событий — военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде.³¹

за год). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // *Летописи и хроники: Новые исследования.* 2008 / Ред. О. Л. Новикова. М.; СПб., 2008. С. 124—151.

²⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—197.

²⁹ Там же. Стб. 197—224.

³⁰ Евфимий закладывает каменную церковь Богоявления (6955) и каменные укрепления города Яма (6956); посол Дмитрия Шемяки направляется «къ архиепископу владыце Еуфимию и въ Новъгородъ», и владыка принимает жену и сына князя (6957); он укрепляет новгородский Детинец и строит «часозвонъ» (6958); ставит «чашницу камену и молодецкую» (6959) и возобновляет их после падения (6960); велит рушить каменную церковь Иоанна Предтечи на Торгу, а после восстановления освящает ее (6961); велит расписать ту же церковь и построить деревянную церковь Алексея человека Божия (6963); едет на мирные переговоры с великим князем и заключает с ним мир, принимает в Новгороде его сына Юрия и велит отлить для Софийского собора два колокола (6964); его повелением строится каменная церковь Иоанна Богослова в Вяжишском монастыре и деревянная церковь Иоанна Златоуста в Лисицком монастыре (6965) (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—197).

³¹ Из 20 точных дат 17 (85 %) напрямую относятся к событиям такого рода: приход войска новгородцев с князем Александром к р. Нарове, сражение с «немцами» на р. Нарове, возвраще-

Летописец Евфимия проявляет детальное знание юрьевской топографии и времени начала пожара в монастыре: «Тои весны погорѣ Юрьевъ манастырь весь, отъ Спаса да отъ съней отъ домовныхъ къ Рожеству Христову по ручей; а загорѣся на-завтрѣ Радуничь, в среду на ночь».³² Кроме того он указывает место захоронения («у святого Георгия въ притвори») и точную дату похорон в Юрьевом монастыре княгини Марии, жены князя Александра Чарторыйского, дочери Шемяки («в пятюкъ на Федоровъ недѣли», т. е. 13 февраля 1456 года), при этом удивительным образом не упоминает ни места, ни времени, ни обстоятельства ее смерти. Из этих примеров следует, что летописец Евфимия описывал современные события, глядя на них из Юрьева монастыря. В этом нет ничего удивительного, поскольку эта обитель славилась своими книжными древностями, и еще в XIV веке здесь дополнялся список владычной летописи.³³ К тому же Н5, непосредственный источник ЛА, создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в соседнем Пантелеймоновом монастыре, тесно связанном с Юрьевым монастырем.³⁴

Летописец Евфимия описывал события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом (при этом точные даты он проставлял даже чаще при описании последних). Такое необычное соединение двух летописных традиций оказалось возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде семьи и двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Вопреки большому числу известий московских великокняжеских сводов летописец Евфимия на всем протяжении текста последовательно именует Дмитрия Шемяку «великим князем», а его жену Софию — «великой княгиней». Нумизматические свидетельства подтверждают, что Шемяка действительно назывался великим князем с середины 1430-х годов (именно к этому времени Я. С. Лурье относит так называемые «двуименные» монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 годом оба они были названы в летописи «великими князьями», исследователь приходит к выводу, что между 1436 и 1445 годами на Руси было своего рода «двоевластие».³⁵

Когда во время феодальной войны Дмитрий Юрьевич искал для своей семьи безопасное место, он, как мы узнаем из летописи Евфимия, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгню и сына Ивана».³⁶ В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великий Новъгородъ прияша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь, а самъ князь великий Дмитрии Юрьевичъ, въ Великомъ Новъгородѣ не бывъ, пошедъ Галицю».³⁷ Как сообщает летописец Евфимия, 2 апреля 1449 года великий князь Дмитрий Юрьевич «челова крестъ» Великому Новгороду, а новгородцы — великому князю.

Хорошо осведомленный летописец Евфимия ничего не говорит об отравлении Шемяки в 1453 году («преставися князь великий Дмитрии Юрьевичъ»), но далее в ЛА встречается другой текст, позволяющий думать, что о грехе заказчика убийст-

ние войска с р. Наровы — 6955 год; приезд в Новгород князя Дмитрия Шемяки — 6957; отъезд его из Новгорода — 6959; смерть князя Дмитрия Шемяки — 6961; выход в поход князя Василия Темного на Новгород, взятие Русы, выход новгородцев на войну из города, сражение при Русе, взятие Василием Темным Молволиц, побег из Новгорода вдовы Шемяки княгини Софьи, погребение княгини Марьи (дочери княгини Софьи), отъезд владыки Евфимия на переговоры с великим князем, приход войска псковичей на помощь Новгороду, возвращение владыки Евфимия с миром, приезд в Новгород князя Юрия Васильевича — 6964 год.

³² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193. Для 1451 года точной датой будет 28 апреля.

³³ См.: Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 15—23.

³⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 220—222.

³⁵ Лурье Я. С. Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1986. С. 84—88.

³⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

³⁷ Там же. См. также: Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 122.

ва Василия Темного и об отношении к нему духовников было известно его преемнику — летописцу Ионы (см. об этом ниже). Летописец Евфимия включил в состав своего сочинения обширную Повесть о походе Василия Васильевича на Новгород в 1456 году. Автор рассказа о событиях января—февраля 1456 года последователен в изложении календарной информации: почти всегда он использует указание на подвижные праздники, зависящие от Пасхи, но не упоминает месяц и число. Он ни разу не сослался на неподвижный праздник (день памяти святого), зато во всех точных датах зафиксировал день недели. Схожую манеру указания точных дат мы видим на всем протяжении фрагмента 1447—1457 годов, следовательно, эта повесть также принадлежит перу летописца Евфимия.

Завершает летопись Евфимия известие о строительстве в Лисицком монастыре деревянной церкви Иоанна Златоуста. Оно как бы предваряет известный нам по Житию Евфимия Новгородского последний эпизод земной жизни святителя: именно в эту обитель отправился он умирать, туда же стекались толпы новгородцев, чтобы проститься со своим пастырем: «*Вси путие, иже к тому монастырю ведуции, речным быстринам подобяхуся; вси скорбаху и вси тужаху...*»³⁸

Таким образом, текст владычного новгородского летописания за 1447—1457 годы принадлежит перу книжника, трудившегося при архиепископе Евфимии II, судя по всему, в Юрьевом монастыре. Он предпочитал указывать дни недели, в которые происходили описываемые события, и использовал их датировку не по солнечному, а по лунному календарю; большинство точных дат он приводил при изложении «мирских» политических событий. Летописец Евфимия в равной степени описывал события связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом, создавая тем самым своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Хотя имеются веские основания утверждать, что летопись велась в стенах Юрьева монастыря, вовсе не обязательно причислять ее автора к черному духовенству. Он мог быть иноком, но мог быть и дьяком великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки или архиепископа Евфимия II; можно предположить и совместное ведение летописи владычным и княжеским книжниками.

5. Летописец Ионы (1458—1469)

Совершенно иной характер имеет дальнейший текст летописи. После окончания текста, созданного летописцем Евфимии II, следующее известие ЛА открывает новую статью 6966/1458 года: «*Преставися преосвященный архиепископ Велико-Новагорода и Пскова владыка Еуфимии, мѣсяца Марта въ 10, 2 часа ноци, на память святого отца Софония архиепископа Ерусалимьскаго <...> Мнимъ его свята...*»³⁹ Все хронологические признаки этого известия (указания на день, месяц и час события, на неподвижный праздник памяти святого, отсутствие указания на день недели и на подвижный праздник) говорят о том, что его автором является уже не летописец Евфимия, а его преемник — летописец Ионы. Его текст охватывает хронологический период в 12 лет (6966/1458—6977/1469) и занимает в рукописи ЛА лл. 276—313 об.⁴⁰

³⁸ Повесть о Евфимии // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Куселевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21.

³⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 197.

⁴⁰ Там же. Стб. 198—223. Описывая кровавые казни в Великий пост 6970/1462 года, летописец Ионы говорит: «...не постави грѣха сего князю великому Василью Васильевичю, таковая съдѣявша, что и отцемъ духовнымъ не велѣлъ приступити к нимъ» (Там же. Стб. 208), т. е. предлагает не считать грехом Василию Темному следующие действия против «друголюбныхъ съвѣтниковъ» заточенного князя Василия Ярославича, совершенные «княжимъ вельниемъ, а злаго диавола научениемъ»: «иныхъ извъшаху, а иного коньми растерающе немилостивно, а ины оружиемъ прободоша, иному руцѣ и носѣ отсѣкоша, а иныя въ водѣ истопиша, и многы

С литературной точки зрения летопись за 1458—1469 годы является незаурядным произведением. Летописец Ионы охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес»: нанизывание эпитетов, троекратные повторы, эмоциональные восклицания («той день благъ, и свѣтель и радостенъ», л. 277; «възвеселишася о немъ мужи, и жены и дѣтища», л. 278 об.; «мужи, и жены и дѣтища», л. 279 об.; «мужи и женъ и дѣтища», л. 286; «святителя честна, смирена, благоумна», л. 278 об.; «мужа честна, проста и тиха», л. 289 об.; «не высокомыслити, ни ражъжизитися гнѣвомъ, ни льстивыхъ слуша-ти», л. 300; «бысть дни снѣжны, бурны, студены», л. 300; «бысть бурно, и снѣгъ и мразъ», л. 303; «и милость обретше, и радости исполнишася, и разыдошася каждо восвоаси», л. 308 об.; «маль въкъ, кратко время!», л. 310). Необычными для жанра летописи являются проявления летописцем Ионы личного отношения и авторской позиции, отсылки к источникам: «мнимъ его свята» (о владыке Евфимии П. — А. Б., А. В.), л. 276; «въ книзѣ въ чудесѣхъ написашася», л. 281; «князь желѣнный нашего добра», л. 283; «наша братиа мнимая» (о псковичах. — А. Б., А. В.), л. 283 об.; «не устоиша в томъ крестномъ челованьи не въмъ кто, Пскововици ли или Нѣмьць», л. 307; «по Пскововскому невидѣнию и неразумию и по худому ихъ величанию, якоже азъ писечъ многогрѣшний всихъ людей», л. 310. Текст имеет завершенный характер, в последней фразе автор подытоживает описанные им исторические события: «...якоже милость Божия тако и наказъ, а умножаи не умножи, а малаго не умали» (л. 313 об.). Не вызывает сомнения тот факт, что автор заключительного новгородского текста ЛА до 1469 года был официальным владычным летописцем, весьма искушенным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями и обширными цитатами из священных текстов.

В 2001 году одним из авторов данной статьи было предложено обратить особое внимание на неоднородность заключительной части ЛА, поскольку начиная с 1458 года текст «становится более литературно отделанным, в нем появляется значительно больше точных дат», и задуматься «о возможном участии в его создании Пахомия Серба, вернувшегося в Новгород в 1458 году и служившего своим пером архиепископу Ионе». ⁴¹ Анализ упоминаний монастырей в заключительной части ЛА подтверждает мысль о тождестве летописца Ионы и Пахомия Серба. Для летописца Ионы характерен особый интерес к двум находившимся неподалеку друг от друга монастырям — Хутынскому Спасо-Преображенскому и Николо-Островскому. ⁴² Если Хутынский монастырь и его основатель преподобный Варлаам часто упоминаются летописцем в первой половине повествования, то события в Николо-Островской обители привлекают его внимание начиная со второй части произведения.

Говоря о благополучном возвращении в Новгород из Москвы владыки Ионы в 6967/1459 году, летописец замечает: «...преподобнаго Варлама молитвою». ⁴³ Далее в статье 6968/1460 года находится текст Чуда Варлаама Хутынского об умершем отроке. ⁴⁴ Из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка повелел именно Пахомию Сербу «въсписати чудо сие преподобнаго Варлама». ⁴⁵ Согласно

муки приемлюще, бесчисленныя язвы...» Но все это, по мнению летописца, можно не считать грехом по сравнению с чем-то иным, что совершил Василий Темный, причем этот неназванный грех князя даже не мог быть снят духовными отцами. Скорее всего, летописец Ионы имеет здесь в виду отравление великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки.

⁴¹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 233. С этим предположением согласилась Т. Ю. Фомина: Фомина Т. Ю. Изучение новгородского летописания в отечественной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 16—17.

⁴² См. карту: Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики. С. 10 (№ 38 и № 56).

⁴³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 199.

⁴⁴ Там же. Стб. 200—201.

⁴⁵ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 31.

Л. А. Дмитриеву, Пахомий в 1470-х годах, перерабатывая собственную более раннюю редакцию Жития Варлаама Хутынского, включил в нее дополнительные чудеса, в том числе и Чудо об умершем отроке.⁴⁶ К специфическим хутынским известиям следует относить также характеристику под 6969/1461 годом архимандрита этой обители Германа как «мужа честна и блага».⁴⁷ Наконец, в статье 6970/1462 года описание пожара в Хутынском монастыре показывает прекрасное знание летописцем точных обстоятельств этого события («Июня в 8 <...> възгорься огонь у гроба святого Варлаама отъ свѣщи <...> всяку ютварь, злато, и сребро, и камень, и жемъчюгъ и паволока, и жезль святого Варлаама, и свѣщи, и все драгое, вся огнемъ съжъже...»⁴⁸).

Если 8 июня 1462 года летописец Ионы еще находился в Хутынском монастыре, то 1 апреля 1464 года он, судя по всему, уже был очевидцем чуда в соседнем Николо-Островском монастыре, который достоверно фиксируется как летописью, так и актовым материалом только начиная с 60-х годов XV века, сразу выступая в качестве заметного книжного центра.⁴⁹ Автору летописи известна такая подробность, что явления Николая Мирликийского давно болеющему Николо-Островскому старцу Акинфу («в тяжцѣ болезни издавна вѣсклоншуся ко концу») происходили «в полуноши», в первый раз — «ударившу в блѣо трижды», а следующей ночью — «такоже въ скепѣ по прежнему клепанью».⁵⁰

Известия ЛА, связанные с Николо-Островским монастырем, начинаются со статьи 6971/1463 года («Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островкѣ, повельниемъ и тцаниемъ и вѣроу еже къ святому Николь рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но неуспѣша написать зимы ради»⁵¹). Казалось бы, отсутствие в этом известии точных дат и конкретных реалий не позволяет определенно утверждать, что к этому времени летописец Ионы уже находился в Николо-Островском монастыре, но в рукописи обнаруживается текстологический и палеографический «шов» именно под 1463 годом.

В ЛА имеется две годовых статьи 6971/1463 года. В первой из них говорится о событиях осени 1462 — лета 1463-го: пожар (2 сентября 1462), отливка колоколов (октябрь), поновление церкви Бориса и Глеба (осень), разные беды (осень), освящение церковью Дмитрия на Славкове улице (26 октября), Трех святителей в Отней пустыни (21 ноября), пожар (7 декабря), отъезд Ионы в Москву (22 декабря), возвращение Ионы в Новгород (9 февраля), строительство церкви Евфимия Великого на Вязицах и освящение этой церкви (29 июня). Вторая годовая статья того же года начинается с известий о строительстве церковью Образа Господня на Поле (29 мая 1463), Воскресения Христова («того же лѣта») и Анастасии (3 июля). С границей повторяющихся годовых статей 6971/1463 года почти точно совпадает палеографический «шов»: после известия о возвращении Ионы в Новгород 9 февраля 1463 года сменяются перо и чернила, а возможно даже и почерк (л. 304 об.). Между записью о событии 9 февраля 1463 года и последующими записями конца мая —

⁴⁶ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 34.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204.

⁴⁸ Там же. Стб. 209.

⁴⁹ См.: Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики. С. 70—73, 106—107.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 215—216.

⁵¹ Там же. Стб. 213—214. С владычным ключником Пименом связана одна из наиболее замечательных рукописей XV века — «Островское евангелие» 1468 года (Московский областной краеведческий музей (Истра). Инв. 7344/Б 651 З.В.70). На л. 363—363 об. этой пергаменной лицевой рукописной книги находится запись рукой писца: «В лѣт(о) 6976 [1468] индик(та) 1 написана бы(сть) книга с(вя)тое Еу(ан)гелие в Великом Новѣград(ѣ) при великом князи Иванѣ Васил(ь)евич(и) и при архиеп(и)с(ко)пѣ Великог(о) Новаград(а) и Пскова вл(а)д(ы)кы Ионы, повѣлением раба Б(о)ж(и)а с(вя)щенноинока Пимена, влад(ы)чня ключника хлѣбного» (см.: Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 290—304).

июля 1463 года в работе летописца был очевидный перерыв. Предположение о тождестве летописца Ионы и Пахомия Сербса подтверждается тем фактом, что именно около 1462—1463 года писатель покидал Великий Новгород: он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для сбора сведений о преп. Кирилле.⁵² С этим перерывом в работе соотносится и смена обители: летописец после этого оказывается уже не в Хутынском монастыре, а в Николо-Островском.

Продолжая прежнюю работу, книжник дописывает оставшуюся пустой половину л. 304 об. с соблюдением полей, как это было ранее во всей рукописи, но уже начиная со следующего л. 305 он пишет без полей, используя все пространство листа, более небрежно. В его тексте появляются явные признаки «черновой» работы. Например, вслед за известием о строительстве церкви Анастасии 3 июля 1463 года читается «вспомогательная» заметка о псковичах: «Зри лѣта 69-го о Псковичахъ, како отъ того лѣта по князя великого Ивана Васильевича рукъ и по архиепископа Великого Новагорода и Пьскова владыкъ Ионы благословениемъ и всего Великого Новагорода здоровьемъ и печалованьемъ о своемъ братъ мнимемъ Пьсковъ, како бы кровь крестьянскаа не излилася, и ти смотри назадъ лѣта 69-го и чти внимай лѣто 71-е да прииде к лѣту 71-му» (л. 305 об.). В ряде случаев книжник оставил свободными части строки, предполагая позже вписать неизвестную ему на момент написания текста информацию: псковичи «взяша у князя великого у Ивана Васильевича воеводу князя <...> и с нимъ вои» (л. 306); «Той же зимы, мѣсяца <...>, приѣха митрополитъ в Великий Новъгородъ именемъ Иосифъ» (л. 307); «приспѣ приѣхать епископъ Вымскый владыка Ивона в Великий Новъгородъ мѣсяца <...>» (л. 312); «а от житыхъ <...> и съ своимъ дворомъ» (л. 313). Встречаются также оставленные в тексте пробелы для предполагавшихся киноарных инициалов: «...инувшу году...» (л. 310 об.) и исправления текста (зачеркнуто ошибочное имя игумена «Федосью», исправлено на «(Де)сефью» (л. 307 об.)).

Рассказ летописи за 1463—1469 годы, безусловно, принадлежит современнику описываемых событий, но, если считать автором текста Пахомия, то следует предполагать наличие у него секретаря-нотария, поскольку отождествление почерка писца ЛА и сербского писателя представляется затруднительным. Но оригиналом, который копировал писец, был, скорее всего, автограф сербского писателя.

Как и Пахомия Сербса, летописца Ионы интересовала агиография, о чем свидетельствуют его регулярные ссылки на дни памяти святых, а также включение в летопись многочисленных описаний чудес, свойственных агиографическому жанру. И Пахомий, и летописец Ионы охотно используют риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов, ритмизацию повествования и глагольные рифмы; им обоим свойствен «экспрессивно-эмоциональный» стиль, насыщенный «наставительными авторскими замечаниями и похвальными восклицаниями»,⁵³ молитвами, цитатами из церковной службы и Священного Писания. Известно, что Пахомий находился в Новгороде в начале архиепископства Ионы, но около 1462—1463 года он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для написания Жития основателя этой обители. После возвращения он снова обнаруживается в Новгороде, где выполняет литературные заказы архиепископа Ионы,⁵⁴ причем приблизительно ко времени поездки Пахомия в Белозерье относится фиксируемый палеографически перерыв в работе над созданием ЛА. Как и Пахомий, летописец Ионы был профессиональным книжным писцом: об этом свидетельствует его автохарактеристика и самоуничижительная формула («азъ писецъ многогрѣшнй всихъ людей»⁵⁵), характерная для запи-

⁵² Прохоров Г. М. Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 167.

⁵³ Там же. С. 169.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 219.

сей древнерусских книжников. Наконец, как Пахомий, так и автор заключительной части ЛА были тесно связаны с Хутынским и Николо-Островским монастырями: сербский писатель создал, используя рассказы хутынских старцев, целый цикл сочинений о Варлааме, в том числе несколько редакций его Жития,⁵⁶ а позже, по всей видимости, записывал устные рассказы Николо-Островского игумена; летописец Ионы обнаруживает особый интерес к событиям в тех же обителях. Совокупность косвенных данных позволяет предположить, что летописец Ионы и Пахомий Серб — это одно лицо.

Изданная в позапрошлом веке, ЛА, хотя и использовалась в исследованиях лингвистов и историков, остается еще недостаточно изученным произведением. В настоящее время готовится новая публикация всего летописного сборника с новым археографическим введением, позволяющим проследить историю формирования и бытования кодекса, с более последовательными правилами передачи текста, с уточнениями ряда чтений. Можно надеяться, что будущее издание даст новый импульс изучению этого замечательного летописного памятника.

⁵⁶ Прохоров Г. М. Пахомий Серб. С. 169—171.

© *Николетта Марчалис (Италия)*

АЛЕКСАНДР, ГАННИБАЛ И СЦИПИОН: РАЗГОВОР XII ЛУКИАНА САМОСАТСКОГО МЕЖДУ НИКОЛА ПЕРРО Д'АБЛАНКУРОМ И М. В. ЛОМОНОСОВЫМ

«Разговор в царстве мертвых между Александром Великим, Ганнибалом и Сципионом» (Разговор XII), принадлежащий перу Лукиана Самосатского, был трижды переведен в России в XVIII веке: Михаилом Ломоносовым в 1747 году, неизвестным переводчиком с латыни в 1773 году и Иваном Сидоровским с греческого в 1775 году.

В статье, опубликованной в 2016 году,¹ я анализировала причины особой популярности Разговора XII в Европе и прослеживала историю его русских переложений и переводов. Моей целью было найти ответы на три вопроса:

- 1) почему Ломоносов избрал для перевода именно этот разговор;
- 2) с какого оригинала выполнен перевод;
- 3) какое влияние этот перевод оказал на последующие переводы.

Особенно важным для изучения творчества М. В. Ломоносова мне представляется второй вопрос: с какого оригинала выполнен перевод?

В 7-м томе нового, исправленного издания Полного собрания сочинений Ломоносова читаем: «Особенности цитирования Ломоносовым греческих авторов указывают на то, что он пользовался латинским промежуточным переводом. Анализируя приведенную Ломоносовым в § 283 цитату из Лукиана («Разговоры в царстве мертвых», разговор 12), Г. Кайперт пришел к выводу, что Ломоносов использовал здесь также, конечно, не греческий оригинал или полный латинский перевод, но переработанное, сокращенное и парафразированное изложение, какое было общепринято в учебниках по риторике. По заключению ученого, проблема действительных ис-

Николетта Марчалис — профессор славянской филологии Римского университета Тор Вергата (Италия).

¹ *Marcialis N. Alessandro, Annibale e Scipione: un capitolo della fortuna di Luciano di Samosata in Russia // Traduzioni e rapporti interculturali degli Slavi con il mondo circostante. Roma, 2016. P. 69—89.*

точников Риторике Ломоносова, несмотря на обширные цитаты у Сухомлинова из трудов по риторике, окончательно еще не решена. Мы отнюдь не знаем еще всех источников второй Риторике Ломоносова, но что очевидно — очень важные образцы (оригиналы) остаются еще не открыты».²

Как известно, в библиотеке Ломоносова имеется издание Лукиана, вышедшее в Амстердаме в 1732 году.³ Амстердамское издание⁴ воспроизводит — с несколькими мелкими исправлениями — перевод, выполненный Иоганном Бенедиктусом (Jean Benoist) и опубликованный в Сомюре в 1619 году.⁵ Перевод Бенедиктуса оставался каноническим более века, вплоть до появления перевода Матиаса Гесснера в 1743 году.⁶

Почти наверняка Ломоносов имел доступ к какому-то другому изданию Лукиана: в Риторике, кроме Разговора XII, имеются фрагменты, отсутствующие в издании 1732 года: извлечения из «De domo» и «Vitarum auctio», чьи источники установлены (соответственно Коссен и Готтшед), «Сон, или Петух» (в оригинале «Gallus») и «Корабль, или Обеты» (в оригинале «Navigium»; из него взят лишь маленький отрывок). О каком другом издании может идти речь, сказать трудно: но каким бы ни было это другое издание, ни одно из существующих — в том числе и опубликованное в Амстердаме в 1743 году — не является источником Ломоносова в отношении Разговора XII.

Когда был завершён просмотр латинских переводов⁷ — так как известно, что Ломоносов не знал греческого — мне пришла в голову счастливая мысль расширить сферу поиска, включив в нее переводы на новые европейские языки. И в самом деле, сличение текстов показало, что первоисточником перевода Ломоносова

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011. Т. 7. С. 673.

³ См.: Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки: К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, 1711—1961. М.; Л., 1961. С. 331.

⁴ Luciani Samosatensis colloquia selecta et Timon, Cebetis Thebani Tabula. Menandri Sententiae morales. Graece et latine. Colloquia Luciani et Timonem illustravit Tiberius Hemsterhuis. Amstelodami, 1732.

⁵ Luciani Samosatensis opera omnia in duos tomos divisa. Iohannes Benedictus [Jean Benoist], medicinae doctor, & in Salmuriensi Academia Regia linguae graecae professor, ex antiquis libris, locorumque sensu emendavit: Latinam versionem ita recognovit, ut maxima ex parte propriam fecerit. Salmurii, 1619. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Benedictus*, с указанием номера страницы.

⁶ Luciani Samosatensis opera. Cum nova versione Tiber. Hemsterhusii, & Io. Matthiae Gesneri, graecis scholiis, ac notis omnium proximae editionis commentatorum, additis Io. Brodaeii, Io. Iensii, Lud. Kusteri, Lamb. Bosii (...) ac praecipue Mosis Somani & I. M. Gesneri (...) Curavit & illustravit Tiberius Hemsterhusius (...) notas suas adiecit Ioannis Fredericus Reitzius (Index verborum ac phrasium Luciani, sive Lexicon Lucianum (...) a car. conr. Reitzio). Amstelodami, 1743. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Gessner*, с указанием номера страницы.

⁷ К вышеуказанным изданиям следует добавить: 1) Luciani Samosatensis opera, quae quidem extant, omnia, e graeco sermone in latinum, partim iam olim diuersis autoribus, partim nunc demum per Iacobum Micyllum, quaecunque reliqua fuere, translata. Cum argumentis & annotationibus eiusdem, passim adiectis. Francoforti, 1538; 2) Luciani Samosatensis opera: quae quidem extant, omnia, graece & latine, in quatuor tomos divisa, una cum Gilberti Cognati nozereni [Gilbert Cousin] et Ioannis Sambuci annotationibus utilissimis. Basileae, 1563; 3) Luciani Samosatensis Philosophi Opera. Omnia quae extant. Cum latina doctiss. virorum interpretatione. I. Bourdelotius [Jean Bourdelot] cum regijs codd. aliisque mss. contulit, emendavit, supplevit, adiecta sunt eiusdem Bourdelotii, Theodori Marcilii, Gilberti Cognati nota. Lutetia Parisiorum, 1615; 4) Luciani Samosatensis opera. Ex versione Ioannis Benedicti. Cum notis integris Ioannis Bourdelotii, Iacobi Palmeri a Grentemesnil, Tanaquilli Fabri, Aegidii Menagii, Francisci Guieti, Ioannis Georgii Graevii, Iacobi Gronovii, Lamberti Barlaei, Iacobi Tollii & selectis aliorum. Accedunt inedita scholia in Lucianum, ex Bibliotheca Isaaci Vossii. Scholia in volumen primum (& secundum) Luciani. Nunquam hactenus edita. Recensuit & notulas adiecit Johannes Clericus. Amstelodami, 1687.

является не латинский промежуточный текст, а французская версия Никола Перро д'Абланкура.⁸

Вот несколько примеров.

Уже в самом начале текста диспут о «первенстве» превращается в спор о том, кому пройти вперед: в отличие от Манилова и Чичикова, ни один не хочет пропустить другого, а «монарх всея Азии» явно раздражен «наглым африканцем». Текст Ломоносова в деталях следует за текстом д'Абланкура:

Ломоносов	Perrot d'Ablancourt	Benedictus	Gessner
Александр. Постой ты, карфагенец, мне наперед итти должно.	Alexandre. Arrêtè, Cartaginois, c'est à moy à passer devant.	Al. Me tibi, o Libyce, praeponi par est: praestantior enim sum.	Alex. Me par est praeponi tibi, Afer melior enim sum.
Ганнибал. Я тебе не уступлю.	Annibal. Je ne te le cederay point.	An. Minime: sed me.	An. Neutiquam; verum me.
Александр. Хочешь ты со мной судиться перед Миноем?	Alexandre. Veus-tu que Minos soit nôtre Juge?	Al. Ergo iudicet Minos.	Alex. Ergo Minos causam disceptet.
Ганнибал. Хочу.	Annibal. Je le veus.		
Миной. Что вы за люди?	Minos. Qui estes-vous?	Min. At quinam estis?	Min. Quinam estis?
Александр. Александр и Ганнибал.	Alexandre. Alexandre & Annibal.	Al. Hic est Carthaginensis Annibal: ego Alexander Philippi filius.	Alex. Hic Annibal Carthaginiensis: ego Alexander Philippi filius.
Миной. Оба — великие люди, однако о чем вы спорите?	Minos. Tous deux Grands hommes, mais quel est vôtre différent?	Min. Per Jovem ambo gloriosi. Sed qua de re vobis est altercatio?	Min. Profecto clari utrique: sed qua de re orta vobis lis est?
Александр. Кому должно наперед итти. Сей африканец таков нагл, что первенство отнять у меня хочет, несмотря на то, что я был монарх всея Азии и превеликий воин на свете. ⁹	Alexandre. A qui passera le premier; Cet Afriquain est si insolent, que de me disputer la presséance, à moy qui ay esté Monarque de toute l'Asie, & le plus grand Capitaine de l'Univers (Perrot, I, 111).	Alex. De praestantia. Hic enim se meliorem fuisse quam ego exercitus ducem dicit. Ego vero, ut omnes sciunt, non isto solum, sed omnibus ferme, qui ante meam aetatem fuere, in re militari fuisse me praestantiorum affirmo (Benedictus, 246—247).	Alex. De primae fedis jure: sert enim hicce se praestantiorum extitisse Imperatorem me. Ego vero, quemadmodum omnes norunt, non illi solum, sed cunctis fere, qui ante me fuerunt, ajo me praestitisse belli peritia (Gessner, 380—381).

К Перро д'Абланкуру восходит замена начальной фразы Ганнибала, в которой речь шла о том, что Ганнибал в Аде выучил греческий. Фраза заменена на «злободневный» выпад против неправедных судей; замена была тем более уместна, что, как отмечали все комментаторы, Лукиан допустил вольную или невольную ошибку, поскольку Ганнибал и при жизни прекрасно знал греческий (Gessner, 381).

⁸ Lucien, de la traduction de N. Perrot, Sr. d'Ablancourt, divisé en deux parties. Paris, 1654. Далее ссылки на перевод Перро д'Абланкура приводятся по новому, исправленному изданию (Amsterdam: Pierre Mortier, 1597 (так! — Н. М.)) в тексте сокращенно: Perrot, с указанием номера тома и страницы.

⁹ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. С. 343. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Ломоносов, с указанием номера тома и страницы.

Ломоносов	Perrot d'Ablancourt	Benedictus	Gessner
Коль счастлив я, что буду говорить перед судьей, который не будет судить пристрастно, но взирать больше на правду, нежели на пустой вид! (Ломоносов, 7, 343).	Que je suis heureux d'avoir à parler devant un Juge qui ne donnera rien à la faveur, & n'aura pas tant d'égard à l'apparence, qu'à la vérité (Perrot, I, 111—112).	Unum hoc me juvat, Minos, quod & hic Graecam linguam didicerim: adeo ut neque etiam hac in re iste me superet (<i>Benedictus</i> , 247).	Id quidem unum, Minos, me juvat, quod hic loci Graecum etiam sermonem edidicerim, ut ne hac quidem parte prae me quicumque habeat praecipui (<i>Gessner</i> , 381).

Д'Абланкуру принадлежит «исправление» еще одной предполагаемой ошибки Лукиана, якобы спутавшего Гасдрубала, брата Ганнибала, с Гасдрубалом, зятем Ганнибала,¹⁰ к нему же восходит сведение о смерти Гасдрубала-зятя как причине того, что Ганнибал встал во главе войска:

Ломоносов	Perrot d'Ablancourt	Benedictus	Gessner
Ибо, перешед из Африки в Испанию, так сказать, с одной горстью людей, прославил я себя своею собственною храбростию. И после смерти моего зятя, приняв все войско в мое повелительство, усмирил я цeltиберов и галлов, которые лежат к западу (Ломоносов, 7, 343).	Car estant passé d'Afrique en Espagne avec une poignée de gens, je me rendis d'abord illustre par ma valeur; & après la mort de mon beau-frere ayant eu le commandement des Armées, je domptay les Celtiberiens & les Gaulois qui regardent l'Occident (Perrot, I, 112).	Ego igitur cum paucis Iberiam adortus, cum pro fratre dux essem exercitus, maximis rebus idoneus, & praestantissimus sum iudicatus. Ibi tum Celtiberos cepi, & Galatas hesperios devici (<i>Benedictus</i> , 247).	Ego itaque cum paucis transgressus in Hispaniam, quum primum sub fratris auspiciis militassem, summae rerum praefui, belli peritissimus iudicatus. Exinde Celtiberos in potestate redegei, Gallos occidentales devici (...) (<i>Gessner</i> , 381).

На текст д'Абланкура опирается объяснение причины того, почему Ганнибал был отозван на родину (для сражения с Сципионом). К нему же восходит идея смирения Ганнибала, который «послушал повеления как самый меньший гражданин». В переводах Бенедиктуса и Гесснера нет противопоставления гордости и смирения: Ганнибал называет себя *homo privatus* («частный человек»):¹¹

Ломоносов	Perrot d'Ablancourt	Benedictus	Gessner
Я посреде своих побед и торжеств, будучи позван в Африку обратно, чтобы стать противу Сципиона, послушал повеления как самый меньший гражданин. И когда меня там несправедливо осудили, то сносил я великодушно свое изгнание (Ломоносов, 7, 344).	Pour moy, triomphant & victorieux, ayant esté rapellé en Afrique, pour m'opposer à Scipion, j'ay obéi comme le moindre des Citoyens: et depuis, condamné injustement j'ay porté patiemment mon exil (Perrot, I, 112).	Ego autem pariter patriae dominatus sum: quae cum me revocaret, hostium magna classe adversus Libyam navigante, statim parui: continuoque me hominem privatum dedi, & damnatus aequo animo rem tuli (<i>Benedictus</i> , 248).	Ego contra praefui aequo jure patriae, atque ubi me domum arcessebat, hostibus magna classe adortis Africam, e vestigio parui, meque privatum praebui: condemnatus tuli animo moderato casum (<i>Gessner</i> , 384).

¹⁰ Baldwin B. Alexander, Hannibal, and Scipio in Lucian // *Emerita*. 1990. № 58 (1). P. 59.

¹¹ «В республиканском Риме *homo privatus* это лицо, не занимающее государственных должностей (...) Жан Беранже отмечает, что Августу в *Res gestae* важно подчеркнуть, что, заботясь о спасении *res publica*, он действует как частный человек (...) Такое видение принцепса, спасающего и укрепляющего *res publica* в качестве частного лица, ставит Августа в один ряд с теми республиканцами, кто до него исповедывал подобную идеологию, особенно отчетливо прослеживаемую в политических взглядах Цицерона» (*Pani M. Potere e valori a Roma fra Augusto e Traiano*. Bari, 1992. P. 65; перевод мой. — *H. M.*).

К Перро д'Абланкуру восходят и заключительные слова Ганнибала, который утверждает, что ему ничего не говорит корона Александра, ибо он не его подданный, и напоминает о своей храбрости как полководца, которому «только не всегда споспешествовало счастье»:

Ломоносов	Perrot d'Ablancourt	Benedictus	Gessner
И, ежели Александр требует преимущества для своей короны, то сие изрядно в рассуждении персов и македонян, а до меня оно ничего не надлежит, для того что я не родился его подданным и был прославлен храбрым и премудрым генералом, которого мужеству только счастье не всегда споспешествовало (<i>Ломоносов</i> , 7, 343).	Que si Alexandre pretend quelque avantage par son Diademe, cela est bon à l'égard des Perses & des Macedoniens; mais non pas de moy, qui ne suis pas né son sujet, & qui ay remporté la gloire de sage & de vaillant Capitaine; mais de qui la fortune n'a pas secondé toujours la valeur (<i>Perrot</i> , I, 113).	Quod si praestantior est iste, quoniam diademate revinctum caput habuit, id decorum forsitan est apud Macedonas: non tamen propterea melior videri debeat generoso viro, & imperatore bono: qui mentis sententia magis quam fortuna est usus (<i>Benedictus</i> , 249).	(...) ille autem si pulchrior est, quia diademate caput habet revinctum, apud Macedonas ista forte maiestatem habent; attamen idcirco praefereendus non existimetur viro strenuo, atque artibus imperatoriis instructo, qui solertia prudentia plus, quam fortuna fuerit usus (<i>Gessner</i> , 385).

Перевод Ломоносова может считаться образцовым в смысле точности. Отклонение от подлинника всего одно: при подыскании эквивалента французскому выражению «avec une poignée de gens» — «с горстью людей» — Ломоносов сомневается, можно ли так выразиться, и добавляет: «так сказать, с одной горстью людей» (*Ломоносов*, 7, 343). Кстати говоря, выражение прочно вошло в литературное употребление, но я нигде не нашла ссылки на это, видимо, первое его появление в русском языке.

Обнаружение оригинала, к которому восходит перевод, не только представляет в новом свете проблему источников Риторики Ломоносова, но и вызывает целый ряд вопросов:

1) Можно ли считать, что Ломоносов переводил непосредственно с французского, или следует предположить, что существовал промежуточный перевод (на немецкий)?

2) Осознавал ли Ломоносов разницу между оригиналом Лукиана и адаптацией Перро д'Абланкура, и как это согласуется с его идеями о переводе?

3) Возможно ли, что Ломоносов использовал непосредственно французский перевод Лукиана (или его перевод на немецкий), либо будет вернее предположить, что адаптация Перро д'Абланкура целиком вошла в качестве примера в какую-то из риторик, и уже оттуда попала к Ломоносову?

Начну с первого пункта. Ломоносов знал французский достаточно хорошо, чтобы понять текст, содержание которого к тому же было ему известно по латинскому переводу: у него в библиотеке было много книг на французском — как французских авторов (естественно, Буало, но также Лафонтен, Ростан, Мольер, Расин, Вольтер), так и переведенных на французский (Поуп, Камюэнс, Эзоп, Анакреонт и Сапфо). Сам Ломоносов перевел на русский по крайней мере три произведения: оду Фенелона «À l'abbé de Langeron» («Montagnes de qui l'audace...»), переведенную в 1738-м и отправленную в 1739 году в Академию наук для демонстрации успехов во французском языке; стихотворение Вольтера, посвященное Фридриху Великому («O Salomon du Nord, o philosophe roi...»), переведенное в 1756 году и при жизни не публиковавшееся; оду Ж.-Б. Руссо «À la fortune» («Fortune de qui la main sou-

gonne...»), появившуюся на страницах «Полезного увеселения» в январе 1760 года вместе с переводом А. П. Сумарокова и французским оригиналом (Ломоносов, 8, 8—13, 615—617, 661—666, 866—870, 1057—1059, 1099—1110).

Исходя из сказанного, мне кажется излишним предполагать существование промежуточного немецкого текста. Тем не менее я предприняла разыскания в немецких журналах и особенно в круге Готтшеда («Die vernünftigen Tadlerinnen», «Die Belustigungen des Verstandes und Witzes», переводы Луизы Готтшед), но пока безрезультатно. Решающим могло бы стать выявление языковых особенностей текста, которые недвусмысленно указывали бы на французский или немецкий язык оригинала. Но таких, видимо, нет.

Перейдем ко второму пункту. Как уже упоминалось, Ломоносов располагал латинским изданием Лукиана (Амстердам, 1732), так что он не мог не знать, что переводит со свободного переложения. Через несколько лет, в 1752 году, французская манера переделывать оригинальный текст вызвала резкую критику со стороны Ломоносова: Г. Кайперт в своей статье о Ломоносове как теоретике перевода отмечает, что Ломоносов был не уверен, стоит ли печатать перевод Цицерона, сделанный Иваном Шишкиным, поскольку книга «переведена с французского языка таким образом, как обыкновенно французы с латинского переводят, т. е. взявши токмо смысл из оригинала, а слова иные от себя прибавляют, а иные по произволению своему убавляют и выкидывают, а потому-де с латинским оригиналом не сходна, чего-де ради надлежит спроситься, так-ли печатать или вновь переводить».¹²

Если бы Ломоносов как автор Риторике использовал адаптацию Перро д'Абланкура, он бы вступил в противоречие с собой же как теоретиком перевода. Но именно так, кажется, и было. К этому противоречию добавляется еще одно: в записи «О переводах» Ломоносов, утверждая, что переводить «с латинского на русский лучше, нежели на французск(ий)», высказывает теоретическое положение, значительно опередившее переводческую практику своего века, а именно, что вообще «переводить лучше с автографов» (Ломоносов, 7, 767). Однако нам известно, что и в этом случае практика и теория не совпадают: на самом деле Ломоносов не раз прибегал к помощи немецких переводов.¹³

И, наконец, третий пункт: могла ли адаптация Перро д'Абланкура попасть к Ломоносову со страниц какого-нибудь учебника по риторике? Естественно, исключить это а priori мы не можем. Очевидно лишь, что надо исключить самые известные учебники риторике. Н. Коссен умер в 1651 году, прежде чем вышел в свет перевод Перро. «Orator extemporaneus seu artis oratoriae breviarum bipartitum» М. Радау, к которому недавно привлекли наше внимание С. И. Николаев и А. А. Костин,¹⁴ вышел в свет в 1650-м, т. е. опять-таки раньше, чем перевод Перро. Риторике И. Х. Готтшеда и Ф. А. Поменя хорошо исследованы, и они не содержат Разговора XII Лукиана.

Мое личное мнение, что наличие только двух текстов «обширных и вполне законченных»¹⁵ во всей Риторике, а именно перевода «Diluculum» Эразма и Разговора XII Лукиана, в соседствующих главах (§ 281 и 283), говорит в пользу самостоя-

¹² Цит. по: Keipert H. M. V. Lomonosov als Übersetzungstheoretiker // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1981. [Bd] 27. S. 37.

¹³ Keipert H. 1) Zur Quellenfrage von Lomonosovs zweiter „Rhetorik“ // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. С. 134—143; 2) M. V. Lomonosov als Übersetzungstheoretiker. S. 27—48.

¹⁴ Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторике Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред. А. А. Костин, А. О. Дёмин. С. 41—53.

¹⁵ Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / Отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013. С. 36—71.

тельного выбора Ломоносова. Он сам пишет, что форма диалога обычна для повседневного общения, так что можно было бы обойтись и без образцов, но несколько примеров он все же приводит для пользы и «увеселения»: «Сего способа к расположению не токмо в разных книгах примеров довольно, но и повседневное обхождение почти беспрестанно оные показывает; однако не будет без пользы, ежели здесь сообщим несколько разговоров, которые не токмо в пример, но и к украшению штиля, к поправлению нравов и к увеселению служить могут» (*Ломоносов*, 7, 333).

И в заключение: к 300-летию со дня рождения Ломоносова предпринято издание словарей риторической терминологии — «Словаря риторических трактатов М. В. Ломоносова» и «Словаря языка М. В. Ломоносова».¹⁶ Можно надеяться, что эти исследования помогут выявлению новых данных об источниках Риторике Ломоносова, а также что не возобновится бесплодная полемика за или против оригинальности и независимости Ломоносова.

¹⁶ См.: *Бухаркин П. Е.* «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова; *Волков С. С.* Словарь-справочник «Риторика М. В. Ломоносова»: источники и тексты // *Филологическое наследие М. В. Ломоносова*. С. 17—35; *Kazansky N.* Об изучении языка М. В. Ломоносова // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 47. Winter. P. 24—38.

© А. И. Шеля (Латвия)

САЛОН С. Д. ПОНОМАРЕВОЙ И ИСТОКИ «РУССКОЙ ПЕСНИ» 1820-х ГОДОВ

1

Популярность литературной «русской песни» обычно связывается с 1820—1830-ми годами, эпохой расцвета романтического национализма, который соединил «фольклорность» с идеями народности и создал запрос в литературе на фольклорные жанры и фольклорный язык.¹ Однако, как отмечает в своей монографии исследователь русского романса Томас Ходж, песенные жанры поэзии — и в частности «русская песня» — уже к 1830 году успели устареть, пережив расцвет за первую четверть XIX века.²

Эти замечания не лишены оснований. Песня, с ее укорененностью в сентиментальном языке, принадлежа к пространству карамзинистских средних жанров, к 1830-м годам выглядела архаично. Ходж упоминает, что уже ни А. С. Пушкин, ни М. Ю. Лермонтов особого интереса к жанру лирической песни не проявляли: Пушкина интересовали скорее повествовательные жанры фольклора («Песни о Стеньке Разине», «Песни западных славян», сказки), у Лермонтова жанр песни встречается только в юношеский период творчества.

Однако при таком взгляде на историю песни, когда внутри жанрового поля не выделяются различные тенденции, не получается объяснить ряд историко-литера-

Артем Игоревич Шеля — докторант Тартуского университета (Эстония).

¹ См., в частности: *Гудошников Я. И.* Очерки истории русской литературной песни XVIII—XIX вв. Воронеж, 1972. С. 64—69; *Иезуитова Р. В.* Литература второй половины 1820-х — 1830-х годов и фольклор // *Русская литература и фольклор* (первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 118—120; *Гусев В. Е.* Песни, романсы, баллады русских поэтов // *Песни русских поэтов*: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 19—25 (Библиотека поэта. Большая сер.).

² *Hodge T. P.* A Double Garland: Poetry and Art-Song in Early-Nineteenth-Century Russia. Evanston, 2000. P. 12—13.

турных явлений и распространение фольклоризованной романтической песни: ни «русские песни» А. А. Дельвига, ставшие образцами жанра в 1820-х годах, ни внезапное издание песен А. Ф. Мерзлякова отдельной книгой в 1830 году — спустя более двадцати лет после того, как была написана большая часть из них. Форма «русской песни» становится ключевой для создания фигуры «народного поэта» в случае А. В. Кольцова, стилизации фольклорной песни массово слагаются поэтами крестьянского происхождения (М. Д. Сухановым и Н. Г. Цыгановым) в конце 1820-х годов. Пушкин также периодически обращается к «русской песне»: стилизация интегрирована в «Евгения Онегина» («Девицы-красавицы...»),³ встречается в черновых набросках («Уродился я, бедный недоносок...», 1828; «Друг сердечный мне наемни говорил...», (1830—1836)).

Неустойчивость и приблизительность периодизации в истории песенных жанров, по-видимому, связаны с двойственной природой песни. С одной стороны, она принадлежит музыкальному быту и культуре развлечения, спрос на песню обеспечивает относительное постоянство и воспроизводимость вокальных жанров. Однако эта исполнительская история песен не должна совпадать — и зачастую не совпадает — с их бытованием в качестве литературной формы, когда песня оказывается менее связанной с мелодией, успехом в салонах и репертуаром популярных исполнителей, а более — с литературным контекстом и существованием в печати. В статье речь пойдет об этой двойственности песенных форм, и будет рассмотрен эпизод, когда ряд «русских песен», возникших в салонном контексте, повлиял на становление жанра в литературе 1820-х годов.

2

В 1821 году Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг и О. М. Сомов пишут по «русской песне»: «Страшно воеет, завывает...», «Ах ты, ночь ли...», «Полно сердце! успокойся на часок...» соответственно. Дельвиг и Баратынский — близкие друзья, с Сомовым оба они знакомы через Вольное общество любителей российской словесности,⁴ а со второй половины августа 1821 года все оказываются в одном маленьком кругу: Дельвиг и Баратынский становятся вхожи в дом С. Д. Пономаревой, вокруг которой сложилось подобие салона и было организовано дружеское литературное общество «Сословие друзей просвещения».⁵ Все трое были влюблены в хозяйку в разное время (Сомов пережил любовную драму еще до прихода в кружок «молодых» поэтов).

Вряд ли появление этих трех песен в непосредственной хронологической близости является случайностью: в это время «русская песня» встречается в литературе еще относительно редко. Для сравнения: исходя из известных нам данных, в 1817 году появляются две «русские песни» Д. П. Глебова («Вестник Европы», № 5). В 1818 году подобную стилизацию напишет А. К. Маздорф («Ноченька мрачная, что ты так длишься...»; «Вестник Европы», № 19). В 1821 году еще одна «русская песня», предположительно принадлежащая П. М. Головину, автору сенти-

³ Первоначально для романа планировалась не свадебная песня с историей счастливой любви, а лирическая — с историей разлуки: «Вышла Дуня на дорогу...» (Лотман Ю. М. Комментарий к «Евгению Онегину» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 2011. С. 627—628).

⁴ См. запись в дневнике Сомова от 1 июня 1821 года: «Я поднимаюсь и спешу в общество, чтобы попасть во-время. Меня очень дружески встречают Глинка, Булгарин, Баратынский, Дельвиг и пр.» (цит. по: Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 286—287).

⁵ Там же. См. также: Гаевский В. П. Дельвиг. Статья третья // Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. 3. С. 27—41; Дризен Н. В. Литературный салон 1820-х годов // Ежемесячное литературное приложение к «Ниве». 1894. № 5. С. 17—26; Веселовский А. А. Сословие друзей просвещения. Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой // Русский библиофил. 1912. № 4. С. 58—65.

ментальных песен, сотруднику «Аглаи» и «Дамского журнала», близкому к П. И. Шаликову,⁶ напечатана вновь в «Вестнике Европы» (№ 15). Тогда же в «Современателе просвещения и благотворения» (ч. 16, кн. 3) А. Х. Востоков публикует перевод «богемской песни», написанный пятистложником («Родила меня моя матушка...»). Это в основном произведения «старших» авторов, песни которых или находятся под сильным влиянием сентиментальной традиции, или связаны с научным интересом к фольклору (в случае Востокова) — и на этом фоне обращение младшего поколения к «русской песне» заслуживает особого внимания.

Можно предположить, что появление песен Дельвига, Баратынского и Сомова могло быть связано с Пономаревой и спровоцировано песенной культурой салона: по крайней мере, относительно песни Сомова это можно утверждать определенно. «Песенку в грустный час» он записывает в альбом Пономаревой, вероятнее всего, в мае 1821 года и в том же году печатает в «Благонамеренном» (№ 10).⁷ Однако о песнях Дельвига и Баратынского подобных прямых свидетельств нет: тексты не были записаны в альбом, а точная датировка «русской песни» Дельвига вообще неизвестна. В изданиях стихотворений Дельвига она датируется приблизительно, между 1820 и 1821 годами, по расположению в «тетради 1820 года», начатой зимой — 1 декабря. Сам текст был опубликован только в «Полярной звезде» на 1823 год». Дельвиг вполне мог написать песню до знакомства с Пономаревой,⁸ однако это не значит, что она была неизвестна ей и не исполнялась в кружке.

Общество, собиравшееся у Пономаревой, конечно, не обходилось без музыки, сама хозяйка, по свидетельству А. Е. Измайлова, прекрасно пела и играла на фортепиано.⁹ Д. Н. Свербеев, один из участников кружка, вспоминал: «Дельвиг приносил свои песни, которые тут же распевала хозяйка».¹⁰ Сомов описывает в дневнике, как Пономарева поет романс «Ты мне пылать любовью запретила...», приложенный им к письму и написанный примерно в то же время, что и «Песенка в грустный час».¹¹ Исполнение это показательно небезобидно — это романс из любовного письма, а предполагает ей спеть его В. И. Панаев, на тот момент более удачливый соперник побежденного Сомова. Этот эпизод указывает на то, что параллельно мадригальной литературе личного альбома существовал пласт связанных с Пономаревой песенных текстов, которые альбом мог отражать далеко не всегда.

Почему форма «русской песни» могла получить доступ именно в салон Пономаревой, что означало обращение к фольклорному языку в этом кружке? Однозначного ответа на этот вопрос нет, однако можно восстановить некоторые контексты, в которые «простонародная» песня могла включаться. Во-первых, это игровой, маскарадный, и шире — театрализованный контекст поведения самой хозяйки салона. По воспоминаниям Свербеева известно, что Пономарева неоднократно переодевалась в простое платье для розыгрышей своих поклонников, предстала кучером, торговкой молоком,¹² крестьянкой.¹³ Один из экспромтов

⁶ Лобанова Л. П. Головин Петр Михайлович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А—Г. С. 615.

⁷ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 272.

⁸ Не исключено, что Дельвиг был знаком с Пономаревой и раньше августа 1821 года, через ее младшего брата, И. Д. Позняка, учившегося в Царскосельском лицее, или П. Л. Яковлева. См.: Там же. С. 341—342. Д. А. Эристов также свидетельствовал о раннем знакомстве Пономаревой с лицейским кругом: Гаевский В. П. Дельвиг. Статья третья. С. 27—28.

⁹ Письма А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1871. Вып. 7—8. Стлб. 969.

¹⁰ Свербеев Д. Н. Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев и др. М., 2014. С. 138 (сер. «Литературные памятники»). О склонности к музыкальным занятиям самого Дельвига см.: Левашева О. Е. Музыка в кружке А. А. Дельвига // Вопросы музыковедения. 1956. Вып. 3. С. 323—360.

¹¹ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 295.

¹² Свербеев Д. Н. Мои записки. С. 137—138.

¹³ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 229 (записка Н. П. Пономаревой).

А. Е. Измайлова, посвященный Пономаревой, написан «по случаю пробы комедии „Провинциальный Адонис“, в которой она играла роль слуги Ивана»:

Отпускнуой никогда я не дал бы Ивану:
Будь барин я ему — его слугою стану.¹⁴

Пьеса с таким названием неизвестна — возможно, это было сочинение самой Пономаревой для домашнего спектакля. Важно, однако, указание Измайлова на жанр этой пьесы и вновь возникающее переодевание Пономаревой: комедии и особенно комические оперы, начиная с «Мельника-колдуна, обманщика и свата» А. О. Аблесимова, давно впустили фольклорную песню и ее стилизации на театральную сцену.¹⁵ По всей видимости, в театре фольклорные песни были привычным явлением и появились здесь раньше, чем вошли в камерный вокальный репертуар дворянских салонов.¹⁶ В начале XIX века традиция комических опер была продолжена А. А. Шаховским: в «Казака-стихотворца» (1812) и в оперу-водевиль «Крестьяне, или Встреча незваных» (1815) включено множество стилизаций, написанных на известные голоса русских и украинских песен.

«Провинциальный Адонис» вряд ли наследовал этой линии комедий: оперный спектакль относительно сложно поставить в домашних условиях, а судя по названию и традиционной роли слуги, пьеса восходила к комедии нравов. Однако за театральным переодеванием в народные костюмы, возможно, следовал и ряд театрализованных текстов — «русских песен», вторивших игровому поведению Пономаревой и открывавших новые возможности для лирики в салонном контексте.

На новизну «русской песни», появившейся в кружке Пономаревой в начале 1820-х годов, указывает и то, что этот жанр не представлен у других постоянных участников кружка. В особенности отсутствие «русской песни» заметно у А. Е. Измайлова — верного почитателя хозяйки и автора множества стихотворений, посвященных ей. При всей обильности этой мадригальной продукции, она жестко ограничена кругом альбомных жанров: у Измайлова в известных текстах, связанных с Пономаревой, нет фольклоризованных «русских песен» и мало песенных жанров вообще. Один из самых старших участников кружка, чей литературный путь был связан с просветительскими традициями и каразинистским кругом, известный своей стилистической вольностью, Измайлов сохранил представление о жанровых и стилистических границах поэзии, пришедшее из предшествующей эпохи. «Простонародный» песенный регистр в немногих примерах у Измайлова обычно связан с шуточным или откровенно сатирическим контекстом. Ср. в дружеской «Песне» («Каменев-Любавский...»):

Сохнет наш детина
Как в лугу былина;
Милая Полина
В нем зажгла любовь
И волнует кровь.¹⁷

¹⁴ Измайлов А. Е. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1890. Т. 1. С. 395—396.

¹⁵ Ливанова Т. М. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром, бытом. М., 1953. Т. 2 (гл. 2, 4, 7); Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. Л., 1959. С. 118—125. О театральной сцене как важном источнике стилизаций см: Томашевский В. В. А. В. Кольцов. Биографический очерк // Кольцов А. Стихотворения. М.; Л., 1927. С. 139—142.

¹⁶ Согласно подсчетам М. Г. Долгушиной репертуара по каталогам нот, песни на русском языке начинают преобладать над французскими текстами только к 1830-м годам: Долгушина М. Г. Камерная вокальная музыка в России первой половины XIX века в ее связях с европейской культурой. СПб., 2014. С. 66—75.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 461 (А. Е. Измайлов). № 1. Л. 57. Также вошло в третий рукописный том стихотворений Измайлова (РНБ. Ф. 310. № 3. Л. 46).

К фольклорной песне восходит пародия Измайлова, относящаяся ко времени его службы в Архангельске:

Куда бежать?
Тоску девать?
В Архангельск ли?

Бухарин там
С Измайловым
Разбойнички!
Насмешники!¹⁸

Формулу «куда бежать, тоску девать» использовал и Мерзляков в песне «Ах, девица, красавица...» ((1810)).

Даже в свою домашнюю и окказиональную поэзию Измайлов не мог допустить язык фольклорной песни, особенно в альбомном контексте. Измайлову мог быть памятен курьезный случай неуместной фольклоризации мадригала: стихотворение А. С. Шишкова «Без белил, ты, девка, бела...», вписанное в светский альбом М. А. Турсуковой, нарушило все альбомные нормы.¹⁹ В целом неприятие фольклорного языка в «средних» поэтических жанрах у Измайлова могло быть обусловлено памятью о борьбе с «Беседой любителей русского слова».²⁰

Владимир Панаев, другой заметный участник кружка, пользовавшийся успехом у Пономаревой, также не обращался к форме фольклорной песни. Когда в 1821 году Панаев покинул дом Пономаревых в знак протеста против появления в нем Дельвига и Баратынского, он находился в расцвете литературной славы: сборник его идиллий был хорошо принят критикой и получил медаль Российской Академии (1820). Панаев и в кружке поддерживал образ «русского Гесснера», ориентируясь на вненациональные «классические» литературные формы, посвящая Пономаревой антологические стихотворения и традиционные мадригалы.²¹

Вероятно, Панаев ответил своим литературным противникам иотреагировал на «русскую песню» значительно позже, когда жанр уже распространился в литературе. В 1826 году он пишет стихотворение «Мать и дочь» («Скажи мне, родимая...»), которому дает подзаголовок «опыт русской идиллии».²² Этот текст по форме является «русской песней», близко следует фольклорному стилю и написан «песенным» размером (двустопный амфибрахий с дактилическим окончанием). Однако Панаев в форме песни пишет идиллию, разрушая типичный любовный сюжет фольклорной лирики: героиня отказывается от переживаний о возлюбленном и вверяется судьбе, чтобы не расстраивать мать:

Пускай со мной сбудется
По воле владычицы,
Лишь бы ты, родимая,
Печали не ведала,
Себя не тревожила.²³

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 461. № 1. Л. 39. Кроме этих произведений Измайлова, язык фольклорной песни им используется в двух поздних «рекрутских» песнях («Кашинским и Калязинским рекрутам», «Шенкурская рекрутская песня», 1827 и 1828 года) — патриотических текстах, тесно связанных со служебными обязанностями.

¹⁹ Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 290—292.

²⁰ Об участии Измайлова в споре о языке см.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 116—151.

²¹ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 258—259, 281—282.

²² Невский альманах на 1827 год. СПб., 1826. С. 98—99.

²³ Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. / Вступ. статья и общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л., 1972. Т. 1. С. 197 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Панаев подчеркнуто выводит «русскую песню» из области ожидаемых сюжетов несчастной любви и разлуки, заключая фольклорную форму в круг благонамеренной морали своих идиллий. Другая стилизация Панаева, «Разлука» (1827), рассказывает о предстоящей разлуке возлюбленных, но заканчивается чередой взаимных уверений героев в верности (без трагического конца — измены/гибели героя). Такие «песенные» идиллии выполняли две функции: включали Панаева в современный контекст поисков национальной идиллии,²⁴ но в то же время заметно противостояли романтической фольклоризованной песне 1820-х годов. Панаев, долго помнивший старые обиды, переворачивая сюжеты «русских песен», вполне вероятно, соперничал с Дельвигом, песни которого были хорошо известны ко второй половине 1820-х годов.

3

Песенная лирика, по-видимому, была важным элементом кружка Пономаревой, так как позволяла сочетать театральность и игровой характер формы с прямым лирическим высказыванием, признанием или упреком хозяйке, жанровое с личным. Этот контекст «русских песен» в салоне хорошо заметен по «Песенке» Сомова:

Полно, сердце! Успокойся на часок!
Удержися, горьких слез моих поток!
Перестаньте, вздохи, грудь мою теснить!
Сон забытый! мне пора тебя вкусить!²⁵

Собственно, этот текст не является «русской песней», если считать таковой стилизацию фольклорной лирики; атрибутов фольклорного стиля в нем совсем немного, ориентация текста на сентиментальную традицию перекрывает его связь с фольклорной песней, которая сильнее всего проявляется в размере — это 6-стопный хорей с парной мужской рифмой, один из популярнейших размеров фольклорных стилизаций. Он восходит к «голосам» нескольких распространенных городских песен — в частности, к «Скучно, матушка, в деревне жить одной...» и «Я не знала ни о чем в свете тужить...» (встречаются уже в сборниках Львова—Прача: № 7, 45). К 1821 году на эти голоса уже были написаны известные песни А. Ф. Мерзлякова («Я не думала ни о чем в свете тужить...», 1806), Н. Ф. Остолопова («Солнце красное, оставь ты небеса...», 1806), Н. Ф. Грамматина («Проходи ты лето красное скорей...», 1807). В 1824 году Дельвиг сам напишет «русскую песню», пользуясь той же мелодической матрицей и инициальной формулой — «Скучно, девушки, весною жить одной...».²⁶

Создавая сентиментальную песню на голос фольклорной, Сомов шел знакомым путем: язык сентиментальной лирики мог выступать литературным аналогом простого языка фольклорных песен, что хорошо видно по ранним стилизациям Ю. А. Нелединского-Мелецкого и И. И. Дмитриева, ср. также сентиментальный пласт лексики в песнях Мерзлякова. Более того, Сомов и до «Песенки» опробовал подобный ход — в «Украинском вестнике», где он впервые начинает печататься, появляется песня «Прости» с указанием «на голос: Ихав козак за Дунай». Текст Сомова при этом утратил всякие признаки фольклорности:

Милой ангел, друг любезной,
В ком я нову жизнь нашел!

²⁴ Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 531—533.

²⁵ Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1. С. 219.

²⁶ Во всех приведенных примерах источник голоса указан при публикации или устанавливается по зачину (песни Мерзлякова и Дельвига).

Ах, прости, разлуки слезной
Час мучительной пришел.²⁷

Сомов записывает «Песенку» в альбом Пономаревой, когда он стал отвергнутым влюбленным, письма его к хозяйке салона наполнены жалобами. Песня отчасти повторяет эмоциональный состав писем, она довольно личная, с биографическими мотивами («Ах, не тем ли, что в удел мне не даны / Ни богатство, ни порода, ни чины») — однако она все-таки может быть включена в альбом, наполненный галантными мадригалами и посланиями. Сама форма песни, традиционно эксплуатирующая весь спектр сюжетов и эмоций несчастной любви, ее условное название «Песенка в грустный час», как бы маскирующее откровенность послания, и отсутствие прямого указания на любовную причину страданий героя позволяет Сомову вписать ее текст в альбомную систему, оставив при этом место для личного прочтения. Пономарева точно знала, к кому она обращена и по какому поводу написана. Подобным образом двойное прочтение приобретают в альбоме Пономаревой антологические стихотворения Панаева и любовные послания Баратынского, складывающиеся из альбомного мадригала.

4

«Русская песня» Баратынского с ее сюжетом вынужденной разлуки война с «милой сердцу» также при желании могла легко проецироваться на биографические обстоятельства поэта (вынужденная служба в Финляндии). Текст был написан еще до «Песенки» Сомова и опубликован в мартовском номере «Сына отечества» 1821 года. Во второй половине февраля — начале марта Баратынский, бывший в отпуске, возвращается в полк проездом через Петербург.²⁸ За это короткое время он успевает познакомиться с Пономаревой, записывает ей в альбом первое послание «Когда б вы менее прекрасной...» и, вероятно, тогда же пишет еще два стихотворения, посвященные ей: «Приманкой ласковых речей...», «Вы слишком многими любимы...».

В «Сыне отечества» «Русская песня» опубликована вместе со стихотворением «Лиде» («Твой детский вызов мне приятен...»). Этот текст был написан, вероятнее всего, до прибытия Баратынского в Петербург, пока поэт жил в Маре, так как появляется в семейном альбоме рядом с рисунком, датированным январем 1821 года.²⁹ 23 февраля Баратынский читает это стихотворение в «михайловском обществе». При этом «Русская песня» никак не всплывает ни на этом чтении, когда Баратынский читал свои стихи, написанные до приезда в Петербург, ни на чтении 7 марта в ВОЛРС, когда слушался целый ряд новых стихотворений, связанных с Пономаревой. Никаких дополнительных указаний на его датировку нет. Оно было написано до конца февраля 1821 года.

Невключение песни Баратынского в число текстов, предназначенных для чтения в литературных обществах, могло быть обусловлено статусом жанра (песня плохо подходит для публичных чтений) и указывать на то, что она была ориентирована на исполнение. Текст Баратынского распространялся в песенниках 1820—1830-х годов,³⁰ однако музыки, сочиненной на эти стихи, неизвестно — за исключением нот И. В. Романуса, военного и музыканта-любителя, датировка которых тоже неизвестна, хотя вряд ли они появились ранее 1830-х годов.³¹ Песня Баратынского могла петься «на голос», так как ее разностопный размер получился из разложения 6-стопного хоря с женской клаузулой, одного из размеров лири-

²⁷ Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 92—93.

²⁸ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. 1800—1844. М., 1998. С. 103—104.

²⁹ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 132.

³⁰ Там же. С. 414.

³¹ Страшно воев ветр осенний: Баллада / Сл. Е. Баратынского; музыку посвящает М. Д. Берг-Штерн И. В. Романус. СПб., [Б. г.].

ческой фольклорной песни.³² О популярности текста Баратынского может также свидетельствовать то, что до него подобный шестистопный хорей не встречается ни в нашей коллекции «русских песен»,³³ ни в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка, однако уже в 1820-х годах этим размером было написано несколько песен,³⁴ в том числе и Лермонтова («Светлый призрак дней минувших...», 1829). Вне зависимости от точной даты создания «русской песни» Баратынского, она могла исполняться у Пономаревой и быть актуализована в связи с хозяйской кружка. Прямых свидетельств этого нет, однако есть одно косвенное.

В первом сборнике Баратынского 1827 года эта песня находится среди «пономаревского» блока стихотворений: между двумя посланиями к ней — «К жестокой...» («Неизвинительной ошибкой...»), «В альбом» («Вы слишком многими любимы...») — и эпиграммой на Панаева («Идиллик новый на искус...»). Последний текст, отголосок борьбы «измайловцев» с «союзом поэтов», в 1822—1823 годах проходившей прямо через узкий круг салона Пономаревой, был особенно тесно связан с личными мотивами — Панаев был соперником Дельвига и Баратынского за внимание Пономаревой, которая тяжело переживала его уход из кружка.³⁵

Несмотря на то что некоторые послания Пономаревой Баратынский впоследствии переадресовывает А. В. Лутковской, для сборника 1827 года старый пономаревский цикл был еще значим для поэта (что уже не так в следующей книге стихов Баратынского 1835 года). В этом свете положение «русской песни» в сборнике не выглядит чистой случайностью.

5

Баратынский после 1821 года не вернется к жанру «русской песни». Это очень нетипичное для него произведение (появившееся если без влияния Пономаревой, то, вероятно, под влиянием Дельвига³⁶ с его ранним лицейским интересом к фольклору),³⁷ и вообще текст не слишком типичный для стилизаций.

Песня Баратынского не повторяет прямо ни одного известного зачина фольклорной лирики, а ее сюжет, по всей видимости, восходит к исключительно литературным источникам. Медитация героя заключена в повествовательную рамку с одиноким часовым, поющим песню, — образ воина на чужбине был достаточно распространенным в поэзии, он проникает в элегии К. Н. Батюшкова,³⁸ а стихотво-

³² М. Л. Гаспаров считал «Русскую песню» разложенным Х6 (*Гаспаров М. Л.* Русский народный стих и его литературные имитации // *Гаспаров М. Л.* Избр. труды. М., 1997. Т. 3: О стихе. С. 106—107). Отметим, что в «Русской песне» Баратынский заметно увеличивает ударность «коротких» стихов, предпочитая полноударную строку двустопного хорей пеону третьему. Это значительно удаляет хорей Баратынского от ритма шестистопника и, подчеркивая значимость коротких строк, сближает с действительным разностопным размером 4 + 2.

³³ Подробнее о ней см. в 6-й части настоящей статьи.

³⁴ «Пал туман на чисто поле...» // *Невский альманах на 1825 год.* СПб., 1825. С. 115—118; *Суханов М. Д.* «Ах, не даром у меня...» // *Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайла Суханова.* СПб., 1828. С. 66; *Федоров Б. М.* Сельская песня («Что ты рано, моя пташечка...») // *Сын отечества.* 1829. Т. 6. Ч. 128. С. 177.

³⁵ О новом выступлении Пушкина и Баратынского против Панаева в 1827 году и связи этого эпизода с ранним контекстом кружка см.: *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 420—422.

³⁶ *Медведева И. Н.* Ранний Баратынский // *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Ред. и комм. Е. Купреяновой и И. Медведевой. Л., 1936. Т. 1. С. XLIX (Библиотека поэта).

³⁷ *Вацуро В. Э.* Антон Дельвиг — литератор // *Дельвиг А. А.* Сочинения. Л., 1986. С. 6.

³⁸ В «Переходе через Рейн» (1816—1817): «Там всадник, опершись на светлу сталь копыя, / Задумчив и один, на берегу высоком / Стоит и жадным ловит оком / Реки излучистой последние края. / Быть может, он воспоминает / Реку своих родимых мест...» (*Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. В. Н. Фрийдмана. М.; Л., 1964. С. 212 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

рение «Тоска по родине» (1819),³⁹ ставшее впоследствии песней, было, вероятно, наиболее близко к тексту Баратынского хронологически:

На булат опершись бранный,
 Рыцарь в горести стоял,
 И, смотря на путь пространный,
 Со слезами он сказал (...)⁴⁰

Однако сочетание сюжетных деталей в песне Баратынского — фигура молодого часового, песня и ветер — позволяет обратиться как к возможному источнику к другому тексту — известнейшему в Европе романсу Александра Шорона (Alexandre-Étienne Choron, 1771—1834) «La Sentinelle» («L'astre des nuits...», 1806)⁴¹ о молодом часовом, который просит ветер в случае его смерти перенести его песню в родной край.

L'astre des nuits de son paisible éclat
 lançoit des feux sur les tentes de France
 non loin du Camp un jeune et beau soldat
 ainsi chantoit appuyé sur sa lance

allez, volez Zéphir joyeux
 portez mes chants vers ma patrie
 dites que je veille en ces lieux,
 pour la gloire et pour mon amie

A la lueur des feux des ennemis
 La sentinelle est placée en silence
 Mais le français, pour abrégé les nuits,
 Chante, appuyé sur le fer de sa lance.
 (...)

L'astre du jour ramène les Combats
 Demain il faut signaler sa vaillance,
 Dans la Victoire on trouve le trépas.
 Mais si je tombe à côté de ma lance;

Allez encore joyeux Zéphir
 Allez, volez dans ma Patrie.
 Dire que mon dernier soupir
 Fut pour la gloire et mon ami.⁴²

³⁹ Стихотворение традиционно атрибутируется В. К. Кюхельбекеру, однако есть вероятность, что его автором был Вильгельм Карлгоф. Подпись «Вильгельм Крф», под которой текст появляется в «Соревнователе...» (1819, № 1), больше ни разу не встретится среди подписей Кюхельбекера. Однако появление стихотворения неизвестного офицера в «Соревнователе...» задолго до его дебюта в печати (середина 1820-х годов) также вызывает сомнения. См.: *Ильин-Голмич А. А. Карлгоф Вильгельм Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Т. 2: Г—К. С. 485.*

⁴⁰ *Кюхельбекер В. К. Сочинения / Ред. и прим. Ю. Тынянова. Л., 1939. С. 19 (Библиотека поэта).*

⁴¹ О Шороне с некоторыми сведениями о романсе см.: *Радиге А. Французские музыканты эпохи Великой французской революции. М., 1934.* Автором слов был, по-видимому, малоизвестный поэт Луи Бро (Louis Brault, 1782—1829). Согласно свидетельству ученика Шорона, Поля Скюдо (Paul Scudo, 1806—1864), Бро изначально писал слова для другого композитора, Эдуарда Роже (Edouard Roger), а Шорон воспользовался ими для собственного романса (*Scudo P. Esquisse d'une histoire de la romance, depuis son origine jusqu'à nos jours // Scudo P. Critique et Littérature musicales. Paris, 1850. P. 357—358*). Эта статья Скюдо была переведена с сокращениями в «Библиотеке для чтения» в 1850 году («О французском романсе», т. 103). Благодарю А. И. Мартыненко за неоценимую помощь в работе с французскими и музыкальными источниками.

⁴² *La Sentinelle. Romance. L'astre des nuits de son paisible. Pour Le Piano-Forte ou Harpe par A. Choron. Hambourg, [1826]. P. 2—3.* Текст в этих нотах совпадает с текстом первого издания романса 1806 года, за исключением пунктуации (воспроизведен в магистерской работе:

Патриотический романс, который называли «марсельзой империи»,⁴³ был очень популярен во Франции и за ее пределами, особенно во время наполеоновских войн (его распространение, по-видимому, отчасти совпадало с перемещениями французской армии, учитывая популярность романса в занятой французами Вене).⁴⁴ В России романс неоднократно перекладывался: известны ноты М. Ю. Виельгорского, С. С. Голицына, Н. Джулиани.⁴⁵ В 1822 году после российских концертов Иоганна Гуммеля, создавшего известные вариации на романс Шорона, Р. М. Зотов напишет почти дословный эквиритмический перевод «Часового».⁴⁶ В 1826 году появится стихотворение «Козак» на тот же сюжет.⁴⁷ Еще один близкий к оригиналу перевод будет распространен в песенниках конца 1820-х — начала 1830-х годов.⁴⁸ В 1840-х годах вольный перевод романса положит на музыку А. А. Дерфельдт,⁴⁹ однако к середине века «Часовой» был уже в большей степени забытым.

Если посмотреть на «Русскую песню» Баратынского в контексте «La Sentinelle», то видно, насколько сильно первая смещена в сторону элегии и оссианических мотивов: разлуку с возлюбленной и семьей нельзя преодолеть, героя ждет смерть или забвение, патриотические мотивы нивелированы, а ветер, который во французском романсе должен перенести песню на родину, в стихотворении Баратынского заглушает пение.

Несмотря на совпадение некоторых важных деталей, оба текста все же весьма далеки друг от друга. Даже если допустить, что Баратынский намеренно русифицировал французский романс, заменяя «французский» патриотизм на «русскую» элегическую эмоцию (литературный аналог «унылости» фольклорных песен),⁵⁰ генетическая связь двух текстов останется недоказуемой.

Однако существует еще один, близкий к оригиналу, перевод романса Шорона, усложняющий отношения между упомянутыми выше текстами: это стихотворение «Песня русского воина, под Варною, в 1828 году» Григория Григорьевича Малышева, сына унтер-офицера, прошедшего кантонистскую школу и служившего в армии в качестве комплектного (строевого) музыканта.⁵¹

Буйный ветер воев
С полуночи,
Месяцем стан русский
Осветился,
Ратные доспехи
Осребрились;
На копье склонившись
Юный воин,
Пел про край родимый,
Одиноко:
<...>

Sparks P. La Sentinelle. Settings of a French romance. London, 1984. Folio A; см.: academia.edu/18451349/MA_folio_on_La_Sentinelle_1984; дата обращения: 31.07.2017).

⁴³ Scudo P. Esquisse d'une histoire de la romance... P. 358.

⁴⁴ Sparks P. La Sentinelle. P. 7—10.

⁴⁵ Долгушина М. Г. Камерная вокальная музыка в России... С. 121.

⁴⁶ Благонамеренный. 1822. Ч. 18. № 25. С. 465—466.

⁴⁷ Орандаренко Н. Козак («Шумит Дунай во тьме ночной...») // Дамский журнал. 1826. № 5. С. 199—201.

⁴⁸ «Стан русских осребрен луной...». Самое раннее известное нам появление этого текста: Букет благовонных цветов / Собр. К. Немовым. М., 1829.

⁴⁹ Часовой («Плыл в небе месяц золотой...»). Баллада / Сл. кн. Козловского. СПб., [1843] (РНБ. Собрание русских романсов с фортепианом. № 51).

⁵⁰ О русификации другого известнейшего «имперского» романса «Partant pour la Syrie...» П. А. Вяземским («Услад») см.: Степанищева Т. Н. К истории одной литературной распри (П. А. Вяземский и П. А. Катенин) // Русская литература. 2016. № 3. С. 5—19.

⁵¹ Нелимовская Ю. А. Малышев Григорий Григорьевич // Русские писатели. 1800—1917. Т. 3: К—М. С. 494—495.

Завтра нас осветит
Солнышко,
В битве, где быть может
Мертв паду.
О! тогда ты ветер
Вихрем мчись,
В край родной, на север,
В отчий дом,
Дай там весть, что пал я
С честью,
За святую веру,
Нашу мать!
За свою отчизну,
За Царя!⁵²

Парафраз Малышева непосредственно зависит от «Русской песни» Баратынского: об этом говорит и фольклоризация сюжета о часовом, и зачин (пейзажная экспозиция открывается не месяцем и ночью, а ветром), и графика стиха (хотя разноstopный хорей иной и выдержан непоследовательно). При этом текст Малышева сохраняет близкую связь с романсом Шорона: повторяет патриотический тон оригинала, следует его сюжетной схеме (грядущая битва при наступлении утра и возможная смерть) и сохраняет следы рефренной структуры.

Значит ли это, что Малышев решил на основе стихотворения Баратынского, в котором он увидел французский оригинал, «правильно» перевести романс (допустим, что кантонист знал французский и был знаком с романсом, близким к армейской среде)? Или оба текста восходят к одному неизвестному русскому источнику? Весьма вероятен и третий вариант: Малышев не знал французского варианта романа, сюжет был ему известен по многочисленным переводам, а «Русская песня» Баратынского, с похожим сюжетным потенциалом, послужила ему поводом для фольклоризации — «романс» сделался «песней», а в фольклорный язык вернулся патриотизм. Однако прямых следов знакомства Малышева с русскими текстами также нет, лишь местами можно указать на лексические пересечения с переводом Зотова (выделены курсивом): *«Сребристая луна полночи в час / На русский стан снов сыпала мечтанья. — / Там воин, на копье свое склонясь...»*; *«Тогда, о ветры, с вестью той / Летите к родине любезной...»*.⁵³

Данных, чтобы достоверно восстановить соотношение этих текстов, недостаточно, однако можно говорить о том, что «Русская песня» Баратынского восходила к некоторому кругу литературных источников с образом часового/одинокого воина в чужих краях, а одним из сильных узлов трансляции этого сюжета был романс Шорона. Стихотворение Малышева, соединяющее песню Баратынского и французский романс, также свидетельствует в пользу близости этих текстов.

6

Если Сомов и Баратынский в 1821 году оставляют стилизации фольклорных песен, то с Дельвигом все сложится иначе: его «русские песни» сделают этот жанр популярным в 1820-х годах. Отчасти соперничество с ним заставит Мерзлякова предпринять издание «Песен и романсов» в 1830 году,⁵⁴ а в апокрифическом рас-

⁵² Стихотворения Григория Малышева. СПб., 1848. С. 3—4.

⁵³ Благонамеренный. 1822. Ч. 18. № 25. С. 465—466.

⁵⁴ О том, что Мерзляков претендовал на первенство в своих подражаниях, см. его письмо М. П. Погодину: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1890. Т. 3. С. 169. Некоторые сведения об издании см.: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. СПб., 1869. С. 163—164.

сказе В. Г. Белинского именно песни Дельвига укажут Кольцову на допустимость фольклорного языка в литературе.⁵⁵

Возможно, что плохо поддающаяся датировке песня Дельвига «Ах ты ночь ли, ноченька» изначально не соотносилась с кружком. Однако хорошо известно, что история отношений Дельвига с Пономаревой связана с рядом романсов и песен 1823 года — и в целом распространение песенной лирики в поэзии Дельвига стоит относить именно к влиянию пономаревского кружка.⁵⁶ «Лирическим романом» называет Вацуро комплекс стихотворений Дельвига, связанных с Пономаревой, и, в частности, ряд романсов Дельвига 1823 года («Прекрасный день, счастливый день...», «Не говори, любовь пройдет...», «Только я узнал тебя...»),⁵⁷ резко отличавшихся по интонации от основной песенной продукции эпохи — это радостные романсы. После того, как Пономарева отдаляется от Дельвига, новая элегическая эмоция начинает транслироваться в форме стилизаций — первые «русские песни» со времени «Ах ты ночь ли, ноченька...» будут написаны в 1823 году. По крайней мере одна из них прямо связана с Пономаревой — она варьирует мотивы «Птичке, выпущенной на волю» («Во имя Делии прекрасной...»), стихотворения на случай, которое Дельвиг обращает в любовное признание.

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке:
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.⁵⁸

В сборнике Дельвига 1829 года эта песня расположена рядом с «Птичкой, выпущенной на волю». В тетрадь все четыре «русские песни» 1823—1824 годов внесены подряд и следуют непосредственно за «пономаревским» комплексом стихотворений.⁵⁹ Кроме того, все эти стилизации окажутся пронумерованы Дельвигом — но начнет он с «мелодии № 2». Единственный подходящий кандидат на № 1 — это «Ах ты, ночь ли...», первый представитель «русских песен» в поэзии Дельвига. Таким образом, сам этот жанр у Дельвига будет складываться в близкой связи с салоном и его хозяйкой.

В «Полярной звезде на 1823 год», где была опубликована песня Дельвига, она напечатана рядом с мадригалом П. А. Плетнева «С. Д. П-ой». Все это появляется в альманахе, один из издателей которого, К. Ф. Рылеев, также предположительно обратится с посланием к хозяйке салона, а после станет и его посетителем.⁶⁰ Такое соположение текстов может быть случайностью, однако возможность смещения смыслов в старых текстах нельзя полностью исключить, даже сам факт задержан-

⁵⁵ Белинский В. Г. О жизни и сочинениях Кольцова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 9. С. 526.

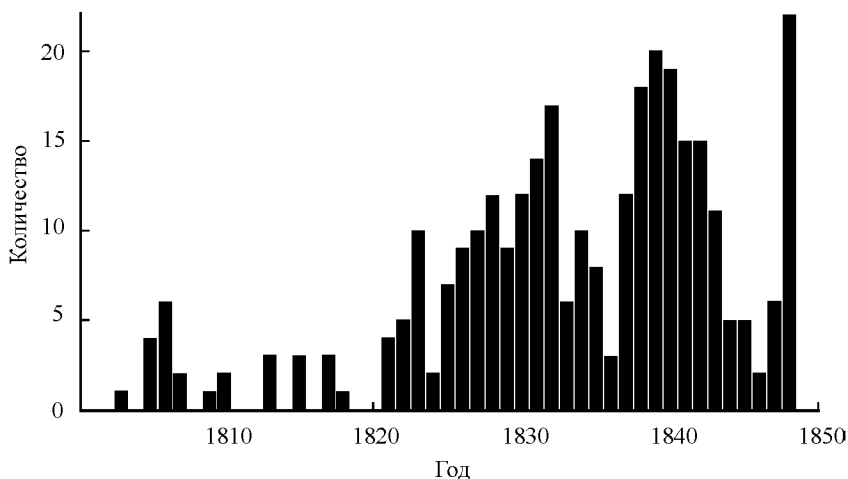
⁵⁶ О зависимости появления песенных жанров у Дельвига от окружающего его музыкального быта см., например: Hodge T. P. A Double Garland. P. 156. Если в 1821—1824 годах этой музыкальной средой служит салон Пономаревой, то в конце 1820-х ею становится собственный круг Дельвига и его жены. Если посмотреть на даты написания «русских» песен, то большинство будет укладываться как раз в периоды 1821—1824 и 1828—1831 годов (только «Соловей» написан в 1825 году).

⁵⁷ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 368.

⁵⁸ Дельвиг А. А. Сочинения. С. 56.

⁵⁹ Последовательность стихотворений такая (заглавия приводятся по первоначальному варианту рукописи): «За ваше нежное участие...» («К С. Д. П-ой»), «Ты на Доминго вечно будь...» («К ошейнику собачки Доминго»), «Во имя Делии прекрасной...» («К птичке, выпущенной на волю»), «В Испании амур не чужестранец...» («С. Д. П-ой. При посылке книги: „Воспоминание об Испании, соч. Булгарина“ (Сонет пятый)»), «Голова ль моя, головушка...» («Мелодия 2-я»), «Что, красотка молодая...» («Мелодия 3-я»), «Скучно, девушки, весною жить одной...» («Мелодия 4-я»), «Пела, пела пташечка...» («Мелодия 5-я») (см.: ИРЛИ. № 18043. Л. 32—40).

⁶⁰ Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 370—371.

Распределение «русских песен» (1800—1850) по дате первой публикации. График отражает 314 текстов (из 526 включенных в корпус).

ной публикации этой песни Дельвига указывает на то, что она могла бытовать в салоне, но не переходить в печать.

«Ах ты, ночь ли...», первая «русская песня» Дельвига, содержит основные черты, которые в целом будут свойственны всем последующим его образцам этого жанра:⁶¹ стилистическая точность; отсутствие прямых сигналов «литературных» жанров и заимствования сюжетов (как у Баратынского), напластований сентиментального языка (как у Сомова); монотематичность лирической медитации, ориентация на формы городской песни.⁶²

Упорядочивая язык, приемы фольклорного стиля, стабилизируя композицию песен, Дельvig создавал в литературе нишу для фольклоризованной лирики, своеобразного аналога элегии. Это особенно заметно по тому, что сама элегия практически полностью отсутствует в поэзии Дельвига, ее функции берут на себя песенные формы — и салонный контекст бытования их, группировка ряда текстов вокруг имени Пономаревой дополнительно подчеркивает это.

Концентрация формы «русской песни» в тесном кругу в начале 1820-х годов стала предметом детального рассмотрения неслучайно. Это достаточно хорошо документированный пример того, как стилизации, возникающие на периферии литературы, в дружеском кружке и салоне, вероятно, связанные с его специфической прагматикой, впоследствии встраиваются в литературную систему. Этот сдвиг в статусе «русской песни» будет хорошо заметен, если разметить собранные нами стилизации первой половины XIX века по времени публикации, как показано на рисунке.⁶³

⁶¹ Об особенностях «русских песен» Дельвига см., в частности: *Шервинский С.* Барон Дельvig и русская народная песня // *Русский архив.* 1915. № 6. С. 139—165; *Успенский В.* О Дельвиге // *Русская поэзия XIX века.* Л., 1929. С. 121—130; *Иезуитова Р. В.* Литература второй половины 1820-х — 1830-х годов и фольклор. С. 104—108; *Вацуро В. Э.* Антон Дельvig — литератор. С. 11—12.

⁶² «Ах ты ночь ли...» прямо не повторяет зачина фольклорных песен, но варьирует подобные (см.: *Верховский Ю. Н.* Барон Дельvig. Материалы биографические и литературные. Пб., 1922. С. 93—95). Песня написана редким 3-стопным хореем с дактилическими окончаниями, у которого есть фольклорные аналоги. Из-за разбивки на сверхкороткие стихи и постоянного словораздела, Дельvig, фактически, канонизирует только одну ритмическую формулу подобного размера (ср. у Пушкина в «Песне деvушек»: «Разыграйтесь, деvицы, / Разгуляйтесь, милые»).

⁶³ Учитывались только публикации в периодических изданиях и альманахах, сборники исключались. Все данные, использованные для графика, вместе с текстами песен см.:

Устойчивый рост публикаций «русских песен» начинается в 1820-х годах и, таким образом, рассмотренная история с кружком Пономаревой относится к самому началу широкого тиражирования жанра. Подхваченный многочисленными рассуждениями о народности литературы и заметными образцами Дельвига, он распространится в качестве новой романтической формы лирики. Для множества этих текстов уже неизвестно ни голосов, ни нот — постепенно «русские песни» становились жанром для чтения, выходя за пределы исполнительской и музыкальной сферы. Таким образом, наблюдения за распространением «русских песен» в литературе и сменой жанрового контекста позволяют более определенно решать вопрос и о периодизации этой формы.

github.com/perechen/russian.songs.final. В основе коллекции лежат издания литературных песен под редакцией И. Н. Розанова (1936) и В. Е. Гусева (1989), для дополнений использовался ряд справочных изданий и сквозной просмотр периодики. Доступная опись черновая и неизбежно неполная, однако она должна отражать общие тенденции в распространении формы.

© А. Ю. Балакин

И. А. ГОНЧАРОВ — УЧИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Биографам И. А. Гончарова давно известен факт, что некоторое время он был учителем великого князя Константина Константиновича, будущего поэта К. Р. Впервые об этом упомянул в 1960 году А. Д. Алексеев в составленной им «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова»¹ со ссылкой на примечания Б. К. Ордина к письмам и запискам автора «Обломова» его родителям К. Ф. и С. А. Ординым, которые в 1920-х годах были им переданы в Государственную Публичную библиотеку.² Записка, в которой об этом шла речь, была напечатана в 1976 году К. Е. Ивановым в составе большой подборки ранее не публиковавшихся писем Гончарова из собрания Публичной библиотеки, куда вошло и пять писем к Ординым.³

25 октября 1873 года Гончаров писал С. А. Ординой: «...в пятницу и субботу я не свободен с 7 часов: в пятницу должен заниматься науками...»; последние слова пояснены так: «Гончаров преподавал литературу детям в. к. Константина Николаевича».⁴ О том же Б. К. Ордин вспоминал и в мемуарном очерке о Гончарове (1924): «Помню, как меня самого удивляло и огорчало то чванное и мелочное удовольствие, с каким Гончаров рассказывал об интимных обедах у Великого Князя Константина Николаевича, в Мраморном дворце. Он был преподавателем русской

Алексей Юрьевич Балакин — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Под 1873 годом стоит запись: «Осень. Преподает русскую словесность детям вел. кн. Константина Николаевича в Мраморном дворце» (Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 205).

² РНБ. Ф. 209. № 22.

³ Ранее четыре письма К. Ф. Ордину были напечатаны Р. Б. Заборовой (см.: Неизданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовой // Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14). С. 158—161).

⁴ Иванов К. Е. Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 147. Отметим, что публикатор это примечание поместил как свое, без ссылки на Б. К. Ордина.

словесности у его детей — Константина и Дмитрия Константиновичей и очень любил упоминать о их любезном и почтительном к нему отношении».⁵

Лапидарное примечание Б. К. Ордина позволило позднейшим исследователям Гончарова прямо утверждать: «Личное знакомство прославленного писателя и юного Константина произошло, вероятно, осенью 1873 г., когда И. А. Гончаров был приглашен вел. кн. Константином Николаевичем преподавать русскую словесность его детям в Мраморный дворец».⁶ Эти сведения без отсылок и оговорок перешли и в популярную литературу об авторе «Обломова». В биографиях вел. кн. Константина Константиновича о том, что его учителем был Гончаров, упоминается глухо и вскользь.⁷ Многие могли бы прояснить дневники «августейшего поэта», которые тот вел с 1870 года до самой смерти в 1915 году, но именно за интересующий нас период они отсутствуют.⁸

Однако среди бумаг вел. кн. Константина Константиновича сохранились его ученические тетради по русскому языку и литературе за 1872—1873 годы,⁹ когда эти предметы ему преподавал Гончаров. Благодаря этим тетрадям мы можем не только уточнить хронологические рамки занятий, но и увидеть, как именно проходили уроки.

Всего сохранилось четыре тетради, которые в основном содержат разборы или изложения произведений Пушкина и Жуковского, есть также небольшое количество сочинений на другие темы; большинство из них датировано. Первая тетрадь представляет собой переплетенные листы плотной писчей бумаги, сложенные вдвое; остальные три — обычные для того времени ученические тетради в линейку. На титульном листе первой (л. 1—40 об.) стоит: «Русский язык. Ст. Петербург. 1 октября 1872» (последняя запись — 13 января 1873 года), второй (л. 57—77 об.) — «Русский язык. Мраморный дворец 13 января 1873 г.» (последняя запись — 7 февраля 1873 года), третьей (л. 78—88 об.) — «Русский язык. Петербург. XXI марта 1873» (последняя запись — 14 апреля 1873 года); у четвертой тетради (л. 41—56 об.) титульного листа нет, записи в ней велись с 23 апреля по 5 июня 1873 года. Как минимум одна тетрадь до нас не дошла, поскольку невозможно предположить, что с начала февраля до середины апреля занятий не было.

За полгода Гончаров успел дать своему августейшему ученику не менее сорока уроков. Вероятно, они состояли в чтении и разборе образцовых произведений отечественной словесности, а потом вел. кн. Константин Константинович писал сочинение.¹⁰ Больше всего сочинений было задано по Пушкину: пять по «Евгению Оне-

⁵ См.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 366. Л. 23 об. В настоящее время этот текст готовится нами к печати.

⁶ Демиховская Е. К., Демиховская О. А. И. А. Гончаров и К. К. Романов // И. А. Гончаров и К. К. Романов: Неизданная переписка. К. Р. Стихотворения. Драма. Псков, 1993. С. 13.

⁷ См., например: Матонина Э. Е., Говорушко Э. Л. К. Р. М., 2010. С. 134 (сер. «Жизнь замечательных людей»); Чернышова-Мельник Н. 1) Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008. С. 112; 2) К. Р.: Баловень судьбы. СПб., 2015. С. 114; Черников А. П. Поэт рода царского: Судьба и творчество Константина Романова. Калуга, 2011. С. 9.

⁸ Дневники ныне хранятся в ГАРФ (Ф. 660. Оп. 1); регулярно вел. кн. Константин Константинович стал вести дневник с начала 1874 года, в более ранних записях имеются лакуны (в частности с августа 1872 по январь 1874 года; подробнее о дневнике см.: Сак К. В. Дневники великого князя Константина Константиновича как памятник духовной культуры России второй половины XIX — начала XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований. Взгляд молодых ученых: Сборник материалов I Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 81—87).

⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Ед. хр. 1049.

¹⁰ Ср. мнение С. В. Друговейко, которая писала об уроках Гончарова цесаревичу Николаю Александровичу в 1858 году: «Преподавание, по-видимому, состояло в чтении и комментировании крупнейших произведений мировой литературы...» (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 339); далее исследовательница цитирует письмо Гончарова к А. В. Дружинину от 22 июля того же года, где он сообщал, что прочел с наследником «от доски до доски» дружининский перевод «Короля Лира» Шекспира. В связи с этим отметим, что на обороте обложки

гину» («Описание русской деревни», «Наступление русской зимы», «Другое описание зимы в русской деревне», две «Весны» и «Въезд в Москву»), три по «Медному всаднику», два по «Полтаве», а также «Разбор баллады „Смерть Олега”» и «Содержание баллады Пушкина „Утопленник”». Из произведений Жуковского разбирались «Кубок», «Граф Гапсбургский», «Одиссея», но больше всего внимания было уделено поэме «Рустем и Зораб».

Учеником составлялись и описания. В основном это описания дома юного великого князя («Описание наружности Мраморного дворца», «Описание Красной Столовой комнаты в Мраморном Дворце», «Описание одного из кабинетов Мраморного Дворца», «Описание церкви Мраморного Дворца» и др.) и различных праздников («Описание того, что происходило в Гербовом Зале Зимнего Дворца во время Георгиевского Праздника, 26 ноября 1872 г.», «Описание большого парада 20 апреля 1873 года», «Описание въезда Императора Германского в Петербург 15 апреля 1873 г.», «Елка» — про новогодний праздник в Мраморном дворце). Из этого ряда несколько выбиваются более привычные для педагогической практики описания цветка («Ландыш») и картины («Вознесение Борогодицы» Мурильо), а также небольшое грамматическое сочинение «О залоге», серьезно отредактированное и дописанное Гончаровым. Особняком стоит эссе «День на военном судне». Напомним, что вел. кн. Константин Константиновича измлада готовили к морской службе; очевидно, зная об этом, Гончаров попросил его поделиться впечатлением от плавания: «В июне, 1870 г. (не помню которого числа) фрегат „Громобой” снялся с якоря рано утром и вышел с большого Кронштадтского рейда под парами в кампанию. Прежде всего пошли мы в Транзунд, где встали на якорь около двух часов.

Обход на военных судах бывает обыкновенно в 12 ч. Если на судне Адмирал, то у него за обедом большей частью бывают приглашены капитан и офицеры. При снятии с якоря всегда вызывают всю команду наверх. При становлении на якорь тоже, и притом спускают шлюпки на воду.

Около 3^х или 4^х часов Адмирал съезжает на берег.

Так было и в день мною описываемый.

Съехали на один из островов и пошли гулять. Но эта прогулка продолжалась недолго, и скоро мы воротились на фрегат.

Только что солнце садится, спускают флаг, причем вся команда стоит во фрунте, а после спуска поют хором „Отче наш”.

В 7 час. бывает ужин, а в 10 ч. обязательно всем ложиться спать».

Иногда великий князь записывал вопросы к следующему занятию, по которым можно судить о том, какие темы разбирались на уроках. Так, перед одним из сочинений о «Полтаве» записан следующий план: «I. 3 сюжета поэмы „Полтава” и краткое их содержание. / II. Общая развязка. — Полтавский бой». Сходен с ним план изложения одного из фрагментов «Евгения Онегина», записанный самим Гончаровым: «Разбор отрывка „[Осень и] Зима” / 1. Разделена на части / 2. Какие чувства высказываются в описании / 3. Какие признаки подобрал поэт для описания осени?» Записи на некоторых листах свидетельствуют, что Гончаров пытался объяснить отдельные грамматические особенности, в частности, употребление буквы «ять», а также начертания букв церковно-славянского алфавита.

Но наиболее любопытны те листы тетрадей, где есть рука автора «Обломова».

Так, первая тетрадь открывается выпиской из вступления к «Медному всаднику», за ним следует «Объяснение второй строфы „Медного всадника”», и уже здесь Гончаров начинает поправлять текст ученика. Вел. кн. Константин Константинович пишет: «Пушкин, чтоб изъяснить значение построчки Ст. Петербурга, вкла-

одной из тетрадей вел. кн. Константина Константиновича есть карандашный портрет старика, похожего на статую Зевса, с подписью «King Lear» (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Ед. хр. 1049. Л. 77 об.).

дывает эту мысль в уста Петра I. Он представляет Россию зданием, окно, через которое входит свет, которого есть Петербург»; учитель редактирует: «Пушкин, чтоб изъяснить значение для России построения Ст. Петербурга, вкладывает следующую мысль в уста Петра I. Россия сравнивается с зданием; Петербург с окном, чрез которое проходит свет в здание». Приведем другой пример подобной правки. Так, в сочинении о «Полтаве» осторожный Гончаров старается сгладить резкие суждения своего ученика:

Первоначальный текст К. К.

В этом сочинении заключаются три сюжета: Первый есть борьба России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII.

Второй — это желание почти всех старейшин Малороссийских свергнуть ненавистное им владычество России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

Текст после исправлений Гончарова

В этом сочинении заключаются три сюжета: в первом содержится описание борьбы России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII.

Второй сюжет — это попытка некоторых старейшин Малороссийских, а преимущественно Гетмана Мазепы, отделить Малороссию от России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

Есть случаи, когда Гончаров по сути переосмысляет и дописывает размышления великого князя; вот фрагмент из разбора баллады Шиллера «Кубок» в переводе Жуковского:

Первоначальный текст К. К.

Первая особенность рыцаря средних веков есть богомольность.

Это доказывается тем, что юноша, бросаась в явную гибель, призывает на помощь Спасителя Бога.

В наше время такая богомольность покажется весьма странною; но в древности каждый, бросаась на смерть, ждал спасения — или значит — чуда.

Текст после исправлений Гончарова

Первая особенность рыцаря средних веков, насколько образ рыцаря отразился в балладе, есть благочестие; оно доказывается тем, что юноша, бросаась на явную погибель, призывает на помощь Спасителя Бога.

В наше время такое ожидание от Бога чуда покажется весьма странною; юноша безрассудно кидается в пропасть и в то же время молит о спасении. Подобное ожидание от Бога чуда выразилось в средневековом учреждении — Божиим суде.

По тетрадам великого князя заметно, как Гончаров остывал к занятиям: со временем поправок в сочинениях все меньше, их темы становятся более однообразными. Нет сомнения, что занятие 5 июня 1873 года было последним в этом учебном году. Про то, кому и как Гончаров преподавал следующей осенью, нам ничего неизвестно. Тетрадей по русскому языку вел. кн. Константина Константиновича в его архиве больше нет. В дневнике за 1874 год занятия по русскому языку не фиксируются (в отличие от уроков физики, английского языка и др.), следовательно, и имя преподавателя не называется.¹¹ Бумаги же трагически погибшего в 1919 году вел. кн. Дмитрия Константиновича не сохранились.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 4. Сохранился, однако, экземпляр «Обломова» издания 1862 года с дарственной надписью Гончарова своему ученику, датированной ноябрем 1873 года (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 73).

К ИСТОРИИ НЕОХРИСТИАНСКОЙ КОММУНЫ МЕРЕЖКОВСКИХ

(НА МАТЕРИАЛЕ «ДНЕВНИКОВ» Т. Н. ГИПШИУС). СТАТЬЯ 2*

1

Тема репрезентации духовной практики Мережковских в «дневниках» Татьяны Гипшиус, рассмотренная в нашей предыдущей статье, закономерно подводит к вопросу о месте церкви их толка и неохристианского коллектива в истории религиозных и интеллектуальных движений России. До настоящего времени этот вопрос исследователями не поднимался,¹ предпринятую попытку ввести опыт Мережковских в исторический контекст мы аттестуем как рабочую гипотезу.

Религиозная практика троестроительства и их последователей сопрягается с двумя равноновременными традициями: традицией русского христианского либерализма Александровской эпохи (с нею связана идея учреждения своей «церкви») и традицией революционного народничества, его мистической ветви, к которой восходит принцип жизнеустройства и направление деятельности коммуны. В нашей статье мы сосредоточимся на первой.

Сравнительный экскурс обусловлен некоторым историческим параллелизмом: обе эпохи отмечены глубоким кризисом в религиозной сфере, который был вызван по сути одной и той же причиной — не охлаждением в вере, а наоборот, духовным пробуждением русского общества. (В начале XIX века религиозный подъем был реакцией на распространение рационалистической философии и вольтерьянства, на рубеже XIX и XX — засилье позитивизма и атеизма.)

Оба процесса сопровождались усилением конфронтации между представителями просвещенной элиты и православной оппозиции и клира. Показательным примером столкновения противоборствующих сторон в конце XIX века может служить полемика, развернувшаяся в прессе по поводу реферата В. С. Соловьева «Об упадке средневекового созерцания», прочитанного в октябре 1891 года в заседании Московского психологического общества. В полемику оказались втянуты не только журналисты, но и богословы, историки церкви; в числе оппонентов выступили К. Н. Леонтьев, архимандрит Антоний (Храповицкий), К. П. Победоносцев и многие другие. Обмен мнениями вылился в острейшую дискуссию между прогрессистами (либералами) и консерваторами о понимании истинного христианства и его *социально-активном* характере.²

Определение «христианский либерализм» может показаться не вполне корректным в сравнении с более употребительным «христианский модернизм», возможно, более точно выражающим суть явления. Однако этот термин обычно прилагается к ре-

Маргарита Михайловна Павлова — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Продолжение. Начало см.: Русская литература. 2017. № 3. С. 222—242.

¹ Данная проблема затронута в только что вышедшей монографии Н. К. Бонецкой «В поисках неведомого Бога: Мережковский — мыслитель» (М., 2017), с которой нам довелось познакомиться уже после сдачи статьи в печать. В контексте нашей работы считаем уместным привести центральный тезис автора относительно феномена «церкви» Мережковских: «НЦ («Наша Церковь». — М. П.) это протестантская, левого толка, христианская секта, имеющая характерные признаки русского — как мистического, так и рационального сектантства» (Бонецкая Н. К. В поисках неведомого Бога: Мережковский — мыслитель. М., 2017. С. 61); см. главу «Философская Церковь супругов Мережковских» (Там же. С. 54—104).

² Подробный анализ дискуссии представлен в статье А. А. Ермичева «„Московские ведомости“ против В. Соловьева (К дискуссии о реферате «Об упадке средневекового мировоззрения»)» (Вопросы философии. 2016. № 10).

лигиозным течениям последней трети XIX — начала XX века — неокатолицизму (католическому модернизму), а также русскому религиозно-реформистскому движению «неохристианства» начала XX века. Мы принимаем определение в том значении, в каком его использует Ю. Е. Кондаков — один из авторитетных исследователей Александровской эпохи, автор ряда монографий по истории государственно-церковных отношений в России XIX века и истории русского масонства этого периода.³

К либеральному лагерю в среде паствы и клира Православной Церкви Кондаков относит членов масонских лож, религиозных обществ и сект, не порвавших с официальной церковью, а также лиц, пытавшихся перенести в Россию некоторые особенности европейской христианской практики. В отличие от национально ориентированных подданных (консерваторов), считавших зловерным все, что противоречит учению Русской православной церкви, христианские либералы предлагали «поставить заслон лишь революционным идеям и рационалистической и атеистической философии, а все лучшее из европейского опыта необходимо заимствовать»; «Чаще всего эти либералы считали себя последователями некоей „внутренней церкви“, которая в противоположность „внешней церкви“ не имела границ и объединяла всех христиан».⁴ Они полагали, что в ложах совершается истинное богослужение; проповедовали веротерпимость и экуменический идеал.

Учение, сформулированное Я. Бёме, было широко распространено в Европе XVIII века, в России оно также имело многочисленных последователей и пропагандистов, прежде всего в лице членов Библейского общества. Среди видных христианских либералов — А. Н. Голицын, М. М. Сперанский, Д. П. Рунич, Е. Ф. Татаринова, Е. Н. Котельников, Ф. Н. Левицкий, Р. А. Кошелев, А. Ф. Лабзин и мн. др. — все они были верноподданными и строго следовали государственной политической линии, однако в своих религиозных взглядах оставались свободными.

Мережковский основательно изучал Александровскую эпоху — «золотой век» русского масонства. Христианские либералы — Голицын, Сперанский, Лабзин, Кошелев, Татаринова, Левицкий, равно как и их оппоненты — архимандрит Фотий (П. С. Спасский), А. А. Аракчеев, а также декабристы и другие исторические лица, как, например, скопец камергер А. М. Еленский, автор проекта обустройства России в духе скопческой теократии,⁵ — суть персонажи его романа «Александр I» (1911). В черновых набросках к роману в перечне материалов для изучения, озаглавленном «Быт», в особые разделы среди прочего выделены: «Мистики. / Татар<инова>. / Лабз<ин>. / Крюд<енер>. / Скопцы. / Католич<ество>. / Реакция. / <...> Либералы. / Сперанский. / <...> Масоны».⁶

Дореволюционная историография религиозных движений начала XIX века была обширна. С конца 1860-х годов в «Русской старине», «Русском архиве», «Историческом вестнике», «Вестнике Европы» и других периодических изданиях регулярно публиковались новые материалы из архивов крупнейших государственных чиновников, клириков и общественных деятелей царствования Александра I. В конце 1860-х — начале 1870-х годов в «Вестнике Европы» были напечатаны основополагающие для изучения данного периода работы А. Н. Пыпина: «Россий-

³ См.: Кондаков Ю. Е. 1) Архимандрит Фотий (1792—1838) и его время. СПб., 2000; 2) Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003; 3) Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005; 4) Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012; 5) Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII — первой четверти XIX века. СПб., 2012; 6) «Рыцарские» системы масонства в России: 1772—1822. М., 2017.

⁴ Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России... С. 12, 14.

⁵ См.: Дело о скопце, камергере Еленском / [Публ.] И. П. Липранди. М., 1868. См. также: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд. М., 2013. С. 499.

⁶ Мережковский Д. С. Черновые наброски «Александра I» // ИРЛИ. № 24175. Л. 13 об.

ское библейское общество. 1812—1826», «Император Александр I и квакеры», «Г-жа Крюденер», «Библейская секта 20-х годов» (впоследствии они составили том посмертно изданных трудов ученого «Религиозные движения при Александре I», 1916), а также статьи по истории русского масонства («Русское масонство в XVIII веке», «Русское масонство до Новикова», «Материалы для истории русских масонских лож», «Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его»), впоследствии собранные Г. В. Вернадским и выпущенные отдельным изданием: «Русское масонство в XVIII и первой четверти XIX века» (1916). В 1908 году в нескольких номерах журнала «Минувшие годы» был напечатан цикл статей В. И. Семевского под общим заголовком «Декабристы-масоны», которые значительно дополнили труды А. Н. Пышина. Опубликованные материалы Мережковский широко использовал в работе над трилогией «Царство Зверя» (в нее вошли драма «Павел I», 1908, романы «Александр I»⁷ и «14 декабря», 1918).

Едва ли приходится сомневаться в том, что и в 1890-е — начале 1900-х годов, в период работы над трилогией «Христос и Антихрист» (1895—1905), Мережковский, как, впрочем, и З. Гиппиус, систематически обзревала беллетристику толстых журналов, просматривали публикации материалов из истории Александровской эпохи.

«Церковь» во имя Святой Троицы, учрежденная в 1901 году тремя интеллектуалами-западниками, встраивается в концепт «внутренней церкви» русских масонов, а их богословская доктрина в некотором смысле соотносится с масонской метафизикой — «сердечным» богословием (престол Божий находится в нас самих, в нашем сердце).

Своя «внутренняя церковь» во имя Святой Живоначальной Троицы (Святого Духа) была у князя Голицына⁸ — министра просвещения и духовных дел, обер-прокурора Синода, президента Библейского общества. На собраниях у него читали Библию, зарубежные религиозные мистические сочинения, молились, вместе с Голицыным молился император. Этот факт отражен в «Александре I» (часть 3-я, глава 2-я), Мережковский описывает антураж храма, молитву (читали и пели «молитву государя, стихи масонской песни, начертанные на образке, который носил он всегда на груди»), совершение евхаристии («причастил государя; потом у него причастился») и комментирует: «Если бы в эту минуту увидел их Фотий, то понял бы, что недаром изрек им анафему».⁹ (Эта сцена, видимо, имевшая для Мережковского особое значение, в критике вызвала нареkanie как «странная», «карикатурная», «кощунственная обедня».)¹⁰

Домовая церковь Голицына была построена в 1812 году как масонский храм, с использованием масонской символики (архитектор — А. Н. Воронихин, по его же рисунку был изготовлен иконостас, царские врата — по эскизу А. Л. Витберга, иконы Спасителя и Божией Матери писал В. Л. Боровиковский).¹¹ Храм освещался через круглое окно с изображением Всевидящего Ока.

⁷ Критики отмечали, что «Александр I» буквально «прошит» историческими документами. А. А. Корнилов, например, писал: «Я не буду перечислять здесь всех источников, изученных г. Мережковским, чтобы не утомить ваше внимание, но могу все же сказать, что взялся бы составить к этому роману подробный комментарий, в котором без особого труда мог бы указать в подстрочных примечаниях ко многим страницам, откуда именно заимствован или на каких источниках основан напечатанный им текст» (*Корнилов А. Исторический роман Д. Мережковского «Александр I» // Современник. 1913. Кн. 2: Февраль. С. 188*).

⁸ Об А. Н. Голицыне см.: *Серков А. И. Русское масонство 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 250—251*. Здесь и далее мы целенаправленно даем отсылки на издания, в которых деятельность упомянутых исторических лиц получает освещение в соответствии с темой нашей работы, то есть со стороны их принадлежности к русскому масонству.

⁹ *Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 251—252*.

¹⁰ См.: *Корнилов А. Исторический роман Д. Мережковского «Александр I»*. С. 197.

¹¹ См.: *Серков А. И. Русское масонство 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 199—200* (Воронихин А. Н.), 184—185 (Витберг А. Л.), 131—132 (Боровиковский В. Л.).

В записках Ю. Н. Бартенева сообщалось: «Внутренняя церковь Голицына состояла из самого храма, где служили Иннокентий, Филарет, Фотий и другие известные лица, и пристроенного к нему кабинета из двух комнат. В первой комнате было развешено по стенам множество образов Иисуса Христа, подаренных князю различными людьми. В центре второй комнаты находился престол, покрытый плащаницей, на которой лежали множество распятий. В центре возвышался огромный деревянный крест. Перед престолом вместо люстры было подвешено большое стелланное сердце, внутри которого горела свеча. Здесь А. Н. Голицын молился и проводил время в размышлениях»;¹² Феодосий Левицкий вспоминал о рабочей комнате князя: «...она была вся убрана прекрасными списками с чудотворных икон Спасителя Христа, сколько только таковых есть знаменитейших в целом мире, по всем церквам христианским и племенам: коими немощно довольно насладиться. Хотя много есть у него и других зал, однако он обыкновенное свое занятие государственными делами имеет не в какой другой, только в одной священной, где со всех сторон и со всякой точки смотрит на него Спаситель, и он его, сколько только поднимет глаза и куда обратится, везде встретит».¹³

Мережковский мог составить представление об этой церкви не по одним историческим или литературным документам (Г. Р. Державин сравнил ее с тайным храмом «верных христиан»¹⁴), но и по личным впечатлениям.

Храм размещался в верхнем этаже дворового флигеля дома Голицына на Фонтанке, д. 20; позднее здание перешло в ведение Канцелярии министра императорского двора (интерьер храма был уничтожен в 1930-е годы). Семья Мережковских жила в недалеком соседстве, в доме, выходящем на Неву (Фонтанка, д. 2), в котором прошли детство и юность будущего писателя. Отец — Сергей Иванович, столоничальник Дворцовой конторы, более пятнадцати лет служил при дворе Александра II («и был любим Государем»¹⁵).

Известный фотопортрет, помещенный С. А. Венгеровым в «Русской литературе XX века», на котором Мережковский снят в кабинете сидящим в кресле под большим распятием (своего рода визуальный образ духовной биографии писа-

¹² Рассказы князя А. Н. Голицына: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 370—371. Архимандрит Иннокентий (Илларион Дмитриевич Смирнов; 1731—1819) — ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1813—1819), профессор богословия, автор трудов по церковной истории; активный сторонник православной оппозиции, склонялся в ссылке, куда был отправлен А. Н. Голицыным. Архимандрит Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — крупнейший русский богослов, член Российского Библейского общества с его основания до запрещения (в 1819—1822 один из его вице-президентов); для Библейского общества он перевел на русский язык Евангелие от Иоанна; академик по Отделению русского языка и словесности (1841); был дружен с Голицыным, освящал его церковь, читал в ней проповеди. См. о нем: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 258—266; Серков А. И. Филарет // Серков А. И. Русское масонство... С. 833.

¹³ Фрагмент автобиографии Ф. Н. Левицкого (Русская старина. 1880. Т. 29. № 9. С. 144). Священник Феодосий Нестерович Левицкий (1791—1845) — автор сочинения «Глас невесты Иисуса» (1822), в котором предсказывал скорое наступление Апокалипсиса, призывал христиан готовиться ко второму пришествию. Очерк биографии и религиозных взглядов Ф. Левицкого см.: Кондаков Ю. Е. Кларик-либерал Ф. Н. Левицкий // Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России... С. 98—112; Серков А. И. Русское масонство... С. 469. Ср. в романе Мережковского: «Священник из города Балты, уроженец села Корытного, о. Феодосий Левицкий, представил государю сочинение о близости царствия Божьего. (...) Он-то и научил государя этому сокровенному таинству внутренней церкви вселенской, обладающему большею силою, нежели евхаристия, во внешних поместных церквах совершаемая. И государь предпочитал, особенно теперь, после анафемы Фотия, это сокровенное таинство — явному, церковному» (Мережковский Д. С. Собр. соч. Т. 3. С. 252).

¹⁴ Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. / С объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 170. См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... С. 259.

¹⁵ Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / Публ., вступ. заметка и прим. М. Толмачева и Ж. Шерона // Звезда. 1995. № 5. С. 160.

теля,¹⁶ сосредоточенного на осмыслении божественного кенозиса¹⁷), идеологически корреспондирует с атрибутикой кабинета А. Н. Голицына, с акцентом на распятиях и «огромном кресте».

Мистицизм, внецерковное богословие Голицына (обряды он считал вторичными, на первое место ставил веру в Христа), эсхатологические настроения — ожидание Апокалипсиса (князь верил, что в его эпоху «проходит решительная битва с сатаной, а Иисус уже явился в мир в сердце Александра I, и скоро должно наступить тысячелетнее царствие Христово»¹⁸) — все эти черты специфической религиозности опознаются и в парадигме неохристианских настроений Мережковского.

Фигура обер-прокурора Синода, в особенности его неофициальная «внутренняя» религиозная жизнь, интересовала и А. В. Карташева. В 1904 году в журнале «Христианское чтение» он поместил пространную аналитическую рецензию на труд священника Н. Стеллецкого «Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность» (1901).¹⁹ Автор монографии подробным образом характеризовал мистицизм Голицына в связи с общим религиозно-мистическим движением в царствование Александра I.

В своем критическом отзыве Карташев выказал глубокое знание предмета. Он положительно оценил умелое использование Стеллецким исторических источников (мемуаров П. фон Гётце, кн. Н. С. Голицына, А. С. Стурдзы, В. И. Панаева, А. С. Шишкова, Н. В. Сушкова, Б. Н. Бартенева, Ф. Ф. Вигеля и др.) и переписки кн. Голицына, но при этом заметил: «Нет сомнения, сугубую ценность в настоящее время имело бы исследование о кн. А. Н. Голицыне не по одним печатным источникам, но и по детальным архивным данным, которых не было под руками у о. С-го».²⁰ В конце 1880-х годов архив Синода был уже описан и открыт для исследователей церковной истории, началось активное изучение синодального периода.²¹

Главный недостаток работы, по мнению Карташева, — легковесность, «скольжение по поверхности важных проблем». Стеллецкий «ограничивается кратким сообщением о наступлении в России мистического движения, но не пытается войти в психологию эпохи, разъяснить: почему же собственно это направление казалось таким притягательным для людей того времени, чем оно очаровывало их сердца и умы, какая жизненная правда таилась в нем? Ведь не одни сантиментальные гамоллис вроде кн. А(лександра) Н(иколаевича), или им(ператора) Александра попадали в его сети, но и такие трезвые, так сказать бронированные логическим разумом души, как Сперанский и Филарет, склоняли свой слух перед идеями какой-то „внутренней церкви“. Если бы наш автор не подчинился обычаю своих предшественников — оставил этот вопрос в стороне, то материалы (правда, «внешне») для

¹⁶ См.: Холиков А. Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» // *Autobiografia*. 2013. № 2. С. 73—87.

¹⁷ О своеобразии богословской доктрины Мережковского см.: *Аксенов-Меерсон Михаил, прот.* Возрождение мистики любви в экзистенциальном тринитаризме Мережковского // *Аксенов-Меерсон Михаил, прот.* Созерцанием Троицы Святой... Парадигма Любви в русской философии троичности / Пер. с англ. Киев, 2007. С. 149—170.

¹⁸ *Кондаков Ю. Е.* Религиозные взгляды князя А. Н. Голицына // *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России... С. 38.

¹⁹ Монография Н. Стеллецкого «Кн. А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность» печаталась в 1900 году в журнале «Труды Киевской Духовной академии», в 1901 году вышла отдельным изданием.

²⁰ *Карташев А.* Свящ. Н. Стеллецкий. «Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность». Киев. 1901 // *Христианское чтение*. 1904. Декабрь. С. 877.

²¹ Докторская диссертация С. Г. Рункевича, которую оппонировал Карташев, была построена на обширном документальном материале синодального периода и получила высокую оценку историков церкви. Рункевич входил в Комиссию по разбору и описанию архива Св. Синода (он был товарищем Карташева по Духовной академии, его имя упоминается в «дневниках» Т. Гиппиус). О научном освоении синодального периода Русской Церкви в конце XIX в. см.: *Кондаков Ю. Е.* Государство и православная церковь в России. С. 60—71.

его решения он мог бы найти и в известных ему статьях Пыпина, Знаменского, Дубровина».²²

Высказанные критические замечания убеждают, что рецензент имел отнюдь не поверхностное представление о мистическом движении и, очевидно, неслучайно сфокусировал внимание на проблеме «внутренней церкви».

Интерес Мережковского и Карташева возбуждала также фигура Сперанского²³ — выдающегося государственного деятеля, имевшего прямое отношение к церковным реформам в царствование Александра I.

В письме в Париж 3 сентября 1913 года Т. Гиппиус сообщала Мережковским: «Антон просит спросить Дм<итрия> — знает ли он, что Сперанский жил на углу Сергиевской и Таврической? Может быть, на месте вашего дома...».²⁴

Исключительное внимание Карташева к личности Сперанского, по-видимому, было связано не только с занятиями церковной историей, но и с личным мотивом — сходством начальной биографии. Сперанский — сын провинциального священника, по окончании Владимирской семинарии за проявленные способности был направлен в Александровскую семинарию, по окончании курса оставлен в ней в качестве профессора. Он отказался от монашества в пользу государственной службы. Такой же выбор стоял и перед Карташевым, о чем есть записи в «дневниках» Т. Гиппиус.

Забегая вперед, отметим, что, как и Сперанский, Карташев совершил восхождение на вершину власти. В июле 1917 года он был назначен обер-прокурором Святейшего правительствующего Синода, министром исповеданий Временного правительства. По этому поводу газетный репортер писал: «А. В. Карташева не прельстили все заманчивые посулы князей церкви, зазывавшей способного молодого ученого под монашескую рясу, в недалеком результате которого виднелось епископство».²⁵

В позднейших «Очерках по истории русской церкви» (1959) Карташев дал высочайшую оценку деятельности Сперанского, он называет его не иначе как «светлый ум» и в таком же духе: «Сперанский был верующий православный богослов. Но вместе с тем и гениально-ясно мыслящий ум».²⁶

Самой важной его заслугой на посту государственного секретаря Карташев считал попытку кодифицировать законы, относящиеся к церкви, начиная с царствования Петра I. Критикуя «крутую реформу Петра» (солидарно с Мережковским и Философовым²⁷), отменившую патриаршество и узаконившую цезаропапизм, он

²² *Карташев А. Свящ. Н. Стеллецкий. «Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность»*. С. 879—880. Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, этнограф, академик (1898) и вице-президент Петербургской Академии наук (1904), автор упомянутых нами работ по истории русского масонства XVIII и первой четверти XIX века; Знаменский Петр Васильевич (1836—1917) — историк русской церкви, автор работ «Руководство к русской церковной истории» (1870), «Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра I» (1878) и др.; Дубровин Николай Федорович (1837—1904) — историк, академик (1886), автор исследования «Наши мистики-сектанты» (Русская старина. 1895. № 10—12) и др.

²³ О М. М. Сперанском см.: *Серков А. И. Русское масонство... С. 764—765.*

²⁴ РНБ. Ф. 481. № 171. Л. 28. Один из трех известных петербургских адресов Сперанского: ул. Сергиевская, д. 62.

²⁵ *Л. Н. А. В. Карташев — новый обер-прокурор Св. Синода // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1917. 25 июля. № 16353. С. 3.*

²⁶ *Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 519—520 (глава «Отражение реформы в государственном правосознании»).*

²⁷ Церковная реформа Петра I — одна из центральных историософских тем Мережковского, начиная с исследования «Л. Толстой и Достоевский» (1898—1902). Общая позиция группы Мережковского в этом вопросе изложена в статье Д. Философова «Царь-Папа» в их программном сборнике (1907), см.: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999 (сер. «Исследования по истории русской мысли» / Под общ. ред.*

писал: «Отчетливую формулировку этого канонического бесправия Русской Церкви и абсолютно все право в себе поглощающего авторитета российских императоров дал позднее светлый ум Сперанского вместе с его точным пером. Сперанскому принадлежит и ясное сознание необходимости иметь для России так наз. „Основные Законы”». ²⁸ В 1917 году Карташев принимал непосредственное участие в подготовке церковно-государственной реформы, направленной на восстановление патриаршества и возвращение Церкви канонического права.

Деятельный реформатор, составитель Полного собрания законов Российской империи, активный участник Библейского общества, масон, вдохновитель декабристов (в его доме жил Г. С. Батеньков, о чем упоминается в романе «Александр I»), Сперанский мог привлекать Мережковского и Карташева еще и как оригинальный религиозный мыслитель.

В начале XX века религиозные взгляды Сперанского, в отличие от его государственной деятельности, ²⁹ оставались практически неизвестными и неизученными. Карташев, вероятно, был знаком с пионерской работой священника И. А. Катетова «Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный деятель», печатавшейся в выпусках «Православного собеседника» в продолжение всего 1889 года. Автор дал обзор обширного архива Сперанского, открыто переданного его дочерью Е. М. Фроловой-Багреевой в Императорскую Публичную библиотеку, наметил этапы его духовной эволюции, привел небольшие фрагменты из ненапечатанных религиозных сочинений.

Карташев служил в Публичной библиотеке, ³⁰ ему были доступны архивные фонды (где вместе с тем хранилась внушительная коллекция масонских архивов ³¹), трудно представить, чтобы историк церкви не воспользовался возможностью ознакомиться с неизданными рукописями Сперанского. Среди бумаг: неопубликованные мистические сочинения, конспекты и переводы религиозных текстов, заметки на текст Библии (более всего на текст Евангелия от Иоанна, апостольские деяния и послания, Апокалипсис), ³² рукопись «Об истинном начале христианской религии» («De christianismo» — «О христианстве»), ³³ а также ряд документов, касающихся государственно-церковных отношений («Введение к уложению государственных законов» и др.).

М. А. Колерова; т. 4). С. 63—102. Впервые сборник вышел на французском языке в Париже («Le Tzar et la Révolution»), через год в немецком переводе: «Der Zar und die Revolution» (München; Leipzig, 1908).

²⁸ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. С. 519.

²⁹ Литература о жизни и деятельности Сперанского огромна; наиболее востребованные издания в дореволюционной историографии: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861; В память графа Михаила Михайловича Сперанского / Под ред. А. Бычкова. СПб., 1872. Библиография наиболее существенных публикаций XIX — начала XX века см.: *Нольде Н. Э.* М. М. Сперанский: Биография / Подг. текста А. А. Гапоненкова. М., 2004. С. 270—285.

³⁰ В 1905 году Карташев, оставив академическую кафедру, поступил вольноопределяющимся в Императорскую Публичную библиотеку (на место уволенного Философова), через год (1 декабря 1906 года) был зачислен в штат на должность младшего помощника библиотекаря, в 1912—1917 годах возглавлял отделение богословия. Он был уволен из библиотеки 1 апреля 1917 года, поскольку получил портфель товарища обер-прокурора Святейшего Синода (В. Н. Львова) в первом кабинете Керенского. См.: *Грин Ц. И.* Карташев А. В. // *Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Библиографический словарь* / Ред. Ц. И. Грин, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека 1795—1917. С. 248—252. В январе 1900 года в Императорскую Публичную библиотеку на должность младшего помощника библиотекаря был зачислен Д. В. Философов, вплоть до увольнения в 1905 году он заведовал юридическим отделением (администрация была недовольна его общественной позицией и вынудила его уйти из библиотеки в декабре 1905 года). См.: *Грин Ц. И.* Философов Д. В. // Там же. С. 541—545.

³¹ Обзор архивов русских масонов в собрании ОР РНБ см.: *Кондаков Ю. Е.* Орден золотого и розового креста в России. С. 85—88.

³² См.: РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Ед. хр. 1772—1775. См. также: Каталог фонда М. М. Сперанского (№ 731) / Сост. М. Я. Стецкевич. Л., 1962.

³³ РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1762.

Сперанский пытался модернизировать устройство Русской Православной Церкви (в частности, он предлагал сформировать новую бюрократию из представителей высокообразованной элиты духовенства³⁴), однако в своих религиозных сочинениях существенно отходил от церковных догматов, «об „историческом” и „внешнем” христианстве отзывался неприязненно и резко: „сие обезображенное христианство, покрытое всеми цветами чувственного мира”».³⁵

Опекаемый наставником — розенкрейцером И. В. Лопухиным, великим мастером и теоретиком масонства, Сперанский разделял его апологию «внутренней церкви»,³⁶ критиковал обрядовую сторону («мертвая буква»³⁷); считал, что главное в христианстве — любовь. По наблюдению Ю. Е. Кондакова, Сперанский всю жизнь «пытался найти свой собственный путь в вере. Но при этом он стал последователем многих направлений, признанных Православной Церковью еретическими».³⁸

Наследие Сперанского оказалось актуальным для христианских либералов/модернистов начала XX века. В этой связи уместно вспомнить полемику Голицына и Сперанского по поводу таинства брака. Сперанский предлагал ввести светский брак, поскольку в древней церкви брак между христианами заключался по взаимному договору, а его освещение в церкви было необязательно. Голицын, напротив, настоял на исключении из Гражданского уложения главы о браке.³⁹ Теме о браке были посвящены пять заседаний Религиозно-философских собраний, открывшихся в Петербурге по инициативе Мережковских и их сподвижников (ноябрь 1901 — апрель 1903 года).

Отчетливые параллели в духовной практике Мережковских просматриваются с деятельностью общества Е. Ф. Татариновой (1783—1856; урожд. баронесса Буксгевден), его называли также «Братство во Христе», «духовный союз», «русские квакеры», «Татарино-Никитовская секта» (по имени одного из главных членов Никиты Федорова).

В собраниях кружка принимали участие видные сановники, высшие офицерские чины, петербургская элита. В их числе кн. А. Н. Голицын; писатель и переводчик, редактор «Сионского вестника», вице-президент Академии художеств и мастер масонской ложи «Умиравший сфинкс» А. Ф. Лабзин; обер-гофмейстер Р. А. Кошелев; секретарь Библиейского общества В. М. Попов; крупнейший военачальник генерал Е. А. Головин (впоследствии генерал-губернатор Прибалтийского края); живописец В. Л. Боровиковский и др.; посетил собрания и сам Александр I.

В исторической литературе за духовным союзом Татариновой закрепилось определение секты — хлыстовской или хлыстовско-скопческой. Знаток и исследователь русского сектанства Н. Ф. Дубровин считал определение не вполне корректным: «Общество это нельзя было назвать сектою, в строгом смысле этого слова, потому что оно не имело никакой организации, не предъявляло вступающим никаких условий и не налагало никаких обязанностей. Не привлекая никого в свое общество, Татаринова никого не отвергала и не удерживала против воли. (...) Каж-

³⁴ О планах преобразования духовенства см.: М. М. Сперанский (по Гауеншильду) / Сообщил В. А. Бильбасов // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 251—262; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... С. 217—219; Кондаков Ю. Е. Религиозные взгляды М. М. Сперанского // Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России... С. 17—19.

³⁵ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия / С предисловием прот. И. Мейендорфа и указателем имен. 3-е изд., репр. Вильнюс, 1991. С. 139.

³⁶ См.: *Лопухин И. В.* Масонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. М., 1997.

³⁷ Письмо М. М. Сперанского к Феофилакту // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 373—374.

³⁸ *Кондаков Ю. Е.* Религиозные взгляды М. М. Сперанского. С. 28.

³⁹ Там же. С. 39 (письма А. Н. Голицына к М. М. Сперанскому хранятся: РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 50).

дый мог свободно оставить братство без всякого объяснения причин своего удаления». ⁴⁰

Не отдаляясь от Православной Церкви, участники братства исполняли все ее уставы и христианские обязанности. В то же время они полагали, что при существовании в современной церкви одной только мертвой обрядности необходимы живые мистические религиозные сообщества (по примеру первых христиан), в которых могли бы встречаться внутренне верующие.

Мережковские в своей общественной жизни также стремились к первохристианскому идеалу, о чем свидетельствуют записи в «дневниках» Т. Гиппиус: «Ленса — прообраз первого Христианства как бы, а наше житье и бытие — в истории отражается, как весь тяжелый, нужный путь» (запись 14 марта 1908 года о жизни младшего «гнезда» на даче в 1906 году); в записи 27 октября 1907-го о «субботе»: «К(арташ)ов купил винограду и вина красного. Я с Кузнечиком хлеба. (...) Ната елочку принесла, живую (в горшке растет), под образ поставила. Стол приготовили. Сначала у стола свечей не зажгли, — Отче наш, помолились. А потом зажгли и сели. Псалмы почитали. Он — и Ната. А я Евангелие от Луки о воскресении. Потом К(арташ)ов прочел евхаристическую молитву первых христиан. Очень хорошая. Простая, сильная. Потом мы все поцеловались. А потом стали есть хлеб и пить вино, виноград, яблоко. Горели свечи, а мы просто были и говорили». ⁴¹

Последователи Татариновой собирались в Михайловском (Инженерном) замке, где она занимала помещение, смежное с замковой церковью в честь Михаила Архангела; ⁴² на потолке было изображение Святого Духа в виде голубя, на стене висел большой образ «Тайной вечери» работы Боровиковского. Собравшиеся проводили время в назидательных беседах, пении духовных песен и чтении священных книг, «со всею искренностью давали друг другу отчеты во всех своих делах, стремлениях и даже мыслях», во всем следовали учению мистиков («Жизнь по духу, хождение в присутствии Божиим и самое точное исполнение заповедей Господних были главнейшею целью общества» ⁴³).

На радения одевались в белую одежду: женщины в платья обыкновенного покроя, а мужчины в белые халаты. Затем садились вокруг комнаты, читали вслух «Отче наш» или из Евангелия от Иоанна, а потом, став на колени, пели одну из духовных песен. Песни были заимствованы у масонов, у скопцов и хлыстов, некоторые сочинены или переведены членами союза и самой Е. Ф. Татариновой.

Элитарный союз Татариновой, «внутренняя церковь», названная Филадельфийской, ⁴⁴ моления в белых одеждах, молитвы собственного сочинения, наконец, сам психофизический тип этой неординарной женщины и ее своеобразная религиозность — все вместе подводит к исторической параллели. ⁴⁵

⁴⁰ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты: Екатерина Филипповна Татарина и Александр Петрович Дубовицкий // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 46.

⁴¹ Amherst Center of Russian Culture. Gippius/Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 34. Далее ссылки приводятся в тексте сокращенно: *Amherst*, с указанием номера коробки и папки. *Ленса* — так в семейном кругу называли дачу (по имени хозяина-финна — Ленса) на станции Карташевской, где летом 1906 года жили сестры Гиппиус, Карташев и Кузнецов.

⁴² Татарина занимала в замке покой своей матери, баронессы Мальтиц — няни умершей в младенчестве великой княжны Марии.

⁴³ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты. С. 49.

⁴⁴ Восходит к Откровению Иоанна Богослова (Откр. 2—3). Евангелист удостоивает Филадельфийскую церковь (шестую из семи христианских церквей) похвалы — за малочисленность, твердость веры и братолюбие. Филадельфийская церковь упоминается в рыцарском катехизисе масонов, см.: Кондаков Ю. Е. «Рыцарские» системы масонства в России. С. 140—141.

⁴⁵ Гиппиус могла соотнести свой путь (главы нового христианского союза) и опыт Татариновой, а в символическом сплетении дат и событий заподозрить «персты» (на домашнем языке Мережковских — знаки выше). Татарина, лютеранка по рождению, была крещена в православие 8 ноября 1817 года, в день Михаила Архангела, тогда же у нее открылся дар пророчества. 8 ноября — день рождения Гиппиус, она венчалась с Мережковским в церкви Михаила Архангела, этим совпадениям придавалось провиденциальное значение. Гиппиус вспоминала о

В книге «Тяжелая душа» В. Злобин цитирует запись из не дошедшего до нас дневника З. Гиппиус за 1893 год (чуть ниже он датирует ее 1894 годом): «Пойду к х(лыс)там. Ведь я записана в Думе», и комментирует: «Кто, глядя на эту нарумяненную, надменную, немолодую даму, лениво закуривающую тонкую надушенную папиросу, на эту капризную декадентку, мог бы сказать, что она способна живой закопаться в землю, как закапывались в ожидании Второго пришествия раскольники, о которых с таким ужасом и восторгом рассказывает в своей книге „Темный лик“ В. В. Розанов? Да, такой в своем последнем обнажении была З. Н. Гиппиус — неистовая душа. Но высшая степень этого неистовства — Царство Духа — Второе пришествие — открылось ей не через закапывавшихся в землю раскольников, а в другой ереси — в хлыстовстве. (...) В ее книге „Лунные муравьи“ есть рассказ, озаглавленный „Сокатил“, где с большим знанием дела описано хлыстовское раденье. Больше об этом она никогда нигде не сказала ни слова».⁴⁶

Этот словесный портрет, наиболее востребованный историками литературы, как правило, приводят безотносительно к цитате из дневника. Действительно, сентенция Злобина о том, что Гиппиус была записана в «хлыстовской сатанинской Думе»,⁴⁷ выглядит, по меньшей мере, наивной, вместе с тем обнародованная им запись дает основание для дальнейших сопоставлений.

В середине 1890-х годов в периодике отложилось немало материалов о союзе Татариновой: мемуары участников кружка,⁴⁸ архивные документы (в том числе были опубликованы «доносы» на нее периода ссылки — в 1837 году Татаринова была арестована и выслана в Кашинский монастырь),⁴⁹ статьи, освещавшие духовную жизнь и религиозные воззрения членов общества.⁵⁰

В восприятии современников образ Татариновой раздваивался, вызывал противоречивые оценки. Глава православной оппозиции архимандрит Фотий называл ее «исчадием ада», «наваждением дьявола» (З. Гиппиус клирики называли «белая дьяволица»), обвинял в любодеении, устройстве бесстыдных радений, скопчестве, будто бы она учила «вырезывать тайные уды мужам. Даже бес научил ее искусству женский пол, самых жен и девиц скопить» и т. п.⁵¹

Колоритные воспоминания приводит Н. Дубровин: «Когда в 1821 году Головин приехал в Петербург, то о Татариновой ходили такие слухи, что они казались ему не только странными, но и смешными. Рассказывали, что это клуб адамистов, что в обществе Татариновой в большом употреблении так называемый свальный грех, что многие из ее последователей подвергли себя оскоплению, а сама Татаринова изобрела новый способ скопить женщин, и что молитвенные сборища в Ми-

дне венчания: «Дорогой мама говорила мне взволнованно: „Ты родилась восьмого, в день Михаила Архангела, с первым ударом соборного колокола в Михайловском Соборе. Вот теперь и венчаться идешь 8-го, и в церковь Михаила Архангела”» (*Гиппиус-Мерезжковская З. Дмитрий Мерезжковский*. Париж, 1951. С. 33).

⁴⁶ Злобин В. А. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004. С. 312—313.

⁴⁷ Там же. С. 313.

⁴⁸ См., например: *Усов Н. С.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. № 3. С. 579; *Свидетельства Филарета, митрополита московского*, см.: Русский архив. 1888. № 12. С. 586; *Голстой Ю.* О духовном союзе Татариновой // Деятельный век: Исторический сб., изд. П. И. Бартевым. М., 1872. Кн. 1. С. 221; *Воспоминания Фадеева* // Русский архив. 1891. № 3. С. 397; *Фукс В.* Из истории мистицизма. Татаринова и Головин // Русский вестник. 1892. № 1. С. 3—34.

⁴⁹ Татаринова в Кашинском женском монастыре (по архивным документам Тверской духовной консистории) // Тверские епархиальные ведомости. 1891. № 10. С. 284—300; № 11. С. 341—350.

⁵⁰ В первую очередь следует назвать исследование Н. Ф. Дубровина «Наши мистики-сектанты».

⁵¹ *Кукольник П.* Анти-Фотий // Русский архив. 1874. № 3. С. 603. Статья написана в защиту Татариновой, в ответ на статью арх. Фотия, в которой он осуждал ее как главу скопческой секты (напечатана в «Русском архиве» в 1873 году).

хайловском замке сопровождаются „такой скандальной обстановкой, что трудно придумать что-нибудь более комическое и безобразное”.⁵² (Похожие характеристики сопутствовали и Гиппиус в 1890-е — начале 1900-х годов.)

Участники собраний у Татариновой, напротив, «смотрели на нее как на женщину высоко нравственную и вдохновенную Богом»,⁵³ видели в ней подвижницу, святую, наделяли всевозможными добродетелями («Сердце ее <...> горело любовью ко Господу Спасителю, с такой необыкновенной силою, которую она только одна может изъяснить живыми словами»⁵⁴); свидетельствовали о даре исцеления от смертельных болезней, даре пророчества, который ей открывается во время радений при снисхождении на нее Святого Духа: «Все последователи Татариновой, как настоящие, так и последующие, верили безусловно в ее пророческий дар и в то, что Господь сотворил в ней свою обитель и что она имеет сокровища высшие, нежели дары духовные».⁵⁵ Ею были предсказаны: смерть Александра I в Таганроге, события 14 декабря, польское восстание 1830 года и др. За несколько дней до ареста братьев духовного союза Татаринова произнесла пророческое слово: «крышу раскрою, посрамлю, разошлю».

Последователи Мережковских испытывали такой же пиетет к З. Гиппиус — главе общины. «Зина — ты сторож новой жизни», — писала Т. Гиппиус. В ее «дневниках» сестра нередко предстает в ореоле святости, хотя сама же Татьяна протестует против ее обожествления другими, Карташевым, М. Шагинян или С. П. Ремизовой, например, в записи 11 декабря 1906 года: «Я все подливала масла в огонь, чтоб ее <С. П. Ремизову. — М. П.> вывести из отношения как к святым» (*Amherst*, box 2, folder 27).

Сближение («избирательное сродство») наблюдается также в эротическом поведении Татариновой и Гиппиус.

В начале своего духовного пути Татаринова примкнула к скопцам, однако не приняла их правил (запрет вступать в брак, не есть мясо, не пить вина, не курить), восстала против членовредительства, из-за чего и покинула скопческий корабль (общества Ненастьева). Во многих источниках приведена апофегма Татариновой, обращенная к главе скопцов Кондратию Селиванову: «Что толку скопить тело, но не скопить сердца? Возможность отнимется, а желание останется»,⁵⁶ и его ответное напутствие ей: «лепая» женщина может скопить и без ножа («Соблазнишь и отринешь! Соблазнишь и отринешь!»). Отношения Татариновой с Ф. Коссовичем,⁵⁷ поручиком А. Милорадовичем (он был доведен Татариновой до желания кастрации), художником Боровиковским отвечали мистической проповеди Селиванова, в конечном результате предполагавшей достижение некоей духовной трансформации.⁵⁸

В середине 1890-х годов образ Татариновой мог быть воспринят как пример для подражания — под знаком декадентского этоса. В эротических стратегиях

⁵² Дубровин Н. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 37.

⁵³ Там же. № 12. С. 52.

⁵⁴ Там же. № 10. С. 44.

⁵⁵ Кукольник П. Анти-Фотий. С. 598—613.

⁵⁶ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 44.

⁵⁷ См. письмо Татариновой к влюбленному в нее Ф. Коссовичу: «Когда ты был у меня, то я была в ту ночь вся у престола и просила для тебя сил. Очень была наказана, что поддалась несколько, и то только на одну минуту на твое худое желание. Нет, мой друг, не так побеждают врага на сем пути, — это природные люди удовлетворяют себя и тем облегчаются. Нас Дух Святой и сила его только может облегчить. Я уверена, что тебе враг все внушил и укрепляет тебя в намерении твоем, вмеща в тебе мысли о возможности сие сотворить. Молитвою и смирением истребляй сего врага, ибо он нас всегда искушает тем, чем мы ему в мире служили» (Там же. № 11. С. 56).

⁵⁸ Радлова А. Богородицын корабль. Крылатый гость. Повесть о Татариновой / Публ., предисловие и прим. А. Эткинда. М., 1997 (сер. «Лотмановский сборник. Материалы и исследования по истории русской культуры»; вып. 1). С. 43.

Гиппиус и Татариновой наблюдается полное соответствие; гетеросексуальные соп-tes d'amour Гиппиус так или иначе развивались в скопческом дискурсе «соблазни и отринь» (отношения с Ф. Червинским, Н. Минским, А. Волынским, Карташевым и др.), примеры столь многочисленны (прежде всего, переписка с Н. Минским⁵⁹), что обозреть их нет нужды, ограничимся одним.

10 марта 1892 года Минский писал Гиппиус: «Это не любовь, не то, что называют любовью. Я умираю от любви к вам. У меня в сердце огонь, муки. Не понимаю, как живу эти дни, как проведу эту ночь. Я не в силах так любить, я готов кричать: помогите, спасайте! У меня нет сил. Я все эти дни в огне. Поймите, дорогая, поймите, что я чувствую. Что мне делать! <...> Так любить, как я, Вы не можете. Вы — спокойная. И так будет всегда. Любовь эта убьет меня, — о, если бы поскорее убила! У меня сил нет. Завтра или ныне я получу досадно-нежное письмо. А потом вы приедете, и опять другой человек (?), другие люди, измены, ревность. И опять смутные разговоры, ласки, борьба самолюбий, самопрезрения. Что мне делать? Я люблю вас не на радость. У меня сил нет так любить. Господи разреши как-нибудь эту муку. Не могу я так страдать. Я слаб для такой любви (?). Не пишите мне ничего. Ваши холодные письма хуже смерти».⁶⁰ Видимо, в ответ Гиппиус писала: «Я не потерплю в наших отношениях ни некрасивости, ни рабства. Я должна чувствовать себя свободной совсем. <...> У вас ко мне любовь (слава Богу не младенческая, ее не нужно забавлять и возиться с нею непрерывно. У вас есть ко мне страсть (есть, потому что она не удовлетворена. Страсти вашей я видеть не хочу и не буду, если даже у моря мы и станем встречаться чаще здешнего».⁶¹

В полной мере эта схема эротического поведения приложима и к Т. Гиппиус, к ее единственному — «белому» роману с Карташевым, которым дирижировала старшая сестра (один из центральных сюжетов в «дневниках» Татьяны). Например, в отчете 6 июля 1906 года она рассказывала о своем очередном «опыте» сближения с Карташевым (ради «Главного»): «Я <Карташев. — М. П.>, говорит, говоря откровенно и прямо, что во мне зверь есть, но не только, и не лишайте меня всего, что во мне. Я, говорит, и трогательность чувствую бесконечно, как к ребенку, и нежность бездонную, и вакханизм <так!> необходимо и эстетику (о «Главном» — стыдится всегда говорить. И тебе обо мне не мог писать, о соединении в «Главном»⁶²). К Зинаиде Николаевне <чувство. — М. П.> было неполно, потому что были только „гнилость” и эстетика. А тут, у вас, говорит, полнота, и правда для меня. Этого мало всего. Когда говорил, меня обнимал и трогал руку всю с начала; я решила — до дна, только уж реагировать сил не имела, а думала — пусть, ощущаю „нечистоту” прикосновений, уж сколько могу — стерплю. Нарочно не уходила, сдержалась. Потом в шею стал целовать и ниже. Я очень содрогалась внутри. Конечно, писать, насколько содрогалась, нечего, ты чувствуешь сама» (Amherst, box 23, folder 24).

Община Мерезжковских с ее антипрокреативным уставом, безоговорочным подчинением З. Гиппиус, наконец, с келейной, семейно-родственной организацией⁶³ до

⁵⁹ Письма З. Гиппиус к Н. Минскому (более 300) см.: ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 205, 205а, б, в; обратные (около 60): Там же. Оп. 1. Ед. хр. 84. Публикация подготовлена С. В. Сапожковым и А. В. Сысоевой для тома «Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус» в серии «Литературное наследство».

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 46—47.

⁶¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 205. Л. 161—162.

⁶² Переписку Карташева с З. Гиппиус и Философовым 1906—1907 годов по вопросу нового «пола» см.: *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Из переписки З. Н. Гиппиус. München, 1972. С. 649—707.*

⁶³ Эта тема в «дневниках» Т. Гиппиус сопряжена с авторской рефлексией, см., например: «Мне иногда хочется ручательства, какого-то, истребить сомнение, что, может быть, много во всем специфически личного, как бы духа одной семьи, что ли. <...> Оторвавшись от Христа, почему же мы знаем, что идем по верному пути? Отпихнулись от берега, плывем, а другого берега не видим хорошо. Иногда видим, тогда радость, а всегда почти страшно, темно, черная глубина

некоторой степени напоминает союз Татариновой (в особенности в его поздний период).

В 1824 году Татаринова была выселена из Михайловского замка, отданного под Инженерное училище, тогда же она приобрела имение в уединенной местности за Московской заставой, где основала колонию, к которой присоединился ее брат, В. М. Попов с тремя дочерьми и некоторые другие прежние члены общества. Колонисты обосновались в двух дачах, в одной из них до своего ареста в 1837 году жила Татаринова, там же была обустроена «внутренняя церковь». «После запрещения собраний, — констатирует историк, — немногие члены общества составили семью людей, религиозно настроенных, искавших поэтического наслаждения в любви к Богу и в стремлении к нему».⁶⁴

По схожему принципу организовывалась «дачная» жизнь общины Мережковских. В «дневниках» Т. Гиппиус большое место уделяется описанию летних резиденций младшего «гнезда». Дачи подыскивались в обустроенных, но немногочисленных местах, чтобы можно было свободно продолжать привычную духовную жизнь, специальное место в доме отводилось для молельной. (Ср.: «Евг.» Ив(анов) сказал, что наша дача похожа на моленную. Вся деревянная, бревенчатая, дощатая. И пустоватая. И все будто кельи», 15—16 июня 1906 года; *Amherst*, box 2, folder 23).

После возвращения «старших» из Франции, оба «гнезда» в летние месяцы собирались на одной даче, куда для совместных молитв к ним приезжали со-молитвенники. Как отмечает историк масонства А. И. Серков, родственные связи (как служебные и дружеские) являлись определяющими и при формировании масонских мастерских.⁶⁵

Таким образом, в духовной практике группы Мережковского обнаруживается немало общего с христианскими либералами XIX века, просматривается соотносительность с масонско-скопческой традицией. Можно предположить, что в масонстве они нашли готовую форму метацерковной организации, с собственными церемониями и ритуалом, иерархией, нравственной дисциплиной и, что им представлялось самым ценным, — интеллектуальной свободой. Как и большинство русских масонов, они не отделяли себя от Православной церкви, однако оставляли за собой право на религиозное творчество.

2

В монографии, посвященной изводам христианского учения о Боге-Троице в персонализме русской религиозной мысли XX века, прот. Михаил Аксенов-Меерсон аттестует Мережковского как оригинального мыслителя-мистика, внесшего свою лепту в развитие богословской науки (он «перенес на русскую почву идеи западного мистицизма, раскрывая их влияние на русскую литературу»⁶⁶).

Основное внимание автор уделяет вопросу о тринитаризме Мережковского, а главным источником его богословской доктрины вслед за Т. Пахмусс называет учение Иоахима Флорского: «Проповедуя исполнение веры в Троицу вне исторической церкви, как Православной, так и Католической, Мережковский отошел от Соловьевских ектлезиастических воззрений. Он обратился к забытой средневековой ереси Иоахима Флорского, учившего, что история представляет собой последовательное раскрытие трех заветов Трех Божественных Лиц» и т. д.⁶⁷

под нами. А если утонем? А если оторвались да в пустоту, в семью, не с миром? в личные переживания?» (апрель 1907 года; *Amherst*, box 2, folder 31).

⁶⁴ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 12. С. 56.

⁶⁵ Серков А. И. Русское масонство... С. 9.

⁶⁶ См.: Аксенов-Меерсон Михаил, прот. Возрождение мистики любви в экзистенциальном тринитаризме Мережковского. С. 168.

⁶⁷ Там же. С. 154.

В ранних сочинениях Мережковского прямые отсылки к учению богослова не встречаются. Возможно, в данном случае имела место не рецепция, а идеологическое подобие (вера в грядущее царство любви — царство Святого Духа, когда церковь Петрова преобразится в церковь Иоаннову) и его позднейшая мотивация на почве идейного сближения: «Франциск Ассизский» (1938), «Реформаторы» (1940), трилогия «Испанские мистики» (1939—1941).

По предположению В. А. Котельникова, Ф. М. Достоевский, в своих «религиозно-эстетических предчувствиях и ожиданиях» близкий Иоахиму Флорскому, читал опубликованную в 1866 году в «Revue des deux Mondes» работу Э. Ренана «Ioachim de Flore et l'Évangile éternel», в которой тот подробно характеризовал учение аббата-мистика.⁶⁸ Естественно допустить, что в 1890-е годы эрудит-западник Мережковский познакомился с той же публикацией во французском журнале, — или же получил импульс для собственного религиозного творчества, изучая Достоевского. (Именно в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1898—1902) он впервые излагает учение о Троице — связывает догмат Троицы с «апокалиптическим христианством»).

Не подлежит сомнению тот факт, что Мережковский (как и Вл. Соловьев)⁶⁹ был хорошо знаком с традицией гностического христианства, мистическими и гностическими учениями; гностики-офиты и близкие им каиниты суть герои его произведений, начиная с «Юлиана Отступника» (сцена «еретического» собора). В «Воскресших богах» Кассандра излагает систему гнозиса Василида, признанную, наряду с учением Валентина, одной из наиболее совершенных. (В позднейших романах-эссе «Тайна Запада. Атлантида и Европа» и «Иисус Неизвестный» автор демонстрирует знание всех основных гностических «школ».)⁷⁰

В этой связи весьма примечателен портрет молодого Мережковского, составленный М. М. Ковалевским (в 1892 и 1894 годах писательская чета гостила у него на вилле Элленорк в Болье в окрестностях Ниццы): «Мережковский — человек, несомненно, начитанный, но какая бедная отделяет его, как бытописателя и как собеседника, от Ив(ана) Серг(еевича) Тургенева. В последнем чувствовалось целое мирозерцание человека, отрешившегося и от богословской и от метафизической кабалы, много думавшего над вопросами столько же общечеловеческой, сколько и русской жизни. В Мережковском же сидит какой-то средневековый схоластик, который возится с придуманной им новой „Тримурти“, в которой Юпитеру, Христу и Антихристу приходится играть роль каких-то ипостасей. Я уже в бытность мою в Петербурге выслушал из его уст это своеобразное исповедание веры, настолько хаотическое, что на первый взгляд мне показалось, что он просто смеется надо мною».⁷¹

Похожее впечатление, несколько позднее, вызвали у Философова эзотерические «умствования» Гипсиус о любви, Троице, Христе, Святом Духе. В апреле 1905 года, отвечая на одно из ее писем, он заявил: «...читая твой трактат с трезвостью, я вспомнил средневековые писания мистиков, бред экзальтированных монахов. Ужасно соблазнительно, интересно, но ужасно *нецерковно*, а ведь они были в *настоящей церкви*, то есть у них было таинство, реально соединяющее их с миром.

⁶⁸ Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // Русская литература. 2011. № 3. С. 66—67.

⁶⁹ См.: Трубецкой Е. Н. Мирозерцание В. С. Соловьева: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 60—67; Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009. С. 161—164, 217—223.

⁷⁰ Обзор и подробный анализ гностических источников, использованных Мережковским в художественной прозе, представлен в монографии Я. В. Сарычева «Религия Дмитрия Мережковского: „Неохристианская“ доктрина и ее художественное воплощение» (Липецк, 2001).

⁷¹ Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 249—250. Немаловажно отметить, что при этом сам Ковалевский следовал Шотландскому Уставу, то есть не исключал пункт о Верховном Архитекторе или о Боге.

Без тайны общей, без церкви такие мистические бреды — настоящий кошмар, который мы обязаны держать при себе».⁷²

В полной мере этот упрек может быть отнесен и к Т. Гиппиус, в ее «дневниках» большое место занимают невнятные мистические записи, как будто бы она неудачно имитирует стиль метафизических рассуждений старшей сестры, или обе они находятся под воздействием «Мистических творений» розенкрейцеровского пророка А. И. Ковалькова⁷³ и подобной литературы.

Очевидно, в процессе формирования своего богословского концепта (преемственного к традиции гностического христианства, хилиазму Иоахима Флорского, Вл. Соловьева и Достоевского), Мережковский изучал сочинения западных мистиков, по большей части привитые русскому обществу переводной и оригинальной масонской литературой, обильно издававшейся в начале XIX века Библейским обществом. Как отмечают исследователи, главным проводником гностико-мистической традиции на русской почве было масонское движение.⁷⁴

Непраздный интерес Мережковского к истории масонства подтверждают книги из его личной библиотеки, например, в его книжном собрании имелся труд А. И. Незелёнова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов: 1765—1785» (СПб., 1875). В личном экземпляре писателя сохранилось большое число владельческих помет и подчеркиваний, более всего в предисловии и в тексте второй главы «Русское масонство второй половины прошедшего столетия», на форзаце записан перечень литературы о масонстве, составленный на основе цитат из книги Незелёнова, и помета: «Достать!».⁷⁵

Вопрос о влиянии масонской литературы и метафизики на творчество Мережковского и З. Гиппиус до настоящего времени не рассматривался, хотя предпринять такое исследование в будущем было бы небесполезно. Реминисценции из масонских текстов можно заподозрить, например, уже в стихотворении Мережского «Дети ночи» 1894 года («Устремляя наши очи / На бледнеющий восток, / Дети скорби, дети ночи, / Ждем, придет ли наш пророк...»), которое современники восприняли как своего рода поэтический манифест нового литературного направления («Слишком ранние предтечи / Слишком медленной весны»). Между тем этот текст, помимо возможной переклички со стихотворением Вл. Соловьева «Ех oriente lux» (1890), содержит коннотации с духовной песней «Я родетель сокровенный...», бытовавшей в кружке Татариновой. По наблюдению Н. Ф. Дубровина,⁷⁶ песня составлена из фрагментов песен масонов и скопцов или хлыстов, ср.:

Дети веры, дети света
Зрят меня во всех делах;
Не постигнут — ждут ответа
В глазе Духа — не в словах.
<...>
Среди верных воздвигаю
Я пророка своего,

⁷² Пахмус Т. А. Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 79.

⁷³ «Мистические творения: Созидание церкви внутренней» Александра Ивановича Ковалькова (1794—1852) — писателя, переводчика и масона, изданные в 1815 году И. В. Лопухиным, содержали масонский комментарий к евангельским текстам. См.: Кондаков Ю. Е. Российский пророк А. И. Ковальков // Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России... С. 81—97; Серков А. И. Русское масонство... С. 404—405.

⁷⁴ См., например: Евлампиев И. И. История русской философии. СПб., 2012 (глава «Рождение философии в России (XVIII век)»).

⁷⁵ См.: Блинова О. А. Парижская научная библиотека Д. С. Мережковского // Литературный факт. 2017. № 3. С. 141—142.

⁷⁶ Дубровин Н. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10 (Октябрь). С. 55.

Им я церковь созидаю,
Снизойдя к ней чрез него.
Моим духом наполняю
Я пророка, как сосуд,
И в беседу с ним вступаю
Свой даю я душам суд.

В религиозной доктрине Мережковских просматриваются коннотации с масонской метафизикой, а в их духовной практике и общественном поведении — ориентация на вольных каменщиков, «детей вдовы». Религиозной идеей всей их жизни была идея Троицы, пришествия Третьего Царства, число «три» становится основой их религиозной концепции. Великая Триада — одно из центральных понятий масонской метафизики. Основным символом масонства, освященным тысячелетней традицией, является — треугольник, слово «брат» на письме обозначается тремя точками (небезынтересный факт: все письма М. Шагинян к З. Гиппиус отмечены значком треугольника, она ставила его на первой странице над текстом, в него вписывала порядковый номер письма).⁷⁷ Триаду содержит лозунг вольных каменщиков: «Свобода, Равенство, Братство». Эмблемой некоторых масонских орденов в России конца XVIII — начала XIX века была Святая Троица.

Свои чаяния Мережковские связывали с преображением исторического христианства в апокалиптическое, с грядущей церковью Третьего Завета Святого Духа или, как они ее называли, Иоанновой. Текстам из Евангелия от Иоанна и Апокалипсиса в их молитвенной практике отдавалось явное предпочтение. Евангелие от Иоанна, по сравнению с тремя синоптическими, считается наиболее эзотерическим, близким к мистическим откровениям христиан-гностиков.⁷⁸ Приведем одну из характерных записей Т. Гиппиус — об их общей молитве: «Канун Иоанна Богослова. Помолились. Прочли Ев〈ангелие от〉 Иоанна, Послания и Апокалипсис. 〈...〉 К〈арташ〉ов прочел Иоанну Молитву» (12 мая 1907 года; *Amherst*, box 2, folder 32).

Иоанн Богослов особо почитается масонами. На Алтаре Приношения Клятв в масонской ложе Библия открывается чаще всего на первой странице Иоаннова Евангелия. День Св. Иоанна Евангелиста — 21 мая — один из двух главных масонских праздников в течение календарного года. Символические ложи обычно посвящают Св. Иоанну Евангелисту, либо Святым Иоаннам Иерусалимским, т. е. Евангелисту и Крестителю.

Принадлежность к общине Мережковских сохранялась в тайне, как принадлежность к масонскому ордену, за разглашение тайны члена ложи подвергают радиации. Участники литургий у Мережковских, получавшие статус высшего посвящения, именовались «вечными». Посвящение в тайну без специального приготовления и благословения главы общины не допускалось. В записи 28 февраля 1906 года Татьяна пеняла Зинаиде относительно несвоевременности «посвящения» А. Белого, переживавшего страстное увлечение Л. Д. Блок: «Согрешили против его человеческого, когда приняли его как вечного. У меня явилось подозрение, что он Любви Дмитриевне как самому близкому и дорогому человеку (теперь и в Главном), насколько выявилось, 〈...〉 с правом расскажет о Четвергах 〈службах. — М. П.〉, обо всем решительно, что сам знает. Спросила его, рассказал ли, говорит — нет, но явилась мысль, что надо. Я ему серьезно говорила, что надо молчать. И даже утром сегодня, в шесть утра написала записочку, что ото всех прошу его ничего ей не рассказывать» (*Amherst*, box 2, folder 20).

Подобно масонской ложе их организация была строго иерархична, управлялась тремя иерархами, из которых главным была признана З. Гиппиус. Татьяна в своих действиях была обязана подчиняться «парижским братьям», члены петербургского «гнезда» повиновались ее решениям.

⁷⁷ Письма М. Шагинян к З. Гиппиус хранятся в амхерстском архиве.

⁷⁸ См.: *Свенцицкая И. С.* Тайные писания первых христиан. М., 1980. С. 127.

Явная параллель с ложей наблюдается в отлаженной системе ритуала: в записи Гиппиус «О Бывшем» и в дневниках Татьяны особое внимание отводится описанию подготовки к литургии, покупке определенных тканей, лент через плечо, живых цветов, чаш, свечей, они обе придают значение детальному описанию, кто где должен встать во время молитвы и т. п.; заканчивали литургии агапой и троекратным перекрестным целованием, как заканчивался совместный братский ужин в ложах.

В ритуалах Мережковских присутствует характерный для масонства синкретизм, стремление соединить христианское и пантеистическое мировоззрение, ввести в службу элемент языческой мистерии. Особое значение в масонской семиотике придается солнцу. То же самое встречаем в обрядах Мережковских. В записи «О Бывшем» З. Гиппиус рассказывает о том, как в 1906 году в Каннах они втроем встречали Пасху на горе, когда солнце вставало из моря, однажды служили на снегу в Компьенском лесу на восходе солнца. Эта деталь — состояние солнца — акцентируется и в записях Татьяны. 26 мая 1906 года она сообщала в Париж: «11 часов вечера. Мы, трое, впервые празднуем Божье — З. И это наш исторический праздник в одно и то же время. И вы трое — и *наша-ваша* молитва — наша общая. (...) Я была в белом платье. Ната в белой тальме, потому что белого платья не привезла, да и холодно было. (...) Читали под конец Апокалипсиса. Потом свечки потушили, смотрели восход, как солнце встает. Во время молитвы думали о вас (...) Сидели перед солнцем. Солнце вставало, небо чистое, *прояснело*» (*Amherst*, box 2, folder 22).

11 сентября 1906 года Татьяна писала о том, как вместе с Ремизовыми они служили Успенскую службу и закрывали дачный сезон. На следующий день она разбирала дачный «алтарь», потом пошла от дома навстречу солнцу: «Я не могла, встала на колени и солнцу поклонилась в землю — землю поцеловала. (...) Пошла и даже было на сердце жутко — страхом Апокалипсиса (...). Закат был, и именно „Золото в Лазури“» (*Amherst*, box 2, folder 26).

Места, в которых литургии совершались на природе, обычно приобретали ритуальное значение, так, например, 22 февраля 1907 года члены младшего «гнезда» специально выезжали на станцию Карташевская (дачная местность под Петербургом по Варшавской железной дороге), где летом праздновали Троицу.

Социальное поведение Мережковских также соотносится с традицией «королевского искусства». В практике заседаний масонских лож важное место отводилось спекулятивной работе, а именно чтению докладов религиозно-философского содержания. Устройство в Петербурге Религиозно-философских собраний с докладами на литературные и богословские темы можно рассматривать как опыт создания парамасонской ложи, к тому же со своим печатным органом — журналом «Новый Путь» (1902—1904), — в традиции «Сионского вестника», издававшегося А. Ф. Лабзиным. (Продолжение этой линии поведения просматривается в руководстве Религиозно-философским обществом (1908—1917), в организации «Союза февралистов» (1921), позднее переименованного в «Союз Непримиримых».)⁷⁹

Собрания были запрещены обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым по той же причине, по какой в 1822 году высочайшим рескриптом были запрещены все тайные общества, действовавшие на территории империи: как интеллектуальная оппозиция власти. Несмотря на царский рескрипт, масонские мастерские тайно продолжали работать по 1898 год, хотя сам центр русского масонства в годы запрещения переместился во Францию.

⁷⁹ О «Союзе Непримиримых» см.: *Gippius Z. Profession de foi* // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. № 121. С. 127—145 (публ. Т. А. Пахмусе). См. также в статье З. Гиппиус «О верности»: *Gippius Z. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920—1925 годов* / Сост., вступ. статья и комм. А. Н. Николюкина. СПб., 2002. Т. 1. С. 243—249; впервые: Общее дело (Париж). 1922. 13 янв. № 539. С. 2—3.

Деятельность, развернутая Мережковскими в среде петербургской интеллигенции, какой она видится из «дневников» Т. Гиппиус, напоминает рекрутирование членов ордена и происходит на тех же основаниях, на каких П. Н. Яблочков,⁸⁰ стоявший у истоков возрождения русского масонства, учреждал в 1887 году в Париже ложу «Космос», работавшую в послушании Верховного Совета Франции.

Яблочков предполагал создать элитарную ложу, которая бы объединяла деятелей литературы, науки, искусства, то есть творческую интеллигенцию⁸¹ (в традиции Рамсея, провозгласившего целью масонства объединение умов «в единую духовную империю»).⁸² В 1888 году в ложу «Космос» были приняты выдающиеся русские ученые, сыгравшие видную роль в возрождении масонства в России: М. М. Ковалевский, Е. В. Де Роберти, Н. А. Котляревский.⁸³ Близкая идея ранее исходила от М. М. Сперанского, он предлагал создать элитарную масонскую ложу для священства из самых талантливых представителей духовенства: «Отобранные лица должны были быть связаны между собой особыми узами мистического братства, объединенного общим центром и подчиненного государственному надзору».⁸⁴

Как известно, формальное знакомство Мережковских с Философовым состоялось в 1894 году на вилле М. М. Ковалевского, который, по словам А. В. Амфитеатрова, всех «перемасонил».⁸⁵ В книге «Дмитрий Мережковский», рассказывая о парижской Высшей школе общественных наук (1901—1905), одним из основателей которой был Ковалевский, Гиппиус лишь мельком упоминает о нем — в связи с той первой встречей с Философовым.⁸⁶ Дважды имя Ковалевского встречается в ее интимном дневнике «Contes d'amour», в записи от 21 февраля 1893 года (о поездке на виллу Эленорк в 1892-м) и 12 марта 1894 года: «Письмо от Максима Ковалевского! Поедем, верно, на Ривьеру».⁸⁷

Из этих заметок можно заключить, что Мережковские и Философов имели с Ковалевским исключительно поверхностное светское знакомство, что, по-видимому, не соответствовало реальной картине их отношений. По наблюдению Б. И. Николаевского, крупнейшего знатока и исследователя политической истории России и русского масонства XX века, умолчание о лицах и фактах — характерная особенность масонских воспоминаний.⁸⁸

В конце 1905 года Ковалевский вернулся на родину, его усилиями в России после длительного запрещения были инсталлированы (нелегально) масонские ложи по французскому образцу (в послушании Великого Востока Франции). Своеобразие их заключалось в переориентации от вопросов религиозно-философских и нравственных в сторону политической деятельности — с целью превращения России в современное правовое государство западноевропейского типа.⁸⁹

⁸⁰ Яблочков Павел Николаевич (1847—1894) — выдающийся ученый-электротехник, изобретатель, с 1876 года жил и работал в Париже. О нем см.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 934—935.

⁸¹ *Серков А. И.* История русского масонства, 1845—1945. СПб., 1997. С. 56.

⁸² *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 15.

⁸³ Подробные биографические очерки упомянутых лиц см.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 403—404 (Максим Максимович Ковалевский (1851—1916)), 423—424 (Нестор Александрович Котляревский (1863—1925)), 702—703 (Евгений Валентинович Де Роберти де Кастро де ла Серда (1843—1915)). См. также: *Старцев В. И.* М. М. Ковалевский — масон // *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 206—215.

⁸⁴ См.: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... С. 219.

⁸⁵ *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 2. С. 146.

⁸⁶ *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 121.

⁸⁷ *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николюкина. М., 1999. Т. 1. С. 51.

⁸⁸ *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990. С. 12.

⁸⁹ Подробнее об этих процессах см.: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 46—47.

Как можно предположить, Мережковские и Философов в это время (а возможно, еще и раньше) находились в поле зрения и деятельности Ковалевского, хотя прямых свидетельств о том мы не встречали. Они стояли на той же общественно-политической платформе, что и Ковалевский, относительно будущего страны, и расходились с ним в одном, но для них весьма существенном, пункте, — он был равнодушен к клерикальным вопросам и судьбе русской церкви.

Контактами с Ковалевским можно было бы объяснить и вызывающий некоторое недоумение отъезд Мережковских из Петербурга в начале 1906 года (внутренняя мотивировка: «ради Главного»),⁹⁰ — как раз в то время, когда их неохристианская коммуна сложилась de facto. Однако отъезд мог быть продиктован «братским» послушанием. Вплоть до декабря 1906 года масоны ложи «Космос» не имели права собираться в России, они должны были выезжать на свои работы во Францию.⁹¹ По сведениям В. И. Старцева, «к концу 1901 г. во французские ложи „Великого Востока” и других орденов было принято 10—15 русских либеральных интеллигентов, которые посещали ложи во время своих регулярных приездов в Париж или длительного проживания во Франции»,⁹² в их числе был, например, Ковалевский.

В феврале 1906 года Мережковские отправляются в Париж, где устанавливают тесные связи с эсерами, выпускают антимоноархический и антиклерикальный сборник «Царь и революция» (1907). В феврале 1906 года Ковалевский с И. И. Иванюковым⁹³ начинают издавать газету «Страна» (по направлению близкую Партии демократических реформ) с целью формирования общественного мнения. Активными публицистами этой газеты становятся вольные каменщики Ю. С. Гамбаров, Иванюков, Котляревский, А. С. Трачевский,⁹⁴ постоянным парижским корреспондентом — Философов, петербургским — Карташев.⁹⁵

Т. Гиппиус упоминает о Ковалевском в своих «дневниках» как раз в связи с работой Карташева в газете «Страна» (записи от 28 марта и 8 июня 1906 года, 27 февраля 1907 года).

Таким образом, в действиях Ковалевского и группы Мережковского отмечается согласованность, при этом их причастность к масонской организации документально не подтверждается, несмотря на явное тяготение к политическому масонству. По заключению В. И. Старцева, «в отношении лож французского обряда в России за период 1906—1910 гг.» можно «поименно назвать почти всех масонов и определить время их принятия».⁹⁶

Лишь по ряду косвенных признаков можно допустить, что Мережковские уже в эти годы имели отношение к движению. В «дневниках» Т. Гиппиус, например, начиная с середины 1907 года, возникает тема думской оппозиции. Как раз в это

⁹⁰ Мотивы отъезда З. Гиппиус обстоятельно изложила в письме к Е. В. Дягилевой от 11 августа 1905 года, см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906—1908) // *Лица. Биографический альманах*. М.; СПб., 1992. Кн. 1. С. 333—334.

⁹¹ См.: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 42.

⁹² Там же. С. 37.

⁹³ Иванюков Иван Иванович (1844—1912) — доктор политической экономии и статистики, профессор; близок народничеству, один из первых популяризаторов учения К. Маркса, участвовал вместе с Ковалевским в создании Партии демократических реформ, преподавал в Париже в Высшей школе общественных наук, о нем см.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 356.

⁹⁴ Гамбаров Юрий (Георгий) Степанович (1850—1920) — профессор гражданского права, вместе с Ковалевским и де Роберти основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, ее профессор; о нем см.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 219. Трачевский Александр Семенович (1838—1906) — историк, публицист, деятельный член Радикальной партии; о нем см.: Там же. С. 806—807.

⁹⁵ О сотрудничестве Философова и Карташева в газете Ковалевского см. в нашей статье «Мученики великого религиозного процесса» (*Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. С. 24—32).

⁹⁶ *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 92.

время в Петербург с Урала возвращается Василий Александрович Степанов (1871—1920),⁹⁷ двоюродный брат сестер Гиппиус по матери, горный инженер, видный деятель кадетской партии, депутат III и затем IV Государственной думы. Первое время его семья живет с сестрами Т. и Н. Гиппиус и Карташевым на Литейном (здесь же, еще до отъезда Мережковских, обосновалась его мать Вера Федоровна Степанова). Татьяна пытается привлечь кузена в общину (как явствует из ее записей, «Вася» становится со-молитвенником Мережковских). Благодаря Степанову младшее «гнездо» имеет подробные сведения о думских баталиях, он устраивает для них входные билеты в Таврический дворец, где проходят заседания Думы — первого русского парламента (близкие и родственники депутатов допускались на «экскурсию»).

На квартире Степанова в Петербурге (Тверская, д. 13) проходили два из четырех конвентов лож «Великого Востока народов России» — в 1913 и в 1916 году — перед Февральской революцией. Полагаясь на опубликованные В. И. Старцевым документы, можно заключить, что уже в 1910 году Степанов занимает высокую степень в масонстве, например, он принимал в ложу Н. С. Чхеидзе (лидер фракции меньшевиков IV Государственной думы, со 2 марта по сентябрь 1917-го председатель Петроградского Совета).⁹⁸

Разворот группы Мережковского в сторону политического масонства откликнулся в трилогии «Царство Зверя». В романе «Александр I», над которым писатель работал в 1909—1911 годах, весьма ощутима авторская ирония по отношению к старому религиозно-посвятительному консервативному масонству, к христианским либералам (как, впрочем, и другим историческим персонажам, не исключая декабристов). Позицию Мережковского маркируют скептические реплики протагониста — молодого Валерьяна Голицына. Роман открывается описанием встречи племянника и дяди (в доме на Фонтанке, в его кабинете), с первых же страниц задается иронический тон повествования по отношению к масонскому лексикону и верноподданническим тирадам старшего Голицына: «Долго еще говорил дядюшка об Иисусе сладчайшем, о совлечении ветхого Адама и воскрешении Лазаря, о состоянии Марии, долженствующем заменить состояние Марфы, о божественной росе и воздыханьях голубицы. (...) Всякая власть от Бога. Христианин и возмутитель против власти, от Бога установленной, есть совершенное противоречие» и т. п.⁹⁹

Ко времени написания «Александра I» религиозная практика группы Мережковского заметно эволюционировала. Оттолкнувшись от первоначальной романтической идеи устройства герметического храма — «внутренней церкви» (конец 1890-х годов) и руководствуясь задачей воплощения в жизни идеи «нового религиозного сознания», они пришли к необходимости основания неохристианской коммуны (ок. 1905), а затем к организации широкого духовного союза (1908—1917), нацеленного на подготовку религиозной революции.

Полного единомыслия у членов общины по отношению к новой — политической — ориентации не было. Вполне вероятно, что Т. Гиппиус не знала всех нюансов парижской жизни семьи, Мережковские и Философов находились под полицейским надзором, такое положение не располагало к обстоятельной переписке. В начале 1910-х годов в «дневниках» постепенно усиливается тема разлада с близкими, отчуждения младшего «гнезда» от Мережковских, см.: «вы наше гнездо не связываете сами для себя с нами. Попросту — не очень нуждаетесь. (...) Ведь я ничего не знаю о вас, а о себе пишу-пишу. Ведь в результате это же доклады, а не взаимодействие» (22 февраля 1911; *Amherst*, box 2, folder 38); «Дима говорил, что

⁹⁷ О нем см.: Серков А. И. Русское масонство... С. 769—780.

⁹⁸ Старцев В. И. Тайны русских масонов. С. 77—78; о Николае Семеновиче Чхеидзе (1864—1926) см.: Серков А. И. Русское масонство... С. 880.

⁹⁹ Мережковский Д. С. Собр. соч. Т. 3. С. 93.

„Конь Бледный”¹ для меня литература, а для вас переживание. Да, это „литература на крови”, оттого меня от нее отвращает. (...) Жизнь и кровь — тайна. И помещать в журнале такое о тайне — коробит. Вероятно, как Веру Глебовну.¹⁰⁰ Жить с вами Парижской жизнью ведь я не могла, а взвинчивать себя на „будто бы” не умею. Что имею, то имею. И отношение к Х(ристанству) и к т(ерроризму), сколько могу, — имею живое, а не мертвое. Тут разница наших жизней, обстановки жизни, биографичности. Вы были в Париже с людьми, а я была в России кожей всей, дышала зараженным воздухом. Ты удивилась, что я гнилое мясо вырезала из газеты. А как же мне сделать, чтоб вы мое искреннее (может быть малое) отношение видели? Кричать за вами: „и я, и я”!¹» (28 января 1911; там же).

Татьяна с горечью констатирует, что ее прежние доверительные эпистолярные диалоги с семьей сменились сухими «инструкциями» из Парижа; более всего она протестует против манипуляций Мережковских — механического «спаривания» младшего «гнезда» с нужными им людьми ради «дела».

В письме от 20 января 1912 года она пеняла сестре на непродуманное и несвоевременное внедрение М. Шагиня: «Приходится, к сожалению, признаться, что Мариэтта мистически *отражает* тебя, недаром она уверена, что создана для твоего искупления.¹⁰¹ Маня „устраиванья”, сталкивающая людей лбами, „пар”, „деланье” — все это впитала она с поразительной яркостью. И к ужасу моему вижу в ней тебя в умельченном виде, даже нет, а ты, с сорванными хорошими покровами. Что это за кошмар? По-моему — это тебе не искупление, а крест какой-то. (...) Теперь посылает инструкции, как вести себя с Борей Бугаевым, и чувствую, что она кому-то из нас подражает: не то тебе, не то мне: ты с Борей будь так-то, ты жену обласкай (или что-то в этом роде). После этого я не хочу ни Бори, ни Аси, ни Мариэтты, ни дел, ни слов, ни писем, ни любви, ни силы, ничего. Настала пора уединения. Я чувствую, что ничего не осталось во мне, ни слова говорить не хочу» (*Amherst*, box 2, folder 39).

Причины наступившего кризиса Т. Гиппиус видела в разрастании их коллектива, в утрате тайны внутренней жизни, сакральности религиозного действия (они перестали ощущать себя новыми «первыми христианами»), в разворачивании программы религиозной общественности: «...ужасно мы все оголили, уплостили, онаглили, обесплотили, обессилели. Что делаем — будто не делаем, равнодушно живем, вяло воспринимаем, будни вошли к нам: часовенка расплылась по комнатам и засела в ванной комнате. Омариэттили дело, и сами омариэттились. Ни страха, ни радости, ни яркости. Ползаем червяками, как бы чего-то достигли. Ничего нет, и „сделать” ничего не можем, оттого что угасили свой дух. Боимся жизни, боимся смерти, желаем чего-то „миру”, желаем „людям”, а себе — уж ничего не желаем. А раз не живем себе — и не миру и не людям ничего желать не можем» (там же); «Первые христиане Петровские — на их пороге все выросло (сейчас придет Христос)). (...) Христос *не сейчас придет*, а мы к нему придем, во что бы то ни стало, дойдем. От крепости настоящая яркость. *Нам надо: яркость и крепость. Крепость необходимо*» (22 февраля 1911; *Amherst*, box 2, folder 39).

В «дневниках» встречаются записи о подпольной работе общины. В качестве примера приведем фрагмент обширного недатированного послания в Париж, в котором обсуждается некая программа действий (по содержанию датируется концом февраля 1911 года). Ничего конкретного в письме нет, и в то же время понятно, что речь в нем идет о нелегальном союзе, работавшем под эгидой Религиозно-фило-

¹⁰⁰ Савинкова Вера Глебовна (урожд. Успенская; 1877—1942) — дочь писателя Г. И. Успенского, первая жена Б. В. Савинкова. История отношений Мережковских с Савинковым подробно представлена в издании: Революционное христовство: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009.

¹⁰¹ «Письмо М(ариэтты) случайно нашла в какой-то валяющейся ненужной книге, очень существенного содержания, *прочла* нарочно, и спрятала-то у тебя в столе» (прим. Т. Н. Гиппиус. — М. П.).

софского общества, и выработке программы: «Конечно, делать, так делать, братья так братья. За дело мы уже *взялись*. Прошлый год *был* факт (в этом есть реальное убеждение, которое никакими логическими доводами разрушено быть не может), следовательно, его жизнью заслужить *надо*. Но у меня сомнения в другом. И тоже корневые сомнения. Постараюсь покороче объяснить.

Я исповедую, что *новое* наше, то есть во имя чего мы осмелились идти против церкви в реальности — есть Несказанное. Есть новый пафос. Во имя этого пафоса *строится* на несказанном основании — или пытаются строиться коллектив, новый сосуд. Если реально наше восстание на Церковь — то реально должно быть и то, куда оно поместится. Качество этого коллектива — новое, несказанное. Партия же, как бы она сплочена ни была, — скрепы несказанной для спайки иметь не может. Потому я сравнивать наш коллектив с партией не могу, ибо *качество* различно. Изложение наше может быть пока только внешним, поэтому односторонним, и конечно незаконченным, а постоянно изменяющимся, дополняемым общими силами. Кто о чем ревнует. И не надо себя обманывать, что с написаньем программы, конечно, в соединении с разными людьми будет еще больше путаницы и ошибок. Потому что у нас главное — в несказанном. Теперь о них. Тут можно сделать сравнение с церковниками. Как церковник войти в новое не может, не оторвавшись сначала на момент от Церкви, так и революционер не может войти в новое — не оставив пока все партии и склонности к ним. Выпустит на время свою действительность, выработанную жизнь. У меня впечатление, что они не знают страха религиозного. Прежде чем им выявляться, они должны и сами одни и с нами пожить в религиозной атмосфере, принять внутренне Церковь, понять *Церковность*, и тогда может быть истинное соединение? От них мы должны учиться будущему, послесочасовенному делу, потому что в этом *их ревность*. Но пока они не поняли церкви, тела, это или личность, или партия, но не наши. Мы не *целое*. (Другое дело — брать их дело, участвовать безыдейно в человеческом божьем деле, просто *делать*, но не об этом сейчас речь).

Да. Изложение может повлечь много ложных соединений, много поверхностных соединений, и еще хуже, потому что не будет возможности и права сказать: у нас не то, раз *написано*. Скажут, мы все *признаем*. И кончено. Этим самым, подписанием (так!), — раз, два, и готово. Свои стали!

Потом, я считаю, например, что нужно этим людям подчеркнуть в *исповедании* пункт о Церкви, Вселенской, Исторической, Невидимой. Иначе — смешение, без Тела Христова — я считать своими не могу, и вы не смеете. <...>

Мейер за легальность во всей силе. От Мариетты в ужасе, что нельзя ручаться, что и он сам сейчас или кто-нибудь будет сослан, и может быть, каждая его лекция ставится теперь ему в вину. Он вам напишет фальшивое письмо, что все бросил.¹⁰² Чтоб замести следы и прекратить подозрения. Вообще, фальшивых писем не пугайтесь. Марьетте я буквально передала Димины слова ругательные. Она огорчилась и обиделась, но опять-таки как-то не прониклась. Шкурной боязни, за себя и за других у нее безнадежно нет. Ей хочется событий, приключений, и она рада была бы за себя и <в> ссылке. У Власовой¹⁰³ я была от Марьетты, потом сидели с ней вместе на лекции Мейера. Она неожиданно говорила откровенно. Очень нервная, умная видно. Говорила о Мих(аиле),¹⁰⁴ что у него совсем нет воли и что сей-

¹⁰² «Р. С. Мейеру противно писать фальшивое письмо. Не хочет» (прим. Т. Н. Гиппиус. — М. П.).

¹⁰³ Власова Мария Ивановна — член Религиозно-философского общества, принята по рекомендации К. А. Половцовой (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. 1907—1917: В 3 т. М., 2009. Т. 3: 1914—1917. С. 539).

¹⁰⁴ Еп. Михаил (Семенов Павел Васильевич; 1874—1916) — богослов, публицист, духовный писатель; с 1903 года архимандрит и экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, активный участник Религиозно-философских собраний; в 1907 году пере-

час ему ровно *никого* не нужно, что он должен быть один. Говорю, как же, ведь он ездил к Мейеру отречься от голгофства (я конечно не так сказала), и был очень удрученный. А она говорит, что ему стоило громадной силы воли, он не хотел и только сделал это благодаря одному человеку, которого я сейчас не назову. Я догадалась, что она про себя говорила. Очень неодобрительно к Брихничеву и Свенцицкому.¹⁰⁵ Говорила: Мих(аил) на ваших друзей был в претензии, что Нечаева¹⁰⁶ „рекомендовали“, и что говорил: пусть читает дальше о голгофстве в Христианской секции, — мы его разнесем. (...) Для них, по-моему, религиозная ревность и церковность, *параллельно* с действием совершаться не должна. А то — опять аналогия с церковниками. У церковников стремление начать с Евхаристии, так и у них стремление начать с партии. (...) И не надо сомнения, нельзя, чтоб Религия, новая, была бы средством дела истинного, человеческого, праведного, но все-таки человеческого еще? Я еще людям этим *не верю*. Очень трудно быть своими. Не выпустят „партии“. Понимаете, про что я? Ведь и Бердяев понимал все и понимает. Боря понимал. Толстой любил людей, Караулов¹⁰⁷ любил народ. Много евреев из рев(олюционеров), которые милее христианина Аскольдова (ненавижу его, органически, как лягушку). Но что же? Путать или не путать? Если еврей милее, я лично к нему присоединяюсь, а если он захочет со мной исповедовать одно — у меня другие требования. Частичная ответственность и за голгофцев, частичная и за р(еволюционеров). Но если ты свой, — то будь *истинно* своим. Будь *равен*. И только за это, до дна свое, можно полагать *всю* душу со смелостью и радостью. А за часть, за смешение — я не могу и не считаю грехом, если не делаю. У нас есть то, что ни у кого другого, может быть, нет, оттого только другие и не имеют этой ревности. А мы *должны* хранить наше несказанное. Беда еще наша, слабость в том, что мы не умеем ждать, *вынашивать бодро и действительно*. Либо маразм, либо фейерверк. Бутоны всегда раскапываются пальцами, росток тянем из земли, чтоб скорее вылез.

Затем вопрос 2. Как нам относиться к людям, которые имеют за собой прошлое. Трусость ли? Тут все — в меру соединений, в мере их участия в нашем. Не трусость, а самосохранение, трезвое. Зй вопрос — кто что может сделать?¹⁰⁸ Я думаю, что для будущего выступления (после часовенного) не все люди будут пригодны. Как и всегда — один исполняет, другой советует, третий палец завязывает — и т. д. По мере сил и возможностей. Друг друга надо хранить» (*Amherst*, box 2, folder 38).

Из приведенной записи явствует, что Мережковские пытались привлечь к своему религиозному делу представителей радикальной и оппозиционной интелли-

шел в старообрядчество, в 1908-м хиротонисан в епископа Канадского, в 1910 году запрещен в священнослужении старообрядческим Собором; глава группы «голгофские христиане», в основе его учения — возвращение к идеалам первого христианства (автор повести «На заре христианства», 1913). В мае 1911 года за радикальные высказывания был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1908—1912 годах занимал важное место в религиозно-общественных планах Мережковских. См. о нем: *Гиппиус З.* Синяя книга // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. Т. 1. С. 429—431; Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3: 1914—1917 (по указателю).

¹⁰⁵ Иона Пантелеймонович Брихничев (1879—1968) и Валентин Павлович Свенцицкий (1881—1931) входили в группу «голгофских христиан».

¹⁰⁶ Нечаев Иван Васильевич — действительный член Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, один из руководителей «голгофских христиан» на заводах Санкт-Петербурга; 27 декабря 1909 года на секционном заседании читал доклад «Отношение религии к устройению земной жизни» (*Ермичев А. А.* Хронология заседаний РФО // Религиозно-философское общество, в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3. С. 552).

¹⁰⁷ Караулов Василий Андреевич (1854—1910) — народовец, депутат II и III Государственной думы (защищал интересы старообрядцев и сектантов). Похоронен на Волковском кладбище (надгробие и бюст работы Н. Н. Гиппиус). О нем см.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 377—378.

¹⁰⁸ «Димочкино сомнение в непригодности» (прим. Т. Н. Гиппиус. — *М. П.*).

генции и духовенства, выработать общую программу. Единственное место, которое кажется непонятным, это рассуждение о партии.

В тактике Мережковских, несмотря на их близкие связи с эсерами-боевиками, прослеживается установка на над/внепартийность — в традиции работы лож. Цель политических масонов — объединить представителей всех оппозиционных партий для успешного осуществления демократических реформ.¹⁰⁹ В предисловии к «Черной книжке», озаглавленном «История моего дневника» (1919), З. Гиппиус писала: «Не входя ни в одну из политических партий, мы, однако, имели касание почти ко всем».¹¹⁰

В 1912 году был создан Орден «Великого Востока народов России», главная цель Ордена — свержение самодержавия и замена его демократической системой. По данным А. И. Серкова, в 1912 году была учреждена так называемая «Литературная» ложа, в которую был принят Карташев.¹¹¹ З. Гиппиус и Мережковский вступили в масонскую организацию в самом начале Первой мировой войны, когда по инициативе Верховного Совета «Великого Востока народов России» была образована ложа «Мережковского». В ложу входили: А. Я. Гальперн,¹¹² З. Гиппиус, Карташев, А. Ф. Керенский, Мейер, Мережковский, Н. В. Некрасов.¹¹³

Сведения о масонстве Д. Филоsofova отсутствуют (возможно, он последовал известному примеру П. Н. Милокова). Косвенным свидетельством принадлежности к Ордену могут служить его некрологи П. М. Макарову и А. И. Браудо (о них см. ниже). По наблюдению В. И. Старцева, поминальные статьи были своеобразным источником о братьях «ушедших на Восток вечный», как правило, некролог о масоне должен был писать масон.¹¹⁴ Например, З. Гиппиус почтила смерть Н. В. Чайковского (скончался в Лондоне 30 апреля 1926 года) статьей-некрологом, в полном соответствии с масонским поминальным ритуалом, она же выступала с речью на его поминках, устроенных в Париже масонскими организациями.¹¹⁵

Одним из первых мероприятий, осуществленных Мережковскими по заданию ложи, видимо, следует считать дело об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества,¹¹⁶ политику которого они во многом определяли совместно с Филоsoфовым и Карташевым (он занимал кресло председателя с 1912-го по 1917 год).

Однако уже со второй половины 1900-х годов вся религиозно-общественная деятельность Мережковских была направлена на политизацию интеллигенции с целью подготовки и проведения государственной и церковной реформы. Центральным в программе был пункт об отделении церкви от государства и восстановлении патриаршества. Этой задаче была подчинена направляемая ими работа Петербургского Религиозно-философского общества.

¹⁰⁹ О принципе надпартийности масонской организации см. в записке Н. В. Некрасова следователю ГУЛАГа: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 96.

¹¹⁰ *Гиппиус З.* Черная книжка // Гиппиус З. Дневники. Т. 2. С. 181.

¹¹¹ См.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 1144.

¹¹² Текст интервью Б. И. Николаевского с Александром Яковлевичем Гальперном (1879—1956) см.: Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. (Документы из архива Губернского института войны, революции и мира) / Комм. В. И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 139—145; *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 248—267. Впервые опубли.: *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. С. 49—75. В интервью Гальперна имена Мережковских не упомянуты.

¹¹³ См.: *Серков А. И.* Русское масонство... С. 1144. См. там же соответствующие статьи на членов ложи. По данным Старцева, З. Гиппиус и Мережковский были приняты в ложу в 1915 году, одновременно с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем, для них, «пользовавшихся большим авторитетом среди радикальных интеллигентов, <...> создавались специальные ложи» (*Старцев В. И.* Тайны русских масонов. С. 119).

¹¹⁴ Там же. С. 282.

¹¹⁵ См. статью 1: Русская литература. 2017. № 3. С. 242.

¹¹⁶ См.: *Иванова Е. В.* Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. 1990. № 10. С. 104—110.

Направление Общества отчетливо просматривается в темах докладов, прочитанных в сезоны 1915/1916 и 1916/1917 годов: «Ближайшие судьбы русской церкви. По поводу записки думского духовенства» (К. М. Аггеев); «Природа Церкви и ее судьбы в России» (В. П. Соколов); «Церковная реформа в России» (Д. В. Философов), «О реформе Русской Церкви» (Д. В. Колпинский), «Идеологии церковной реформы» (И. Д. Холопов), «Реформа, реформация и исполнение Церкви» (А. В. Карташев) и др.¹¹⁷

Одним из мест в Петрограде, где незадолго до Февральской революции собирались масоны из окружения Мережковских (помимо Религиозно-философского общества), была квартира Павла Михайловича Макарова,¹¹⁸ товарища Б. Савинкова,¹¹⁹ имя «гражданского инженера Макарова» встречается в «дневниках» Т. Гиппиус за 1911 год в связи с «Жоржем» (одна из партийных кличек Савинкова). О собраниях у Макарова Философов вспоминал в некрологе памяти товарища в газете «За свободу!» (2 декабря 1922 года): «Там, с давних пор, собирались радикальные круги русской интеллигенции. Там, во время Великой войны, шли бурные споры, там принимались иногда ответственные решения. Как иерихонская труба, гремел неукротимый Н. Д. Соколов,¹²⁰ нервно подергиваясь, вещал А. Ф. Керенский... Там иногда вдохновлялся А. В. Карташев (...). Там иногда смеялся, как ребенок, или проникновенно ораторствовал Д. С. Мережковский. Все чувствовали себя у П. М-ча буквально как дома...».¹²¹

Известным местом свиданий петербургских масонов была Публичная библиотека, вплоть до марта 1917 года в библиотеке служил Карташев, отдел «Россика» многие годы возглавлял Александр Исаевич Браудо, занимавший в масонской иерархии видное положение,¹²² постоянным сотрудником этого отдела был А. А. Мейер. В некрологе памяти Браудо Философов отметил: «...нельзя написать историю революции 1905 года, историю Февральской революции 1917 года, совсем не учитывая роли А. И.», а в ряду его особых заслуг назвал «организацию защиты по делу Бейлиса».¹²³

В 1912 году Мережковские и Философов оставили квартиру на Литейном, д. 24 и переехали по соседству — на Сергиевскую, д. 83, ближе к Думе. Примечательно, что около Таврического сада в предреволюционные годы селились лица, имевшие непосредственное отношение к работе русского парламента. В Таврическом дворце, как писала З. Гиппиус, сосредоточивалась «вся скудная политическая жизнь России, сконцентрированная в русской интеллигенции, в нелегальных и легальных партиях (...). Мы следили за событиями по минутам — мы жили у самой решетки парка».¹²⁴

Рядом с Таврическим садом и Сергиевской на Тверской жил Степанов. На углу Сергиевской и Потемкинской находился знаменитый в Петербурге кадетский клуб, где почти ежедневно собиралась думская фракция. Один из видных масонов

¹¹⁷ См. тексты докладов и материалы прений: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3: 1914—1917. В том не включен большой по объему доклад Карташева «Реформа, реформация и исполнение Церкви», прочитанный в закрытом заседании 28 февраля 1916 года; текст был опубликован отдельной брошюрой (Пг.: Корабль, 1916).

¹¹⁸ Макаров Павел Михайлович (1872—1922) — инженер, архитектор, знаток и собиратель искусства, см. о нем: Серков А. И. Русское масонство... С. 509; см. также: Старцев В. И. Тайны русских масонов (по указателю).

¹¹⁹ В 1911 году Макаров виделся с Савинковым в Париже, за что после возвращения был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. См.: Революционное христовство. С. 207—208, 310.

¹²⁰ Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928) — активный участник Февральской революции, автор Приказа № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов; см. о нем: Серков А. И. Русское масонство... С. 759; Старцев В. И. Тайны русских масонов (по указателю).

¹²¹ Цит. по: Там же. С. 127—128.

¹²² Об А. И. Браудо (1864—1924) см.: Серков А. И. Русское масонство... С. 137—138; Кельнер В. Е. А. И. Браудо // Сотрудники Российской Национальной библиотеки... Т. 1. С. 96—98.

¹²³ Философов Д. Памяти А. И. Браудо // За Свободу! (Варшава). 1924. 1 дек. № 323. С. 2—3.

¹²⁴ Гиппиус З. Черная книжка. С. 182.

первого призыва князь Д. И. Бебутов¹²⁵ в своих воспоминаниях рассказывал, что в 1908 году он специально снял квартиру над клубом, где у него проходили заседания ложи: «Комната для ложи была в конце коридора и выходила окнами во двор. (...) Мы совершенно спокойно собирались и вначале проявляли большую деятельность».¹²⁶

В самом начале 1990-х годов по приглашению знатока петербургской архитектуры И. Н. Харламова автору этой статьи довелось побывать в квартире на Сергиевской, д. 83, где в 1912—1919 годах жили Мережковские и Философов. Жильцы коммуналки оказались людьми гостеприимными, в особенности Александр Иванович Константинов (р. 1927), сын последнего слуги Мережковских Ивана Николаевича Константинова, и его супруга Александра Яковлевна, они позволили осмотреть помещение. Необычное впечатление на нас произвела комната, которую жильцы назвали круглой гостиной, площадью 31 кв. м. (в моей памяти она осталась овальной), хозяин в комнате не жил. Окна в помещении, если они имелись, были задрапированы и должны были выходить во двор (комната располагалась слева по коридору, от парадной лестницы). Такое помещение вполне подходило для заседаний ложи или «часовенки», к тому же, как писала З. Гиппиус, к ним сюда в перерывах между заседаниями в Таврическом дворце приходили друзья.

В феврале 1917 года многолетняя религиозно-общественная работа Мережковских увенчалась успехом. В дни Февральской революции политэмигрант Минский в письме к З. Венгеровой не без иронии спрашивал: «Скажите, Зина: советуете ли ехать в Россию немедленно или выждать конца войны? Ведь подумайте: свободное слово! Наконец, можно говорить о том, о чем я столько лет заикался. Что делают наши друзья-враги? Когда Мережковского назначат митрополитом? Когда Зиночку возведут в звание богоматери?» (Справа на полях Венгерова отчеркнула чернилами последнюю фразу).¹²⁷

После Февраля Мережковские находились в окружении Керенского.¹²⁸ «Временное правительство, — писала З. Гиппиус, — да ведь это все те же мы, те же интеллигенты, люди, из которых каждый имел для нас свое *лицо*... (Я уже не говорю, что были там и люди, с нами лично связанные)».¹²⁹

В состав Временного правительства были введены их ближайшие сподвижники и со-молитвенники, а также члены ложи «Мережковского»: Карташев как помощник В. Н. Львова, а затем обер-прокурор Синода и министр исповеданий, Б. В. Савинков¹³⁰ — сначала комиссар Временного правительства, а потом управляющий Военным министерством. В должности комиссара Временного правительства, а затем помощника министра торговли и промышленности в кабинет Керенского был введен В. А. Степанов. Н. В. Некрасов занял пост министра финансов (он же был последним губернатором Финляндии), А. Я. Гальперн — пост управляющего делами Временного правительства. Генеральным комиссаром Временного правительства при Черноморском флоте был назначен И. И. Фондаминский. Карташев принимал деятельное участие в подготовке Поместного собора русской церкви, редактировал проект об отделении церкви от государства. На Всероссийском поместном церковном соборе, проходившем в августе 1917 года, Петроградское ре-

¹²⁵ О князе Давиде Иосифовиче (Осиповиче) Бебутове (1859—1916) см.: Серков А. И. Русское масонство... С. 95. Воспоминания Д. И. Бебутова послужили одним из основных источников исследования Старцева о русском масонстве 1906—1917 годов.

¹²⁶ Воспоминания цит. по: Старцев В. И. Тайны русских масонов. С. 60—61.

¹²⁷ Письма Н. М. Минского к З. А. Венгеровой // ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 605-6. Л. 85.

¹²⁸ См.: Колоницкий Б. И. 1) А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98—106; 2) А. Ф. Керенский и круг Мережковских (1917) // Петроградская интеллигенция в 1917 году: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1990. С. 53—82.

¹²⁹ Гиппиус З. Черная книжка. С. 185.

¹³⁰ См. статью о Б. В. Савинкове: Серков А. И. Русское масонство... С. 724—725.

лигиозно-философское общество представлял А. А. Мейер, сотрудничавший в ма- сонском издательстве «Друзья свободы».

Примечательно, что уже в первые дни Февральской революции — в заседа- ниях 11 и 12 марта 1917 года Совет Религиозно-философского общества принял По- становление по вопросу об отношении Временного правительства к русской церкви как совершенно готовый продукт, не требовавший обсуждения; приводим этот со- хранившийся в архиве Д. В. Философова документ полностью по тексту, отпеча- танному в Типо-литографии «Экспресс» В. Бороздина (Большой пр., д. 21).

СОВЕТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

Совет Петербургского Религиозно-Философского Общества, обсудив в заседа- ниях от 11-го и 12-го марта 1917 года вопрос об отношении *временного правитель- ства* к русской церкви, постановил довести до сведения *правительства* следую- щее:

1) Основное начало, которое должно определять отношение нового государст- венного строя к православной церкви, есть отделение церкви от государства. Это отделение церкви утверждается Советом не только с точки зрения внешней, госу- дарственной, но и внутренней, религиозной.

2) Отделение церкви от государства есть не только логический вывод из про- граммы нового *правительства* и условий его возникновения, но и единственная гарантия реальной религиозной свободы совести.

3) Осуществление принципа отделения церкви от государства возможно в чис- том виде только при республиканском строе, так как всякая монархия неизбежно влечет за собой смещение начал государственных и церковных, соблазнительное для церкви и пагубное для свободной демократии.

4) Взаимоотношения церкви и государства должны быть окончательно опреде- лены новыми основными законами, выработанными Учредительным Собранием.

5) Свой внутренний строй церковь определит на соборе, который может быть созван после установления нового государственного строя. Церковный собор, преждевременно созданный, с необходимостью станет орудием контрреволюцион- ного движения в стране.

6) Впредь до вступления церкви на путь свободного самоопределения в усло- виях нового государственного строя *временное правительство* должно устранить с ответственных постов всех иерархов, составляющих оплот самодержавия. Это- го требуют не только соображения политические, но и уважение к достоинству иерархии, которая лишь по принуждению присоединяется к новому свободному строю.

7) *Временное правительство*, к которому перешла вся полнота власти по стать- ям 64 и 65 старых Основных Законов, должно упразднить созданную духовным ре- гламентом Петра I коллегиально-бюрократическую форму управления церковью.

8) *Правительству* надлежит образовать новый орган высшего Церковного Управления, который должен быть назван «*Временным Священным Синодом*», дабы не предвосхищать характера будущего свободного строя церкви.

9) В частности Совет Религиозно-Философского Общества не может не указать на непоследовательность действий Обер-прокурора Синода, в которых сказалось недостаточно ясное проведение начала отделения церкви от государства:

а) В новую присягу введен религиозный элемент, не могущий удовлетворить членов существующих церквей и в то же время нарушающий свободу совести лю- дей нерелигиозных.

б) Принятие Синодом акта отречения царя от престола по обычной канцеляр- ской форме «к сведению и исполнению» совершенно не соответствует тому огром- ной религиозной важности акту, посредством которого церковь признала царя по-

мазанником Божиим. Необходим для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинства брака и священства.¹³¹

Д. Философов был также ангажирован в работе институтов новой власти. В мае 1917 года он был приглашен в Особое совещание Временного правительства по духовным делам иностранных исповеданий, работавшее под руководством С. А. Котляревского,¹³² принимал участие в обсуждении законопроекта о вероисповедных переходах. В своих главных пунктах законопроект воскрешал вероисповедную политику А. Н. Голицына, главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий. В первых двух пунктах декларировалось: «1) Отпадение от церквей, исповеданий и вероучений, а также присоединение к другой вере не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем достигшее брачного совершеннолетия лицо признается принадлежащим к определенной вере, или не принадлежащим ни к какой из существующих религий, исключительно в зависимости от его свободного выбора. 2) Для отпадения от церквей, исповеданий и вероучений, не требуется испрошения разрешения у какой-либо власти, ни подачи о том предварительного заявления. Для прекращения же гражданско-правовых, вытекающих из вероисповедной принадлежности отношений между оставляемой церковью, исповеданием, вероучением и оставляющим их лицом, последнему предоставляется право подать о том, по месту своего жительства, письменное заявление мировому судье, а в местностях, где таковые не введены, суду их заменяющему» и т. д.¹³³

В мае 1917 года Философов был приглашен в Совет по делам искусств, образованный при Ф. А. Головине¹³⁴ — комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора (его товарищем по дворцовому ведомству был назначен П. М. Макаров). В задачи Совета входило решение вопросов, связанных с обеспечением сохранности художественных памятников, ревизии сокровищ в государственных дворцах и музеях и т. п.

Таким образом, масонская деятельность Мережковских и их сподвижников в период с середины 1914 года и вплоть до февраля 1917-го документируется историками и вполне очевидна (несмотря на отсутствие как таковой документации логи).¹³⁵ Она определялась, главным образом, политическими мотивами. Какое место в ней отводилось их «внутренней церкви» в эти годы, остается неясным: являлась ли она масонским храмом («часовенкой»), в котором совершалась общая молитва (зачастую, как явствует из записей Т. Гиппиус, вместе с теми, кто не имел представления об эклезиастических идеях Мережковского и Церкви Христа Гря-

¹³¹ РНБ. Ф. 814 (Д. В. Философова). Ед. хр. 177.

¹³² Котляревский Сергей Андреевич — профессор государственного права Московского университета, один из учредителей Партии народной свободы, член ее ЦК; один из членов-основателей Московского религиозно-философского общества. В мае 1917 года возглавил Департамент инославных и иноверных исповеданий Министерства внутренних дел, с июля 1917 года товарищ обер-прокурора Синода и министра вероисповеданий (А. В. Карташева), см. о нем: Серков А. И. Русское масонство... С. 424—425.

¹³³ РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 99. Л. 3.

¹³⁴ О Федоре Александровиче Головине (1868—1937) см.: Серков А. И. Русское масонство... С. 256—257; Старцев В. И. Тайны русских масонов. С. 63.

¹³⁵ В связи с этим обстоятельством уместно привести скептическое мнение, высказанное в конце 1980-х годов Г. З. Иоффе, одним из видных знатоков отечественной историографии: «Несмотря на то, что тема „Масоны и Февральская революция“ в последние годы довольно широко обсуждается, она все же не выходит из сферы предположений и преувеличений. Недоуменных вопросов здесь возникает намного больше, чем дается ясных ответов» (Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 33).

дущего), оставалась ли церковью их толка с собственным сакральным действием, или же обе формы существовали параллельно.

«Дневники» Т. Гиппиус, в полной мере этого вопроса не проясняют, вместе с тем отрефлексированные автором события и факты позволяют заключить, что «внутренняя церковь», неохристианская коммуна и «ложа» были звеньями одной цепи, этапами одного пути в духовной практике и религиозно-общественной деятельности Мережковских и их последователей.

© Г. В. Обатнин

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ В. В. БОРОДАЕВСКОГО

(ПО АРХИВАМ Ф. К. СОЛОГУБА И СЕСТЕР ЧЕБОТАРЕВСКИХ)

В дневнике секретаря Пушкинского Дома Е. П. Казанович 10 сентября 1922 года была сделана следующая запись: «Вчера милый Верховский принес мне стихи Бородаевского и читал их целый вечер. Какой это прекрасный поэт и как странно, что никому не известен! А между тем настоящий, большой, не уступающий, пожалуй, Брюсову, а кой в чем, быть может, и превосходящий его! И я до вчерашнего дня понятия об нем не имела. Впрочем, я ведь вообще крайне невежественна. Вот Маша, та, наверное, знает, о Бородаевском и Верховском, а я даже Верховского знаю, кажется, по двум стих(отворе)ниям, написанным им в мои альбомы. Зато самого его успела узнать как милого, тонкого, культурного, добродушного, с маленькой хитрецей, деликатного, умного, способного и чисто-русского лежебоку-байбака».¹ А вечер следующего дня Евлалия Павловна провела с Федором Сологубом, надеясь уже в третий раз получить от него запись в альбом Пушкинского Дома, о чем также оставила для потомства мемуарную запись.²

Мы привели суждение Казанович в качестве оценки творчества Валериана Валериановича Бородаевского человеком, симпатизировавшим поэтическим поискам начала века и, судя по сохранившейся толстой тетради ее стихов и прозы, всю жизнь упражнявшимся в любительском сочинительстве, но далеким от сложившихся ранжиров.³ По ним место, занимаемое Бородаевским в литературе, определялось возле Вячеслава Иванова. В автобиографии, написанной для С. А. Венгерова, сам поэт сообщал, забывая упомянуть свой первый сборник «Страстные свечи»: «Первая книга стихов (Стихотворения. Элегии, Оды, Идиллии, стр. 89) выпущена в 1909 году издательством „Оры“, с вступительной статьей Вячеслава Иванова. В статье этой, как кажется, дана исчерпывающая характеристика книги, а, может

Геннадий Владимирович Обатнин — лектор кафедры современных языков (русский язык и литература) университета Хельсинки.

¹ РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 20. Л. 216—217.

² Обе купированы в публикациях: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 176; Свидетельство очевидца. Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступ. статья, публ. и комм. А. Конечного и В. Н. Сажина // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 111.

³ В день знакомства со стихами Бородаевского Казанович, некогда бывшая, если судить по ее мемуарам, восторженной слушательницей Д. Н. Овсяннико-Куликовского на Бестужевских курсах, написала свое стихотворение, стилизаторский характер которого очевиден хотя бы по его первому четверостишию: «Придешь ли, друг, когда умру, / Пролить слезу к моей могиле? / И песнь изменнице — Далиле / Ты пропоешь ли поутру?» (РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 64. Л. 205). Тетрадь, куда записан его черновой автограф карандашом, начинается с отроческих опытов, датированных 1895 годом.

быть, и вообще моей лирики <...>. ⁴ Однако сам Иванов в предисловии к сборнику И. Н. Голенищева-Кутузова «Память» критически оценивал свое участие в литературной судьбе Бородаевского: «Во избежание недоразумений, полезным кажется мне предупредить, что Илья Николаевич Голенищев-Кутузов вовсе не мой ученик (как не был моим учеником и покойный Валериан Бородаевский, чей самобытный дар я отметил и пытался определить в предисловии к его первому сборнику, — что, кстати сказать, не мало повредило ему на журнальной бирже поэтических ценностей, королем которой в то время был мой друг и антагонист, Валерий Брюсов)». ⁵

Бородаевский вошел в число авторов антологии «Мусажета» (1911) и сам считал, что Брюсов помещенные там его стихи «довольно кисло похвалил». ⁶ С. Дурылин в относительно недавно опубликованных скупых пояснениях к персоналиям участников этой книги вспоминал о Бородаевском в том же ключе: «Это был поэт, особенно ценимый Вячеславом Ивановым. Он и вышел из школы Вячеслава Иванова. Стихи его родственны, а, вернее, детственны Вячеславу». ⁷ Однако, судя по редакционным пометам на наборной рукописи «Антологии», Белый оценивал его отдельно еще до того, как Бородаевские увлеклись антропософией: «Независимо от данных стихов Бородаевский *крупная личность* и большой талант. Стихи же данные *одобряю*. Бугаев». ⁸ Были у него свои поклонники и в среде «малых поэтов» символизма. Например, по выходе той же «мусажетовской» антологии Л. Столица восторженно писала А. М. Кожебаткину 22 июня 1911 года: «Очень, очень благодарю Вас за исполненное обещание — присылку великолепной „Антологии“. Поистине, это — лучший дар для поэта! Стихи, стихи, — и только стихи... Но какие! Наши старшие поэты здесь такие подлинны мастера; младшие — такие хорошие ученики. Особенно мне понравились Вяч. Иванов — с его духовными стихами, Кузмин с одним незабываемым сонетом, „скиты“ Бородаевского, „Венеция“ — Волошина». ⁹ В упомянутой автобиографии сам Бородаевский указывал еще на двух ценителей его стихов: «Из более значительных по объему и содержанию статей о моей поэзии могу назвать исследование Юрия Верховского в № 3 журнала „Отклики художественной жизни“ за 1910 г. и статью Сергея Городецкого „Византийский

⁴ См.: «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. 1915 г. / Публ. подг. И. П. Михайлова // Исторический архив. 2012. № 3. С. 185.

⁵ Голенищев-Кутузов И. Память: Стихи / Предисловие написал Вячеслав Иванов. Париж: Парабола, 1935. С. 5—6; см. также: Голенищев-Кутузов И. Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений. Pisa; Томск; М., 2004. С. 233.

⁶ См. письмо к Иванову от 19 августа 1911 года: Глухова Е. В. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 523. Подробнее о негативном отношении Брюсова, кстати, познакомившегося с поэтом раньше Иванова, см.: Там же. С. 494; Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...» // Бородаевский В. Посох в цвет: Собр. стихотворений / Сост., подг. текста и прим. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; послесловие и комм. к воспоминаниям М. А. Бородаевской, Е. В. Глуховой. М., 2011. С. 313, 333—334.

⁷ Дурылин С. Комментарии к «Антологии» // Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М., 2014. С. 354.

⁸ Отзыв впервые опубликован Е. Глуховой (см.: Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 325), повторно: «Антология» издательства «Мусажет» в комментариях С. Н. Дурылина / Сопроводит. статья и комм. М. Ю. Гоголина и А. И. Резниченко // Книгоиздательство «Мусажет». С. 333.

⁹ ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 514—515. Л. 1—2. К этому моменту корреспондентка уже встречалась с Бородаевским на собраниях в «Мусажете» весной того же года. В качестве контрапункта к этому высказыванию приведем суждение Н. Гумилева о том же цикле: «Валериан Бородаевский не очень интересные темы рассказал не очень хорошими стихами» (цит. по: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 126). Справедливости ради добавим, что его оценки первой и второй книг стихов Бородаевского не были столь однозначными, совмещаая как положительные («за его стихами стоят года раздумий»), так и негативные («тусклы по тонам», образы «бывают не всегда продуманы») мнения (Там же. С. 83, 85).

Лик" («Речь», 1914 г. № 175)». ¹⁰ В сборнике четырех курских поэтов раздел Ю. Богатогорского (псевдоним будущего историка Г. Е. Рейхберга) предварен эпиграфом из Бородаевского, который вел в Курске в 1920 году кружок поэзии. ¹¹ Ценителем творчества Бородаевского был Е. Архиппов, снабжавший свои тексты эпиграфами из его произведений и живо интересовавшийся его судьбой в письмах к А. Звенигородскому, который, напротив, остался к поэзии Бородаевского равнодушен. ¹² Стоит напомнить, что О. Мандельштам для составлявшейся им в 1922 году антологии русской поэзии XX века выбрал его «Стрижей» (т. е. стихотворение «Вкруг колокольни обомшелой...»). ¹³

Иванов был прав, не считая Бородаевского своим учеником, поскольку его формирование как поэта и мыслителя состоялось задолго до их знакомства в 1909 году. ¹⁴ Более того, к этому моменту Бородаевский вовсе не был новичком в столичной литературной и культурной жизни. Обстоятельства знакомства сам Иванов рассказывал М. С. Альтману, о них повествуется в мемуарах М. А. Бородаевской, но мы приведем давно известное специалистам, но лишь относительно недавно опубликованное свидетельство С. П. Каблукова, который 14 сентября 1909 года записал в дневнике: «На днях вышла изданная Вяч. Ив. Ивановым книга стихов Валериана Бородаевского с пред. Иванова («Оры», 1909, с. 85 к.). В одно из свиданий с Ив-м я упомянул про г-на Бородаевского, которого один раз видел у В. Вас. Розанова. Иванов рассказал, что Бородаевский прислал ему как-то свои стихи, плохо изданные, озаглавленные „Страстные свечи“. Ему долго не хотелось терять время на чтение этой книги и понадобились новые просьбы Б-ского и присылка второго экз-ра, чтобы добиться внимания Иванова. Прочтя эти стихи, Иванов сразу оценил громадное и оригинальное дарование нового начинающего поэта, посоветовал ему уничтожить плохое издание стихов, издать их на свой счет» ¹⁵

¹⁰ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185—186. Некоторые из идей, высказанных в рецензии Верховского на вышедший в «Орах» сборник, мы некогда пытались контекстуализировать в статье: *Обатнин Г. Из наблюдений над модернизистским историзмом // Varietas et concordia: Essays in honour of professor Pekka Pesonen on the occasion of his 60th birthday. Helsinki, 2007. С. 413.* Со своей стороны Бородаевский также высоко оценил второй сборник Верховского «Идиллии и элегии». Получив его от автора, он писал ему 5 августа 1910 года: «Большое Вам спасибо, дорогой Юрий Никандрович, за Ваш прекрасный подарок. Книга издана безупречно со стороны красоты и стиля, и стихи Ваши получили достойную оправу. В целом они дают впечатление большого внутреннего единства и высокого мастерства» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1262. Ед. хр. 6. Л. 2; цитируется также в примечаниях к книге: *Верховский Ю. Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 831.*)

¹¹ 4: [Сборник стихов] / Богатогорский Ю., Еськов А., Загоровский П., А. К. Курск, 1922. С. 13. Псевдоним раскрывается в книге: *Бугров Ю. А. К уединенному долу. Жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск, 2006. С. 46.*

¹² *Архиппов Е. Рассыпанный стеклярус. М., 2016. Т. I: Стихотворения и проза. С. 137, 141; Т. II: Письма. С. 395, 399.*

¹³ *Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 285.*

¹⁴ Датируя их встречу, Е. В. Глухова справедливо опирается на ивановский инскрипт на «Кормчих звездах», написанный 24 февраля 1909 года (см.: *Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 318; текст надписи повторно опубликован, см.: Михайлова И. П. Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 212.*)

¹⁵ Письма Бородаевского к М. М. Замятиной свидетельствуют о том, что сборник именно так и был издан. См., например, письмо от 31 марта 1909 года, которое доносит до нас его первоначальное заглавие: «Будьте добры не откажите сообщить мне, в каком положении находится издание моего сборника „Стансы“, переданного мною 26 февраля Вячеславу Ивановичу. Мне хотелось бы знать кроме того, какую именно сумму мне следует дослать Вашему Издательству для уплаты типографии, что я немедленно исполню по Вашему указанию. Обращаюсь именно к Вам, зная, что Вы ведете деловую часть „Ор“ и что Вам легче найти свободную минуту для ответа, нежели Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу, которому прошу передать мое сердечное приветствие» (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 69. Л. 1—2; частично цитируется в статье: *Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый...». С. 319; обратит внимание, что с Ивановым поэт лично познакомился за два дня до передачи рукописи книги). См. также письмо тому же адресату от 3 мая 1909 года: «Будьте добры, не откажите сообщить мне, могу ли я рассчиты-*

изящной книжечкой с красиво написанным и умным предисловием. Эту книжечку прекрасных стихов я прочел два дня назад с живейшим удовольствием». Далее перечисляются особенно понравившиеся Каблукову стихи из сборника и даже приводятся две строфы из стихотворения «Маскарад любите погребальный...».¹⁶ Эту же строку частично процитировал Иванов в заключительном абзаце своего предисловия («И смерть для него — только погребальный маскарад»). А, по мнению Р. Д. Тименчика, Анненский, который оставил о сборнике несколько строк в статье «О современном лиризме»,¹⁷ «успел отразить впечатление» от нее в своей «Балладе»: «И качнулись клячи: / Маскарад печалей их измаял...»¹⁸

Позволим себе отчасти нарушить порядок изложения и заметим, что издание следующей книги стихов Бородаевского в «Мусагете» также не обошлось без фальстарта. Его обложка была оформлена не раз работавшим для издательства В. Фаворским, который по-своему интерпретировал название книги «На лоне родимой земли», поместив в центр изображение сеятеля в развороте движения руки.¹⁹ Из «закрытки» к Ал. Н. Чеботаревской, посланной 12 апреля 1914 года, мы в деталях узнаем, что именно это послужило причиной для замены:

«Многоуважаемая
Александра Николаевна,

Считаю нужным сообщить, что моя книга в том виде, какой был ей первоначально придан, не выйдет. Сверхъестественная виньетка (сделанная без моего одобрения), настолько возмутила моих приятелей, что обложку приходится сдирать и заменять другой. Заодно сама книга переименована мною в „Уединенный Дол“. Таким образом Вы имеете у себя некот(орого) рода библиографическую диковинку.²⁰

вать на выход моей книжки к 12—15 мая, так как примерно в этих числах я предполагал выехать за границу и мне хотелось бы дожидаться ее выхода». И наконец, открытку от 1 сентября, отправленную внутри Петербурга, где Бородаевский интересовался, можно ли увидеться с Ивановым «по вопросу о выпуске моей книжки» (Там же. Л. 3, 5). Именно к Замятинной писатель обращался и далее, интересуясь ходом ее продаж. См., например, открытку от 2 или 9 марта (дата размыта) 1910 года, где он не без иронии писал: «Забыл совершенно попросить Вас вчера — как хотел — справиться при случае у Вольфа о продаже моей книжки. Хотелось бы выяснить до отъезда. Кое-что продано: это я знаю наверно, ибо сам купил несколько экземпляров!» (Там же. Л. 9).

¹⁶ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / Вступ. статья, публ. и комм. Е. М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 275—276. 18 октября 1909 года Каблуков писал Иванову: «Прочел стихи Вал. Б-ского. Поздравляю Вас с дорогой находкой» (РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 65. Л. 6). См. также: *Криволапова Е. М.* Валериан Бородаевский в дневнике Сергея Каблукова // Авторские миры в художественном тексте XIX—XX веков: Материалы Международной научной конференции (Курск, 28—30 июня 2013 г.). Курск, 2014. С. 194—195.

¹⁷ Отметив в нем «разнообразие влияний» на поэта (Брюсова и «Мэнады» Иванова) и привел стихотворение «В недрах», в котором усмотрел «настоящую крепость» и «завидную простоту» (*Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 380—381).

¹⁸ См.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века: Материалы конференции. Иерусалим, 2003. М., 2008. С. 396.

¹⁹ См.: «В большей части тиража книга была переименована в „Уединенный дол“ и вышла без гравюры на обложке» (Книжная графика В. А. Фаворского / Сост. Л. И. Чертков. М., 2012. С. 35). Благодарю С. М. Даниэля за помощь при ориентации в литературе вопроса.

²⁰ Судя по всему, именно такая диковинка оказалась и в руках А. Звенигородского, который писал Е. Архипову 18 января 1924 года: «На этих днях получил от Д. С. Усова в подарок на Новый год „На лоне родимой земли“ Валериана Бородаевского. Перечитал его дважды, но не нашел во всем сборнике ни одного стихотворения, которое бы вполне меня порадовало. Есть отдельные строфы, отдельные стихи, но вполне радующего стихотворения нет. (Далее следуют отдельные понравившиеся цитаты. — Г. О.). Поэт не моего калибра, не моего толка, хотя затрагивает во многих местах родственные мне темы» (фрагмент приводится в комментариях Т. Нешумовой к изданию: *Архипов Е.* Рассыпанный стеклярус. Т. II. С. 395—396).

Адреса все-таки жду!
Искренне уважающий Вас
Валериан Бородаевский». ²¹

Как уже отмечалось, «окончательным, в соответствии с волей издательства», следует считать «Уединенный дол», первая часть тиража которого (150—200 экз.) вышла под названием «На лоне родимой земли», замененным недовольным автором на новое, причем Н. Киселев в письме к Э. К. Метнеру предлагал взыскать неустойку с Бородаевского. ²²

Контакты Бородаевского с Федором Сологубом и его семьей, относящиеся к «до-ивановскому» периоду творческой биографии поэта, в литературе о нем пока лишь упоминались. Между тем то, как сам Бородаевский описывал начало своей поэтической деятельности, как будто больше подходит к поэтическому миру Сологуба: «Стихотворения стал писать 19-ти лет, получив творческий импульс от чтения очаровавшего меня Бодлера. „Fleurs de Mal” и, рядом, Баратынский и Тютчев становятся моими излюбленными книгами. ²³ Парадоксальная гармонизация света

²¹ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 3. В письме от 5 мая того же года из Кшени Бородаевский благодарил Чеботаревскую за предоставленные адреса и обещал, как только «Мусагет выпустит мою книгу в измененном виде», отправить ей экземпляр в Петербург, а также «заодно» просил адреса Городецкого, Чулкова, Ремизова и Блока, дабы ее не беспокоить и послать им книгу «непосредственно» (Там же. Л. 6—7). Также см. вырезанный инскрипт на «Уединенном доле»: «На добрую память Владимиру Алексеевичу Пясту. В знак сердечного уважения автора 23 мая 1914» (РНБ. Ф. 414. Ед. хр. 19). Следующее, недатированное письмо к тому же адресату, видимо, было отправлено в течение мая 1914 года. Оно начинается фразой: «Посылаю Вам почтительно мою книгу. Завтра-послезавтра на Ваше имя вышло несколько экземпляров с большой просьбой вручить их по принадлежности. Делаю это только в тех случаях, когда адреса не знаю». Здесь же поэт просил адрес М. В. Кузьминского, а также адреса и отчества А. Кондратьева, С. Венгерова и редактора «Вестника Европы», как он замечал, «Славинского или Сливинского — что-то не помню» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 4—4 об.; в 10-й книжке этого журнала за 1910 год Бородаевский опубликовал цикл из двух стихотворений «Рондели»). Между строк рукой обязательной Чеботаревской карандашом написано отчество публициста и общественного деятеля, секретаря редакции «Вестника Европы» Максима Антоновича Славинского (Суворовский пр., 25), а также отчество Венгерова и его адрес.

²² Гоголин М. Ю. Об одном издании «Мусагета»: Поправки к каталогу // Книгоиздательство «Мусагет». С. 414; Дурьлин С. Комментарии к «Антологии». С. 355—356. Об оттенках смысла, возникающих в связи со сменой заглавия, см.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 336—337. Отметим, что именно с Киселевым, который занимался техническими деталями издания (например, высылал корректуры), Бородаевский советовался относительно внешности будущей книги, например, 1 февраля 1914 года писал ему: «Теперь об обложке. Идеи винетки или рисунка у меня не сложилось. Остановился я на другом типе обложки — цветной, узорной, из той коллекции, которую Вы мне показывали. Если можно без задержки выписать подобную бумагу — я думаю это будет удачное решение вопроса. Название книги может быть наклеено вроде того, как это сделано „Скорпионом” для трагедии Уайльда. Не откажите высказаться по этому поводу и, если можно, прислать образцы бумаги. (...) Если получение обложечной бумаги дело медлительное, тогда конечно можно заказать и рисунок — как(ой-)ниб(удь) простой орнамент». После смены обложки он констатировал в письме от 5 мая: «Внешность книги превосходна изящной простотой. Еще раз благодарю Вас за Ваши хлопоты, которые были всячески осложнены» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 4. Ед. хр. 9. Л. 12 об., 37 об.; приношу искреннюю благодарность А. Л. Соболеву за сообщение этих материалов).

²³ Ориентация Бородаевского на пейзажную лирику Тютчева уже отмечалась в исследовательской литературе (например, см.: Михайлова И. П. Элегические традиции в лирике поэта В. В. Бородаевского // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. 2014. № 4. С. 118—120). Однако следы усвоения его наследия можно найти и на других уровнях (ср., к примеру, ритмико-синтаксическое тождество строки из шестого стихотворения цикла «Зима в деревне»: «Воюй, смирайся иль тужи» и хрестоматийного тютчевского «Молчи, скрывайся и таи»). С «певцом „Цветов зла”» Бородаевского сравнивал и Иванов в своем предисловии, а вслед за ним и С. Городецкий в упомянутой выше рецензии на «Уединенный дол», название которой также варьировало ивановское определение поэта как «византийца духа»: «В дух своих учителей — Шарле Бодлере (оригинально и очень верно понятом) и Вячеславе Иванове он нашел для себя ярчайший пример любви к пышным тяжестям в словесном искусстве (...)» (Городецкий С. Византийский Лик // Речь. 1914. 30 июня (13 июля). № 175. С. 3). Кстати, в заглавии обращенного к Иванову стихотворения «Багрянородному» (см. дневниковую запись последнего

и мрака, ведущих трагическую борьбу в душе человеческой, — вот что прежде всего предстало мне как задача лирического восприятия мира».²⁴ Сохранившиеся письма свидетельствуют совсем не о поверхностном общении и том уважении, которое Бородаевский испытывал к Сологубу. Уже первое его письмо, датированное 30 декабря (как будет видно далее) 1902 года, представляет собой просьбу разрешить посвящение:

«Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

Посылаю Вам стихотворение, посвященное Вам, вдохновенное Вами... Оно будет помещено в „Новом Деле”.²⁵ Я хотел лично просить Вашего разрешения поместить Ваше имя под заголовком, но, не решаясь беспокоить Вас, делаю это письменно. Если Вы даете разрешение на посвящение Вам (печатно) — будьте добры известить меня.

Я — недавний автор; печатался в „Книжках Недели”;²⁶ теперь состою сотрудником „Русского Вестника” (одно из стихотворений) помещено в январской книге).²⁷

С совершенным уважением
глубоко почитающий Вас

В. Бородаевский

Владимирская ул. д. 10 кв. 10

Валериану Валериановичу Бородаевскому».²⁸

Речь здесь идет о впервые опубликованном в № 7 «Русского вестника» за 1903 год стихотворении «Солнце-лира», которое с разночтениями вошло в «Страстные свечи», но не попало в сборник, изданный в «Орах».²⁹ Его белой автограф, также сохранившийся в архиве Сологуба, представляет собой вариант текста именно для первой публикации.³⁰ Во всех печатных вариантах оно имеет, очевидно, разрешенное посвящение.

Любопытно, что «вдохновенное» Сологубом стихотворение и содержательно, и формально являет собой скорее противоположность его лире. Это бросается в глаза уже на стилистическом уровне: еще до знакомства с Ивановым, но, возможно, уже симпатизируя особенностям его поэтического языка, Бородаевский использует

от 2 сентября 1909 года: «Прекрасен „Кремлев Дуб” («Багрянородному», — под которым он, как сказал вчера, понимает — меня!) <...>» (Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. II. С. 799)) используется византийский династический термин, что делает этот текст возможным откликом на ивановскую дефиницию.

²⁴ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185.

²⁵ Вместо стихотворения в последнем, 12-м номере журнала «Новое дело» за 1902 год Бородаевский поместил статью «Литературные эскизы. „Новый Путь” (январь 1903 г.)», представляющую, по сути, оценку им мировоззрения и достижений декадентства ввиду только что вышедшей первой книги нового журнала. Отметим, что, упоминая «Новое дело», Бородаевский, возможно, подразумевал известность этого издания Сологубу, опубликовавшему там несколько своих стихотворений.

²⁶ В «Книжках недели» Бородаевский печатал свои стихи начиная с майского номера 1899 года (стихотворение «Кругом — одна лазурь. Прозрачен небосклон...»), а также в 1900 году.

²⁷ В журнале было опубликовано близкое к сологубовской теме косного мира стихотворение Бородаевского «Возле елки» (Русский вестник. 1903. Январь. С. 201; вошло в «Элегии, оды, идиллии», см.: Бородаевский В. Посох в цвету. С. 36), тема которого — непонятая взрослыми детская клятва в вечной любви. Примечательно, что в том же номере было опубликовано стихотворение Сологуба «Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?» (1897; см.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. М., 2014. Т. 2. Кн. 1. С. 393—394).

²⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 1.

²⁹ Например, см.: Бородаевский В. Посох в цвету. С. 353.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 6.

потенциал архаизмов.³¹ Содержание стихотворения составляет развертывание главного образа. Солнце здесь предстает как «музыка сфер», инструмент, на котором играет создатель мира:

Солнце-лира!.. Со струн золотых,
Где зачался хорал мирозданья
И творящий восторг не затих,
Льется песня святого страданья.

И когда в первый час раздались
Под предвечной Рукой эти звуки, —
От огней твоих, Лира, зажглись
Все миры, все обители муки.

Лучи здесь сравниваются со струнами лиры:

Под стенанье пылающих струн
Понеслись круговыми стезями
Сонмы тусклых планет, бледных лун
И комет с голубыми крылами.³²

Трудно сказать, насколько глубоко автор был осведомлен об истории восходящей к Пифагору и Платону идеи космоса как воплощенной числовой (музыкальной) гармонии, укажем лишь, что пифагорейство мельком упоминается в его открытом письме к Розанову.³³ Однако в поэтическом мире Сологуба тех лет солнце (в отличие от луны) почти без исключений ассоциируется со злом, устойчиво заменяясь словом Змей. Например, в стихотворении «В паденье дня к закату своему...» (1902) герой риторически вопрошает самого себя: «Не ты ль хулил неистовство лучей / Владыки пламенного, Змия (...)»? Солнце — причина тоски, как, например, в стихотворении «Утро ласковое звонко...» (1894—1901). Герой адресует здесь к своей тоске, которая оставила его. Вместо ассоциации лучей со струнами Сологуб использует укорененный в традиции (ср. Феб-стреловержец) образ лучей как стрел:

Ты воскреснешь скоро, злая.
Минет краткий праздник мая,

³¹ Отметим в этой связи еще два независимых схождения во вкусах и мнениях двух писателей. Как известно из дневниковой записи М. М. Замятниной, уже существовавший замысел «былинного» произведения с главным героем Светомиром развился у Иванова во время лицезрения картины Васнецова «Три богатыря» (см.: *Обатнин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 33; см. также: *Топорков А. Л.* «Повесть о Светомире Царевиче» Вячеслава Иванова: От замысла до его воплощения // Иванов В. Повесть о Светомире Царевиче. М., 2015. С. 186—187). Не менее впечатлен был этим полотном и Бородаевский, который не раз упоминал его в своей статье «Литературные эскизы». «Богатырская триада» картины, по его мнению, «явилась как бы символом будущего и, может быть, главным образом благодаря этому, будя какое-то неясное, но глубокое чувство, картина имела такой исключительный успех» (Новое дело. 1902. № 12. С. 297). В конце статьи автор, приветствуя программу «Нового пути», возвращался к образам картины, толкуя их символически, как духовенство, интеллигенцию и народ (Илья Муромец), вышедшие вместе на «дорогу объединенной русской мысли» (Там же. С. 299). Ср. также отзыв Бородаевского в письме к невесте от 10 марта 1905 (?) года на рассказ Л. Андреева, появление которого Иванов отметил обширной рецензией в «Весах»: «Ты пишешь про „Красный смех“, — эту вещь я пробежал, действительно, написано сильно и ярко... Освободили ли автора от ареста?» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 9. Л. 18).

³² Цит. по: *Бородаевский В.* Посох в цвету. С. 125.

³³ «Мистические числа в пифагорейском смысле — не мечта, не ложь» (*Бородаевский В.* Из частной переписки // Новый путь. 1904. Февраль. С. 208). Обзор основных вех развития идеи «космической гармонии», «музыки сфер», «небесной музыки» см.: *James J.* The Music of the Spheres: Music, Science, and the Natural Order of the Universe. London, 1995; на русском языке см. главу «Гармония сфер» в книге Л. Я. Жмудя «Пифагор и пифагорейцы» (М., 2012. С. 289—297).

Яркий змей на небесах
Надо мною в полдень станет,
Грудь мне стрелами изранит, —
Ты придёшь в его лучах.³⁴

Единственное, что сближает стихотворение Бородаевского с мироощущением лирики Сологуба, — это присутствие в мировой гармонии боли, хотя бы и в надсоновском варианте «надорванного аккорда»:

И чем громче аккорд, чем больней
Затрепещет под властной Рукою,
Тем свободней, любовней, полней
Мир сольется с надмирной Душою.³⁵

Опять-таки не ясно, держал ли в памяти Бородаевский платоновскую «мировую душу» из диалога «Тимей», которую, кстати, его Демиург делит непростым, выраженным в цифрах образом, но «всемирная душа» присутствует также в стихотворении Сологуба «Не кончен путь далекий...» (1901). Однако претекстом для стихотворения Бородаевского, скорее всего, все-таки служит знаменитое «шопенгауэровское» стихотворение А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...», где герой прозревает гармонию мира:

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
И пламя твое узнаю, солнце мира.
<...>
И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотский и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира!
И только сон, только сон мимолетный.³⁶

Переживания героя лирики Сологуба в целом гораздо более дисгармоничны. Однако не исключено, что, посвящая поэту свое стихотворение, Бородаевский имел в виду настроения сологубовских текстов, опубликованных к 1902 году. Из книжных изданий Сологуба ему могли быть доступны лишь давно вышедшие «Рассказы и стихи» и «Стихи. Книга первая» (обе — 1896), поскольку «Собрание стихов. Книга 3 и 4» появится только в 1904 году в «Скорпионе». Составленная Т. В. Мисникевич под редакцией М. М. Павловой «Библиография Федора Сологуба: Стихотворения» (Томск; М., 2004) дает возможность очертить круг стихотворений, которые могли оказаться в поле зрения Бородаевского, и, кстати, вышеприведенные цитаты из Сологуба отобраны нами по этому принципу. Кроме того, в № 10 «Русского вестника» за 1902 год был опубликован цикл из двух стихотворений Сологуба «Белый ангел надо мною...» и «Все хочет петь и славить Бога...» (оба — 1898), достаточно маргинальных для его поэтических настроений. Второе из них развивает традиционную тему звучания мира как хвалы Всевышнему, которую поет и человек. Ее с некоторой долей сомнения можно связать с музыкальной при-

³⁴ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 212.

³⁵ Бородаевский В. Посох в цветку. С. 125.

³⁶ Фет А. Вечерние огни. М., 1979. С. 14—15 (сер. «Литературные памятники»). Обратим внимание также на фонетическую близость ключевых тропов этих двух текстов (солнце мира — солнце-лира). О роли пейзажной лирики Фета упоминалось в посвященной Бородаевскому литературе (см.: Михайлова И. П. Художественный мир поэта В. В. Бородаевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010. С. 20—21). О его внимании к пейзажу см.: Михайлова И. П. «Мои шаги — так скорбно малы». Личность и поэзия В. В. Бородаевского // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. № 2. С. 197—198.

родой мира по Бородаевскому, а само стихотворение посчитать его возможным ориентиром:

Все хочет петь и славить Бога,
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.³⁷

Следующее из сохранившихся писем Бородаевского к Сологубу датировано 11 июня, судя по содержанию, 1904 года. Из него мы, среди прочего, узнаем о личных встречах писателей:

«Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

Вот уже десять дней, как я в Польше, осматриваюсь и осваиваюсь; учусь польскому языку и скорблю о том, что петербургские академики, ампутирующие фигу и ять,³⁸ не поусердствовали над польским алфавитом. Вот тарабарщина! Сплошь и рядом четыре буквы произносятся как одна (напр. szcz=ш). — Язык понимается много легче.

Петроков³⁹ — маленький городок, на одну треть занятый садами цветущих каштанов и белой акации. ¼ часа ходьбы — и вы за городом — среди поля, прекрасно возделанного почти огородной культурой. — Поляки, кажется, „ведают легкость бытия”. (Цитирую — по моей скверной привычке, — на этот раз из Ваших стихов.)⁴⁰ Государственной жизни они создать не смогли, зато благоустроили личную, выгодно отличаясь от французского — тоже благоустроенного — мещанства. Они — всегда мечтатели; в них славянская нежность на наш вкус отдает чрезмерной <так!> сладостью; трудолюбие их не исключает беззаботности... не раз вспомнишь нашу нахмуренную лень.

³⁷ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 512.

³⁸ Требования упростить русское правописание, исходившие из кругов русской интеллигенции еще с 60-х годов XIX века, в 1904 году привели к созданию при Академии наук Комиссии по вопросу о русском правописании. Для разрешения возникших в ходе ее работы противоречий Отделением русского языка и словесности была образована Орфографическая подкомиссия, которая на своем заседании 12 апреля 1904 года предложила исключить из русского алфавита ряд букв. Предмет широко обсуждался в прессе. В поле внимания Бородаевского могла оказаться обстоятельная статья А. Будиловича «Академия наук и реформа русского правописания» (Русский вестник. 1904. Июль. С. 241—283).

³⁹ По воспоминаниям жены, в 1904 году Бородаевский «получил службу в Западном крае, в Петроковской губернии, как фабричный инспектор на участке Пабианице—Згерж» (Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями // Бородаевский В. Посох в цвету. С. 271; см. также письмо к ней Бородаевского от 18 января 1905 года с рассказом о его посредничестве между революционными рабочими Згержа и фабрикантами: РГБ. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 9. Л. 12—12 об.; об участии писателя в суде между ними см.: Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями. С. 271—272; о его службе, продлившейся до 1908 года, см.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 313, 316). Московскому букинисту П. П. Шибанову Бородаевский сообщил в открытке с датой на штампе 8 декабря 1908 года: «Покорнейше прошу Вас каталог „Новых Приобретений” направлять по новому моему адресу: Станция Кшень, Киево-Воронежской ж. дороги, Валериану Валериановичу Бородаевскому — ввиду того, что я оставил службу в г. Самаре» (РГБ. Ф. 342. Карт. 11. Ед. хр. 71. Л. 1; с 1885 по 1916 год вышло 168 каталогов «Антикварная кн. торговля П. Шибанова», см.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России до 1917 года (1925). М., 2012. С. 66).

⁴⁰ Источник цитаты не установлен. Возможно, в памяти Бородаевского трансформировались финальные строки стихотворения Сологуба «Не доживу до светлых дней...» (1901): «Перед всемирною кончиной / Изведать ясность бытия».

Впрочем, может быть, я и увлекаюсь.

Сейчас, по летнему сезону, Вы, верно, пишете много сказочек, которые, думаю, легче пишутся в буколической обстановке дач, чем в городе. С нетерпением жду обещанного Вами Вашего портрета, который хоть несколько напомнит наши беседы, в коих Вы так часто вели меня на буксире...

Шлю искренний привет Ольге Кузьминичне.

Искренне преданный
Вам Валериан
Бородаевский

Петраков <так!>
Александровская аллея
дом Крамковского (№ 18)». ⁴¹

Как явствует из следующего письма Бородаевского, датированного 10 августа 1904 года, Сологуб ответил лишь через месяц (нынешнее местоположение его письма неизвестно):

«Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

Думал, что вполне позабыт Вами, когда пришло Ваше письмо. Спасибо за него и за фотографии, хотя, разумеется, предпочел бы Вашу. Буду очень признателен, если пришлете *книгу* Ваших рассказов; который из них огорчил цензуру — не милый ли паж? ⁴²

Только что прочел о тяжелых потерях Тихоокеанской эскадры и о штурмах Артура. ⁴³ Как будто уже слышится жуткий стон оскорбленной гордости, который пронесется через Россию... Какой ураган событий, перепутавший масштаб и понятия! Исключительное по своему внут<еннему> значению Казанское происшествие кажется маловажным, а ведь, по существу, пробита брешь в официальной церковности, и никто об этом не заботится. ⁴⁴ — Конечно, Россию не согнешь и не сло-

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 7—8 об.

⁴² Для комментария воспользуемся удачной цитатой из статьи специалиста: «Сборник вышел из печати весной (не позднее мая) 1904 года в издательстве „Скорпион“, однако из-за цензурных нареканий тираж был арестован и поступил в продажу только во второй половине лета, причем из книги была удалена эротическая новелла „Милый паж“» (Павлова М. М. «Тогда мне дали имя Фрины...» (Из истории отношений Ф. Сологуба и Вяч. Иванова) // Русская литература. 2002. № 1. С. 222). Остается добавить, что рассказ Сологуба был впервые опубликован в № 8 «Весов» за 1906 год.

⁴³ Имеется в виду Шантунгское морское сражение — завершившаяся неудачей попытка русской эскадры вырваться из Порт-Артура во Владивосток, которая после боя 28 июля 1904 года была вынуждена частично вернуться в крепость, частично уйти в нейтральные порты и выбыть из войны, а крейсер «Новик» 7 августа затопить. Кроме того, разгромом закончилась попытка соединиться с владивостокской эскадрой, вышедшей навстречу тихоокеанской и потерпевшей неудачу в бою 31 июля. По позднейшим оценкам, это означало фактически гибель русского флота в Тихом океане (см.: История русско-японской войны / Ред.-изд. М. Е. Бархатов и В. В. Функе. СПб., 1906. С. 263—283). Атака на Порт-Артур началась уже 29 июля, однако первый штурм крепости состоялся 6 августа, а осада продолжалась до 20 декабря 1904 года, когда город был сдан японцам (см.: Военная энциклопедия. М., 1915. Т. XVIII (Паукер — Порт-Артур). С. 624—630). Прочсть об этих событиях Бородаевский мог практически в любом ежедневном периодическом издании, например, в серии статей Вронского (Беляева) «Военные заметки» в «Новом времени» (1904. 10 (23) авг. № 10216. С. 3).

⁴⁴ Судя по всему, имеется в виду кража в ночь на 29 июня 1904 года из Казанского Богородицкого Девичьего монастыря икон Казанской Божией Матери и Спасителя в драгоценных ризах, а кроме того, трехсот рублей церковных денег. Преступление было совершено накануне ежегодного праздника обретения иконы Казанской Божией Матери. Суд над подозреваемым в нем Ф. Чайкиным (наст. имя В. Стоян) начался 25 ноября того же года (подробнее об этом см.: Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Бо-

мишь. Хотелось бы верить, что всеобщее брожение, которое задело даже князя Мещерского,⁴⁵ напротив, приведет к новым органически правильным кристаллизациям. И все-таки страшно подумать, что в промышленной Лодзи, где я нахожусь эти дни, три громадные фабрики напряженно и безостановочно работают исключительно траур — по специальному заказу.

Этой осенью собираюсь проехать за границу, а зимой, вероятно, буду в Петербурге, где надеюсь свидеться с Вами. Теперь позвольте мне задать Вам один деловой вопрос; сколько — Вы хотели бы получить за право издания в отдельной книжке Ваших сказок,⁴⁶ если бы находили удобным передать это право в другие руки?

Адрес мой все тот же:

Петроков (так!), Александровская аллея, дом Крамковского.

Мой привет Ольге Кузьминичне

Преданный Вам

Валериан Бородаевский».⁴⁷

Последовавшее за этим письмо свидетельствует о том, что свою книгу «Жало смерти: Рассказы» (М., 1904), о которой просил поэт, Сологуб ему выслал. Из вошедших в нее произведений Бородаевский не отозвался только о рассказе «Утешение»:

«26 Авг(уста 1904)

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

С живым удовольствием прочел Вашу книгу, за которую приношу Вам мою сердечную благодарность. Украшением сборника, на мой взгляд, является второй рассказ — „Земле Земное“, как по свободному развитию действия, так и по чувству, проникающему рассказ. Конец удивителен, и тот аккорд, которым заключает-

жией Матери. Полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей. Издание редакции журнала «Православный собеседник». Казань, 1904. С. 3—13). В сонете Бородаевского «Казанская» (1913; вошел в «Уединенный дол») публичному празднику (видимо, как раз обретения иконы), противопоставляется ее явление тем, кто почитает этот образ «копеечно свечкой» (*Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 78).

⁴⁵ Имеется в виду отклик известного реакционного публициста и романиста В. П. Мещерского на теракт, в котором погиб министр внутренних дел В. К. Плеве 15 июля 1904 года. В редактируемом им «газете-журнале» «Гражданин» это событие, кроме обязательного некролога и возмущенной передовой, неоднократно служило предметом размышлений в разделе «Дневники», создававшимся, как всем было известно, самим редактором. Так, в записи от 19 июля Мещерский размышлял о качествах будущего нового министра и приходил к выводу, что «главными признаками сильной правительственной власти» должны быть «не меры преследования», но «зрелище твердого и честного исполнения воли Царя» (Гражданин. 1904. 22 июля. № 58. С. 18). В дневнике за 28 июля он уже отвечал своим оппонентам на обвинения в том, что выступил против Плеве, а также защищал свое право, оставаясь консерватором, говорить об ошибках политики покойного министра (Там же. 1 авг. № 61. С. 19—20). Это привело Мещерского к размышлениям о том, что такое консерватизм. В частности, он рассказал о том, как за последние два года из-за политики министерства внутренних дел разуверился в консерватизме официальном (см. дневники за 2 и 3 августа: Там же. 5 авг. № 62. С. 21—22). Его постоянным оппонентом выступал А. С. Суворин, поставивший в своих «Маленьких письмах» под сомнение правдивость отдельных эпизодов из разговоров Мещерского с Плеве, которыми тот делился в своих дневниках (Новое время. 1904. 6 (19) авг. № 1022. С. 3). Это вызвало насмешливую реакцию князя в том номере «Гражданина», что еще мог попасться Бородаевскому на глаза до написания письма (1904. 8 авг. № 63. С. 26—27).

⁴⁶ «Книгу сказок» Сологуб выпустил в 1905 году в издательстве «Гриф», а «Политические сказочки» — на следующий год в «Шиповнике».

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 3—4. При цитировании ранее не публиковавшихся писем подчеркивания обозначаются курсивом, а двойные подчеркивания — полужирным курсивом.

ся повесть, исполнен внутреннего трагизма, может быть, более сильного, чем возможная внешняя катастрофа.

„Баранчик” — прелестен, хотя, мне кажется, слова Господа Бога не совсем подходят к простой, народной ткани рассказа:⁴⁸ их можно не понять, о них можно спорить, тогда как красота самого повествования — бесспорна.

„Обруч” мне очень понравился, насмешливой и нежной улыбкой, которая трепещет в рассказе и так идет к образу старика-младенца.

Относителю „Красоты” я бы выразил сожаление по поводу краткости рассказа или, точнее, я хотел бы более полного и всестороннего развития, как [фигуры]⁴⁹ образа девушки, так и повествования; она, т. е. девушка, обаятельно-прекрасна и жаль, что Вы так мало показываете ее читателю и, не дав насладиться всесторонними проявлениями ее духа, бросаете в объятия смерти. Конечно, это во всяком случае не изъян рассказа, когда проводишь в нем упрощенную схему целого романа; никто не в праве требовать от автора широких полотен, если ему вздумается подарить нас миниатюрой.

Искренне преданный

Вам В. Бородаевский». ⁵⁰

После переезда Бородаевского в Петербург в 1909 году отношения с Сологубом получили шанс для дальнейшего развития. Однако писатель оказался в сфере притяжения Вяч. Иванова. Уже в первых письмах он просил советов у старшего товарища, а весной 1909 года был в числе слушателей ивановского курса в поэтической Про-Академии.⁵¹ Помимо всего прочего, Бородаевского и Иванова сближало отношение к идеям В. В. Розанова о христианстве, полемику с которыми Иванов начал в рамках работы в Христианской секции Религиозно-философского общества, а Бородаевский — еще посещая вместе с Розановым Религиозно-философские собрания в Петербурге.⁵² Однако важно отметить, что, как и Сологуб, философ, отзывавшийся на выход сборника в «Орах» рецензией, также представлял собой фигуру из раннего периода биографии Бородаевского.⁵³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский писал: «С 1909 года состоял членом Петербургского Религиозно-Философского Общества, где однажды выступал против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой мною с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов, а затем, в 1910 году читал там же реферат „Религиозная правда Константина Леонтьева”». ⁵⁴ Кроме этого выступления в Христианской сек-

⁴⁸ Имеются в виду слова, которые говорит Господь, решая, грешны ли главные герои рассказа — деги Аниска и Сенька, а заодно и их отец, подражая которому сестра зарезала брата: «Проливающие кровь искуплены Моею кровью, и научающие пролитию крови искуплены Мною, и тяжкою скорбью приобщаю людей к искуплению Моему» (Сологуб Ф. Жало смерти. М., 1904. С. 112).

⁴⁹ Слово зачеркнуто.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 5—6.

⁵¹ Однако предположение Глуховой, что рекомендовать его посещение Бородаевскому мог Розанов, представляется сомнительным (см.: Глухова Е. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 407).

⁵² См.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 314—315; см. также: Бородаевский В. Из частной переписки. С. 206—209. По совпадению, в этом же номере журнала «Новый путь» помещен цикл стихотворений Иванова и рецензия Д. В. Философова на поэтический сборник Сологуба.

⁵³ См.: Глухова Е. В. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 494—496.

⁵⁴ «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185. Текст выступления Бородаевского был опубликован А. П. Козыревым в сборнике «Константин Леонтьев: pro et contra» (1995), перепеч.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т 2: 1909—1914. С. 91—104. Об инскрипте Розанова см.: Михайлова И. П. Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского. С. 211.

ции Религиозно-философского общества 28 февраля 1910 года, Бородаевский участвовал в прениях по докладу Философова о католическом «модернизме» в той же секции 20 декабря 1909 года.⁵⁵

Его отношения с Сологубом в этот период закономерным образом приобретают характер светских. Напомним, что имя Бородаевского стоит под коллективным письмом, подписанным также Блоком, Чулковым, Эрбергом, Ремизовым и Мейерхольдом, к Сологубу от 27 ноября 1909 года с просьбой приехать к ним после театра в ресторан «Малый Ярославец», «чтобы приветствовать товарищески» вышедшего из тюрьмы «нашего друга Аничкова». ⁵⁶ Зимой 1909—1910 годов семья Бородаевских провела в Петербурге, где их дом стал одним из мест встречи писателей.⁵⁷ На весну—лето 1910 года они переехали в имение в Курской губернии,⁵⁸ но встречать новый 1911 год предпочли в столице. М. А. Бородаевская в своих мемуарах упоминает запись Сологуба в ее альбоме зимой 1910 года, а также красочно описывает известный маскарад 3 января 1911 года, не только оставивший след в жизни писательского сообщества, но и отозвавшийся в творчестве его участников.⁵⁹ Однако в конце концов Бородаевский выбрал жизнь помещика и позже бывал в столице лишь наездами.⁶⁰

Информацию о его дальнейших встречах и отношениях с Сологубом мы получаем из косвенных источников, в первую очередь из писем Бородаевского к сестрам Чеботаревским. Одно из двух сохранившихся посланий к супруге Сологуба, датированное 21 сентября 1915 года, свидетельствует о том, что Бородаевский не был потерян Сологубами из виду. Здесь поэт посылал два своих «военных сонета, из коих 1^й напечатан в Рус(ской) Мысли,⁶¹ второй пока в рукописи», объяснив: «Если выйдет 2е издание Вашего сборника — пьесы к Вашим услугам». Очевидно, имеется в виду второе (так и не вышедшее) издание собранной Чеботаревской антологии «Война в русской поэзии» (1915). Здесь же поэт сообщал свой адрес «На случай Вашего приезда в Курск». ⁶² Как явствует из его письма к Иванову от 5 октября

⁵⁵ Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907—1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 91, 76—77.

⁵⁶ Опубликовано в комментариях к переписке Блока и Эрберга. См.: Из эпистолярного наследия Александра Блока: Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) // Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб., 2004. С. 255.

⁵⁷ Например, приглашая К. Эрберга в гости посланной 23 февраля 1910 года открыткой, Бородаевский сообщил, что будут общие знакомые и что Толстой обещал читать рассказ (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 82. Л. 1).

⁵⁸ В письме к Ю. Н. Верховскому от 29 июня 1910 года он признавался: «О Петербургских поэтах скучаю не порой, а очень часто, и вообще после Петербурга мне как-то не хватает (психически) воздуха» (опубл. в комментарии к посвященному Бородаевскому стихотворению «Богиня»: *Верховский Ю.* Струны. С. 831; с незначительными ошибками чтения повторно опубл.: *Глухова Е. В.* «Духовным голодом томимый...». С. 323). По воспоминаниям Бородаевской, отъезд в деревню состоялся 10 марта (*Бородаевская М. А.* О моих встречах с писателями. С. 284). К жизни в Курской губернии поэт готовился всерьез, что отразилось в его книжном заказе, посланном, согласно штемпелю, 21 мая в московский букинистический магазин П. П. Шибанова из Кшени. Одной из этих книг был «этнографический очерк»: *Абрамов И. О.* О курских саянах. СПб., 1907 (см.: РГБ. Ф. 342. Карт. 11. Ед. хр. 71. Л. 2).

⁵⁹ См.: *Бородаевская М. А.* О моих встречах с писателями. С. 282, 285—287; см. также: *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 448—465.

⁶⁰ След одного из них обнаруживается в стихотворном послании Верховского к Иванову от 14 марта 1912 года: «...Скажите / (Хоть и не скажете, но все-равно — / Уж буду продолжать как начал): с Вами / Бородаевского, или уж уехал?» (*Lucas v. Leyden.* К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского. См.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html> (дата обращения: 10.07.2017); в комментарии к этому месту выдвигаются документированные гипотезы о дате отъезда поэта из Петербурга).

⁶¹ Имеется в виду стихотворение «Сонет (Дымок рассеялся, и только рокотали...)» (Русская мысль. 1915. № 3. С. 93).

⁶² ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 44. Л. 3.

1915 года, Бородаевский встречался в Петербурге с Сологубом, который читал ему «интересные пьесы — но твои имеют для меня особую, я бы сказал, интимно-заклинательную силу».⁶³ Разумеется, из этой скупой характеристики невозможно с уверенностью определить, какие именно стихотворения Сологуб читал Бородаевскому, однако отметим, что «Все хочет петь и славить Бога...» вошло в его книгу избранных стихотворений «Земля родная» (1916).⁶⁴

Второе письмо имеет дату 3 сентября (по содержанию — 1916 года) и также свидетельствует о налаженном общении:

«Глубокоуважаемая
Анастасия Николаевна,

С удовольствием исполню Вашу просьбу и на днях вышлю ящик яблок по Петербургскому адресу. Жаль, что Вы не пишете о сорте; вышлю часть антоновкой (для мочки) и часть десертными. Собираюсь со дня на день в Кисловодск, недели на 3, а потом в СПб.; семья, вероятно, раньше ноября не выберется, к тому же разные спешные затруднения с хозяйством смущают. Приезжие петербуржцы говорят, приходится жить чуть ли не впроголодь. Думаю, преувеличивают.⁶⁵

На днях дня 4 у нас прожил Юрий Верховский, приехавший из Тулы; читал свои новые вещи съехавшимся на этот предмет соседям и их женам.⁶⁶ Ремизовых мы не дождались; ввиду болезни Сераф(имы) Павловны все их планы были изменены.⁶⁷

⁶³ Глухова Е. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 526. Судя по всему, до Бородаевского дошли слухи о плодотворном для творчества Иванова лете 1915 года.

⁶⁴ Сологуб Ф. Собр. стихотворений. СПб., 2002. Т. 5. С. 78. Согласно «Книжной летописи», книга вышла с 6 по 19 апреля. Среди более свежих текстов Сологуба также бросается в глаза тот, чья основная мысль могла бы вызвать интерес Бородаевского: «Не презирай хозяйственных забот, / Люби труды серпа в просторе нивы, / И пыль под колесом, и скрип ворот, / И благостные кооперативы...» (Там же. С. 132, 430; дата под текстом 11 июля 1915-го, опубликовано в «Биржевых ведомостях» 6 августа того же года).

⁶⁵ Карточная система распределения продуктов питания частично была введена в России уже в 1915 году, но в Москве и Петрограде с августа 1916 года по карточкам выдавался только сахар. С декабря того же года была введена разверстка, т. е. обязательная поставка продуктов, зерновых хлебов и фуража по твердым ценам.

⁶⁶ Как легко заметить хотя бы из вышеизложенного, Бородаевский был ценителем «неоклассицизма» Верховского, например, получив от него «дружеское послание», восхищался им в цитиrowанном выше письме от 29 июня 1910 года: «Сердечное Вам спасибо за Ваше милое и прекрасное послание, которое должно быть признано образцовым. Оно меня очень порадовало, а некоторые характеристики заставили от души смеяться. Собираюсь ответить Вам александрийским стихом (почему-то он стал мне особенно мил сейчас), но сперва помешали дела, а потом лихорадка, и я вынужден отвечать Вам речью бескрылой» (см.: *Верховский Ю.* Струны. С. 830—831, а также: *Глухова Е.* «Духовным голодом томимый...». С. 323).

⁶⁷ Приглашение посетить Бородаевских было передано через Розанова, и это, как уже отмечалось, составляет содержание его единственного известного недатированного письма к философу (см.: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 496). Отметим, что поэт еще не считал себя вправе обратиться с подобным предложением к Ремизову напрямую, объясняя это следующим образом: «Обращаюсь по этому делу именно к Вам, так (как) Вы больше и лучше нас знаете Алексея Михайловича и, зная его, можете видеть, насколько предложение мое может ему подходить, равно и Серафиме Павловне» (РГБ. Ф. 249. Карт. М3875. Ед. хр. 45. Л. 3—3 об.). Знакомство Бородаевского с Ремизовым состоялось, вероятно, уже в 1909 году. По крайней мере, в письме от 3 мая 1909 года Бородаевский просил М. М. Замятину, которая вела деловую часть издания сборника в «Орах»: «Чтобы не забыть: Не откажите, кроме экземпляров, обычно рассылаемых в главные журналы и газеты, передать по экземпляру гр. А. Н. Толстому и А. М. Ремизову и присяжным критикам (с которыми я не знаком) — С. А. Венгеру и К. Чуковскому» (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 69. Л. 3—4; частично процитировано: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 496). В мемуарах Бородаевской упоминается визит к писателю, состоявшийся, видимо, зимой 1910—1911 годов: «Мы были с ним на шестом или седьмом этаже без лифта у Ремизовых и сидели в кабинетике, увешанном и уставленном домиками, недотыкомками и т. п.» (*Бородаевская М. А.* О моих встречах с писателями. С. 281).

В моей должности уполномоченного для ревизий курских отрядов побывал на Кавказском и Западном фронтах и видел много для меня любопытного.

Жаль, что не удалось свидеться с Вами и Федором Кузьмичем; не будете ли зимой в наших местах.

Целую Ваши ручки и шлю сердечный привет Федору Кузьмичу. Жена шлет свои приветствия.

Искренне уважающий Вас
Валериан Бородаевский». ⁶⁸

О том, что писатели встречались в Курске зимой того же 1916 года, Бородаевский сообщал Александре Чеботаревской в конце письма от 14 февраля из Курской губернии:

«Глубокоуважаемая
Александра Николаевна,

Как мне ни совестно, я к Вам опять с большой просьбой на этот раз не „общественного“, а поэтического характера. Дело в том, что я послал (только что) „Русск(ой) мысли“ небольшой цикл стихов (6 пьес), составляющих одно целое под заголовком „Зима в деревне“⁶⁹ и с гордым эпиграфом из Пушкина

Зима, что делать нам в деревне?

Цикл этот отчасти романтичен, но главным образом зарисовывает зимние деревенские картины, являясь как бы продолжением напечатанных <так!> в 13^м и 14^м годах стихам в той же „Русской мысли“.⁷⁰ Думаю, что в такой комбинации

В конце концов Бородаевский и сам пригласил Ремизова погостить в письме от 20 мая 1916 года: «На днях я вернулся из поездки на Кавказский фронт к себе домой. Собираюсь на несколько дней в СПб., но не знаю, когда доберусь: надо отдохнуть на подножном корму. Что Вы поделяете и где думаете быть летом? От лица моей жены и моего предлагаю Вам и Серафиме Павловне — если Вы не наметили еще определенного плана — приехать к нам, в тот свободный дом, о котором я говорил Вам при последней нашей встрече. Сейчас у нас стало холодно (как, впрочем, и по всей Руси), но соловьи поют наперекор погоде и, надо думать, лето все же придет <так!> по расписанию!» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 4—5). Судя по всему, Ремизов приглашение принял и даже успел сообщить адрес Бородаевских для своей деловой корреспонденции. 8 июля Бородаевский писал ему: «Вчера вернулся с фронта, на Ваше имя есть письма — посылаю. Кроме того, из конторы „Лукоморья“ пришло 50 руб. Выслать ли Вам или нет? Как здоровье Серафимы Павловны? Ждем Вашего приезда»; 17 июля телеграммой просил распоряжений насчет денег, а 18-го сообщал, что кроме 50 рублей из «Лукоморья» пришло еще 25 из журнала «Весь мир» (возможно, имеется в виду гонорар за цикл из трех публикаций в журнале «Лукоморье» (1916. 9 апр. № 15/16. С. 8—12), а также за сказку «Кукушка» в журнале «Весь мир» (1916. Август. № 34. С. 2—3)). 21 июля М. А. Бородаевская, пересылая Ремизову эти 75 рублей, на отрывном купоне перевода сообщала: «Муж в Тиму на сессии мирового суда. Еще получена посылка ценная на 20 руб. из Борзны для Серафимы Павловны, пока она оставлена на почте. Что с ней делать? Очень жалею, что Ваша поездка к нам так грустно откладывается» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 1—3, 8; упоминается уездный город Черниговской губернии, близ которого находилось имение родственников С. П. Ремизовой-Довгелло, где жила их с Ремизовым дочь Наташа).

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 44. Л. 1—2 об.

⁶⁹ В архиве «Русской мысли» сохранилось это письмо Бородаевского, датированное тем же 14 февраля 1916 года. В нем писатель пояснял: «При этом прилагаю *лирический цикл* „Зима в деревне“, который я хотел бы видеть на страницах Вашего уважаемого журнала. Цикл этот (объединенный развитием одной темы) отчасти примыкает к напечатанным в „Русской Мысли“ за 1913 г. — 14 г. моим пьесам о деревне (вошедшим в книгу «Уединенный Дол»). Как одно целое, хотел бы видеть стихотворения в одной книге в предлагаемой последовательности» (ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 74. Л. 1; на письме карандашная помета «Прин(ято) <автор> ув(е-домлен) 24/II 916).

⁷⁰ Имеются в виду две подборки под одним названием «Из цикла „Деревня“», опубликованные в октябрьском (X) номере «Русской мысли» за 1913 год (С. 41—44; шесть стихотворений: «На балконе», «Иволга», «Береза», «Дом дедов», «Казанская» и «Тревожен лепет

цикл для журнала приемлем, и редакция не раздробит его, что было бы нежелательно. Главная моя к Вам просьба: нельзя ли попросить П. Б. Струве (с которым до сих пор не довелось познакомиться) или кого надлежит, чтобы цикл этот был помещен в *Мартовской* книге, т. е. зимний цикл — зимой же. Это имеет психологическое (для читателей) значение. Весной о зиме скверно читать. Помня, что Вы предлагали мне познакомиться с Петром Бернгард(овичем Струве) в связи с поэтическими заботами о напечатании стихов — я и решаюсь попросту, без затей к Вам постучаться.⁷¹

В Курске виделся на лекции с Анастасией Никол(аевной) и Федором Кузьмичем и был у них (вместе с женой).⁷²

После Масляной рассчитываю приехать в СПб., после чего, вероятно, еду на фронт, ибо я избран от Курского Земства в ревизионную комиссию земских госпиталей — в почтенной компании из трех черносотенцев, членов Госуд(арственной) Думы.⁷³ Избран я как представитель „либеральной оп(п)озиции”.

темных верб...») и февральском (II) за 1914 год (С. 1—4; четыре стихотворения: «Февраль», «Приказчик», «На выборах» и «Багрянородному»). Обратим внимание, что стихотворение «Февраль» попало именно в февральский номер журнала, и поэт явно хотел повторить эту синхронизацию. 9 октября 1913 года Бородаевский писал Иванову: «Еще раз большое спасибо за помощь для вторжения в „Русскую мысль”» (*Глухова Е.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений. С. 525). Отметим, что в 1911 году в журнал его уже приглашал (правда, без успеха) и Брюсов, как сам Бородаевский упоминал в письме к тому же адресату (см.: Там же. С. 524).

⁷¹ Цикл «Зима в деревне» появился в апрельском (IV) номере «Русской мысли» за 1916 год (см.: *Бородаевский В.* Посох в цвету. С. 132—135).

⁷² В 1913—1916 годах Сологуб осуществил ряд турне по России с просветительскими лекциями, объехав «огромные пространства Российской империи — от Вологды до Одессы, от Риги до Иркутска» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 297). Судя по письмам к жене, 9 февраля 1916 года он выступал в Нижнем Новгороде, а 24-го уже прибыл с той же целью в Полтаву (Там же. С. 356—357). Однако первым городом на его пути был именно Курск, родина сестер Чеботаревских. Супруги отправились туда через Москву, где 18 января в Камерном театре встретились с Вяч. Ивановым на лекции Сологуба о современном театре. В письме от 22 января (датируется по штемпелю) из Курска Ан. Н. Чеботаревская сообщила сестре: «Прямо с вокзала побежала на эту улицу посмотреть на наш дом... все на месте, равнодушное и чужое... Виделись с Бородаевскими — они были на лекции (...») (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 35; этой цитатой с нами также щедро поделился А. Л. Соболев). Ни одна из выходящих на тот момент в Курске газет («Курская боль», «Курская газета» и «Курские губернские ведомости») не откликнулась на приезд писателя, и только щуплый еженедельник «Курский театр» уже 17 января поместил на видном месте объявление о лекции, снабдив его памяткой в жанре хроникальной заметки: «Напоминаем нашим читателям о том, что в среду 20 января в зале общественного клуба известный писатель Федор Сологуб прочтет публичную лекцию „Россия в мечтах и ожиданиях”» (Курский театр. 1916. 17 янв. № 3. С. 9; ту же самую лекцию писатель читал и в Политехническом музее в Москве; впечатления ее слушателя см.: *Розинский В.* Воспоминания и встречи // *Русская мысль*. 1977. 28 апр. № 3149. С. 2). 23 января Сологуб писал жене, которая тем же путем, через Москву, поехала в Петербург: «Выехал я из Курска в 5 ч. 30 м. вечера, так что на вокзале в Курске успел поесть как следует» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 348).

⁷³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский вспоминал: «В 1899 г. окончил Горный Институт и около трех лет после того работал на рудниках Юга России. Затем я жил в своем имени, занимался сельским хозяйством и вошел, как активный член, в малочисленную оп(п)озиционную группу Курского Земства» («При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 185). О деятельности Бородаевского на этом посту со ссылкой на комментируемое письмо см.: *Михайлова И. П.* Первая мировая война в семье Бородаевских // *Курская губерния и куряне в Первой мировой войне: Курский военно-исторический сборник*. Курск, 2014. Вып. 14. С. 41—43 (см: <http://old-kursk.ru/book/korovin/1914-p041.html#sd140a>; дата обращения: 27.07.2017); а в качестве земского комиссара после Февральской революции см.: *Михайлова И. П.* Курский период жизни и творчества поэта Валериана Бородаевского // *Авторские миры в художественном тексте XIX—XX веков: Материалы Международной научной конференции* (Курск, 28—30 июня 2013 г.). Курск, 2014. С. 182—183. Отметим, что «черная сотня кума» (Бородаевского) упоминается в дружеском послании Иванова к его жене, написанном в феврале 1910 года, т. е. накануне их отъезда в дерев-

Жена и я шлем Вам наш сердечный привет.
Искренне Вам преданный В. Бородаевский».⁷⁴

После этого Бородаевский в очередной раз посетил Петербург весной 1916 года, что нашло свое отражение в дарственных надписях ему на «Глиняных голубках» Кузмина (март 1916-го) и «Укрепе» Ремизова (2 марта).⁷⁵ Почтовый штемпель на открытке к Ал. Н. Чеботаревской, посланной из номеров Пале-Рояль на Пушкинской улице, популярного места жительства приезжавших в столицу литераторов, имеет дату 25 февраля 1916 года. Несмотря на недавнее появление писавшего в столице, текст выдает человека, находящегося в гуще литературных событий:

«Глубокоуважаемая Александра Николаевна,

К сожалению, затерял № Вашего телефона, не знаю, когда удобнее застать Вас дома. Сейчас у меня к Вам большая просьба — не моя лично, а касается А. Белого. Мне передавали, что дело о напечатании „Петербургa” терпит цензур(ные) затруднения. Дело это ведал Иванов-Разумник. Нельзя ли выяснить, в руках какого цензора или цензур(ного) отделения этот вопрос; находится лицо, которое, кажется, может помочь. Вы всех знаете, а м(ожет) б(ыть,) узнаете и это. Пожалуйста ответьте открыткой. Искренно преданный В. Бородаевский».⁷⁶

Речь идет о цензурном разрешении отдельного издания романа, которое представляло собой вырезанные из нераспроданных сборников «Сирин» и сброшюрованные в книгу главы «Петербургa», «с перепечаткой двух соединительных листов между частями, но без всяких перемен». Последние слова принадлежат Иванову-Разумнику, который входил в состав редакционного совета издательства «Сирин» и держал связь с Белым от его имени, а также «организовал и осуществил в 1916 г. отдельное издание „Петербургa”». ⁷⁷ Творческой истории романа он посвятил статью «К истории текста „Петербургa”», где привел и список цензурных изъятий для публикации в сборниках «Сирин». ⁷⁸ По поводу книжного издания Иванов-Разумник сообщал Белому в письме от 26 марта 1916 года: «Дело так было: еще в декабре А. А. Блок и я решили попросить разрешения бывших издателей „Сирина” на выпуск отдельным изданием „Петербургa”, сброшюрованного из трех сборников. Издатели ответили согласием, — и немедленно же передали нам все оставшиеся у них экземпляры сборников, — каждого оказалось по 6000, — а я немедленно отправил один сброшюрованный экз(емпляр) в цензуру, где он пробыл более чем 1½ месяца... Теперь он благополучно вышел из цензуры и ждет очереди у брошюровщика <...>». ⁷⁹ В комментарии к этому письму сам Иванов-Разумник пояснял: «В конце января 1916 года роман был представлен в военную цензуру, где с ним произошел

ню (Иванов В. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов: dubia // Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Ридци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 27).

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 1—2 об.

⁷⁵ Михайлова И. П. Инскрипты в судьбе поэта Серебряного века В. В. Бородаевского. С. 214—215. Отметим, что ремизовский инскрипт на седьмом томе собрания сочинений датирован 23 апреля 1916 года, но было ли это сделано в тот же приезд, пока сказать затруднительно.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 8.

⁷⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 9.

⁷⁸ См.: Иванов-Разумник Р. В. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 91, 93—94; см. также: Долгополов Л. К. Текстологические принципы издания // Белый А. Петербург. М., 1981. С. 629.

⁷⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 65.

неожиданный анекдот: военный цензор предложил переименовать роман „Петербург” в „Петроград”, ввиду того, что уже в конце 1914 года такое переименование города было произведено по высочайшему повелению... Однако цензора удалось убедить, что высочайшее повеление не распространяется на роман, в котором Петербург описывается до 1914 года. Цензурное разрешение было дано 23 февраля 1916 года — и в начале марта это отдельное издание „Петербурга” вышло в свет.⁸⁰

Отметим также, что именно 7 февраля 1916 года помечено одно из двух стихотворений Бородаевского, «Лилово небо, поле бело...», которое было подарено им Александре Чеботаревской для ее альбома. Оно сохранилось среди бумаг Чеботаревской вместе с другим стихотворением под названием «Подражание Гариванзе», которое не известно современному читателю.⁸¹ Пользуемся случаем исправить это упущение:

Александре Николаевне Чеботаревской

ПОДРАЖАНИЕ ГАРИВАНЗЕ

Одна среди немых полей
Я шла на склоне дня, —
Змея любви, змея страстей
Ужалила меня.

Весенний воздух так душист,
Так свеж, — и я горю;
К стеблю прижался нежно лист,
И гасит ночь зарю.

Тебя люблю — и жду речей,
Печальна и чиста...
Звезда любви, звезда страстей
Ко мне моя звезда!⁸²

В заключение отметим, что последнее письмо к Александре Чеботаревской завершает пунктирно намеченную на этих страницах тему политической ориентации Бородаевского. Сотрудник знаменитого «Русского вестника», некогда издававшегося Катковым и Леонтьевым, а в момент его участия — консерваторм и империалистом В. Л. Величко,⁸³ читатель князя Мещерского, Бородаевский постепенно

⁸⁰ Там же. С. 66. О своих встречах с Белым в кругу антропософов Бородаевский упоминал в недатированном (возможно, майском) письме к Чеботаревской: «Был я за границей недель 5, в Мюнхене, Роттенбурге и Вене. Видел Андрея Белого, слышал „Доктора”» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 4 об.). О его присутствии на курсе Штейнера в конце марта 1914 года и посещения строительства Геганума см.: Глухова Е. «Духовным голодом томимый...». С. 338. Не исключено, что именно тогда состоялись скупо описанные в мемуарах супруги поэта ее встречи с Белым и Тургеневой (*Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями.* С. 291—292).

⁸¹ Этот текст открывает машинописную роспись первого из альбомов Чеботаревской (см.: *Обатнин Г. В. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // Русская литература.* 2014. № 2. С. 265). Здесь же разъясняется название стихотворения, позаимствованное из заглавия индийской эпической поэмы.

⁸² ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 198. Л. 1. Добавим, что в коллекции Е. А. Бурцева отложились еще два неопубликованных стихотворения, которые на основании карандашной пометы идентифицированы в описи как принадлежащие перу Бородаевского. Это «Люблю я скорбь твою — суровый след...» и «Когда земле мы землю отгададим...» (ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1—2). Однако эта атрибуция вызывает пока некоторые сомнения. Впрочем, отметим, что Бородаевский сообщил А. М. Кожебаткину в недатированном письме: «Согласно Вашему предложению посылаю Вам два стихотворения для альманаха Альциона. Не зная рамок и общего духа сборника, не уверен, подойдут ли стихи к целому книги» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 506. Л. 1). В первую книгу альманаха «Альциона» (1914) стихи Бородаевского не вошли, однако не исключено, что они предназначались для его продолжения, которое так и не последовало.

⁸³ В автобиографии для Венгерова Бородаевский сообщил: «В 1903 году в „Русском Вестнике” (редакции В. Л. Величко) помещена моя статья „О трагизме в христианстве”, которая бы-

становится «либеральной оппозицией», хотя еще и ставит это выражение в ироничные кавычки. Датированная 26 числом (очевидно, марта) записка к Чеботаревской написана на обороте печатной листовки с его стихотворением «Песнь народу русскому» (дата под текстом 3 марта 1917 года; 7 марта было также опубликовано в газете «День»).⁸⁴ Обстоятельства появления этого летучего издания выясняются из текста самого письма:

«Глубокоуважаемая Александра Николаевна,

Не успел перед отъездом побывать у Вас, так много было в эти первые мартовские числа хлопот и переживаний. Перед отъездом, радуясь свободе печати, заказал эти бланочки, которые мне девать здесь некуда. Думаю в Курске прочесть реферат о событиях. Жена шлет Вам свой сердечный привет. Пожалуйста, один листок передайте Анастасии Николаевне.

Искренне преданный Вам. Борода(евский)».⁸⁵

Нам лишь остается добавить, что внук поэта еще в 1960-е годы передал такую же «листовку» в краеведческий музей села Желанное Шацкого района Рязанской области, где она заняла свое место в экспозиции.⁸⁶

ла в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенном в гуцу соблазнов и метаний» (см.: «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру. С. 615—624).

⁸⁴ Частично приводится в статье Е. В. Глуховой «Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: К истории взаимоотношений» (с. 510). Полный текст см.: *Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 136—137.

⁸⁵ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 62. Л. 9.

⁸⁶ *Бородаевский А. Пропажа, или Альбом моей бабушки // Бородаевский В. Посох в цвету*. С. 304.

© В. Б. Зусева-Озкан

ОБРАЗ ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ*

Образ девы-воительницы представляется крайне значительным в творческом мире Марины Цветаевой: он не просто присутствует в отдельных ее произведениях, но появляется в разных вариациях и под разными именами на всем протяжении ее творчества, причем порой в самых неожиданных контекстах. Более того, он примерялся Цветаевой на себя лично — в жизни или, точнее, в биографическом мифе; примерялся он на нее и окружавшими ее людьми (например, К. Д. Бальмонт, Т. В. Чурилыным, Ю. П. Иваском) — как в прижизненных документах, так и в воспоминаниях.

В этой статье мы постараемся проследить *константы* образа воительницы у Цветаевой (почти не касаясь его источников — в силу ограничений объема) и прочертить линии *эволюции* в его креативной рецепции поэтом. В научной литературе, насколько нам известно, такая попытка до сих пор не предпринималась, хотя отдельные грани этой темы внимание уже привлекали — по касательной, в связи

Вероника Борисовна Зусева-Озкан — ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

либо с анализом конкретных произведений (в первую очередь поэмы-сказки «Царь-Девца»¹), либо с биографическим контекстом (в частности, отношениями поэта с С. Парнок и с восходящим к ним «Письмом к Амазонке»²), либо — шире — с проблемой андрогинности у Цветаевой³ (поскольку образ воительницы гендерно неоднозначен).

Фигура воительницы появляется уже в самых ранних цветаевских текстах и первоначально связывается с *мотивами силы, свободы, полноты жизни, своеволия, стихийности, даже разбойничества*, а также неприятия обычной женской роли. См., в частности, стихотворения «Молитва» (1909) и «Дикая воля» (ок. 1909—1910):

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой...

(I, 32)⁴

Или:

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

{...}
Чтобы все враги — герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

(I, 136—137)

Здесь утверждаются физическая и внутренняя сила лирической героини, ее разбойная и лихая натура, а также органичность в природном мире и готовность противостоять врагу, который столь же порождение природы, как и она сама. Это своего рода *игра силы, гордой собой* (дева-воин в фольклоре — тоже любительница покуражиться, помериться силою).

Примерно с 1914 года образ амазонки, остающийся женским идеалом Цветаевой, претерпевает изменения. Появляясь в стихотворном обращении к дочери

¹ Например, см.: Коркина Е. Б. Лирический сюжет в фольклорных поэмах Марины Цветаевой // Русская литература. 1987. № 4. С. 161—168; Ли Янг Ий. Поэма-сказка Марины Цветаевой «Царь-Девца» (Фольклорные контексты поэта). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996; Karlinski S. Marina Tsvetaeva: The Woman, Her World and Her Poetry. Cambridge, 1985. P. 97—100; Smith G. Characters and Narrative Modes in M. Tsvetaeva's «Tsar-Devitsa» // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. 12. P. 117—134, и др.

² Например, см.: Полякова С. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок // Полякова С. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 188—269.

³ См.: Kroth A. M. Androgyny as an Exemplary Feature of Marina Tsvetaeva's Dichotomous Poetic Vision // Slavic Review. 1979. Vol. 38. № 4. P. 563—582; Dinaga A. W. A Russian Psyche: The Poetic Mind of Marina Tsvetaeva. Madison, 2001; Gove A. The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Resolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 2. P. 231—255; Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой. М., 2015 (особенно с. 71, 134—137, 168, 181, 259); Полякова С. В. К вопросу об источниках поэмы Цветаевой «Царь-Девца» // Russica-81: Литературный сборник. New York, 1982. С. 222—228; Лаврова Е. Л. Поэтическое мирозерцание М. И. Цветаевой. Горловка, 1994.

⁴ Здесь и далее произведения Цветаевой цитируются в тексте сокращенно с указанием номера тома и страницы по изданию: Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994—1995.

(«Але»; 1914), он сливается с образом «царицы бала», лучшее оружие которой — не буквальный клинок, а «клинок взгляда»:

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной — и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне — только снится,
Ты будешь иметь у ног.

(I, 203)

Любопытно, что сравнение волос со шлемом или с каской несколько раз появляется и в цикле «Подруга», обращенном к С. Парнок и тоже отсылающем к образу амазонки:

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильней меня!

(I, 224)

Или:

Есть женщины. — Их волосы, как шлем...

(I, 227)⁵

а также:

Нестерпимо заблистал
Бешеных волос металл
Темно-рыжий.

(I, 229)

В этом цикле образ воительницы обретает прежде не характерные для Цветаевой оттенки. Вместо ранее доминировавшего мотива «дикой воли» и природной стихии появляется мотив *любовной борьбы*. Важно также, что амазонки, традиционно воспринимаемые как мужененавистницы, предстают в лесбийском обличье, так что любовная борьба происходит между двумя женщинами, двумя подругами и воительницами. В дальнейшем мотивы любовной войны и «возлюбленного врага» распространяются и на отношения с мужчинами.

Примечательно стихотворение «Лежат они, написанные наспех...» (1915), в котором лирическая героиня как бы теряет право быть амазонкой (и одновременно поэтессой — «лира» и «меч» часто Цветаевой уравниваются), ибо слишком растворилась в любви, забыла себя:

И слышу я, что где-то в мире — грозы,
Что амазонок копыта блещут вновь.

⁵ Ср. в цикле «Даниил» (1916), где это сравнение относится к самой лирической героине: «Что волосы мои сейчас как шлем...» (I, 314).

— А я пера не удержу! — Две розы
Сердечную мне высосали кровь.

(I, 250)

Таким образом, влюбленность противопоставляется свободному состоянию души воительницы. В ряде стихов 1916 года (в частности, «Коли милым назову — не соскучишься!..») свобода предстает органичной для воительницы даже и в любви:

Коли милым назову — не соскучишься!
Богородицей — слыву — Троеручицей:
Одной — крепости крушу, друга — тамотка,
Третьей по морю пишу — рыбам грамотку.
<...>

Коль похожа на жену — где повойник мой?
Коль похожа на вдову — где покойник мой?
Коли суженого жду — где бессонница?
Царь-Девичею живу — беззаконницей!⁶

(I, 279)

Здесь вновь возникают уже известные нам мотивы силы, стихии, разбойного своеволия и беззаконности, но чуть ли не впервые появляется сопоставление себя с Царь-Девичей (а также с сакральной фигурой, хотя и в «десакрализирующем» контексте, связывающем языческое и христианское). Причем в этой позднейшей редакции следует отметить ассоциацию с морской темой, несомненно, идущую и от имени самой Марины Цветаевой, но также сюжетно проявленную в сказках о Царь-девице. Характерно, что здесь ощущаются отзвуки такой вариации сюжета о деве-воительнице, которая вообще свойственна русскому фольклору (хотя в большей степени былинам, нежели сказкам⁷) и имеет место также и в поэме Цветаевой «Царь-Девича»: женский персонаж заведомо и неоспоримо сильнее мужского, который нередко предстает довольно пассивным, и любовная инициатива принадлежит именно ей.

Похожая ситуация складывается в стихотворении «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» (1916), где стихийная, «лесная» и, видимо, демоническая героиня ради любви героя готова вступить в схватку со всеми земными и даже небесными силами (ангелом), но встречает препятствие в самой природе возлюбленного, в отличие от нее, абсолютно «нацеленного в эфир» (ср. с поэмой «Царь-Девича»). Таким образом, речь идет не о традиционном (в том числе и для самой Цветаевой — ср., например: «— Мы с тобою — неразрывные, / Неразрывные враги»; I, 367) сюжете борьбы с предназначенным от века «возлюбленным врагом», но о борьбе за любимого с некими другими силами.

Интересно, что под именем Девы-Царя у Цветаевой в это время довольно неожиданно выступает и другая воительница, типологически отличная от мифологи-

⁶ Приводим здесь итоговую редакцию стихотворения (1921), подготовленную Цветаевой для сборника «Версты» (1922). Последняя строфа сохранилась без изменений, но первая и третья были переписаны.

⁷ О различиях в репрезентации образа героини-воительницы в сказках, с одной стороны, и в былинах, с другой, см.: *Мадлевская Е. Л.* Героиня-воительница в эпических жанрах русского фольклора. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. Отметим, что автор включает в понятие «воительница» также и героинь, не отличающихся физической доблестью, но сильных мудростью, ведовством, колдовством, называя их «героинями-противницами» (по отношению к герою). Такой подход определен научной традицией (см., в частности: *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; *Жирмунский В.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962). Однако в отношении художественной литературы мы считаем нужным разграничивать эти две разновидности героинь, поскольку, по сравнению с фольклором, они гораздо более отчетливо специфицированы и с ними связаны принципиально различные сюжеты и мотивные комплексы.

ческих амазонок, валькирий и богатырок, — Жанна д'Арк. Говоря о типологических различиях, имеем в виду следующее: не мифологическое, а историческое происхождение образа; ореол святости вокруг Жанны д'Арк, которая, как известно, канонизирована католической церковью (ее воинская сила инспирирована Богом и имеет патриотический характер); отсутствие в истории Жанны любовного мотива, свойственного сюжетам о мифологических воительницах (сама Цветаева это хорошо осознавала — по ее мнению, «Шиллер, приписав Жанне влюбленность в Дюнуа, поступил не как поэт, а как автор авантюрного романа»; VII, 555). Начиная с 1917 года Жанна (или Иоанна) д'Арк появляется в ряде цветаевских стихотворений.⁸ См., например, «Руан», где заново проигрывается историческая судьба Жанны:

Не ждите, принц, скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч,
Чтоб Иоанна разлюбила — голос,
Чтоб Иоанна разлюбила — меч.

{...}

А за плечом — товарищ мой крылатый
Опять шепнет: — Терпение, сестра! —
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

(I, 379)

Божественные голоса, ведущие героиню, ангел, называющий ее сестрой, мученическая смерть — все это атрибуты ее святого призвания. Но одновременно в стихотворении 1918 года «Был мне подан с высоких небес...» поэт называет ее «Дева-Царь»:

Был мне подан с высоких небес
Меч серебряный — воинский крест.

Был мне с неба пасхальный тропарь:
— Иоанна! Восстань, Дева-Царь!

(I, 429)

Дело в том, что в этот период образ воительницы связывается у Цветаевой с рядом новых мотивов: это уже не только *стихия, удаля и сила, беззаконность*, но и *творчество, причастность к божеству*; своего апогея эта взаимосвязь позже достигнет в поэме «На красном коне». Приметами нового мотивного комплекса в поэзии Цветаевой являются мученичество и высокое, святое предназначение, ради которого лирическая героиня отказывается от всего земного, в том числе от любви:

— Любовь! Любовь! Куда ушла ты?
— Оставила свой дом богатый,
Надела воинские латы.
— Я стала Голосом и Гневом,
Я стала Орлеанской Девой.

(I, 431)

Показательно, что такая трактовка Цветаевой образа воительницы формируется именно в эти годы — военные и революционные, для России катастрофические.

⁸ Множество раз она упоминается и в прозе Цветаевой, и в эго-документах, причем в смысле самоотожествления с нею. См., например, очерки «О любви» (1918—1919), «О Германии» (1919), эссе «Поэт о критике» (1926), статью «Несколько писем Райнер Мария Рильке» (1929), запись по-французски 1932 года, внесенную Цветаевой в третью сводную тетрадь (*Цветаева М. Неизданное. М., 1997. С. 497—498*), «Повесть о Сонечке» (1937) и др.

Отсюда, думается, и актуализация для поэта фигуры Жанны д'Арк, явившейся в эпоху, для Франции не менее роковую.

В некоторых стихотворениях 1917—1918 годов *соединяются оба мотивных комплекса*. В посвященном Е. Б. Вахтангову стихотворении «Серафим — на орла! Вот бой!..» героиня, с одной стороны, бросает вызов на бой равному по силе (и, следовательно, достойному любви) сопернику; с другой же, бой разыгрывается «за тучами», над церковью в Страстной четверг, и происходит меж крылатыми воинами — серафимом и орлом, причём, судя по синтаксису первых двух строк первой строфы, лирическая героиня ассоциирует себя с серафимом.⁹ В другом стихотворении тоже отчетливы обе тенденции:

Доблесть и девственность! — Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

(I, 413)

С одной стороны, героиня клянется «красною кровью» и «кудрявой головою», которые ассоциировались у Цветаевой с природной силой, органикой, богатырством (ср., например высказывание о Б. Бессарабове, прототипе Егорушки из одноименной цветаевской поэмы: «Наружность: богатырская. Малиновый — во всю щеку — румянец, вихрь неистовый — вся кровь завилась! — волос (...) пара — донельзя! — моей Царь-Девнице...»; III, 809). С другой стороны, доблесть теперь связывается с девственностью, а меч обращается в лиру.

Почти одновременно с этим стихотворением, в июле 1918-го, было написано еще одно, соединяющее мотивы боя и мученичества, — «Свинцовый полдень деревенский...», где отчетливо прочитывается ориентация лирической героини на Жанну д'Арк:

— Вперед на огненные муки!
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

(I, 413)

В стихотворении «Не по нраву я тебе — и тебе...» вновь появляется Дева-Царь, ассоциирующаяся с небесной поэтической сущностью — с чистым вдохновением, которое не следует ронять до «псарей», до холопов. В 1919—1920 годах эта тема продолжается и нарастает. В стихотворении «Бог! — Я живу! — Бог! — Значит ты не умер!..» (1919) Царь-Девница выступает как Христов воин:

Я твой горнист. — Сигнал вечерний
И зорю раннюю трублю.
Бог! — Я любовью не дочерней, —
Сыновне я тебя люблю.

Смотри: кустом неопалимым
Горит походный мой шатер.
Не поменяюсь с серафимом:
Я твой Господен волонтер.

⁹ И не только в данном стихотворении (также см.: «Не называя меня никому...», «Быть голубкой его орлиной...», поэму «Царь-Девница»).

Дай срок: взыграет Царь-Девца
 По всем по селам! — А дотоль —
 Пусть для других — чердачная певица
 И старый карточный король!

(I, 486—487)

Подчеркнем здесь два момента: во-первых, лирическая героиня говорит о «сынней» любви к Богу, т. е. возникает проблематичность гендера, которая характерна для образа воительницы; во-вторых, она, как во всех стихах этой линии у Цветаевой, — поэт («чердачная певица»). Именованная «Царь-Девца» и способность слышать божественный голос, выступать его «герольдом» на земле сближают героиню с Жанной д'Арк.

Впрочем, в некоторых стихах лирическая героиня Цветаевой Жанной быть отказывается. Так, в 18-м стихотворении из цикла «Н. Н. В.» (обращенного к художнику Вышеславцеву) «Пригвождена к позорному столбу...» героиня провозглашает свой отказ от высокой, героической судьбы ради «позорного столба» любви:

Сей столб встает мне, и не рокот толп —
 То голуби воркуют утром рано...
 И все уже отдав, сей верный столб
 Я не отдам — за красный нимб Руана!

(I, 532)

В стихотворении 1920 года «Бог, внемли рабе послушной!..» вновь интересно соединяются несколько трактовок образа воительницы: с одной стороны, лирическая героиня обращается к Богу, называя себя его «рабой» и прося его «подарить честною раной / За страну мою», что сближает ее с Жанной; с другой стороны, в ее облике просвечивают черты амазонки из раннего цветаевского творчества с ее стихийным богатырством, даже разбойностью, и не знающей куда деть себя удалю, почти самоубийственной («Очи застит красной тучей, / От крови сильно-могучей / Пленного богатыря»; I, 563).

Обе намеченные тенденции примерно одновременно разрешаются большими поэмами: в сентябре 1920 года Цветаева завершает «Царь-Девцу», в январе 1921 года — «На красном коне». В «Царь-Девце» Цветаева придает героине максимально мужские и разбойничьи черты¹⁰ (например: «Дева всех впереди! / Великановый рост, / Пояс — змей-самохлест, / Головою до звезд, / С головы конский хвост, / Месяц в ухе серьгой...» (III, 194)), даже демонические (героиня называет себя «Царь-Демоном», другие, правда, враждебные ей персонажи — «Девой-Зверем» и «Зверь-Солдаткой» (см.: III, 200, 195, 199)). Это неудивительно, ибо она плоть от плоти стихийных, природных сил; ее нареченный брат, набивающийся и в женихи, — Ветер.¹¹ Однако в ней прочитываются и черты божественного воина: «Грудь в светлых латах, лоб — обломом, / С подсолнечником равен лик. / Как из одной груди тут громом: / „Сам Михаил-Архистратиг!“» (III, 202); «А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой, / Что там за Воин — за Ангел — за Демон такой?» (III, 205). Для Цветаевой вообще очень характерно романтическое оправдание разбойничье-демонического, любовь по примете силы. Так или иначе, в

¹⁰ Подробно поэму «Царь-Девца» и ее фольклорные и литературные источники и параллели мы рассматриваем в статьях: Зусева-Озкан В. Б. 1) Образ воительницы в поэме «Царь-Девца»: К вопросу о характерологии М. Цветаевой (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39). С. 71—86; 2) Образ воительницы в поэме «Царь-Девца»: К вопросу о характерологии М. Цветаевой (Статья вторая) // Там же. 2017. № 1 (40). С. 105—118.

¹¹ Ср.: «Другие — с очами и с личиком светлым, / А я-то ночами беседую с ветром. / Не с тем — италийским / Зефиром младым, — / С хорошим, с широким, / Российским, сквозным! <...> — Небось, не растаешь! Одна — мол — семья! — / Как будто и вправду — не женщина я!» (I, 557—558).

«Царь-Девушка» достигает апогея первая, наиболее ранняя в творчестве Цветаевой трактовка девы-воина, и героиня предстает как воплощенная стихия, идеал силы, в том числе и силы любви.

Добавим, что эта сильная позиция Царь-Девушки по отношению к Царевичу напоминает о так называемом «дополнительном» символистском мифе: если по «основному» мифу русского символизма, имеющему корни в гностицизме, герой спасает пленную Душу Мира, персонифицируемую в образе девы,¹² то, согласно «дополнительному» мифу, как указала Д. М. Магомедова, напротив, героиня «софийного» типа спасает заплутавшего, потерявшегося, изменившего, «сонного» героя. Собственно, ситуация поэмы парадоксально близка той, что складывается в стихотворении Вл. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...» (1875—1876):

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу, — неожиданный пришлец, —
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя, склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

⟨...⟩

«Знаю, воля твоя волн морских не верней:
Ты мне верность клялся сохранить,
Клятве ты изменил, — но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»¹³

Принципиально, однако, что спасти Царевича, вовремя «разбудить» его героине не удастся — напротив, его слабость трагически побеждает ее силу. Поэма заканчивается почти апокалиптическим видением Царь-Девушки, вырывающей из груди собственное сердце, и взвихрившейся «Красной Руси».¹⁴ Да и сам образ Царь-Девушки слишком пронизан языческими коннотациями, чтобы она могла в полной мере считаться спасающей «софийной» героиней, и при этом слишком активно-соларный для «софийной» героини в фазе падения, затмения (какова, например, Фаина у А. Блока; такая героиня сама подлежит спасению героем). Таким образом, скорее можно говорить о переосмыслении Цветаевой символистского мифа в этой поэме.

Вторая же трактовка образа воительницы у Цветаевой, знаменующаяся аскетическим отказом от всего земного в пользу высокого, почти божественного служения, достигает апофеоза в поэме «На красном коне», которая создавалась одновременно с замыслом (не осуществившимся) большого произведения о Жанне д'Арк. Поэма открывается обращением к «конному», в котором лирическая героиня доб-

¹² Магомедова Д. М. Блок и гностики // Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997. С. 70—83.

¹³ Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 62.

¹⁴ В противоположном ключе, как своего рода спасение Царевича «божественной благодатью» любви Царь-Девушки, толкует финал поэмы Е. Фарыно, видя в физическом самоуничтожении героев их прорыв из дольного мира в небесный, символическое преодоление смерти и материальности: «На фабульном уровне причина разминовений Царь-Девушки и Царевича — Мачехины козни. На семантическом же — уязвимая смертью телесность. Истинная 'встреча' возможна только вне телесности, на уровне свободного духа, но для этого надо преодолеть телесность, победить смерть, принимая смерть физическую» (Фарыно Ж. Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» — «Царь-Девушка» — «Переулочки»). Wien, 1985. С. 231 (Wiener slawistischer Almanach. Sdbd 15)).

ровольно предается ему через метафорическую смерть и воскресение к жизни новой:

И настежь, и настежь
 Руки — две.
 И навзничь! — Топчи, конный!
 Чтоб дух мой, из ребер взыграв — к Тебе,
 Не смертной женой — Рожденной!

(III, 16)

Далее раскрывается предыстория к этому обращению, причем оказывается, что божественный Всадник имеет непосредственное отношение к стихии творчества, ибо сопоставляется с Музой. Цветаева не называет его имени до самой последней строки поэмы, где он именуется Гением.¹⁵ Это мужской вариант Музы, но в то же время персонаж гораздо более грозный, поскольку он претендует не на часть времени или часть души героини, а требует от нее полноты жертвы — отказа от всякой земной привязанности. При этом Всадник именуется еще и Царем, и требование его к героине всегда одно и то же: «Освободи Любовь!»

Погоня героини за ним завершается тем, что огненный Всадник «взгремел в алтарь» (III, 21). Престол опрокидывается, от «конской пены» потухает сиянье риз, шатается купол, и падает распятие. Действие происходит как бы во сне, и у котла появляется ведьма, которая сообщает героине: «Твой Ангел тебя не любит!» (III, 22). Героиня впадает в неистовство, и сама превращается в воина. Разыгрывается небесный бой героини-воительницы с Всадником:

На белом коне впереди полков
 Вперед — под серебряный гром подков!
 Посмотрим, посмотрим в бою каков
 Гордец на коне на красном!

<...>
 Солдаты! Какого врага — бьем?
 В груди холодок — жгуч.
 И входит, и входит стальным копьём
 Под левую грудь — луч.

(III, 22)

Героиню на белом коне и в белых латах ранит в грудь луч, и именно так исполняется требование Всадника «освободить Любовь»:

И шепот: Такой я тебя желал!
 И рокот: Такой я тебя избрал,
 Дитя моей страсти — сестра — брат —
 Невеста во льду — лат!

Моя и ничья — до конца лет.
 Я, руки воздев: Свет!
 — Препудешь? Не будешь ничья, — нет?
 Я, рану зажав: Нет.

(III, 23)

¹⁵ Поэма, несомненно, примыкает к традиции стихотворного диалога такого типа, который Д. М. Магомедова обозначила как «разговор с гением» (*Магомедова Д. М. «Диалог-манифест» и типы «стилистических поединков» в русской поэзии XIX века: К вопросу об эволюции стихотворного диалога // Поэтика русской литературы: Сб. статей к 75-летию проф. Ю. В. Манна. М., 2006. С. 13—45*). В полном соответствии с этой традицией, Гений «пытается императивно навязать собеседнику свою эстетическую и этическую программу», напоминает «о призвании или предназначении» поэта. Но — уже в противоречии с традицией — героиня Цветаевой отнюдь не жалуется на свое бессилие соответствовать высокому жребию, а напротив, оказывается достойной парой Гению-Всаднику, утверждая свое равенство ему в поединке.

Эта сцена отчасти напоминает экстаз св. Терезы, которую в мистическом видении ангел пронзил золотой стрелой; героиня так же предает себя Всаднику, как та — Богу. Однако у Цветаевой эта отдача себя во власть высшей силы происходит в результате поединка, когда Всадник признает героиню равной себе. Кроме того, Всадник, будучи, несомненно, существом высшего порядка, сочетает, как обычно у Цветаевой, божественные и демонические черты:¹⁶ он и Ангел, и языческий Гений, и образ с иконы, причастный алтарю, и тот, кто провоцирует героиню на разрушение церкви. В связи с этим стоит отметить, что образ св. Жанны д'Арк у Цветаевой никогда не выдерживается до конца, и к нему всегда примешивается языческий, стихийный оттенок.

То же происходит и с Всадником: тогда же, в 1921 году, Цветаева пишет цикл «Георгий», в первом стихотворении которого святой воин постоянно именуется именно так — Всадник; повторяется и мотив копьей-луча:

Святая иконка — лицо твое,
Закатным лучом — копьей твое
Из длинных перстов брызжет.

(II, 36)

С. Д. Титаренко пишет о мотиве прободения копьем в связи с традиционной иконографией св. Георгия Победоносца: «Мотив копей — с одной стороны, распространенный прием при изображении св. Георгия на иконах и фресках (...), с другой стороны, это мотив причастности телу и крови Христа, так как в Евангелии от Иоанна есть рассказ о прободении копьем ребер Иисусовых (Ин. 19: 34). Этот мотив евхаристичен...»¹⁷ Но св. Георгий в народном сознании предстает еще и как Егорий Храбрый, «волчий пастырь»,¹⁸ в образе которого сильны языческие черты, — таким он явлен в незаконченной поэме Цветаевой «Егорушка» (1921—1928), по большей части писавшейся одновременно с «Георгием» и «На красном коне».

Таким образом, Всадник из поэмы «На красном коне» имеет еще и черты св. Георгия.¹⁹ Косвенно подтверждается это и последним, девятым и не вполне завершенным, стихотворением цикла «Георгий» — «Странноприимница высоких

¹⁶ Ср.: «...творчество инфернально, потенциально враждебно человеку и человеческому миру, каким его создал Бог. Но одновременно — оно на свой лад сакрально, связано с романтическим-символистским „высшим миром“» (Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой. С. 172).

¹⁷ Титаренко С. Д. Иконология «Повести о Светомире царевиче» (О связи мифологии и христианской религии в творчестве Вячеслава Иванова) // Христианство и русская литература. СПб., 2010. Сб. 6. С. 373.

¹⁸ Подробно о культурном комплексе св. Георгия см.: Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. М., 2002. С. 92—114; Топорков А. Л. Образ св. Георгия Победоносца и «большой» стих о Егории Храбром // Топорков А. Л. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: Древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012. С. 338—393; Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

¹⁹ Возможно, одним из импульсов для обращения Цветаевой к образу св. Георгия стало его изображение в графическом цикле Н. Гончаровой «Мистические образы войны» (1914; содержит также и литографию с фигурой Архистратига Михаила, который упоминается в цветаевской «Царь-Девеице»). Ведь фигура святого (небесного) воина ассоциируется у Цветаевой с образом девы-воительницы, что особенно отчетливо видно в поэме «Царь-Девеица», а именование «Царь-Девеицей» Жанны д'Арк наводит на мысль, что он фактически является двойником воительницы в той трактовке, которая стала доминировать у Цветаевой с 1917 года, а именно — сакрального существа, преодолевшего все земное. Одновременно, как мы показали выше, обе фигуры связаны с подвигом творчества. А в очерке «Наталья Гончарова» (1929) Цветаева фиксирует черты сходства между собой и этой «амазонкой авангарда», видя в ней носительницу высокого творческого, вне-жизненного, т. е. «мужского» и воинственного, начала (например: «Чисто мужская биография, творца через творение, вся в действии, вне претерпевания» (IV, 88)). И не случайно — по ассоциации идей — появляется в этом очерке упоминание о девах-воительницах (Брунгильде и Пенфезилее).

душ...». В нем тоже возникает образ воительницы: если есть Всадник, то должна быть и его небесная возлюбленная, хотя Георгий — рыцарь, «на жен не глядящий»:

Страннопримница высоких душ,
.....

Тебя пою — пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея.

Земля высокомерная! — Ступню
Отталкивающая как ладонью,
Когда ж опять на грудь твою ступлю
Заносчивой пятою амазоньей —

Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая.....
Земля, земля Героев и Богов,
Амфитеатр моего Восхода!

(II, 43—44)

Очень показательно, что появляется образ первого поэта — Орфея, а героиня — одновременно амазонка и поэт, причем земля представляется ей «амфитеатром» ее «Восхода» (с большой буквы), т. е. преобразования. Ср. с завершением поэмы «На красном коне»: «Сей страшен союз. — В черноте рва / Лежу — а Восход светел» (III, 23), где героиня предчувствует взлет в лазурь вместе с Гением-Всадником.²⁰ Образ Восхода в «Георгии» остался бы непонятным без сравнения с поэмой «На красном коне», как осталась бы непонятной вообще принадлежность этого стихотворения к циклу.

В 1921 году Цветаева создает еще одно стихотворение, где появляется образ амазонки, с которой она себя ассоциирует, — «Грудь женская! Души застывший вздох...». «Одногрудые», о которых идет в нем речь, — конечно же, амазонки, по преданию, выжигавшие себе правую грудь, чтобы удобней было натягивать тетиву. Лирическая героиня противопоставляет здесь себя и амазонок женщинам вообще — переменчивым, легкомысленным, непостоянным. Похожая мысль — в первом стихотворении цикла «Земные приметы», первоначально обращенного к А. Г. Вишняку (1922). Лирическая героиня называет себя «мужественной подругой», упоминает свой «мужественный рукав», а также «левогрудый ков», отсылающий к амазонкам, наконец, прямо противопоставляет себя «вечным женственностям». Как обычно в этой линии цветаевского творчества, происходит отказ от земной любви, и героиня-амазонка предстает еще и призванным поэтом, почти пророком, сивиллой (ср. последние строки «Глаза, не ведающие век, / Исследующие: свет»; II, 120 — с циклом «Сивилла» того же 1922 года: «Потом, под веками — в разбег, врасплох, / Сухими реками взметнулся Бог»; II, 136; «Но узришь! То, что в мире — век / Смежение — рожденье в свет»; II, 138).

Теперь, вернувшись к финалу поэмы «На красном коне», обратим внимание на еще одну его особенность — на именование, которое дает героине Всадник-Гений после их боя: «Дитя моей страсти — сестра — брат» (III, 23). Это тоже в высшей степени характерно для Цветаевой, у которой образ воительницы нередко связывается с инцестуальными мотивами. Дело в том, что здесь всплывает очень важ-

²⁰ Преобразование героини, взметающейся в небо, и образ Восхода напоминают о мотиве «чудесного одевания», также связанном в народном сознании со св. Георгием. Этот мотив подразумевает «одевание светом, солнцем, зарей, облаком или месяцем» (Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. С. 210) и шестие в окружении светил и персонажей христианского предания: «Одеваясь светом, человек не только уподобляется Савафу и Христу, но и получает их силу и власть и облачается небесной славой» (Там же. С. 262). Этот мотив входит в описание мистического опыта.

ный *мотив равенства*; ведь и бой с возлюбленным врагом Цветаева называет «ратоборством равных». А кто изначально более равен, более схож друг с другом, чем брат и сестра?

Тема любви двух сильных становится постоянной у Цветаевой примерно с 1921 года, достигает апогея к 1924 году, в период напряженного письменного общения с Б. Пастернаком, и подспудно продолжается чуть ли не до конца жизни поэта, всплывая в письмах и других эго-документах. Из отрывка письма к А. Чаброву (первая сводная тетрадь): «...любовь определено *два*, двое — которые друг в друга ломаятся и друг о друга расшибаются: рог о рог и лоб о лоб».²¹ Из «Флорентийских ночей»: «Я не могу, чтобы Вы были слабым, — потому что я не смогла бы Вас любить» (V, 474). Из записей на полях «Тезея»: «Я *всегда* хотела слушаться, другой только *никогда* не хотел властвовать (мало хотел, слабо хотел), чужая слабость поддавалась моей силе, когда моя сила хотела поддаться — чужой».²² Из записной книжки (октябрь-ноябрь 1923 года): «...неудачные встречи, слабые люди. Я всегда хотела *служить*, всегда испуленно мечтала слушаться, ввериться, быть вне своей воли (своеволия)...»²³ Из письма Пастернаку от 26 мая 1925 года: «Ох, Борис! Когда мы встретимся, это, правда, гора сойдется с горой: Моисеева — с Зевесовой. Не Везувий и Этна, там взрывы *земного* огня, здесь — выше: все небо в двух, в одной молнии. Саваоф и Зевес» (VI, 246—247). Из письма С. Андрониковой от 22 марта 1927 года: «Вас всегда будут любить слабые, по естественному закону тяготения сильных — к слабым и слабым — к сильным. Последнее *potre cas* (фр. «наш случай». — В. З.-О.), в нас ищут и будут искать *опоры*. Сила — к силе — редчайшее чудо, на него рассчитывать нельзя» (VII, 105). Из письма Ю. Иваску от 8 марта 1935 года: «...всю жизнь напролет пролюбила — не тех, в моем мире (единственном мною ценимом) меньших, слабейших, *неравных, неровень*» (VII, 396). Наконец, в третьей сводной тетради встречаем несколько подряд записей 1924 года, в том числе наброски стихов:

«Край, где женятся на сестрах

...

! — я остров:

Посуху ко мне нельзя.

Морем: мною.

Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Б. П.

(И в седьмом небе — прибавляю я в 1933 г. — для (пропуск одного слова).)

Ратоборство равных».²⁴ И — через одну запись — идет посвященный Пастернаку цикл «Двое», где в последний раз в цветаевской лирике возникает образ девы-воительницы (во втором стихотворении), который позже еще появится в драмах, прозе, записях для себя и письмах:

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами! — на скалу — скала.

²¹ Цветаева М. Неизданное. С. 39.

²² Там же. С. 254. Ср. со словами Герцогини из пьесы «Каменный ангел»: «А ты знаешь, что гордыне — / Одна услада: быть разбитой! / Что крепости мечта — быть взятой...» (III, 446).

²³ Цветаева М. Неизданное. С. 259.

²⁴ Там же. С. 319.

С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною — спала.

<...>

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев —
Так разминулись: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.

(II, 236—237)

Оставляя пока в стороне мотив «разминовений»,²⁵ остановимся подробнее на мотиве «братственности». У Цветаевой есть несколько чуть более ранних стихотворений, фокусирующихся на отношениях брата и сестры именно с точки зрения их родства, равносущности, равномогущности и, следовательно, обреченности на любовь. Ср., например, стихотворение «Сестра» (1923):

Вслед за братом, увы, в костер —
Разве принято? Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом...
С братом?..

(II, 198)

Здесь сестра занимает место возлюбленной: в костер взошла Брюнхильд после смерти Сигурда; традиционный топос средневековых легенд, например, о Тристане и Изольде, — соединение любящих после смерти и упокоение их в одной могиле. А в стихотворении «Брат» того же 1923 года речь прямо идет о любви брата и сестры (в конце упоминаются Цезарь и Лукреция Борджиа). Повторяется мотив связи за гробом, совместного рая и ада. Возникает рудиментарный мотив «раны», хотя поединка между героями не происходит. Наконец, в стихотворении «Клинок» (1923) собираются все мотивы, характерные для этого мотивного комплекса Цветаевой. Тут и «братственность» любящих, и роковое разминовение в этом мире, и мотив острова, где такая любовь возможна (ср. с цитировавшимся выше наброском стихотворения 1924 года), и клинок, лежащий между любящими (ср. с клинком, положенным Сигурдом-Зигфридом между собой и Брунгильдой после того, как он завоевывает ее в образе Гюнтера и проводит с ней ночь, не узнавая прежнюю возлюбленную), и рана, которая одновременно разводит — смертью — и сводит — той самой «братственной ненавистью союзной» и общим страданием:

Между нами — клинок двуострый
Присягнувши — и в мыслях класть...
Но бывают — страстные сестры!
Но бывает — братская страсть!

<...>

Двусторонний клинок — рознит?
Он же сводит! Прорвав плац,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хряц в хряц!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ляды

²⁵ См. о нем в связи с поэтической системой Цветаевой в целом: *Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой: Конфликт лирического героя и действительности.* Wien, 1990. С. 41, 139—140, 232, 317, 339.

В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

⟨...⟩

Это будет — братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

(II, 218—219)

Остановимся подробнее на мотиве равенства у Цветаевой, вернувшись ко второму стихотворению из цикла «Двое»: ведь названный мотив многократно связывался ею именно с этими двумя парами — Зигфрид/Брунгильда, Ахиллес/Пентесилея. См., например, в очерке «Наталья Гончарова» (1929): «Есть пары — тоже, но разрозненные, почти разорванные. Зигфрид, не узнавший Брунгильды, Пенфезилея, не узнавшая Ахилла, где рок в недоразумении, хотя бы роковом. Пары — все же» (IV, 84—85). Омри Ронен обратил внимание на это высказывание о «Пенфезилее, не узнавшей Ахилла», противоречащее традиционной версии мифа: «Забвение Зигфрида — обычный мотив в разных версиях истории Нибелунгов, но в греческой мифологии нет мотива Пентесилеи, не узнающей в своей ярости Ахиллеса и убивающей его — как в популярной адаптации „Прекраснейших мифов классической древности“ Густава Шваба, которой много пользовалась Цветаева ⟨...⟩, так и где-либо еще. Эта ситуация — плод поэтического воображения Клейста, и Цветаева могла почерпнуть ее только из его „Пенфесилей“...»²⁶ Ронен считает, что Цветаева в 1923 году обратилась к чтению Клейста под влиянием Пастернака. Вообще, в опубликованном цветаевском корпусе мы встречаем упоминание Клейста лишь однажды — в эссе «Поэт о критике» (1926): «В суде эпика (оценка) — недооценка. Пример надличного Гете, не доценившего Гельдерлина, не доценившего Гейне, не доценившего Клейста» (V, 282). Однако, учитывая начитанность Цветаевой в немецкой литературе, логично предположить, что она была знакома с творческим наследием Клейста; есть у нас и свидетельство М. Слонима: «Она всегда перемежала разговоры со мной цитатами из своих любимцев — Гофмана, Гельдерлина, Шамиссо, поэтов эпохи „бури и натиска“. Очень любила Гейне и Клейста...»²⁷

Но в стихотворении «Двое» Цветаева все же обращается к традиционной, а не клейстовской версии мифа. То же происходит и в очерке «Отец и его музей» (1936), где Цветаева вспоминает, как в мастерской слепков выбрала себе в подарок — совершенно не зная, что именно выбирает, — бюст Амазонки: «Вот — отброшенная к плечу голова, скрученные мукой брови, не рот, а — крик. Живое лицо меж всех этих бездушных красот!

Кто она? — Не знаю. Знаю одно — *моя!* ⟨...⟩

Итак, моя любовь с первого взгляда — Амазонка! Возлюбленный враг Ахиллеса, убитая им и им оплаканная...» (V, 172—173).

Еще раз Цветаева упоминает Пентесилею в «Письме к Амазонке» (1932), и тоже в контексте темы разминовений: «„У любящих не бывает детей“. Да, но они гибнут. Все. Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Амазонка и Ахиллес, Зигфрид и Брунгильда²⁸ (эти имеющие быть любовники, разъединенно-соединенные,

²⁶ Ronen O. «What Makes a Woman an Amazon»: Pasternak, Cvetaeva and the Heritage of Heinrich von Kleist // *Philologica: Bilingual Journal of Russian and Theoretical Philology*. 2012. Vol. 9. № 21/23. P. 197.

²⁷ Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 319.

²⁸ Что, кстати, не совсем так: в исландской «Саге о Вельсунгах» у Сигурда и Брунхильды есть дочь, но в своем толковании этого сюжета Цветаева опиралась на «Песнь о Нибелунгах», а не на скандинавские источники (и не на оперный цикл Р. Вагнера, что довольно необычно для Серебряного века). См.: «Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: „Нибелунги“, „Илиада“, „Слово о полку Игореве“» (IV, 622).

чье любовное разъединение оборачивается наисовершеннейшим из единений...» (V, 485).

Характерно и то, что в очерке «Пушкин и Пугачев» (1937) Цветаева расширяет субъекта знаменитых строчек Мандельштама «Как аттический солдат, / В своего врага влюбленный...» как Ахилла, хотя на самом деле это совсем не так: «Здесь ясна вся разница для поэта между врагом внешним и врагом внутренним. Швабрин — олицетворенная низость, — его внутренний враг, Пугачев — его враг исторический, фактический, его внешний враг, его вовсе не враг, его друг, которого по долгу службы нужно убить, но нельзя не любить:

Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный...

Сказано о солдате, но этого далекого солдата (Ахилла) создал — поэт» (V, 509). Связывание тем разбойного мятежника Пугачева и размигнувшихся любовников Ахилла с Пентесилеей, казалось бы, совершенно произвольное, на самом деле имеет глубокие корни в мироощущении Цветаевой: не случайно мы в начале статьи говорили о стихийности, разбойности образа воительницы у Цветаевой; здесь в очередной раз мотив любви-вражды ассоциируется с мотивом вынужденного, рокового разминовения и тяготения к сильному, равному.

Еще одна неожиданная, но глубоко укорененная ассоциация такого рода осуществляется в очерке «Герой труда» (1925), посвященном Брюсову. Вообще, доминирующая эмоция Цветаевой по отношению к герою очерка — своеобразная любовь-вражда по примете силы: «Брюсова я могла бы любить, если не как всякого другого поэта — Брюсов не в поэзии, а в воле к ней был явлен — то как всякую другую силу. И, окончательно вслушавшись, доказываю: Брюсова я под искренним видом ненависти просто любила, только в этом виде любви (оттолкновении) сильнее, чем любила бы его в ее простейшем виде — притяжении» (IV, 51). Показательно, что по ассоциации идей опять всплывают имена Пентесилеи и Брунгильды: «Нельзя сказать, чтобы меня особенно вдохновили голубые афиши „Вечер поэтесс“ — перечень девяти имен — со вступительным словом Валерия Брюсова. <...> От одного такого женского смотра я в 1916 г. уже отказалась, <...> отродясь презругая <...> всем пресловутым женским вопросом, за исключением военного его разрешения: сказочных царств Пенфезилеи — Брунгильды — Марьи Моревны...» (IV, 38).

В 1923 году тема любви-вражды — одна из постоянных в размышлениях Цветаевой, и, как правило, она накрепко связана с именами Ахилла и Пентесилеи. Вот еще запись из первой сводной тетради, относящаяся к этому времени: «Женщины Трои:

Елена — пустое место красоты
Кассандра — видящая
Поликсена — страсть к врагу
Андромаха — вдова Гектора, мать
Пенфезилея — любовь-ненависть
Ифигения — смерть за Грецию
Энона — жена Париса, ненависть до гроба
— и все, кроме первой и последней — я».²⁹

Действительно, образ «видящей», пророчицы весьма характерен для поэзии Цветаевой (см. уже упоминавшийся цикл «Сивилла»), причем, как мы старались показать, он через цепь ассоциаций тоже связан с образом воительницы (дева-воин — Жанна д'Арк — божественные голоса — призвание — пророчество — поэзия

²⁹ Цветаева М. Неизданное. С. 215.

как пророчество). И Ифигения ассоциирована с этим комплексом идей (смерть за родину — Жанна д'Арк, называемая в поэзии Цветаевой 1918—1920 годов Девой-Царем, — воительница). Поликсена и Пенфезилея не требуют комментариев в данном контексте.

Наконец, образ матери (Андромаха) имеет в поэзии Цветаевой не только вполне очевидные коннотации, но и связывается с уже упомянутыми выше (псевдо)инцестуальными мотивами, которые мы разбирали на уровне пары «брат/сестра». Однако они существуют и в виде пары «мать (мачеха)/сын» и тоже имеют в виду «трагедию разминовений» (ср. с высказываниями Цветаевой: «Моя любовь — это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям»; IV, 581; «...мужчины не умели меня любить — да может быть и я — их: я любила ангелов и демонов, которыми они не были — *и своих сыновей* — которыми они были»; VII, 510).

В первой сводной тетради встречаем в наброске письма А. Бахраху (июль 1923 года) следующий фрагмент: «Прочтите Ц(арь-)Деву — настаиваю. Где суть? Да в ней, да в нем, да в мачехе, да в трагедии разминовений: ведь все любви — мимо: „Ein Jüngling liebt ein Mädchen“. Да мой Jüngling никого не любит, я только таких и люблю, он любит гусли, он брат молодому Давиду и еще больше — Ипполиту».³⁰ В «Царь-Деву» и мачеха, и заглавная героиня отчасти видят Царевича как свое дитя. Мачеха: «На кроваточке одной / Сынок с матушкой родной. / С головеночкой льняной / Ребеночек мой!» (III, 190—191). А вот фрагменты, относящиеся к Царь-Деву и тоже указывающие на сочетание материнского и страстного в ее отношении к Царевичу: «Сна тебя я не лишаю, / Алмаз, яхонт мой! / Оттого что я большая, / А ты — махонькой!» (III, 211); «Чтоб цельный полк поклял перстом, / Чтоб первый гром пред ним ползком, / Чтоб Деву-Царь согнул кольцом / — Младенчика крещу!» (III, 212); «Ребенок, здесь спящий, / Мой — в море и в чаше» (там же) и т. д. Царевич же, как и писала Цветаева в письме к Бахраху, любит только игру на гусях. Это, разумеется, отчасти тема Ипполита, преданного лишь охоте и отвергающего любовь-Афродиту.

Цветаева разовьет эту тему в драме «Федра» (1927), где образ амазонки тоже весьма важен. Речь идет об Антиопе (в набросках и по другой версии мифа — Ипполите), давно убитой, но незримо присутствующей в пьесе матери Ипполита, зеркальным отражением которой он является. В набросках, размышляя над психологическими мотивациями персонажей, Цветаева пишет: «Ненависть Ипполита к Федре: ненависть матери к мужчинам: ненависть сына к женщинам».³¹

Образ Антиопы Цветаева решает иначе, чем Пентесилея (и вообще — воительниц, проникшихся любовью к мужчине, пусть и любовью-ненавистью). Если в классической версии мифа Пентесилея борется против Ахилла во главе своего войска, а в версии Клейста, хоть и вступает в поединок с героем, испытывает соблазн нарушить закон амазонок, то Антиопа, Тезея не любящая, но любящая сына, рука об руку с мужем борется «за сыновнее наследство» против тех, кому принадлежит душой, — амазонок. Показательно, что именно ситуация материнства меняет сюжет о воительнице: Цветаева, много размышлявшая о мотивациях Антиопы-Ипполиты, отвергла традиционные (в том числе и для нее самой в 1923 году) сюжетные возможности, т. е. любовную линию: «Если Ипполита взята Тезеем насильно — Ипполит должен ненавидеть отца. Ипполит его любит. Стало быть, Ипполита Тезея любила.

Можно: Тезей увез ее хитростью, и она полюбила его потом. (Свыклась? слабо.)

Можно: Тезей победил ее в поединке и этим покори́л (традиционный сюжетный ход испытания силы, осиливания. — В. З.-О.).

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же. С. 186.

Можно: Тезей увез ее хитростью, женился на ней, и она, никогда не любя его, чтит в нем отца своего сына и была ему верной женой (NB! Не любя Тезея, могла ли она пойти против амазонок? Могла ли, из-за сына — сохранить ему царство?) <...>

Рассмотрим: Предположим, Тезей увозит ее хитростью, в первый раз лицом к лицу с ним, влюбляется в него <мотив «Пентесилеи» Клейста или инвертированный мотив классической версии мифа об Ахилле и Пентесилее. — В. З.-О.>. Отец, вместо того чтобы сразиться с ней, любя и боясь убить, увозит ее хитростью <нереализованный, но обсуждавшийся в тексте пьесы мотив «Пентесилеи» Клейста. — В. З.-О.>. Первая низость. Мать, влюбившись, предает свое царство и сражается против своих же — вторая низость. <...>

Решить: дать ли Ипполита сыном трагического или счастливого брака?

Образ Ипполиты, не любящей мужа и сражающейся за сына, — ценней. Ипполита, до конца, вся в женском царстве. Тезей до конца — для нее враг. Ипполита никого не любила, кроме сына» (III, 805—806). В этой героине выразилась еще одна грань понимания Цветаевой образа амазонки — презрение к полу, к плотской любви, к Еве, которой она предпочитала Психею-душу.

Итак, образ воительницы присутствует в сознании Цветаевой по крайней мере с 1909 по 1937 год, т. е. почти на всем протяжении ее творческого пути. Она неизменно осознает себя амазонкой, «единоличным бойцом» (VII, 381), хотя само содержание этого образа постепенно меняется. В ранней лирике это своего рода разбойница, «беззаконница», стихийная героиня, свободно проявляющая себя в мире и ему равная. С 1914 года амазонка предстает еще и как «подруга» — в лесбийском смысле, как женщина, не нуждающаяся в мужчинах. С 1917 года — что, видимо, не случайно — воительница обращается в Жанну д'Арк, провидицу и спасительницу, наделенную божественной миссией; эта миссия у Цветаевой, особенно в 1921—1922 годах, понимается как отказ от всего мирского ради поэтического призвания, ради мистического соединения с Гением. В то же время сохраняется почти неизменное у Цветаевой представление о силе лирической героини, реализующееся в разных обличьях. Так, с 1923 года на первый план выступают «разрозненные пары» — Ахилл/Пентесилея и Зигфрид/Брунгильда, с которыми связаны мотивы трагического разминовения равных (причем равенство воспринимается и как глубинное родство, «братственность»), их «ратоборства», любви-вражды. Наконец, к 1927 году амазонка обретает образ мужененавистницы, презрительной к жизни плоти, но при этом нежной матери, жертвующей собой ради сына. Все эти ипостаси так или иначе проявляют себя в письмах и эго-документах вплоть до 1937 года, хотя доминантным остается мотив силы, не нашедшей себе равного.

© Е. Р. Пономарев

ОТ «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА» К «ТЕМНЫМ АЛЛЕЯМ». ЭМИГРАНТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И. А. БУНИНА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ*

Традиционные представления о позднем творчестве И. А. Бунина не выдерживают критики и требуют существенного пересмотра. На протяжении многих десяти-

Евгений Рудольфович Пономарев — ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

тилетий бунинское творчество воспринимали как образцовый путь классика XIX века: автор пишет одно произведение, потом другое, потом третье, а к концу жизни у него складывается книга воспоминаний. Получалось, что Бунин в конце 1920-х годов написал роман «Жизнь Арсеньева», в 1930-е годы его несколько изменил и переработал; потом у него возник замысел книги «Темные аллеи», которая создавалась в течение 10 лет — с середины 1930-х по середину 1940-х, к концу 1940-х годов она тоже была несколько переработана (к основному тексту 1946 года добавились рассказы «Весной, в Иудее» и «Ночлег»), но в таком виде при жизни автора уже не вышла (так ее издал А. К. Бабореко в 1988 году, руководствуясь давними указаниями В. Н. Буниной); к 1950-му Бунин написал «Воспоминания», а в последние годы жизни работал над книгой «О Чехове» (напоминающей другую странную книгу, совмещающую личные воспоминания с попыткой разъяснить значение творчества писателя, — «Освобождение Толстого» 1937 года). Нет ничего более ошибочного, чем этот традиционный взгляд. Творчество Бунина нельзя воспринимать как линейную последовательность. Творчество Бунина — это скачки и переломы, забегания вперед и возвраты в прошлое, постоянные изменения художественного метода при сохранении некоторых общих мировоззренческих установок.

Во-первых, литературный путь Бунина следует поделить на две части — до и после 1920 года (в соответствии с двумя этапами развития модернизма в мировых литературах¹) — и рассматривать эти части в контексте разных традиций: если «Суходол» еще можно прочесть как продолжение русской классической прозы, то «Жизнь Арсеньева» уже нет. По этой причине Бунина невозможно уложить на прокрустово ложе общепринятых историй русской литературы, выстроенных по принципу «творческий путь автора». Ему нужно посвятить как минимум две отдельные главы в разных частях тома, повествующего о литературе XX столетия. Тот факт, что Бунин в большинстве учебников, университетских курсов, а также в школьной версии русской литературы целиком попадает в рубрику «серебряный век», представляется рудиментом советской идеологии, требовавшей прямо или косвенно признавать, что дореволюционный Бунин был несколько «лучше» (народнее, ближе национальным корням, оригинальнее и пр.) пореволюционного.

Во-вторых, сам творческий процесс Бунина существенно отличается от привычного творческого процесса классиков XIX века и большинства писателей XX века. Бунин многократно исправляет и радикально переделывает ранее написанные тексты, создавая новые редакции (в этом он вновь типологически ближе модернистской литературе, нежели классической, — ближе Андрею Белому, чем Л. Н. Толстому), в том числе — так никогда и не опубликованные. Переделывает, не останавливаясь, до самых последних лет жизни. Понятия «завершенного текста» для него не существует: он перечитывает уже изданные тексты, а перечитывая, не может не править, ибо нет предела совершенству. Точнее, в авторском сознании Бунина постоянно сталкиваются две тенденции. С одной стороны, писатель стремится создать последний, совершенный текст своего произведения, максимально улучшив предыдущую редакцию. С другой стороны, едва создав последний вариант текста и начертав на нем «Исправлено мною для будущих изданий», Бунин пытается улучшить и его. Таким образом, любой бунинский текст следует

¹ Европейское литературоведение традиционно делит модернистскую литературу на два этапа: конец XIX — начало XX века и 1920—1930-е годы (межвоенный период). Иногда используют термины «ранний модернизм» и «поздний модернизм» (последний термин иногда охватывает и более поздний период). См., например: *The Cambridge companion to the modernist novel* / Ed. by M. Shiach. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. В российской традиции это деление не столь привычно, хотя в некоторых случаях оно удобно: как в англоязычных литературах модернизм Вирджинии Вульф не похож на модернизма Джеймса Джойса или Уильяма Фолкнера, так и в русской литературе модернизм Александра Блока существенно отличен от модернизма Даниила Хармса.

представлять не как сложившееся целое, а как нечто складывающееся и текучее — как процесс, а не результат. По этой причине традиционные текстологические методы, сложившиеся в процессе изучения и издания наследия более традиционных писателей, не всегда применимы к Бунину, и все чаще раздаются голоса (Р. Дэвис, Т. М. Двинятина, автор этой работы), призывающие не подходить к бунинской текстологии с привычными мерками: например, пересмотреть абсолютность принципа «последней авторской воли».

В-третьих, в позднем творчестве Бунина размывается привычное представление о литературном произведении. Как неоднократно отмечалось (О. В. Сливацкой, Ю. В. Мальцевым и др.), творчество Бунина — чем дальше, тем больше — абсолютизирует деталь и эпизод. Начиная как минимум с «Кратких рассказов» (1930) деталь и эпизод становятся не только основой бунинского текста, но собственно текстом. На это указывают и многочисленные наброски, оставшиеся после смерти писателя (планируется опубликовать их в готовящемся томе «Литературного наследия»). Бунин начинает работу с отдельной детали, отдельного маленького эпизода. Записанная деталь и эпизод могут быть несколько раз переписаны, расширены, дополнены — писатель работает с деталью как таковой, независимо от замысла какого-либо произведения, в которое деталь впоследствии (возможно) попадет. Лишь позднее детали из записных книжек, а также из специальных тетрадей, папок или просто листов с набросками включаются в черновой вариант большого сюжета. Так создаются многие части «Жизни Арсеньева» (планировавшийся второй том остался на уровне отдельных деталей), рассказы «Темных аллей», главы «Воспоминаний» и незавершенная книга «О Чехове». Таким образом, любой эпизод и любая деталь могут теоретически войти в любой планирующийся текст. Здесь Бунин типологически близок С. Д. Довлатову. Правда, в отличие от Довлатова, он еще не пробует вставлять один и тот же эпизод сразу в несколько произведений: используя эпизод так или иначе в одном тексте, он делает пометку в записной книжке: «Взято».

Все вышеизложенное позволяет нам выстроить (пока конспективно) новый взгляд на произведения Бунина 1920—1940-х годов. Принципиально иная поэтика, проявившаяся уже в рассказах 1921 года, после длившегося несколько лет перерыва, свидетельствует о начале совершенно нового этапа творческого пути, совпавшего с окончательным превращением в писателя-эмигранта.² Бунин почти перестает писать стихи — эта трансформация художественного мира еще не осмыслена в литературоведении должным образом (здесь можно провести типологическую параллель с В. Ф. Ходасевичем, одним из крупнейших поэтов первой эмиграции, в 1930-е годы переставшим писать стихи и переключившимся на иные литературные формы: прозу и публицистику). А проза Бунина все более ориентируется на документальные формы. Например, рассказ «Конец» (1921), основанный на реальных впечатлениях бегства из Одессы, сильно отличается от близкого по содержанию «Тумана» (1901) — ночного размышления посреди Черного моря. И дело не только в том, что второй текст рассказывает о спокойном дореволюционном времени, а первый — об эпизоде гражданской войны, второй — о респектабельном путешествии, а первый — о бегстве, эмиграции. Дело в художественной специфике, в форме нарратива. «Туман» — это развернутая метафора, полуаллегорическое изображение тайн бытия, в котором сознание повествователя движется в запредельное, постепенно удаляясь от реалий морского путешествия. Рассказ «Ко-

² Бунин выезжает за рубеж с удостоверением заграничного корреспондента одесской (деникинской) газеты «Южное слово»: «Удостоверение, выданное Отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России в том, что И. А. Бунину поручена работа в Париже для отдела культуры газеты „Южное слово“» (Русский архив в Лидсе. MS. 1066/1254. Далее при цитировании материалов архива указывается РАЛ, номер фонда и единицы хранения).

нец» — почти репортаж, где точность детали позволяет показать изображение «обнаженного» человека, оторванного от родины и быта; зимнее морское путешествие становится постоянным фоном, усиливающим общую идею людской неприкаянности. С этой точки зрения принципиально важны «Окаянные дни» (первая половина 1920-х годов), в которых переработанная дневниковая форма получает значение эпического текста. А также неопубликованная «Скорбная книга, составленная из документов людей, живших под игом большевиков от 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 гг.», сохранившаяся в бумагах В. Н. Буниной,³ — форма, отчасти предвосхищающая документально-художественный тип «Архипелага ГУЛАГ» или «Блокадной книги». В этой системе значений и многие другие тексты — например, «Жизнь Арсеньева», «Освобождение Толстого» (для которого использовались как опубликованные, так и неопубликованные воспоминания, свои и чужие), «О Чехове», многие «нелитературные», по сути, очерковые рассказы («Возвращаясь в Рим», «Пророк Осия», «Господин порогов», «Бернар» и пр.) — следует воспринимать (частично) в поле документальной прозы.

Неотрывно от первой просматривается и противоположная тенденция, легко укладывающаяся в рамки модернизма образца 1920—1930-х годов (соотносима с новаторством Дж. Джойса, М. Пруста и др.): переосмысление документального факта, соиздание реальности исправленной и дополненной, игра на соотношении произошедшего и могшего произойти. Документальность «Жизни Арсеньева» с первой же главы становится обобщенной документальностью, историей современника,⁴ а затем движется к идее общечеловеческой судьбы. Вырастающие из этого замысла «Темные аллеи» соединяют конкретику каждой любовной истории с обобщенной универсальностью любви как таковой и почти религиозным смыслом половой страсти. Наконец, то же «Освобождение Толстого» вписывается в ряд «житийных биографий» 1930-х годов — особого жанра литературы эмиграции⁵ — и представляет Толстого религиозным учителем и пророком.

Понять эти трансформации в рамках традиционных парадигм классического девятнадцатого или модернистского серебряного века невозможно. Высокое и низкое, частное и общее, оригинальное и заимствованное переплетены в текстах Бунина-эмигранта. Принципы сюжетосложения, аллюзии и реминисценции, работа с цитатой и претворение классического литературного наследия в собственные тексты у него сугубо модернистские. Набоковскую «Лолиту» часто считают предшественницей русского постмодернистского романа. Никто еще не рассмотрел с этой же точки зрения «Темные аллеи» (в какой-то мере книгу-предшественницу «Лолиты»). Пожалуй, только в работах Т. В. Марченко, посвященных рассказам «Темных аллей», серьезно поставлен вопрос о модернистской поэтике позднего Бунина и интертекстуальности этого сборника.⁶ Действительно, модернистская поэтика создает особые формы цитирования, в которых аллюзия стремится уйти от конкретности, реминисценция хочет быть отсылкой ко всей литературной традиции сразу, а цитата повисает в воздухе, ибо имеет сразу несколько источников. Имело бы смысл несколько расширить эту точку зрения, включив в объекты «переписыва-

³ Р.А.Л. MS. 1067/8503.

⁴ Подробнее об этом см.: Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: Движение автобиографических форм повествования от В. Г. Короленко к И. А. Бунину // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (21). С. 152—165 (часть I); 2015. № 1 (22). С. 143—150 (часть II).

⁵ См. об этом: Пономарев Е. Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84—111.

⁶ Марченко Т. В. 1) Переписать классику в эпоху модернизма: О поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 2. С. 25—42; 2) Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: К интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. С. 107—140; 3) Диалогическая поэтика любовной прозы И. А. Бунина: Резервы интерпретации // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 3—19.

ния» и тексты Бунина — не только дореволюционные, но и созданные буквально вчера — и логически соединить это «переписывание» с постоянной переработкой собственных произведений.⁷ «Темные аллеи» тем самым попадают в общий контекст бунинского проекта по переосмыслению русской классики (в том числе и собственных произведений), предполагающего выставление оценок произведениям писателей XIX века (включая любимого Буниным Льва Толстого),⁸ жесткую критику писателей-современников (на полемических страницах «Жизни Арсеньева», в книге «Воспоминания» и в отдельных публицистических статьях), собственное понимание закономерностей развития русской литературы XIX—XX веков. Эмигрантское творчество Бунина становится тотальным переписыванием русской классики, и знаменитая фраза Горького обретает в этом контексте совершенно новый отзвук: «Бунин переписывает „Крейцерову сонату“ под титулом „Митина любовь“».⁹

Другая сторона бунинского творчества, как было сказано, — это совершенно особое ощущение текста как вечно становящегося и никогда не завершаемого целого. Прежде всего, следует ввести термин «начальный текст» — это отдельная зарисовка или отдельный штрих (иногда одно-два слова: например, «Пепельный верблюд»)¹⁰ Начальные тексты писатель записывает на разрозненных бумажках, газетах, листках отрывных календарей, иногда даже на папиросных коробках. Это первый этап работы. На втором этапе начальные тексты собираются в тетради или на отдельные листы. Затем текст проходит еще несколько этапов, на которых писатель либо вовсе отказывается от него — вычеркивает и больше не переписывает, либо расширяет и дополняет — иногда до небольшого эпизода, либо копирует в другую тетрадь для дальнейшей работы. Наконец, начальный текст или переработанный начальный текст входит в наброски (назовем их «промежуточными текстами»), а затем фиксируется внутри большого текста. В принципе, в этом нет ничего особенного, что бы отличало Бунина от писателей XIX столетия — например, Достоевского или Чехова. За исключением двух важных обстоятельств. Во-первых, для Бунина запись на полях — это не элемент «писательской кухни» (не яркий эпитет к верблюду, который надо зафиксировать, как это было бы у Чехова), а готовое произведение словесного искусства, квинтэссенция большого текста. Во-вторых, в писательском сознании Бунина любой готовый и опубликованный текст — потенциально промежуточный. В любой момент он может быть использован для другого текста.

В отличие от писателей XIX века Бунин тщательно уничтожал начальные тексты. Все, что имеется в нашем распоряжении, — это несколько тетрадей, записных книжек, папок с отдельными листами за небольшой период времени: с середины 1940-х до начала 1950-х годов. В них находятся начальные тексты (второго или последующих этапов) для произведений последних лет жизни Бунина. Начальные тексты первого этапа сохранились лишь от последнего года жизни: писатель не успел выполнить отбор и переписать их на листы и в тетради. Начальный текст не всегда важен для анализа окончательной редакции того или иного произведения. Но для некоторых текстов последнего этапа мы можем (впрочем, далеко не всегда) начальный текст установить. Так, замысел рассказа «Ривьера»¹¹ появляется в на-

⁷ О важности автоцитат в рассказах «Темных аллей» нам уже приходилось писать. См.: Пономарев Е. Р., Аболина М. М. Рассказ И. А. Бунина «Речной трактир»: Материалы для научного комментария // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 144—148.

⁸ Подробнее о бунинской «ревизии русской литературы» см.: Пономарев Е. Р. Предисловие // «Когда переписываются близкие люди...»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун / Сост., подг. текста, научный аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. статьи Е. Р. Пономарева. М., 2014. С. 15 (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3).

⁹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 431 (письмо К. А. Федину).

¹⁰ РАЛ. MS. 1066/586.

¹¹ Авторская датировка — 1944; опубликован после смерти Бунина: Новый журнал. 1962. Кн. 68. С. 5—7; в СССР: Литературное наследство. 1973. Кн. 84. Т. 1. С. 123—124.

бросках ко второму тому «Жизни Арсеньева» (краткая фраза: «Hôtel Balmoral (Ментона). Жаркая ночь» и записи, находящиеся рядом, рассказывающие о видах с набережной Ментоны), приобретает более развернутый вид в чуть более поздних набросках и, наконец, становится темой отдельного рассказа, представляющего собой абсолютизированный эпизод. Пожалуй, «Ривьера» — это почти уникальная возможность проследить превращение начального текста в отдельное произведение. Однако всякий раз, изучая работу Бунина 1920—1940-х годов, мы должны помнить о специфике этой работы, восходящей к начальному тексту.

Это ощущение текста как вечно становящейся реальности проявляется и в том, что Бунин отнюдь не считает непроницаемыми границы текста и контекста. Он может опубликовать свои воспоминания о Л. Н. Толстом отдельно, затем включить их в книгу «Освобождение Толстого» — причем не в качестве украшения-вставки, а как важную главу, влияющую на общую концепцию произведения, а потом вновь вынести воспоминания за скобки идеи «освобождения», включив в книгу «Воспоминания». Пятая книга «Жизни Арсеньева» создается как продолжение первых четырех (далее предполагается как минимум шестая), затем печатается отдельным изданием под заглавием «Лица», превращаясь в отдельную повесть, а по прошествии времени вновь включается в «Жизнь Арсеньева» в качестве пятой, но теперь уже финальной книги. Некоторые рассказы писатель создает специально для «Темных аллей», часть из них убирает из последующих вариантов книги, часть дописывает для следующих изданий — так, что корпус «Темных аллей» никак не может завершиться и рядом с ним образуется целый круг «Темных аллей». С рассказом или даже повестью Бунин поступает точно так же, как с начальным текстом: его можно расширить или сократить и использовать в дальнейшем творчестве.

Включение в собственный текст цитат из чужих и собственных произведений — явление того же порядка. Цитата — своего рода начальный текст, требующий переработки для использования в новом тексте, создающемся прямо сейчас. Этим объясняются обильные неточности и пропуски, которые Бунин допускает в цитатах — даже в цитатах из священных текстов. Он перерабатывает их, делает своими — выпуская то, что ему не нужно, или даже переосмысляя, приспособляя к нужному контексту. Часто Бунин не заключает цитату в кавычки и не дает ссылок на источник (хотя источник совсем не легко установить даже его читателю-современнику). На листах и в тетрадях с отбираемыми для дальнейшей работы начальными текстами очень много цитат; они идут вперемешку с собственными мыслями и зарисовками. «Компактность» авторской мысли в цитате и начальном тексте одинаково мощная: если ранний Бунин создавал «сгущенный бульон» из деталей (письмо А. П. Чехова Бунину от 5 января 1902 года о рассказе «Сосны»), то поздний Бунин концентрирует мысль в одной детали начального текста, а затем разводит подробностями этот концентрат.

Осознав этот основополагающий момент, мы иначе будем смотреть на творческий путь Бунина. Замысел «Жизни Арсеньева», по-видимому, вырастает из неизвестных нам начальных текстов — воспоминаний о детстве, возможно, очень ранних. Первыми промежуточными текстами следует считать отрывки, появившиеся и напечатанные еще в первую половину творчества писателя (до 1917 года): «В хлебах» (первая публикация в 1904 году; под заглавием «Сон Обломова-внука» — в 1910 году; в 1915 году под тем же заглавием вошло в Полное собрание сочинений; в 1926 году, в разгар работы над «Жизнью Арсеньева», в переработанном виде вышло в свет под заглавием «Далекое» в «Возрождении» и одновременно в «Новой Риге»; в 1937 году — в «Последних новостях» под заглавием «Восемь лет»¹² и со

¹² Ср.: Иван Алексеевич Бунин. Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887—1987) / Сост. Йитка Кржесалкова. Прага, 2011. С. 67 (№ 435).

сноской: «Жизнь Арсеньева. Вариант первого наброска»¹³) и «У истока дней» (первая публикация в 1907 году; перепечатано в Полном собрании сочинений 1915 года; в переработанном виде опубликовано в 1929 году в «Последних новостях»¹⁴ под заглавием «Зеркало: Из давних набросков „Жизни Арсеньева”»¹⁵). «В хлебах» послужил промежуточным вариантом для глав 20—21 первой книги романа; содержание «У истока дней» отчасти перешло в 11-ю главу первой книги (мальчик увидел себя в трюмо и понял, как смотреть на себя со стороны), а большей частью в 18-ю главу первой книги (смерть сестры Нади). К промежуточным текстам следует отнести и опубликованный в 1927 году в газете «Россия» «Отрывок» с первыми строками следующего содержания: «Начало моей жизни... / Но где остановиться мне по пути к своему началу?»¹⁶ При этом следует понимать, что упомянутые промежуточные отрывки, представленные автором как ранние наброски романа, не являются тупиковыми путями в развитии замысла; несмотря на то, что они (на тот момент) не вошли в роман, они имеют скрытые возможности — для создания иной, альтернативной версии «Жизни Арсеньева». Именно так, как возможность альтернативного текста на тот же сюжет, их и следует изучать. Показательно, что в конце 1940-х годов (в процессе подготовки нового издания) Бунин правит газетные вырезки с этими тремя промежуточными текстами.¹⁷ Таким образом, вопрос об их использовании в романе не был закрыт вплоть до издания 1952 года.

Текст «Жизни Арсеньева», как известно, создавался с середины 1920-х годов. Первые отрывки из романа Бунин начал печатать в газетах в 1927 году. В 1928-м в газете «Последние новости» появились отдельные главы из романа, а в журнале «Современные записки» был помещен текст первых трех книг. В 1929 году газета «Последние новости» (частично) и журнал «Современные записки» (полностью) представили читателю четвертую книгу. В 1930-м в издательстве «Современных записок» вышло отдельное издание «Жизни Арсеньева», включавшее первые четыре книги. Бунин в этот момент не собирался останавливаться, хотя обдумывал новый формат повествования. В. Н. Бунина записала слова мужа 20 октября 1928 года, во время работы над четвертой книгой романа: «Вечером Ян долго говорил о „Жизни Арсеньева”, он очень горюет, что дал такое заглавие, что нужно было бы назвать „У истока дней” и писать, „как Толстой, душенька, написал «Детство, отрочество, юность» и запнулся... И мне кажется, душа моя, что я больше не напишу... Ведь 17 лет я написал в трех книгах, а 40 лет я должен написать в одной, в крайнем случае, в двух... Ведь одно из двух: или писать гораздо кратче, а если так же, то сколько выйдут томов! Я думаю об этом денно и ночью».¹⁸ В кругу общения писателя активно обсуждаются варианты продолжения. Интересна с этой точки зрения другая дневниковая запись Буниной, сделанная 13 февраля 1929 года: «Потом Яна расспрашивали о „Жизни Арс(еньева)”. Он рассказал и о дальнейшем содержании, „все пришли в восторг”. Мы попросили его и нам сообщить, он кратко сказал: „Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и большевизм и приходит к тому, что жизнь выше всего, и тянется к небу».¹⁹

В 1933 году появилась пятая книга романа (частично публиковалась в январе в «Последних новостях», почти полностью в «Современных записках»; небольшой отрывок Бунин осенью — уже было известно о присуждении Нобелевской премии — отдал рижской газете «Сегодня»), в скором времени предполагалась шестая и, возможно, дальнейшее продолжение. Бунин полагал, что пятая книга начнет

¹³ Последние новости. 1937. 28 авг. № 5993. С. 3.

¹⁴ Ср.: Иван Алексеевич Бунин. Библиография первых изданий... С. 86 (№ 606).

¹⁵ Последние новости. 1929. 29 дек. № 3203. С. 2—3.

¹⁶ Россия. 1927. 24 дек.

¹⁷ Правка Бунина поверх газетных вырезок легко датируется по использованию шариковой ручки (не раньше конца 1940-х годов): РАЛ. MS. 1066/811; 1066/846; 1066/847.

¹⁸ РАЛ. MS. 1067/393.

¹⁹ РАЛ. MS. 1067/395.

второй том романа. Однако присуждение Нобелевской премии и серьезные проблемы в личной жизни (с начала 1934 года стал обозначаться разрыв с Г. Н. Кузнецовой, музой всех пяти книг) остановили этот замысел. В архиве Бунина сохранилась специальная папка с набросками второго тома «Жизни Арсеньева»,²⁰ начатая, по-видимому, в этот период. Не исключено, что Бунин обращался к продолжению романа и в дальнейшем. Рубежом можно считать 1938 год, когда было принято решение выпустить пятую книгу в виде отдельной повести «Лика» в издательстве «Петрополис» (вышла в 1939 году), дополнив тем самым Собрание сочинений, выпущенное этим же издательством.

По-видимому, в ходе работ над вторым томом (шестой книгой) романа у Бунина начал складываться замысел нового произведения. Арсеньев в шестой книге, как следует из начальных текстов второго тома, должен был стать известным писателем и много ездить по России. Один из набросков доводит жизнь героя до начала мировой войны. Многочисленные романы Арсеньева (стихия любви занимает существенное место и в пятой книге) так или иначе оказывались в центре повествования. Интересно, что сохранившийся в архиве Бунина в двух различных вариантах дон-жуанский список²¹ не имеет однозначной привязки (как, впрочем, и многое другое в романе об Арсеньеве): он характеризует то ли жизнь самого Ивана Алексеевича, то ли жизнь его литературного героя. С конца 1937 года — т. е. практически с того самого времени, когда идея продолжения «Жизни Арсеньева» была окончательно оставлена — Бунин печатает в периодике первые рассказы будущего сборника «Темные аллеи». Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что замысел книги непосредственно вырастает из работы над вторым томом «Жизни Арсеньева».

Многие мотивы второго тома перешли в рассказы «Темных аллеи». Так, начало мировой войны, которое должно было стать важной вехой жизни Арсеньева, отозвалось в фабуле «Холодной осени», революция 1917 года стала пуантом «Тани» и т. д. Рассказ «Поздний час» с его елецкой топонимикой (и темой давней возлюбленной, похороненной там на кладбище) кажется отрывком из романа. Именно так восприняла его Бунина, перепечатывая на машинке для первой публикации. Она пишет мужу из Парижа на юг Франции 23 ноября 1938 года: «〈...〉 „Последний час“, — который совершенно восхитил меня, — так это хорошо... (я подумала, что это последняя глава из «Жизни Арсеньева», а Галя 〈Г. Н. Кузнецова снова жила у Буниных. — Е. П.〉 не соглашается) 〈...〉».²² По еще четче связь между «Жизнью Арсеньева» и «Темными аллеями» видна на уровне начальных текстов.

Начальными текстами для многих рассказов «Темных аллеи» послужили начальные тексты, готовившиеся с прицелом на «Жизнь Арсеньева». Например, одна из важнейших записных книжек Бунина²³ представляет собой серию писательских упражнений с обработкой различного рода русских имен, оттенков цвета, необычных эпитетов и пр. Рядом с этими традиционными писательскими упражнениями — упражнения иного рода: перечисление всех волжских пристаней, на которых останавливается пароход (с указанием западного или восточного берега), перечисление всех станций, на которых останавливался курьерский поезд по маршрутам «Москва—Петербург», «Москва—Вологда», «Москва—Владикавказ», «Москва—Севастополь», «Киев—Одесса», станций и пристаней кавказского побережья и пр. Эти упражнения, вероятнее всего, предназначались для «Жизни Ар-

²⁰ Она будет опубликована в новом бунинском томе «Литературного наследства».

²¹ РАЛ. MS. 1066/567; 602(2). Также готовится к публикации в новом томе «Литературного наследства».

²² РАЛ. MS.1067A/210.

²³ РАЛ. MS. 1066/547. Материал также готовится к публикации в новом томе «Литературного наследства». Препринт см.: Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 227—246.

сеньева». Ряд из них был использован в рассказах «Темных аллея»: перечисление курортных городов кавказского побережья дано в финале рассказа «Кавказ», движение парохода по Волге с перечислением некоторых пристаней использовано в рассказе «Визитные карточки», в «Речном трактире» важную роль играет длинное перечисление волжских городов, в рассказе «Руся» не менее важно движение поезда по линии «Москва—Севастополь» с названием некоторых станций. Сама по себе российская география имеет в книге «Темные аллея» важнейшее значение,²⁴ создавая ностальгический фон для историй любви. Этот фон связывает книгу с «Жизнью Арсеньева», где рассуждения об истории России и причинах революции пронизывают картины российской жизни конца XIX столетия. В «Темных аллеях» остается погруженность повествования в далекое (российское) прошлое, система прошедших времен (прошедшее, прошедшее продолжающееся, перфект, плюсквамперфект); сохраняется «отчужденность» повествователя от события; сохраняется условный или «отчужденный» герой («мой современник» вообще) и «отчужденность» места действия (даже Москва в «Темных аллеях» — это лишь Москва памятных открыток, а не интимно знакомый рассказчику город). Меняется лишь одно: «Темные аллея» не имеют единого героя, рассказанные истории не образуют единой фабульной линии (что не подвергает сомнению цикличность «Темных аллея»). Бунины разом уходит и от линейности повествования и от автобиографической привязки, решая проблему, которая так волновала его в октябре 1928 года.

«Темные аллея» организованы как круг близких тем и мотивов. Трехчастное деление книги можно осознать как техническое: рассказы распределены в сборнике хронологически, по давности написания — а можно как семантическое: между ними намечаются интертекстуальные связи; темы и мотивы постоянно возвращаются; постоянно поддерживается «русский фон» и ощущение живого прошлого. Принципу круга соответствует и сложная система программ «Темных аллея»: введение новых рассказов под обложку книги и выведение за обложку некоторых прежних — а также обширный «круг „Темных аллея“», сложившийся вокруг сборника, — тексты 1940-х годов, близкие по тематике и стилистике.²⁵ Если рассказы «Темных аллея» практически стирают границы текста и контекста: широкий контекст пульсирует в глубине каждого рассказа за счет «русского фона», упоминаний городов и столичных улиц, литературных произведений и театров, писателей, артистов, режиссеров, великих княгинь (типологически близко великому князю из «Жизни Арсеньева»), скрытых и явных цитат из отдельных текстов и целых культурных традиций (эту сторону «Темных аллея» следует рассматривать как часть «ревизии русской литературы»), а также из собственных произведений, включая соседствующие рассказы книги, — то рассказы «круга» выводят сюжеты «Темных аллея» за пределы русской тематики, эротики, отдельных историй жизни сочиненных персонажей к неразделимой жизни-литературе, сгущенной в одной или нескольких деталях. Рассказы третьей части «Темных аллея» можно считать переходом к «кругу»: и структурно, и идейно они размыывают новеллистическую форму, сложившуюся в первых двух частях книги.

Для ряда рассказов «Темных аллея» мы нередко имеем и начальные, и промежуточные тексты — развернутые, конспективные или незавершенные наброски рассказов, сделанные до первой печатной редакции. Наряду с недописанными рассказами «круга»,²⁶ они дают нам исключительную возможность заглянуть на «писатель-

²⁴ Об этом автор настоящей статьи писал много лет назад, еще не имея возможности познакомиться с материалами архива Бунина. См.: Пономарев Е. Р. Русский фон «Темных аллея» И. А. Бунина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 1 (3). С. 78—85.

²⁵ Подробнее об этом см.: Пономарев Е. Р. Круг «Темных аллея». Неопубликованный рассказ И. А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 319—323.

²⁶ Их всего семь, целиком они будут опубликованы в новом томе «Литературного наследства». Препринт рассказа «Иволга» см.: Там же. С. 323—330.

скую кухню» Бунина. Интересно, что так или иначе писатель создает сначала общий каркас рассказа (можно выделить несколько вариантов такого каркаса), а затем наполняет каркас подробностями и деталями. Такова же работа Бунина и с рассказами иной тематики — см. незавершенный рассказ о смерти девушки.²⁷ На роль каркаса, по сути, избирается один из начальных текстов: его потенции реализуются при помощи других начальных текстов. Так из начального текста получается промежуточный текст.

Тема писательства и писательской среды, игравшая важную роль в «Жизни Арсеньева», оказалась потеряна в «Темных аллеях». Идея книги «Воспоминания» вырастает из неустраивавших начальных текстов папки второго тома «Жизни Арсеньева», описывающих писательские круги дореволюционной России. Резкость, неприятно поразившая многих читателей бунинских «Воспоминаний», идет именно отсюда. В четвертой книге «Жизни Арсеньева» неоднократно поднимается тема внутренней лживости интеллигентско-кружковской культуры. В пятой книге романа появляются страницы, подчеркивающие пошлость театрального искусства как такового, — на полемическую заостренность и яркость этих страниц обратила внимание современная автору критика.²⁸ Заметим, что тема честности искусства появлялась и ранее в публицистике Бунина, особенно в произведении «Окаянные дни». Наброски второго тома (шестой книги) «Жизни Арсеньева» зло и толстовски-бескомпромиссно рисуют литературные круги обеих столиц — а возможно, и литературный круг эмиграции (нельзя определить точно, к какому времени и месту относятся наброски). По сути, книга «Воспоминания» посвящена той же теме — это в основном портреты поэтов и писателей, деятелей культуры в России и эмиграции. Специфика бунинских «Воспоминаний» еще описана недостаточно; они безусловно модернистские: отдельная деталь, поступок, высказывание (цитата) нередко замещают в них традиционное описание череды встреч и событий. Часто воспоминания оборачиваются анализом произведения или небольшого отрывка произведения, превращаясь из воспоминаний о писателе в воспоминания о его тексте. Как и в художественных текстах, Бунин стремится к дискретности мемуаров. От «Воспоминаний» сохранились начальные тексты, не использованные в книге и переписанные на будущее. Но их совсем немного, тем более что Бунин несколько раз выступал в периодике после 1950 года с дополнениями и продолжениями «Воспоминаний».

Книга «О Чехове», задуманная перед самой смертью (и в какой-то мере спровоцированная желанием Б. К. Зайцева написать о Чехове традиционную «житийную биографию»), по сути, продолжает линию, идущую от «Освобождения Толстого» — созданного во второй половине 1930-х годов, в момент застопорившейся работы над «Арсеньевым». Это альтернатива «Воспоминаниям», рассказ о писателях, абсолютно честных в жизни и литературе, писателях-образцах. Бунину в книге «О Чехове» принадлежат лишь начальные тексты. Все остальные этапы работы — сведение деталей воедино, выстраивание их порядка и пр. — выполнены В. Н. Буниной: на протяжении многих десятилетий она имела возможность непосредственно наблюдать за работой мужа. Вторая часть книги «О Чехове» вообще появилась случайно: издательство имени Чехова не устроило малый объем книги, и Буниной было предложено дополнить существующий текст другими материалами

²⁷ См.: Пономарев Е. Р. Неопубликованный рассказ И. А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 3—7.

²⁸ «Характерно, однако, что автор оживляется, главным образом, в отступлениях от хода фабулы, — как, например, на странице, посвященной театру и актерам. Эта страница, кстати сказать, подлинно „просится в антологию“. Сколько убийственной меткости, сколько иронии и зоркости! Арсеньев утверждает, что „талантливость актеров есть только умение быть пошлыми“, и припоминает одно за другим все то, что „приводит его в содрогание“ (...)» (Адамович Г. «Современные записки». Кн. 52. Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3).

ми.²⁹ Так что считать «О Чехове» текстом Бунина можно лишь с большими оговорками.

Таким образом, постреволюционная половина творчества Бунина может быть представлена сразу в нескольких ракурсах. В линейном плане она выстроится так: «Жизнь Арсеньева» концентрирует все идейные и стилистические поиски первой половины 1920-х годов. От центрального романа расходятся две линии: «Жизнь Арсеньева» — «Темные аллеи» — круг «Темных аллеи»; «Жизнь Арсеньева» — «Освобождение Толстого» — «Воспоминания» — «О Чехове». Воспринимая творчество Бунина в виде концентрических кругов, мы имеем круг «Жизни Арсеньева» с альтернативным развитием первой книги, отделенной от общего целого «Ликой», безграничными возможностями второго тома и допустимым финалом «Позднего часа»; круг «Темных аллеи» с массой альтернативных вариантов: выпадением или, напротив, включением в него тех или иных текстов; круг «Воспоминаний», вбирающий в себя «Освобождение Толстого» и книгу «О Чехове» (разумеется, множество менее крупных сюжетных объединений, в том числе восточный сюжет, выпадает из приведенной схемы). При дискретном восприятии творчества Бунина мы имеем множество начальных текстов, которые «снуются» (выражение А. Н. Веселовского) в творчестве писателя, легко образуя те или иные большие тексты и так же легко распадаясь до начальных текстов. Это модернистское многообразие вариантов следует непременно учитывать при описании творческого пути И. А. Бунина.

²⁹ См.: Пономарев Е. Р. Предисловие. С. 8; см. также тексты писем: «Когда переписываются близкие люди...». С. 196—276.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© Д. М. Буланин

ЛИЦЕВЫЕ АПОКАЛИПСИСЫ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

Принципы систематизации рукописей древнерусской и древнеславянской традиции и — как результат такой систематизации — та или иная композиция научных описаний этих рукописей (одного тома или многотомной серии описаний) представляют собой сложнейшую научную и научно-методическую проблему. Проблему, особенно остро стоящую в отношении старейших и крупнейших по числу единиц хранилищ рукописей, находящихся в Москве и Санкт-Петербурге, в которых часть фонда расставлена по формальному признаку (время поступления, формат), а другая состоит из кодексов, происходящих из одних и тех же мест, принадлежавших одному и тому же коллекционеру, изъятых из определенного монастыря или определенной церкви. Как отразить в систематизации большого комплекса рукописей их предысторию и одновременно обеспечить быстрейший поиск исследователем нужных ему фактов? Наиболее радикальный способ группировки рукописей для описаний был разработан в начале XX века Рукописным отделом Библиотеки Академии наук и, хотя с немаловажными и неоднократными отступлениями, применяется там до сих пор в отношении новых единиц хранения. Согласно этому способу рукописи сортируются по тематическим разделам, причем тематическое деление накладывается не только на старейшее ядро фонда с расстановкой по формату, но и на относительно автономные коллекции. Описания издаются в виде единой серии (с несколькими исключениями). Принятый в БАН способ обработки материала неоднократно подвергался критике за субъектив-

ность тематической классификации, которая, в свою очередь, менялась и продолжает меняться, за искусственное разделение общих по происхождению рукописей, за вычленение из рукописей отдельных составляющих, и др.¹ Критика эта не лишена оснований, ответы на нее не слишком убедительны,² тем не менее, заострять внимание на методических изъянах считаю на сегодняшний день неправильным. Ибо, при колоссальном объеме древних славянских рукописей, вообще не введенных в научный оборот, нужно приветствовать выход любого описания, даже уязвимого для чересчур строгих судей.

Довольно необычен на фоне общепринятой практики описания рукописей очередной — 10-й том в серии БАН: он посвящен находящемуся в рукописях иллюстративному материалу, хотя одновременно характеризуются и сами тексты, снабженные иллюстрациями.³ В свет вышло два выпуска 10-го тома. Эти выпуски можно в некотором смысле назвать экспериментальными, потому что внимание составителей сосредоточено не на искусствоведческой интерпретации миниатюр, а на их роли и функции в лицевом сборнике. Нужно иметь в виду, что в древней книжности, в том числе в продолжающей ее традицию старообрядческой, миниатюрами обычно снабжались книги определенного типа, а сами миниатюры исправно воспроизводились от одного списка к другому. То есть речь идет о взаимодействии текста и изобразительного ряда в повторяющейся пропор-

Дмитрий Михайлович Буланин — главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, главный научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

* Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. Т. 10. Вып. 2: *Подковырова В. Г.* Лицевые Апокалипсисы второй половины XVII — начала XX века. 670 с. Рецензия написана при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137.

¹ *Альшиц Д. Н.* Вопросы теории и практики научного описания исторических источников // *Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 44—47.*

² См. особенно: *Бубнов Н. Ю.* Систематическая серия описания рукописей в Библиотеке Академии наук: Замысел и воплощение // *Современные проблемы археографии: Сб. статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25—27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 14—21.*

³ Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. СПб., 2010. Т. 10. Вып. 1: Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, Е. К. Братчикова, В. Г. Подковырова.

ции и в относительно легко обособляемой категории рукописных книг.⁴ Для группировки таких книг и находящихся в них памятников существенны не столько художественные, сколько условные и символические детали каждой иллюстрации, поэтому составителям описания пришлось изобретать специальные средства экспликации, чтобы на словах (в виде экфрасиса) перечислять родовые и видовые приметы каждой картинке. В. Г. Подковырова, один из составителей первого выпуска и единоличный составитель рецензируемого второго выпуска, была в числе тех, кто разрабатывал соответствующую схему. Схема, наверное, еще будет совершенствоваться. Что касается примет, выбранных для характеристики иллюстраций, то эти приметы безусловно пригодятся специалистам, которые будут иметь дело с другими, но сходными по составу рукописями. В первом выпуске дано описание текста и миниатюр 88 рукописей и 24 настенных листов старообрядческого происхождения.⁵ Существенным изъяном книги является отсутствие репродукций описываемых картинок, без которых экфрасис не всегда помогает делу. В этом отношении выигрывает щедро иллюстрированный 2-й выпуск тома, который, кроме того, отличается от предыдущего и по содержанию: он посвящен рукописным вариантам одной единственной иллюминированной книги, но зато иллюминированной богаче других и во все времена живо привлекавшей внимание читателей, а потом и исследователей эсotericичности своего содержания. Таков Лицевой Апокалипсис, списки которого, хранящиеся в фондах БАН, являются объектом описания в рецензируемой книге.

Книга включает следующие разделы: «Об издании» (с. 3—8), с объяснениями его структуры и состава; «Предисловие» (с. 9—27), с историографией, изложением проделанной автором работы и полученных выводов; собственно «Описание рукописей» (с. 29—404), сгруппированных в зависимости от иконографического извода находящегося в них Апокалипсиса; пять приложений, из кото-

⁴ Встречаются, разумеется, и исключения — единственные в своем роде иллюминированные списки. К примеру, «Стоглав» с иллюстрациями ярославского иконописца А. А. Великанова в рукописи БАН ((Собр. Лукьянова. № 44 (Там же. С. 237—238)).

⁵ В порядке самокритики Подковырова отмечает, что в первый выпуск не вошло более полутора десятков рукописей, по составу и оформлению тождественных описанным, но без примет старообрядческого происхождения (с. 4, прим. 5). Причина ясна: в новейшие времена старообрядцы утрачивали воспоминания о тех разногласиях, которые стали причиной их отделения от официальной церкви. Эта неполнота есть наглядный пример издержек, обусловленных любой тематической классификацией рукописей.

рых в 1-м (с. 407—409) перечислены рукописи с разрозненными иллюстрациями к Апокалипсису, т. е. не образующими цикла, во 2-м (с. 409—410) находится конкорданция номеров глав в Апокалипсисе как составной части Библии (26 глав) и в толкованиях на Апокалипсис Андрея Кесарийского (24 слова и 72 главы), наконец, в 3-м, 4-м и 5-м (с. 411—416) собраны отличительные признаки в миниатюрах трех из выделенных исследователями иконографических редакций Лицевого Апокалипсиса; «Указатели» (с. 601—660), которых в работе, пожалуй, даже больше, чем то обычно принято, но что, сказать по правде, стоит оценить как плюс издания («Указатель названий памятников», «Указатель инципитов общий», «Указатель названий глав и разделов Апокалипсиса», «Указатель инципитов глав и разделов Апокалипсиса», «Именной указатель», «Географический указатель», «Указатель иконографических сюжетов и персоналий для миниатюр всех текстов, кроме Апокалипсиса», «Указатель иконографических сюжетов и персоналий в миниатюрах Апокалипсиса»). Как уже было отмечено, описание снабжено, кроме прочего, двумя блоками иллюстраций — цветных (32 иллюстрации; без пагинации) и черно-белых (с. 417—600).

Итак, перед нами исчерпывающий каталог Лицевых Апокалипсисов БАН, и эта исчерпанность тоже является положительной характеристикой предлагаемой на обсуждение работы, отчасти компенсирующей врожденные недостатки тематической группировки рукописей. Памятников, с вынесенным в заглавие названием, включая кодексы, полностью заняты Лицевым Апокалипсисом (таковых большинство), сборники, куда он входит составной частью, манускрипт, иллюминирование которого по какой-то причине застопорилось на начальном этапе (Собр. Дружинина. № 1010/827), подборку образцов-сколков (Собр. Каликина. № 51) и блок несшитых листов (Собр. Археографической комиссии. № 175), набралось в академической библиотеке всего 27 единиц. Немного, однако описание каждого номера занимает большое количество страниц, потому что каждый Лицевой Апокалипсис включает в среднем по семьдесят с лишним иллюстраций (примеаясь как-то к 72-м главам, на которые разделен текст, снабженный толкованиями Андрея Кесарийского), а каждая иллюстрация, согласно принципу, положенному в основу рецензируемого труда (точнее, всех выпусков 10-го тома), характеризуется как самостоятельный памятник книжного искусства. Как явствует из работы Подковыровой, в собрании БАН находятся далеко не самые древние представители данной рукописной книги и далеко не самые выразительные. Однако же, частично обращаясь к рукописям других хранилищ, частично опираясь на труды своих предшественников, составитель в кратком, но емком «Предисловии» сумела

набросать историю развития Лицевого Апокалипсиса в русской письменности, начиная от самых ее истоков и кончая старообрядческими предреволюционными изданиями. На мой взгляд, работу Подковыровой вполне можно приравнять к научно-исследовательской монографии или диссертации: она лаконична в аргументации и в обосновании полученных выводов, но это потому только, что автор неуклонно придерживается индуктивного метода: центр тяжести в доказательствах перенесен на эмпирический материал — на описания рукописей и иллюстраций, которые являют собой конечный продукт огромной работы по осмыслению первоисточников. Учитывая присущее работе исследовательское начало, позволю себе и в обсуждении ее не разбирать технические приемы — формуляр описания. Перейдем сразу к научным задачам, связанным с адекватной репрезентацией уникального произведения древней книжности и искусства — Лицевого Апокалипсиса, выбранного автором для монографической студии.

Что же из себя представляет русский Лицевой Апокалипсис? Если отвлечься от нюансов, свойственных разновидностям памятника, иллюминированный Апокалипсис является собой органическое соединение трех компонентов — текста новозаветной книги; святоотеческих толкований на нее, из которых на Руси прочно прижились только толкования Андрея Кесарийского; более или менее обширного цикла миниатюр. Чаще всего их бывает 72 — по числу глав, на которые разбиты толкования. Развитие каждого из трех ингредиентов шло своим чередом и лишь на отдельных этапах эволюции их судьбы пересекались. В частности, обычно считается, что новозаветный Апокалипсис был переведен на славянский язык отдельно от толкований. Возможно, перевод текста хронологически упредил перевод толкований. Однако уже в старшем списке памятника XIII века (БАН. Собр. Никольского. № 1) видим библейскую книгу в совокупности с толкованиями. Существенная деталь: тем обстоятельством, что текст Апокалипсиса не используется в богослужении Восточной церкви, обусловлено его независимое от других библейских книг распространение. В составе сборника он нередко сопровождался другими текстами эсхатологического содержания. Толкования были эмансипированным ингредиентом комплекса: иногда при копировании они изымались из основного текста, от них оставался след только в виде присущей толковым спискам разбивки на главы. Еще более независимо, чем толкования, вели себя миниатюры. Относительная их автономность явствует из того, между прочим, что они все соотносятся с текстом книги Иоанна Богослова, а не с толкованиями. Знаменательно еще, что датировка текста и иллюстраций в пределах одной рукописи может отличаться на столетие и больше — иногда текст инкорпо-

рируется в ранее заготовленный блок миниатюр (с. 19). Когда же появился на Руси живописный цикл, придающий нашему Апокалипсису его неповторимое своеобразие?

Нужно первым делом признаться, что датировка Лицевого Апокалипсиса относится к числу самых больших вопросов в его изучении. Беда здесь в том, что ни византийское искусство, ни книжная культура южных славян не знают подобного культурного феномена. Напротив, в западной культуре иллюстрации к Апокалипсису в виде цикла издавна циркулировали в читающем обществе, наряду с близкими по теме иллюстрациями к «Божественной Комедии» (включая знаменитые гравюры А. Дюрера на сюжеты «Апокалипсиса» и альбом С. Боттичелли из коллекции Александра Гамильтона, посвященный поэме Данте). Соответственно, существует тенденция, восходящая еще к Ф. И. Буслаеву и Н. П. Кондакову, пионерам в освоении нашей темы,⁶ удренять генезис русского памятника, относя его к XV, если не к XIV веку. При этом Буслаев возводил русский Лицевой Апокалипсис к несохранившемуся византийскому прототипу, а Кондаков к западноевропейским образцам. Думается, что для вполне умозрительной гипотезы об архаичности книги нет никаких оснований, а используемые иногда в качестве аргумента ссылки на икону «Апокалипсис» (ок. 1482 года) из Успенского собора не идут к делу, потому что она организована совсем по-другому (по образцу изображений «Страшного Суда»), нежели цикл миниатюр иллюминированного Апокалипсиса. Полагаю, что Подковырова совершенно права, связывая рождение русского памятника с серединой XVI века (с. 15—16), с тем временем, к которому относится и старший список (РГБ. Собр. Егерев. № 6).⁷ Именно тогда проблема аллегорических изображений, каковыми являются иллюстрирующие Апокалипсис миниатюры, стала предметом публичного разбирательства в «Деле» дьяка Ивана Висковатого (1553—1554 годов), справедливо усмотревшего в подобных новшествах разрушение традиционной для Древней Руси философии образа. Толковый Апокалипсис без лишних усилий встраивается в серию так называемых «обобщающих» мероприятий, связываемых с именем митрополита Макария и

⁶ Ср.: Буслаев Ф. И. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. М., 1884. С. 53 (рец.: Кондаков Н. П. Русский Лицевой Апокалипсис // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 240. С. 110—142).

⁷ О списке см.: Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции / Отв. ред. А. А. Турилов. М., 1995. С. 32, 50—54. Тут список датируется второй половиной XVI века, сейчас его датировку отодвинули к середине того же столетия.

направленных на идеологическую консолидацию русского общества, без которой невозможно было осмысление новой роли Москвы как сакрального царства имперского масштаба. Пересмотр провиденциальной истории входил на первых ролях в тогдашнюю идеологическую программу, а такого рода история была неизбежно эсхатологична, значит, не могла обойтись без апокалиптической аллегорезы. Закономерно, что синхронно со старшим списком Лицевого Апокалипсиса появляются — явно вторичные по отношению к памятникам книжности — многосюжетные композиции на ту же тему в станковой живописи и фресках (с. 13—14).⁸ Нас не должны смущать при подобных размышлениях явственно различимые в Лицевом Апокалипсисе (и его репликах в иконописи) следы иконографии из аналогов западного происхождения (и поствизантийских, которые сами находились уже тогда под влиянием Запада): хотя идеология сакрального царства вызревала в атмосфере культурной ксенофобии, московских идеологов совсем не пугала эклектичность конструируемого ими образа Третьего Рима. Западные вкрапления как бы тонули во множестве проекций, связанных с православным миром, теряя свою одиозность.⁹ О том, насколько органично вошла книга в корпус древнерусской книжности, свидетельствует знаменитый Двинский Апокалипсис с его дополнительными разделами (ГИМ. Собр. Щукина. № 22), хотя и явившийся на свет в 1636—1643 годах, но выдержанный, по наблюдениям Буслаева, в манере предшествующего столетия.¹⁰

Ценности рецензируемого труда прибавляет обстоятельство, что Лицевые Апокалипсисы, хранящиеся в БАН, не привлекались до сих пор к исследованию знатоками предмета. С другой стороны, необходимость начинать работу с нуля поставила перед составителем нелегкие задачи. В частности, имея в руках, как было сказано, далеко не классические образцы рукописного памятника, составителю пришлось тем не менее выбирать признаки, по которым ему предстоя-

ло сортировать 27 описываемых копий. Поскольку книга вышла 2-м выпуском в ряду описаний иллюминированных рукописей, понятно, что предпочтение при выборе классифицирующих признаков было отдано иллюстративному материалу. Выделенные Подковыровой группы или редакции (о терминах скажем дальше) выстраиваются в следующую схему (с. 25): I. Филарето-Чудовская редакция, опознанная еще Буслаевым и самая многочисленная, образует три подредакции или подгруппы (I. Чудовскую, включающую 13 списков, которые, в свою очередь, могут быть распределены по пяти пунктам, в зависимости от степени влияния на отдельные списки смежных редакций; II. Филаретовскую, включающую 2 списка; III. Филарето-Чудовскую, включающую 4 списка, опять же распределенные по двум пунктам); 2—4. Холмогорская, Ярославский извод; Галичская или Западно-Русская; Ромодановская — каждая представлена 1 списком БАН; 5. Буслаевско-Тихонравовская с элементами Чудовской подредакции представлена 2 списками; 6. Поздние списки, «возможно испытавшие влияние пока не установленных конкретных изданий», — таких составитель насчитала 3. Прежде чем высказаться по поводу этой классификации, замечу, что Подковырова не могла игнорировать и текстовую часть памятника — сам Апокалипсис, а отчасти и сопровождающие его толкования. Не слишком обильная и не очень надежная научная литература, касающаяся истории славянского текста Апокалипсиса и толкований Андрея Кесарийского, вся принята во внимание составителем описания (с. 662—667). О судьбе текста и толкований высказывались взаимоисключающие мнения, и сейчас нет резона их разбирать. Обратим внимание лишь на то, что в изложении этой истории самой Подковыровой (с. 20—23) некоторые нечеткие формулировки сеют сомнения и вызывают замешательство у читателя ее работы. Может ли, например, текст Апокалипсиса в Чудовском Новом Завете содержать самую раннюю его редакцию? Что означает не употреблявшийся прежде термин «распространенная редакция»? Каковы отличительные признаки выделяемой исследовательницей «трехтолковой редакции»,¹¹ и действительно ли представляющие ее списки БАН дают один и тот же текст?¹² Главное

⁸ См. также: Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 736—738.

⁹ См. подробно: Буланин Д. М. Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 473—530.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов... С. 526—553. Отдельного исследования заслуживает замечательное своей риторической ухищренностью послесловие создателя кодекса, полностью напечатанное Буслаевым.

¹¹ Таково самоназвание Лицевого Апокалипсиса и в его первопечатном старообрядческом издании. См.: Апокалипсис трехтолковый. М., 1910. Л. 246.

¹² Существуют тексты двухтолковые, трехтолковые и с еще большим количеством толкований. См.: Анфруева Н. В., Починская И. В. Лицевые Апокалипсисы Урала: Православная традиция и элементы европейского культурного влияния. Екатеринбург, 2014. С. 20 (см. также о трехтолковом Апокалипсисе: Там же. С. 25).

же — странно, что не сделано даже попытки соотнести классификацию списков по представленному в них тексту с основной для занимающей нас книги классификацией по иконографическим признакам. Между тем, уже с первого взгляда заметно, что они не имеют ничего общего. Случайность это или закономерность? Если закономерность, то неплохо увидеть хотя бы первые подступы к ее познанию.

Вернемся к вопросу о распределении списков Лицевого Апокалипсиса по классам. Нужно констатировать, что это — самый актуальный, хотя одновременно самый сложный аспект в изучении данного памятника вообще, и в рассматриваемом описании-исследовании в частности. Поэтому на нем стоит чуть задержаться. Вообще в историографии не так уже часто встречаются попытки сортировать рукописи и находящиеся в них памятники по иллюстративному материалу. В этой связи уместно вспомнить старые, но вполне доброкачественные наброски Е. К. Редина, выделившего, именно по иконографическим приметам, семь редакций в богатой рукописной традиции славянского перевода «Христианской топографии».¹³ Быть может, стоит воспользоваться какими-то приемами классика старой школы? Что касается Лицевого Апокалипсиса, то ни один из предшественников Подковыровой (если не считать разрозненных замечаний Буслаева) не пытался подойти к вопросу о классификации его списков комплексно, ограничиваясь обычно указанием на отдельные черты, роднящие между собой отдельные копии памятника из разных хранилищ.¹⁴ Составитель рецензируемой книги самой специфической работой был поставлен в особое положение: чтобы удовлетворить требованию исчерпанности выбранных по объявленной теме объектов описания, предстояло распределить по классам непременно все 27 кодексов. И здесь, разумеется, начались трудности. Возьмем хотя бы терминологию: поскольку книжные миниатюры, в отличие от текстов, по самой своей природе не дадут возможности исследователю выстроить содержащие их списки в виде генеалогического древа, стоит прежде договориться о семантике каждой лексемы. Например, я бы предложил не обозначать определенное множество копий словом «редакция», за которым в текстологии (науки об истории текста, а не изображений) закреплен довольно строгий набор атрибутов. Лексика в русском языке и без того хватает: вид, ветвь, версия, класс, разряд, группа, извод; Буслаев еще пользуется словами «грань» и

«перевод» (не говоря уже о максимально обобщенном термине «течение» и о специфическом для иконографии слове «пошиб»). Однако же в кратком «Предисловии» чувствуется острый дефицит терминов — из-за того именно, что за каждым из них по отношению к описываемому материалу не закреплено общепринятого значения. Словом, на первых порах насущной является задача разработать подходящий случаю терминологический аппарат.

Но это, естественно, еще не есть решение основной задачи. Поскольку системный подход в существующей литературе о Лицевых Апокалипсисах до сих пор не практиковался, применительно к проблеме классификации составителю описания пришлось выступить в какой-то мере первопроходцем. Один только Буслаев сделал начальные шаги в данном направлении. Считая лишь его методику правильной, составитель нашего описания выдвигает законное требование «описывать детально и подряд все миниатюры цикла, а не выхватывать из него отдельные, кажущиеся наиболее характерными детали» (с. 23). Удался ли Подковыровой ее опыт? — Однозначного ответа у меня нет. Хотя, принимаясь за работу, исследовательница в полной мере учла имеющиеся в историографии наблюдения о сходстве и различии некоторых групп иллюминированных рукописей, среди этих наблюдений нет конкретных предложений о методе классификации. Тем более что Буслаев и Кондаков, в духе своего времени, довольно пренебрежительно отзывались о поздних старообрядческих вариантах Лицевого Апокалипсиса, которые, среди дошедших рукописей, составляют большинство. Буслаев вообще собрал их все как материал второго сорта в последнюю (20-ю) из обособленных им групп.¹⁵ Некогда тот же Буслаев, открывший тему для исследования, дал определение лишь одной — Филарето-Чудовской редакции, самой популярной, а вообще пользовался словом «редакция» довольно свободно (в смысле «разновидность»), не придавая ему терминологического значения. Когда же дошла очередь до классификации, ученый разбил привлеченные им списки памятника на двадцать групп (многие из них представлены единичными кодексами), не нарекая их редакциями принципиально.¹⁶ Напротив, новейшие исследователи не затрудняются именовать некоторые из буслаевских групп «редакциями», что, как было сказано, без договоренности о смысле каждого термина рано или поздно породит невероятную путаницу: если ограничиться теми, что представлены в рукописях БАН, такими новоназванными редакциями будут Холмогорская (обозначена Ю. А. Грибовым), Галицкая или Западно-Русская, Ромоданов-

¹³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. 1.

¹⁴ Лучший обзор и полный список литературы см.: Православная энциклопедия. Т. 24. С. 740—745 (автор раздела — Ю. А. Грибов).

¹⁵ Буслаев Ф. И. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов... С. 49, 808—828.

¹⁶ Там же. С. 209—828.

ская, Буслаевско-Тихонравовская (все три обозначены Подковыровой). Неприятность заключается в том, что почти ни одна из редакций не передают ее в чистом виде, но «с элементами» какой-то другой, отчего и обособление их становится более или менее условным. То знаменщики работали в меру собственного разума, то художники сверялись в отдельной картинке с несколькими образцами, то брали одни миниатюры из одного образца, а другие — из другого. Классификация грозит вообще обрушиться в случае с самой распространенной — Филарето-Чудовской редакцией, где, как мы видели, пришлось выделить подредакции, внутри подредакций некие безымянные пункты (дефицит терминов! — Буслав в этом случае писал о «гранях»); но и в рукописях, разнесенных по пунктам, во всех почти «канон» (если можно о нем говорить, поскольку он каждый раз нуждается в дескрипции) представлен «с элементами». За немногочисленными исключениями всякая рукопись являет собой не репродуцирующийся последующей традицией — единственный в своем роде книжный феномен.

Не думаю, что такая неупорядоченность должна обескураживать исследователя миниатюр в Лицевом Апокалипсисе: в конце концов, те, кто работает со средневековыми текстами, привыкли, что каждая рукопись по-своему неповторима. Этим ведь она и отличается от стандартной копии в тираже книги, вышедшей из-под печатного станка. Не следует опускать руки и с попытками классификации, хотя с некоторыми решениями Подковыровой, возможно, согласятся не все. С точки зрения методики особенно важны изобретенные составителем таблицы (Приложения 3—5), куда сведены опознавательные иконографические признаки нескольких редакций памятника. Такие признаки сродни тому, что в текстологии принято называть «текстологическим приметам».¹⁷ Таблицы охватывают Филарето-Чудовскую (Чудовская и Филаретовская подредакции), Ромодановскую и Буслаевско-Тихонравовскую редакции. Пожалуй, перед нами самый новаторский раздел книги, поэтому нельзя не пожалеть, что подобной процедуре не были подвергнуты все 27 списков БАН или хотя бы все представленные в академической библиотеке редакции.¹⁸ Кроме того, пра-

¹⁷ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 221—229.

¹⁸ Неплохо было бы к перечню признаков, извлеченных из самого Лицевого Апокалипсиса, добавить указания на иконографию памятников, регулярно его сопровождающих. Сюда относится, например, «Древо Давида». Важно, что об этом же древе, причем рядом с Апокалипсисом, идет речь в известном рассказе о живописном мастерстве Фео-

вильно было бы, если бы каждый из перечней существовал не изолированно, но чтобы у читателя была возможность самостоятельно сопоставить признаки разных редакций и подредакций (как то удачно сделано в Приложении 3, где признаки двух подредакций входятся друг против друга). Тогда, взяв в руки очередной список Лицевого Апокалипсиса (а таких списков, еще не привлекавших к изучению, рассеяно по России немало, а кое-что находится и за ее пределами¹⁹), специалист довольно уверенно определит не только редакцию, к которой принадлежит его список, но и происхождение пресловутых инородных «элементов», нарушающих строгость любой классификации. Достижению этой цели должно быть подчинено и расположение иллюстраций, причина, по которой композиция включенных в нашу книгу иллюстративных блоков представляется абсолютно неудовлетворительной. Составитель описания привел последовательность репродукций в соответствие с последовательностью описываемых в книге рукописей. Фактически мы имеем всего-навсего избранные картинки из каждой рукописной книги, оживляющие сухие формулировки ее словесного описания. Это было бы неплохо при искусствоведческом подходе к предмету, но никак не помогает классификации Лицевых Апокалипсисов как синкретических памятников литературы и искусства. Реализовать заложенный в них классифицирующий потенциал иллюстрации смогли бы лишь в том случае, если бы рядом стояли изображения одного и того сюжета из рукописей, относящихся к разным редакциям, подредакциям, и проч. Кстати, составитель описания в более ранних своих работах использовал уже метод сопоставления списков, включающих две из обособленных редакций (Ромодановской, Буслаевско-Тихонравовской) в виде параллельных столбцов. Правда и то, что в тех ранних работах при сопоставлении учитывался довольно скудный набор признаков, показывающих вариации «канона».²⁰ Номенклату-

фана Грека (Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб., 1999. С. 440).

¹⁹ См., например, списки XIX века: Österreichische Nationalbibliothek. Cod. Slav. № 5 (*Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975. S. 141—142*); Cambridge. Fitzwilliam Museum. MS 7-1972 (*A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections / Comp. by R. Cleminson. London, 1988. № 3. P. 3—4*).

²⁰ Подковырова В. Г. 1) Цикл миниатюр к старообрядческому Апокалипсису из книгописной мастерской Каликиных: (К проблеме определения редакции) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2006. С. 100—112 (Приложение II);

ру их несомненно нужно увеличить. Спешу заметить, что мои критические замечания касаются усовершенствования той методики, которую предложила Подковырова, а потому не умаляют заслуг автора в разработке и получении первой пробы от ее внедрения. Уверен, что в рецензируемом труде найден весьма перспективный способ типологической характеристики рукописей с Лицевым Апокалипсисом, образующих довольно внушительный слой в книжном наследии Руси средневекового и послесредневекового времени. Как справедливо прогнозирует автор, «последовательно сверяя выделенные особенности с иконографией новых списков, можно будет исключать нехарактерные и дополнять новые признаки, точнее определять источники, понять взаимосвязь разных редакций».²¹

Дальнейшее обсуждение предложенного способа репрезентации типового и индивидуального в каждом из списков памятника представляется тем более желательным, что на очереди стоит инвентаризация Лицевых Апокалипсисов в других крупных древлехранителях. Повышенный интерес к Апокалипсису неизменно пробуждается на пороге исторических перемен, когда человечество не без

волнения расстается с привычным укладом жизни и с опаской заглядывает в покрытые туманом грядущие времена. Так было в Западной Европе XV—XVI веков, процвавшей со средневековой эпохой, так было на рубеже XVII—XVIII веков в России, которую Петр «поднял на дыбы», так было в России в канун революционных потрясений, когда Владимир Соловьев написал свою «Краткую повесть об Антихристе». Частое обращение к Апокалипсису и его предсказаниям в наше время есть симптом того, что люди ждут очередных катаклизмов. Впрочем, каково бы ни было смущение умов, работа по приведению в известность такого шедевра русской книжной культуры, как Лицевой Апокалипсис, во всем разнообразии его списков, идет своим чередом. За последние годы любители древностей получили каталог Лицевых Апокалипсисов, хранящихся в Пушкинском Доме (11 списков),²² сводное описание образцов памятника (9 списков), находящихся в Екатеринбурге, Челябинске и Нижнем Тагиле (см. прим. 12), а теперь и самое обширное из имеющихся — описание кодексов академической библиотеки.

2) Лицевой Апокалипсис XVII в. из фондов БАН (16.18.4): К вопросу о редакции цикла миниатюр // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 109—129 (Приложение I).

²¹ Подковырова В. Г. Лицевой Апокалипсис XVII в. из фондов БАН... С. 104.

²² Лицевые Апокалипсисы Русского Севера: Рукописи XVII—XIX вв. из фондов Древлехранилища Пушкинского Дома / Изд. подг. Г. В. Маркелов, А. Б. Бильдюг. СПб., 2008 (Книгописные шедевры Русского Севера; вып. 1).

© С. В. Березкина

ЖАНР «ЛЕТОПИСАНИЯ» В НАУКЕ О ПУШКИНЕ*

«Летопись жизни и творчества» какого-либо писателя — один из самых востребованных в исследовательской работе трудов.

Светлана Вениаминовна Березкина — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. 1826—1837 / Сост. Г. И. Долдобанов; науч. ред. А. А. Макаров. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Т. 1. Кн. 1. 1826—1828 (Пушкин в XX в.; вып. VII); То же. 2001. Т. 1. Кн. 2. 1829—1830 (Пушкин в XX в.; вып. VIII); То же. 2001. Т. 2. Кн. 1. 1831—1832 (Пушкин в XX в.; вып. IX); То же / Сост. Г. И. Долдобанов; науч. ред. А. А. Макаров, И. С. Сидоров. М., 2009. Т. 2. Кн. 2. 1833—1834 (Пушкин в XX в.; вып. X); То же / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров; науч. ред. И. С. Сидоров.

Он венчает усилия не одного поколения ученых, которые своим упорством и многолетней работой копят знания для рождения важнейшей справочной книги о писателе. Если в какой-то историко-литературной отрасли имеется хорошо изданное собрание сочинений и писем писателя, а при этом еще и три важных труда — антология воспоминаний о нем, биографический справочник, раскрывающий круг его знакомств, наконец, «Летопись», значит, эта отрасль может быть более чем успешной. «Летописи» весьма разнообразны как по хронологии (вплоть до единственного года в жизни писателя), так и тематике (например, по фактам жизни, связанным с тем или иным местом). Они могут быть подробными и, напротив, самыми лапи-

М., 2016. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сент. 1836 (Пушкин в XX в.; вып. XI).

дарными. Например, «Летопись жизни и творчества Пушкина (1799—1826)», выпущенная М. А. Цявловским в 1951 году, была насыщена сведениями из русской и западноевропейской истории. Пушкинская «Летопись» за 1799—1826 годы при переиздании в 1991 году (исправленном и дополненном Т. Г. Цявловской, а затем, после ее смерти, коллективом Пушкинской группы Института русской литературы) была освобождена от всех этих вставок. Между тем эти вставки, хотя и подобранные несколько тенденциозно, в духе эпохи, были весьма интересными, а с современной точки зрения, и полезными, если иметь в виду общее падение культурного уровня, коснувшееся, к сожалению, и молодого научного пополнения.

«Летописание» в истории пушкиноведения всегда было связано с мучительными ожиданиями. Полная, четырехтомная, «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина» вышла наконец в 1999 году (справочный том, с указателями, дополнениями и исправлениями, — в 2005 году) как издание Пушкинской комиссии РАН. Составительскую работу (за период с сентября 1826 года по 1837 год) проделала Н. А. Тархова, научным редактором издания была старейшая сотрудница ИРЛИ Я. Л. Левкович.¹ «Летопись» отразила работу по учету и росписи огромного количества источников как печатных, так и рукописных. Краткие, по классическим «летописным» образцам, статьи (так принято называть отдельные аннотированные даты в биографии писателя) были снабжены необходимыми ссылками на все виды источников. Работать «по Пушкину» стало легче, и книга заняла почетное место на рабочем столе любого пушкиниста.

К сожалению, издание было «юбилейным», и это определило характер допущенных в нем недочетов. В «Летописи» чрезвычайную значимость приобретают указатели, в особенности к произведениям писателя, поэтому именно здесь в первую очередь проявились пробелы и ошибки. В статье «Летописи» произведение должно фигурировать под названием академического издания, данным хотя бы в скобках — если речь в ней идет о прижизненном издании, где оно имело иное название; малейшее отступление от этого правила приводит к пропуску в указателе произведений. Кроме того, были с погрешностями распутаны хитросплетения сложных ведомственных делопроизводств, в которых фигурировал Пушкин, что привело к ошибкам разного рода, вплоть до путаницы с именованием учреждений Российской империи. Проблематичными оказались и датировки текстов Пушкина, в особенности рукописных редакций, отрывков и набросков. В четырех-

томной «Летописи» были подробно «расписаны» все так называемые «описания» рабочих тетрадей поэта, которые создавались сотрудниками сначала Группы, а затем и Отдела пушкиноведения и печатались в издании «Пушкин. Исследования и материалы». «Описания» тетрадью были важным началом и значительным успехом в работе пушкиноведов ИРЛИ, но их ждала серьезная проверка: в ходе комментирования нового академического издания Пушкина (начато в 1999 году) целый ряд датировок был отклонен или существенно переработан.²

Уже в 2000 году появилась первая книга нового пушкинского «летописного» свода — «Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина», представленная на титуле как издание Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН. Из «Хроники» составители исключили период 1799—1826 годов (в четырехтомной «Летописи» эти годы, по работе М. А. Цявловского, вошли в первый и отчасти второй тома). Всего на время с сентября 1826 по 1837 год в «Хронике» отводилось шесть книг (по две в каждом томе) — значительно больший объем, чем в трех (за вычетом первого) томах «Летописи». Чем же отличаются эти пушкиноведческие издания? Насколько нам известно, подобного рода сопоставление в научной печати еще не проводилось.

Ответ на вопрос о соотношении двух биографических трудов о Пушкине дать сложно, поскольку «Хроника» оказалась «непрозрачной» для анализа. Вышло пять ее книг — без указателей. Как работать с этими книгами? Как обозреть, скажем, эпизоды в биографии Пушкина, связанные с тем или иным его знакомцем или же адресатом? Как проследить в хронологии истории того или иного произведения по рукописям, прижизненным публикациям, отзывам современников, печатным, эпистолярным, устным? «Летопись» (во всех томах!) дает возможность, хотя и с недочетами, для такого рода старта в работе исследователя. Столь же гуманного отношения к собратям по цеху у составите-

² Как правило, к созданию «Летописи жизни и творчества» писателя исследователи приступают в тот момент, когда заканчивается (или идет к завершению) авторитетное издание его сочинений. Прогрышным для четырехтомной «Летописи» Пушкина оказался сам момент, связанный с началом выхода нового академического издания. Здесь же заметим, что, на наш взгляд, идеальной по научному аппарату и структуре является выпущенная ИРЛИ трехтомная «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова» (СПб., 2006—2009), любое обращение к которой не оставляет после себя вопросов у исследователя, поскольку дает информацию, необходимую для дальнейшей работы по тому или иному эпизоду творческой биографии поэта.

¹ Н. А. Тарховой была выпущена книга «Жизнь Александра Сергеевича Пушкина» (М., 2009), построенная на основе четырехтомной «Летописи».

лей «Хроники», к сожалению, не обнаруживается.

Согласно плану этого издания, указатели будут напечатаны в последней, шестой, книге «Хроники». А пока, на протяжении уже шестнадцати лет, издание «молчит»... Будем надеяться, что появление справочной части последнего тома, завершающего издание, позволит оценить более широкий охват материалов по биографии Пушкина, заложенный в его объеме (хотя при этом стоит вспомнить и о том, как тяжело, с каким большим отрывом, выходили справочные тома в других изданиях: в «Летописи» Пушкина, например, лишь через шесть лет).

Именно объем «Хроники» составляет преимущество по сравнению с «Летописью». Статьи в «Хронике» носят расширенный характер, прежде всего за счет цитации. Это выглядит нетрадиционно для жанра историко-литературного «летописания», но привлекательно для читателя. Установка составителей «Хроники» дать книгу «для чтения» (об этом говорится в редакционной преамбуле к первому тому) заслуживает особого разговора. Если считать, что речь идет лишь о структуре статьи, не стесненной «летописными» рамками, то эта цель, возможно, и реализована в ходе издания «Хроники». Однако столь ли уж доступны «для чтения» пространные статьи и примечания к ним, зачастую их превосходящие, в «Хронике»? Остановимся на занимающем шесть страниц примечания к статье «1826. Сентябрь, 8. Москва», где речь идет о разговоре Николая I с Пушкиным, привезенным из Михайловского («Хроника». Т. 1. Кн. 1. С. 13—19). Отбор свидетельств о царской аудиенции сделан, как это и указывается в статье, на основе работ Б. Л. Модзалевского и Н. Я. Эйдельмана. Однако сами свидетельства поданы неряшливо, без фиксации не только времени, когда они были сделаны, но, порой, и имени мемуариста. Что значит «позже» по отношению к дневниковой записи А. Г. Хомутовой? Почему не названо имя того, кто утверждал, что царь на аудиенции увидел Пушкина «большого и в ранах»? Почему ссылка на Л. С. Пушкина как источник сведений Н. И. Лорера появилась лишь при повторном цитировании мемуаров декабриста? Кто такой Ю. Струтынский и почему его воспоминания столь подробно цитируются в «Хронике»? Где оценка приведенного им «художественного» диалога между поэтом и царем? Почему для цитации перевода В. Ф. Ходасевича выбрана не его статья о воспоминаниях Струтынского, а позднейшая, с пропусками, перепечатка? Где свидетельства С. А. Соболевского, который встретился с Пушкиным поздним вечером, но, что важно, в день его приезда в Москву? и т. д. Это все источниковедческие вопросы, на которых должна строиться научная биография Пушкина. Поразителен итог всей статьи о московском событии 8 сентября 1826 года в «Хронике»: приводятся выбороч-

но свидетельства об отрывке Пушкина «Восстань, восстань, пророк России!..» — три записи со слов мемуаристов, но при этом читателю не дается раскрытие аббревиатуры «к у. г.» (предположительно, с напоминанием о казни декабристов, расшифровывается как «к убийце гнусному»). Почему? Думаем, чтобы не задеть царскую особу.³

Роспись произведений Пушкина сделана в «Хронике» с некоторыми особенностями. В «Летописи», несомненно под влиянием Я. Л. Левкович, обнаруживается стремление отразить в статьях не просто время создания того или иного произведения, но и сам процесс написания, с множественными датами по обращениям Пушкина к своим рукописям. В «Хронике» эта тенденция столь явно не прослеживается, но трудно дать этой стороне издания однозначную оценку. Даты по рукописям в «Летописи» уже сейчас нуждаются в проверке по вышедшим томам нового академического издания Пушкина. Поэтому преимущественное отражение в «Хронике» так называемых «твердых» дат можно признать обоснованным. С сожалением, однако, стоит отметить скудное использование на страницах «Хроники» данных каталога портретов, выпущенного Р. Г. Жуйковой в 1996 году. И, конечно же, вряд ли можно найти какие-либо объективные оправдания отсутствию ссылок на датировки позднейших драматических отрывков в седьмом томе нового академического издания Пушкина, который по времени выхода «догнал» «Хронику» и в этой части, по-видимому, должен был отразиться в ней. Пребывание «в нетях» ссылок на комментарии нового академического издания, касавшиеся судьбы произведений Пушкина ранних лет на протяжении 1830-х годов, также не украшает «Хронику».

Тем не менее, по нашим подсчетам, количество статей в «Хронике» превышает количество статей в «Летописи». Контрольные подсчеты проводились нами по отдельно взятым временным отрезкам в разных томах, хотя можно было бы и не делать, поскольку объем «Хроники» изначально сулил неизбежное расширение захватываемых материалов. В отношении печатных источников составители «Хроники» оказались в более выигрышном положении: в ней учтен опыт многих изданий, появившихся после 1999 года, в том числе достижения и опыт «Летописи». К тому же «Хроника», за про-

³ Страницы об аудиенции 8 сентября 1826 года в «Хронике» настолько неудачны, что позволяют сопоставить их с той язвительной рецензией, которой удостоился другая книга под сходным названием, недавно появившаяся, — «Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина» (Омск, 2016) П. Заварзина. См.: Балакина А. Ю. «Винегрет» без авторских оценок // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 395—398.

текшие с начала работы над ней годы, сама видоизменилась. Особенно это стало заметно в книге, освещающей биографию Пушкина за 1835 и часть 1836 года и появившейся в 2016 году. Собственно, эти изменения и побудили нас обратиться к рецензированию издания, начинавшегося, надо признать, с менее убедительного результата. И, говоря об этой, последней, книге, мы могли бы остановиться на досадных оплошностях⁴ (только список принятых в издании условных сокращений способен перечеркнуть в восприятии специалиста многие его достижения), но предпочтем говорить о тех приобретениях, которые сделала научная биография Пушкина благодаря «Хронике». Произошло это, прежде всего, за счет обращения к архивным материалам. Несомненным плюсом книги о 1835—1836 годах в жизни Пушкина является детальная прорисовка сюжетов, связанных с прохождением через цензуру его произведений и журнала «Современник». Это сделано на основании различных ведомственных делопроизводств, существенно дополняя то, что мы знали о цензурно-бюрократическом давлении на поэта в последние годы (и даже месяцы!) его жизни. Пополнен за счет архивных материалов и арсенал цитат, касающихся Пушкина, из дневников и писем

⁴ Например, нужны ли пространные цитаты о Вандомской колонне из работы современного пушкиниста, при забвении более убедительных, на наш взгляд, наблюдений М. П. Алексеева? Ср.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 12—18; Хроника... Т. 3. Кн. 2. С. 802.

А. И. Тургенева; с другой стороны, исправлены со сверкой по оригиналу и ссылкой на архивное хранение те из них, которые нам были известны по более ранним публикациям. Интересный и ценный итог дала работа по выявлению сведений о Пушкине за 1835—1836 годы в неопубликованных письмах и дневниках его московских знакомых (М. П. Погодин, С. П. Шевырев и др.). Архивных материалов в книге достаточно много, что позволяет говорить о серьезном вкладе в научную биографию Пушкина.

Какой же вывод — пусть предварительный, поскольку речь идет о неоконченном издании, — можно сделать, говоря о новой «летописной» пушкиниане? Процесс использования «Хроники» в научной работе чрезвычайно затруднен. Для того чтобы разобраться с каким-либо сюжетом в биографии Пушкина, исследователю придется читать (или перечитывать) большие фрагменты книг. Нам могут возразить: вся «непрозрачность» издания исчезнет в последнем томе с появлением указателей. Как известно, процесс создания сих необходимейших научных продуктов подобен санации, позволяющей в корректуре отдельной книги исправить множество ошибок и лягусов. Выпустить шесть сложных, насыщенных информацией книг и лишь в последней дать к ним указатели — это большой риск, сулящий огромную работу по исправлению допущенных ошибок. Но, так или иначе, в пушкиноведении уже сейчас есть два многотомных издания о жизни и творчестве поэта — «Летопись» и «Хроника». Работать пока можно только с «Летописью», но при этом нужно читать и «Хронику» — вот вывод, к которому мы пришли, листая оба этих издания.

© А. В. Крусанов

«МУЗА» МАЯКОВСКОГО КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ*

Несмотря на подзаголовок, новая книга А. В. Валюженича «Феномен Лили Брик» вовсе не является художественным произведением. Это вполне серьезное научное издание, включающее статьи, посвященные Осипу и Лиле Брикам, а также библиографию последней.

Андрей Васильевич Крусанов — эксперт Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

* Валюженич А. В. Феномен Лили Брик. Биобиблиографический роман. М.; Екатеринбург: Издательство «Кабинетный ученый», 2016. 251 с.

Валюженич известен как автор нескольких книг об Осипе и Лиле Бриках: «Осип Максимович Брик. Материалы к биографии» (Акмола, 1993), «Лили Брик — жена командира. 1930—1937» (Астана, 2006), «Пятнадцать лет после Маяковского» (В 2 т. М.; Екатеринбург, 2015). Фактически он — основатель «бриковедения» — нового направления в российском... хотел сказать *литературоведении*, но вовремя осекся, ибо при том, что Л. Брик — мемуаристка, переводчица и автор ряда статей, а О. Брик — сценарист, либреттист и даже автор одной повести, — ограничить их деятельность только литературой,

тельную роль в жизни 1920—1930-х годов. «Бриковедение» — это, конечно, прежде всего, биографическое направление, разветвляющееся в различные области творческой и общественной деятельности. Эта особенность отразилась и в конференциях «Бриковские чтения», проходивших в Москве в 2010 и 2013 годах. Области деятельности О. Брика крайне разнообразны: он — опоязовец, комиссар Академии художеств, заведующий московским отделом ИЗО Наркомпроса, председатель ИНХУКа, теоретик производственного искусства, редактор «ЛЕФа», сотрудник ЧК, он занимается культурным строительством, создает условия для развития художественной культуры. Роль Л. Брик гораздо скромнее: она муза Маяковского, домохозяйка и тоже сотрудница ЧК. И тем не менее ей уделяется гораздо больше внимания, нежели О. Брику. Ей посвящено несколько биографических книг, романов и публикаций ее переписки, а общая библиография работ о ней превышает 600 записей. Учитывая то обстоятельство, что она не литератор, не общественный и не государственный деятель, не актриса (хотя и снималась в кино) и вообще человек почти ничего своими руками и талантом не сделавший ни в искусстве, ни в другой общественно-значимой сфере, — 600 библиографических записей — очень много. Это означает, что она стала легендарной личностью. Вернее, в легендарную личность ее превратил Маяковский, сделав неотъемлемой частью своей собственной биографии.

Ее любили многие: знаменитые и безвестные. И она любила многих. Одна из книг о ней так и называется «Лили Брик: Жизнеописание великой любовницы». Она делала это не тайно, как было принято, а открыто. Эти отношения не укладывались в рамки господствующих в обществе представлений о семье и браке. В этом был вызов, но не было обмана и лицемерия. Мужчины ее ревновали, но ревность в те годы считалась буржуазным предрассудком, пережитком частнособственнической психологии. А. М. Коллонтай специально разъясняла женщинам: «Первые ласкательные слова, какими обмениваются влюбленные, — это „я твой, ты мой“. Пора этой вредной привычке исчезнуть, это остаток буржуазного представления, что „собственность“ — это высшая ценность. Хорошему товарищу, созвучной подруге не скажешь же „мой“ или „моя“. Без этих ложных представлений исчезнут и муки ревности. Надо уметь любить тепло и не ради себя, а ты „ничья“ кроме своего дела. Тогда другой, любимый человек, не сможет ранить тебя». Л. Брик умела любить тепло и быть ничьей. А Маяковский, например, не умел. Он любил обжигающе горячо и всепоглощающе.

Книга Валюженича называется «Феномен Лили Брик», однако в чем именно заключается ее «феномен», после знакомства с книгой остается неясным: то ли в ее «женском магнетизме», то ли в чем-то другом.

Лично мне кажется, что таких женщин, сопоставимых с Л. Брик, умевших и влюблять в себя, и «любить тепло», и «быть ничьей», было достаточно много, но они канули в безвестности. Их судьбу вполне могла разделить и Л. Брик. Достоинством же истории и легендой она стала отнюдь не из-за любовных отношений с О. Бриком, А. Краснощековым, Н. Пуниным, Л. Кулешовым, В. Примаковым, В. Катаняном и др. Ее «феномен» состоит в том, что ее любил Маяковский, и своей огромной любовью и талантом только он обеспечил ей бессмертие. Не будь в ее жизни Маяковского, не было бы и «феномена» Лили Брик.

Книга включает «хронику жизни и деятельности Л. Ю. Брик и ее близких», биографические статьи и заметки о ней. Статьи наполнены полемикой и далеки от академического спокойствия и сухости библиографических списков. Это придает книге остроту и оправдывает ее подзаголовок: биобиблиографический роман. Все атрибуты романа налицо: герои, злодеи, интриги, нераскрытые тайны. Но основное достоинство книги — это, конечно, обширный список публикаций, так или иначе связанных с Л. Брик. В эту библиографию вошли ее собственные литературные работы (воспоминания, статьи, переводы, редакторские работы, самиздатные книги, переписка), работы о ней (книги, журнальные и газетные публикации), архивные материалы, электронные ресурсы. Кроме того, приведена фильмография, сценография, фонография и изография материалов, связанных с Л. Брик, указаны выставки и стихи, посвященные ей. Намечены также разделы «скульптура», где перечислены ее многочисленные скульптурные работы, и заявлен раздел «фотография», где следовало бы описать все известные фотоизображения Л. Брик. К сожалению, Валюженич ограничился лишь перечислением имен наиболее известных фотографов, снимавших Л. Брик.

Книга производит впечатление серьезной и добросовестной работы. Для Валюженича все авторы публикаций делятся на тех, кто стоит на стороне Л. Брик, и тех, кто против нее. Позиция самого автора книги отнюдь не над схваткой, он вполне сознательно и последовательно стоит на бриковской стороне. Как человек, вовлеченный в изучаемые им исторические события, имеющий принципиальную позицию и творя «суд истории», он порой не отказывает себе в удовольствии свести счеты с теми, кто находится (или находился) по другую сторону баррикад. Как ни странно, но подобная субъективность серьезно не отразилась на качестве проделанной им библиографической работы, поскольку в ней отражены публикации всех противоборствующих сторон. Свою же позицию Валюженич выказывает только в эмоциональных аннотациях, что придает яркую авторскую окраску бесцветным библиографическим записям.

Автор рецензируемой книги скромно признается, что, возможно, составленная им библиография не вполне полная. Скорее всего, так оно и есть, и прежде всего это может относиться к списку зарубежных публикаций. Однако можно быть уверенным в том, что все основные публикации здесь все-таки

учтены. Повторюсь, перед нами серьезная и добросовестная книга и, кроме того, это первая и пока единственная на сегодняшний день библиография Л. Брик. Книга нужная и полезная специалистам и всем тем, кто захочет подробнее узнать историю этой неординарной женщины.

© О. Е. Осовский

**«У МЕНЯ ЕЩЕ ОСТАЛИСЬ РОДСТВЕННИКИ
И ОДНОФАМИЛЬЦЫ В РОССИИ,
ПОТОМУ Я НАСТАИВАЮ НА ПСЕВДОНИМЕ»:
ВЫМЫШЛЕННЫЕ ИМЕНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
«ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»***

Работа с псевдонимами — процесс чрезвычайно интересный (для кого не превращалось в увлекательное чтение знакомство со знаменитым словарем И. Ф. Масанова!). Нет сомнений, что уже название рецензируемой книги — залог повышенного внимания к ней. Подготовленная в ходе работы над проектом «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917—1945)» по материалам конференции «Псевдонимы в русской эмиграции в Европе (1917—1945)» (Бохум, 2014), она объединила исследователей из России, Германии, Италии, Израиля и др. У ее редакторов О. Коростелева и М. Шрубы уже был опыт реализации масштабного международного проекта — издание многолетнего архива редакции «Современных записок».¹

Перед авторами стояла непростая задача. Незаработанность псевдонимистики как специальной отрасли науки заставила их рассматривать не только псевдонимы и их реальных носителей, но и пограничные проблемы — от политических, идеологических, редакционно-издательских, социально-бытовых и даже психологических причин появления вымышленного имени до конкретной технологии «открытия» псевдонима.

Олег Ефимович Осовский — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

* Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.

¹ Подробнее об этом см.: Осовский О. Е. Сохраняя «духовное лицо» русской литературы: подлинная история «Современных записок» в архивных материалах и примечаниях к ним // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 353—371.

«Исследование эмигрантской псевдонимистики (sic!) за последнее тридцатилетие прошло от первых робких (порой и неверных) догадок до создания ожидающего своей скорой презентации вполне солидного свода» (с. 9), — пишет Р. Тименчик, раскрывающий механизмы создания псевдонимов русским зарубежьем, причин сохранения этой традиции отечественной словесности в новых условиях, появления, наряду с прежними «ложноименами», неизбежных криптонимов и даже нейтримов. Примечательно, что автор ссылается на свой опыт не только раскрытия псевдонимов в беседах с эмигрантами первой волны, но и создания псевдонима и связанных с ним координат. Богатство примеров, аргументированность выводов заметно дополняют наши представления о литературной жизни зарубежной России, а характерные для автора ирония и свежесть языка превращают историко-литературное исследование в занимательный рассказ о «приключениях в мире эмигрантских псевдонимов» (с. 19).

Не меньшая исследовательская скрупулезность и знание материала отличают статьи О. Коростелева, М. Шрубы и В. Хазана. Так, в работе Коростелева литературная жизнь русской Европы представлена сквозь призму литературных масок, возникающих в рубриках эмигрантской периодики. Теоретический разворот проблемы и ее историко-литературное наполнение оказываются значительно шире заявленного в заголовке. Автору важно подчеркнуть сопряженность псевдонима и литературной маски как двух сторон одного явления — стремления скрыть собственное лицо за другим именем, преемственность этого опыта эмиграции предшествующей русской и европейской литературной традиции и его эмигрантскую специфику. Особенно наглядно, по мнению Коростелева, это проявляется в литературно-критических рубриках

парижских газет и журналов, в которых вместе с хорошо знакомым еще по дореволюционным публикациям Антоном Крайним З. Гиппиус появляются Старый Буквоед М. Осоргина, Гулливер В. Ходасевича и Н. Берберовой и др. Симптомы подобной масочности обнаруживают себя, как указывает автор, уже совсем в другой эпохе — свободной России 1990-х и даже на просторах сегодняшнего интернета.

Противоречивость отношения к псевдониму детально проанализирована М. Шрубой на материале переписки авторов с редакцией «Современных записок». Неприятие вымышленного имени у И. Бунина и Д. Мережковского резко контрастирует с практикой З. Гиппиус, М. Алданова, В. Набокова и др. Причины обращения к псевдонимам и их функции крайне многообразны — от реальной необходимости скрыться от «всевидящего ока» до желания «поиграть» с читателем. Один из наиболее показательных примеров — случай А. Арсеньевой, строка из письма которой В. Рудневу процитирована в заголовке нашей рецензии. В этом же ряду — исчезновение имени Ф. Степуна под публикациями в эмигрантской периодике после ареста брата чекистами. Другое дело, когда вымышленное имя является «средством для розыгрыша, литературной игры, мистификации». Такую игру затеял, например, В. В. Набоков с недолголюбившим его творчество критиком Г. В. Адамовичем» (с. 50).

Единство научных позиций приводит к тому, что выводы одной статьи подтверждаются примерами и наблюдениями другой. Так, мысль Р. Тименчика и М. Шрубы о введении псевдонима для того, чтобы создать впечатление большего состава корреспондентов, развивается в статьях В. Хазана о псевдонимах в русско-еврейской печати Парижа начала 1920-х годов, П. Лавренца о гипотетических псевдонимах А. С. Бухова, Г. Кратца о русских псевдонимах Артура Лютера.

Особый интерес представляют «поиски автора»: М. Бирман детально исследует псевдоним и криптонимы П. Бицилли, А. Меймре — псевдонимы П. Пильского, Э. Димитров описывает долгий научный диалог под псевдонимами М. Попруженко и М. Арнаутова, М. Хагемейстер убедительно опровергает миф о псевдонимности автора трехтомника «Ритуальное убийство у евреев» (Белград, 1926—1929), Л. Спроге раскрывает криптоним ЛК в рижском «Слове», П. Равдин выясняет, кто скрывался за псевдонимом И. Горский на страницах русской коллаборационистской прессы.

Вполне органично в книгу входят обзор исследований по поэтике псевдонима (Ш. Шмидт), статьи о русской церковной периодике в Чехословакии (Т. Подгаецка), русскоязычных газетах и журналах в независимой Грузии 1918—1921 годов (Т. Мегрелишвили), творческом диалоге М. Булгакова и А. Ветлугина в ходе работы автора «Бега» над образом генерала Хлудова (И. Белобровцева), опубликованных под псевдонимом в пражской «Воле России» комедиях Б. Ярхо (М. Вендетти), биографический очерк о Сергее Соколове / Сергее Кречетове (Н. Богомолов) и даже несколько выпадающий из временных рамок проекта очерк И. Толстого о Н. Горчакове.

Значительную ценность книге придают публикации текстов литераторов-эмигрантов о псевдонимах (Д. Философова, Тэффи, В. Ходасевича и др.), позволяющие представить неоднозначное отношение к псевдонимам в эмигрантской среде, материалы к библиографии по проблемам псевдонимистики, роспись содержания журналов «Русская книга», «Своими путями» и «Новоселье», а также указатель доступных в интернете периодических изданий эмиграции.

Нет сомнений, что рецензируемая книга будет востребована при изучении литературы и культуры российского зарубежья, а предложенные в ней подходы найдут продолжение в новых исследованиях.

ХРОНИКА

ПЯТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Международная научная конференция памяти академика Д. С. Лихачева проходила в музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» в мемориальные осенние дни, окружающие день ухода Дмитрия Сергеевича (30 сентября). Пятое Лихачевское чтение, посвященное проблеме «Русская культура: история и экология», стали встречей специалистов различных направлений: филологов-медиевистов, лингвистов, искусствоведов, музыковедов, культурологов, литературоведов. Разнообразие поднятых докладчиками вопросов было призвано отразить широту научных интересов Д. С. Лихачева.

Первый день конференции, 28 сентября 2016 года, открылся вступительным словом заведующей Отделом древнерусской литературы Н. В. Поньрко. Наталья Владимировна отметила, что всех участников конференции объединяет глубокое внимание к созданному Лихачевым понятию «экология культуры». Дар создавать понятия и термины, свойственный Дмитрию Сергеевичу, сделал это словосочетание, когда-то казавшееся новацией, привычным и необходимым. В сферу культурной среды, нуждающейся в защите, Лихачев включал множество явлений: от архитектуры и городских ландшафтов до колокольных звонов, русской орфографии, церковно-славянского языка православного богослужения.

Начало чтением положил доклад О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Соловки в судьбе Д. С. Лихачева (сквозь призму текстологии)», в котором восстанавливалось значение духовного опыта, приобретенного Лихачевым в Соловецком лагере. Прежде всего докладчик назвал экзистенциальную роль лагерных испытаний. Оставшись живым в «ночь расстрелов», Лихачев осознал в человеческой судьбе взаимное действие («синергию») двух начал: собственного выбора человека и Промысла Божия. Велико значение Соловков и для духовного становления Лихачева. В кругу лагерной интеллигенции, средством сопротивления которой было стремление сохранить независимость мысли, сформировались стойкость и духовная независимость ученого. Примерами нравственного достоинства служили И. Е. Аничков, Г. М. Осоргин и др. Принадлежность Лихачева к сословию «людей мысли», которую ученый высоко ценил, продемонстрировалась в лагере с помощью студенческой фуражки — знака интеллектуальной независимо-

сти, притязаний на «права духа». Лихачев вспоминал о необычайном разнообразии форм духовной жизни, процветавших на Соловках. Докладчик отметил большую роль бесед Лихачева с А. А. Мейером, воспринятая от которого идея «мира как целого», «мира как Слова» легла в основу учения Лихачева об экологии. Наконец, в лагере был приобретен и опыт сострадания, послуживший основой духовного развития ученого в зрелые годы. Лихачеву было свойственно метафизическое восприятие Соловков как места святости тысяч страдальцев. Приложением к докладу стал подготовленный Панченко хронологический обзор основных этапов работы Лихачева над воспоминаниями о Соловецком лагере, — работы, продолжавшейся с 1959 по 1995 год.

В докладе И. В. Федоровой (Санкт-Петербург) «Тема „экология культуры“ в документах архива Д. С. Лихачева» были рассмотрены материалы, связанные с общественной деятельностью ученого в области охраны памятников культуры (архив Д. С. Лихачева — ИРЛИ. Ф. 769). Публицистические работы (подготовительные материалы к которым сохранились в архиве) и разработанная им «Декларация прав культуры» позволяют проанализировать процесс формирования понятия «экологии культуры» и примеры его реализации. Документы архива свидетельствуют об участии Д. С. Лихачева во многих проблемных проектах разных лет. Среди них — борьба против идеи поворота северных рек и борьба за сохранение архитектурного облика городов — Ленинграда, Великого Новгорода и других; помощь музеям и библиотекам. Докладчица обратила внимание на документы архива, связанные с организацией и изданием ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия» и серии «Литературные памятники». Большой интерес представляет также комплекс документов, отражающий деятельность Советского фонда культуры, в особенности связанную с возвращением в Россию культурных ценностей, вывезенных во время разных волн эмиграции.

Доклад Б. Ф. Егорова (Санкт-Петербург) «Добавления к раздумьям Д. С. Лихачева о России и науке (по переписке с Д. С. Лихачевым и заметкам 1988—1993 годов)» стал продолжением диалога ученых, начатого во времена перестройки. Докладчик познакомил слушателей со своими размышлениями, вызванными

статьями Лихачева, которые были посвящены двум важнейшим темам — о русском народе и о соотношении науки и искусства.

В. Е. Багно (Санкт-Петербург) в докладе «От экологии культуры до декларации ее прав» рассказал о трех редакциях «Декларации прав культуры» и движении ее текста от утопического замысла к юридическому документу. Первая редакция, наиболее интересная, была представлена во время выступления Лихачева на международном форуме «Сотворение мира и призвание человека» (1995 год); вторая — проект, изданный для распространения среди участников этого форума; наконец, третья редакция — проект документа, разработанный комиссией при Правительстве Санкт-Петербурга, возглавляемой А. А. Собчаком. Если различия между первой и второй редакцией незначительны, то третья версия, носящая подзаголовок «Петербургская хартия культуры», по-своему интересна. В ней сохранены все идеи Лихачева, но его авторский пафос и акценты растворились в юридическом понимании культуры. По мнению Багно, основные положения «Декларации» были сформулированы Лихачевым уже среди первых идей об экологии культуры: нравственные права человека, как и биологические, нуждались в провозглашении.

Истории одного из крупнейших старообрядческих центров был посвящен доклад Е. М. Юхименко (Москва) «История московской филипповской общины и ее книжное наследие». Работа исследовательницы, основанная на материалах, введенных в научный оборот в последнее время, позволила достаточно полно восстановить историю Братского двора в Москве, организованного филипповцами около 1790 года и закрытого властями в 1933 году. Наследницей этого центра стала московская филипповская община, получившая помещение на Преображенском кладбище (просуществовала до 1990 года). Впервые ставшее предметом изучения книжное собрание Братского двора — М. Ю. Орловского, как было показано в докладе, является ценным источником по истории внутренней жизни филипповского центра и его духовных связей; оно включает редкие памятники старой печати и уникальные рукописи XVI — начала XX века.

Г. М. Прохоров (Санкт-Петербург) в докладе «Духовные повороты в истории России» представил ход русской истории как последовательную смену духовных ориентаций: от почитания Прошлого в эпоху родовых ценностей через служение Вечности к культуре Будущего. Период Вечности, «Святой Руси», исследователь связывает с концом XIV — XV веком — временем Нила Сорского, Андрея Рублева и других подвижников. Тем не менее, поворот общественного сознания к Будущему заметен уже в деятельности Иосифа Волоцкого и достигает большой силы ко времени церковной реформы XVII века. По наблюдениям Прохорова, время от крещения

страны до духовной вершины в ее истории, как и время от первого поворота к Будущему до его культа в XX веке, составляет полтысячелетия. Современная Россия обращена к Моменту, хотя есть признаки и начала поворота к Прошлomu, и начала поворота к Вечности. Докладчик в заключение поставил вопрос о том, как эти изменения могут сказаться на современном русском искусстве.

К феномену жанра загадки, обретшему новые очертания в иллюстрациях Михаила Шемякина, обратился Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург) в докладе «Загадка между бытом и бытием». Исследователь указал на способность загадки закрывать собою пропасть между бытом и бытием, между повседневной утварью и мирозданием, с легкостью объединяя в вопросно-ответной паре то и другое. Предметы в такой паре наделяются зеркальными свойствами, становятся отражениями друг друга. Сопоставление, остраивающее привычные вещи, оказывается главным механизмом загадок, которые могут обладать не только вопросительной, но и повествовательной структурой. Существование загадок, разгадать которые почти невозможно, смысл которых кроется в их ответе, указывает на то, что любой фрагмент бытия может быть зашифрован. В неожиданном и абсурдном сопоставлении явлений в загадках рисунки Шемякина выбирают абсурд как основное значение сопоставляемой пары. Шемякин, по наблюдению Водолазкина, закрепляет инобытие в рисунке, как бы уравнивая его с бытием, отдавая предпочтение вопросу.

Тема загадок была продолжена М. В. Рождественской (Санкт-Петербург), которая в докладе «„Куда идут два брата?“: (Об одной древнерусской загадке)» обратилась к загадке о двух братьях, содержащейся в рукописном сборнике второй половины XVI века из собрания Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797). Долгое время в славяно-русской рукописной традиции не находилось ответа на нее. Однако недавно Рождественской удалось обнаружить не только подобную загадку о двух братьях, но и ее ответ-разгадку в другом сборнике начала XVIII века, хранящемся в БАН (Собр. Семеновского отдела НКВД, № 15). Комментированию этой разгадки и был посвящен доклад исследовательницы.

Наблюдения над чертами современного русского языка, появившимися после культурного перелома 1990-х годов, представил М. А. Кронгауз (Москва) в докладе «Мудрость языка, или Битва культур», продолжая размышления А. М. Селищева (1928) и В. М. Живого (2005) над языком революционной эпохи. Существовал ли с лингвистической точки зрения «неоправданные» заимствования в современном языке? Требование об их ограничении время от времени выдвигается политическими партиями и встречает общественную поддержку. В постперестроечную эпоху количество синонимических цепочек

чек в языке значительно увеличилось, и в каждом случае конкуренция между словами и победа заимствования может быть вызвана различными причинами. Кулинарная сфера языка, как некогда сфера информатики, легко позволяет заполнить себя заимствованиями. На примере слова «митбол», появившегося в лексиконе молодежной культуры хипстеров, исследователь показал символическую роль «избыточного» заимствования. Хотя современные изменения в языке локализируются в большей степени в его «потребительской» части, можно услышать неожиданные заимствования и в речи политиков. За изменениями в языке стоят культурные перемены, и влиять на язык при этом могут даже небольшие культуры. Но эти выводы, по замечанию Кронгауза, не должны побуждать к борьбе с языком или к попытке его защитить. Локальная победа той или иной культуры при временности ее успехов может смениться забвением и самой культуры, и ее словаря. Если же слово сможет закрепиться в языке, то спустя десятилетия оно утратит ореол «победителя», следы сражения перестанут ощущаться.

А. Майнарди (Италия) в докладе «Природа как откровение Божье. Богословские источники одного литературного приема у Достоевского и Толстого» предложил размышления о том, как изображение природы отражает мировоззрение писателей. Такой ракурс становится возможным в свете положений Лихачева об экологии культуры, и в целом — в свете идеи целостности феномена жизни, единства природного и духовного миров, являющейся константой русской мысли. Если в «Шестодневе» Иоанна, экзарха Болгарского, величие творения является знаком присутствия Творца, то для Достоевского и Толстого природа, как и история, уже оказываются тайной. Чистое созерцание природы в творчестве этих писателей невозможно: она доступна только как явление интерпретированное, человеческое. Писатели видят природу сквозь призму культуры, однако ключом к ее пониманию остается библейский текст. Докладчик закончил выступление сохраненным у Климента Александрийского изречением Иисуса, которое отражает суть религиозных поисков русских писателей, приведших их к противоположным выводам: «Ты видел своего брата — Ты видел Бога».

Е. Д. Конусова (Санкт-Петербург) в докладе «„Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций...“: домашний альбом Павла Константиновича Симоны» привлекла внимание слушателей к небольшой коллекции, хранящейся в Отделе рукописей РНБ (Ф. 696. № 148). Она представлена четырнадцатью автобиографиями, написанными в 1928—1929 годах коллегами и учениками Симоны, а также их поздравительными записями 1934 года, связанными с домашним празднованием семидесятипятилетнего юбилея ученого. Далекий отголосок традиции домашних альбомов пушкинской поры, аль-

бом Симоны сохранил их камерно-интимную задумчивость, а подчас и беспечную веселость. Трагический ракурс современного восприятия этих качеств обусловлен осознанием драматизма отечественной истории 1920—1930-х годов, на десятилетия определившей судьбы русской интеллигенции. Во времена, когда особенно остро ощущалась зыбкость, незащищенность человеческого существования, альбом Симоны выглядит как попытка письменной консервации памяти о тех, кто был близок и дорог ученому.

Доклад Д. О. Цыпкина (Санкт-Петербург) «Наука наблюдения: экспертный подход к изучению древнерусской рукописной книги» был посвящен двадцатилетию с момента официальной организации Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, на начальном этапе формирования которой большую роль сыграла поддержка Лихачева. Внимание в исследованиях Лаборатории сосредоточено на изучении нетекстовой информации рукописи: на анализе ее технологических элементов (письмо, материальный носитель текста, тиснение переплета и т. д.), а также следов бытования документа. Значительно важнее технической составляющей в работе Лаборатории оказалась методология, в результате развития которой возник самостоятельный экспертный подход к документу. Докладчик описал суть этого подхода, назвав его следоведческим, и в качестве примера указал на информацию, которую может дать анализ следов воска на листах рукописи, анализ переплетного тиснения, анализ письма как следа. Следоведческий подход в изучении рукописных документов, как отметил докладчик, превращается в своеобразную феноменологию рукописи: в осознание самоценности каждой рукописи как материального объекта, как уникальной вещи.

Конференция продолжилась 30 сентября. В этот день чтения открылись докладом М. Б. Плюхановой (Италия) «Покров и Знамение в Новгороде и Пскове XIV века», в котором было выдвинуто предположение, что культ новгородского Знамения, весьма значимый в Новгороде на протяжении многих столетий, в разные периоды имел различное содержание. Представление о том, что 27 ноября чувствуется память победы новгородцев над сзудальцами в 1170 году, осуществленной с помощью иконы Знамение, укрепилось в конце XIV — начале XV века, когда возникло проложное сказание об этом чуде. Некоторые данные богослужебных рукописей и летописей позволяют думать, что несколько раньше в том же XIV веке почитание Знамения близко примыкало к чествованию Покрова — поначалу в основном в связи с церковью Иакова в Неревском конце. Значение Покрова для Новгорода росло в течение XIV века, достигая особой силы в периоды эпидемий чумы: в Пскове и потом Новгороде в начале

1350-х годов и в 1389—1390 годы. С Покровом сопрягалось почитание Знамения преимущественно как истечения слез от иконы Богоматери. Церковь Знамения возводилась через год после прихода в Новгород мора — «черной смерти». Такие же обстоятельства определяли впоследствии подъем чествования знамений от псковских икон — Чирской и Мирожской. Несмотря на формулирование и укрепление другого, церковно-исторического, предания, богослужение псковско-новгородским знаменским иконам и в дальнейшем сохраняло связь со службой на Покров. Исследовательница указала на параллель к псковско-новгородскому почитанию Богородицы — Покрова-Знамения: в тот же период и в сходных обстоятельствах особенное развитие получают католические культы милостивой Богоматери — Покрова.

Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в докладе «„Пасхальный смех” на Руси в контексте поэтики литургической гимнографии» продолжила исследование, начатое в книге «Смех в Древней Руси», распространив его на материал древнерусской гимнографии. Внимание докладчицы было сосредоточено на амбивалентной идее в церковном празднестве. Наиболее очевидной эта парадоксальность становилась в Рождественские дни, когда «халдеи», участники храмового Пещного действа, одновременно являлись героями уличного празднества, проказничая в том же «халдейском» наряде, с потешным огнем в руках. Основным элементом пасхальных игр на Руси было обливание водой. Пасхальная вода напоминает о воде иорданской проруби; как и на Богоявление, игре с водой на Пасху предшествовала игра с огнем (масленичные огни). Исследовательница показала движение образов воды и огня в песнопениях и обрядах Великого поста и приурочительных недель к нему. Шутливое обливание водой на Пасху, по заключению исследовательницы, — жест народной культуры, переводящей основную мысль христианства на язык простонародного игрища.

Доклад С. М. Шумило (Украина) «Заимствования из богослужебных текстов в пасхальном цикле проповедей Кирилла Туровского» выявил значение богослужебных заимствований в свете текстуального родства проповеди и гимнографии. В словах Кирилла Туровского заимствования становятся своего рода писательским приемом. При этом их источником является конкретный богослужебный памятник — Троишь. На примере нескольких слов Кирилла Туровского исследовательница рассмотрела, как происходит работа с троишным текстом. Заимствования из богослужебных текстов стали заметной чертой стиля «плетение словес». Литературный источник этой манеры письма, актуализирующей ассоциативную память слушателя, Шумило находит в самой природе богослужебных текстов, генетически связанных с проповедью с древнейших времен.

Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «„Мудрое” пение в Древней Руси» поставила вопрос об осмыслении понятия «мудрости» в древнерусских памятниках церковно-певческого искусства. Церковное пение в системе литургической жизни приравнивалось к молитве и было способом постижения Премудрости Божией. С начала XVI века в корпус певческих книг начинает включаться теоретическое руководство — азбука символического толкования знамен, где «мудростью» были наделены только два знака: стопа и фита. Азбука символического толкования знамен стала первым русским музыкально-теоретическим сочинением, в котором была осмыслена идея «софийности» религиозного искусства, а как отвлеченная философская категория, а как наделенная в определенной степени практической ценностью. В новых музыкально-теоретических руководствах XVII века идея мудрости церковного пения находит продолжение. Некоторые понятия с определением «мудрый» воспринимались русскими мастерами как музыкальные термины («знамя мудрое», «строки мудрые», «стихи мудрые»). По замечанию Панченко, теоретически осмысленные и системно оформленные подборки трудных песнопений были сходны по форме и назначению со сборниками мудрых изречений, широко распространенными на Руси.

Доклад В. В. Калугина (Москва) «Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502—1507 годов» был посвящен одному из интереснейших сводов в восточнославянской истории Священного Писания, сохранившему индивидуальные черты работы его составителя. Данные текстологии и языка со всей определенностью указывают на русский оригинал Толковых пророчеств в Библии Матфея Десятого, опровергая предположение о сербском источнике этой части текста. Рукопись имела общий протограф с другими русскими списками Толковых пророчеств, сохранившимися с конца XV века, и через него восходила к восточнославянскому кодексу 1047 года попа Упыря Лихого. Возможно, в качестве дополнительных источников привлекались другие русские списки текста. Исследователю удалось установить, что источниками Матфею Десятому служили мефодиевский перевод Книги пророка Даниила, компиляция по всемирной истории, имевшая общий протограф с Архивским и Виленским хронографами, а также «Еллинский летописец» Второй редакции. Созданная Матфеем Десятым редакция Книги пророка Даниила может быть названа Контаминированной.

В докладе С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «Предисловия к библейским песням как историко-литературный феномен» была представлена история возникновения и развития группы текстов, охарактеризованной исследовательницей как предисловия к библейским песням. Эти тексты были выявлены ею в 23 рукописях (в основном в Следован-

ных псалтирях) начала XV—XVII века. Показав, что ранняя история предисловий к библейским песням в наибольшей степени связана с Кирилло-Белозерским монастырем, Семячко предложила свои объяснения причин их создания и редактирования. По ее мнению, возникшие из сугубо практических соображений как произведения комментаторско-эзегетического плана, эти предисловия прошли большой путь, в процессе которого (по крайней мере, в одном из вариантов) произошла десакрализация и своего рода «олитературивание» библейского текста.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург) в докладе «Евхологий как памятник древнеславянской литературы» назвала ряд историко-культурных фактов, выявленных при изучении истории этой богослужебной книги. Текстологическое изучение Евхология дает новые данные по литургической реформе периода Владимирской митрополии (1299 — середина XIV века). Перемещение митрополичьей кафедры во Владимир потребовало пересмотра литургической практики и изменения некоторых киевских традиций. Отдельные службы Евхология подверглись исправлению в соответствии с правилами в Кормчей книге, которая была привезена во второй половине XIII века из Болгарии. Дополненные новыми правилами последования литургий сохранили при этом древний, старославянский перевод, тогда как тексты треб, напротив, были полностью переведены заново. По мысли Афанасьевой, это могло быть одной из причин, по которой в славянской традиции греческий Евхологий стал разделяться на две богослужебные книги: служебник и требник. Изучение славянского Евхология позволило также выявить корпус русских литургических переводов, сделанных при митрополите Киприане. Киприан начал вводить на Руси константинопольские кафедральные традиции — богослужение храма св. Софии. Об этом свидетельствует выполненный русскими книжниками из окружения митрополита перевод патриаршего требника — Евхология Великой церкви. Киприан составил также новую редакцию служебника. Редакция требника, сделанная митрополитом Киприаном и русскими переводчиками, оказывается первым русским литургическим переводом и открывает историю литургических переводов и споров об их правильности на Руси за столетие до школы новгородского архиепископа Геннадия.

Доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «Епифаний Премудрый и Пахомий Серб в работе над Житием Сергия Радонежского» был посвящен сопоставлению двух Житий преподобного Сергия, созданных в первой половине XV века. Анализ с точки зрения формальных признаков — языка, композиции, поэтики — показывает, что Жития представляют собой скорее два разных произведения, чем две редакции одного текста. Об этом говорят и содержательные

отличия между текстами. Пахомиево Житие предназначалось для литургического использования, тогда как Епифаний Житие — для келейного чтения. Пахомий последовательно снимает или заменяет систему уподоблений Епифания, стремящегося увидеть биографию Сергия в библейском контексте; исчезает значимая для Епифания идея избранности святого; уходит свойственное Епифанию внимательное отношение к таинствам, чинопоследованиям и обрядам. Пахомий, в свою очередь, дополняет Житие прижизненными чудесами Сергия, образующими три группы: видения, исцеления и рассказы о создании обителей учениками преподобного Сергия.

А. Г. Мельник (Ростов) в докладе «История распространения культа св. Кирилла Белозерского на Руси в XV—XVI веках» поставил вопрос о почитании подвижника за пределами посвященного ему монастыря. Хотя уже спустя двадцать лет по преставлении преподобного, к началу 1448 года, культ св. Кирилла был признан при великокняжеском дворе в Москве, надежные свидетельства об укреплении почитания св. Кирилла за пределами Кирилло-Белозерского монастыря относятся только к XVI веку. Почитание св. Кирилла было укоренено в различных социальных слоях. Основными проводниками культа, по заключению исследователя, были насельники Кирилло-Белозерского монастыря, московские государи, представители знати, монашества и горожан, однако среди вкладчиков монастыря были и служилые люди, архиереи, священники.

Т. Р. Руди (Санкт-Петербург) в докладе «Книжник XVI века Ермолай-Еразм как богослов» обратилась к богословскому наследию автора «Повести от жития Петра и Февронии Муромских». Центральной темой богословских трактатов Ермолая-Еразма является тема христианского догмата о Пресвятой Троице — ей посвящена так называемая «Большая трилогия» писателя. В единственном, авторском, списке сохранилось другое сочинение Ермолая-Еразма — «Похвала митрополиту Алексею», лейтмотивом которого стала богословская концепция «вышесвзанности», идея об особом даре Божиим, которого удостоиваются лишь избранные подвижники. Еще одним важным богословским сочинением Ермолая-Еразма является «Малая трилогия», написанная в монашеский период творчества. В «Слове на еретики» рассматривается понятие «четверичности»: столь же значительна для христиан, как и троическая, «четвероколенная сила», прообразующая будущее появление четвертого в отношении безначальной Троицы начала, которым, по Еразму, является Пресвятая Богородица. Во втором Слове «Малой трилогии» Ермолай-Еразм выступает со смелым богословским начинанием, касающимся наименования двух двенадесятих праздников — Благовещения и Сретения,

предлагая для них новые названия — Боговоплощение и Богопринесение.

Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург) в докладе «Три брата угрина: устная легенда и письменный текст» поставила вопрос об источниках сюжета, возникающего в Житии Ефрема Новоторжского. Согласно Житию, угрин Ефрем пришел на Русь в XI веке и был братом Георгия Угрина и Моисея Угрина. Однако, в отличие от братьев, Ефрем не упоминается в древних письменных источниках, что ставит под сомнение историчность Жития. Сравнение сведений о братьях Ефрема, сообщаемых в различных редакциях Жития, с текстами Борисоглебского цикла (Георгий Угрин) и с Киево-Печерским патериком (Моисей Угрин) показывает, что в основании легенды лежали устные предания. Не связанные напрямую с письменными источниками, редакции Жития отражали разные степени осмысления их авторами истории братьев. Сюжет о трех братьях-чужеземцах, пришедших на Русь и послуживших ей, был характерен для раннего периода русской литературы и продолжил ряд «династических легенд» о начале «порядка» на Руси, утверждая Торжок среди древнейших русских городов. Исследовательница рассмотрела ряд западных параллелей к сюжету и заключила, что легенда о трех братьях в Житии Ефрема Новоторжского близка к устным по происхождению текстам, — однако остается неясным, насколько древним было ее бытование.

Доклад А. В. Пигина (Санкт-Петербург) «Мучение св. Исидора Юрьевского, пострадавшего „от безбожных немцев“, в осмыслении русских старообрядцев» был посвящен проблеме читательского восприятия Жития священника Исидора, принявшего мученическую смерть в 1472 году в Юрьеве Ливонском за отказ перейти в «латинскую веру». Проповедь Исидора, обличившего перед лицом католического епископа опречные службы, филиокве и брдобритие, стала источником выписок в составе тематических компиляций и полемических сочинений старообрядцев. Наиболее часто имя св. Исидора встречается в связи с проблемой брдобрития. Мучение св. Исидора трактовалось старообрядцами и как прообраз гонений, случившихся после реформ патриарха Никона. Фрагмент Жития, в котором повествуется о младенце, который, желая вслед за св. Исидором и матерью пострадать за Христа, «ввержся в реку под лед», привлекался старообрядцами к рассуждению о проблеме допустимости добровольного самоубийства во имя веры. Мотив самоубийства не был актуален для автора Жития, однако именно он оказался востребован в старообрядческой письменности в новых исторических условиях. Как показал Пигин, «старообрядческая герменевтика», запечатленная в выписках в составе тематических подборок и полемических сочинений, отражает многогранный образ юрьевского мученика.

Заседания последнего дня конференции открыл Аццо Накадзава (Япония), в докладе «О происхождении древнерусского крестоцелования» представивший новые материалы к вопросу об истоках княжеского обряда домонгольского периода. До принятия христианства на Руси существовал клятвенный обряд, который в летописных статьях X века о заключении мирных договоров с Византией назывался «ротой» (исполнялся перед сакральным предметом, — как правило, оружием: мечом, щитом, стрелой). После принятия христианства княжеский клятвенный обряд, изменив свой вид с применением креста, стал «крестным целованием». Крестоцелование, по замечанию докладчика, не было заимствованным обрядом, поскольку в византийских источниках подобный ритуал не встречается: таким образом, оно сложилось на основе традиционной «роты», отчасти благодаря сходству двух предметов обряда — меча и креста, заметному в изобразительных источниках.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) представила доклад на тему «Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву». Разделяя сомнения некоторых историков в достоверности сведений о благословении, докладчица рассмотрела этот спорный вопрос с текстологической точки зрения. Она выделила четыре этапа формирования предания о благословении. Предание начало складываться при включении самостоятельной Повести о Куликовской битве в Новгородско-Софийский свод (Свод Фотия 1418 года), продолжило формироваться в первой и затем в третьей Пахомиевских редакциях Жития Сергия Радонежского, наконец, четвертым этапом сложения легенды о благословении стало «Сказание о Мамаевом побоище». Автор «Задонщины», созданной, по мнению Соколовой, после «Сказания», взял из него только имена «чернецов» Пересвета и Осляби. Лишь на позднем этапе формирования предания, в «Сказании» наряду с Сергием Дмитрием Донским благословляет митрополит Киприан — как высший иерарх русской православной церкви.

В докладе «„Земной рай“ Ефросина Белозерского» А. Г. Бобров (Санкт-Петербург) обратился к вопросу о телесном достижении рая в осмыслении древнерусского книжника-энциклопедиста, рассмотрев его на материале Послания архиепископа новгородского Василия Калики ко владыке тверскому Федору о рае, самый ранний список которого сохранился в сборнике Ефросина (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 22/1099). Исследователь обратил внимание на то, что Послание Василия Калики, отсутствующее в Новгородской Карамзинской и Новгородской Четвертой летописях, впервые встречается у Ефросина и в составе Софийской первой летописи, старшие списки которой также связаны с Кирилло-Белозерским монастырем. Сравнение этой версии Послания с «Архетипной»

редакцией Томского списка XVII века, исследованной Г. А. Лончаковой, выявляет состояние персонажей (аналогичные дополнения Ефросина в тексте Сказания о Ватопедском монастыре).

В докладе «Драматургия святителя Димитрия Ростовского» М. А. Федотова (Санкт-Петербург) представила, с одной стороны, обзор рукописей и изданий пьес Димитрия Ростовского, с другой — анализ научно-исследовательской литературы, посвященной его драматическим произведениям. В творчестве святителя Димитрия докладчица выделила несколько опытов, близких к драматическому искусству: отличаются театральностью его проповеди, декламации «На погребение Христова плач» и «На Воскресение Христова». Исследовательница обозначила текстологические проблемы изучения «Рождественской драмы» и «Успенской драмы», указав, что среди публикаций пьес святителя Димитрия преобладают издания отдельных списков, а существующие текстологические издания не лишены ряда недостатков. С «Успенской драмой» Димитрия Ростовского тесно связана пьеса «Кающийся грешник», существование которой долгое время ставилось исследователями под сомнение. Обнаруженный М. А. Федотовой текст «Суд кающегося грешника пред Богом» (РГБ. Собр. Хлудова. № 25) представляет собой исконную пьесу, созданную на основе 2-го действия «Успенской драмы».

С. И. Николаев (Санкт-Петербург) в докладе «„Сенека христианский“ в переводе рубежа XVII—XVIII веков» рассказал о появившемся в 1702 году переводе Сенеки на церковнославянский язык. Это был, однако, перевод не оригинального произведения Сенеки, а исключительно популярной в XVI—XVIII веках новолатинской парафразы «*Seneca christianus*», вышедшей из иезуитских кругов и воплотившей идею христианизации античности. Перевод был выполнен в Швеции Иоганном Габриэлем Спарвенфельдом. По мнению докладчика, есть все основания считать, что из-под пера Спарвенфельда вышел не труд по стоической философии, а руководство по христианской этике. При отсутствии в моралистических произведениях древних авторов противоречий с православной догматикой они вполне могли служить целям ортопраксии и для православных, т. е. следованию моральному поучению в повседневном поведении, на бытовом уровне. Их обработка сводилась к выборочному цитированию мест, не противоречивших христианской доктрине, и некоторой стилистической ретуши. Спарвенфельд, как считает Николаев, положил начало шедшей на протяжении всего XVIII века целенаправленной работе по примирению античного и христианского.

Доклад Элизы Малэк (Польша) «Неизученные редакци „Гистории о Гендрикe и Меленде“» был посвящен текстологической истории средневекового романа, переведен-

ного с польского языка на рубеже XVII и XVIII веков. На основе пяти списков произведения (все XVIII века) исследовательница выделила Первоначальную, Распространенную, Сокращенную и Промежуточную редакции текста и наглядно продемонстрировала их особенности и характер их взаимоотношений.

В докладе Н. В. Квливидзе (Москва) «Сказание Пантелеонта в составе Егоровского сборника (РГБ. Ф. 98. № 1844): к вопросу об иконографических источниках миниатюр» был рассмотрен цикл миниатюр сборника, созданного в царской книгописной мастерской в 1560—1570-е годы. Сказание Пантелеонта о чудесах Архангела Михаила, встречающееся во многих рукописях XV—XVI веков, проиллюстрировано в Егоровском сборнике 76 миниатюрами. Миниатюры Сказания близки к Лицевому своду, но наибольшее сходство, по наблюдениям докладчицы, обнаруживают с композицией «И почи Бог в день седьмый» «Четырехчастной» иконы из Благовещенского собора и росписями Успенского собора Свяязжского монастыря. Миниатюры, насыщенные архитектурными мотивами, взятыми из западноевропейских гравюр, оказали влияние на монументальную живопись XVI—XVII веков. Как показала Квливидзе, они были использованы при создании росписи кремлевского Архангельского собора, Смоленского собора Новодевичьего монастыря, собора Чудова монастыря. Особое значение Михаило-Архангельской темы в искусстве эпохи Ивана Грозного может быть связано с темами «Канона» Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого, под именем которого, как полагают исследователи, скрывался царь Иван Грозный.

Г. В. Маркелов (Санкт-Петербург) в докладе «О „Летописце небесных знамений“, литературном памятнике начала XVII века» обратился к исследованию энциклопедического сборника (БАН. 24.5.32; конец XVI — первая треть XVII века), который представляет собой своеобразный творческий архив одного книжника. Главное место в сборнике занимает Летописец («Сия книга летописецъ временем и знаменемъ, яже на небеси и на земли»), известный в единственном списке и сопровождающийся уникальными рисунками-чертежами небесных явлений. Летописец содержит статьи о землетрясениях, морях, гладах, а также о знамениях на небе и на земле: падениях метеоритов, гало, солнечных и лунных затмениях, полярных сияниях и других явлениях. Исследователь показал, как разнообразный состав сборника создает контекст, обрамляющий Летописец и в его свете обретающий новое значение, в результате чего создается сложный и многозначный образ неба.

Доклад Л. И. Сазоновой (Москва) «„Орел Российский“ Симеона Полоцкого: эмблематическая природа произведения» был посвящен анализу геральдико-эмблематической «книги»-поэмы (1667), врученной автором

царю Алексею Михайловичу по случаю официального объявления наследником престола царевича Алексея Алексеевича. Источником творческого вдохновения впервые стал государственный герб — геральдический двуглавый орел. Поэма является выразительным образцом культурных новаций, связанных с формированием литературного барокко. В «Орле Российском» эмблематика становится средством glorification царя, его семьи и страны. Эмблема предстает в книге как застывший смысл, происходит обособление смысловых элементов. Одновременно наблюдается преодоление замкнутости, прорастание одной эмблемы из другой, что предопределено единством смысла поэмы при всей мозаичности ее композиции. Сазонова также представила участником конференции подготовленное ею первое факсимильное издание произведения (М., 2015).

Завершающее заседание Пятых Лихачевских чтений, на котором вопросы изучения древнерусской литературы вновь уступили место вопросам изучения и сохранения русской культуры в целом, открыл В. И. Толстой (Ясная Поляна). Значимой чертой современной России Толстой назвал отсутствие личности масштаба Дмитрия Сергеевича, олицетворяющей нравственный авторитет. В сознании многих думающих и чувствующих людей это место по-прежнему принадлежит Лихачеву.

Слово было передано А. Н. Варламову (Москва). В докладе «Русская литература между мятежностью и государственностью» Варламов поделился размышлениями, возникшими в ходе работы над писательскими биографиями. Судьбы М. М. Пришвина, А. Н. Толстого, не принявших революции, но с течением времени увидевших в большевиках идею русской государственности; противоположный путь Бунина, так же оценивавшего события 1917 года, но так и не принявшего государственности, возникшей в России; противостояние Л. И. Бородине советской власти из убеждения, что социализм разрушает государство, — все это позволяет увидеть в отношении писателя XX века к государству своего рода дифференциальный признак. Внимание докладчика было сосредоточено на разрешении этого вопроса писателями-деревенщиками: В. М. Шукшиным, В. И. Беловым, В. Г. Распутиным.

Доклад Д. П. Бака (Москва) «Литература в государстве Российском: краткая история будущего» стал продолжением выступления А. Н. Варламова, но вместо анализа персонального выбора отдельных писателей исследователь предложил наблюдения над форматами и функциями социально-культурной жизни трех эпох: XIX века времен Николая I и Александра II, советского времени, постсоветской России, — в каждом случае рассматривая вопрос «как быть писателем».

Профессиональная писательская идентичность, журнально-издательская доминанта, литературное образование, литературоцентризм и другие составляющие «писательского бытия» в каждую эпоху создают особый контекст историко-литературного процесса.

М. Б. Пиотровский (Санкт-Петербург) в докладе «Orbi et Urbi. Проект „Большой Эрмитаж“» представил свои размышления над тем, как два важнейших для Лихачева вопроса — экология культуры и права культуры — решаются на практическом и теоретическом уровне в современной музейной сфере. Проект «Большой Эрмитаж» предполагает глобальное развитие музея: филиалы и открытые фондохранилища в Петербурге; выставки и центры-спутники в других городах страны и мира — сочетанием всемирного и национального определяется современный этап истории Эрмитажа. Среди проблем экологии культуры, т. е. условий, в которых культура живет, Пиотровский упомянул создание особой музейной среды вокруг Эрмитажа и необходимость сохранения в уникальном пространстве ансамбля Дворцовой площади своеобразной «памяти места». «Декларация прав культуры», по наблюдениям докладчика, часто встречает непонимание: трудно признать, что правами обладает не только человек, но и вещь. Насущным остается вопрос соотношения культуры и собственности, поскольку права культуры противоречат правам собственности — вновь и вновь поднимаются и требуют решения вопросы национально-территориальной, церковной, наследственной реституции. Еще один аспект проблемы прав культуры — существование диктата публики. По мнению Пиотровского, искусство может совершаться без шума: если оставить культуру наедине с собой (как случилось на биеннале современного искусства «Манифеста»), можно сделать экспозиции обо всех острейших вопросах времени и положить начало продуктивным дискуссиям.

В. И. Толстой и М. В. Рождественская подвели итоги Пятых Лихачевских чтений. По материалам конференции издан сборник.¹

¹ Пятые Лихачевские чтения. Русская культура: История и экология. Материалы Международной научной конференции (Ясная Поляна, 28 сентября — 1 октября 2016 г.) / Отв. ред. Н. В. Поньрко, Т. Р. Руди. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016.

© Т. Н. Галашева

Татьяна Николаевна Галашева — младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

**ЧЕТВЕРТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВСЕ СЕКРЕТЫ МИРА: ТАЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

24—25 апреля 2017 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная научная конференция, ставшая продолжением форумов, проходящих в рамках проекта «Неканоническая эстетика»,¹ посвященного исследованию неклассических эстетических категорий. На этот раз организаторы и участники обратились к категории «тайны» и рассмотрели ее презентации в различных видах искусства.

Организаторами конференции традиционно выступили сотрудники ИРЛИ РАН, Псковского государственного университета и Тверского государственного университета: С. В. Денисенко, А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайте и А. Ю. Сорочан. В работе приняли участие ученые из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Организаторы предложили исследовать, как меняется представление о «тайном» и «сокрытом», как таинственное определяет сюжетные схемы и идеологию отдельных явлений в искусстве. Традиционные научные подходы позволяют описать трансформации представлений о тайне в виде эволюционных схем, приближающих к решению проблемы познания тайны в литературе и искусстве. На обсуждение были предложены следующие темы: загадочное и/или таинственное в литературе и искусстве: концепции и гипотезы; тайна и познание в эстетике и художественной практике; описание познания тайны в литературе и искусстве; эволюция восприятия таинственного в древнем и новом искусстве; слобсы и приемы моделирования «таинственного» в литературе и искусстве (сюжеты, образы, мотивы); эстетические свойства таинственного; «посвященные» и «разгадчики» в текстах культуры; тайна как инструмент власти, конспирологические концепции и представление о таинственном; шифры и коды в текстах и знаковых систе-

мах; прагматика таинственного в знаковых системах.

Первое заседание было посвящено русской литературе. В докладе А. Ю. Сорочана (Тверь) рассматривалась «тайна» в истории русской литературы с точки зрения концепций «мистического» и «эзотерического» знания. Мистика и эзотерика в русской литературе не тождественны: мистика предполагает сверхчувственное единение с Божественным началом, эзотерика — особое знание, доступное лишь посвященным. Эзотерика большей частью рациональна, в то время как в мистических текстах рассматриваются иррациональные аспекты самых разных знаний. Докладчик продемонстрировал, как абсолютизировалась «тайна художества», как литература интерпретировала «тайну познания». По его мнению, лишь в середине XIX века появляются тексты, определяющие специфику русской мистической традиции, которая могла бы сложиться, если бы таинственное не было поставлено в зависимость от посвященности (в тайну масонства, творчества или науки). На рубеже XIX—XX веков философия мистики проникает в тексты самого разного уровня. Однако мистическое откровение остается откровением лишь при серьезном восприятии, к которому русская литература так и не была подготовлена; стилизация и ирония в «таинственных» текстах преобладают. И мистика как таковая в русской литературе, по мнению ученого, остается маргинальной.

В. А. Кошелев (Арзамас) в докладе «„Великая тайна“, которой не было» обратил внимание на финал речи Ф. М. Достоевского «Пушкин» (1880), где содержится указание на «некоторую великую тайну», которую унес с собой великий русский поэт. Указание это, противоречащее внутренней логике самой речи, стало, однако, своеобразным «знаменем» отношения к Пушкину в русской философии и критике XX столетия. На ряде примеров из текста самой речи и последующих высказываний исследователь доказывал, что для подобного выделения концепта «великой тайны» Пушкина не было никаких оснований ни в творчестве поэта, ни в его критических истолкованиях. Представление о «сверх-литературной» тайне облика Пушкина не содержало никакой конкретики и могло быть развернуто или как тайна «русского европейца», или как тайна «русской души», или как тайна «национальной нравственности».

С. А. Фомичев (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Парадокс таинственного в „Повестях Белкина“ А. С. Пушкина». По мнению ученого, каждая из повестей ирони-

¹ Хронику конференций см.: Русская литература. 2014. № 4. С. 268—272; Там же. 2015. № 4. С. 193—199; Там же. 2017. № 1. С. 262—267. По материалам конференций вышли в свет сборники: Все страхи мира: Ногг в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. С. В. Денисенко, И. В. Мотеюнайте. СПб.; Тверь, 2015; Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. И. В. Мотеюнайте. СПб.; Тверь, 2015; Все истины мира: Разум в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.; Тверь, 2016. Электронные версии книг опубликованы на сайте Пушкинского Дома; <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10023> (дата обращения: 31.07.2017).

чески развенчивает традиционно романтическую трактовку чудесного. Однако роль счастливого Случая в финалах всех болдинских повестей подразумевает фактически высшее таинство жизни — в качестве «мощного, мгновенного орудия провидения».

В докладе «О тайне юродства: между чудом и суеверием (на материале рассказа Н. С. Лескова «Маленькая ошибка»)» И. В. Мотеюнайе (Псков) обратилась к лесковской концепции таинственного. Учитывая жанровый канон святочного рассказа, как его понимал писатель, а также любимый им тип композиции, исследовательница показала несоответствие между сюжетным воплощением «секрета одной московской фамилии» и смыслом, который транслируется через авторское повествование. Существенную роль в обнажении этой проблематики играет распространенный в рассказах Лескова мотив расшифровки записки; письмо и чтение в данном случае репрезентируют познавательную деятельность человека. Лесков в своем рассказе аллюзией на известного московского юродивого Ивана Яковлевича Кореишу включается в полемику о юродстве, назначение которого в культуре — свидетельствовать об ограниченности человеческого ума, утверждая существование таинственного как принципиально непознаваемого человеком.

На втором заседании обсуждались проблемы «тайны» в зарубежной литературе. О. В. Астафьева (Санкт-Петербург) прочитала доклад «Кто положил под елку Щелкунчика? (О рождественских дарах младенца Христа и тайных узак, связавших дядю и племянника в сказке Гофмана)», посвященный литературному первоисточнику балета П. И. Чайковского.

К. А. Чекалов (Москва) выступил с докладом «Интертекстуальные тайны Гастона Леру». Слово «тайна» (*mystère, secret, énigme*) и его производные неоднократно встречаются как в названиях произведений Леру («Тайна Желтой комнаты», «Король Тайна»; «Тайна чайной коробки»), так и в названиях отдельных их частей и подзаголовках, и, наконец, в самих текстах. Однако лежащая на поверхности тайна не всегда составляет суть того или иного его произведения, как это имеет место в «Тайне Желтой комнаты». Кроме того, в творчестве Леру огромную роль играют интертекстуальные (в том числе автореференциальные) элементы. Периферийные по отношению к основному сюжету, «малые» интертекстуальные тайны Леру могут остаться незамеченными невзыскательным читателем, но неизбежно оказываются в поле зрения исследователя, комментатора и переводчика.

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Стратегия разоблачения тайн: оккультный разум против ужаса и экстаза» некогда популярному в США писателю Сибири Квинну (1889—1969) и его персо-

нажу, оккультному детективу Жюлю де Грандену, на протяжении 25 лет (с 1925 года) бывшего столь же известным, как Эркюль Пуаро и Шерлок Холмс. Как показал докладчик, в жанре «оккультного детектива», в отличие от детектива классического, существует своя система «тайн преступления», свой набор «тайных знаний» и методов для сыщика. При этом читателю не предоставляется возможности самому логически «раскрыть» преступление до финала повествования, поскольку он лишен возможности проникнуть в психологию потусторонних существ-чудищ и не обладает «тайными знаниями».

Л. Ю. Яковлева (Санкт-Петербург) в своем докладе «Топология таинственного в произведениях Ф. Кафки» обратилась к эстетике исчезновения, в рамках которой раскрываются онтологические и топологические черты таинственного. В текстах Кафки сама область таинственного находится на грани исчезновения; таинственное не находит себе места, поэтому вопрос о возможности локализации тайны приобретает особую значимость. Топология таинственного в текстах Кафки предстает как пространство неприсутствия, обладающего особым онтологическим и эстетическим статусом.

Третье и четвертое заседания были посвящены различным видам искусств. Л. А. Борботько (Москва) выступила с докладом «„Все тайное станет...“: постдраматическое будущее настоящего театра». Театральная постановка представляет единство эксплицитных и имплицитных коммуникативных процессов, подчеркнула докладчица. Хотя спектакль перестает быть тайной (содержание известно заранее), зритель стремится реализовать желание погрузиться в атмосферу секретности за счет приобщения к квази-таинству. Таинственная сущность театра, в частности, его постдраматической перспективы, рассматривается на примере иммерсивного спектакля «Черный русский» (2016) по повести А. С. Пушкина «Дубровский», отвергающего традиционный ритуал, предписанный кодексом театральной коммуникации. Тем не менее тайна хронотопа, тайна мозаичной организации действия, тайна текста, а точнее его замены жестами, пластикой, цветом позволяет говорить о соответствии театра постдраматической иммерсивности стремлению магически воздействовать на зрителя.

С. В. Федоткин (Москва) в докладе «Андрей Тарковский и кинематограф тайны» обозначил, что Тарковский был антипозитивистом, отрицал идею прогресса, подвергал сомнению научный метод познания, которому противопоставлял незнание, окутанное тайной. Знание, по Тарковскому, ведет к саморазрушению, тогда как незнание, загадка, дает надежду. Проблематика незнания напрямую выходит на тему тайны, которая определяет многие аспекты творчества режиссера — положения его кинотеории,

принципы работы с актерами, визуальный стиль и повествовательную систему. Основным событием фильмов Тарковского становится чудо — нечто необъяснимое, не поддающееся интерпретации. Зритель, по замыслу режиссера, также не должен до конца понимать, что происходит на экране.

С. П. Никольская (Нижний Новгород) в своем выступлении «Дизайн — тайна» рассмотрела несколько объектов предметного дизайна, ставшие уже легендами, и демонстрирующие аспекты, влияющие на восприятие вещи, которые превращают явное — в тайну.

В докладе Е. А. Догониной (Мураново) «Загадка стеклянного сфинкса» в качестве артефакта рассматривалось пресс-папье в виде сфинкса из собрания Музея-заповедника «Усадьба „Мураново“», созданного на английском производстве прессованного стекла в последней четверти XIX века. Формально-стилевой анализ произведения выявил его прямую связь с волной египтомании эпохи эклектики и историзма (1840—1880-е годы). Это тот случай, когда предмет включает в себе не только функции пользы, но и элементы более высокого порядка. Метафоричность дизайна изделия позволяет считать самые поверхностные образные значения и более глубокие смыслы.

Дж. Джиганте (Бельгия) прочитала доклад «Окна с видом на тайну в поэзии Елены Шварц». В своих стихах поэтесса старается переступить границы между миром, в котором нам дано жить, и множеством других возможных миров, переносясь во времени и пространстве. Значительная часть поэтического творчества Шварц кажется неким диалогом с миром сверхъестественного. И тайны, которыми наполнены ее стихи, не всегда соотносятся с темами только метафизическими.

А. О. Дёмин (Санкт-Петербург) в докладе «Хабанера в Пятой симфонии Шостаковича: курьез, шифр, ключ» рассмотрел цитату из оперы Бизе «Кармен» в репризе первой части симфонии. Первоначально отмеченная Л. А. Мазелем как курьез, она получила толкование в позднейшей научной литературе как автобиографический штрих, намекающий на любовную связь композитора с Е. Е. Константиновской и обусловивший использование материала из оперы Бизе в симфонии. Цитата была рассмотрена в контексте восприятия советской критикой оперы «Кармен» как образца для подражания, музыкального претворения испанской темы в кино- и симфонической музыке 1936—1946 годов друга Шостаковича Г. И. Попова, участия самого композитора в музыкальном оформлении спектакля по пьесе А. Н. Афиногенова «Салют, Испания!», общей политической актуальности испанской темы в советском искусстве второй половины 1930-х годов. Докладчиком сделан вывод о том, что Пятая симфония в целом должна рассматриваться

как отклик Шостаковича на гражданскую войну в Испании.

Второй день конференции открылся просмотром фрагментов японских анимационных фильмов в жанре «кайдан» и докладом «Смерть в стиле аниме: „Городские легенды“ Хаяо Миядзаки и рассказы о призраках» А. А. Елкиной (Тверь). Докладчица рассказала об особенностях воплощения, переосмысления и роли древнего японского фольклорного и литературного жанра «кайдан» в современной кинематографии, а также о «тайне» прочтения данного культурного кода иностранной аудиторией. Анализ проводился на материале трех самых известных работ мастера японской мультипликации Хаяо Миядзаки: «Мой сосед Тоторо», «Принцесса Мононоке» и «Унесенные призраками». На примере каждой из кинолент были описаны характеристики «кайдан», проанализирована система персонажей и их связь с фольклорными героями.

Следующие докладчики продолжили тему мистического. Ю. А. Долгих (Санкт-Петербург) в докладе «„Зловещий взгляд“ и гипнотическая власть: о „таинственном госте“ в русской литературе первой половины XIX века» проследила формирование сюжета о «таинственном госте», начало которому было положено благодаря знакомству русских писателей с учением А. Ф. Месмера о животном магнетизме и с творчеством Э. Т. А. Гофмана. Это знакомство в соединении с устойчивым сюжетом о столкновении человека с демоном, имеющим фольклорные корни, образуют тип персонажа, чье внезапное появление становится ключевым в развертывании сюжета, а загадка происхождения его таинственной власти становится основной интригой произведения.

А. А. Липинская (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление «Тайна оборвавшейся рукописи: повествовательные стратегии „антикварных“ историй о призраках» британской готической новелле (англ. ghost story) рубежа XIX—XX веков. «Гносеологическая ситуация» (колебание между рациональным и иррациональным без возможности выбрать единственно верное решение) отзывается на научных, религиозные и философские споры, которые велись в то время. И совершенно не случайно среди авторов — преподаватели и сотрудники Кембриджского университета, рассматривавшие новеллистику как хобби, но ставшие в итоге классиками жанра (М. Р. Джеймс, Э. Г. Суэйн, А. Грей и др.).

А. А. Аствацатуров (Санкт-Петербург) в докладе «Генри Миллер: женщина как тайна» проанализировал текст «Бессонница, или Дьявол на воле» и рассмотрел, какими средствами американский писатель создает особую мифологию женского начала и репрезентирует фигуру женщины как тайну.

На втором заседании исследователи обратились к биографическим загадкам своих

персонажей. В докладе Н. С. Корост, И. В. Цукановой и Е. А. Цуканова (Белгород) «Тайна Вильгельма Котарбинского» анализировалась биография и творчество художника. Основной его тайной, по мнению исследователей, является создание десятков сепий деструктивного, упаднического содержания, выполненных во время работы над росписью Владимирского собора в Киеве.

С. Л. Фокин (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Тайна смерти Рене Декарта» различил в генеалогии таинственной смерти философа два порядка знаков, или симптомов, которые сошлись воедино в клинической картине. С одной стороны, существует фиксированная история болезней мыслителя, с другой — есть три стадии эволюции собственно медицинской концепции Декарта, переходившего от механистического восприятия человеческого организма как естественной машины сначала к психосоматическому видению взаимопроникновения души и тела, а затем к сознанию необходимости для философа быть врачом самому себе.

Третье заседание второго дня конференции открылось докладом А. В. Кошелева (Великий Новгород) «Об одном утаенном преступлении (Новгород, сентябрь 1862 г.)», где шла речь о поджоге Новгородского военного госпиталя, произошедшем накануне открытия памятника «Тысячелетие России». Обстоятельства преступления раскрываются на основе ряда документов, хранящихся в Государственном архиве Новгородской области, что и продемонстрировал докладчик.

Доклад О. В. Закутней (Москва) был посвящен роману С. Лема «Глас Господа», который, по мысли исследователя, представляет собой попытку определить границы возможностей авантюрно-философской научной фантастики, исследующей проблемы контакта человека и нечеловеческого. В основе сюжета лежит попытка героев расшифровать принятый на Земле сигнал, предположительно отправленный веземной цивилизацией. Повествование в «Гласе Господа» становится как бы постоянным возвращением к тезису о том, что все попытки человечества проникнуть в тайну, посланную извне, обречены, а научная фантастика как литературный способ исследования этой тайны исчерпывает свои возможности.

Завершила заседание И. Б. Сазеева (Арзамас) докладом «Ощущение бездны как способ постижения Тайны бытия: (Паскаль, Бодлер, Фондан)». Образ бездны отражает попытку приближения к постижению сущности мира, которая всегда остается тайной в силу ограниченности познавательных возможностей человека. Трагическое ощущение бездны, выражающее несравнимость человека и вселенной, фатальную их несоизмеримость, появляется в философии Б. Паскаля. Сравнение бездны Паскаля и бездны Ш. Бод-

лера проводит французский философ Б. Фондан, ученик Л. Шестова. Фондан считает бездну необходимым условием самоопределения человека: только потеряв опору, ощутив свою «беспочвенность», человек получает возможность постижения тайны бытия, обозначаемую как Неизвестное (Inconnu).

Оргкомитету были присланы тезисы докладов, принятых в программу, однако в силу обстоятельств некоторые ученые не смогли выступить. В программу конференции были включены доклады: «SD: Тайна родства и нежеланное породнение, или Как С. Довлатов проник в жизнь и творчество С. Диксона» А. Бринтлингер (США), «Действительные и мнимые тайны в статьях „Примечаний к Санкт-Петербургским ведомостям“ (1728—1742)» А. А. Малышева (Санкт-Петербург), «Тень собаки. Баллада Юлиуша Словацкого „Неведомо что, или Романтизм“» А. И. Федуты (Беларусь), «„По когтю льва“: уликовый метод как ключ к тайнописи А. Платонова» Е. Н. Проскуриной (Новосибирск), «Секрет как эстетика в „Узоре ковра“ Г. Джеймса» Э. Лопез-Арриазу (Аргентина), «Актуализация семантики таинственного в повести С. Кинга „Метод дыхания“ и в ее переводах на русский и итальянский языки» А. А. Буряковской (Тула), «Коллективная тайна „Коллективных действий“» В. Л. Гайдук (Москва).

По уже сложившейся на Апрельских конференциях традиции участники имели возможность пережить обсуждаемое на эстетическом материале не только во время докладов (аудио- и видео-презентации), но и в перерывах между заседаниями. Демонстрировался фильм «Сердце-обличитель» (реж. Чарльз Кляйн; 1928) по рассказу Э. По; прозвучала таинственная музыка Ф. Мендельсона, Р. Шумана, Дж. Верди, П. И. Чайковского и других композиторов.

Конференция завершилась подведением итогов. Организаторы и участники выразили убеждение в том, что проект «Неканоническая эстетика» весьма актуален в современном междисциплинарном общении, и эстетические категории требуют углубленного научного осмысления. Гносеология литературы и искусства представляет собой проблемное ядро многих исследовательских проектов. И разработка эволюционного истолкования гносеологических моделей позволит определить, какие скрытые пружины управляют развитием культуры.

По материалам конференции планируется издание сборника научных статей.

© С. В. Денисенко

Сергей Викторович Денисенко — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ»

С 13 по 17 июня 2017 года Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Библиотека Российской Академии наук проводили международную научную конференцию «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания». Конференция была посвящена 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. Сборник библейских книг (БАН 24.4.28), созданный в 1502—1507 годах книжником Матфеем Десятым из Торопца на западе восточнославянского региона, в Супрасльском монастыре, является уникальным свидетелем разнообразия существовавших книжных традиций. Вместе с тем в нем четко выражены новые тенденции рубежа XV—XVI веков к созданию полного библейского кодекса, которые были порождены европейским книгопечатанием. Художественное оформление рукописи и состав текста обусловлены одновременно славянскими и западноевропейскими культурными традициями. Изучение Сборника 1507 года сталкивает исследователя с широким кругом вопросов бытования библейских рукописей, археографии западнорусской книжности, взаимосвязей различных видов художественного оформления, истории раннего книгопечатания. Как яркий выразитель своей эпохи — середина XV—XVI веков, Сборник ставит вопросы о формировании проявившихся в нем культурно-исторических феноменов и их дальнейших судьбах в культуре.

Круг проблем, определяемых феноменом Библейского сборника Матфея Десятого, вызвал широкий интерес как у российских, так и зарубежных ученых. На конференции были представители университетской и академической науки, сотрудники библиотек, архивов и музеев России, Беларуси, Литвы, Польши, Италии и Германии. Конференция объединила вокруг себя специалистов разных областей гуманитарных знаний: филологов, библиистов, текстологов, лингвистов, историков, искусствоведов, книговедов.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась директор Библиотеки Российской академии наук И. М. Беляева. Она отметила, что Библейский сборник Матфея Десятого, хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей БАН, впервые становится предметом обсуждения столь представительного научного форума, и выразила надежду, что конференция откроет новую страницу в изучении не только библейской книжности, но в целом истории книжного дела в его взаимосвязях: рукописной и печатной книги, восточно-христианской и западноевропейской культур.

В первый день основной стала тема «Библейские книги: текстология, переводы, национальные традиции». Заседания открыл А. А. Алексеев (Санкт-Петербург), напомнив

аудитории о работе Ольги Петровны Лихачевой († 2003) по исследованию Сборника Матфея Десятого, о том существенном вкладе, который она внесла в изучение вопроса. В своем докладе «Эволюция славянской Библии от рукописной к печатной эпохе» он указал на то, что в XIII—XIV веках в качестве Библии выступала Толковая палея с ее специфическим распространением текста и добавлениями, тогда как четыре сборники библейских книг получили хождение только в XV веке в связи с развитием книгопечатания.

В серии докладов были рассмотрены разнообразные национальные традиции переводов Библии. И. П. Климов (Беларусь) в докладе «Почему в Западной Руси не возникло полного перевода Библии на местном языке?» представил результаты изучения истории библейских переводов на местный народный язык Беларуси и Украины. Докладчик пришел к выводу о фрагментарности и бессистемности таких попыток, хотя некоторые из них делались на высоком уровне, опережавшем свое время. Это было обусловлено культурной ситуацией региона, где инославянские переводы Библии (церковнославянский или польский) были вполне понятны, а потому воспринимались как ведущая форма Священного Писания, тогда как местные переводы отражали персональные инициативы, направленные на решение частных задач.

Н. А. Елагина (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление «„Историческая Библия“ Гийара де Мулена в собрании Российской национальной библиотеки» одному из наиболее значимых памятников французской литературы эпохи Средневековья: «*Biblia historiales*», созданной в конце XIII века пикардийским клириком Гийаром де Муленом. Библия включает в себя совокупность книг Священного Писания в прозаическом французском переводе на основе Вульгаты и «*Historia scholastic*» Петра Коместора. Об успехе произведения Гийара де Мулена свидетельствуют 144 рукописи XIV — начала XVI века, сохранившиеся до наших дней. Один из этих кодексов — двухтомный фолиант, украшенный великолепными миниатюрами, выполненными в технике гризайль, — хранится в РНБ. Петербургская рукопись, датированная 1350—1355 годами, на протяжении двух столетий принадлежала влиятельному наваррскому дому д'Альбре. На ее листах оставили свои подписи Жанна д'Альбре, ее сын Генрих Наваррский, будущий король Франции Генрих IV, и его супруга Маргарита де Валуа. В 1805 году рукопись поступила в фонды Императорской Публичной библиотеки в составе коллекции П. П. Дубровского.

В докладе О. Н. Блескиной (Санкт-Петербург) «„Библии бедных“ в собрании Отде-

ла рукописей Российской национальной библиотеки» был дан обзор западноевропейских произведений морально-дидактического жанра, основанных на библейских текстах. К их числу принадлежат три списка «*Speculum humane salvationis*» (Lat. O.v.XIV.7, Lat. F.I.694, Lat. F.I.650) и рукопись «*Biblia pauperum*» (Lat. F.I.651). Рукописи датированы XIV—XVIII веками и происходят из Англии, Германии и Франции. Три из них — иллюстрированы, при этом две скопированы с голландских ксилографов в 1779—1780 годах знаменитым парижским мастером Леклабаром. Эти кодексы остались вне поля зрения ученых и нуждаются в дальнейшем текстологическом и искусствоведческом изучении с целью выявления ближайших иконографических прототипов и родственных списков.

Пересмотру истории создания перевода Библии на арабский язык был посвящен доклад С. А. Французова (Санкт-Петербург) «Старейший список полного арабского перевода Библии D 226 (т. 1—3) из собрания Института восточных рукописей РАН». Рукопись арабского перевода Библии была привезена в Россию в 1913 году антиохийским патриархом Григорием IV ал-Хаддадом в числе 41 рукописи, подаренной Николаю II на 300-летие Дома Романовых. В Азиатский музей она поступила в 1919 году из библиотеки Зимнего дворца, сейчас хранится в ИВР РАН. Как удалось установить в результате комплексного кодикологического и текстологического анализа списка, он был изготовлен не в середине XIII века, как полагали И. Ю. Крачковский и Вал. В. Полосин, а в 20-х годах XVI века в Триполи по заказу местного богатого негодянта. Особого внимания заслуживают 52 приписки, которые не только позволяют детально воссоздать его историю, но и дают в ряде случаев уникальные сведения по межконфессиональным отношениям в Сиро-Палестинском регионе в XVI — начале XX века.

М. Гардзанити (Италия) в докладе «Понятие и использование Библии у Максима Грека» определил религиозно-философские ориентиры Максима Грека, отраженные в его сочинениях, таких как Повесть о Савонароле, Послание Великому князю о переводе Толковой псалтири, в выписках из библейских книг в сборниках. В контексте церковнославянской книжности нередко сглаживалось различие в понимании «святых книг» между Священным Писанием и корпусом литургических и канонических книг. Максим Грек в своих сочинениях осознает традиционное разграничение, присутствующее в западной схоластике, между Священным Писанием, патристикой и античной философией. Его работа над переводами Священного Писания представляла собой единый процесс, развивавшийся по филологическим правилам и включавший перевод, переписывание, исправление и толкование. В своих переводах

Максим Грек опирался на церковнославянские и латинские источники, неизвестные в то время на Руси, в том числе на издания Библии.

В докладе Т. В. Пентковской (Москва) «Беседы на Евангелие от Матфея и Иоанна в переводе старца Силуана и Максима Грека в контексте раннего периода переводческой деятельности Максима Грека в России» был дан обзор обстоятельств появления и лексико-грамматических особенностей переводов этих памятников, церковнославянские версии которых отсутствовали в предшествующей русской традиции. Выбор группы экзегетико-гомилетических текстов для коллективного перевода, по всей вероятности, не был случайным, а мог представлять собой первый этап подготовки новой масштабной библейской sprawy. Параллелью здесь может служить ситуация второй половины XVII века, когда библейская справа, результатом которой стал Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого, начинается с перевода Епифанием Толковых Посланий.

Свое видение происхождения славянского перевода книги Апостол представил В. М. Лурье (Санкт-Петербург) в докладе «„Восточные“ чтения в древнейших славянских редакциях Павловых посланий». Заметная часть разночтений двух древнейших редакций славянского Апостола находит параллели в ряде восточных версий (особенно сирийской Пешитто и древнейшей эфиопской). При помощи количественного метода, основанного на индуктивной логике, вверены две альтернативные гипотезы — об использовании переводчиками не византийского греческого текста и о возникновении таких разночтений в рамках византийско-славянских взаимодействий. Сделан вывод о существенно большей вероятности первой гипотезы.

Доклад А. А. Пичхадзе (Москва) «„*Řesko-staroslověnský index*“ как инструмент исследования кирилло-мефодиевских переводов» был посвящен вопросу о том, какие сведения о группировке библейских старославянских текстов можно извлечь из данных пражского «Греческо-славянского словоуказателя» к каноническим старославянским памятникам. Анализ показал, что материалы «Словоуказателя» подтверждают выводы, к которым пришла в своих исследованиях Э. Благова: перевод Евангелия отличается от остальных библейских переводов, сохранившихся в памятниках старославянского канона, причем ближе всего к Евангелию стоит Псалтирь, дальше всего отстоят от него Апостол и Паримейник.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) в докладе «Из истории библейских песней в русской рукописной традиции» рассмотрела предисловия к библейским песням в аспекте их формирования в Киевской, Онежской, Годуновских псалтирях и Следованной псалтири (РНБ F.I.738). Исследовательница пришла к

заклучению, что возникновение, а отчасти и распространение предисловий к библейским песням связано с традицией иллюминированной Псалтири. По мнению докладчика, ведущую роль в этом сыграл один из московских книжных центров, про который можно сказать пока, что он не является монастырским, и локализацию которого еще предстоит установить.

Тексты Священного Писания в виде цитат призывают всю христианскую книжность. В серии докладов было показано, как выбор тем, объем и точность цитирования зависят от специфики литературного жанра. В докладе М. Б. Плюхановой (Италия) «Цитирование Ветхого Завета в Многосложном свитке» объектом исследования стало славянское переложение греческого Послания патриархов императору Феофилу, которое содержит большее количество библейских цитат, чем в известных греческих редакциях. Докладчица предположила, что некоторые цитаты из псалма 44 и из Книги пророка Исайи были введены, чтобы укрепить положение текста, получившие актуальность в русских условиях второй половины XV века, недаром потом соответствующие фрагменты были использованы в Послании на Угру. В некоторых цитатах из Книги пророка Исайи отмечаются лексические отклонения от текста славянской традиции толковых пророчеств.

В докладе В. И. Охотниковой (Псков) «Библейские цитаты в псковском летописании» было отмечено, что источники и функции библейских цитат и аналогий в летописных текстах практически не исследовались, за исключением Повести временных лет. При описании и осмыслении исторических событий псковские книжники редко обращаются к Священному Писанию, хотя летописные своды XVI века создавались в церковных кругах: Псковская 1 летопись (1547) — в Троицком соборе, Псковская 3 летопись (1567) — в Псково-Печерском монастыре. Как правило, библейские цитаты и аналогии встречаются в произведениях других жанров, включенных в летопись (Житие Александра Невского, Повесть о Довмонте, Послание игумена Памфила, Повесть о псковском взятии). Единичные примеры библейских аналогий наблюдаются в статьях 1518 года (осада Опочки литовцами), 1523 года (развод Василия III с Соломонией Сабуровой) и др. Является ли исторически конкретное изображение событий вне соотносительности со священной историей особенностью псковского летописания или же это свойство жанра летописи, покажут дальнейшие исследования.

Ханник Кристиан (Германия) в докладе «Состав библейских цитат в литургических гимнах (Триодь)» отметил, что литургическое распространение библейских текстов оказывает влияние на сами тексты так, что различия из литургических книг переносятся в библейские рукописи. Докладчик

привел несколько чтений такого рода и их интерпретацию в издании К. Аланда (1968).

Второй день заседания проходил в Библиотеке Российской академии наук и целиком был посвящен кодексу Матфея Десятого и истории книжности Супрасльского монастыря. Тему «Матфей Десятый: универсализм средневекового книжника» открыл доклад А. А. Турилова (Москва) «„Обобщающие книжные предприятия“ в Великом княжестве Литовском во времена Библии Матфея Десятого». Он был посвящен собирательской, кодификаторской и компилятивной деятельности западнорусских книжников, связанных прежде всего с митрополичьей кафедрой в первой трети XVI века. Докладчик рассмотрел создание пространного компилятивного цикла архиепископских наставлений новопоставленному иерею в составе Кормчей западнорусской редакции (ок. 1509), составление особой редакции Миней четких (сер. 1510-х годов) на основе минейного и триодного Торжественников, еще ранее бытовавших в Киевской митрополии, огромного Измарагда особой редакции (1510-е годы), позднее получившего широкое распространение на белорусско-украинских землях, и, наконец, четырехтомного «великого» Пролога, составленного из стилишной и нестильной редакций и допущенного в список 1530 года, написанном в Луцке, но созданном, вероятно, раньше при митрополичьей кафедре. Подчеркивается, что сама постановка вопроса и формулировка темы стали возможны лишь с уточнением датировки рукописей, хранящихся в БАН Литвы.

С. Ю. Темчин (Литва) в докладе «Книжная деятельность Матфея Десятого и история рукописного собрания Супрасльского Благовещенского монастыря» изложил свое представление об этапах создания Библиейского сборника Матфея Десятого. На основании использованных Матфеем Десятым источников он определил объем частей, писанных в разных местах. Так, виленская (л. 1—146 об.: 16 пророков, Иов, Притч Соломона, фрагмент Книги Царств, Екклезиаст, Песнь песней) отражает восточнославянские антиграфы, а супрасльская (л. 146 об. — 477 об.: Менадр, Иисус Сирахов, Псалтирь, Четвероевангелие, Апокалипсис, Апостол, Церковный устав) — в основном южнославянские (преимущественно сербские) источники. Вторая часть кодекса является важным свидетелем наличия в Супрасле 1503/1504—1507 годов сербской библиотеки, дальнейшая судьба которой неизвестна. Это позволяет из двух альтернативных историй возникновения обители при участии афонских или, по иной версии, киево-печерских монахов аргументированно выбрать первую.

Своеобразие орнаментального убранства рукописи Матфея Десятого давно вызывало интерес исследователей, при этом не было ясности в вопросе о его авторстве. Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «Концепт

художественного оформления кодекса Матфея Десятого» привела аргументы, основанные на кодикологическом изучении Сборника, подтверждающие мнение о Матфее Десятом как авторе программы оформления кодекса и непосредственном ее исполнителе. Было установлено, что изначально у Матфея Десятого не было конкретной идеи: она сформировалась лишь после завершения работы по переписке текстов.

В. В. Калугин (Москва) выступил с докладом «Указатель Матфея Десятого „От пророчеств пословици“ и его русские источники». По мнению ученого, указатель заключает в себе результаты текстологических и лексикографических наблюдений над списками Толковых пророчеств. Книжник привел в указателе наиболее значимые, с его точки зрения, разночтения, включая даже несомненные ошибки. Он перенес туда и многие маргиналии, стоящие на полях в других рукописях Толковых пророчеств. Матфей Десятый использовал в качестве основного списка не южнославянскую (сербскую), а русскую (скорее всего, новгородскую) рукопись не ранее конца XV века. Она восходила через общий восточнославянский прототип к Толковым пророчествам 1047 года Упыря Лихого.

В докладе А. Е. Жукова (Санкт-Петербург) «К характеристике почерка Матфея Десятого» был рассмотрен вопрос о почерках Супрасльского сборника 1507 года. Автор проанализировал почерк Матфея Десятого и, принимая тезис о том, что письмо книжника не остается неизменным на протяжении всего кодекса, попытался выявить изменения, происходившие в процессе работы. Исследователь высказал мнение, что второй почерк, традиционно приписываемый ученику Матфея, на самом деле принадлежит также Матфею Десятому.

А. И. Грищенко (Москва) в своем докладе «Еврейское письмо в Библийском сборнике Матфея Десятого и проблема отражения еврейской графики в славянском тексте» привлек внимание слушателей к Плачу Иеремии в составе Сборника, в котором на полях выписаны еврейские буквы, представленные несколько раз и тремя вариантами: 1) «чистыми» буквами, имитирующими квадратное письмо, 2) названиями тех же букв ашкеназским курсивом с огласовками и 3) названиями этих букв, записанными по-славянски. В докладе был дан палеографический анализ этих записей и проведено сравнение материала Сборника Матфея Десятого с начертанием графического знака, по мнению Б. А. Успенского и А. А. Алексеева, имитирующего букву «алеф» в списках XV—XVI веков славяно-русского Пятикнижия, правленного по Маторетскому тексту и другим семитским источникам.

В докладе В. А. Ромодановской (Санкт-Петербург) «Типология маргиналий в Библийском сборнике Матфея Десятого» было приведено описание и анализ отсылок на па-

раллельные библейские чтения, содержащиеся на полях Сборника. В ходе исследования сделан вывод, что составитель рукописи переносил маргиналии из протографов своей рукописи, не предпринимая собственной унификации. Это наблюдение можно будет использовать как инструмент при определении конкретных источников супрасльского книжника.

Доклад В. Г. Подковыровой (Санкт-Петербург) «Откровение Иоанна Богослова в составе кодекса Матфея Десятого» был посвящен анализу структуры Сборника и сравнению его с составом полного свода Библии и некоторыми другими библейскими сборниками. Была предпринята попытка соединить различные возможные интерпретации положения текста Откровения Иоанна Богослова в композиции рукописи.

В выступлении Л. В. Осинкиной (Великобритания) «Ветхозаветная книга Екклисиаст в Сборнике Матфея Десятого» сравнивался текст книги Екклисиаст в наиболее полных сборниках библейских книг, составленных в конце XV — самом начале XVI века, а именно: Супрасльском сборнике, сборнике библейских книг, редактировавшемся Иваном Черным в последней четверти XV века, и Геннадиевской Библии 1499 года. Исследовательница установила, что тексты Екклисиаста принадлежат трем группам рукописей, восходящим к одному переводу.

В докладе А. А. Романовой (Санкт-Петербург) «Комплекс пасхальных и календарных таблиц в Сборнике Матфея Десятого» были рассмотрены календарно-астрологические таблицы и комментарии к ним, находящиеся на л. 474 об. — 476 Супрасльского сборника. Для сравнения был привлечен комплекс таблиц из Геннадиевской Библии.

Необходимый контекст изучению Библийского сборника Матфея Десятого создали выступления польских коллег на заседании, посвященном Супрасльскому монастырю. А. В. Миронович (Польша) в докладе «Супрасльский монастырь в конце XV — середине XVI в. как религиозный и культурный центр» дал целостное представление о его деятельности и контактах с ведущими православными локусами: Киевом, Слуцком, Москвой, Сербией, Валахией, Болгарией и Грецией. Эти связи позволили сосредоточить в этом монастыре культурное наследие многих народов. Как отметил Миронович, Супрасльская лавра стала важным местом богословской мысли, где монахи, отстаивая каноны Православной Церкви, оставались открытыми для новых философских и религиозных течений. На открытый характер монастыря влияло его расположение на границе Литвы и Короны и, следовательно, на стыке традиций восточного и западного христианства. Влияние восточнославянской и балканской культур запечатлелось в коллекциях монастырской библиотеки, архитектуре и иконописи. Отдельно докладчик остановился на

характеристике книжных собраний Супрасльского монастыря.

В докладе «Супрасльский Благовещенский монастырь до середины XVI века в польской историографии» Зоя Ярошевич-Переславцев (Польша) представила обобщающую библиографию работ по Супрасльскому монастырю. Тщательному анализу подверглись документальные источники и публикации, вышедшие со второй половины XVI века по 2016 год, касающиеся имущественного состояния, архитектуры, настенной живописи, икон, оснащения и библиотеки Супрасльского монастыря. Докладчица отметила, что, несмотря на немалое количество работ, свидетельствующих о большом значении монастыря в киевской митрополии, еще не написано монографии, полно и беспристрастно учитывающей весь исторический контекст деятельности монастыря в Супрасле на Подляшье.

В конце дня в Отделе рукописей БАН состоялось открытие выставки «Матфей Десятый и книжная культура рубежа XV—XVI вв.», подготовленной по материалам отделов рукописей и редкой книги. Авторы выставки А. Е. Жуков и Г. Н. Питулько провели для участников конференции экскурсию.

Третий день проходил в Пушкинском Доме и был отведен преимущественно искусствоведческим аспектам исследования библейской книжности. Утреннее заседание на тему «Художественные традиции оформления библейских книг: Восток—Запад» открыл доклад Э. Н. Добрыниной (Москва) «Рудименты „корониса“ в оформлении греческих библейских книг». Исследовательница рассмотрела эволюцию «корониса» — малоизученного элемента декора греческой рукописной книги, уделив внимание его происхождению, классификации и позднейшим репликам в оформлении византийских рукописей IX—X веков. На основе рукописей российских собраний сделаны существенные дополнения к ранее изученному материалу. Сделан вывод о рудиментарном характере «корониса» в рукописях этого периода и об отмирании этого элемента, наряду с колофонами, при переходе от нерегулярной к регулярной декоративной системе.

И. Д. Соловьева (Санкт-Петербург) прочла доклад «Цикл миниатюр с образами евангелистов и их символов — новый памятник новгородской миниатюры XV в.». Как установила исследовательница, листы с двусторонними миниатюрами из собрания Русского музея являлись вставными фронтисписами рукописного Евангелия-тетр и были созданы одним мастером, использовавшим одни приемы и технику. Иконография евангелистов характерна для искусства и Новгорода, и Москвы, однако скорее новгородец работал по московским образцам. Об этом же свидетельствуют изображения символических существ, иконография которых восходит к рукописям московских Евангелий ру-

бежа XIV—XV веков. Именно иконография символов евангелистов является особенно сильно рассматриваемого ансамбля.

Наблюдения Е. И. Серебряковой (Москва) над комплексом выявленных ею книжных памятников, обладающих особым типом орнаментаки, были представлены в докладе «Об особенностях иллюминации псковских рукописей Священного Писания XVI в.: мотивы орнамента и „иконографии“ инициалов». Речь шла о небольшой группе литургических рукописей от начала до середины XVI века из собрания ГИМ, судя по записям о бытовании, возможно, псковского происхождения. Их объединяет своеобразная стилизация византийских элементов в заставках, а также изобилие растительных, зооморфных и антропоморфных мотивов в инициалах. Как и в Сборнике Матфея Десятого, часть из них явно восходит к Остромирову Евангелию 1056 года и к группе роскошных московских Евангелий конца XIV — первой четверти XV века. Близость «иконографии» инициалов заставляет предположить распространение в среде книжников образцов орнамента, почерпнутых из художественного арсенала древних почитаемых литургических памятников.

Работа Е. И. Морозовой (Москва), представленная в сообщении «Об одном малоизвестном Четвероевангелии конца XV в. из собрания Государственного Исторического музея (Чуд. 30)», явилась первым монографическим исследованием московской рукописи 1470—1480-х годов. Детальный кодикологический анализ позволил предположить, что рукопись являлась напрестольным Евангелием одного из храмов Чудова монастыря. Кодекс украшен четырьмя полностраничными миниатюрами с изображениями евангелистов и заставками неовизантийского стиля. Художественные особенности миниатюр позволяют отнести их к одному из центральных направлений московского искусства второй половины XV века. Докладчица установила, что изображения евангелистов составляют устойчивую серию, которая воспроизведена еще в четырех рукописях последней четверти столетия. Ближайшей иконографической аналогией миниатюрам Чуд. 30 следует считать изображения евангелистов в современной ей новгородской рукописи (ГИМ. Муз. 328).

Монографическая тема, посвященная выдающимся библейским кодексам, была продолжена в докладе Е. В. Гусаровой (Санкт-Петербург) «Художественные традиции оформления библейских книг в Эфиопии на примере парадного Восьмикнижия Эф 100 из собрания ИБР РАН». Эфиопская рукопись Восьмикнижия, переписанная 30 марта 1515 года в местечке Бора, называемом Гадабра, по всей видимости, на севере Эфиопии, в провинции Тиграй, поступила в качестве дара министра почты и телеграфа Эфиопской империи в 1946 году в собрание Института востоковедения АН СССР. Это

подносной («парадный») список, изготовленный для одного из крупных монастырских центров. Его ценность обусловлена в первую очередь тем, что это одна из древнейших датированных эфиопских рукописей в собраниях Санкт-Петербурга и России. Кроме того, она представляет особый интерес с точки зрения изучения эфиопской палеографии.

Выступление О. В. Чумичевой (Санкт-Петербург) «Механизмы трансляции идей и образов в иноконфессиональную среду: История одной псковской иконы конца XV века» касалось проблемы иллюстрирования библейского текста, тесно связанной с формированием визуальных метафор, которые отражали бы богословские идеи и служили дидактическим целям. Композиция «Ты еси иерей вовек по чину Мелхиседекову» (не позднее второй половины XV века) рассматривалась в докладе как средоточие целого ряда отдельных образов-метафор первого порядка (иллюстраций к отдельным цитатам Псалтири и других книг Писания), образующих новый контекст. В дальнейшем композиция послужила источником цитирования визуальных образов для других сложных структур и стала поводом долгих богословских дискуссий.

Доклад О. С. Сапожниковой (Санкт-Петербург) «От миниатюр немецких изданий XVI в. „Liber de arte distillandi“ к „чудищам“ русского Травника» был посвящен оформлению Травника Строгановых-Шелонина (1620-х годов), восходящего к несохранившемуся оригиналу русского перевода XVI века. Возможно, впервые в истории изучения древнерусских миниатюр было обращено внимание на факт подписи одним из художников-оформителей своих миниатюр в виде инициала «Т». Бригада художников, иллюстрировавшая Травник, имела, по-видимому, свой «фирменный знак»: корни, стебли, листья, к которым они пририсовывали глаза, уши, хвосты, копыта, рога, превращались в «чудищ». Подобный пример был выявлен еще в одном из списков (середина XVII века) так называемого Травника 1534 года.

Дневное заседание было посвящено теме «Иконография Псалтири в контексте художественной культуры средневековья». Особый ракурс исследования древнерусской храмовой росписи был представлен в докладе Э. А. Гордиенко (Санкт-Петербург) «Последования библейских текстов в системе росписи церкви Успения на Волотовом поле». Со времени раскрытия росписи церкви создан внушительный исследовательский фонд, в котором поставлены и решены многие сложные проблемы стилистического анализа фресок. В выступлении Гордиенко впервые волотовская роспись была рассмотрена в системе богослужения. В этом направлении раскрываются особенности уникального ансамбля, в котором композиционная система росписи определяется последованием божественной службы.

Э. С. Смирнова (Москва) в докладе «О времени создания новгородской Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3): Взгляд искусствоведа» вновь подняла вопрос датировки выдающегося памятника, вокруг которого ведутся споры между исследователями разных специализаций. Богато иллюстрированная рукопись была отнесена А. А. Туриловым ко второй четверти XIV века на основании палеографических признаков. По мнению Смирновой, эта датировка подтверждается данными орнамента (тератология находит параллели в рукописях круга архиепископа Моисея), а также особенностями миниатюр. В известной первой миниатюре Псалтири образ Христа писал искусный византийский художник, а в фигурах жен-мироносиц и рисунке растений обнаруживаются приемы русских художников, исполнивших некоторые миниатюры из основного блока рукописи.

Объектом внимания сразу двух исследователей стала группа так называемых «Годуновских псалтирей», созданных в 1591—1600 годах по заказу боярина Д. И. Годунова. В докладе А. В. Сиренова (Санкт-Петербург) «Годуновские псалтири как явление „Годуновского ренессанса“» было отмечено, что в известном исследователям комплексе Годуновских псалтирей нет единства в принципах оформления. Так, Псалтирь 1591 года отличается от последующих системой иллюминации и примыкает к традиции Лицевого летописного свода, в то время как остальные рукописи восходят к списку Псалтири с иллюстрациями на полях, подобному Киевской Псалтири 1397 года. Детальное сравнение иллюстраций этой группы Псалтирей позволяет сделать вывод, что уровень миниатюристов был разным, от профессионального до примитивного. Вероятно, после написания Псалтири 1591 года заказ был передан в другой книгописный центр, где не было столь искусных миниатюристов, но имелась древняя рукопись, послужившая образцом при создании остальных Псалтирей.

Псалтири 1591 года, выполненной по заказу Дмитрия Годунова для вклада в Ипатьевский монастырь, посвятила свое выступление «Ипатьевская Псалтирь конца XVI века: Особенности художественного оформления рукописи» Н. В. Квливидзе (Москва). Характер иллюстраций этой псалтири (рукопись ныне хранится в фондах Музеев Московского Кремля) принципиально отличается от остальных однотипных Годуновских Псалтирей. Многочисленные миниатюры, в том числе листовые, стиль которых близок к иллюстрациям Лицевого свода, представляют большой интерес и в плане иконографии, и с точки зрения принципов иллюстрирования псалтирного текста, и в отношении художественных особенностей искусства кремлевских миниатюристов второй половины — конца XVI века.

На вечернем заседании «Кодикология, палеография, археография рукописей Священного Писания» выступили сотрудники рукописных отделов БАН, РНБ и РГБ.

В докладе М. А. Шибаева (Санкт-Петербург) «Кодикологические наблюдения над евангельскими книгами XV в. Кирилло-Белозерского монастыря» рассматривались кодикологические особенности и происхождение комплекта из двух кодексов Толковых Евангелий (каждый из которых содержал по два евангельских текста), упомянутых в описи книг Кирилло-Белозерского монастыря середины 1480-х годов. Был сделан вывод о том, что первая книга была вложена митрополитом Филиппом в монастырь в конце 1460-х или начале 1470-х годов. Вторая книга из комплекта была сделана позже уже в самом монастыре в 1470-е годы.

В исследовании, результатами которого поделилась О. Л. Новикова (Санкт-Петербург) в докладе «Кирилло-Белозерская рукопись Толковых пророчеств: вопросы происхождения и редактирования книги», была впервые установлена связь группы рукописей 1470—1480-х годов с личностью известного великокняжеского дьяка Андрея Одинца, принявшего постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Арсений в последние годы XV века. Благодаря ему в монастыре появились рукописи Толковых пророков, Лихачевский список «Летописца от 72-х язык», отразивший ранний этап великокняжеского летописания XV столетия, и другие, не менее интересные памятники оригинальной и переводной письменности.

А. Г. Сергеев (Санкт-Петербург) выступил с докладом «О датировке Апостола БАН 31.3.24». Список Толкового апостола XV века был рассмотрен в контексте книжности Великого княжества литовского. Новое прочтение вкладной записи и кодикологические наблюдения над рукописью позволили датировать ее на 1470-е годы и связать с деятельностью скриптория, созданного маршалком Александром Солтаном.

В докладе Т. В. Анисимовой (Москва) «Об источниках библейской части Тихонравовского хронографа (на примере истории Иосифа Прекрасного и его братьев)» были названы источники этого рассказа: Заветы 12 патриархов, книга Бытия, Слово Ефрема Сирина в Страстной понедельник и Послание митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме. Исследование текстов позволило сделать вывод о возможной причастности к созданию рассказа об Иосифе Афанасия, автора дополнительных толкований к Посланию Климента Смолятича. Близкая копия конца XV века значительного фрагмента Тихонравовского хронографа, включая рассказ об Иосифе, была выявлена в сборнике Троице-Сергиева монастыря (РГБ. Ф. 304/1. № 730).

Первым на заседании «Православные духовные центры: уставная и литургическая

практика» был заслушан доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки», в котором говорилось об истории открытия рукописи (БАН Литвы. F 22—49) и о кодикологических свидетельствах ее бытования. На основании наблюдений за сменой чернил и сортов используемой бумаги сделано предположение о том, что сохранившийся список — это писцовая копия с чернового автографа летописца (предположительно, Пахомия Серба), создававшаяся в три этапа: часть до 1446 года (конец основного источника), часть до декабря 1462 года, часть с конца мая 1463 года до 1469 года. Перерыв в работе между второй и третьей частью летописи коррелирует с предполагаемым временем отъезда Пахомия Серба из Новгорода в Москву и Кирилло-Белозерский монастырь. Перемещение официального экземпляра новгородской летописи в Литву было, вероятно, связано с отъездом с новгородского княжения Михаила Олельковича (1471 год).

А. Г. Мельник (Ярославль) в докладе «Избранные обихристианские святые, почитавшиеся в Троице-Сергиевом монастыре XV—XVI веков» представил свои наблюдения над обиходниками Троице-Сергиева монастыря. Анализ обиходников позволил определить состав избранных общехристианских святых, особо почитавшихся в этой обители в XV—XVI веках. На всем протяжении данного периода число этих святых было подчеркнуто ограниченным. Самые значимые из них наделялись эпитетом «великий».

В докладе М. В. Корогодиной (Санкт-Петербург) «Кормчие книги Супрасльского монастыря в XVI в.» был поднят вопрос о том, какие канонические книги могли находиться в первой половине XVI века в Супрасльском монастыре. Сохранившаяся опись монастырской библиотеки 1557 года называет три Кормчие книги. Можно предположить, что под двумя из них скрывается двухтомная Кормчая. Третью рукопись удается отождествить благодаря характерной для супрасльских книг помете; книга сохранилась в фондах Российской государственной библиотеки.

Проблемам историко-культурного контекста периода формирования национальных библейских сводов было посвящено заседание «Западные границы православия в конце XV — начале XVI в.: межконфессиональные отношения». Разностороннюю характеристику в докладе У. Павлущук (Польша) «Православные монастыри на территории Великого Княжества Литовского в XVI веке как культурные и духовные центры» получила деятельность православного монашества в меняющихся на протяжении всего XVI века исторических ситуациях. Докладчица отметила, что монастыри всегда оставались духовными оплотами православия. Решения поместных соборов были направлены не только на урегулирование внутренних проблем, но и на за-

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА БОЧАРОВА

6 марта 2017 года скончался Сергей Георгиевич Бочаров. Почему-то он всегда знал, что именно март станет тем месяцем, когда его земной путь оборвется.

Бочаров родился 10 мая 1929 года в Москве. Ему довелось пережить и войну, и эвакуацию в город с волшебным названием Алатырь, и похороны Сталина, в которых он участвовал, едва оставшись в живых, и оттепель, и застой, и перестройку... Он прожил долгую жизнь и всю ее помнил. Его память была блестящей — на тексты, даты, события, людей.

В 1952 году Бочаров окончил филологический факультет Московского университета, в 1956 году защитил кандидатскую диссертацию (о докторской он не счел нужным позаботиться) и в том же году стал научным сотрудником отдела теории Института мировой литературы, где работал до самой смерти — более шестидесяти лет. Его первая книга «Роман Л. Н. Толстого „Война и мир“» была опубликована в 1963 году и выдержала четыре издания, но еще годом раньше из печати вышел первый том новой «Теории литературы» с подзаголовком «Основные проблемы в историческом освещении», в которой Бочаров участвовал вместе с В. В. Кожинным, П. В. Палиевским, Г. Д. Гачевым. Это было издание «оттепельное» и для советского литературоведения революционное: проникнутое гегельянскими идеями, оно разворачивало филологический интерес к эстетике и поэтике — предметам идеологически неподконтрольным. Именно они навсегда остались для Бочарова центральными (не удивительно, что вторая его книга называлась «Поэтика Пушкина. Очерки» (1974)) — и все же не самоудовлетворительными. В статье «Характеры и обстоятельства», рассуждая о понятии «образ», Бочаров писал: «Оно не поддавалось определению ни в категориях социологически понятого „содержания“, ни по „Опоязу“ истолкованной „формы“: в обоих случаях за бортом оставалось художественное содержание — тот специфический „икс“, который для науки о литературе и есть ее собственный предмет изучения» (Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. Т. 1. С. 313). Когда сорок пять лет спустя Бочарову вручали литературную премию Александра Солженицына, он вспомнил слово С. С. Аверинцева о филологии как службе понимания: «Это было,

собственно, слово о том, что на более специальном языке называется герменевтикой: понимающее прочтение как главное в нашем деле» (Похвала филологии. Литературная премия Александра Солженицына. 1998—2007. М., 2007. С. 48).

Бочаров стал классиком, едва начав печататься. Его работы 1960—1970-х годов, такие как «„Форма плана“». Некоторые вопросы поэтики Пушкина» (1967), «Пушкин и Гоголь («Станционный смотритель» и «Шинель»)» (1969), «Переход от Гоголя к Достоевскому» (1974), «О стиле Гоголя» (1976), самим фактом своего появления открывали новый этап филологического творчества, раз и навсегда отодвигая нормативы «советского» литературоведения в зону рутинности. Предметом его статей становилось *слово* во всем объеме значений, включая область религиозных смыслов, остающуюся, однако, где-то даже глубже, чем в подтексте, — не из цензурных соображений, а потому, что декларативная «религиозная филология» была ему категорически чужда. Он писал об «энергии стиля», о «психологии формы», о «теле образа» — слово было для него живой субстанцией, стиль истолковывался как носитель мысли и смысла. Все это ни в коем случае не означало эмансипации слова от реальности. «Последним подлинником является сама жизнь», — говорилось в статье о пушкинском романе в стихах, но слово не «отражает» этот подлинник, оно «наводит» на него, осуществляя пересечение языков и стилей (Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974. С. 84). И в той же статье было сказано: «В отношениях между словами воспроизводится структура отношения слова к миру, гносеологическая структура действительности» (Там же. С. 66—67).

Пушкин — Гоголь — Достоевский. Их художественные миры, самостоятельные и самодостаточные, уже в первые десятилетия филологической работы начинали соединяться для Бочарова в единое литературное поле, которое подлежит лишь очень условному размежеванию. С годами его все больше интересовали трансформации тем и сюжетов, общих для этого поля, переходящих от писателя к писателю, из эпохи в эпоху (см., например, такие статьи, как «Французский эпитаф к „Евгению Онегину“». Онегин и Ставрогин» (1995, 1999), «Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Ку-

бок жизни и клейкие листочки» (1998), «Два поэта мысли» (2000), «„О бессмысленная вечность!": От „Недоедоска" к „Идиоту"» (2000), «„Европейская ночь" как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле» (2002)). Речь шла о чем-то гораздо более фундаментальном, чем влияния и заимствования, — о «воле национальной топики», как это было сформулировано в поздней статье с выразительным названием «О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти», частично повторенным в заглавии книги, которую открывала эта статья (Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М., 2012. С. 7).

Став классиком для пушкинистики, гоголеведения, дostoевсковедения (последнее слово Бочаров никогда бы, думаю, не употребил), он не собирался замкнуться в этих самих по себе обширнейших областях. Уже в 1960-е годы им были написаны большие статьи об Андрее Платонове, Сервантесе и Прусте, в 1970-е — о Константине Леонтьеве, в 1980-е — о Баратынском, в 1990-е — о Ходасевиче. Почти всё это авторы, к которым Бочаров потом еще не раз возвращался, а Баратынского и Ходасевича готовил к изданию. Писал он и о своих современниках — Андрее Битове, Людмиле Петрушевской, Александре Солженицыне, Юзе Алешковском.

Когда в 1985 году был опубликован сборник статей Бочарова «О художественных мирах», он заметил, что его книги печатаются раз в одиннадцать лет. Но интервал сначала увеличился (объемный том «Сюжеты русской литературы» появился в 1999 году), а потом начал резко сокращаться: «Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества» (2002, в соавторстве с И. З. Сурат), «Филологические сюжеты» (2007), «Генетическая память литературы» (2012), переиздание «Сюжетов русской литературы» (2013), «Вещество существования» (2014).

В поздних книгах Бочарова стали появляться большие разделы, посвященные филологам, умершим и здравствующим, тем, кто составлял круг дорогих для него собеседников, иногда оппонентов. Л. Я. Гинзбург, А. П. Чудаков, В. Н. Топоров (с которым он ходил на футбол), А. Д. Синавский, Ю. Н. Чумаков, В. С. Непомнящий, С. С. Аверинцев, А. В. Михайлов (о котором он говорил, что ему повезло больше, чем Аверинцеву, ибо его миновало искушение славой), В. Айрапетян, А. И. Журавлева, М. М. Бахтин (одним из душеприказчиков и издателей которого он стал)... Если добавить сюда имена И. Ф. Анненского, А. Бёма, В. В. Вейдле, К. Н. Леонтьева и еще многих других заочных собеседников Бочарова, становится ясно, что все они составляют общий круг,

опять-таки общее поле мысли и жизни, единое поле русской словесности.

Сборник в честь Бочарова, вышедший к его 75-летию, называется «Литературоведение как литература» (М., 2004). «У филологии слово — общая территория с ее предметом, литературой, и в этом ее решительное отличие в системе даже гуманитарных наук», — сказал Бочаров при получении Солженицынской премии (Похвала филологии. С. 46). Его собственный стиль с годами менялся от изумительно ясной точности письма к почти разговорному интонированию, а иногда даже к вполне сознательной небрежности, которая явно была ему дорога тем, что позволяла не обводить предмет окончательным, замкнутым контуром, оставляла возможности других осмыслений, воплощений и реализаций (не случайно одна из важных для Бочарова тем — «возможный сюжет»). Разговорные интонации, кроме того, стирали еще одну межу — между литературой и тем, что Бочаров назвал «последним подлинником».

Все, кому довелось гулять с Бочаровым по Москве или Петербургу, знают, насколько единым, не размежеванным было для него физическое и метафизическое пространство. Парадная Раскольникова и квартира Пушкина были равнозначными реалиями, воплощенное в слове воспринималось не иначе, как впечатанное в «подлинник» города (по doskonaльному знанию исхоженных вдоль и поперек Москвы и Петербурга с ним мог сравниться, пожалуй, только В. Н. Топоров).

В поздних статьях Бочарова обычными стали высказывания, сделанные от имени некой едва ли не соборной общности — именно так воспринимались его слова о «нашей гуманитарной жизни», «нашей литературе», «нашем пушкиноведении»... Существенно, что сам по себе соборный пафос Бочарову был органически чужд, он никогда и ни в чем, ни в книгах, ни в бытовой жизни, не желал поступаться своей индивидуальной свободой. Но тут вспоминаются слова Владимира Соловьева о том, что «наибольшее единство целого» должно осуществляться «в наибольшей (...) свободе частных и единичных элементов — в них самих, через них и для них» (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 542). Способность вложить не насильственный, не идеологический, но неоспоримо объединяющий всех «нас» смысл в притяжательное местоимение дана только «право имеющему», и после ухода Бочарова в «нашей филологии», кажется, больше никого, обладающего таким правом, не осталось.

М. Н. Виrolайнен

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2017 ГОДУ**

№ Стр.

СТАТЬИ

Буланин Д. М. «Кормчая книга» и «Книга Кормчий» (семантика названий двух древнерусских книг). Приложение. Предсловие въ книгу сию глаголемую Кръмчий душам наставника	2	5
Бухаркин П. Е. Классическая традиция в русской литературе сквозь призму рецептивной эстетики	1	7
Виротайнен М. П. «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы	3	5
Данилевский Р. Ю. Вильгельм Гауф в русской литературе (к 215-летию со дня рождения писателя)	4	5
Иванова Т. Г. Топонимы в олонекских причитаниях	3	14
Котельников В. А. «Немецкий текст» в жизни и творчестве А. К. Толстого (к 200-летию со дня рождения поэта)	4	22

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Багно В. Е. О новой академической «Истории русской литературы» в Пушкинском Доме	1	16
---	---	----

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. С. АКСАКОВА

Анненкова Е. И. Мировосприятие К. С. Аксакова. Становление и самовыражение славянофила	1	47
Дмитриев А. П. Неопубликованное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову в контексте переписки В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу»	1	76
Котельников В. А. К. С. Аксаков: между «своим» и «чужим»	1	21
Кузьмина М. Д. Романтическое инобытие в повести К. С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг»	1	65

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Васильева М. А., Коростелев О. А. Свидетельницы истории (по материалам дневников В. Н. Буниной и Е. И. Булгаковой)	3	127
Гордеев П. Н. В поисках революционной драматургии: как бывшие императорские театры старались в 1917 году «соответствовать моменту»	3	81
Ефимов М. В. О гниении культурного тела и спасительной ампутации: Д. П. Святополк-Мирский и русская революция 1917 года	3	142
Кошценко И. В. «Революционное» Михайловское глазами В. В. Тимофеевой	3	93
Международное бюро отдела ИЗО Наркомпроса (протоколы заседаний) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Крусанова)	3	113
Под «колесом» истории: переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова 1917 года (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	3	36

- Спивак М. Л.** Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзкая фрейлина: об ошибках в «Последних днях императорской власти» и записях А. А. Блока 1917 года 3 68

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

- Захаров В. Н.** Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Стракове. . . 4 61
Кибальник С. А. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения 4 40
Тарасова Н. А. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864—1865 годов) 4 51

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА

- Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1929—1932)** (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского) 4 70

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

- Муравьева О. А. В. Э.** Вацуро: концептуальные аспекты творчества 4 120
Хохлова Н. А. Об А. Д. Алексееве (к 95-летию со дня рождения) 4 113

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

- Балакин А. Ю. А. С.** Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» 2 19
Балакин А. Ю. И. А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича (новые материалы) 4 162
Бобров А. Г., Введенский А. М. Летопись Авраамки: проблемы изучения . . . 4 126
Богомолов Н. А. Книжный Петроград 1923 года: доклад и дневниковые записи И. Н. Розанова 2 153
Бутенина Е. М. Набоковская медиация русской классики и университетско-филологическая проза США 3 242
Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») 1 133
Велижев М. Б. И. И. Дмитриев и Вольтер. О механизмах формирования «двойной идентичности» литератора в начале XIX века 3 170
Гуськов Н. А. Откуда пришел Том Вирлири? (из комментария к роману Ю. К. Олеси «Зависть») 1 182
Димитриев В. М. Герой-подросток в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и А. Жида «Фальшивомонетчики» 1 145
Ефимов М. В. Атакующий защитник: кн. Д. П. Святополк-Мирский и формалисты (1920—1929). 2 96
Зусева-Озкан В. Б. Образ девы-воительницы в творчестве М. И. Цветаевой . . . 4 212
Ильинская Т. Б., Федотова А. А. Повесть Н. С. Лескова «Заячий ремиз» в контексте прозы Н. В. Гоголя 3 213
Кочеткова Н. Д. Загадочное посвящение В. К. Третьяковского А. П. Сумарокову . 3 165
Курочкин А. В. «О, когда бы обратился он к нравственным и религиозным предметам...» Неизвестные отзывы духовных лиц о Пушкине (по материалам архива графа Хвостова) 1 126
Курочкин А. В. Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» 3 184
Кучерская М. А. Литературная стратегия Н. С. Лескова: случай «Леди Макбет Мценского уезда» 2 40
Маша Левина-Паркер (США). Отец и сын в «Москве» Андрея Белого: синтез противоположностей 2 170
Лемешкин И. В. (Чехия). Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет «на забрале» 1 107
Маликова М. Э. «Дон Жуан» Татьяны Гнедич 2 183
Николетта Марчалис (Италия). Александр, Ганнибал и Сципион: Разговор XII Лукиана Самосатского между Никола Перро д'Абланкуром и М. В. Ломоносовым 4 143

Меркулов И. В., Штыков Н. В. Дворянские предки советского писателя: В. Я. Шишков в семейном окружении	1	207
Монахов С. И. Поэтика дисгармонической неточности: цикл сатир Н. А. Некрасова «О погоде»	2	30
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год (вступительная статья и комментарии Е. Р. Обатниной; подготовка текста А. С. Урюпиной)	2	56
Обатнин Г. В. К характеристике творческого пути В. В. Бородаевского (по архивам Ф. К. Сологуба и сестер Чеботаревских)	4	194
Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1	3	222
Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2	4	166
Пономарев Е. Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям». Эмигрантское творчество И. А. Бунина в свете последних текстологических изысканий	4	228
Попова Т. Г., Чистякова М. В. (Литва). Сказания из Лествицы в древнерусском Прологе	1	95
Саррина М. Я. «Записки охотника» И. С. Тургенева в оценке А. А. Григорьева	3	196
Серегина С. А. Автограф поэмы С. А. Есенина «Пугачев» из собрания Лондонской библиотеки: текстологический аспект	1	168
Сонг Чжон Су, Ким Се Ил (Республика Корея). Литературная жизнь Андрея Платонова в Корее: текст — перевод — интерпретация	2	211
Спивак М. Л. «О, дети Солнца, как они прекрасны!»: Андрей Белый — К. Д. Бальмонт — Ф. М. Достоевский — В. В. Розанов	1	162
Успенский П. Ф., Фаликова Н. И. К. Вагинов и русский символизм: ранние опыты и «Козлиная песнь» в свете прозы Андрея Белого	2	122
Фёдоров А. В. Неизвестные стихотворения, посвященные первому покушению на императора Александра II	2	50
Фомичев С. А. Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: реальность абсурда	3	189
Шеля А. И. (Латвия). Салон С. Д. Пономаревой и истоки «русской песни» 1820-х годов	4	149
Шумило С. М. (Украина). Богослужбные тексты как литературный источник средневековой проповеди: поучения Григория Цамблака	3	158
«...Я задумал очень трудную книгу...»: Письма к В. С. Варшавскому о «Незамеченном поколении» (вступительная статья М. А. Васильевой; подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой и О. А. Коростелева)	1	216
Яковлева Н. А. «Лил билионы распевоу распесен» («Песни» Тихона Чурилина в контексте литературы 1930-х годов)	1	190

ЗАМЕТКИ

Богомолов Н. А. Литература и юриспруденция (случай 1946 года)	1	247
Лапко-Данилевский К. Ю. К биографии поэта-песельника С. М. Митрофанова	2	220
Тихомиров Б. Н. Как печатать пушкинский эпитаф к роману Ф. М. Достоевского «Бесы»?	1	245
Шмарakov Р. Л. «Скупой рыцарь» и фессалийские ведьмы	1	242

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Березкина С. В. Жанр «летописания» в науке о Пушкине (Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. 1826—1837 / Сост. Г. И. Долдобанов; науч. ред. А. А. Макаров. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. Т. 1. Кн. 1: 1826—1828 (сер. «Пушкин в XX в.»; вып. VII); 2001. Т. 1. Кн. 2: 1829—1830 (сер. «Пушкин в XX в.»; вып. VIII); 2001. Т. 2. Кн. 1: 1831—1832 (сер. «Пушкин в XX в.»; вып. IX); 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833—1834 / Сост. Г. И. Долдобанов; науч. ред. А. А. Макаров, И. С. Сидоров (сер. «Пушкин в XX в.»; вып. X); М., 2016. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сент. 1836 / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров; науч. ред. И. С. Сидоров (сер. «Пушкин в XX в.»; вып. XI))	4	245
Буланн Д. М. Липевые апокалипсисы в Библиотеке Российской Академии наук (Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. М.; СПб.: Альянс-Архео,		

2016. Т. 10. Вып. 2: Подковырова В. Г. Лицевые Апокалипсисы второй половины XVII — начала XX века. 670 с.) 4 239
- Головин В. В.** Антология русской поэзии для детей (Путилова Е. О. Четыре века русской поэзии детям: В 3 т. СПб.: Лики России, 2013. Т. 1: 784 с.; Т. 2: 720 с.; Т. 3: 672 с.) 3 260
- Данилевский Р. Ю.** Каталог русской окказиональной поэзии (Katalog der Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich, 1709—1819 / Hrsg. von Britta Holz und Ulrike Jekutsch. Каталог поэзии по случаю в Российском государстве, 1709—1819 / Сост. Бритта Хольц и Ульрике Екуч. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. 307 S.) 2 223
- Данилевский Р. Ю.** Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони в немецком переводе (Gončarov Ivan A. Briefe an Anatolij F. Koni und andere Materialien / Ausgewählt, übersetzt und kommentiert von Vera Bischtzky. Mit einem Geleitwort von Peter Thiergen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verlag, 2016. 268 S. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Bd 29.)) 3 263
- Данилевский Р. Ю.** Поэзия С. А. Есенина в Германии (монография-обзор) (Хило Е. С., Никонорова Н. Е. Восприятие поэзии С. А. Есенина в Германии (1920—2010-е гг.): переводы, издания, критика, литературоведение. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2015. 229 с.) 1 250
- Демидова О. Р.** «Варшавский россиянин»: из истории русской эмиграции в Польше (Mitzner P. 1) Warszawski «Domek w Kołomnie». Rekonstrukcja. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. 235 l. (Biblioteka «WIEŹI». Т. 297); 2) Warszawski krąg Dymitra Filosofova. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2015. 253 l. (Biblioteka «WIEŹI». Т. 313)) 2 231
- Карбасова Т. Б.** Новое издание Жития Сергия Радонежского (Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подг. текста, перевод, комм., исследование А. В. Духаньиной. М.; Брюссель, 2015. 640 с. (Patrologia Slavica. Вып. 3)) 3 254
- Котельников В. А.** Переписка А. К. Толстого и Б. М. Маркевича на французском языке (Correspondance en français entre Alexis Konstantinowitch Tolstoï et Boleslav Markévitch (1858—1875): Controverses littéraires et politiques / Correspondance inédite, présentée et annotée par Michel Niqueux. Lyon: Centre d'études slaves André Lirondelle, 2015. 369 p. (Specimina Slavica Lugdunensia. Vol. VI)) 2 226
- Крусанов А. В.** «Муза» Маяковского как объект научного изучения (Валюженич А. В. Феномен Лили Брик. Биобиблиографический роман. М.; Екатеринбург: Издательство «Кабинетный ученый», 2016. 251 с.) 4 248
- Кукушкина Е. Д.** Счастливая судьба «Несчастливого Никанора» (Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***** / Изд. подг. Т. Е. Автухович. СПб.: Наука, 2016. 334 с. (сер. «Литературные памятники»)) 1 248
- Осовский О. Е.** Большое время идей: мышление М. М. Бахтина сквозь призму современности (Махлин В. Л. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 175 s. (Opuscula Slavica Sedlensia; t. 8)) 1 252
- Осовский О. Е.** «У меня еще остались родственники и однофамильцы в России, потому я настаиваю на псевдониме»: вымышленные имена русской эмиграции «первой волны» (Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.) 4 250
- Полубояринова Л. Н.** «Певец самоуважения человека в расколдованном мире»: новая книга Х.-Ю. Геригка о Тургеневе (Gerigk H.-J. Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute. Heidelberg: Universitätsverlag «Winter», 2015. 287 S.) 2 224
- Силина А. С.** Переиздание примечаний Н. С. Тихонравова к малоизвестным пьесам XVIII века (Тихонравов Н. С. Примечания ко второму тому «Русских драматических произведений 1672—1725 годов»: Репр. изд. / Науч. ред. Л. М. Старикова. М.: ЦИТМ им. А. А. Бахрушина, 2016. 344 с.) 3 259
- Титаренко С. Д.** Перечитывая классику: Александр Блок на перекрестке культур (Дьёндьёши М. Стих — цикл — поэтика: Блок. Рильке. Пастернак. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2016. 243 S. (сер. «Русская культура в Европе» / Ed. by Fedor V. Poljakov. Vol. 12)). 2 229

ХРОНИКА

Виноградова Е. В. XIX Научные чтения Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН	2	234
Галашева Т. Н. Пятое Лихачевские чтения	4	252
Галашева Т. Н. Четвертый агиографический семинар	1	254
Галашева Т. Н. Пятый агиографический семинар	3	274
Денисенко С. В. Третья Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все истины мира: Разум в литературе и искусстве»	1	262
Денисенко С. В. Четвертая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все секреты мира: тайны в литературе и искусстве»	4	260
Карпов А. А., Овчарская О. В., Степанов А. Д. Международный научный семинар «Интертекстуальный анализ: принципы и границы»	1	258
Конусова Е. Д. XL Малышевские чтения	1	267
Линдберг О. А. Научный семинар «Революция 1917 года и литература»	3	276
Обатнина Е. Р. Международная научная конференция «Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт»	3	269
Панченко Ф. В. Международная научная конференция «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания»	4	264
Соловьев А. Ю. Международная научная конференция «Карамзин — писатель. К 250-летию со дня рождения»	2	242
Степина М. Ю. Пятое Панаевские чтения	2	236
Филиппова Е. М. Международная научная конференция «Чины и музы (писатели на государственной службе)»	3	265
Филичева В. В. XVIII Алексеевские чтения	2	240
Памяти Александра Александровича Горелова	1	271
Памяти Нины Серафимовны Никитиной	1	272
Памяти Сергея Георгиевича Бочарова	4	272

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Издатель: Санкт-Петербургский филиал ФГУП
«Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru; www.naukaspb.com

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01; rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректор *А. И. Строева*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 10.11.17. Дата выхода в свет 26.12.17.
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.8
Уч.-изд. л. 28.2. Тираж 330 экз.
Тип. зак. № 1819. Цена свободная

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
с готового оригинал-макета
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6